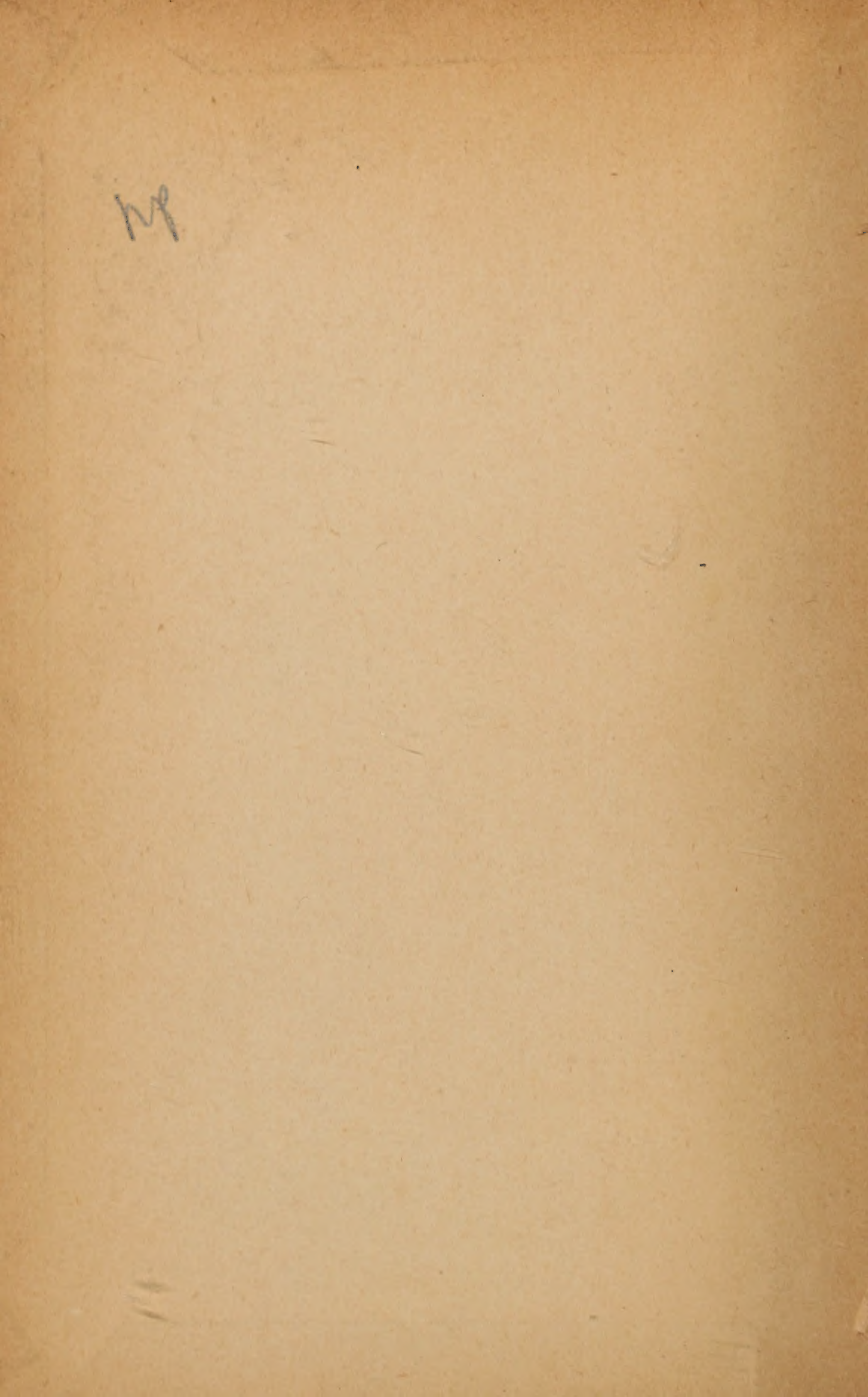
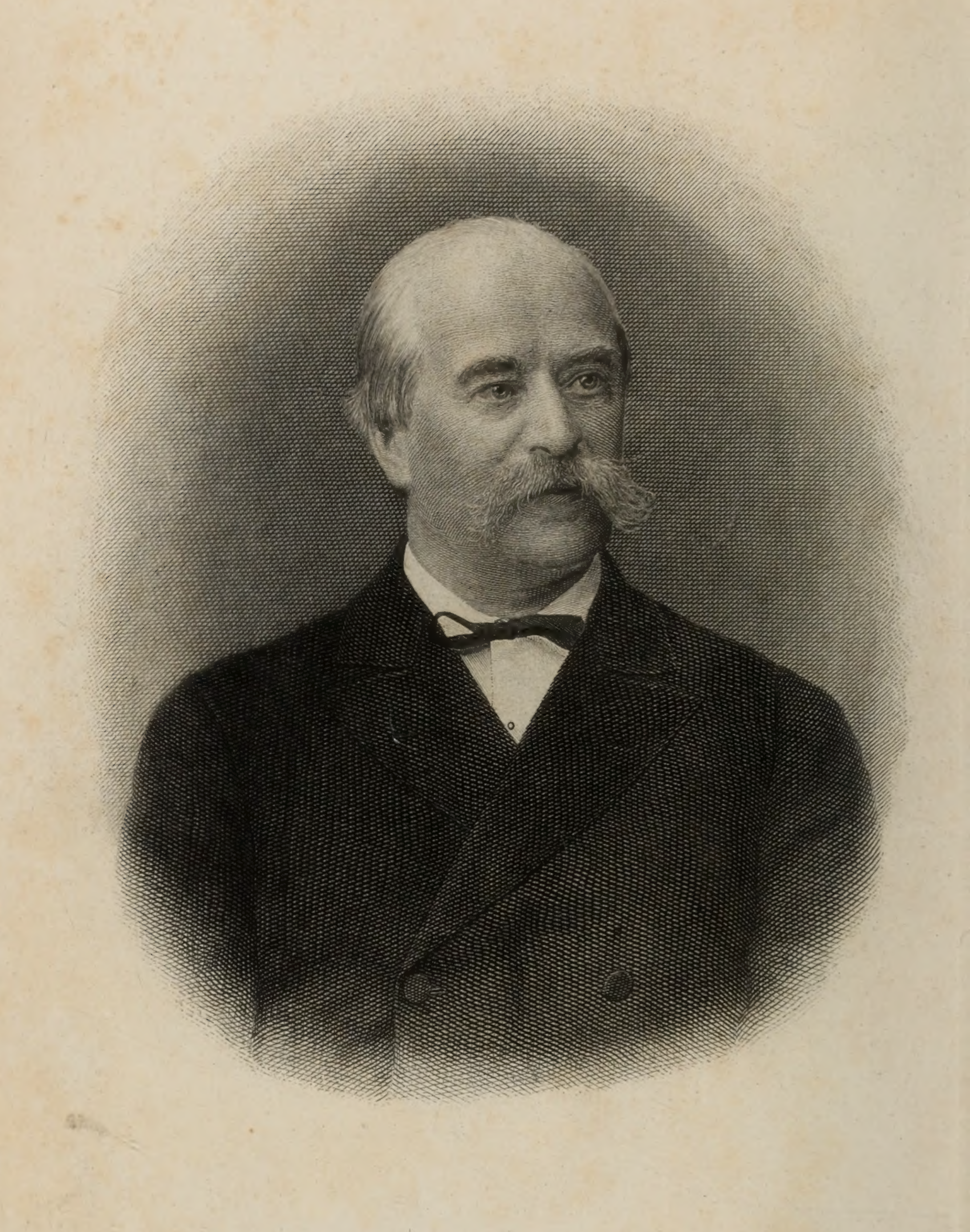

3 1761 08821250 1

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sochineniia1v2dani

Г. Данилевскій

Danilevsky, Grigory Petrovich
ш

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniya

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

t. 1-2

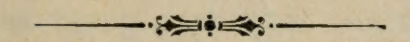
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Izd. 2

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайлов. просп., 29.

LR
D1867.2

644875
1.31.56

Г. П. Данилевскій.

Біографическій очеркъ *).

«Былъ, сказываютъ, тихій весенній вечеръ. По сю сторону Донца, на крутизнѣ, показался верхомъ на заморенномъ конѣ чубатый гетманецъ. Ѣхалъ онъ-атъ горемычный безъ дороги, пустыньками да озерками, и какъ нѣкая тѣнь вечерняя появился, дѣтушки, изъ-за косогора, съ пищалью да съ котомкою за плечами, голодный, захудалый, обношенный и уже изъ себя не молодъ. Спасался онъ отъ вражьяго погрома. Миновалъ одно лѣсное затишье, другое. Слѣзъ съ коня, напоилъ его въ ключѣ, самъ перекрестился, напился, поднялся опять на пригорокъ, окинулъ глазомъ Божью, тихую да уютную пустыню, и сердце у него замерло... Упалъ казакъ на колѣни на траву и сказалъ: «быть тутъ поселку! И лучше мнѣ осѣсть у тебя, мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ да съ волчицей, чѣмъ пропадать, какъ псу, отъ польскихъ кнутовъ!»—Такъ разсказывала прабабушка нашего писателя, Анна Петровна Данилевская, своимъ любознательнымъ внучатамъ въ длинные осенніе и зимніе вечера

---

*) Въ основу настоящаго очерка легли нѣкоторые изъ неизданныхъ матерьяловъ для біографіи покойнаго писателя, хранящіеся у его наслѣдниковъ. Таковы, во-первыхъ, «Записки», въ которыхъ собраны любопытныя свѣдѣнія и документы о «Слободско-Украинскихъ дворянахъ Данилевскихъ», а во-вторыхъ—«Письма Г. П. Данилевскаго къ его матери съ дѣтства» (1837—1853). Помимо неизданныхъ, приняты во вниманіе всѣ печатные матеріалы.

предъ угасавшей печкой о родоначальникѣ украинской фамиліи дворянъ Данилевскихъ, выходцѣ изъ Подоліи, казакѣ Данилѣ Даниловичѣ, имя котораго въ письменныхъ актахъ изюмскаго и зміевскаго уѣздовъ, харьковской губ., впервые упоминается въ 1698 году, въ званіи сотника слободы Андреевки, на Донцѣ. Этотъ поэтическій отрывокъ взятъ изъ разсказа подъ заглавіемъ: «Прабабушка»,—разсказа, являющагося первымъ въ ряду четырехъ талантливыхъ очерковъ, посвященныхъ покойнымъ романистомъ его «Семейной старинѣ». Подъ настоящими именами, онъ изобразилъ въ этихъ замѣчательныхъ по живости, колоритности и задушевности разсказахъ,—три послѣдніе изъ которыхъ носятъ названія: «Тѣнь прадѣда», «Дѣдовъ лѣсъ» и «Бабушкинъ рай»,—цѣлую галерею художественныхъ и типичныхъ портретовъ своихъ предковъ, начиная отъ прадѣда и кончая отцомъ. Прадѣдъ, кромѣ того, эпизодически обрисованъ и въ романѣ «Мировичъ». Такимъ образомъ, біографу остается только воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ покойнымъ писателемъ.

Основавъ въ степи поселокъ, казакъ Даніилъ Данилевскій перевелъ сюда изъ-за Днѣпра свое семейство, вырылъ землянку, срубилъ курень и сталъ звать своихъ товарищей, которые откликнулись на зовъ предпріимчиваго вожака: «на Донецъ, на Донецъ! на волюшку!»—Вокругъ перваго куреня поднялись другіе курени первыхъ осадчихъ, или населителей Слободской Украйны, въ числѣ которыхъ находились Донцы-Захаржевскіе, Квитки, Шидловскіе, Милорадовичи, Савичи, Ковалевскіе. Данилу его товарищи-переселенцы выбрали сотникомъ. Съ теченіемъ времени изъ куреней въ лѣсу возникла довольно значительная слободка, Великое Село, съ окопомъ, бойницами, мельницею и съ маленькою деревянною церковью. Невдалекѣ отъ крѣпостцы Данило сталъ заводить хуторъ, что̀ въ настоящее время село Пришибъ, родовое имѣніе Данилевскихъ, расположенное на лѣвомъ берегу рѣчки Крайней Балаклейки, впадающей въ Донецъ, въ зміевскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи. Офиціально названіе «Пришибъ» упоминается уже въ царской грамотѣ 1685 г.

Но только-что успѣла сотня Даніила Данилевскаго обстроиться и стала уже богатѣть всякимъ добромъ, какъ нагрянули на Донецъ татары. Незадолго передъ тѣмъ Данило

отправилъ жену съ дѣтьми въ повозкѣ на богомолье въ Хорошевъ монастырь, и не боялся за нихъ. Онъ боялся за сотенную казну, которая хранилась у него въ боченкѣ, въ подвалѣ. «Выстроилъ онъ сотню изъ ружьевъ, заперъ ворота частокола, разставилъ часовыхъ, велѣлъ съ окопа пушкарямъ палить по броду, сдалъ на время команду другому; самъ, какъ стемнѣло, сбросилъ свиту, взвалилъ боченокъ съ дукатами и талерами на плечи, да тайкомъ и отнесъ его въ камыши, въ родниковый колодезь, невдалекѣ отъ сотеннаго пчельника». Такимъ образомъ, казна была спасена. Татары разбили крѣпостцу, сожгли половину куреней, угнали стада и самого сотника пытали, гдѣ казна, и чуть не замучили до смерти. На арканѣ увели татары Данилу въ плѣнъ въ Крымъ, а потомъ на Кубань. Года четыре томился въ неволѣ Данило, и только случайно, подкопавши тайникъ, удалось ему на хозяйскомъ жеребцѣ бѣжать изъ плѣна, вернуться къ своимъ на Донецъ и зажить еще лучше прежняго. Основатель Пришиба не могъ не обратить на себя Царскаго вниманія,—слишкомъ очевидны были его заслуги по заселенію края; и дѣйствительно, 20 января 1698 года онъ получилъ жалованную вотчинную грамоту «за вѣрную службу и за полонное терпѣніе» на купленные имъ грунты, мельницы и пахатную землю со всѣми угодьями. Во время проѣзда изъ Азова къ Полтавѣ, въ 1709 году, передъ знаменитой полтавской битвой съ Карломъ XII, Петръ Великій со свитой остановился въ Пришибѣ, обѣдалъ у сотника Данилевскаго, крестилъ его новорожденнаго внука, причемъ самъ въ Пришибской церкви ставилъ свѣчи и подтягивалъ хмельному попу каноны, катался по озеру, посадилъ передъ домомъ хуторской усадьбы сотника жолудь, изъ котораго выросъ громадный дубъ, и понынѣ существующій въ саду Пришибскаго помѣстья, а передъ отъѣздомъ подарилъ для Пришибской церкви два колокола, которые, какъ гласитъ преданіе, самъ и поднялъ на колокольню. Царь посѣтилъ сотника Данилу 1-го іюня. «Наканунѣ,—какъ разсказывала прабабушка,—отъ сосѣдней слободки Балаклеи, показалось войско и, не доходя Пришиба, стало лагеремъ. А на вечерней зарѣ закурилась съ той стороны пыль, показались скачущіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, рейтары, потомъ одинъ экипажъ, другой и третій, и все размалеванные четверками рыдваны да берлины. Это была царская свита. А впереди,

на парѣ ямскихъ, въ пыли, такъ что его и трудно было разсмотрѣть, показался какъ есть, въ простой некрасивой повозкѣ, самъ царь и съ нимъ рядомъ изюмскій полковникъ, женатый на дочери сотника, Варварѣ Даниловнѣ, Михайло Константиновичъ Донецъ-Захаржевскій. Царь у него рано пообѣдалъ въ Изюмѣ и сказалъ: «Въ Пришибѣ остановись; сдѣлаю муштру тамошней сотнѣ, да зайду на пироги къ старику-сотнику поблагодарить его за вѣрную службу, за постановку поселка и фортеціи и за его полонное терпѣнье». Послѣ полтавской битвы, государь прислалъ Данилевскому изъ Батурина пару шлёнскихъ овецъ на заводъ, а изъ Петербурга—крѣпостную грамоту на владѣніе десятью тысячами десятинъ изъ числа сотенной земли, не только съ казачьими дворами, но и съ самими казаками. За три года до смерти, Данило Данилевскій, по ложному доносу, былъ арестованъ и увезенъ «въ на-вечеріи Рождества Христова» въ Петербургъ, въ розыскную канцелярію князя Юсупова, гдѣ и умеръ (въ 1719 году), 77 лѣтъ отъ роду, въ званіи судьи изюмскаго слободскаго полка, оправданный, впрочемъ, за нѣсколько недѣль передъ смертью. Ложно обвиненный въ мнимой измѣнѣ, онъ едва не лишился всего своего громаднаго состоянія. Сохранилось любопытное завѣщаніе Данилы Данилевскаго, писанное передъ глазами присланнаго за нимъ грознаго «юсуповскаго посла» и обращенное къ полковнику Михайлѣ Донецъ-Захаржевскому, который приходился зятемъ завѣщателю, такъ какъ былъ женатъ на его дочери Варварѣ Даниловнѣ Данилевской. Больше всего въ завѣщаніи изъ недвижимости отказано Евстафію, старшему сыну отъ третьяго брака: «Что есть же на Балаклейкахъ и въ Курбатовѣ,—говорилось въ духовномъ завѣщаніи, замѣчательномъ въ особенности взглядомъ на науку Данилы Данилевскаго,—також балаклейскими млинами, что надлежитъ Евстафію, по смерти моей, женѣ Аннѣ да мельница купенская и левковская — два кола (колеса) Аннѣ; а въ возвратъ Евстафію купенская и левковская мельницы до смерти особо владѣть ей. А по смерти жены моей та купенская мельница внукови моему Михайлови Захаржевскому (сыну того полковника, кому писалось завѣщаніе): а левковскіе кола два Ташкѣ внуци (внукѣ Татьянѣ Захаржевской). Зміевскій грунтъ, если суденъ (разсудителенъ) будетъ Максимъ, сильно есть ему: еслижъ такъ, какъ

нынѣ не вчится (не учится), то только едну мельницу ему, которая отъ Лиману; такожъ тогда и ольшанскій грунтъ, что есть нашева и что въ городѣ заводовъ нашихъ; а мельница полковникови Зміевская. Печенѣжскій грунтъ Иванови, со всѣмъ бидломъ (скотомъ), и оба Бурлучки (два огромныхъ имѣнія, Великій и Малый Бурлукъ, принадлежавшіе въ 1716 году Данилѣ Данилевскому, послѣ частью перешли въ руки гг. Задонскихъ). Грицькови мужикови простому валянцѣ (пьяницѣ) тысяча рублей, что въ ярми бывшаго ралечнаго (въ долгу у бывшаго казначея). А что остался Прокопъ триста рублей виноватъ зъ давнихъ долговъ, тими церковную работу въ Андреевцѣ сдѣлать. А что есть гдѣ долговъ въ записной книгѣ, и то доправивши чинить по разсмотрѣнію. Дѣтямъ моимъ сынамъ зъ гроши ничто не дать. За нихъ много грошей страчено, а иные и сами не стоятъ, за то, что не вчились (не учились). Нехай нынѣ за то страждутъ, въ юности не хотяще труждатися. А когда пожените, то въ томъ по своему разсмотрѣнію зробите, кому что дасте, памятуючи на смерть».

Дальнѣйшіе предки нашего талантливаго беллетриста не столь замѣчательны, какъ его прапрадѣдъ, хотя и между нимм были личности выдающіяся. Такъ, сынъ Данилы Данилевскаго, Евстафій, родившійся въ 1690 г., служилъ съ 1736 по 1743 годъ полковникомъ изюмскаго слободскаго казацкаго полка и ходилъ съ Минихомъ въ Крымъ; владѣя крестьянами, онъ получилъ дворянство, повелъ отъ царскихъ овецъ огромныя стада, а по ревизіи за нимъ записали навѣки всѣхъ жильцовъ его придонскихъ степей. Вообще какъ разсказывала Анна Петровна Данилевская, онъ «жилъ припѣваючи, на всю губу; шелковый красный кафтанъ сталъ носить и парикъ съ буклями». Онъ женатъ былъ на побочной дочери князя Никиты Юрьевича Трубецкого, Марьѣ Алексѣевнѣ, имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остался только одинъ первый сынъ Яковъ, крестникъ Петра Великаго. Исторія женитьбы его весьма любопытна. Во время плѣна отца, Евстафій былъ взятъ царемъ Петромъ въ Петербургъ и помѣщенъ здѣсь «въ добрую науку къ нѣкоему ученому прецептору». «Былъ тогда въ Питерѣ, возлѣ самаго царя Петра Алексѣевича, ближнимъ ко двору, князь Юрій Трубецкой, а у этого князя Юрья была на сторонѣ фаворитка изъ нѣмокъ, и отъ этой фаво-

ритки дочка Марьюшка, молоденькая, тихая и изъ себя красавица... Вышелъ-атъ Евстафій Даниловичъ изъ школы отъ прецептора молодецъ-молодцомъ, румянъ да пригожъ, рослый и чернобровый, хотя стыдливъ и робокъ. Сталъ сержантомъ гвардіи, на царскомъ жалованьи, и нерѣдко попадалъ на караулы къ самимъ царскимъ, не то что къ окольнымъ дворскимъ хоромамъ. Тутъ онъ и узналъ въ тайномъ спрятѣ, княжью Марьюшку и полюбилъ ее пуще свѣту; полюбила Евстафья и Марьюшка. Видѣлись они урывками на вечеринкахъ; танцовали вмѣстѣ менуэтъ, видѣлись наединѣ въ екатерингофскихъ да василеостровскихъ садахъ и рощахъ. Долго ли, нѣтъ ли, любились Евстафій да Марья, только наконецъ и скажи матка князю Юрью: что такъ молъ и такъ — нѣкто сотничій сынъ, изъ изюмской слободской провинціи, государевъ сержантъ Евстафій Даниловичъ, сватается за ихъ дочку Марьюшку... Осерчалъ гордый князь Юрій, выразился дурно не только о Евстафіи, но и о его родителѣ: обозвалъ обоихъ хохлацкимъ мужичьемъ и дегтярниками и запретилъ даже пускать его къ порогу своихъ хоромъ, грозя отодрать его батогами, коли узритъ по близости Марьи... Евстафій съ горя отчалилъ, вышелъ въ отставку и пропалъ у всѣхъ изъ виду. А Марьюшка чахла... Пошла она съ каммермедхеной своей на рѣку Волынку на дачѣ купаться, лѣто было жаркое, и вся царская женская свита въ тѣ поры въ Екатерингофѣ наперерывъ въ водѣ бултыхалась. Только матка Марьюшки ждать-пождать, нѣту дочки и каммермедхены. Послали ихъ искать, но слуги на берегу рѣки нашли только зеленое голландское шелковое платьице Марьи, шитыя золотомъ бархатныя туфельки, сорочку да платочекъ, да смерды обноски этой недогляды-каммермедхены. Значитъ, обѣ дѣвки порѣшили жизнь кончить и пошли на дно какъ камешки». На самомъ дѣлѣ онѣ были живы и здоровы. На другомъ берегу, въ камышахъ, ждала Марьюшку подговоренная и нѣкая надежная бабка-голландка, съ другимъ бѣльемъ и платьемъ. «Марьюшка и служанка выплыли, вновь одѣлись; а тутъ же по близости, въ рощѣ, стоялъ и самъ суженый, съ повозкой и съ добрыми конями; посадилъ ненаглядную Марьюшку съ собою, да и умчалъ ее къ отцу въ украинскіе придонецкіе лѣса. Здѣсь они повѣнчались, да съ тѣхъ поръ тутъ и проживали у его родителевъ». Князь Юрій Трубецкой съ фавориткой долго горевали, пла-

кали и служили панихиды. Только случайно все дѣло объяснилось во время посѣщенія Пришиба Петромъ Великимъ передъ полтавской битвой 1-го іюня. Вмѣстѣ съ царемъ былъ тогда и князь Юрій Трубецкой. Встрѣча отца съ дочерью, тогда уже готовившейся быть матерью, трогательно описана въ разсказѣ «Прабабушка». Князь простилъ и благословилъ дочь, которая отъ нервнаго потрясенія, нѣсколько ранѣе срока, разрѣшилась сыномъ Яковомъ, крестникомъ государевымъ.

Яковъ Евстафьевичъ, «мужчина уважительный и средостепенный, строгаго нрава, хозяинъ и подданнымъ своимъ не потатчикъ», масонъ изъ извѣстной ложи Елагина, землякъ и однокашникъ по кадетскому корпусу извѣстнаго Мировича, служилъ недолго и умеръ въ 1786 году, 47 лѣтъ, поручикомъ псковскаго пѣхотнаго полка. Въ романѣ «Мировичъ» о дружескихъ отношеніяхъ Якова Евстафьевича къ герою шлиссельбургской драмы упоминается въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ главѣ же XXVIII («Кумова пасѣка») разсказывается о посѣщеніи осенью 1763 года Пришиба Мировичемъ незадолго до казни послѣдняго *). «По пути (въ Петербургъ),—повѣствуется въ романѣ,—Мировичъ заѣхалъ къ школьному товарищу, Якову Евстафьевичу, въ село Пришибъ, изюмскаго уѣзда, но былъ тамъ недолго. Пріятель-украинецъ и его молодая жена были изумлены разсѣянностью и мрачною молчаливостью гостя, который болѣе бродилъ въ полѣ и по сугробамъ въ лѣсу, на Донцѣ, чѣмъ сидѣлъ въ тепломъ новомъ домѣ знакомцевъ, слушая ихъ мирныя рѣчи о мирныхъ домашнихъ дѣлахъ. Яковъ Евстафьевичъ собирался, въ будущую осень, по какой-то тяжбѣ, въ сѣверную столицу. Они условились повидаться». Дѣйствительно, осенью 1764 года Яковъ Евстафьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но видѣться съ Мировичемъ ему уже не было суждено: 15-го сентября Якову Евстафьевичу пришлось видѣть, какъ казнили на эшафотѣ его несчастнаго школьнаго товарища.

Воспитывался Яковъ Евстафьевичъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ офицеры въ

---

*) Мировичъ пріѣзжалъ на родину, въ переяславскій уѣздъ, искать судомъ село Липовый Кустъ, бывшее когда-то за его предками, но потерпѣлъ неудачу, не имѣя никакихъ документовъ.

1762 г. въ заграничную армію, въ Финляндію. Женившись на фрейлинѣ императрицы Екатерины II, Аннѣ Петровнѣ Плотниковой, дочери фридрихсгамскаго полковника, онъ уѣхалъ съ молодой женой на югъ, въ свои помѣстья, гдѣ и скончался, сильно разстроивъ свое состояніе въ спорѣ съ архимандритомъ Хорошева монастыря, оттягавшимъ, еще во время малолѣтства Якова Евстафьевича, лучшее изъ его имѣній Ольшанку. «Вѣчно озабоченный хозяйствомъ своихъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафьевичъ, хотя безпрестанно ѣздилъ,—по словамъ его жены (разсказъ «Прабабушка»),—то въ губернскій городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ, какъ сидѣнья дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разсказовъ Ашеньки».

Прямою противоположностью являлась жена его Анна Петровна Данилевская, властительная и важная помѣщица, къ которой нѣкогда съѣзжался на поклонъ весь уѣздъ. Она на много лѣтъ пережила своего мужа (род. въ 1746 году, а скончалась въ 1826 году, 80 лѣтъ), была строгою хозяйкою, распутывала дѣла Якова Евстафьевича, съ черешневою тростью выѣзжала въ поле, шумѣла на работниковъ, вела приходо-расходныя книги, щепила деревья, рылась въ грядахъ сада и еще незадолго до смерти, весною и лѣтомъ, чуть не каждую недѣлю, ходила пѣшкомъ версты за двѣ отъ деревенской усадьбы, въ лѣсъ. Въ очеркѣ «Прабабушка» разсказанъ характерный случай столкновенія Анны Петровны съ Аракчеевымъ, пріѣхавшимъ въ гости къ бѣдовой старушкѣ. Аракчеевъ, вводившій тогда между свободными изюмскими и чугуевскими слободскими казаками такъ-называемыя военныя поселенія, налетѣлъ въ тихій Пришибъ нежданно-негаданно со своими адъютантами и командирами поселеній,—налетѣлъ съ желаніемъ во-очію освѣдомиться, какъ одинъ человѣкъ (Иванъ Яковлевичъ) могъ засѣять болѣе пятисотъ десятинъ сосною (объ этомъ ниже сказано подробнѣе). Прабабушка, оказывая властямъ должное уваженіе, разрѣшила сыну Иванушкѣ показать и разсказать царскому фавориту все, что нужно; но не преминула перекреститься и плюнуть, увидѣвъ изъ окна опочивальни угловатую и грубую фигуру надутаго «азіата», вылѣзавшаго изъ высокой, запыленной поселенской брички,

а при случаѣ даже дала ему и почувствовать свое негодованіе и пренебреженіе.

«Обѣдъ приготовили для графа на славу; порѣзали много откормленныхъ живностей; но лакеи не первому ему подносили кушанья. А когда Аракчеевъ, сбившись въ хронологіи какого-то столичнаго придворнаго событія, о коемъ онъ повѣствовалъ предъ затянутыми до апоплексіи въ мундиры адъютантами, заспорилъ со старушкою насчетъ времени и, положивъ въ тарелку начатое стегно каплуна, спросилъ ее: «да позволь ужъ, мать-сударынька, узнать, какой же тебѣ годокъ?» — померкшіе глаза старушки сверкнули, она затрясла оборками чепца и бѣлыми какъ мѣлъ губами отвѣчала: «во-первыхъ, графъ, я тебѣ не мать и не сударынька, а статсъ-фрейлина моей покойной царицы Екатерины Алексѣевны, и ты будь къ хозяйкамъ поделикатнѣе; а во-вторыхъ, этакія ужасти! въ наше время изряднѣе нравомъ кавалеры о годахъ дамъ не спрашивали...» Сказавъ это, прабабушка встала изъ-за стола, ни на кого не смотря, кивнула головой вправо и влѣво и, подавъ руку оторопѣлому Иванушкѣ, молча и съ достоинствомъ удалилась во-свояси».

Аракчеевъ, не кончивъ обѣда, уѣхалъ въ Чугуевъ. Когда шутники-друзья разспрашивали объ этомъ грознаго временщика, онъ ворчалъ и говорилъ: «Да что, отцы мои! Какъ ей не быть предерзкой, коли самъ тамошній губернаторъ, ѣздивъ на ревизію по губерніи, засталъ, что у порога этой якобинки стоялъ на колѣняхъ, въ наказаніе за какой-то промахъ по хозяйству, ея пятидесятилѣтній сынъ, настоящій владѣлецъ имѣнія, притомъ чиномъ лейбъ-гвардіи прапорщикъ и его величества кавалеръ!»

Дѣйствительно, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, дѣдъ нашего писателя, въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ не разлучался съ родительницею. Она нянчила его, сама выучила не только грамотѣ, но верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья, подъ ея руководствомъ онъ сталъ хозяйничать, съ ея же выбора и согласія въ 1799 г. женился на Аннѣ Васильевнѣ Рославлевой, происходившей изъ семьи, которая стяжала громкую извѣстность своимъ пособничествомъ при возведеніи императрицы Екатерины II на престолъ. Получивъ домашнее воспитаніе, Иванъ Яковлевичъ, не выѣзжая изъ губерніи, числился на службѣ въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку, гдѣ получилъ чинъ прапорщика.

и въ 1796 году вышелъ въ отставку. Страстный охотникъ и любитель музыки, онъ увлекся впослѣдствіи также лѣсоразведеніемъ и посѣялъ своими средствами, на песчаныхъ берегахъ Донца, до тысячи десятинъ сосноваго лѣса, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ офиціальные, печатные источники, такъ и семейная, устная старина Данилевскихъ. По ходатайству начальника губерніи, Иванъ Яковлевичъ былъ награжденъ въ 1819 году орденомъ св. Владиміра 4-й степени, какъ сказано о томъ въ грамотѣ, «за отличные труды и усердіе, къ общей пользѣ оказанные, въ разведеніи лѣса на пустыхъ, песчаныхъ мѣстахъ». Профессоръ ботаники харьковскаго университета В. М. Черняевъ въ рѣчи своей «О разведеніи украинскихъ лѣсовъ», изданной въ 1857 году, говоритъ слѣдующее: «Покойный профессоръ ботаники, незабвенный мой наставникъ, Ф. А. Делавинь, въ 1817 году, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета, упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ случаѣ удачнаго лѣсоразведенія на сыпучихъ пескахъ. — «Я знаю, говоритъ онъ, одного помѣщика, скромность котораго заставляетъ меня умолчать о его имени. Когда я проѣзжалъ по его землямъ лѣтъ 15 тому назадъ (1802 г.), — я нашелъ песчаную равнину, десятинъ въ пятьсотъ. Но какъ я удивился, увидѣвъ недавно ту же равнину, превращенную въ прекрасный сосновый лѣсъ! Ахъ, почему такихъ людей немного! Почему имя сего мужа не достигло подножія трона?» Подтверждая слова своего учителя, профессоръ Черняевъ добавилъ: «Въ 1844 году я имѣлъ удовольствіе видѣть уже не пятьсотъ десятинъ, а болѣе тысячи, и быть въ домѣ, построенномъ дѣтьми, изъ лѣса, который за полвѣка посѣянъ ихъ отцомъ». Съ 1804 года Иванъ Яковлевичъ состоялъ, по выбору, комиссаромъ для сбора дворянскихъ пожертвованій на основаніе харьковскаго университета. Онъ умеръ 64 лѣтъ, въ 1833 году, среди посѣяннаго имъ лѣса, въ небольшомъ, всего въ три комнаты, домикѣ, когда внуку его шелъ пятый годъ. Несмотря на свои увлеченія лѣсоводствомъ, Иванъ Яковлевичъ былъ маларазсчетливымъ хозяиномъ, жилъ въ свое удовольствіе, имѣлъ собственныхъ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, а на охоту выѣзжалъ съ сотнею и болѣе гончихъ и борзыхъ собакъ. Неразсчетливость привела хозяйство Ивана Яковлевича, въ двадцатыхъ годахъ,

въ упадокъ, и случалось, что, при пяти имѣніяхъ въ десять тысячъ десятинъ земли, не хватало денегъ на покупку припасовъ для стола.

Когда Иванъ Яковлевичъ неожиданно получилъ за разведеніе лѣса монаршую милость отъ императора Александра I, онъ рѣшилъ отправить двухъ своихъ сыновей, отца и дядю нашего писателя, для воспитанія въ дворянскій полкъ, въ Петербургъ. Петру Ивановичу, отцу Григорія Петровича, было тогда шестнадцать лѣтъ. Имѣя письмо отъ отца къ графу Аракчееву, кадеты явились къ нему; онъ обѣщалъ имъ покровительство и пригласилъ навѣщать его по праздникамъ. Зная музыкальныя наклонности кадетовъ (отецъ Г. П. игралъ на флейтѣ, а дядя на віолончели), графъ Аракчеевъ снисходительно относился къ ихъ музыкальнымъ упражненіямъ и заставлялъ П. И. строить клавикорды, на которыхъ, изрѣдка, въ праздничные вечера, играла пожилая горбатая родственница грознаго временщика. Однако, жизнь въ Петербургѣ, «холодномъ, затянутомъ въ мундиры и вымуштрованномъ», не понравилась юношамъ: они затосковали по родинѣ и *черезъ годъ* уже *подали прошеніе о переводѣ* ихъ на службу на югъ. *Зачисленные юнкерами въ ольвіопольскій уланскій полкъ*, они уѣхали къ мѣсту назначенія въ *уманское военное поселеніе*. Въ 1821 году юноши были произведены въ корнеты. Такъ повѣствуется о нихъ въ разсказѣ «Дѣдовъ лѣсъ». Въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ о дворянскомъ институтѣ нашъ писатель разсказываетъ о своемъ отцѣ нѣсколько иначе.

«Проходя ученіе въ Петербургѣ, въ дворянскомъ полку, онъ, какъ потомъ самъ любилъ разсказывать, по праздникамъ навѣщалъ знакомаго своему родителю, по Гущеву, грознаго временщика Аракчеева, который, освѣдомясь о музыкальныхъ способностяхъ своего гостя *(отецъ игралъ на фортепіано и скрипкѣ)*, заставлялъ его въ такія посѣщенія строить свои клавикорды, но не помогъ ему, *по окончаніи курса*, пристроиться, согласно его желанію, въ Петербургѣ, а, напротивъ, настоялъ на переводѣ его въ глушь *херсонскаго военнаго поселенія, въ бугскіе уланы*. Отецъ не вынесъ этой службы», и пр. Два вышеприведенные разсказа согласить довольно трудно; также трудно сказать, въ которомъ изъ нихъ больше правды и гдѣ

истина. Такъ или иначе, Петръ Ивановичъ служилъ въ военной службѣ недолго. Выйдя въ отставку поручикомъ, онъ женился на Екатеринѣ Григорьевнѣ Купчиновой (род. въ 1810 году) и нѣкоторое время служилъ, по выборамъ харьковскаго дворянства, депутатомъ при пріемкѣ слободско-украинскихъ крестьянъ и земель въ военное поселеніе, а также засѣдателемъ харьковской уголовной палаты. Но крайне разстроенное долгами наслѣдственное имѣніе заставило Петра Ивановича оставить и эту службу. Поселясь въ деревнѣ, онъ до конца жизни занимался хозяйствомъ, всячески стараясь спасти едва не проданное съ молотка имѣніе. «Онъ вспоминается мнѣ не иначе,—говоритъ нашъ писатель: — какъ съ постоянно озабоченнымъ, усталымъ, смугло-красивымъ лицомъ. Съ весны и до глубокой осени онъ буквально не покидалъ верхового коня и бѣговыхъ дрожекъ, уѣзжая въ поля съ разсвѣтомъ и возвращаясь домой только къ вечеру. Въ ожиданіи поздняго обѣда, онъ, наскоро умывшись, бралъ иногда въ руки скрипку. И я помню въ подобныя минуты его статную, черноволосую, плечистую фигуру, въ одномъ жилетѣ поверхъ рубахи, безъ сюртука, съ сильно загорѣвшимъ отъ солнца и вѣтра лицомъ, прижатымъ къ скрипкѣ, и съ темно-карими глазами, задумчиво устремленными въ садъ, пока его смычокъ выводилъ по струнамъ какую-либо грустную и, какъ онъ самъ выражался, робко-мечтательную мелодію!»

Человѣкъ добраго, мягкаго, робко-застѣнчиваго нрава, Петръ Ивановичъ не имѣлъ особеннаго вліянія на воспитаніе своего сына, будущаго писателя. Онъ любилъ простую, трудовую жизнь, хозяйство и уединеніе, рѣдко выѣзжалъ и мало читалъ, лишь по временамъ заглядывая въ крошечные листы тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Онъ умеръ отъ воспаленія печени, 37 лѣтъ, когда сыну шелъ всего десятый годъ.

Мать нашего писателя, Екатерина Григорьевна, вышедшая во второй разъ замужъ за М. М. Иванчина-Писарева, умершаго въ чинѣ генералъ-маіора, являлась совершенною противоположностью своему первому мужу, отцу нашего писателя. Одаренная незауряднымъ умомъ и подвижнымъ, впечатлительнымъ характеромъ, прекрасная музыкантша и хорошо знакомая съ русскою и французскою литературами, любившая общество, балы и выѣзды, она, по словамъ Г. П.,

«всюду вносила особый, свойственный ея даровитой природѣ, отпечатокъ радушной свѣтской общительности и тонкаго, недюжиннаго ума». Круглая сирота, она получила воспитаніе подъ опекою своего дяди, въ харьковскомъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ, по преданію, была одною изъ лучшихъ ученицъ извѣстнаго піаниста и композитора Борсицкаго. «Въ моихъ ушахъ донынѣ,—писалъ Г. П. въ 1890 г.:—раздаются звуки тѣхъ пьесъ, которыя она въ совершенствѣ исполняла на приданомъ своемъ роялѣ въ длинные, зимніе, деревенскіе вечера, какъ, напримѣръ, отрывки изъ «Фенеллы» и «Цамиы», аріи Беллини и концертныя пьесы Калькбреннера и Листа». Страстно любя литературу, она съ тридцатыхъ годовъ выписывала лучшіе русскіе литературные журналы, давшіе первую умственную пищу ея старшему сыну, будущему извѣстному писателю (второй ея сынъ отъ перваго брака, Петръ, имѣлъ большія способности къ живописи, былъ товарищемъ по воспитанію извѣстнаго живописца Семирадскаго, но скончался въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1862 году). Несомнѣнное и большое вліяніе матери на Г. П. подтверждается обширной перепиской, веденной съ сыномъ въ теченіе почти сорока лѣтъ; несомнѣнно, что горячая любовь матери къ сыну, платившему ей полною откровенностью, не угасала до конца дней ея; несомнѣнно, что сердечная привязанность сына съ годами еще болѣе окрѣпла, и гдѣ бы Г. П. ни находился, онъ чуть не еженедѣльно писалъ своей матери.

Какъ любилъ и уважалъ нашъ покойный писатель свою мать, можно видѣть, напримѣръ, хотя бы изъ письма отъ 15-го февраля 1847 года. Письмо это замѣчательно и обширно: оно занимаетъ восемь большихъ страницъ: въ немъ восемнадцатилѣтній юноша-студентъ. подъ вліяніемъ какого-то покаяннаго порыва, искренно и горячо исповѣдуется передъ матерью, разсказываетъ о своихъ задушевныхъ мечтахъ и помыслахъ, строитъ планы на будущее, которыми оправдываетъ свое желаніе учиться въ университетѣ, что̀ для родителей, въ денежномъ отношеніи, было подчасъ тяжело. Онъ вспоминаетъ, между прочимъ, о своемъ дѣтствѣ и говоритъ: «Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, *я любилъ Мамашу каждый часъ, каждую минуту* *); если

*) Курсивъ подлинника.

бы этого не было, я бы не былъ тѣмъ, чѣмъ я теперь. Смерть папаши меня не такъ поразила въ первый мигъ, но впослѣдствіи я, даже часто втихомолку, плакалъ, и среди игръ задумывался о будущей судьбѣ насъ сиротъ; я горько жалѣлъ объ ангелѣ покойномъ папашѣ. Слушайте и вѣрьте — я видѣлъ и понималъ подлыя интриги Ивана Ив. Старшаго и другихъ нѣкоторыхъ, кромѣ его жены и Вас. Ив. дяденьки: я ихъ понималъ — да, я ихъ понималъ, и клянусь — я понималъ всею душою положеніе одинокой ангельской Maman, съ нами глупыми — когда она, сидя съ Вѣрой Яковлевной *) въ спальнѣ, при мнѣ часто плакала... Я грызъ пальцы, проклиная злодѣевъ... Да, безцѣнный ангелъ Мама, вы вѣроятно помните еще тѣ сны, когда я вскакивалъ и кричалъ, и рвался къ вамъ, и цѣловалъ васъ — мнѣ снились они, что будто убить они меня хотѣли». Сообщая матери, въ продолженіе многихъ лѣтъ, о всѣхъ своихъ литературныхъ планахъ и работахъ, объ успѣхахъ и неудачахъ, Г. П. несомнѣнно высоко цѣнилъ ея художественный вкусъ и литературное образованіе. Разсказывая, напримѣръ, въ письмѣ отъ 31-го января 1854 года объ успѣхѣ «Слобожанъ» — своего перваго сборника беллетристическихъ произведеній, о неотступныхъ требованіяхъ петербургскихъ и московскихъ книгопродавцевъ выпустить новое изданіе, молодой писатель проситъ свою мать «перечесть снова всю книгу съ карандашомъ, вычеркнуть цѣлыя мѣста и главы, указать, какъ измѣнить фразы и дѣйствіе разсказовъ,—все, что не понравится».

Екатерина Григорьевна скончалась въ 1875 году, 65-ти лѣтъ отъ роду, до самой смерти сохранивъ бодрость духа, симпатичный живой нравъ и превосходную память. По неотступной просьбѣ Г. П., за годъ до своей смерти, она начала писать мемуары и оставила сыну-писателю на память большую тетрадь своихъ воспоминаній, подъ названіемъ «Моимъ внукамъ», хотя довела ихъ, къ сожалѣнію, только до первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ послѣ своего замужества. Любя вообще писать и обладая замѣчательно красивымъ для женщины и четкимъ почеркомъ, она охотно отвѣчала не только на письма своего сына, но и вела оживленную переписку съ родными и близкими людьми. Какъ и многіе

---

*) Будаковой, второй учительницей Г. П. О ней смотри дальше.

выдающіеся дѣятели, нашъ покойный писатель несомнѣнно унаслѣдовалъ характеръ своей матери, ея нравственный и умственный обликъ, который, разумѣется, видоизмѣнился согласно нѣкоторымъ индивидуальнымъ особенностямъ. Конечно, какъ человѣкъ, одаренный выдающимся литературнымъ талантомъ, Г. П. стоялъ значительно выше своей матери; но едва ли можно отрицать, что эта даровитая, энергичная и образованная женщина передала своему сыну зародыши тѣхъ духовныхъ даровъ, которые расцвѣли такимъ пышнымъ цвѣтомъ въ лицѣ автора «Мировича»; едва ли можно отрицать, что сынъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, съ молокомъ матери всосалъ живое художественное чувство, ея любовь къ литературѣ и искусству. Кто помнитъ вѣчно живого, вѣчно дѣятельнаго и общительнаго Г. П., который до конца дней своихъ сохранилъ необыкновенную энергію въ работѣ, ясность проницательнаго ума и свѣжесть таланта, тотъ согласится, что нашъ даровитый писатель являлся прямымъ и ближайшимъ наслѣдникомъ духовнаго богатства своей матери.

Григорій Петровичъ Данилевскій родился 14-го апрѣля 1829 года, въ имѣніи своей тетки, по отцу, Анны Ивановны Антоновой, въ селѣ Даниловкѣ, изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи. Дѣтскіе годы онъ провелъ частью въ зміевскомъ имѣніи дѣда, селѣ Пришибѣ, близъ Донца, частью въ сосѣднемъ отцовскомъ, доставшемся ему впослѣдствіи имѣніи, селѣ Петровскомъ. Здѣсь росъ будущій писатель подъ кровомъ сельской тишины и старины, которую полюбилъ всей душой и неоднократно художественно воспроизводилъ въ своихъ бытовыхъ разсказахъ, въ первую половину своей литературной дѣятельности. Міръ сказочныхъ и фантастическихъ украинскихъ преданій сдѣлался ему роднымъ міромъ и послужилъ впослѣдствіи матеріаломъ для стихотворныхъ «Украинскихъ сказокъ», имѣвшихъ и имѣющихъ такой успѣхъ и выдержавшихъ восемь изданій. Картины украинской природы глубоко запали въ душу впечатлительнаго мальчика и воскресли потомъ въ чудесныхъ описаніяхъ, въ родѣ, напримѣръ, поэтическаго описанія дѣдушкина домика, въ разсказѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ появившемся въ печати въ 1853 году и малоизвѣстномъ читающей публикѣ. Это описаніе настолько красиво, что не

лишнимъ будетъ напомнить его хотя бы въ нѣкоторыхъ характерныхъ отрывкахъ: «На низменной просѣкѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленаго косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плесами, по которымъ, едва пробѣжитъ вѣтеръ, стелется лилово-сизый островъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистыхъ кустарниковъ,—хорошъ особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмелемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабьимъ неводомъ... Чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетъ птицъ,—и запоетъ, и застонетъ кудрявый лѣсъ! По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность усѣевается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою! Носатый огарь, точно клокъ краснаго сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика, и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмеля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ нимъ, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя сумеречныя бабочки! И вотъ заливаются голубымъ и краснымъ потомъ цвѣтущія нѣкоси. Трещитъ и сохнетъ отнесенный весеннею водою буреломъ и разное мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облинялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная громкая роскошная лѣсная свадьба... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ,—въ недосягаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки, точно торжественный, таинственный благовѣстъ раздается подъ небесами и падаетъ на землю... На лѣсѣ проливается цѣлое море звуковъ. Черканье болотныхъ веретенниковъ, сонное

курлуканіе горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ тенькаnье крохотныхъ стеклянныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезваниванья иволги,—сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ!..»

По странной случайности, русскую азбуку впервые объяснилъ даровитому мальчику, по какому-то замасленному букварю съ картинками, семидесятилѣтній старикъ, еврей Берко Семеновичъ, наѣзжавшій въ имѣнія отца и дѣда Г. П., для починки часовъ и другихъ вещей, изъ военно-поселенской слободки Андреевки. Въ то время Г. П. было всего пять лѣтъ. «Обѣжавъ съ утра садъ, конюшни и огороды,—разсказываетъ въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ нашъ писатель:—и врываясь въ залъ, гдѣ работалъ Берко, я любилъ подсаживаться къ нему. Здѣсь онъ, работая и поглядывая на меня черезъ очки добрыми, ласковыми глазами, разсказывалъ мнѣ библейскія легенды... Отъ Берко я впервые узналъ объ Авраамѣ, Ноѣ и Давидѣ. И я помню, что, сочтя себя тутъ же Самсономъ, я долго не позволялъ нянѣ Аграфенѣ стричь себѣ волосы, чтобы не потерять тѣлесной силы, и уступилъ ей, послѣ долгихъ споровъ и слезъ, только потому, что вспомнилъ о другомъ героѣ, Авессаломѣ, повисшемъ въ бѣгствѣ подъ деревомъ на длинныхъ волосахъ. Берко, сколько помню, очень полюбилъ меня. Отдыхая среди работы, онъ вынималъ изъ кармана своего длиннополаго лапсердака разныя книжки и медленно, тихо читалъ мнѣ ихъ. Узнавъ, что я еще не знаю грамотѣ, онъ шутя сталъ объяснять мнѣ буквы и скоро научилъ меня разбирать по складамъ. Это сильно обрадовало моихъ родителей, рѣшившихъ, что пора, видно, браться за мою грамоту.»

По пятому году даровитый мальчикъ впервые узналъ о Гоголѣ отъ мужа своей няни, старушки Аграфены, которая, въ свою очередь, разсказывала будущему писателю народныя украинскія сказки. Мужъ няни, комнатный слуга бабки, Абрамъ, занимавшійся переплетнымъ мастерствомъ и потому кое-что читавшій, добывъ изъ шкапа бабки «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», прочелъ любознательному мальчику нѣсколько повѣстей Рудаго-Панька и привелъ его въ рѣшительный восторгъ. Абрамъ познакомилъ потомъ Г. П.

и съ фантастическими разсказами барона Брамбеуса. Особенно понравился маленькому Гришѣ «Большой выходъ у Сатаны», въ которомъ царь чертей проглатываетъ, въ видѣ сухаря, романъ «Петръ Выжигинъ» и запиваетъ его, вмѣсто вина, дегтемъ.

Для правильнаго обученія грамотѣ пятилѣтняго Г. П. матерью его была приглашена воспитанница перваго выпуска харьковскаго института, Е. И. Пчёлкина, объяснившая будущему писателю первыя понятія о вѣрѣ и обучившая его молитвамъ, бѣглому чтенію, писанію съ прописей и таблицѣ умноженія. За болѣзнью Пчёлкиной, Г. П. преподавала затѣмъ другая харьковская институтка, В. Я. Будакова, съ которою ученикъ ея прошелъ первыя правила ариѳметики, часть русской грамматики Греча и кое-что изъ русской географіи Арсеньева; у Будаковой Г. П. началъ учиться также французскому и нѣмецкому языкамъ. Первому, одновременно, обучалъ харьковскій французъ Пешъ, а второму—добродушная и толстая, чувствительная нѣмка, старушка Бодекъ, читавшая вслухъ своему ученику то чувствительные, то веселые разсказы, которыхъ онъ не понималъ, почему и занимался во время чтенія черченіемъ домиковъ и звѣрей, а также вырѣзываньемъ изъ бумаги солдатиковъ.

Такимъ образомъ протекало дѣтство будущаго писателя. Онъ росъ на просторѣ и на свободѣ, согрѣваемый ласкою горячо-любимой матери и отчима, замѣнявшаго ему отца и дѣйствительно отечески заботившагося о воспитаніи маленькаго пасынка Гриши. Вспоминая впослѣдствіи, въ бытность въ университетѣ, въ 1847 году, о своемъ дѣтствѣ, Г. П. писалъ матери: «Ангелъ папаша Михаилъ Михайловичъ и самъ не знаетъ, какъ я его люблю; дай Богъ мнѣ милліонную долю заслужить того, что онъ для насъ; уже одно то, что онъ воскресилъ ангельскую мамашу—это со слезами и небесные ангелы записываютъ около Бога! Клянусь Богомъ—я его люблю, какъ родного папеньку». Когда Г. П. исполнилось десять лѣтъ, родители начали подумывать, что пора отдать его въ хорошее учебное заведеніе. Послѣ долгихъ соображеній, по совѣту В. Я. Будаковой, рѣшили отвезти мальчика въ Москву.

Въ январѣ 1841 года, одиннадцатилѣтняго Г. П. вотчимъ, М. М. Иванчинъ-Писаревъ, отвезъ изъ харьковскаго имѣ-

нія с. Петровскаго въ Москву, гдѣ опредѣлилъ въ дворянскій институтъ, бывшій до 1833 года университетскимъ благороднымъ пансіономъ, а въ 1849 году преобразованный въ IV-ю московскую гимназію. Вначалѣ робкій, бѣлокурый, съ загорѣвшимъ отъ степного воздуха лицомъ, новичокъ, въ темно-зеленой курткѣ съ краснымъ воротникомъ и бронзовыми пуговицами съ московскимъ гербомъ (по праздникамъ—въ мундирѣ такого же цвѣта, съ такими же пуговицами и съ золотыми петлицами по красному воротнику), вскорѣ, однако, освоился съ внутреннею жизнью школы, полюбилъ ее и незамѣтно, быстро привязался къ ней. По временамъ, правда, въ воспоминаніи воскресали разныя картины—деревенскій родной домъ, посеребренныя инеемъ дорожки сада, игра съ сельскими мальчиками въ снѣжки, ѣзда по степи съ приказчикомъ къ овчарнымъ сараямъ, охота съ дядей въ лѣсу, и пр., — но эти картины скоро тускнули, заслоняемыя школьною дѣйствительностью, которая также оставила самыя отрадныя воспоминанія. Шесть лѣтъ пребыванія въ институтѣ промелькнули такъ же незамѣтно, какъ шесть недѣль.

Хотя дворянскій институтъ былъ классическою школою, какъ и всѣ тогдашнія уваровскія гимназіи, но его воспитанниковъ не изнуряли излишнимъ зубреніемъ древнихъ языковъ въ ущербъ русскому языку и русской исторіи, а главное — въ ущербъ здоровью учащихся. «Воспитанники института, — говоритъ Г. П. въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ:—не знали ни «переутомленія», ни вытекающихъ изъ него «нервныхъ» и другихъ страданій. Особенно выгодно отражались на нашемъ здоровьѣ гимнастика, катанье съ горъ и на конькахъ и уроки фехтованія». Въ праздники, зимой, въ институтѣ устраивались домашніе спектакли; иногда же воспитанниковъ на казенный счетъ возили въ театръ смотрѣть Мочалова, Щепкина, Живокини. Остававшіеся лѣтомъ, на время вакацій, подъ Москвой, у родныхъ или знакомыхъ, продолжали полезныя физическія упражненія, увлекаясь охотою и рыбною ловлею. Г. П. лѣтомъ обыкновенно гостилъ въ имѣніи своего отчима (с. Теплыгинѣ, бронницкаго уѣзда) и цѣлые дни проводилъ въ охотѣ, съ сѣткой, на перепеловъ. При образцовой постановкѣ въ институтѣ физическаго воспитанія, также прекрасно было поставлено и преподаваніе. «Наши учителя въ классахъ,—

говоритъ Г. П.,—не играли роли только экзаменаторовъ, не ограничивались однимъ лишь спрашиванiемъ и задаванiемъ уроковъ. Классы проходили въ ближайшемъ и подробномъ объясненiи, со стороны учителей, изучаемыхъ предметовъ, причемъ преподаватели постоянно старались о томъ, чтобы и слабѣйшiе изъ учениковъ могли понять и усвоить проходимое. Учебниковъ, издаваемыхъ самими преподавателями, намъ, по протекцiи ихъ авторамъ, не навязывали и, по чьему-либо капризу, безъ толку ихъ не мѣняли. При изученiи географiи не обременяли нашей памяти непомѣрнымъ грузомъ статистическихъ цифръ и сухимъ перечнемъ городовъ, мѣстностей и народовъ, а болѣе знакомили въ общедоступной формѣ (учитель Соколовъ) съ общими картинами этихъ мѣстностей, городовъ и народовъ. Часть географiи, для практики въ нѣмецкомъ языкѣ, намъ преподавалась по-нѣмецки, какъ и для французскаго языка—естественная исторiя—по-французски. Послѣдствiемъ такого порядка было то, что репетицiи представляли, дѣйствительно, только повторенiе, освѣженiе въ памяти преподаваемаго въ классахъ, и самостоятельно на нихъ обработывались лишь сочиненiя на заданныя темы, переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ, да провѣрялись, при помощи способнѣйшихъ учениковъ, рѣшенiя наиболѣе трудныхъ математическихъ задачъ. Ненужными переводами съ русскаго на древнiе, мертвые, языки насъ также не томили, а если это изрѣдка и требовалось, то лишь какъ исключенiе и только относительно способнѣйшихъ учениковъ. Вечерними репетицiями кончались всѣ наши занятiя, и, уходя послѣ ужина въ дортуары, никто болѣе не сидѣлъ надъ книгами,—подобнаго несвоевременнаго занятiя не допускали и дежурные надзиратели. Къ 10-ти часамъ вечера въ институтѣ мирно засыпали всѣ 150—200 его питомцевъ».

Исключенiе допускалось только въ старшихъ классахъ, во время трудныхъ экзаменовъ, весною. Несмотря, однако, на хорошую постановку преподаванiя и хорошихъ преподавателей, кончали курсъ въ институтѣ не болѣе трети изъ числа поступавшихъ; остававшiеся переходили въ другiя учебныя заведенiя или поступали въ военную службу. Въ числѣ хорошихъ обычаевъ института Г. П. вспоминаетъ также объ обычаѣ не исключать съ «волчьимъ паспортомъ», такъ чтобы исключенный не могъ поступить впредь ни въ

одно учебное заведеніе. За дерзкія шалости наказывали розгами, но этимъ все и ограничивалось.

Вѣрный своимъ литературнымъ традиціямъ, свято чтившій память трехъ своихъ знаменитыхъ воспитанниковъ — Жуковскаго, Грибоѣдова и Лермонтова, имена которыхъ были начертаны золотыми буквами на мраморной доскѣ въ рекреаціонной залѣ вмѣстѣ съ именами другихъ извѣстныхъ русскихъ писателей, окончившихъ здѣсь курсъ (Ѳ. И. Тютчевъ, Шевыревъ, Вельтманъ, Свиньинъ, Калачовъ, Леонтьевъ, Норовъ и др.),—дворянскій институтъ обращалъ особенное вниманіе на изученіе русскаго языка, родной литературы, исторіи и географіи. Учителя русскаго языка—Архидіаконскій, Билевичъ и Перевлѣсскій—задавая учить стихотворенія Жуковскаго, указывали на тѣ изъ нихъ, которыя были написаны поэтомъ еще въ стѣнахъ института. «Горе отъ ума» Грибоѣдова, какъ и всего почти Лермонтова, питомцы института знали наизусть. Перевлѣсскій знакомилъ учениковъ съ первыми стихотвореніями Майкова и Полонскаго, а учитель исторіи, Н. В. Смирновъ, излагая какое-нибудь крупное историческое событіе, читалъ имъ отрывки изъ великихъ писателей, касавшихся той же эпохи,—Вальтеръ-Скотта, Шекспира, Шатобріана, Шиллера и русскихъ авторовъ. «Объясняя однажды,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. П.,—способъ рисовки типовъ у иностранныхъ писателей, онъ указалъ намъ на своеобразные въ этомъ отношеніи пріемы Гоголя и тутъ же на лекціи прочелъ намъ изъ появившихся незадолго передъ тѣмъ и еще не всѣмъ намъ знакомыхъ «Мертвыхъ душъ» характеристики Манилова, Собакевича и Ноздрева.

Результатомъ правильной постановки въ институтѣ преподаванія родного языка и литературы получалось отрадное и рѣдкое въ наше время явленіе: четырнадцати- и пятнадцатилѣтніе мальчики писали лучше, чѣмъ пишутъ теперь многіе молодые люди, имѣющіе аттестатъ зрѣлости и поступающіе въ университетъ послѣ восьми и девятилѣтняго обученія въ гимназіяхъ.

Въ институтѣ нашъ будущій писатель не только учился хорошо, изъ первыхъ учениковъ, ежегодно переходя изъ класса въ классъ, но и быстро разносторонне развился,—что̀, конечно, слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, гуманитарному вліянію школы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ юношески-

восторженныя письма Г. П. того времени къ матери. Возвышающее, идеалистическое вліяніе института сказалось также въ занятіяхъ его воспитанниковъ изящными искусствами. Такъ, будущій авторъ «Бѣглыхъ въ Новороссіи», по собственному сознанію въ воспоминаніяхъ, занимался переводами Гёльти и Вольтера, пѣлъ въ институтскомъ церковномъ хорѣ и учился играть на фортепіано; однолѣтокъ товарищъ его и землякъ, И. И. Соколовъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ живописи и авторъ жанровыхъ картинъ изъ малорусскаго быта: «Гаданіе на вѣнкахъ», «Ночь на Ивана Купала», и проч.,—успѣшно рисовалъ; нѣсколько человѣкъ увлекались музыкою, другіе—скульптурною лѣпкою, третьи—стихотворными переводами, и т. д. Такова была атмосфера института, таковъ былъ его духъ, и вполнѣ понятно, что еще на институтской скамьѣ началась литературная дѣятельность нашего беллетриста. Началась она стихами, повидимому, около 1844 г., можетъ-быть, даже раньше. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ писемъ.

Въ письмѣ отъ 8-го января 1845 г., между прочимъ, говорится: «...Я увидѣлъ, что поэзія скоро разольется по всему моему существованію и что кичливый мостъ стиховъ будетъ меня сообщать съ этимъ свѣтомъ... Вѣрно врождено въ меня, назначено судьбою мнѣ это высокое чувство, и я не въ силахъ разстаться съ нимъ... Ахъ! *Сколько я ей писалъ стиховъ!* Я только за нихъ слышалъ однѣ похвалы, предсказанія самыя завидныя... Съ какимъ рвеніемъ принялся я теперь за книги, какъ я вижу теперь всю ихъ пользу». — Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 15-го января того же года, юный поэтъ писалъ своей матери: «...Мои чувства, воспламененныя свѣтло-чистымъ ангеломъ (вы знаете кѣмъ), омытыя въ нектарѣ правоты и святости,—порываются снова. Нѣсколько разъ они свивались и, развиваясь, изливалися въ тихія пѣсни «*Мотылька и розы*»! (стихи, которые я написалъ недавно—кажется, вчера)... Вообразите, что я на Рождество одѣлилъ почти всѣхъ стихами, т. е. посланіями... Душка мамаша, ангелъ папа! Если хотите — напишите только, и я пришлю стихи, которые писалъ недавно; всѣхъ, ей-Богу, не могу—много очень!»

Въ другихъ письмахъ Г. П. сообщалъ своей матери, что учитель русскаго языка читалъ въ институтѣ передъ всѣмъ классомъ одинъ его переводъ и очень хвалилъ; что пере-

велъ съ нѣмецкаго, по просьбѣ учителя географіи (это было уже въ 6-мъ классѣ, послѣднемъ), какую-то рѣчь «Объ образованіи земли», которую предполагалось напечатать въ «Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія»; что «кромѣ лирическихъ переводовъ и куплетовъ въ стихахъ» онъ написалъ въ прозѣ и стихахъ три дѣйствія драмы: «*Лордъ Кляйвъ, или два рода мести*» и полторы главы романа въ стихахъ: «*Нынѣшній свѣтъ*». Къ сожалѣнію, ни одной изъ упомянутыхъ въ письмахъ работъ юнаго поэта не сохранилось. Напечатаны эти юношескія произведенія нигдѣ не были. Первою печатною вещью Г. П. было стихотвореніе «*Славянская весна*», появившееся въ № 47 «Иллюстраціи» 1846 г., безъ подписи, когда авторъ былъ уже въ петербургскомъ университетѣ.

Если, по словамъ Г. П., на необходимость дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, по окончаніи курса въ институтѣ, первый указалъ восторженному юношѣ К. Ф. Саблеръ, свитскій офицеръ, чугуевскій знакомый матери нашего писателя; если, заставая въ своей гостиной часто навѣщавшаго его по праздникамъ Гришу за чтеніемъ книгъ, газетъ и журналовъ, Саблеръ говорилъ будущему писателю о свѣтломъ поприщѣ высшихъ научныхъ познаній и объяснялъ, что выше умственнаго свободнаго труда нѣтъ наслажденій на свѣтѣ; если вообще мысль о поступленіи въ университетъ была навѣяна этимъ умнымъ свитскимъ офицеромъ: то стремленіе къ дальнѣйшему развитію, жажда знаній, желаніе быть выше своихъ сверстниковъ, пониманіе своихъ недостатковъ, могущихъ усилиться подъ вліяніемъ извѣстной обстановки, и рѣшеніе не пройти въ жизни безслѣдно, — все это давно волновало впечатлительнаго мальчика. Такимъ образомъ, слова Саблера только упали на тучную почву и принесли плодъ сторицею. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Г. П. къ своей матери въ письмѣ отъ 15-го февраля 1847 г.: «Съ 10-ти лѣтъ у меня первою задушевною мыслію было—быть *чѣмъ-нибудь, не какъ подобные мнѣ* изъ молодого поколѣнія; я былъ на все мастакъ, я все хотѣлъ не то что выучить, а разомъ выпить въ одинъ глотокъ... Жить въ нѣгѣ, жить въ покоѣ, жить въ глухой тишинѣ, но въ счастіи,—это мнѣ не было по душѣ; нѣтъ, меня что-то тревожило безпрестанно, я чувствовалъ въ душѣ что-то странное, и это все было у меня тогда смѣшано

безотчетно. а романовъ тогда я еще не читалъ и некому было мнѣ объ этомъ натолковать, кромѣ Пѣша, который все курилъ трубку, да брата Коли, который все мечталъ объ усахъ и эполетахъ. Шалунъ я былъ страшный, пока добрый папаша не отвезъ меня въ Москву. Въ институтѣ я учился, школьничалъ, но видѣлъ, что всѣ мои товарищи-москвичи—мѣшки; я говорю, какъ чувствую. Не былъ же я первымъ частію по незнанію языковъ, частію потому, что директоръ сперва меня не любилъ за быстрый и острый характеръ; кончивъ курсъ, я понялъ это хорошо, когда меня экзаменовали чужіе профессора и я получилъ балловъ больше всѣхъ другихъ товарищей четырьмя и когда директоръ за поведеніе поставилъ отлично въ аттестатѣ. Набравшись наукъ, я просвѣтлѣлъ головою и иначе посмотрѣлъ на жизнь. Правый взглядъ на вещи заставилъ меня рано подумать о будущности, я рано—еще за два года—составилъ себѣ карьеру, особенно послѣ вакацій, послѣ вашихъ совѣтовъ. Я созналъ въ себѣ много силъ къ осуществленію мысли — «быть другимъ, чѣмъ товарищи по моей жизни, быть выше ихъ»; это облагородило мои увлеченія, я не связался съ грязною молодежью Москвы, я рвался оттуда... Этотъ самый восторгъ сдѣлалъ меня и поэтомъ, и я до безумія влюбился въ поэзію, особенно видя успѣхи въ изящномъ и ясномъ изложеніи мыслей въ стихахъ... Это же стремленіе заставило меня въ Москвѣ искать высшаго, опрятнаго, изящнаго общества,—что̀ и подало вамъ мысль думать, что я ищу разсѣянной жизни, пустозвоннаго веселія; я хотѣлъ облагородить себя этимъ обществомъ, его пріемами, танцами, особенно обществомъ барышень, отъ чего чуть-чуть въ одну не влюбился... Въ институтѣ, особенно въ послѣдніе два года, я какъ будто еще болѣе получилъ силъ; я ничѣмъ не пренебрегалъ: кромѣ изученія нужныхъ наукъ и по возможности языковъ, я и фехтовалъ, и танцовалъ, и пѣлъ, въ чемъ даже нѣсколько тогда успѣлъ, и игралъ на фортепіано, и учился купаться, и стрѣлялъ, и на бильярдѣ выучился, и на гимнастику ходилъ, и учился на конькахъ, и рисовалъ — и вдобавокъ упражнялся въ сочиненіяхъ, — словомъ, я не пренебрегалъ ничѣмъ — я хотѣлъ испытать себя; когда я увѣрился въ себѣ — я написалъ къ вамъ первое письмо, въ которомъ просилъ васъ дать мнѣ возможность ѣхать *учиться* въ Пе-

тербургъ*). Зачѣмъ именно въ Петербургъ?? Москву слишкомъ хорошо я разглядѣлъ: эту беззаботную жизнь наавось, это равнодушіе къ ученью, къ положительной жизни, эту грязную мелочность молодежи—все я разглядѣлъ, вмѣстѣ съ чудною Москвою-матушкою, ея бѣлокаменнымъ Кремлемъ, который часъ-отъ-часу грустнѣе смотритъ на перемѣнчивое поколѣніе и ворчитъ, сверкая крестами. Харькова я не зналъ, но я его понималъ по Колѣ и по слухамъ... Я и Харьковъ, близость родины ангельчиковъ моихъ, все, вздохнувши, на время оставилъ... Я боялся заразиться Москвою и Харьковомъ, я боялся сдѣлаться такимъ человѣкомъ, который, вышедши изъ университета, поступитъ въ службу, огрубѣетъ, оплыветъ, женится на какой-нибудь Ганнусѣ; безотвѣтно пройдетъ онъ для міра, не согрѣетъ онъ для новаго поколѣнія живой идеи, не выноситъ подъ сердцемъ своимъ горячаго произведенія таланта, передъ которымъ бы безпечный, игривый потомокъ въ своемъ бѣгу остановился и, засмотрѣвшись на это твореніе, прославилъ бы его—нѣтъ! Онъ пройдетъ безотвѣтно для всѣхъ, умретъ какъ канетъ въ воду, и только послѣ него у иного почешется за ухомъ, и тотъ скажетъ: «да, добрякъ былъ, чурбанъ лѣнивый,—

*) Рѣчь идетъ о письмѣ отъ 10—18-го марта 1846 г., писанномъ на десяти страницахъ. Стараясь расположить мать, не обладавшую достаточными средствами, къ разрѣшенію продолжать ученіе въ петербургскомъ университетѣ, Г. П., между прочимъ, писалъ: «...Вся молодежь тѣснится въ университетъ: но странно, большая часть просится ѣхать либо въ Дерптъ, либо въ Петербургъ... Я видѣлъ недавно примѣръ, что вышедшій изъ нашего института Хлоповъ, котораго папинька мой знаетъ, изъ любви къ своимъ родителямъ остался въ харьковскомъ университетѣ, но не прошло и году, онъ возвращается въ Москву, съ больною головою отъ тамошнихъ профессоровъ, которые знаютъ не болѣе нашихъ учителей институтскихъ! А что касается до разницы между московскимъ и петербургскимъ университетами, то чуть ли не такая же разница, какъ между Харьковомъ и Москвою... Что говорятъ о петербургскихъ студентахъ. Ихъ тамъ всѣ ищутъ, тамошній университетъ любитъ и самъ государь, а что касается до одинокой жизни студента и тамъ, и здѣсь, т. е. что касается до расходовъ, то они почти тѣ же, что здѣсь и тамъ... Притомъ же Петербургъ новый совершенно городъ, заграничный уже свѣтъ, все лучшее общество даже изъ Москвы, всѣ наши литераторы!—О, сколько предметовъ для наблюдательнаго, любопытнаго глаза!.. Потомъ (по окончаніи университета) какъ чудно, если окончатъ дорогу желѣзную до Москвы, пріѣхать къ вамъ, пожить возлѣ васъ и отправиться на два или на три года за границу, гдѣ столько сокровищъ для познаній всякаго рода, гдѣ такъ образуются молодые люди».

славная наливка у него бывала!» Вотъ чѣмъ я боялся заразиться тамъ... а это такъ искусительно для многихъ! Вѣрно много я ждалъ впереди, вѣрно чувствовалъ себя сильнымъ, когда рѣшился оставить легкое и пустился одинъ, безъ совѣтниковъ, за полторы тысячи верстъ. И я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и я не разрушилъ ни одного изъ ожиданій вашихъ... Больно рвалась душа при разставаньи съ вами, я точно умеръ, когда повозка закатилась изъ виду вашего — я даже было рѣшился вернуться. За эти жертвы Богъ меня не оставитъ!..»

Проведя лѣто по окончаніи курса въ институтѣ (въ аттестатѣ значилось: успѣхи—*очень хорошіе*, поведеніе—*отличное*) на родинѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, согласившихся отпустить сына въ далекій университетъ, Г. П. въ августѣ отправился на сѣверъ, въ чужой городъ. Отчимъ провожалъ своего пасынка до Харькова. Въ Москвѣ бывшій питомецъ института заходилъ къ его директору Чивилёву, который далъ рекомендательное письмо къ своему близкому другу, петербургскому профессору Порошину; учитель русскаго языка Перевлѣсскій далъ Г. П. рекомендательныя письма къ Гребенкѣ и Кукольнику. Пріѣхавъ 25-го августа въ Петербургъ, Г. П. на третій день, одѣвшись въ мундиръ, явился къ инспектору и былъ зачисленъ въ студенты. Онъ выбралъ камеральное отдѣленіе юридическаго факультета. Свой выборъ въ письмѣ къ матери отъ 2-го сентября 1846 г. Г. П. мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: «Назначеніе этого факультета,—писалъ онъ,—сдѣлать, образовать людей чисто спеціальныхъ (это все я понялъ изъ словъ дядиньки Матвѣя Андреевича (Байкова), который очень, очень одобрилъ мой выборъ); дорога изъ другихъ факультетовъ обыкновенна, на этой дорогѣ легче всего затеряться между тысячью другихъ пигмеевъ (это слова дядиньки); оттуда же прямо можно поступить въ министерство финансовъ, государственныхъ имуществъ или же по ученой части... Эту дорогу не всякій найдетъ теперь изъ университетовъ—даже ощупью. Кромѣ того, нѣсколько недѣль назадъ вышелъ указъ государя императора, которымъ повелѣвается принимать въ вышеозначенныя министерства не иначе, какъ занимающихся камеральными науками. Камеральный факультетъ основанъ только 2 года и то въ одномъ Петербургѣ; всѣ предметы изученія на немъ относятся къ чисто

практической жизни, жизни государственной, положительной, и за людей специальныхъ, по словамъ дяденьки М. А., теперь хватаются и сильно, очень сильно въ нихъ нуждаются. Предметы его истекаютъ изъ его назначенія: *относительно правленія:* государственныя учрежденія, гражданскіе законы, государственное право европейскихъ державъ, законы о финансахъ, уголовные законы, законы благоустройства и благочинія; *относительно жизни практической, хозяйственной:* обозрѣніе хозяйственныхъ растеній, система животнаго царства, техническая химія, практическая механика, механическая технологія, статистика, сельское хозяйство, политическая экономія, лѣсоводство; *ученыя науки, въ обширномъ смыслѣ:* богословіе, русская исторія, древняя исторія, средняя исторія, новая исторія, французскій и нѣмецкій языки. Дяденька М. А. мнѣ много хвалилъ этотъ факультетъ, говорилъ, что онъ ближайшій къ цѣли теперешней жизни, и надавалъ мнѣ столько святыхъ совѣтовъ, что ихъ можно вѣсить на вѣсъ золота. Онъ мнѣ говорилъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ полезно будетъ заняться изученіемъ практики этихъ наукъ заблаговременно, — что онъ въ этомъ случаѣ откроетъ мнѣ входъ во всѣ замѣчательныя фабрики, учрежденія земледѣльческія, ботаническіе и зоологическіе кабинеты,—а самому мнѣ совѣтуетъ, о чемъ велѣлъ непремѣнно написать къ вамъ — заниматься черченіемъ или рисованіемъ,—это для архитектурныхъ, механическихъ и другихъ плановъ,—и между прочимъ, не оставлять *музыки* — это для жизни общественной, петербургской, столичной. Въ языкѣ же французскомъ, кромѣ университета, я занимаюсь практически съ кѣмъ только имѣю малѣйшій случай».

Петербургъ произвелъ на молодого провинціала сильное впечатлѣніе. По собственному признанію, столица «закружила» его. Г. П. посѣщалъ ея окрестности, катался по островамъ, бывалъ въ театрахъ, на вечерахъ у знакомыхъ и увлекался танцами. Посѣтивъ 6-го октября тогдашнее модное аристократическое загородное гулянье — Павловскъ, который теперь значительно утратилъ прежнее значеніе, юный студентъ подробно описывалъ его въ письмѣ къ матери отъ 10-го октября. Оркестръ подъ управленіемъ Гунгля очаровалъ Г. П. «Павловскій садъ, — писалъ онъ матери, — казалось, возвращалъ свою весну при звукахъ музыки; я даже не обращалъ вниманія на душистыя головки,

которыя мелькали передо мною въ пестрыхъ салопахъ à la polka»... Въ этотъ вечеръ павловскій вокзалъ посѣтили цесаревна Марія Александровна, великая княгиня Марія Николаевна, принцъ Гессенскій, молодой 20-ти-лѣтній генералъ, и двое великихъ князей-пажей—Михаилъ и Николай Николаевичи. «Великія княгини, — разсказываетъ Г. П.,— слушали Гунгля и хохотали, глядя на принца, какъ тотъ ухаживалъ за придворными дамами и чуть не прыгалъ подъ чудные звуки бѣшеной *Balcoquetten* польки... Цесаревна уже передъ отъѣздомъ подозвала Гунгля и попросила сыграть его изъ новой итальянской оперы *Hernani;* когда пьеса подходила къ концу, цесаревна обратилась къ Маріи Николаевнѣ и съ ужасомъ объявила, что ей нечѣмъ заплатить Гунглю, въ удостовѣреніе чего она выворотила свои батистовые карманы. Марія Николаевна не только не имѣла съ собою денегъ, но даже кармановъ не было въ ея платьѣ. Княгини долго отъ души смѣялись своему горю. Наконецъ цесаревна подозвала Гунгля и, чуть не смѣясь, объявила ему, что ея *Папенька*, ѣхавши въ Москву, увезъ съ собою ключи, но что она у Гунгля въ долгу. Тотъ, низко кланяясь, возвратился въ оркестръ, и вмигъ къ нему полетѣли полновѣсные кошельки гвардейцевъ и гусаровъ; даже придворныя дамы кидали свои брильянты; таковъ уже этикетъ!»

Свѣтскія развлеченія не мѣшали, однако, заниматься науками и литературою, аккуратно слушать лекціи и продолжать писаніе стиховъ, много читать и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать занятія музыкою. Вполнѣ матеріально обезпеченный, Г. П. былъ скромнымъ студентомъ, который исполнялъ наставленіе родителей «быть умѣреннымъ». Съ студентами онъ близко не сходился и съ товарищами тѣсной дружбы не водилъ. Вышеприведенныя письма, въ которыхъ Г. П. разсказывалъ о своихъ завѣтныхъ мечтахъ — «быть чѣмъ-нибудь», стоять выше другихъ—оправдываютъ, конечно, нѣкоторое отчужденіе отъ своихъ сверстниковъ по университету. Доказательства того, что Г. П. занимался наукою и литературою въ университетскіе годы съ юношескимъ увлеченіемъ, разсыпаны во множествѣ по всѣмъ его письмамъ къ матери за этотъ періодъ времени. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ восклицаетъ: «О, если бы я всю жизнь могъ учиться, всю жизнь наполнять душу свѣтлыми образами науки, художествъ... О, если бы я всю жизнь могъ быть

студентомъ!» Въ другомъ письмѣ, отъ 17-го марта 1847 года, студентъ-первокурсникъ писалъ своей матери: «...Я слѣжу за направленіемъ и духомъ нашей литературы, потому что я не въ силахъ преодолѣть стремленія къ этому кумиру, я прислушиваюсь къ толкамъ и говору публики нашей, при появленіи новаго какого-нибудь сочиненія нашего русскаго или чужого !!, составивши свое понятіе по горячимъ слѣдамъ, тогда уже отправляюсь въ библіотеку, беру всѣ новые журналы, въ которыхъ критика является уже черезъ мѣсяцъ на новыя сочиненія, и, кидая прочь романы и повѣсти, перечитываю всѣ критики всѣхъ журналовъ. Такъ я узнаю все мнѣ нужное, и изъ этого выходитъ для меня та польза, что, пришедши домой, я перечитываю *свое*: мнѣ тогда теплѣе въ комнатѣ, потому что изъ портфеля большая часть идетъ въ печь; для самолюбія молодости я очень не самолюбивъ». Въ третьемъ письмѣ, отъ 1-го сентября 1847 года, нашъ писатель говоритъ: «Вакація моя (лѣтомъ 1847 года) не пропала даромъ, по просьбѣ дорогой мамаши, которая заставила меня невольно сознать истину: «жизнь человѣка скоротечнѣе всякой скорости на свѣтѣ, поэтому должно дорожить каждымъ мигомъ». Я на вакаціи довольно читалъ на нѣмецкомъ языкѣ Байрона и дѣлалъ изъ него переводы — для лучшаго и вмѣстѣ небезполезнаго изученія нѣмецкаго языка... Но это чтеніе показало мнѣ недостаточность чтенія Байрона въ переводѣ, и я теперь уже *слушаю лекціи англійскаго языка*, къ которому мало-по-малу приложу все мое стараніе... даже для практики на немъ найду случай. На вакаціи же, услышавши отъ товарища о стѣсненныхъ обстоятельствахъ одного изъ бывшихъ издателей полезнаго журнала («Маяка»), г. Бурачка, я взялся *даромъ давать уроки* дѣтямъ его изъ языковъ и другихъ наукъ, по 3 раза въ недѣлю. Мой товарищъ Соколовъ послѣдовалъ моему примѣру и давалъ уроки рисованія и чистописанія. Я продолжаю давать и теперь уроки и долженъ сказать, что не могъ отказаться принять за посильные труды мои въ подарокъ отъ самого автора его журналъ за два года, въ знакъ памяти и благодарности... Я теперь успѣлъ прочесть довольно книгъ ученыхъ, справился съ ихъ сухими истинами и не на шутку *полюбилъ* эти свѣтлыя, высокія истины ученыхъ сочиненій; съ трудомъ берусь за легкую беллетристику». Сообщая въ томъ же письмѣ матери, что онъ чи-

таетъ «Эстетику Гегеля», Г. П. разсказываетъ весьма подробно о частыхъ посѣщеніяхъ Эрмитажа съ цѣлью изученія школъ живописи. Внимательно осматривалъ любознательный юноша и другія достопримѣчательности столицы, какъ напримѣръ, разные музеи, не забывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и литературы. Посѣтивъ однажды Зимній дворецъ и придворную церковь, Г. П. описалъ ее и послалъ свое описаніе въ «Полицейскую Газету», у которой въ то время было 9,000 подписчиковъ. Статья была принята, помѣщена въ фельетонѣ съ подписью «*Панъ-Баянъ*» въ № 186 отъ 25-го августа 1847 года, и авторъ получилъ приглашеніе сотрудничать и впредь. Въ теченіе 1847 года Г. П. помѣстилъ въ «Полицейской Газетѣ» еще шесть фельетоновъ о различныхъ столичныхъ событіяхъ и происшествіяхъ, подъ тѣмъ же псевдонимомъ (№№ 193, 197, 201, 204, 212 и 217), и продолжалъ свое сотрудничество въ этомъ изданіи слѣдующій 1848 годъ, напечатавъ въ № 83 фельетонъ подъ заглавіемъ: «Очерки изящнаго», а въ пятнадцати нумерахъ, съ 14-го іюля по 6-е сентября, пятнадцать писемъ о Финляндіи, озаглавленныхъ: «Выписки изъ путевого альбома», съ подписью Гр. Д...скій. Путешествіе это Г. П. совершилъ въ іюлѣ 1848 года, туда — на пароходѣ, обратно же, отъ Гельсингфорса — на лошадяхъ. Путевые очерки написаны въ стилѣ лирическомъ, съ отступленіями, многоточіями, со вставками стиховъ и вообще въ нѣсколько восторженно-напыщенномъ тонѣ. Особенно любопытенъ очеркъ, посвященный финской поэзіи.

Въ стихотворномъ отношеніи молодой писатель былъ не столь плодовитъ, какъ въ прозаическомъ. Напечатавъ свое первое произведеніе «Славянская весна» въ «Иллюстраціи» 1846 года, онъ затѣмъ въ теченіе двухъ послѣдующихъ годовъ помѣстилъ только три стихотворенія въ «Звѣздочкѣ», а именно: въ № 12 за 1847 годъ—стихотвореніе «Брату», а въ 1848 году — два перевода изъ Новалиса—«Мадонна» и «Наши крылья». Сотрудничество въ «Звѣздочкѣ» относится къ началу 1847 года, когда въ этомъ журналѣ для дѣтей появилась статья Г. П. подъ заглавіемъ: «Пещера тигровъ». Ишимова, издательница «Звѣздочки», относилась къ молодому автору, повидимому, весьма благосклонно, подаривъ ему за одну эту статью журналъ за цѣлый годъ, оба возраста (старшій и младшій).

На первыхъ двухъ курсахъ университета Г. П. некогда было много писать въ журналахъ и газетахъ; онъ занятъ былъ серьезной университетской работой на тему, предложенную 1-мъ отдѣленіемъ философскаго факультета: «Разсмотрѣть сочиненія И. Крылова и А. Пушкина, причемъ опредѣлить: какія стороны русской народности изобразилъ каждый изъ нихъ; въ чемъ состоитъ особенность поэзіи того и другого; способствовали ли они успѣхамъ поэзіи вообще, какъ искусства; внесли ли новыя истины въ жизнь современниковъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на совершенствованіе русскаго языка». На эту трудную тему было представлено нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ обратили на себя вниманіе только три. «Въ особенности замѣчательна, — говорилось въ отчетѣ, — диссертація сочинителя, избравшаго себѣ въ девизъ слова: «*Первый трудъ*». «Сочинителю» этому, студенту второго курса разряда камеральныхъ наукъ, *Григорію Данилевскому*, была присуждена *серебряная медаль*. Студентъ 2-го курса разряда восточной словесности *Владиміръ Стоюнинъ* и студентъ 2-го курса разряда общей словесности *Николай Корелкинъ* удостоены только *почетнаго отзыва*.

Въ разборѣ «Перваго труда» нашего писателя, между прочимъ, говорилось: «Половину сочиненія своего онъ посвятилъ изслѣдованію перваго вопроса: «какія стороны русской народности изобразили Крыловъ и Пушкинъ?» Чтобы приготовить себѣ основаніе, сочинитель предварительно разсматриваетъ здѣсь идею народности въ литературѣ, а вслѣдъ за тѣмъ подробно разбираетъ сочиненія обоихъ поэтовъ. Его способъ рѣшенія задачи, какъ нельзя не замѣтить, обратный сравнительно съ вопросомъ. Вмѣсто исчисленія и опредѣленія, какими чертами обозначается народность русская и которыя изъ нихъ вѣрнѣе изображены Крыловымъ и Пушкинымъ, авторъ занимаетъ читателя характеристикою каждаго замѣчательнѣйшаго сочиненія разсматриваемыхъ имъ писателей и приходитъ къ заключенію, что указанныя имъ особенности и красоты потому только и возникли, что поэты приняли ихъ въ душу свою изъ нашей народности. Такой оборотъ заставляетъ думать, что онъ затрудненъ былъ прямымъ рѣшеніемъ вопроса; но, съ другой стороны, ему удалось выйти на дорогу, по которой онъ успѣлъ взглянуть на все поприще, пройденное поэтами... Пушкина изображаетъ

авторъ диссертаціи представителемъ русской народности въ высшей ея сферѣ, гдѣ просвѣщеніе и вкусъ озарили особеннымъ свѣтомъ и новыми красками покрыли картины жизни нашей... На разрѣшеніе остальныхъ четырехъ вопросовъ задачи употребилъ онъ вторую часть сочиненія своего. Разсматривая особенность поэзіи Крылова и Пушкина, онъ излагаетъ замѣчанія двоякаго рода: одни касаются вообще направленія поэзіи каждаго изъ нихъ, а другія — художественной ея стороны. Для опредѣленія, сколько Крыловъ и Пушкинъ содѣйствовали успѣхамъ поэзіи, какъ изящнаго искусства, сочинитель диссертаціи разбираетъ сперва, какъ до нихъ смотрѣли у насъ на это искусство, а послѣ, какъ они усвоили ему красоты дѣйствительной жизни, занимательности явленій и описаній природы, каждый сообразно съ своимъ предметомъ и его сферою. Вопросъ о новыхъ истинахъ, какія внесены разбираемыми поэтами въ нашу жизнь, подалъ случай сочинителю изслѣдовать, до какой степени общественная жизнь чувствуетъ потребность въ изящныхъ искусствахъ, и какими средствами они удовлетворяютъ этой потребности. За изслѣдованіемъ общимъ онъ представляетъ указанія частныя, извлеченныя изъ сочиненій Крылова и Пушкина. Въ послѣднемъ отдѣлѣ задачи, который касается совершенствованія русскаго языка обоими поэтами, авторъ диссертаціи обратилъ вниманіе свое на сліяніе народнаго языка нашего съ языкомъ литературнымъ и многими указаніями оправдалъ свою мысль, что это обогащеніе языка произведено преимущественно разбираемыми имъ поэтами. Стройность частей диссертаціи, полнота ея, основательность мыслей и вѣрность взгляда даютъ право автору на отличіе. Хотя не всѣ мѣста въ сочиненіи обработаны съ одинаковымъ успѣхомъ, и самый способъ изложенія не вездѣ равно удаченъ, но нельзя не согласиться, что эти недостатки почти вознаграждены, когда принять въ соображеніе, что авторъ общія свои сужденія о литературѣ основалъ на мнѣніяхъ извѣстнѣйшихъ писателей нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ, а для частныхъ сужденій изучилъ все, что было сказано по-русски о Крыловѣ и о Пушкинѣ. Сверхъ того, онъ, въ подтвержденіе мыслей своихъ, привелъ множество мѣстъ изъ старинныхъ русскихъ стихотвореній, изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ и другихъ памятниковъ народной нашей литературы».

Такимъ образомъ, судя по этому отзыву, диссертація Г. П. дѣйствительно являлась работой любопытной и обстоятельной.

При переходѣ съ третьяго курса на четвертый съ Г. П. случилась непріятность, которая глубоко опечалила на первыхъ порахъ, пока не выяснились обстоятельства, всѣхъ его родныхъ и въ особенности, разумѣется, нѣжно-любившую мать. Мы говоримъ объ арестѣ нашего писателя весною 1849 года по дѣлу Петрашевскаго и о заключеніи его въ Петропавловской крѣпости, продолжавшемся болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ 22-го апрѣля по 10-е іюля, какъ видно изъ дѣла объ арестѣ, хранящагося въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Благодаря этому дѣлу, разысканному сыномъ покойнаго писателя, К. Г. Данилевскимъ, удалось точно опредѣлить начало и конецъ ареста, хотя печатныхъ свѣдѣній по этому поводу никакихъ не сохранилось, если не считать одного полнаго ошибокъ разсказа, о которомъ рѣчь ниже; самъ покойный писатель не любилъ объ этомъ разсказывать не только чужимъ, но и своимъ, почему и дѣти его знали до сихъ поръ *только о фактѣ* ареста. Арестъ былъ произведенъ жандармскимъ офицеромъ, по приказанію шефа корпуса жандармовъ, графа А. Ѳ. Орлова, въ 4 часа пополуночи, причемъ были опечатаны всѣ бумаги и книги Г. П. и доставлены вмѣстѣ съ нимъ въ III отдѣленіе. Въ приказѣ Орлова неизвѣстному жандармскому офицеру отъ 22-го апрѣля 1849 года, между прочимъ говорилось: «При семъ случаѣ вы должны строго соблюдать, чтобы изъ бумагъ Данилевскаго ничего не было скрыто. Случиться можетъ, что вы найдете у Данилевскаго большое количество бумагъ и книгъ, такъ что будетъ невозможно сейчасъ ихъ доставить въ III отдѣленіе, въ такомъ случаѣ вы обязаны то и другое сложить въ одной или двухъ комнатахъ, смотря какъ укажетъ необходимость, и комнаты тѣ запечатать, и самого Данилевскаго немедленно представить въ III отдѣленіе. Ежели, при опечатаніи бумагъ и книгъ Данилевскаго, онъ будетъ указывать, что нѣкоторыя изъ оныхъ принадлежатъ другому какому-либо лицу, то не обращать на таковое указаніе вниманія и оныя также опечатать». Объ арестѣ студента Данилевскаго было немедленно сообщено министру народнаго просвѣщенія, а 17-го мая, по предписанію управлявшаго III отдѣленіемъ, Дуббельта, произведенъ вторичный осмотръ квартиры арестованнаго. Послѣ смерти

Г. П., въ его письменномъ столѣ нашли отдѣльно завернутыми какія-то маленькія четырехугольнички-бумажки, кругомъ исписанныя, однѣ — полуистлѣвшія, съ порыжѣлыми чернилами, другія—хорошо сохранившіяся, писанныя четкимъ мелкимъ почеркомъ. Бумажки эти, послѣ архивнаго дѣла объ арестѣ, — единственный достовѣрный источникъ свѣдѣній о несчастіи, постигшемъ въ 1849 году нашего писателя. Всѣхъ бумажекъ около сорока. На нихъ заключенный заносилъ свои мысли и впечатлѣнія, но такъ отрывочно и подчасъ безсвязно, что прочитать ихъ, какъ слѣдуетъ, невозможно. Нѣкоторыя бумажки отмѣчены цифрами, хотя, руководствуясь этимъ, подобрать ихъ въ порядкѣ нельзя: однѣ и тѣ же цифры повторяются по два и по три раза. Тѣмъ не менѣе бумажки очень любопытны и до нѣкоторой степени рисуютъ настроеніе узника, а также его мечты и думы. Приведемъ нѣкоторыя изъ бумажекъ, по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

«1) Май. Холодъ. Суда нѣтъ.—Стихи весь день.—Сокольники, Курбатово, крѣпость, Соколовъ».

«2) Часы и кольцо взяли. — Полковн. не былъ. Грустно. Мольеръ. Стихи.—Судъ отъ 7—½1».

«3) Буря, песокъ, дождь ужасный.—40 чел.—Штатскіе отъ 11 — 4 утра.—Гаг., Долг., Дуб., Рост.—8—½12.—Лежу весь день».

«4) Дождь. Плохо здоровье. Maman, Соколовъ. André, слава—adieu... Сонливость ужасная.—Гвая-Ллиръ.—Освоб. жертвы.—Послѣд. Мек. народность.—Судъ 8—12».

«6) 5-й № халата, Скюдери, замокъ—огородъ и ласточка»... *(дальше разобрать нельзя)*.

«7) Безсиліе—тоска, все глухо и безнадежно... горе, слезы, въ одну ночь похудѣлъ.—Судъ все идетъ».

«8) Тоска страшная. Бѣлье дали. Завтра Николая. Читать нечего... Тропина на тропинѣ... на кровати: 1831, 34, 37... Снова гулъ колоколовъ... *Осв. жертвы, мексик. разсказъ.*—Гр. Д. 1850. Статья о Норманахъ. Космосъ. Кто виноватъ. Тысяча и одна ночь. Ю. Милославскій».

«9)... Полный судъ съѣхался сейчасъ. Ссора съ голубями. Собака уже ждетъ подъ окномъ моей жертвы. Соколовъ что теперь дѣлаетъ? Въ Тифлисѣ.—Андре, Михаэлисъ и Гревсъ зубрятъ».

«10) Я въ комиссіи. Моя святая и честная исповѣдь. 11 часовъ. Комната часовщика. Другая. Видъ.—Ночь».

«11) Думаю и припоминаю. Монте-Кристо и Эрикъ-Ингемана».

«12) Леонъ-Ріонъ и Карменъ; Хосе-Хуанъ».

«13) Бѣлье и одежда новая. Кружка. *Пишу цѣлый день всю истину.* Два раза плакалъ».

«14) Отдаю показаніе въ комиссію. 14-е апрѣля. — Надежды... Молитва передъ отходомъ и письмомъ.—Письмо домой».

«15) Отвѣта про письмо нѣтъ.—Писарь имя спросилъ. Стихи... *За-*

госкинъ: Москва. Б. Д. Ч. 1847. 4; Авангардъ Хр. Колумба; Литерат. евнухъ. Хлысты Ротшильда. Мартыновъ. Найденышъ. — Мексика. — Сиц. вечерни. Отъ меня еще требуютъ показаній».

«16) Жара.—Адель.—Моя гимнастика рукъ и ногъ.—Вечеръ: дождь какъ пули—весь поглощ. и вдругъ свѣжесть... Зелень... Розовая колокольня... запахъ... Флагъ замеръ... Солдаты и котъ васька: деретъ хвостъ. Огородъ и инвалидъ, какъ пьяный—качается несчастный съ ведрами,—балагуръ и хочетъ побриться... Толпа молодыхъ дамъ... Ночь: тѣнь отъ чайника и мое мягкое ложе.—Видѣніе Петра».

«18, 19, 20, 21) Сплю, ѣмъ, читаю, тоскую, пою, хожу, молюсь плачу»...

«22) Мѣсяцъ! Боже умилосердись... Когда конецъ? Ужели еще мѣсяцъ»...

«23, 24) Письмо изъ Чугуева,—взяли,—холодная тоска; домой не позволили и строки написать.—Ц. нѣтъ давно... Все еще вещи смотрятъ и снова допросъ нѣкоторыхъ... М. Кристо. Богъ и терпѣніе. Моя клятва б. слугою Царя во вѣкъ»...

«26) Спрошенъ адресъ—для медали и документовъ... Минаевъ, Плещеевъ.—З. Врача»...

«27+28) Паукъ подружился со мною. Сгаръ для зубовъ... Уборъ постели, стола и окна. — 12 шаговъ. — Гимнастика надъ желѣзной печью.—Умываніе и ногти.—Запахъ деревъ.—300 стиховъ.—Дожди».

... «2 мца!! Число—въ Чугуевъ» . . . .
. . . .

Не продолжаемъ выдержекъ изъ этого отрывочнаго дневника: приведеннаго вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, какъ жилось узнику. Жилось, конечно, тяжело и мучительно-тоскливо. Всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ, родными, товарищами и знакомыми были насильственно прерваны; настоящее было мрачно, будущее томило неизвѣстностью. Послѣ смерти Г. П., въ «Донской Пчелѣ» за 1891 годъ, № 46, были помѣщены воспоминанія о нашемъ писателѣ графини Б—рнэ, знавшей его въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и видѣвшей его два раза въ имѣніи своего мужа, Ольховкѣ, зміевскаго уѣзда, — въ 1854 и въ 1860 годахъ. Вспоминая разсказъ Г. П. объ арестѣ въ 1849 году, г-жа Б — рнэ передаетъ его въ слѣдующихъ, подлинныхъ (конечно, приблизительно) выраженіяхъ нашего писателя: «Трудно и тяжело мнѣ было сидѣть въ тюрьмѣ *).

---

*) Разумѣется ошибка: «въ крѣпости»; воспоминанія г-жи Б—рнэ вообще не отличаются точностью. Въ началѣ разсказа объ арестѣ Г. П. она, напримѣръ, говоритъ: «Онъ былъ по недоразумѣнію посаженъ въ тюрьму. Г. П. Данилевскій воспитывался въ Дворянскомъ институтѣ; между его товарищами(!) былъ извѣстенъ впослѣдствіи государственный преступникъ (!!) однофамилецъ—Данилевскій (*это авторъ «Россіи и Европы»*, *никогда не бывшій товарищемъ Г. П.*,—*госу-*

Но я, кажется, вдвое испытывалъ страданіе, при моемъ сумасшедшемъ, живомъ характерѣ. Всю жизнь я былъ въ дѣятельности, въ движеніи; я никогда не имѣлъ свободной минуты, а если находились часы досуга, то они незамѣтно проходили въ кругу родныхъ, близкихъ сердцу друзей. У меня было твердое сознаніе невинности, но мрачное, неизвѣстное будущее усугубляло мои страданія. Время все излѣчиваетъ; такъ было и со мною. Я кое-какъ сталъ примиряться со своей обстановкой. Надъ моей постелью въ углу, довольно высоко, нашли себѣ пріютъ два большихъ паука. Долго я за ними наблюдалъ. Вообще, я люблю естественную исторію, а эти пауки были мнѣ какъ друзья. Я постепенно пріучалъ ихъ къ себѣ, напѣвая любимую пѣсенку, а они на знакомый звукъ спускались ко мнѣ на подушку и принимали подачку въ видѣ крошекъ хлѣба, мертвыхъ мушекъ, козявокъ. Я ими съ нѣжностью любовался. Они, подобравши лакомые кусочки и покушавши, немедленно поднимались въ свой уголъ. Когда однажды сторожъ-солдатъ, передъ празд-

---

дарственный преступникъ !?), замѣшанный въ обществѣ Петрашевскаго. Г. П. вмѣсто однофамильца былъ арестованъ (*дѣйствительно, арестъ нашего писателя, можно думать, произошелъ по недоразумѣнію, но и Н. Я. Данилевскій былъ арестованъ*). Мать его, любящая, самоотверженная женщина, поѣхала хлопотать и просить о помилованіи сына. Его спасли письма, посылаемыя имъ матери еще изъ училища, въ которыхъ онъ неоднократно жаловался на безпокойныхъ товарищей, которые къ нему пристаютъ (*все это, разумѣется, вздоръ; ничего подобнаго Г. П. не писалъ и не могъ писать изъ училища, т.-е. Дворянскаго института*), желая вовлечь его въ какой-то заговоръ (*пятнадцатилѣтніе мальчуганы, воспитанники института, устраивающіе заговоръ!?*); что онъ не знаетъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться, и т. п. По счастью, мать Г. П. сохранила эти письма и показала ихъ кому слѣдуетъ. Но пока объяснилась его невинность, онъ сидѣлъ чуть не полгода (!!) въ тюрьмѣ».—Дѣйствительно, мать Г. П., какъ мы увидимъ ниже, хлопотала за сына, но не въ той формѣ, какъ это разсказываетъ г-жа Б—рнэ, которой измѣняетъ, очевидно, память. Мать пріѣзжала изъ Чугуева хлопотать за сына: никакихъ писемъ и никому она не показывала, ибо подобныхъ писемъ изъ института, да и изъ университета не было. Никогда Г. П. не жаловался ни на какихъ товарищей, которые его, будто бы, увлекаютъ въ заговоръ. Мы читали всю переписку нашего писателя съ 1839 по 1857 годъ и не встрѣтили ничего подобнаго. Въ крѣпости Г. П. пробылъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ, а не полгода. Приводимый въ текстѣ отрывокъ изъ воспоминаній г-жи Б—рнэ заслуживаетъ большаго вѣроятія: онъ подтверждается словами Г. П., записанными на бумажкѣ подъ № 27+28: «*Паукъ подружился со мною*».

никомъ, пришелъ обмести мою комнату и почистить углы, я чуть не со слезами на глазахъ умолялъ его не трогать моихъ пауковъ».

Причины ареста Г. П. въ точности неизвѣстны до сихъ поръ. Можно думать, что нашъ писатель былъ арестованъ вмѣсто своего однофамильца Н. Я. Данилевскаго и что, слѣдовательно, произошло недоразумѣніе, выясненіе котораго длилось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Письма Г. П. не даютъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы юноша-Данилевскій увлекался какими бы то ни было вольнолюбивыми ученіями или теоріями, читалъ запрещенныя книги и водилъ знакомство съ петрашевцами. По письмамъ, наоборотъ, Г. П. рисуется очень осторожнымъ и благоразумнымъ студентомъ, увлекающимся наукою и литературою, а въ частности поэзіею. Въ отношеніи 23-го мая 1849 года статсъ-секретаря князя Голицына коменданту Петропавловской крѣпости И. В. Набокову говорилось: «При разсмотрѣніи бумагъ студента Данилевскаго не оказалось въ нихъ ничего относящагося къ настоящему дѣлу; особенно однакожъ вниманіе обратили сдѣланныя имъ неблагонамѣренныя отмѣтки карандашомъ въ найденной у него книгѣ, подъ заглавіемъ: «Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая I», сочиненія Устрялова». Узнавъ объ арестѣ, мать Г. П. обратилась за разъясненіемъ къ ректору университета П. А. Плетневу, который, однако, не могъ дать точнаго отвѣта. Вотъ что̀ писалъ онъ ей 3-го іюня 1849 года: «Дѣло, о которомъ вы, милостивая государыня, изволите меня спрашивать, столько же неизвѣстно мнѣ, какъ и вамъ. Слышалъ я, будто въ домѣ генерала Коростовцева, гдѣ бывалъ иногда сынъ вашъ, говорили, что онъ только пользовался запрещенными книгами изъ библіотеки тѣхъ людей, которые сдѣлались причиною его несчастія. Если это справедливо, то конечно справедливые и прозорливые судьи не смѣшаютъ злыхъ умысловъ съ проступкомъ неопытной молодости. Въ бѣдствіи вашемъ возложите всѣ надежды на милосердіе Государя и защиту небеснаго Отца».

Мать Г. П., конечно, не положилась исключительно на судей, а начала хлопотать сама. Она послала два прошенія (черновики помѣчены 15-мъ іюня 1849 года): одно—шефу корпуса жандармовъ, графу А. Ѳ. Орлову, другое коменданту Петропавловской крѣпости, генералъ-адъютанту И. А. На-

бокову. Въ первомъ прошеніи она, между прочимъ, писала: «Передо мной раскрыты всѣ идеи его разума, всѣ помыслы души и всѣ движенія сердца. Призываю Бога въ свидѣтели, мой сынъ невиненъ: духовность его переполнена чистой, святой любовью къ Царю и благоговѣйнымъ чувствомъ благодарности за спокойствіе и счастіе, которымъ пользуются вѣрноподданные нашего Монарха, управляющаго народомъ съ такою дивною мудростью. Эти-то чувства и мысли положены въ основаніе идей моего сына. Онъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ находитъ случай доказательно говорить о своей любви и преданности къ Царю. Посылаю одно изъ писемъ и увѣрена, что ваше сіятельство по прочтеніи вполнѣ убѣдитесь въ истинѣ материнскихъ словъ и не откажете ходатайствовать объ освобожденіи невиннаго юноши, и тѣмъ возвратите къ жизни потерянную мать, а съ ней и все семейство». Однако, Орловъ, по прочтеніи письма, сдѣлалъ на немъ слѣдующую помѣтку: «Сынъ арестованъ и вѣроятно виновенъ». Во второмъ прошеніи, на имя Набокова, высказывались почти тѣ же мысли, та же увѣренность въ полной невинности сына вмѣстѣ съ просьбой о заступничествѣ и освобожденіи невинно заключеннаго.

По разслѣдованіи дѣла, просьба матери, оказавшаяся вполнѣ основательной, была уважена, и Г. П. освободили изъ заточенія 10-го іюля 1849 года. Въ рапортѣ отъ этого числа Его Императорскому Величеству коменданта Петропавловской крѣпости, генералъ-адъютанта Набокова, значится: «Содержавшійся въ казематѣ С.-Петербургской крѣпости студентъ Данилевскій, во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго мнѣ въ предписаніяхъ военнаго министра отъ 9-го сего іюля, изъ-подъ ареста освобожденъ и изъ списковъ объ арестантахъ исключенъ». Послѣ освобожденія изъ крѣпости, надъ Г. П. былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, и въ продолженіе нѣкотораго времени вся его переписка конфисковалась и представлялась на цензуру въ III отдѣленіе.

Литературная дѣятельность въ 1849 году, прерванная 25-го февраля, вновь началась только въ сентябрѣ мѣсяцѣ и вся почти сосредоточилась на концѣ года. Такъ, въ началѣ этого года Г. П. напечаталъ всего одно стихотвореніе въ «Звѣздочкѣ», № XIX—«У колыбели» и два фельетона: «Мартыновъ и его художественное поприще въ 1848 г.»—

въ №№ 36 и 37 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Некрологъ М. А. Байкова», въ № 43 «Полицейской Газеты». Къ концу же года относится появленіе поэмы въ двухъ частяхъ, о которой думалъ и которую, можетъ быть, писалъ Г. П., сидя въ крѣпости,—поэмы подъ заглавіемъ «*Гвая-Ллиръ*», напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ; въ сентябрѣ появился въ № 204 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» большой фельетонъ подъ заглавіемъ: «Литературныя замѣтки», а въ №№ 219, 258 и 259 той же газеты еще три фельетона: одинъ—озаглавленный: «Библіографическія и другія новости» и два другіе, посвященные вопросу о современномъ направленіи поэзіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Передъ окончаніемъ университета, весною 1850 года, Г. П. помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ малороссійскихъ сказки — «Казаки и степи» и «Двѣ сестры»—которыя открыли цѣлую серію имъ подобныхъ сказокъ, появлявшихся, время-отъ-времени, вплоть до 1859 года включительно и обратившихъ на себя общее вниманіе. Обратила вниманіе критики также и поэма изъ мексиканскаго быта «Гвая-Ллиръ».

Арестъ и сидѣніе въ Петропавловской крѣпости нашего писателя, доставившіе ему много горькихъ дней, не повліяли на окончаніе курса въ университетѣ и вообще на будущую судьбу. На выпускныхъ экзаменахъ, продолжавшихся съ 4-го апрѣля по 7-е іюня, Г. П. получилъ прекрасныя отмѣтки: изъ восьми предметовъ по *пяти* и только изъ двухъ по *четыре* (технологія, которую читалъ проф. Ильенковъ, и уголовные законы — проф. Баршевъ). Передъ молодымъ кандидатомъ юридическаго факультета открылся широкій жизненный путь, приведшій его, послѣ многихъ лѣтъ неустаннаго труда, къ прочной и почетной извѣстности.

Проведя лѣто 1850 года подъ роднымъ кровомъ, Г. П. осенью совершилъ путешествіе на югъ, причемъ побывалъ въ Одессѣ, Крыму и на Кавказѣ. Въ Одессѣ нашъ писатель познакомился съ Я. П. Полонскимъ и Н. Ѳ. Щербиной. Знакомство съ послѣднимъ вскорѣ перешло въ дружескія, близкія отношенія, которыя не прерывались до дня его кончины въ 1869 году. Много лѣтъ спустя, Г. П. по-

святилъ своему другу, мало оцѣненному при жизни, несмотря на свой несомнѣнный сатирическій талантъ, нѣсколько теплыхъ страницъ воспоминаній и сообщилъ при этомъ его автобіографическую записку, письма и неизданныя стихотворенія. Все это, составившее весьма цѣнный матеріалъ для характеристики жизни и дѣятельности Щербины, было напечатано послѣ смерти Г. П., въ январской книжкѣ «Историч. Вѣстника» за 1891 годъ.

Вообще, съ окончаніемъ университета, кругъ литературныхъ знакомствъ нашего писателя быстро расширяется. Еще студентомъ 3-го и 4-го курса Г. П. бывалъ на литературныхъ вечерахъ у Ишимовой и довольно часто посѣщалъ профессоровъ: Срезневскаго, Никитенко и Плетнева. Новыя литературныя знакомства, по выходѣ изъ университета, завязывались или при помощи редакторовъ тѣхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ помѣщалъ свои произведенія молодой писатель, или при помощи службы и Плетнева, который покровительствовалъ своему бывшему студенту. Послѣдній, въ свою очередь, высоко цѣнилъ вниманіе друга Пушкина и въ письмахъ къ матери отзывался о немъ восторженно. Близкому знакомству съ Плетневымъ Г. П., какъ видно изъ писемъ, придавалъ огромное значеніе и говорилъ, что, благодаря рекомендаціямъ ректора, поступилъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія *). Служба эта продолжалась около семи лѣтъ, по 20 февраля 1857 года, — когда Г. П., по прошенію, былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника,—и шла для нашего писателя прекрасно, но онъ самъ не пожелалъ дольше оставаться въ Петербургѣ и уѣхалъ служить на родинѣ— не для чиновъ и карьеры, а для народа и пользы земской. Но не будемъ забѣгать впередъ и предвосхищать интересъ послѣдующаго изложенія.

Поступленіе на службу состоялось 7-го ноября 1850 года. Г. П. былъ причисленъ канцелярскимъ чиновникомъ къ департаменту народнаго просвѣщенія и попалъ въ столъ къ сыну директора Гаевскаго, вѣдавшаго еврейскія дѣла. Служба молодого писателя была не обременительна и оста-

---

*) Вотъ, напримѣръ, письмо отъ 31 января 1854 года, въ которомъ Г. П., между прочимъ, просилъ свою мать поблагодарить П. А. Плетнева. «Поблагодарите,—писалъ въ порывѣ признательности Г. П.,—за

вляла достаточно времени на занятія литературою. Притомъ она облегчалась прекрасными отношеніями, какъ ближайшаго, такъ и высшаго начальства. Вотъ что Г. П. писалъ по этому поводу своей матери въ письмѣ отъ 12-го февраля 1851 года: «На-дняхъ у молодого Гаевскаго, съ которымъ я схожусь все болѣе и болѣе, былъ большой вечеръ; на немъ были одни мужчины — и все литераторы, всѣхъ партій и оттѣнковъ, человѣкъ 40. Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, съ которыми я тамъ сошелся: Панаевъ, Некрасовъ, Сенковскій, князь Одоевскій, Никитенко, Дружининъ, Щербина, Языковъ, Мей, Петровъ и другіе. Въ началѣ вечера сидѣли въ одномъ углу четверо: Никитенко, Одоевскій, Кавелинъ и я. Я что-то возразилъ Кавелину,—всѣ весело разсмѣялись. Никитенко съ гордостью сказалъ: «это нашъ бывшій студентъ, Данилевскій». Князь Одоевскій обратился ко мнѣ: «не поэтъ ли Данилевскій?»—спросилъ онъ.—«Точно такъ, князь!»—И Одоевскій торжественно протянулъ мнѣ руку!» Если ближайшее начальство нашего писателя способствовало, хотя бы косвенно, его литературнымъ занятіямъ, то и высшее относилось къ нимъ вполнѣ благосклонно и даже поощряло ихъ. Разсказывая, напримѣръ, про свое дежурство у министра народнаго просвѣщенія, кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова, на второй день новаго года (1851), Г. П. прибавляетъ: «Вечеромъ я дождался срока отпуска домой, вошелъ къ министру и вручилъ ему богато-переплетенный экземпляръ Ричарда III. Онъ просмотрѣлъ его и съ улыбкою сталъ бесѣдовать со мною: спрашивалъ меня о моей родинѣ, о средствахъ къ жизни, объ ученіи моемъ, трунилъ надо мною и сказалъ, что вѣроятно нынѣшнее

его горячее сочувствіе моей молодости и трудамъ и за все, что онъ сдѣлалъ мнѣ,—а онъ многое сдѣлалъ: помогъ указаніями и совѣтами написать диссертацію, за которую я получилъ медаль, *опредѣлилъ меня въ министерство* и потомъ прямо къ Норову, наконецъ, каждый трудъ мой вдохновлялъ и освящалъ своею благословляющею душою,—душою, которой сочувствія искалъ съ дѣтства Пушкинъ и Жуковскій до глубокой старости гордился имъ, какъ другомъ; выразите все это отъ своего теплаго, добраго сердца и при этомъ выскажите, чего бы вы желали, чтобы онъ дѣлалъ мнѣ! А дѣлать мнѣ съ его стороны я жажду одного: такого же участія ко мнѣ, такого же руководства въ моихъ трудахъ и побѣжденіи своихъ слабостей, слабостей молодости, и довѣрія къ людямъ. Онъ также руководилъ и образовалъ Майкова, а у Майкова здѣсь еще отецъ и мать, и вся семья! Выразите, мой ангелъ, все это ему, котораго я глубоко обожаю...»

первое дежурство мое доставитъ публикѣ какое-нибудь новое стихотвореніе, что ужъ вѣрно я за скукою сочинялъ?.. Отпуская меня, онъ сказалъ, что обратитъ на меня все свое вниманіе».

Обѣщаніе министра дѣйствительно исполнилось въ томъ же году, такъ какъ на даровитаго чиновника-литератора обратилъ вниманіе и приблизилъ его къ себѣ товарищъ министра, извѣстный авторъ «Путешествія въ Палестину», А. С. Норовъ. Въ письмѣ отъ 4-го февраля мы читаемъ слѣдующее: «Два дня назадъ я былъ призванъ, — писалъ Г. П. своей матери,—моимъ директоромъ Гаевскимъ въ его кабинетъ... «Мой другъ!—сказалъ онъ,—товарищъ министра, Норовъ, просилъ меня рекомендовать ему чиновника изъ департамента, который бы могъ исправлять у него должность чиновника особыхъ порученій. Мнѣ пришла мысль назначить васъ! желаете ли вы? Это васъ подвинетъ впередъ и выставитъ на глаза нашего начальства!» Я поблагодарилъ его—и теперь исправляю должность чиновника особыхъ порученій у Норова. Эта должность занята другимъ чиновникомъ, который уѣхалъ въ отпускъ; слѣдовательно, я служу безъ жалованья и только на время... Но не въ томъ дѣло! Норовъ съ моего второго визита уже сталъ меня звать «мой родной» и «Григорій Петровичъ!» Я къ нему являюсь въ 10 часовъ, остаюсь съ полчаса, получаю порученія съѣздить въ какое-нибудь министерство, къ министру, написать на иностранномъ языкѣ письмо, прочесть что-нибудь и сказать ему мое сужденіе и другое «секретное дѣло» исполнить—и цѣлый день потомъ свободенъ. Вчера я около часу проговорилъ съ нимъ о литературѣ. Норовъ самъ писалъ и пишетъ и потому—о удивленіе!—онъ знаетъ и читалъ всѣ произведенія вашего покорнаго сына Гр. Д.»

Такимъ образомъ, нашъ писатель сразу пріобрѣлъ симпатіи, довѣріе и вниманіе своего начальника, который вскорѣ доказалъ ихъ и на дѣлѣ. Служившій у Норова чиновникомъ особыхъ порученій писатель Сухонинъ, авторъ «Русской свадьбы въ XVI ст.», перешелъ въ другое вѣдомство, и на открывшуюся вакансію, при помощи Гаевскаго и Плетнева, написавшаго къ Норову чрезвычайно лестное письмо о Г. П., налегая, главнымъ образомъ, на его литературное значеніе и образованіе, былъ опредѣленъ 20-го іюня нашъ писатель. Жалованье онъ получалъ небольшое—всего 35 рублей въ

мѣсяцъ; но не въ жалованьи, конечно, было дѣло. Вскорѣ Норовъ познакомилъ Г. П. со своимъ семействомъ и пригласилъ обѣдать, что съ теченіемъ времени вошло почти въ обыкновеніе. Чтобы было удобнѣе вмѣстѣ работать, Норовъ предложилъ своему чиновнику переѣхать на дачу въ Павловскъ, гдѣ самъ жилъ съ семействомъ, что Г. П. и исполнилъ. Онъ нанялъ за 9 рублей въ мѣсяцъ большую меблированную комнату съ кухней, въ концѣ Госпитальной улицы, въ каменномъ домѣ. «Срезневскіе,—писалъ Г. П. матери,—живутъ рядомъ почти со мной, Норовъ—въ Солдатской слободкѣ, Тюринъ—близъ него, Мартыновъ, актеръ, — тамъ же, Каратыгинъ старшій — тамъ же, и мы съ нимъ начнемъ работать надъ передѣлкою Ричарда III для сцены (его беретъ дирекція у меня)». Лѣто на дачѣ прошло совершенно незамѣтно среди занятій и развлеченій. «Я безпрестанно въ семействѣ А. С.,—писалъ Г. П. матери,—обѣдаю, какъ адъютантъ его (въ другомъ письмѣ онъ называлъ себя «ловкимъ и энергическимъ адъютантомъ»), почти черезъ день съ нимъ или здѣсь, или въ городѣ. Дѣлаю маленькія, порученныя мнѣ Вар. Егор. (женою Норова) дѣла: покупаю для нея пахучіе и блистательные фрукты въ Милютинскихъ лавкахъ, варенье, перчатки; ѣзжу къ модисткамъ за ея платьями, читаю вслухъ то Гоголя, то журнальные романы, гуляю въ паркѣ съ нею и съ ея племянницею, Паниной. Черезъ вхожесть свою въ домъ А. С., я познакомился уже и теперь со множествомъ лицъ, чрезвычайно важныхъ по своему вліянію и вѣсу въ обществѣ. Иногда мнѣ приходится дня два-три почти ничего не исполнять по службѣ, а иногда цѣлый день въ разъѣздахъ по комиссіямъ служебнымъ»...

Переѣхавъ съ дачи въ Петербургъ, Г. П. получилъ отъ Норова порученіе съѣздить въ Москву, по дорогѣ—подъ Клиномъ обревизовать его помѣстье, въ Москвѣ распутать дѣло его по наслѣдству и, смотря по времени, обревизовать еще два имѣнія въ тульской и рязанской губерніяхъ. Выѣхавъ изъ Петербурга 3-го октября, Г. П. около $1^1/_2$ недѣли пробылъ въ подмосковномъ Норовскомъ имѣніи, а затѣмъ до первыхъ чиселъ ноября прожилъ въ Москвѣ. Это пребываніе въ первопрестольной столицѣ особенно было знаменательно въ литературномъ отношеніи. «Литераторы здѣшніе,—писалъ Г. П. матери 16-го октября изъ Москвы,—

меня приняли съ восторгомъ: это меня до глубины души тронуло и трогаетъ. Островскій (драматургъ, авторъ «Свои люди—сочтемся») вчера же повезъ меня къ издателю «Москвитянина», около котораго все здѣсь сосредоточивается. Тотъ меня встрѣтилъ уже какъ знакомаго, по письмамъ Плетнева, и повелъ по своему знаменитому музеуму: показывалъ старыя русскія монеты, бездну костюмовъ, рукописей, иконъ русскихъ святителей, и т. п., и наконецъ собраніе автографовъ русскихъ геніевъ... Я чуть не обезумѣлъ, вообразите: рукой Жуковскаго написанная на-черно «Эолова арфа», томъ черновой «Исторіи» Карамзина, дѣло, взятое изъ архива: «О посылкѣ студента Ломоносова за море для обученія философіи», множество черновыхъ Пушкинскихъ стихотвореній, рукопись Загоскина: «Русскіе въ нѣмецкихъ кафтанахъ», письма Грибоѣдова, Батюшкова, Крылова и, наконецъ, «Мертвыя души» Гоголя — собственная его черновая рукопись... Погодинъ меня пригласилъ бывать у него по четвергамъ, и черезъ два дня я тамъ увижу Гоголя и всю московскую словесность, съ которой, впрочемъ, меня уже успѣли познакомить еще въ прошломъ году... Сегодня я приглашенъ обѣдать у Шевырева, а завтра къ Вельтману».

Въ письмѣ отъ 24-го октября Г. П. разсказывалъ, между прочимъ, о вечерѣ у поэтессы графини Растопчиной, на которомъ были: Островскій, Эдельсонъ, Филипповъ, Алмазовъ, Щербина, Рамазановъ, Бергъ и другіе. «Графиня встрѣтила меня, — писалъ Г. П. матери, — словами: «Мы съ вами видѣлись мало, но вѣрно часто жили другъ подлѣ друга по нашей поэзіи». Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ здѣшнему поэту Бергу я прислалъ свою «Татарскую созерцательность», а онъ переслалъ ее графинѣ въ ея славное село Анну; отвѣтъ ея онъ мнѣ показывалъ теперь. Вотъ что̀ она ему писала: «Стихотвореніе Данилевскаго прелестно; оно дышитъ и страстною природою Востока, и лѣнью поэтической души южнаго человѣка; я его читала съ истиннымъ упоеніемъ и выучила наизусть!» Я поцѣловалъ хорошенькую, круглую, съ маленькими скульптурными пальчиками, ручку графини и съ наслажденіемъ вглядывался въ жгучіе глазки нашей черноокой Аспазіи. На вечерѣ толковали о многомъ. Островскій сказалъ о моей поэмѣ, изъ которой я ему читалъ отрывки,—меня заставили прочесть нѣсколько мѣстъ. Потомъ

я читалъ наизусть новое произведенiе Майкова «Савонарола» и, наконецъ, послѣ Щербины, который прочелъ уморительный аттестатъ семинариста, сочиненный имъ, я прочелъ еще нѣсколько мелкихъ своихъ стихотворенiй... Вечеръ былъ чудный. Я долго его не забуду!»—Въ концѣ того же письма Г. П. сообщалъ, что на вечерѣ у Шевырева онъ видѣлъ Гоголя, разсказывавшаго о своемъ путешествiи и Тентетниковѣ, что ѣдетъ на вечеръ къ Вельтману, а затѣмъ къ Погодину, у котораго въ «Москвитянинѣ» печатаетъ сказку «Ивашко», и что недавно обѣдалъ у Загоскина. Такимъ образомъ, Г. П. въ кругъ московскихъ литераторовъ вошелъ, какъ свой человѣкъ. Достойнымъ завершенiемъ пребыванiя въ Москвѣ явилось болѣе близкое, чѣмъ встрѣчи на вечерахъ, знакомство съ Гоголемъ, о чемъ въ письмѣ отъ 5-го ноября молодой писатель сообщалъ своей матери такимъ образомъ: «Гоголь изъявилъ желанiе видѣть меня. Меня представили ему. Онъ меня принялъ довольно оригинально. Говорилъ мнѣ, что читалъ мои сказки, хвалилъ ихъ, разспрашивалъ о моихъ трудахъ и, наконецъ, попросилъ меня спѣть украинскiя пѣсни, которыхъ я теперь знаю множество, черезъ Сашу Тюрина. Гоголю о нихъ кто-то сказалъ. Я спѣлъ. Гоголь былъ въ восторгѣ и до того заинтересовался, что тутъ же положилъ устроить украинскiй вечеръ сперва у себя, но потомъ увѣдомилъ меня запиской, что у Аксаковыхъ. Тамъ было кромѣ меня еще двое нашихъ земляковъ; мы пѣли чудныя поэтическiя мелодiи Украйны и провели вечеръ превосходно. Тамъ, по просьбѣ дочерей Аксаковыхъ, я прочелъ имъ кое-какiя свои стихотворенiя. Наконецъ, 3-го числа я былъ у Гоголя на вечерѣ, гдѣ были еще Тургеневъ и здѣшнiе актеры Щепкинъ, Садовскiй и директоръ театра Верстовскiй. Гоголь намъ самъ читалъ своего «Ревизора». Когда всѣ ушли въ 10 часовъ, онъ увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ мы прочли съ нимъ написанную мною здѣсь «Запорожскую думу» въ стихахъ съ риомами. Мы сидѣли до 2 часовъ. Онъ мнѣ давалъ много совѣтовъ, говорилъ о своихъ трудахъ, поправилъ мою пьесу и отпустилъ *съ благословенiемъ* на труды» *).

Чтобы понять причины необыкновенно радушнаго прiема,

*) О свиданiяхъ и бесѣдахъ съ авторомъ «Мертвыхъ душъ» болѣе подробно разсказано въ статьѣ изъ литературныхъ воспоминанiй: «Знакомство съ Гоголемъ», т. XIV настоящаго изданiя.

оказаннаго нашему писателю во время его кратковременнаго пребыванія осенью 1851 года въ Москвѣ тамошними литераторами, чтобы оцѣнить въ должной мѣрѣ вниманіе къ нему Гоголя и Погодина, пригласившаго его сотрудничать въ своемъ журналѣ, необходимо припомнить, что двадцатидвухлѣтній Г. П. былъ уже переводчикомъ двухъ драмъ Шекспира—«Ричарда III» и «Цимбелина», авторомъ «Крымскихъ стихотвореній» и многихъ малороссійскихъ сказокъ.

Обѣ драмы Шекспира придирчивая цензура нашла неудобными къ печати и испещрила ихъ курьезными поправками, какъ можно это видѣть изъ письма къ нашему писателю А. А. Краевскаго, въ журналѣ котораго, «Отечественныхъ Запискахъ», Г. П. предполагалъ напечатать «Цимбелина». «Я получилъ,—писалъ Краевскій,—корректуры и глазамъ своимъ не вѣрилъ! Фрейгангъ не позволилъ Постума называть бѣднымъ (слѣдовательно уничтожилъ цѣлый характеръ!), выкидываетъ титулы: «ваше величество», «ваша свѣтлость»; выкидываетъ слова: «придворный дуракъ», «воръ»; превращаетъ «честь» въ «вѣрность» или «любовь», «монарха» въ «супруга»; вымарываетъ цѣлые десятки стиховъ и—словомъ—стираетъ весь колоритъ Шекспировскій и изъ героевъ «Цимбелина» дѣлаетъ какихъ-то губернскихъ чиновниковъ съ безупречной службой, говорящихъ наивнымъ языкомъ повѣстей Мосальскаго. Для меня эти перемѣны равняются запрещенію, поэтому я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь дѣйствовать заодно съ цензурою, съ этою святотатственною инквизиціею,—не рѣшусь до тѣхъ поръ, пока не погаснетъ во мнѣ благоговѣніе къ искусству и къ его великимъ дѣятелямъ. На страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», пока я ихъ редакторъ, никогда не будетъ напечатанъ Шекспиръ, исправленный и упорядоченный до безсмыслицы. Я лучше откажусь отъ драмы, откажусь отъ журнала, но не доведу себя до такого безнравственнаго поступка».

«Ричардъ III» былъ переведенъ Г. П. еще на четвертомъ курсѣ университета и напечатанъ въ №№ 4 и 6 «Библіотеки для чтенія» за 1850 годъ, а къ началу слѣдующаго года появился отдѣльнымъ изданіемъ. «Цимбелинъ» напечатанъ въ томъ же журналѣ (№ 8 за 1851 г.), равно какъ и «Крымскія стихотворенія», помѣщенныя въ № 1. Вообще, въ «Библіотекѣ для чтенія» на первыхъ порахъ Г. П. сотрудничалъ очень дѣятельно, и редакторъ этого

журнала, знаменитый баронъ Брамбеусъ (Сенковскій), несомнѣнно цѣнилъ молодого и талантливаго литератора, на что можно найти указанія въ письмахъ. Такъ, въ нихъ неоднократно упоминается о присутствіи Г. П. на вечерахъ у Сенковскаго, а въ письмѣ отъ 20 го марта 1851 года, между прочимъ, разсказывается: «Сенковскій на-дняхъ прислалъ мнѣ свой стихотворный переводъ хоровъ изъ духовной пьесы Расина «*Аталія*» и просилъ меня исправить его *дурацкіе стихи*, какъ онъ написалъ, потому что эти хоры будутъ здѣсь пѣть въ филармоническомъ обществѣ. Я у него нынче былъ. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, который обитъ розовымъ кашемиромъ, и, усадивъ на голубое бархатное кресло, сталъ слушать, какъ я критиковалъ въ пухъ и прахъ его стихи».

Послѣ «Крымскихъ стихотвореній» Г. П. продолжалъ только въ теченіе пятидесятыхъ годовъ писать свои сказки, если не считать случайныхъ и весьма недурныхъ драматическихъ сценъ изъ римской жизни: «*Пиръ у поэта Катулла*». Въ письмѣ отъ 18-го ноября 1852 года Г. П., сообщая своей матери, что пьеса ужасно искажена цензурою, утѣшается мыслью видѣть ее на сценѣ: «25-го ноября,—писалъ онъ,— на другой день вашихъ именинъ, ангелъ Мамаша, она идетъ безъ выпуска въ бенефисъ Каратыгина, на сценѣ Александринскаго театра; лучшіе актеры играютъ въ ней роли, а роль Катулла — самъ Каратыгинъ 1-й. Теперь я каждый день за кулисами присутствую при репетиціяхъ. Изъ отзывовъ журналовъ объ игрѣ актеровъ вы узнаете, имѣла ли пьеса успѣхъ или нѣтъ; я же, несмотря на то, что это вещь легкая и не стоитъ большихъ хлопотъ, жду съ волненіемъ своего дебюта. Только по печатной пьесѣ не судите объ ея цѣломъ составѣ. Болѣе трети ея выкинуто!»

Наконецъ, настало 25 ноября. Спектакль («въ пользу актера г-на Каратыгина 2-го», какъ значилось на афишѣ) былъ составленъ изъ четырехъ пьесъ, шедшихъ въ первый разъ: сценъ «Пиръ у поэта Катулла», комедіи графа В. А. Соллогуба—«Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживешься», водевиля П. Каратыгина — «Туда и сюда, или курьезный закладъ» и интермедіи въ одномъ дѣйствіи, съ пѣніемъ, танцами и плясками—«Горемычная свадьба, или возвращеніе съ нижегородской ярмарки». Первый драматическій опытъ молодого писателя имѣлъ успѣхъ: автора нѣ-

сколько разъ вызвали; пьесу дали второй разъ 28-го ноября. Послѣ двухъ представленій Г. П. писалъ матери слѣдующее: «Каратыгинъ 1-й въ римской тогѣ былъ неподражаемъ и ослѣпителенъ; Мартыновъ вызывалъ не разъ дружный хохотъ, а хорошенькая Читау, съ греческимъ профилемъ, была чрезвычайно мила въ роли Лезбіи, особенно, когда подъ покрываломъ, подъ звуки арфъ, декламировала стихи. Во 2-й разъ пьеса шла еще лучше... Я просилъ дирекцію болѣе не давать ее потому, что собираюсь писать комедію изъ русской жизни... Оба раза я сидѣлъ послѣ своей пьесы, въ остальныхъ пьесахъ спектакля, въ подаренной мнѣ ложѣ бельэтажа (цѣны имъ были тогда по 15 р. сер.); со мною въ огромной ложѣ сидѣлъ только одинъ мой несравненный Ваня Соколовъ (впослѣдствіи извѣстный художникъ), и это было единственное вознагражденіе, которое я принялъ отъ Каратыгина за свою пьесу. Пьеса эта вышла въ «Пантеонѣ» и вмѣстѣ съ «Фарисомъ» доставится вамъ».

«Пиръ у поэта Катулла» шелъ и въ Москвѣ, въ бенефисъ Никулиной-Косицкой, причемъ роль Катулла исполнялъ Полтавцевъ. Въ одинъ вечеръ съ пьесой Г. П. шла въ первый разъ комедія Островскаго: «Не въ свои сани не садись». Въ Москвѣ сцены изъ римской жизни нашего писателя были приняты такъ же благосклонно, какъ и въ Петербургѣ.

О спектаклѣ 25-го ноября въ Александринскомъ театрѣ появился только одинъ отзывъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Рецензентъ (Р. М. Зотовъ) говорилъ, что пьеса Г. П. «составляетъ весьма пріятное событіе въ современной драматической литературѣ». «Очерки римскихъ нравовъ выведены очень вѣрно, а стихи г. Данилевскаго извѣстны своею легкостью и живостью. Намъ въ особенности чрезвычайно понравился прекрасный монологъ Катулла къ черепу..., гдѣ съ блестящею поэзіею соединены высокія философскія мысли... Мы вполнѣ благодарны г. Данилевскому за прекрасный его подарокъ и просимъ продолжать поприще, такъ хорошо начатое, взявъ какой-нибудь сюжетъ посерьезнѣе». Какъ бы исполняя желаніе и совѣтъ стараго театрала, Г. П. написалъ пьесу для бенефиса Максимова (11-го января 1853 г.) изъ современнаго малороссійскаго быта: «*Вскрытіе духовнаго завѣщанія*»; но цензура такъ ее изуродовала, что на третьей репетиціи авторъ взялъ ее назадъ, чтобы «не раз-

рушить,—какъ онъ писалъ матери,—успѣшнаго впечатлѣнія прошлогодней пьесы». На этомъ драматургическая дѣятельность Г. П. и прекратилась.

Если былъ удаченъ дебютъ молодого писателя на сценѣ въ концѣ 1852 года, то еще бо̀льшимъ успѣхомъ сопровождалось появленіе «*Степныхъ сказокъ*» въ началѣ того же года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потребовавшихъ второго изданія. Авторъ собралъ сказки, печатавшіяся раньше въ журналахъ, присоединилъ къ нимъ нѣсколько новыхъ, и такимъ образомъ получилась небольшая книжечка, весьма понравившаяся и публикѣ, и критикѣ *). Первая была заинтересована новизною содержанія, свѣжестью и яркостью картинъ южной природы, характеристичностью очерковъ малороссійскаго быта и казачества, по временамъ легкостью и звучностью стиха. Симпатіи свои къ сказкамъ нашего писателя публика доказала и впослѣдствіи, когда раскупила одно за другимъ семь изданій ихъ въ одной изъ книжекъ Суворинской «Дешевой библіотеки». Успѣхъ этотъ былъ вполнѣ заслуженнымъ, такъ какъ въ сказкахъ встрѣчаются дѣйствительно художественныя страницы, и подготовилъ успѣхъ беллетристическихъ произведеній, къ которымъ Г. П. обратился съ 1852 года. Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи явилась «*Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисараѣ*» **), напечатанная въ пятой книжкѣ «Современника». За нею, въ концѣ того же года, послѣдовала повѣсть «Хуторянскій маляръ» ***), о которой въ письмѣ къ матери отъ 16-го августа 1852 года Г. П. говорилъ: «Повѣсть выходитъ до того уморительна, что я иногда хохочу самъ надъ собственными фразами; вы здѣсь увидите кое-что и изъ знакомыхъ вамъ характеровъ». Писаніе повѣстей, изъ которыхъ къ концу 1853 года составилась цѣлая книга въ 364 страницы, озаглавленная «*Слобожане*», продолжалось одновременно съ другими литературными и служебными работами. Въ высшей степени живая, подвижная и даровитая натура нашего пи-

---

*) Въ книжку вошли семь сказокъ: «Живая свирѣль», «Крымскій плѣнникъ», «Ивашко», «Сонъ въ майскую ночь», «Огненный цвѣтокъ», «Оборотень», «Походъ казаковъ».

**) Впослѣдствіи два раза перемѣнившая заглавіе: «*Изюмскія вечерницы*» и «*Бѣсъ на вечерницахъ*».

***) Впослѣдствіи печатавшаяся подъ заглавіемъ просто «*Маляръ*» и «*Старосвѣтскій маляръ*».

сателя въ неустанномъ трудѣ, смѣнявшемся немногими часами развлеченій—въ театрѣ, въ литературномъ и свѣтскомъ кругу,—находила, очевидно, наслажденіе—качество рѣдкое въ русскихъ талантливыхъ людяхъ, обыкновенно не отличающихся трудолюбіемъ. Въ письмѣ отъ 16-го августа, о которомъ мы уже упоминали, находимъ слѣдующія строки: «Я приглашенъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» писать въ эту газету еженедѣльныя письма и съ августа уже началъ *). Вы теперь можете постоянно ихъ читать тамъ подъ рубрикой «*Петербургская жизнь*», съ подписью Д. Вообразите, что я ихъ пишу къ вамъ, и еженедѣльная бесѣда между нами оживится: малѣйшія новости петербургскія я теперь передаю одиннадцати тысячамъ подписчиковъ этой газеты». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Г. П. находилъ время написать нѣсколько фельетоновъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», составить любопытный біографическій очеркъ актера А. Е. Мартынова, помѣстить въ «Моск. Вѣд.» описаніе посѣщеннаго имъ въ іюлѣ 1852 года «Хуторка близъ Диканьки» (вошедшее впослѣдствіи въ переработанномъ видѣ въ статью: «Знакомство съ Гоголемъ»), напечатать нѣсколько библіографическихъ отзывовъ, и проч. Хотя лѣтомъ, обыкновенно, кромѣ перваго года службы, Г. П. получалъ отпускъ или, начиная съ 1854 года, командировки, но въ остальное время молодому чиновнику приходилось исполнять довольно серьезныя работы, требовавшія не мало труда. Такъ, въ одномъ письмѣ Г. П. сообщаетъ своей матери, что наблюдаетъ, по порученію министра, за изданіемъ книги, печатаемой министерствомъ для поднесенія государю: «Образцовыя сочиненія воспитанниковъ Польши на русскомъ языкѣ»; въ письмѣ отъ 11-го февраля 1852 года нашъ писатель говоритъ: «А. С. (т.-е. Норовъ) поручилъ мнѣ составить кодексъ всѣхъ узаконеній по нашему министерству; я сажусь за это дѣло, а дѣло это вчера бывшій мой начальникъ, Гаевскій, съ обычною своею чопорностью, сдвинувъ губы, назвалъ: «Геркулесовымъ подвигомъ». Съ Божьею милостью, я надѣюсь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ усидчивой работы восторжествовать»; въ третьемъ письмѣ, отъ 18-го ноября того же года, Г. П. разсказываетъ матери, что, на

*) См. «Моск. Вѣд.» за 1852 г. №№ 94, 95, 98, 101, 104, 106, 109, 115, 123, 129, 141 и 148, съ 30-го іюля по 5-е декабря, а за 1853 г. — №№ 3, 8, 14, 20, 36 и 40.

время отсутствія Норова, онъ прикомандированъ къ министру для занятій еврейскими дѣлами, и т. д.

Посвящая почти все время на разнообразныя литературныя и служебныя работы, молодой писатель умѣлъ находить свободные часы для отдыха. Въ письмѣ къ матери отъ 21-го февраля 1853 года мы читаемъ: «На-дняхъ Даргомыжскій устроилъ у себя для меня и Тюрина музыкальный вечеръ; я пѣлъ, Тюринъ игралъ — и гости съ хозяиномъ радушно насъ ласкали... Я уже писалъ вамъ о моемъ избраніи въ члены Благороднаго собранія (пашковскаго клуба на Литейной): это избраніе тѣмъ для меня дорого, что совершено вслѣдствіе моихъ отзывовъ о собраніи въ Вѣдомостяхъ. Тамъ я очень веселюсь на балахъ, а будни люблю тамъ обѣдать (какъ членъ только за 40 к. сер. 5 блюдъ) и послѣ до вечера остаюсь въ читальной комнатѣ за журналами и сигарою на мягкомъ канапé. Надо знать петербургскую жизнь, чтобы любить ее, а любишь ее, когда найдешь средства жить дешево, весело и въ уровень съ людьми, которые проживаютъ тысячи, а больше моего не испытываютъ. По субботамъ вечеромъ я уже всегда у Срезневскихъ; одно воскресенье вечеромъ у Майковыхъ (поэтъ-сынъ на-дняхъ женился на Анхенъ, очень миленькой, бѣдной нѣмочкѣ Штеммеръ, въ которую былъ влюбленъ уже 6 лѣтъ), а другое — у Плетневыхъ. Плетневъ болѣе и болѣе со мной сходится; на-дняхъ узналъ онъ о моемъ увлеченіи украинскими мелодіями и заставилъ меня пѣть; это ему такъ понравилось, что онъ послалъ нарочнаго тутъ же къ своему сосѣду, директору здѣшней таможни, Угричичъ-Требинскому, страстному патріоту-украинцу, и познакомилъ его со мною. Требинскій тоже пригласилъ меня къ себѣ, и я у него бываю». Въ письмѣ отъ 22-го января 1854 года находятся слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: «Истекшія двѣ недѣли прошли для меня очень весело. У архитектора Штакеншнейдера, построившаго дворецъ Маріи Николаевны, былъ театръ: играли «*Три смерти*» Майкова. Актеры были: самъ Майковъ, Бенедиктовъ, я и нѣкоторые художники, для дополненія. Мы были въ римскихъ туникахъ и тогахъ, котурнахъ на ногахъ и въ античныхъ парикахъ. Я игралъ молоденькаго ученика и былъ въ голубой туникѣ, шитой золотомъ, и въ бѣлокуромъ парикѣ до плечъ; монологъ мой о смерти танцов-

шицы Лоры вызвалъ рукоплесканія. У графа Толстого... каждую среду артистическіе вечера. Художники рисуютъ вокругъ лампъ — все почти молодые академики, — дамы рвутъ корпію, а литераторы что-нибудь читаютъ. Здѣсь бываютъ изъ послѣднихъ постоянно: Майковъ, Полонскій, Бенедиктовъ, Щербина, Писемскій, Мей, Струговщиковъ и начинаетъ ѣздить Тургеневъ; Контскій игралъ... Я завелъ недавно *альбомъ для артистовъ*, своихъ знакомыхъ. Мнѣ уже написали превосходныя стихотворенія: Каролина Павлова (авторъ «Вечера въ Тріанонѣ»), Щербина, Полонскій, Майковъ, Бенедиктовъ, Мей, рисуютъ карикатуры Степановъ и гр. Толстой и напишутъ музыкальныя строфы Глинка и Даргомыжскій, у котораго вчера мы всѣ были на музыкальномъ вечерѣ; онъ намъ игралъ изъ своей новой оперы «Русалка». — Кромѣ того Г. П. навѣщалъ своихъ родныхъ Байковыхъ и знакомыхъ Коростовцевыхъ, бывалъ съ своимъ другомъ, Ваней Соколовымъ, у художника Бейдемана, попрежнему радушно былъ принятъ у Норовыхъ, а въ 1853 году разговлялся у графини Орловой-Денисовой. Въ письмѣ отъ 18-го апрѣля этого года Г. П. писалъ матери: «...Графиня назначила мнѣ во вторникъ на Страстной вечеръ, когда я вызвался ей читать въ рукописи найденныя на-дняхъ главы изъ II-го тома «Мертвыхъ душъ»; на этотъ вечеръ меня слушать пригласила она многихъ дамъ и мужчинъ изъ числа высокихъ друзей своихъ—и до двухъ часовъ ночи мы провели незапамятный вечеръ; я кромѣ Гоголя многое читалъ наизусть—и ласки общества тронули меня глубоко... Вторникъ для меня тѣмъ болѣе прошелъ весело, что это былъ день моего рожденья (14-го апрѣля); 24-й годъ свершился — и я не безъ нѣкоторой свѣтлой радости и гордости оглянулся на пролетѣвшіе годы—всюду и всегда видя васъ, моя милая Мамаша, и васъ, мой дорогой, добрый Папа!»

Дѣйствительно, молодой писатель, въ 24 года, являлся уже авторомъ нѣсколькихъ довольно крупныхъ литературныхъ работъ, къ которымъ въ концѣ 1853 года прибавилась еще одна—первый сборникъ малороссійскихъ разсказовъ, подъ заглавіемъ: «*Слобожане*». Всѣ помѣщенные въ этомъ сборникѣ разсказы («Маляръ», «Слободка», «Дѣдушкинъ домикъ», «Изюмскія вечерницы» и «Пельтетепинскіе панки») впослѣдствіи нѣсколько разъ передѣлывались и пе-

репечатывались, кромѣ «Введенія», «Степного городка» и «Хуторянки». Авторъ намѣревался включить въ сборникъ еще два разсказа — «*Проповѣдь въ пустынѣ*» и «*Чугуевъ*», но они цѣликомъ были запрещены цензурой. По выходѣ въ свѣтъ сборника Г. П. писалъ своей матери: «Книга «*Слобожане*» вызвала сильные толки и въ двѣ недѣли вся расхватана; мнѣ Глазуновъ предлагаетъ купить 2-е изданіе; по совѣту Краевскаго я отказалъ... подожду и потомъ прибавлю болѣе зрѣлыхъ повѣстей, болѣе строгихъ очерковъ и, исправивъ это, издамъ лучше! Книга мнѣ принесла, кромѣ вашихъ подписчиковъ, 500 р. сер., а съ ними—600: изданіе стоитъ до 400 р., слѣдовательно 200 р. мнѣ очистилось! Столько же за право напечатать еще 600 экземпляровъ мнѣ теперь давалъ прямо и Глазуновъ. Эти деньги пошли больше на книги; все изданіе «Смирдинскихъ русскихъ авторовъ», съ Ломоносова до нашихъ дней, я пріобрѣлъ на нихъ; потомъ полныя сочиненія Жуковскаго, изданныя въ Германіи; все это и старую библіотеку и еще другія новыя книги я отлично переплелъ... книги еще буду покупать, но все такія, что не на одно прочтеніе въ присѣстъ, а навсегда, для справокъ и долгаго изученія. Это пойдетъ весною въ Петровское...»

Въ другомъ письмѣ къ матери, отъ 6-го марта 1854 года, читаемъ слѣдующее: «*Слобожане*» разошлись; требуютъ второе изданіе; я отдалъ его въ цензуру и получилъ билетъ на выпускъ, но разсудилъ и пріостановилъ это новое изданіе до осени: исправлю его, прибавлю новые разсказы и тогда издамъ. Я жду съ нетерпѣніемъ *вашего*, ангелъ мой безцѣнный, вашего отзыва о нихъ. Такихъ сужденій, каково Скалона, я здѣсь тысячи слышалъ, но это все не то, что вы можете сказать! Вообще, книга моя возбудила толки, и я впервые прислушивался, лицомъ къ лицу, къ говору публики... Сказки были мои только по формѣ, Шекспиръ— по языку, а это все мое! — Вижу все темное въ своихъ картинахъ и не раскаиваюсь, что произвелъ имъ разомъ выставку передъ публикой: *я теперь узналъ, что нужно разработывать, и увидѣлъ, въ чемъ могутъ состоять мои силы.* Выборъ сюжетовъ — главная моя ошибка; многое въ книгѣ не стоитъ моихъ наблюденій и обстановки, которую я ввелъ въ нее. Словомъ, теперь я уже не напишу подобной книги; но я далеко не раскаиваюсь, что написалъ ее.

Она раскуплена въ два мѣсяца; значитъ, меня хотятъ читать, тѣмъ болѣе, что книга не журналъ, который даже поневолѣ читаютъ. Наконецъ, и сатиры ея задѣли, значитъ, не были мертвы; у меня лежитъ письмо, присланное къ Краевскому изъ провинціи, съ подписью: «Антонъ Минычъ Морква, с. Пельтетепинское», гдѣ господинъ, такъ подписавшійся, объявляетъ, что онъ выведенъ въ моей книгѣ цѣликомъ и проситъ защиты. На письмѣ, пересланномъ мнѣ, Краевскій написалъ: «*Обратите вниманіе*». Лицо Морквы мною вымышлено, а нашелся ему двойникъ, значитъ вымыселъ—недалекъ отъ природы *).

Въ восьми повременныхъ изданіяхъ **) критики единодушно называли «Слобожанъ» — «пріобрѣтеніемъ изящной литературы» и, за малыми исключеніями, посвятили этой книгѣ обширные фельетоны и статьи, причемъ подробно разбирали каждый разсказъ.

Такимъ образомъ, первые беллетристическіе опыты нашего писателя увѣнчались успѣхомъ и показали настоящую дорогу для его дарованія, которое къ началу шестидесятыхъ годовъ достигло полнаго своего развитія, завоевало симпатіи многочисленной читающей публики и заняло видное мѣсто въ ряду художественныхъ талантовъ. Со времени появленія «Слобожанъ» Г. П., написавъ еще нѣсколько сказокъ и переведя нѣсколько стихотвореній

---

*) Любопытно сопоставить съ этимъ оправданіемъ автора слѣдующія слова изъ воспоминаній г-жи Б-рнэ, уже выше цитованныхъ и помѣщенныхъ въ «Донской Пчелѣ», № 16 за 1891 годъ: «Сколько я ни читала повѣстей Г. П., почти въ каждой я находила лицо и нынѣ здравствующее изъ нашего уѣзда. *Да этого онъ и не скрывалъ.* Говорятъ, это не всегда бываетъ хорошо въ смыслѣ литературнаго достоинства художественныхъ произведеній. Такъ пишутъ критики. Но я подобнаго удовольствія, конечно, никогда не испытывала: въ столь художественныхъ, прекрасныхъ сочиненіяхъ узнать знакомыхъ тебѣ людей, такъ занимательно и выразительно описанныхъ. Напр., въ романѣ «Пенсильванцы и Каролинцы»—(кажется, этотъ романъ носитъ теперь другое названіе), въ лицѣ Пивантьева, крѣпостного человѣка, съ сильнымъ, неукротимымъ характеромъ, выведенъ близкій мнѣ родственникъ по мужу. Онъ былъ первое лицо нашего уѣзда въ 50—60 годахъ (онъ давно уже умеръ); старикъ суровый, непреклонный, но очень добрый и справедливый».

**) «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Сѣверная Пчела», «Библіотека для чтенія», «Московскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Москвитянинъ», «Раутъ», III книга, и «Петербургскій Вѣстникъ».

изъ Шиллера, Мицкевича и Гейне, окончательно дѣлается беллетристомъ — сначала бытовымъ, а затѣмъ, въ семидесятыхъ годахъ — историческимъ, хотя первыя удачныя попытки въ историческомъ родѣ сдѣланы еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда были написаны: «Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя», «Царь Алексѣй съ соколомъ» (1856 г.) и «Екатерина Великая на Днѣпрѣ» (1858 г.). Одновременно съ этими историческими разсказами или нѣсколько раньше ихъ появились: въ «Библіотекѣ для чтенія»—разсказъ землемѣра «Старобубновъ боръ» *) и очерки четырехъ временъ года въ Малороссіи «Нравы и обычаи украинскихъ чумаковъ» **); въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — цѣлый рядъ новыхъ украинскихъ народныхъ сказокъ въ стихотворномъ переложеніи — «Живое озеро», «Дѣдовы козы», «Братъ и сестра», «Бѣсы», «Путь къ солнцу», «Лѣсная хатка» ***); наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» ****) — любопытная и основательная біографія извѣстнаго малороссійскаго писателя Квитки-Основьяненко, обратившая на себя весьма одобрительное вниманіе критики. Работая надъ этою біографіею, Г. П. писалъ своей матери: «Я составилъ по стариннымъ журналамъ, надъ чѣмъ съ трудомъ рылся цѣлые мѣсяцы въ Публичной Библіотекѣ, полный списокъ его (Квитки) сочиненій и всѣхъ псевдонимовъ съ 1816 по 1843 годъ его литературной жизни; подъ каждымъ означилъ содержаніе сочиненія; наконецъ, собралъ всѣ печатныя извѣстія о его жизни. Плетневъ, пока по секрету, далъ мнѣ до 80 писемъ къ нему Основьяненко, изъ которыхъ выборъ для біографіи будетъ любопытнѣйшій». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Г. П. просилъ мать разузнать у близкихъ знакомыхъ Квитки, харьковскихъ помѣщиковъ: нѣтъ ли у нихъ рукописей и писемъ автора и пана Халявскаго, не слышали ли они о немъ какихъ-нибудь анекдотовъ, не помнятъ ли его сужденій о литературѣ, о себѣ самомъ, о Гоголѣ и пр. Составленная на основаніи всѣхъ этихъ любопытныхъ матеріаловъ, біографія

*) 1854 года, № 4.

**) 1857 года, №№ 3, 4, 5 и 6.

***) 1857 года, № 24, и 1858—№№ 1, 2 и 3.

****) 1855 года, №№ 11 и 12. Біографія Квитки-Основьяненко вышла также отдѣльнымъ изданіемъ, съ портретомъ, снимкомъ почерка и рисункомъ Тимма.

Квитки до сихъ поръ является единственной въ своемъ родѣ. При своемъ появленіи въ свѣтъ она вызвала цѣлый рядъ похвальныхъ отзывовъ; особенное вниманіе при этомъ критика обратила на разъясненіе Г. П. вопроса: заимствовалъ ли Гоголь содержаніе комедіи «Ревизоръ» изъ комедіи Основьяненко, написанной въ 1827 году и называющейся: «Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ». Писатель нашъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ на основаніи данныхъ, совершенно оправдывающихъ Гоголя, который, впрочемъ, и самъ никогда не присвоивалъ себѣ изобрѣтеніе сюжета «Ревизора», а говорилъ, что сюжетъ переданъ ему Пушкинымъ.

Въ послѣдніе три года службы по министерству народнаго просвѣщенія Г. П., какъ человѣкъ, имѣвшій уже литературную извѣстность, посылался въ ученыя командировки. Такъ, лѣтомъ 1854 года, молодой писатель, во время своего путешествія по губерніямъ курской, харьковской и полтавской, собиралъ, по порученію министерства, свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и старинныхъ актахъ въ монастыряхъ и городахъ, а также составилъ реестры наиболѣе любопытнымъ изъ актовъ и описалъ много рукописей историческаго содержанія, замѣчательныхъ въ томъ или другомъ отношеніи. Въ 1855 году министръ народнаго просвѣщенія командировалъ Г. П. въ губерніи: полтавскую — для осмотра и описанія въ археологическомъ отношеніи мѣстностей г. Полтавы и ближайшихъ къ ней мѣстечекъ и селъ, ознаменованныхъ событіями эпохи борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII, и екатеринославскую — для осмотра архива и окрестностей г. Екатеринославля. Результаты первой командировки частью изложены въ статьѣ: «Частныя и общественныя собранія старинныхъ актовъ и историческихъ документовъ въ Харьковской губерніи», а результаты второй—въ статьѣ: «Полтавская старина въ отношеніи ко времени Петра Великаго» *). Особенно важна вторая статья, въ которой Г. П. описалъ, по плану историка Устрялова, историческія мѣста Полтавы и ея окрестностей, крѣпость, древнія зданія и частные дома, уцѣлѣвшіе съ 1709 года, ближайшія села, монастыри, со-

*) Обѣ статьи напечатаны въ «Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія» №№ 2 и 3 за 1856 г.

бралъ преданія и письменные остатки, описалъ памятники знаменитой битвы, сооруженные въ царствованія Петра Великаго, Екатерины II, Александра I и Николая I.

Третью командировку нашъ писатель получилъ въ 1856 году отъ морского министерства, по волѣ Августѣйшаго Генералъ-Адмирала Константина Николаевича, вмѣстѣ съ другими писателями — Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, Максимовымъ, Михайловымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Потѣхинымъ и др., отправленными для изученія быта прибрежныхъ жителей Россіи. Г. П. посѣтилъ и описалъ прибрежья Азовскаго моря, а также Днѣпръ и Донъ. Путешествіе это, продолжавшееся три съ половиною мѣсяца, доставило нашему писателю богатый запасъ наблюденій надъ жизнью бѣглыхъ крестьянъ въ степяхъ и впослѣдствіи вдохновило на многія прелестныя и глубокопрочувствованныя описанія своеобразной новороссійской природы, частью перешедшія и въ русскія хрестоматіи.

Несмотря на свои служебные успѣхи; несмотря на расположеніе министра А. С. Норова и его товарища князя П. А. Вяземскаго, который такъ же приблизилъ къ себѣ молодого даровитаго чиновника-литератора, какъ и Норовъ, будучи товарищемъ министра; несмотря на образовавшіяся въ короткое время обширныя литературныя связи и знакомства,— Г. П. еще въ 1854 году задумалъ оставить Петербургъ, оставить канцелярскую службу, пожить на родинѣ, въ тѣни, «вдали отъ журнальныхъ кружковъ, которые кладутъ тяжелое клеймо мелкихъ дрязгъ своихъ на спокойное обдумываніе трудовъ». Рѣшеніе это окончательно созрѣло въ 1857 году, когда 20-го февраля, согласно прошенію, Г. П. былъ уволенъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ надворнаго совѣтника. Главнымъ мотивомъ (подробно выясненнымъ въ нижеприводимомъ, замѣчательномъ письмѣ) оставленія службы и Петербурга являлась несовмѣстимость ея съ литературной карьерой. «Если бы я захотѣлъ,—писалъ Г. П. своей матери,—*двойственность* моей теперешней дороги—литературной и служебной—раздѣлить, т. е. отбросить литературу, я могъ бы съ большимъ терпѣніемъ и очень спокойно переносить всякіе щелчки и шагъ за шагомъ достигать всего чиновничьяго, петербургскаго—орденовъ, геморроя, теплыхъ мѣстечекъ и тому подобнаго... Но взгляните на это же дарованіе; это все равно было бы, что надру-

гаться надъ честнымъ кровомъ родительскимъ, если бы бросилъ я его,—бросилъ трепещущимъ первымъ счастіемъ первой жизни, бросилъ обиженнымъ, безмолвнымъ и умирающимъ для чего-то далекаго, сухого, счастливаго тогда, когда во рту не будетъ зубовъ и порядочная куча подлостей, честныхъ, какъ говорится, подлостей будетъ на плечахъ. Нѣтъ! грѣшно и безчестно бросить такъ это дарованіе, грѣшно и безчестно, когда его зовущая, упоительная сила такъ благородно отдается съ каждымъ днемъ любящему сердцу, когда сила его можетъ ворочать со временемъ, при честномъ служеніи религіи искусства, камни и каменныя души... *Литераторъ выше всякаго чиновника;* литераторъ тотъ же честный чиновникъ великаго Божьяго государства, но его поприще выше всякаго другого! Выше и по той свободѣ, съ какою подходитъ онъ къ своему рабочему жертвеннику и съ какою соединяется каждый день его жизни; выше и потому, что чиновникъ поставитъ на бумагѣ нумеръ и она черезъ то не потеряется, — или купитъ женѣ своего начальника туфли и она черезъ то не простудится; а литераторъ строго выноситъ, среди изученія образцовъ и долгаго обдумыванія и долгихъ усиленныхъ работъ, свѣтлую мысль или характеръ подъ сердцемъ, какъ мать, и когда его собственныя силы станутъ крѣпнуть,—дѣти его сердца станутъ трогать сердцà и поучать умы милліоновъ. Намъ нечего бросать жребія, мы съ вами видимъ ясно! Я уже не ребенокъ въ мірѣ слова, очинившій перо для стишонковъ и первой печатной строки; мое будущее для меня начинаетъ уже разъясняться; я его вижу, вижу мой удѣлъ, вижу будущіе труды и слышу всѣми фибрами сердца зовущій меня голосъ... Я сдѣлалъ въ литературѣ столько, что теперь мнѣ или нужно бросить ее, растоптать и забыть навсегда, или смѣло бросить все, что помѣшаетъ вдохновенному и тихому шествію дарованія, и отдаться ей одной, безраздѣльно и навѣки; иначе—жизнь моя въ собственныхъ глазахъ моихъ будетъ безчестна и кончится посредственностью, диллетантизмомъ, я сдѣлаюсь артистомъ, котораго будутъ помнить табачныя ноздри геморроидальныхъ сослуживцевъ, да два-три памятливые родственника... Мнѣ необходимо изученіе людей, сердецъ, страстей и помысловъ современности и моей родины; этого ничего я не изучу и даже не увижу въ Петербургѣ! Мнѣ необходимо по край-

ней мѣрѣ *три года* оставаться подолѣе. лѣто, весну и осень, въ провинціи, учиться, присматриваться, прислушиваться, собирать, работать въ тишинѣ и крѣпнуть вдали отъ свѣта, для котораго потомъ опять явиться. Этого сдѣлать нельзя, служа; службу на время надо оставить... Черезъ три года тѣ-же люди, которые дали мнѣ ходъ, встрѣтятъ меня и дадутъ мнѣ опять ходъ по службѣ, если бы я захотѣлъ, и еще просить будутъ, ручаюсь вамъ въ этомъ, потому, что знаю канву, по которой здѣсь вышиваются служебные узоры! Меня выпустятъ изъ виду, но не забудутъ. Я безпрестанно зрѣлѣе и зрѣлѣе буду напоминать о себѣ въ печати и, не опошлившись для нихъ вѣчнымъ торчаніемъ на ихъ глазахъ, явлюсь тѣмъ же стариннымъ ихъ знакомцемъ, но нѣсколько опять новымъ, возбуждающимъ ихъ любопытство, и при моемъ знаніи пружинъ житейскихъ, при моихъ связяхъ въ кругу молодежи и стариковъ чиновничьей аристократіи здѣсь—достигну всего, чего пожелаю!»

Эти слова во многомъ оказались вполнѣ вѣрными. Дѣйствительно, житье на родинѣ въ харьковской губерніи, но не въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ предполагалъ Г. П., а въ теченіе двѣнадцати, оказалось въ литературномъ отношеніи въ высшей степени плодотворнымъ: шестидесятые годы — пора пышнаго расцвѣта таланта нашего писателя, пора созданія лучшихъ бытовыхъ романовъ, составляющихъ извѣстную трилогію-эпопею изъ быта Новороссіи. Расцвѣтъ таланта Г. П. совершился, несомнѣнно, подъ благотворнымъ вліяніемъ родины, подъ вліяніемъ работы на свободѣ, въ сельской тишинѣ, подъ вліяніемъ частаго и живого общенія съ людьми разныхъ сословій и состояній во время службы по выборамъ — сначала въ комитетѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, а затѣмъ въ только-что создавшемся земствѣ. Наконецъ, когда въ 1869 году Г. П. снова пріѣхалъ служить въ Петербургъ, онъ дѣйствительно достигъ многаго, если не всего, чего желалъ.

Итакъ, съ выходомъ нашего писателя въ отставку, въ 1857 году, начинается новый періодъ его жизни, наступаетъ пора возмужалости его дарованія, пора служенія родинѣ въ самое горячее время великихъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою и требовавшихъ для своего воплощенія и осуществленія талантливыхъ дѣятелей.

Еще 14-го ноября 1854 года Г. П. писалъ своей матери: «Что касается женитьбы въ ранніе годы, то я другой женитьбы и не понимаю, особенно при моихъ кабинетныхъ наклонностяхъ. Женившись, можно разлюбить поэзію, только живя помѣщикомъ; а здѣсь — здѣсь все кипитъ и подстрекаетъ. Почти всѣ молодые наши литераторы женаты или живутъ такъ, какъ женатые; святость и чистота сердца только тутъ въ домашнемъ быту и сохраняются. Я не боюсь за себя; у меня слишкомъ много жажды работъ и извѣстности, какъ ихъ награды, для того, чтобы опуститься и стать преждевременно брюзгой. Напротивъ, тутъ я еще сосредоточусь болѣе и стану серьезнѣе смотрѣть на труды свои». Эти строки были написаны Г. П. въ самый разгаръ его любви къ дочери одного харьковскаго помѣщика, къ той «черноокой Наденькѣ Б***», которая вдохновила впослѣдствіи нашего писателя на созданіе образа Аглаи въ романѣ «Девятый валъ». Почти въ каждомъ письмѣ отъ 1853 — 1855 гг. можно прочитать нѣсколько строкъ о Н. Ѳ. Б***,—строкъ, то восторженныхъ и радостныхъ, то грустныхъ и печальныхъ, такъ какъ страстно влюбленному Г. П. долго было больно «при одной мысли о монастырѣ и о томъ миломъ существѣ, которое похищено имъ», долго образъ любимой дѣвушки «восходилъ для него лучезарною звѣздой» и будилъ дорогое прошедшее, въ которомъ было потеряно столько очаровательныхъ грезъ и надеждъ. Можно увѣренно сказать, что любовь нашего писателя не оставалась безотзывной, что Н. Ѳ. поступала въ монастырь только на самый короткій срокъ для того, чтобы сдержать какой-то обѣтъ, но достойнѣйшую и неопытную дѣвушку увѣрили въ монастырѣ, что отецъ далъ за нее Г. П. согласіе и что женихъ ищетъ только ея состоянія. Вѣроятно, эти наговоры и сплетни оскорбили Н. Ѳ., и она, повѣривъ имъ, отвергла искреннюю и безкорыстную любовь молодого писателя. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Г. П. графиня Б-рнэ, о которой мы имѣли уже случай говорить выше, передаетъ объ этомъ эпизодѣ изъ жизни нашего писателя не лишенныя интереса подробности, относящіяся именно къ 1854 году. «Онъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, средняго роста, очень симпатичной наружности; его малороссійскіе, темно-сѣрые съ узкимъ, но красивымъ прорѣзомъ, глаза бѣгали, какъ огоньки! Онъ въ то время переживалъ пору юности и увлеченій, былъ

холостъ, имѣлъ планы на женитьбу. «Ахъ, дружище, — говорилъ онъ моему мужу,—въ душѣ моей теперь таятся два идеала. Одинъ идеалъ говоритъ: «не стòитъ жить, ничтоженъ міръ», а другой идеалъ говоритъ: «нѣтъ, міръ имѣетъ свои радости, счастье — нужно жить». И вотъ, среди столь разнообразныхъ ощущеній и борьбы онъ не шутя горевалъ... Одна изъ дѣвушекъ, которая говорила поэту «не стòитъ жить», была никто иная, какъ Аглая, героиня романа «Девятый валъ». Пробывъ *два года* въ монастырѣ, она оставила его, потому-что «я не нашла того монастыря, который былъ въ моемъ воображеніи», впослѣдствіи говорила она. Тѣмъ не менѣе, любовь ихъ не возвратилась. Г. П. въ то время жилъ въ Москвѣ и Петербургѣ; они не видѣлись больше. Не знаю, что съ ней теперь, но лѣтъ десять тому назадъ я видѣлась съ ней... Она была уже пожилая дѣвушка, блѣдная, но все еще сохранившая слѣды поразительной красоты, въ траурномъ платьѣ, съ янтарными четками, привѣтливая, но очень грустная и молчаливая».

Свои намѣренія и планы жениться по возможности раньше, чтобы «сохранить святость и чистоту сердца», Г. П. дѣйствительно исполнилъ вскорѣ послѣ выхода въ отставку: свадьба его была 7-го іюня 1857 года. Онъ женился на дочери помѣщика-сосѣда зміевскаго уѣзда, умершаго штабсъ-капитана, Юліи Егоровнѣ Замятиной. Вѣнчаніе происходило въ Покровской церкви села Дмитріевки, изюмскаго уѣзда. Двѣнадцать лѣтъ послѣ женитьбы нашъ писатель прожилъ на родинѣ, въ харьковской губерніи, частью въ родовомъ имѣніи отца, селѣ Петровскомъ, частью въ имѣніи жены, селѣ Екатериновкѣ. Изрѣдка навѣдываясь въ Петербургъ, Г. П. побывалъ также въ 1860 году за границею — во Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и славянскихъ земляхъ Турціи *).

---

*) «*Письма изъ-за границы*» (двѣ серіи) печатались въ «Сѣверной Пчелѣ»; къ первой серіи относятся 10 писемъ—съ 26-го февраля по 26-е мая 1860 года, ко второй — всего два письма, помѣщенныя въ №№ 211 и 228 (11-го сентября и 23-го октября). Первыя десять писемъ носили заглавія: Отъ Петербурга до Берлина, отъ Берлина до Парижа, Французскіе депутаты въ Луврѣ, Парижъ, отъ Парижа до Тосканы, Венеція и Туринъ (2 письма), Старосвѣтскіе помѣщики на югѣ Франціи, Римъ и Неаполь (2 письма); во вторыхъ двухъ письмахъ повѣствовалось о Лондонѣ и французскихъ деревняхъ. Подъ большинствомъ писемъ имѣется подпись: *А. Скавронскій*.

Искренно сочувствуя освобожденію крестьянъ, отпустивъ еще до 19-го февраля 1861 года нѣкоторыхъ изъ своихъ дворовыхъ на волю, Г. П. началъ служеніе своей родинѣ послѣ предварительной подготовки, послѣ внимательнаго изученія экономическаго быта харьковскаго крестьянина. Результаты этого изученія были изложены въ трехъ обширныхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ №№ 3, 7 и 13 московскаго «Журнала землевладѣльцевъ» за 1858 г. и озаглавленныхъ: «*Харьковскій крестьянинъ въ настоящее время*». По тщательномъ разсмотрѣніи его быта, Г. П. пришелъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ. Онъ находилъ, что харьковскіе крестьяне, изнуренные болѣзнями, съ потерей въ раннемъ возрастѣ силъ, безъ помощи медицины и правильной жизни, страдаютъ черезполосицей, постояннымъ отправленіемъ почти всѣхъ повинностей натурою, проволочками своихъ кровныхъ дѣлъ—исковъ по имуществу и по обидамъ отъ черезчуръ плодовитой канцелярской переписки судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ; страдаютъ отъ дурного расположенія границъ владѣльческихъ участковъ земель, отъ низкой наемной, поденной и годовой платы за трудъ; отъ непониманія своихъ отношеній къ властямъ и помѣщикамъ; отъ эксплоатаціи откупщиковъ, отъ печальнаго состоянія земледѣлія и жалкаго прозябанія всѣхъ другихъ промысловъ. Необходимость въ коренныхъ преобразованіяхъ крестьянскаго быта была очевидна, и авторъ своими письмами шелъ, такимъ образомъ, навстрѣчу великодушнымъ намѣреніямъ правительства. Онъ находилъ нужнымъ, для улучшенія положенія крестьянъ, учрежденіе и размноженіе фельдшерскихъ школъ и аптекъ при сельскихъ общинахъ, принятіе энергическихъ мѣръ къ полюбовному размежеванію въ губерніи, открытіе общественныхъ работъ (постройка желѣзной дороги въ два конца отъ Харькова къ Θеодосіи и къ Москвѣ), улучшеніе путей и средствъ сообщенія, обезпеченіе дешевымъ кредитомъ, преобразованіе откупной системы, дарованіе свободы личному труду человѣка, самое широкое покровительство земледѣлію, и проч. По намѣченной правительствомъ программѣ, преобразованія въ сельскомъ быту должны были совершиться при участіи помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, будущимъ поколѣніямъ которыхъ предстояла задача просвѣщенія «младшихъ братій», развитіе ихъ нравственныхъ и экономическихъ понятій, «чтобы ихъ святой

трудъ, — какъ говорилъ въ третьемъ письмѣ Г. П., — освободясь изъ тьмы запутанности и всякихъ вѣковыхъ стѣсненій, не пропадалъ еще даромъ, а въ примѣненіи своемъ неуклонно достигалъ бы главной своей цѣли — увеличенія народнаго богатства и счастія»... Призывая все харьковское дворянство къ пересозданію и перевоспитанію грядущаго поколѣнія свободныхъ землепашцевъ, Г. П. заканчивалъ слѣдующими глубоко-воодушевленными, полными свѣтлыхъ надеждъ, словами: «Отъ лица всего новаго поколѣнія края, честь и достоинства котораго берутъ здѣсь болѣе и болѣе вліянія, скажемъ словами поэта *), тронувшаго честною разработкою и нашъ поэтически-самобытный, хотя и нравственно-бѣдный край:

«Дню вчерашнему забвенье,
«Дню грядущему привѣтъ!..»

Дѣйствительно, горячей вѣрой въ «грядущій день» одушевлены были всѣ дѣятели эпохи крестьянскаго освобожденія, безкорыстно работавшіе для блага «младшей братіи», для блага всей Россіи. Если впослѣдствіи многія свѣтлыя чаянія не оправдались, а въ реформахъ оказались пробѣлы и ошибки, свойственныя всякому дѣлу рукъ человѣческихъ, если общество и народъ оказались стоящими ниже реформъ и неспособными къ ихъ правильному выполненію и усвоенію, — то, во всякомъ случаѣ, начала, положенныя въ ихъ основу, были настолько высоки и гуманны, что могли лучшихъ людей вызвать на самоотверженный и тяжелый трудъ, наградой за который являлось только сознаніе исполненнаго долга.

Съ вѣрою въ «грядущій день» выступилъ на служеніе народу и нашъ писатель. Въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года онъ былъ избранъ зміевскимъ дворянствомъ въ кандидаты къ двумъ членамъ отъ уѣзда въ харьковскій губернскій комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ обязательствомъ въ первый періодъ дѣятельности комитета нести равныя обязанности съ членами его, по собиранію необходимыхъ свѣдѣній въ зміевскомъ уѣздѣ. По желанію своего дворянства, Г. П. постоянно присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ комитета для безотложной замѣны членовъ отъ

*) И. С. Аксакова, изучавшаго харьковскую торговлю и написавшаго изслѣдованіе объ «Украинскихъ ярмаркахъ».

зміевскаго уѣзда, въ случаѣ ихъ отъѣзда или болѣзни. Во время засѣданій комитета на долю Г. П. выпадали труды, равные съ другими членами: заступая мѣсто представителей отъ уѣзда, онъ неоднократно участвовалъ какъ въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ комитета, такъ и въ его редакціонныхъ работахъ по начертанію проекта положенія объ освобожденіи крестьянъ. По закрытіи комитета, при письмѣ отъ губернскаго предводителя дворянства отъ 15-го мая 1859 года, Г. П. была объявлена Монаршая благодарность «за труды, понесенные въ теченіе занятій по крестьянскому дѣлу», и за составленіе «вполнѣ добросовѣстнаго и благороднаго положенія». Затѣмъ, наравнѣ съ членами бывшаго комитета, Г. П. получилъ, 22-го іюля 1861 года, для ношенія на александровской лентѣ особую серебряную медаль съ надписью: «*Благодарю за труды по освобожденію крестьянъ*».

Еще плодотворнѣе и виднѣе была земская дѣятельность нашего писателя, начавшаяся съ 1865 года. За два года передъ тѣмъ Г. П. былъ командированъ министромъ народнаго просвѣщенія Головнымъ въ харьковскую губернію для собиранія историческихъ и статистическихъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ посѣтилъ и описалъ около двухъ сотъ народныхъ школъ. Эта командировка ближе познакомила Г. П. съ тѣмъ дѣломъ, которымъ онъ потомъ руководилъ по порученію губернской земской управы.

17-го октября 1865 года нашъ писатель, въ качествѣ губернскаго гласнаго, въ первомъ очередномъ харьковскомъ губернскомъ собраніи былъ избранъ на трехлѣтіе въ члены харьковской губернской земской управы, при чемъ собраніе, за труды составленія и сообщеніе изслѣдованія о земскихъ повинностяхъ губерніи за прежніе годы, журнальнымъ постановленіемъ выразило ему благодарность. Съ начала и до конца своей службы въ званіи члена управы Г. П. завѣдывалъ ея попечительнымъ отдѣломъ, т.-е. дѣлами народнаго образованія, народнаго продовольствія и народнаго здравія, при чемъ ему была поручена непосредственная хозяйственная администрація харьковскихъ богоугодныхъ заведеній: губернской земской больницы, богадѣльни, дома для умалишенныхъ и фельдшерской школы. Кромѣ того, въ теченіе своей земской службы Г. П. занимался печатаніемъ отчетовъ и другихъ изданій управы, а также журналовъ губернскаго земскаго собранія.

Видная роль принадлежала нашему писателю въ осуществленіи мысли о постройкѣ курско-харьково-азовской желѣзной дороги. 25-го января 1866 года состоялось собраніе харьковскихъ домовладѣльцевъ, при участіи приглашенныхъ членовъ губернской и уѣздной земскихъ управъ и многихъ лицъ изъ иногородняго купечества, съѣхавшихся къ Крещенской ярмаркѣ. Собраніе обсуждало, между прочимъ, вопросъ о соединеніи Харькова съ Азовскимъ моремъ желѣзною дорогою. Предсѣдатель губернской земской управы А. Ѳ. Бантышъ прочиталъ записку: «Почему необходима харьково-азовская желѣзная дорога». Въ выработкѣ этой записки принималъ участіе и Г. П., такъ какъ составленіе ея было поручено особой комиссіи, образованной при губернской управѣ изъ предсѣдателя и ея членовъ, нѣкоторыхъ профессоровъ харьковскаго университета, многихъ представителей изъ харьковскаго купечества, нѣкоторыхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а также предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ управъ. Помимо участія въ этой желѣзнодорожной комиссіи, Г. П. составилъ еще свою записку, прочитанную въ томъ же собраніи 25-го января, подъ заглавіемъ: «*О харьковско-азовской желѣзной дорогѣ касательно интересовъ г. Харькова и его ярмарочной торговли*». По выслушаніи этой записки, принятой собраніемъ съ полнымъ сочувствіемъ, было постановлено: составить и подписать адресъ отъ города на Высочайшее имя относительно разрѣшенія и утвержденія проекта о постройкѣ дороги, прося начальника губерніи препроводить адресъ къ министру внутреннихъ дѣлъ для доведенія его до свѣдѣнія государя императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено записку Г. П. представить министру внутреннихъ дѣлъ, въ поясненіе адреса отъ города.

Въ ходатайствѣ харьковскаго земства указывалось, что сооруженіе дороги важно, во-первыхъ, въ экономическомъ отношеніи, потому что она можетъ спасти край отъ разоренія; во-вторыхъ, дорога облегчитъ передвиженіе огромнаго числа рабочихъ изъ внутреннихъ губерній и сохранитъ милліоны, издерживаемые на переходы; въ-третьихъ, откроетъ возможность государству воспользоваться неисчислимыми выгодами, которыя можетъ доставить разработка минеральныхъ богатствъ, залегающихъ на пространствѣ между харьковской губерніей и Азовскимъ моремъ; наконецъ, въ-четвер-

тыхъ, дорога имѣла большее значеніе въ стратегическомъ отношеніи.

Хотя въ собраніи 26-го февраля харьковскихъ домовладѣльцевъ и была доложена телеграмма мѣстнаго губернатора, находившагося въ то время въ Петербургѣ, — телеграмма, гласившая, что «правительство уже имѣетъ въ виду» сооруженіе курско-харьково-азовской дороги, тѣмъ не менѣе харьковская желѣзнодорожная комиссія сочла нужнымъ послать особую депутацію въ Петербургъ ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о *скорѣйшемъ* построеніи дороги. Г. П. дважды былъ избранъ депутатомъ отъ комиссіи — 12 марта 1866 года и 1-го ноября 1867 года. Участвуя въ первой депутаціи *), Г. П. находился въ Петербургѣ два съ половиною мѣсяца, а участвуя во второй — четыре мѣсяца. Во время поѣздки первой депутаціи, вмѣстѣ съ другими членами, 26-го апрѣля 1867 года, Г. П. представлялся въ Москвѣ государю. Во время пребыванія въ Петербургѣ второй депутаціи, нашъ писатель заключилъ 1-го марта 1868 года съ извѣстнымъ С. С. Поляковымъ договоръ о постройкѣ дороги, предоставившій земству значительныя выгоды и содѣйствовавшій къ заключенію договора казны съ Поляковымъ. По возвращеніи депутаціи изъ Петербурга, въ маѣ 1868 г., Г. П. удостоился полученія ордена св. Станислава 2-й степени. Избранный отъ харьковской губернской управы депутатомъ ея въ дѣлѣ посредничества между строителемъ дороги и собственниками губерніи, по вопросу объ отчужденіи земель и сносѣ строеній, Г. П. получилъ благодарственный адресъ отъ жителей гор. Славянска за труды во время переговоровъ этого города со строителемъ дороги, относительно приближенія къ Славянску желѣзнодорожной станціи.

Насколько родина цѣнила услуги своего даровитаго сына, можно видѣть хотя бы изъ того, что еще въ 1863 году Г. П. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ харьковскаго статистическаго комитета, 16-го іюня 1867 — почетнымъ мировымъ судьею зміевскаго уѣзда, а въ 1873 — акціонерное общество харьковско-азовской желѣзной дороги, помня со-

*) Кромѣ Г. П. въ составъ депутаціи вошли: членъ управы *Матушинскій* и гласный губернскаго земскаго собранія *Замятинъ*. Второй разъ ѣздили только Г. П. и Матушинскій.

дѣйствіе нашего писателя ея постройкѣ, назвало его именемъ два паровоза; не забыло почтить общество такимъ же образомъ А. М. Матушинскаго и бывшаго харьковскаго губернатора П. П. Дурново.

Оживленная общественная дѣятельность Г. П. за время съ 1857 по 1868 годъ шла параллельно съ еще болѣе оживленной и плодотворной дѣятельностью литературной, свидѣтельствующей о томъ, что талантъ нашего писателя опредѣлился, достигъ зрѣлости и оригинальности. «*Бѣглые въ Новороссіи*» (1862, журналъ «Время«, №№ 1 и 2), «Воля» (1863, тамъ же №№ 1, 2 и 3) и «*Новыя мѣста*» (1867, «Русскій Вѣстникъ», №№ 1 и 2) показали въ Г. П. по преимуществу художника-беллетриста, для котораго пластика фигуръ и бытовыя стороны дороже музыки внутренней жизни человѣка. Талантъ нашего писателя шелъ не столько въ глубь, сколько въ ширь, и не останавливался надъ подробнымъ психологическимъ анализомъ чувствъ и мыслей изображаемыхъ лицъ: всѣ они были у него въ движеніи, въ дѣйствіи, и характеризовались не столько разсужденіями, сколько поступками. Такимъ образомъ, преобладала эпическая сторона, за которою уже выступалъ современный интеллектъ, его недуги и волновавшіе общество интересы. Если Г. П., какъ художникъ, уступалъ нѣкоторымъ изъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ («*Данилевскій*—говорилъ извѣстный польскій романистъ Крашевскій—*для меня не имѣетъ артистической законченности и прелести Тургенева, но его талантъ иного рода и никакъ не меньшей силы*»), то какъ разсказчикъ и пейзажистъ онъ былъ хорошъ безъ всякихъ сравненій. Разсказъ нашего писателя былъ простъ и оживленъ, сплошь интересенъ и подчасъ полонъ тревоги безъ всякой утрировки. Манера не останавливаться долго надъ пейзажами, а переплетать ихъ нитью разсказа, придавала много прелести и оригинальности порывистому слогу. Выдающеюся особенностью таланта нашего писателя являлась также, столь рѣдко встрѣчающаяся между нашими беллетристами, способность пріискать интересную канву, любопытную, иногда очень сложную фабулу, которая, однако, служила автору для развитія основной общественной идеи. Въ изображеніи типовъ Г. П. занималъ не столько психологическій анализъ, сколько отношенія личности къ обществу. Что же касается русскаго пейзажа, то онъ пріобрѣлъ въ лицѣ нашего

писателя поэта, художественно воспѣвшаго своеобразныя красоты южной природы и Новороссіи. Описательный талантъ автора сказывался также и въ искусной рисовкѣ особенностей бытовой жизни; общій фонъ картины во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ Г. П. обыкновенно бывалъ вырисованъ прекрасно. Благодаря чувству мѣры, котораго зачастую не хватаетъ и очень большимъ художникамъ, въ романахъ нашего писателя дѣйствіе обыкновенно развивалось быстро, безъ остановокъ и скачковъ, интересъ овладѣвалъ читателемъ съ первой главы романа, не покидая его до послѣдней, небольшія главы не утомляли, и каждая сцена подвигала дѣйствіе къ развязкѣ. Изящная, тщательно отдѣланная форма произведеній Г. П., ихъ красивый и характерный языкъ, нелишенный образности и мѣткости, свидѣтельствовали о духовномъ родствѣ нашего писателя съ тѣми художниками-беллетристами 50-хъ и 60-хъ годовъ, которые свято хранили художественные завѣты геніальныхъ родоначальниковъ нашего реализма—Пушкина и Гоголя.

Художественная трилогія-эпопея, встрѣченная критикой при своемъ появленіи довольно сдержанно, нашла впослѣдствіи—въ концѣ шестидесятыхъ и въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ — проницательныхъ цѣнителей въ лицѣ Н. И. Соловьева, бывшаго сотрудника «Времени» и «Эпохи» *), и П. П. Сокальскаго, извѣстнаго музыканта, автора изслѣдованія о русской народной пѣснѣ, написавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ много талантливыхъ статей по искусству вообще и въ частности литературно-критическихъ **). Въ своей трилогіи, по вѣрному замѣчанію этихъ критиковъ, Г. П. представилъ цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ тонко разобрана «физіологія и патологія труда». Всѣ три романа имѣютъ между собою органическую связь, и сквозь ихъ пеструю ткань проглядываетъ одинъ общій типъ, имя которому — *дѣловой человѣкъ*,—бывшій до тѣхъ поръ по преимуществу сѣверяниномъ; Данилевскій же указалъ ему на югъ, на болѣе производительныя и благодатныя мѣста Россіи. Онъ образно высказалъ недовольному дѣйствительностью, «лишнему» человѣку, что единственное средство спасенія для него — бѣ-

*) См. его «Искусство и жизнь», т. III, 1869 г., стр. 214—257.

**) См. его статьи «Поэзія труда и борьбы», въ «Русской Мысли» 1886 г., №№ 11 и 12.

жать изъ Петербурга въ провинцію, въ глушь непочатыхъ и невоздѣланныхъ земель Россіи, гдѣ открывалось широкое поле для самой пылкой и предпріимчивой дѣятельности.

Въ художественномъ отношеніи «Бѣглые въ Новороссіи» стоятъ несомнѣнно выше «Воли» и «Новыхъ мѣстъ». Здѣсь авторъ прекрасно изобразилъ безпрерывное движеніе на югъ и обратно жаждущей воли народной толпы,—движеніе, обставленное множествомъ характерныхъ случайностей и мѣстныхъ картинъ природы. Рядомъ съ этимъ Г. П. вывелъ на сцену піонеровъ-плантаторовъ, русскихъ массачузетовъ и кентукки, «бѣлыхъ эксплоататоровъ бѣлыхъ негровъ», тоже бѣглыхъ, но высшаго полета, искавшихъ быстрой наживы. Представителемъ этихъ послѣднихъ былъ отставной гвардіи полковникъ Панчуковскій, взбалмошный аферистъ, сластолюбецъ, жуиръ и шикарь; нѣмецъ Шульцвейнъ, колонистъ-милліонеръ, владѣющій чуть не полгерцогствомъ степной земли, — другой противоположный полюсъ дѣловыхъ людей. «Бѣлые негры»—это бѣглые Милороденко и Левенчукъ, сангвиникъ и флегматикъ, одинъ—тертый калачъ, бывшій лакей, гуляка, прожигающій жизнь въ смѣлыхъ похожденіяхъ; другой — натура сосредоточенная, трудолюбивая, склонная къ постоянной любви и семейному очагу. Не малую роль въ романѣ играетъ красавица Оксана, воспитанница отца Палладія и невѣста Левенчука, похищенная Панчуковскимъ. Главный интересъ интриги романа сосредоточивается на освобожденіи Оксаны Левенчукомъ при помощи Милороденки. Особенно удался автору типъ отца Палладія, истиннаго пастыря бѣглыхъ и степей. Г. П. первый въ русской литературѣ изобразилъ этотъ симпатичный типъ и показалъ его въ нѣсколькихъ варіаціяхъ: таковы же отецъ Смарагдъ въ «Волѣ» и отецъ Адріанъ въ «Девятомъ валѣ». «Бѣглые въ Новороссіи», за которыхъ авторъ получилъ 1,500 руб., вызвали придирки со стороны цензуры, о чемъ сохранились любопытныя свѣдѣнія въ письмѣ Г. П. къ своей женѣ отъ 10-го января 1862 года, изъ Петербурга, куда нашъ писатель ѣздилъ для личныхъ переговоровъ съ М. М. Достоевскимъ, издателемъ журнала «Время». «Представь,—писалъ Г. П.,— повѣсть моя «Бѣглые» въ рукописи была прихлопнута цензурою, и я уже потерялъ всякую надежду отстоять ее у цензуры и видѣть ее въ типографіи, когда вдругъ, при встрѣчѣ Новаго года

у Достоевскихъ, за ужиномъ, послѣ игры Маши-артистки, дочери старшаго Достоевскаго, которую я когда-то носилъ на рукахъ, по выходѣ съ нимъ изъ крѣпости,—когда пили шампанское за отсутствующихъ, авторъ «Угнетенныхъ» и «Мертваго Дома» сообщилъ мнѣ радостную вѣсть, что мои «Бѣглые» пропущены и съ третьяго числа отдаются въ типографію Праца. Оказывается, что обѣ цензуры, свѣтская и духовная, прихлопнули мою повѣсть за типъ отца Палладія!.. Меня спасъ новый министръ Головнинъ. На-дняхъ я являлся къ нему благодарить, и онъ сказалъ, что мой талантъ выросъ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ по порученію великаго князя Константина, а онъ тогда былъ у него секретаремъ». Осенью того же года, 12-го ноября, Г. П. писалъ слѣдующее: «Вчера зашелъ я съ Благовѣщенскимъ закусить въ Пассажъ и встрѣтилъ Помяловскаго, который сказалъ мнѣ: вы своими «Бѣглыми» открыли для литературы новую Америку и, если напишете еще что-нибудь подобное, то имя ваше загремитъ и упрочится».

Во второмъ романѣ «Воля» авторомъ, на фонѣ мастерского пейзажа Приволжья и сосѣднихъ деревень, нарисована картина нравовъ дореформеннаго общества, встрѣчающаго, по выраженію Сокальскаго, «первые лучи освободительной политики». Романъ очень интересенъ, но полотно картины такъ велико, что въ массѣ подробностей внѣшняго движенія утрачивается рельефъ, основная идея романа. Два главныхъ дѣйствующихъ лица—генералъ Рубашкинъ и крестьянинъ Илья Танцуръ. Первый, почувствовавшій на склонѣ лѣтъ потребность жить въ деревнѣ, вдали отъ перьевъ и чернилъ, слабъ и нерѣшителенъ для того, чтобы выдержать борьбу со старымъ строемъ и найти гармонію жизни въ трудѣ надъ землею; послѣ ряда неудачъ Рубашкинъ бѣжитъ изъ провинціи обратно въ Петербургъ, въ департаментъ. Второй—бѣглый крестьянинъ, вернувшійся на родину для вольнаго труда на вольной землѣ, въ своемъ вольномъ мірѣ крестьянства, падаетъ жертвою непониманія новаго закона «о волѣ». Такимъ образомъ, главнымъ центромъ романа является мастерская картина непроходимаго взяточничества и печальныхъ провинціальныхъ порядковъ, порожденныхъ союзомъ мелкой бюрократіи съ мѣстными землевладѣльцами.

Обрисовавъ въ «Бѣглыхъ въ Новороссіи» и «Волѣ» двухъ представителей отрицательнаго типа «дѣловыхъ людей» (Пан-

чуковскаго и Рубацкина), Г. П. въ третьемъ своемъ романѣ, входящемъ въ составъ трилогіи, сдѣлалъ даровитую попытку нарисовать нарождавшійся типъ интеллигентнаго земледѣльца, человѣка, старавшагося примирить умственное развитіе съ физическимъ трудомъ, производительную дѣятельность съ служеніемъ обществу и народу. Таковъ именно герой романа «Новыя мѣста»—Чулковъ. Въ лицѣ Музыкантова, въ томъ же произведеніи, авторъ изобразилъ представителя разлагающагося дворянства стараго, дореформеннаго склада. Всѣ дѣйствующія лица искусно сгруппированы Г. П. около двухъ главныхъ центровъ—Чулкова и Музыкантова. Рядомъ съ идилліей въ степи, гдѣ поселяется и работаетъ Чулковъ, авторъ рисуетъ мелодраму, главную роль въ которой играетъ Музыкантовъ, этотъ промотавшійся жуиръ, бонвиванъ и глава поддѣлывателей фальшивыхъ ассигнацій. Въ этомъ сопоставленіи идилліи съ мелодрамой—общественная идея романа, встрѣча двухъ складовъ понятій и стремленій—стараго и новаго. Всѣ окружающіе Музыкантова, въ томъ числѣ сынъ его, Вава, и Еня Разноцвѣтовъ, вполнѣ раздѣляютъ его мысли о цѣли жизни—наживѣ легкимъ способомъ, не стѣсняясь средствами. Эта картина разложенія дворянства наполняетъ бо́льшую часть романа, развѣтвляясь на нѣсколько эпизодовъ: открытіе шайки поддѣлывателей фальшивой монеты, подкопъ подъ губернское казначейство и смертную казнь Ени Разноцвѣтова. Съ другой стороны, рядъ лицъ группируется около Чулкова, во главѣ ихъ отставной офицеръ и старый романтикъ Ипполитъ Гуслевъ, вѣрный другъ и помощникъ молодого колониста. Это лицо вполнѣ удалось автору, и вообще всѣ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, особенно же Чулкова, задуманы прекрасно. Сравнивая отрицательные типы въ «Новыхъ мѣстахъ» съ положительными, приходится отдать преимущество первымъ, такъ какъ въ изображеніи вторыхъ виденъ болѣе публицистъ, чѣмъ художникъ.

Тремя романами изъ быта Новороссіи не исчерпывается, однако, вся литературная дѣятельность нашего писателя за время его службы по выборамъ. Въ газетахъ 1857—1868 гг. («С.-Петербургскія Вѣдомости», «Московскія Вѣдомости», «Голосъ», «Сѣверная Пчела», «Одесскій Вѣстникъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Харьков. Губ. Вѣдомости» и др.) можно найти цѣлый рядъ статей, фельетоновъ и замѣтокъ Г. П

по разнымъ вопросамъ и поводамъ, преимущественно мѣстнаго значенія—для Харькова и юга Россіи. Покойный любилъ писать и писалъ быстро и легко. Если свои художественныя произведенія, особенно въ послѣдніе годы дѣятельности, Г. П. тщательно отдѣлывалъ и обработывалъ по нѣскольку разъ, то въ этомъ, конечно, сказывалась только взыскательность и строгость художника, который былъ недоволенъ своимъ трудомъ. Вообще же, повторяемъ, какъ устная, такъ и письменная рѣчь лилась у нашего писателя свободно, красиво и образно. Несомнѣнно, Г. П. принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ русскихъ писателей.

Выше мы уже упоминали о трехъ историческихъ разсказахъ, написанныхъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Кромѣ того, тогда же или нѣсколько позднѣе были напечатаны и другія беллетристическія, чисто бытовыя произведенія нашего писателя. Такъ, въ 1859 году появился разсказъ «Сорокопановка», въ 1860—разсказы «Феничка», «Четыре времени года украинской охоты», повѣсть въ двухъ частяхъ, помѣщенная въ «Библіотекѣ для чтенія» №№ 8 и 9, съ подписью *А. Скавронскій* и подъ заглавіемъ «*Не вытанцовалось*»; повѣсть эта при жизни автора ни разу не перепечатывалась, была всѣми забыта и нынѣ перепечатывается въ полномъ собраніи впервые; въ 1861 г. напечатанъ «Бѣглый Лаврушка въ Парижѣ». Кромѣ того, въ 1860 году Г. П. издалъ въ трехъ томикахъ свои сказки, очерки и повѣсти подъ заглавіемъ: «*Изъ Украйны*».

Продолжая свои историко-литературныя изслѣдованія, начатыя такъ удачно въ 1855 году очеркомъ жизни и дѣятельности Квитки-Основьяненко, Г. П. напечаталъ въ 1860 г. біографію основателя харьковскаго университета В. Н. Каразина, а въ 1865—біографію украинскаго философа Сковороды и статью о харьковскихъ народныхъ школахъ съ 1732 по 1865 г., для которой прочиталъ около семи сотъ отзывовъ, представленныхъ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ по вопросу о школахъ, и посѣтилъ около ста селъ и деревень, гдѣ и собиралъ свѣдѣнія отъ священниковъ, учителей и самихъ крестьянъ. Всѣ эти четыре работы собраны въ одну книгу, подъ заглавіемъ: «Украинская старина». Матерьялы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія были удостоены въ 1868 году Императорской Академіей Наукъ уваровской малой преміи въ

500 рублей. Г. П. предполагалъ продолжать, имѣя въ виду мѣстные интересы, свои изслѣдованія и въ слѣдующихъ выпускахъ своего сборника «Украинская старина» помѣстить біографіи другихъ украинскихъ дѣятелей, отрывки старинныхъ актовъ, переписку помѣщиковъ XVIII вѣка, мемуары и цѣлыя монографіи о южно-русскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, этимъ благимъ намѣреніямъ не суждено было почему-то осуществиться; одно присужденіе преміи Академіей Наукъ свидѣтельствуетъ о научной цѣнности историко-литературныхъ работъ нашего писателя. Особенную цѣнность имъ придавали неизданные рукописные матеріалы, положенные въ основу всѣхъ трехъ біографій, помимо обширнаго, тщательно собраннаго матеріала печатнаго. Эти матеріалы дали возможность автору въ біографіи Сковороды изобразить, между прочимъ, современное состояніе общества и образованности, а въ біографіи Квитки сообщить любопытныя свѣдѣнія о первыхъ временахъ существованія харьковскаго университета. Если, по словамъ проф. М. И. Сухомлинова, писавшаго разборъ «Украинской старины», въ очеркахъ нашего писателя нельзя искать полной картины и живой характеристики; если сообщаемыя свѣдѣнія не сведены въ стройное цѣлое и большею частью отрывочны,—то эти недостатки происходили, конечно, отъ неразработанности въ то время украинской литературы и необходимости собирать матеріалъ по частямъ изъ разнородныхъ источниковъ. Въ статьѣ о народныхъ школахъ авторъ сообщилъ свѣдѣнія о числѣ ихъ и учащихся въ цѣлой губерніи, показалъ отношенія учащихся мужского и женскаго пола къ общему населенію губерніи, привелъ отзывы мѣстныхъ жителей о пріемахъ преподаванія, объ устройствѣ и характерѣ народныхъ училищъ и т. д. Въ общемъ «Украинская Старина», въ которой впервые обнародованы разнообразныя данныя о главныхъ дѣятеляхъ мѣстной литературы и образованія, являлась несомнѣнной заслугой автора, оцѣненной по достоинству Академіей Наукъ.

Оставивъ земскую дѣятельность, Г. П. предполагалъ заняться адвокатурою, и въ 1868 году, указомъ Сената, уже былъ утвержденъ присяжнымъ повѣреннымъ харьковскаго судебнаго округа. Въ Петербургѣ въ это время возникла и разрабатывалась мысль объ изданіи офиціальной газеты.

общей для всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій— «Правительственнаго Вѣстника». Мысль эта всецѣло принадлежала тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву. 1-го января 1869 года вышелъ первый нумеръ «Правит. Вѣстника», а 1-го февраля въ приказѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ уже значилось: «отставной надворный совѣтникъ Данилевскій опредѣляется на службу чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сверхъ штата, прежнимъ чиномъ коллежскаго ассессора, съ 25-го января»; одновременно съ приказомъ нашъ писатель былъ командированъ въ распоряженіе главнаго редактора новой офиціальной газеты. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ 1869 года Г. П. исполнялъ важнѣйшія изъ обязанностей, которыя, по установленнымъ для «Правит. Вѣстника» правиламъ, были возложены на помощника главнаго редактора. «По порученію моему,— писалъ министру Тимашеву тогдашній главный редакторъ В. В. Григорьевъ,—онъ устроилъ и велъ почти всѣ тѣ личныя сношенія редакціи съ представителями различныхъ министерствъ и главныхъ высшихъ вѣдомствъ, посредствомъ которыхъ нынѣ организовалась и почти обезпечена для редакціи непрерывная доставка офиціальныхъ свѣдѣній по отдѣлу «Сообщеній»—какъ о болѣе любопытныхъ работахъ министерскихъ департаментовъ и отдѣленій, такъ и о занятіяхъ различныхъ проектныхъ комиссій и комитетовъ. Сверхъ того, по моимъ указаніямъ онъ исполнилъ, на основаніи офиціальныхъ матеріаловъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, нѣсколько самостоятельныхъ работъ, обратившихъ на себя вниманіе періодической печати, а съ конца іюня до конца іюля исправлялъ должность редактора офиціальнаго отдѣла съ ночною работою». Въ виду этого, Григорьевъ просилъ министра назначить нашего писателя на должность помощника главнаго редактора, подкрѣпляя свою просьбу, въ заключеніи представленія, еще слѣдующими соображеніями: «Непосредственныя сношенія Данилевскаго съ высокопоставленными лицами различныхъ вѣдомствъ, къ коимъ онъ, для упрощенія дѣла, обязанъ лично являться, много теряютъ отъ того, что онъ, кромѣ имени простого сотрудника, въ организаціи «Правительственнаго Вѣстника» не несетъ до сихъ поръ никакого званія». Министръ написалъ на представленіи Григорьева. «Совершенно согласенъ и отъ

души радъ, что г. Данилевскій вполнѣ оправдалъ мои надежды». Эта резолюція Тимашева помѣчена 22 января 1870 года.

Съ этого времени нашъ писатель до самой смерти не оставлялъ редакціи «Правит. Вѣстника», занимая въ ней до 1881 года должность помощника главнаго редактора, а затѣмъ, въ теченіе девяти слишкомъ лѣтъ, будучи главнымъ редакторомъ. Съ 5-го ноября 1882 года Г. П. былъ, кромѣ того, членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, назначенный на эту должность въ виду необходимости ближе ознакомиться съ видами правительства по различнымъ вопросамъ общественной жизни, а также въ виду облегченія личныхъ постоянныхъ сношеній съ представителями высшихъ государственныхъ учрежденій при печатаніи различныхъ правительственныхъ матеріаловъ. Будучи еще помощникомъ главнаго редактора, Г. П. получилъ въ 1875 году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 1-го января 1881 г.—орденъ св. Станислава 1-ой степени. Заботы нашего писателя объ улучшеніи «Правит. Вѣстника», въ бытность его главнымъ редакторомъ, стремленіе расширить содержаніе отдѣла «Внутреннихъ извѣстій», стремленіе придать офиціальной газетѣ литературный характеръ, стараніе сообщать всѣ выдающіяся научныя новости въ Россіи и за границею, введеніе фельетоновъ по разнымъ отраслямъ знанія, литературѣ и искусствамъ, главнымъ образомъ, по театру и живописи,—все это, конечно, не могло не обратить на себя вниманія. 15-го мая 1883 года Г. П. получилъ орденъ св. Анны 1-ой степени, 13-го апрѣля 1886 г.—произведенъ въ тайные совѣтники, а 1-го января 1890 г.—награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени.

На ряду съ успѣхами служебными, послѣдній періодъ жизни и дѣятельности нашего писателя отмѣченъ успѣхами литературными, распространеніемъ его извѣстности не только въ Россіи, среди обширнаго круга читателей, что доказывается *шестымъ* прижизненнымъ изданіемъ сочиненій Г. П.*),

*) Четвертое изданіе сочиненій Г. П. разошлось въ количествѣ 1.000 экземпляровъ, пятое —1.500, шестое—2.800. Характернымъ показателемъ достигнутой нашимъ писателемъ извѣстности можетъ служить также гонораръ, который платили ему періодическія изданія за романы. «Черный годъ» былъ проданъ «Русской Мысли» за 6.000 руб., «Царевичъ Алексѣй» (посмертное произведеніе) тому же журналу по 500 р. за листъ; за разсказъ «Шарикъ» Марксъ заплатилъ 600 руб.

но и за границею, гдѣ съ 1874 года начали появляться переводы его романовъ и повѣстей на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и венгерскомъ языкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разныя русскія ученыя и литературныя общества, цѣня литературныя заслуги нашего писателя, избираютъ его въ свои члены. Такъ, еще въ 1867 году Г. П. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ 1868 г.—членомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ 1870 г.—членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, въ 1873 г.—пожизненнымъ членомъ славянскаго благотворительнаго общества, въ 1886 г.—членомъ-корреспондентомъ общества любителей древней письменности, а въ 1888 г.—дѣйствительнымъ членомъ русскаго литературнаго общества. Императорская Академія Художествъ, цѣня основательныя познанія нашего писателя въ живописи, сначала пригласила его (въ 1883 г.) членомъ комиссіи для всесторонняго обсужденія вопроса объ устройствѣ музеевъ по городамъ и въ частности о музеѣ въ Харьковѣ *), а затѣмъ (4-го ноября 1886 г.) избрала, за труды на пользу искусства, въ почетные члены.

Посвящая свободное отъ службы время литературѣ, Г. П. почти еженедѣльно посѣщалъ свои излюбленные литературные кружки—поэта Я. П. Полонскаго и особенно А. П. Милюкова, своего лучшаго друга, который въ свое время пользовался дружескимъ расположеніемъ Ѳ. М. и М. М. Достоевскихъ, Мея, Аполлона Григорьева и др. На квартирѣ А. П. по вторникамъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собирался тотъ кружокъ товарищей по перу, извѣстныхъ русскихъ литераторовъ, которыхъ связывала общность направленія и убѣжденій. По собственному признанію Г. П., онъ «испытывалъ необыкновенное наслажденіе и отдохновеніе за стаканомъ чая въ бесѣдѣ съ чуднымъ старикомъ». Ему же посвящалъ нашъ писатель свои литературные тайны и планы, ему же первому передавалъ для прочтенія свои черновые литературные наброски. Человѣкъ разносторонне об-

---

*) См. «Правит. Вѣстникъ» 1885 г. № 277. Здѣсь напечатано сообщеніе о засѣданіи Академіи Художествъ, въ которомъ сдѣлали доклады комиссія и харьковскій городской голова, а также изложены ходатайства академіи относительно музея въ Харьковѣ.

разованный, сохранившій, несмотря на преклонные годы, замѣчательную бодрость духа, ясность и проницательность ума, одаренный несомнѣннымъ критическимъ чутьемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, поклонникъ Пушкина и Гоголя, чуждый узкой партійности и тенденціозности, А. П. по всей справедливости пользовался искреннимъ расположеніемъ нашего писателя: всѣ знавшіе и знающіе этого почтеннаго дѣятеля нашей литературы не относились и не могутъ относиться къ нему иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія.

Съ давнихъ поръ находясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Айвазовскимъ, Семирадскимъ, Боголюбовымъ, академикомъ Бейдеманомъ и землякомъ Трутовскимъ, проведя много лѣтъ въ совмѣстной дѣятельности по земству съ Матушинскимъ, извѣстнымъ по своимъ критико-художественнымъ статьямъ, Г. П. впослѣдствіи вошелъ въ тѣсный кругъ современныхъ художниковъ и подъ конецъ жизни достигъ осуществленія своей завѣтной мысли — основать въ Харьковѣ художественный музей.

Къ семидесятымъ годамъ относится увлеченіе Г. П. нововведеніями по сельскому хозяйству, особенно въ области овцеводства и садоводства. Стараясь поддержать находящееся нынѣ въ упадкѣ малорусское садоводство и особенно интересуясь работами извѣстнаго садовода, помѣщика екатеринославской губерніи, В. В. Кащенко, достигшаго нынѣ поразительныхъ результатовъ въ садо- и плодоразведеніи, Г. П. вкладывалъ нѣкоторую долю своего участія въ печатные труды В. В. Кащенко по плодоводству, удостоившіеся лестныхъ отзывовъ при ихъ появленіи въ свѣтъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, послѣ 1873 года, Г. П. окончательно простился съ современною жизнью и отдался художественному воспроизведенію новой исторіи интеллигентной Россіи, начиная съ Петра I. «Девятый валъ» былъ послѣднимъ бытовымъ романомъ Г. П. и появился въ 1873 году на страницахъ «Вѣстника Европы».

Въ этомъ обширномъ романѣ Г. П. изобразилъ два склада понятій и стремленій, два міра, старый и новый, въ тѣсномъ сплетеніи съ семейной драмой: одинъ міръ—за монастырской оградой, въ игуменьѣ женскаго монастыря, отъ котораго идутъ притягательныя нити къ семейству помѣщика

Вечерѣева, особенно же къ дочери его Аглаѣ; другой—въ городѣ, въ борьбѣ земскихъ элементовъ въ провинціи, захваченной реформами и наплывомъ новыхъ предпріятій. Несомнѣнно удачно обрисованъ молодой председатель земской управы Милунчиковъ, искренній сторонникъ реформъ, а также прожекторъ, циникъ и безграничный эгоистъ Клочковъ, Талищевъ съ сыновьями и другіе мѣстные помѣщики (мѣсто дѣйствія — одна изъ южныхъ губерній, время — конецъ 60-хъ годовъ). Особенно выдаются въ романѣ по художественной отдѣлкѣ типъ игуменьи Измарагды и всѣ сцены изъ монастырской жизни, полныя интереса и новизны. Героиня романа, Аглая, обрисована ярче героя его, Ветлугина, и оставляетъ въ читателѣ болѣе цѣльное впечатлѣніе. Это — дѣвушка скрытная, сосредоточенная и страстная, отдавшаяся своему обѣту, въ своей вѣрѣ въ истину и спасеніе, со всѣмъ пыломъ молодой фанатички, ищущей правды жизни. Среди читающей публики «Девятый валъ» имѣлъ большой успѣхъ.

Переходомъ къ историческимъ романамъ въ литературной дѣятельности Г. П. явились написанные въ началѣ 70-хъ годовъ прелестные, художественные разсказы изъ украинской жизни предковъ нашего писателя, которые мы неоднократно цитировали въ началѣ настоящаго біографическаго очерка. Первымъ крупнымъ историческимъ романомъ Г. П. явился «Мировичъ». Въ этомъ произведеніи, лучшія сцены изъ котораго изображены художниками Буровымъ и Творожниковымъ *), сразу сказались всѣ выдающіяся особенности нашего писателя, какъ историческаго романиста. Первой изъ такихъ особенностей является въ высшей степени тщательное изученіе избраннаго для художественнаго изображенія вопроса. Стоитъ только просмотрѣть, напримѣръ, примѣчанія къ «Мировичу», чтобы понять, сколько употреблено подготовительнаго, усидчиваго труда Г. П. на изученіе источниковъ для написанія этого выдающагося произведенія. Кромѣ строго-историческихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, нашъ писатель собралъ всѣ изданные и неизданные частные матеріалы—записки, дневники, воспоминанія, письма, преданія. Воспользовался также Г. П. и архивомъ Шлиссель-

*) Первый художникъ написалъ двѣ картины: «Свиданіе Петра III съ Іоанномъ Антоновичемъ» и «Посѣщеніе Екатериною II Ломоносова»; второй изобразилъ трагическую кончину царственнаго узника.

бургской крѣпости, бумагами архангельскаго губернскаго правленія о брауншвейгскихъ ссыльныхъ, посѣтилъ Шлиссельбургъ съ казематомъ Іоанна Антоновича въ Свѣтличной башнѣ, мызу Пеллу и родину Мировича. Всѣ вообще историческіе романы и повѣсти Г. П. создавались на основаніи самаго обстоятельнаго изученія источниковъ, между тѣмъ какъ большинство нашихъ современныхъ историческихъ романистовъ пишутъ почти всегда по вдохновенію. Такимъ образомъ, въ историческихъ произведеніяхъ нашего писателя художественное творчество сливается съ точнымъ изслѣдованіемъ, выдающійся талантъ беллетриста съ добросовѣстностью заправскаго историка. Занимательность четырехъ большихъ историческихъ романовъ Г. П. («Мировичъ», «Княжна Тараканова», «Черный годъ» и «Сожженная Москва») увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они написаны въ видѣ историческихъ семейныхъ хроникъ, первоначальные образцы которыхъ далъ геній Пушкина въ «Капитанской дочкѣ» и «Арапѣ Петра Великаго». Г. П. былъ большимъ знатокомъ XVIII вѣка и преимущественно изъ него черпалъ содержаніе для художественнаго воспроизведенія нашего прошлаго. Только два произведенія, не считая разсказовъ изъ царствованія Алексѣя Михайловича, посвящены началу XIX столѣтія, эпохѣ Александра I,—отрывки изъ романа «Восемьсотъ двадцать пятый годъ» и «Сожженная Москва». Всѣ самыя крупныя фигуры петербургскаго періода русской исторіи, захваченныя событіями своей эпохи, обрисованныя въ интимной обстановкѣ, среди мастерской по замыслу и техникѣ интриги, возстаютъ въ романахъ Г. П. предъ воображеніемъ читателя совершенно живыми.

Хотя «Мировичъ», называвшійся раньше «Царственный узникъ», былъ оконченъ Г. П. въ 1875 году, но ему пришлось увидѣть свѣтъ только черезъ пять лѣтъ: вырѣзанный цензурою изъ «Вѣстника Европы», романъ этотъ былъ разрѣшенъ къ печати только по Высочайшему повелѣнію. Это разрѣшеніе было получено слѣдующимъ образомъ. Черезъ одну изъ наиболѣе вліятельныхъ фрейлинъ Ея Величества Г. П. удалось представить «Царственнаго узника» на прочтеніе императрицѣ Маріи Александровнѣ. Романъ очень понравился Ея Величеству, и благопріятное впечатлѣніе о немъ было передано государю императору. 9 марта 1879 года

Данилевскій получилъ отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьева, ранѣе запретившаго романъ къ печатанію, слѣдующую официальную бумагу:

«Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ разрѣшить печатаніе вашего романа «Царственный узникъ».

«О такой Высочайшей волѣ имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, съ возвращеніемъ рукописи означеннаго романа, присовокупляя, что о вышеизложенномъ вмѣстѣ съ симъ сообщено С.-Петербургскому цензурному комитету.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

В. Григорьевъ».

Въ то же самое время министръ внутреннихъ дѣлъ. Л. С. Маковъ, извѣстивъ отъ себя Г. П., что «узы вашего Царственнаго узника развязаны»,—обратился къ Г. П. съ частною просьбою измѣнить заглавіе романа. Данилевскій исполнилъ просьбу, и романъ появился въ печати подъ заглавіемъ «Мировичъ». Въ началѣ слѣдующаго года Г. П. былъ удостоенъ подарка отъ Ея Величества: ему былъ пожалованъ великолѣпный перстень съ рубиномъ и девятью крупными брильянтами. Вообще, государыня относилась весьма благосклонно къ литературной дѣятельности нашего писателя: она благодарила черезъ министра двора Г. П. за поднесеніе собранія его сочиненій и, кромѣ перстня, пожаловала еще икону св. Николая Чудотворца въ серебряно-вызолоченной ризѣ. Икону эту Г. П. получилъ послѣ кончины императрицы.

До напечатанія авторъ читалъ отрывки изъ «Мировича» въ литературныхъ кружкахъ, а 23-го марта 1875 г.—въ обществѣ любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, причемъ имѣлъ шумный успѣхъ *). При своемъ появленіи въ печати «Мировичъ» былъ благосклонно принятъ не только среди русской публики и критики: въ 1880 году профессоръ Ходьзко читалъ о немъ лекціи въ Парижѣ, въ Collège de France; тогда же романъ былъ переведенъ на языки: нѣмецкій, французскій и чешскій, а извѣстный польскій романистъ Крашевскій отозвался о ро-

*) См. «Русскія Вѣдомости» 1875 г., № 68.

манѣ, въ письмѣ къ Г. П. отъ 31-го августа 1880 года, слѣдующимъ образомъ: «Мировича я прочелъ до посѣщенія Ломоносовымъ его фабрикъ и имѣній (значитъ, около половины) и нахожу романъ очень интереснымъ. Отлично выдержанъ колоритъ эпохи и характеристика дѣйствующихъ лицъ превосходная. Я вполнѣ увѣренъ, что романъ въ высшей степени заинтересуетъ и нѣмецкихъ писателей».

Отдавая должное художественному дарованію автора, нѣкоторые изъ русскихъ рецензентовъ высказывали сомнѣніе въ истинности нѣкоторыхъ событій, описанныхъ въ романѣ. Съ цѣлью разсѣять эти сомнѣнія, Г. П. предпринялъ весною 1880 года съ классным художникомъ академіи Жильцовымъ поѣздку въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вотъ описаніе этой поѣздки изъ частнаго письма Г. П. къ своей женѣ, находившейся въ то время въ Малороссіи: «Я съѣздилъ въ Шлиссельбургъ съ Жильцовымъ отлично и былъ принятъ радушно комендантомъ Савраеовымъ, у котораго и обѣдалъ... Мы осмотрѣли всѣ рѣдкости. Видѣлъ я впервые, и первый изъ частныхъ лицъ, бывшую тюрьму несчастнаго принца Іоанна въ секретной свѣтличной башнѣ, а также его могилу въ подземельи подъ церковью. Я сдѣлалъ въ архивѣ открытіе, нашелъ несомнѣнное указаніе о посѣщеніи въ крѣпости принца государемъ Петромъ III, чего не зналъ даже историкъ Соловьевъ».

Громадная картина Екатерининской эпохи, нарисованная въ «Мировичѣ» опытной и искусной рукой, не могла не обратить на себя общаго вниманія. Дѣйствительно, авторъ очень мѣтко очертилъ фигуры: Петра III, Екатерины II, Разумовскаго, Ломоносова, Панина, Орловыхъ, Миниха, Бестужева и многихъ другихъ сановниковъ того времени. Описаніе кутежей Орловыхъ у Дрезденши и Амбазарши полны голландскаго реализма; Петербургъ Екатерининской эпохи обрисованъ прекрасно; двѣ романическія интриги—Мировича и Поликсены, Петра III и Екатерины II, помѣщены въ такую роскошную обстановку и окружены такою массою прекрасныхъ декорацій и бытовыхъ эпизодовъ, что интересъ собственно романа поглощенъ трагизмомъ событій, разнообразіемъ обстановки и нерѣдко прелестными описаніями природы. Вполнѣ удался автору герой романа «Мировичъ». Это — вполнѣ новый характеръ, отвѣчающій той странной, безнравственной, наполненной противорѣчивыми

броженіями и одеждой въ какія-то маскарадныя краски эпохи, въ которой ему пришлось дѣйствовать. Человѣкъ безпринципный и вполнѣ ничтожный, холодный эгоистъ съ самыми хищными инстинктами, онъ постоянно воспламеняется гражданскими идеями, злобствуетъ на дурное правительство и ждетъ спасительнаго для отечества переворота. Онъ даже подогрѣваетъ въ себѣ чувство состраданія къ положенію Іоанна Антоновича, возмущаясь жестокостью его судьбы. Конечно, рядомъ съ яркими фигурами тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, Мировичъ и любившая его дѣвушка, гордая, своенравная Поликсена,—нѣсколько блѣднѣютъ, но въ этомъ авторъ не виноватъ. Царственный узникъ также удался нашему писателю (особенно замѣчательна сцена свиданія Іоанна Антоновича съ Петромъ III), несмотря на чрезвычайно трудную задачу передать психологически правдиво совершенно исключительный характеръ человѣка, прожившаго отъ колыбели до могилы въ темницѣ.

За «Мировичемъ» послѣдовали три интересныя историческія повѣсти: «Потемкинъ на Дунаѣ» (1876), «Уманская рѣзня» (1878) и «На Индію при Петрѣ I» (1879). Въ первой изъ этихъ повѣстей нашъ писатель нарисовалъ рядъ картинъ изъ эпохи второй турецкой войны, описалъ своеобразную жизнь Потемкина въ Яссахъ и его смерть, знаменитый штурмъ Измаила и другіе эпизоды этой славной, хотя и безплодной кампаніи; во второй повѣсти изображена страшная картина одного изъ кровавыхъ дѣлъ запорожцевъ, исторіи вражды Польши съ Малороссіею, за которымъ вскорѣ послѣдовало уничтоженіе Сѣчи и закрѣпощеніе Украйны; наконецъ, въ третьей повѣсти авторъ, съ одной стороны, показалъ настоящій характеръ видовъ Петра I на Среднюю Азію и далекую Индію, а съ другой—представилъ вѣрную картину неудачнаго и печальнаго по своимъ послѣдствіямъ хивинскаго похода князя Бековича.

Къ 1879 году относится возникновеніе цѣлой серіи небольшихъ святочныхъ фантастическихъ разсказцевъ нашего писателя, часть которыхъ была написана позже, хотя и задумана именно въ это время, въ памятную зиму господствовавшей въ Царицынѣ ветлянской чумы, нагнавшей сильную панику въ Петербургѣ. Всѣ въ столицѣ говорили только о чумѣ. «Въ одномъ кружкѣ,—говоритъ Г. П. въ предисловіи къ этимъ разсказамъ,—собиравшемся у милаго, образован-

наго старожила Петербурга, возникла мысль избрать для развлеченія себя иную тему разговоровъ,—а именно: обязательное сообщеніе каждымъ изъ членовъ кружка, по очереди, фантастическихъ разсказовъ, въ родѣ тѣхъ, которые написалъ когда-то знаменитый Боккачіо, во время бывшей въ XIV вѣкѣ «флорентійской чумы». Такимъ образомъ, возникъ «Русскій Декамеронъ», подъ гостепріимнымъ кровомъ извѣстнаго боевого генерала А. Э. Циммермана, друга нашего писателя, человѣка истинно-русскаго, глубоко-убѣжденнаго и разносторонне-образованнаго. Изъ девяти фантастическихъ разсказовъ, въ которыхъ необыкновенно просто, естественно и увлекательно повѣствуется о привидѣніяхъ, явленіяхъ духовъ и прочей бѣсовщинѣ, особенно выдѣляются, по своему содержанію и художественному исполненію, два—«Жизнь черезъ сто лѣтъ» и «Божьи дѣти». По мнѣнію нашего писателя, черезъ сто лѣтъ вся Западная Европа будетъ завоевана Китаемъ. Богдыханъ, въ утѣшеніе туземныхъ ученыхъ и публицистовъ, дастъ Европѣ названіе «Соединенныхъ Штатовъ», подчиненныхъ китайскому императору. За дружбу къ Россіи богдыханъ дастъ ей возможность изгнать турокъ въ Азію и образовать на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльную славяно-греческую дунайскую имперію. Кромѣ того, русскіе, изгнавъ англичанъ изъ Индіи, устроятъ третью столицу въ Калькуттѣ. Франція, какъ и всѣ другія европейскія государства, сохранитъ свои политическія особенности («умѣренную республику»), но будетъ находиться подъ мѣстнымъ верховнымъ владычествомъ евреевъ-президентовъ изъ банкирскаго дома Ротшильдовъ. Евреи-адмиралы будутъ командовать французскимъ флотомъ, евреи-фельдмаршалы—охранять, во имя китайскаго повелителя, французскія границы, а евреи-министры, съ президентомъ въ пейсахъ и ермолкѣ, будутъ встрѣчать правящаго Европой богдыхана, Ца-о-дзы.—Во второмъ разсказѣ—«Божьи дѣти»—авторомъ описана причудливая, роскошная жизнь одного Набоба-эгоиста, который только тогда узналъ истинное счастье, когда понялъ нищету низшей братіи, когда началъ жертвовать не изъ тщеславія, а по сердечному влеченію. Набобъ холилъ и лелѣялъ въ своемъ саду какія-то рѣдкія, заморскія лиліи, которыя долго не расцвѣтали и расцвѣли только при новомъ солнцѣ, при новой, его собственной сердечной теплотѣ. Необходимо, наконецъ, упомя-

нуть о разсказѣ «Прогулка домового», въ основу котораго положено таинственное происшествіе, въ концѣ 70-хъ годовъ волновавшее столицу, о господинѣ, ѣздившемъ по ночамъ съ Англійской набережной на Волково кладбище на одномъ и томъ же извозчикѣ въ продолженіе мѣсяца.

Оставивъ почему-то неоконченнымъ романъ «Восемьсотъ двадцать пятый годъ», отрывки изъ котораго появились въ 1881 г. въ «Русской Мысли», Г. П. въ восьмидесятыхъ годахъ подарилъ публику тремя большими романами— «Княжна Тараканова» (1882), «Сожженная Москва» (1885) и «Черный годъ» (1889). Кромѣ того, нашъ писатель напечаталъ въ «Историч. Вѣстникѣ» любопытное описаніе своей поѣздки въ Ясную Поляну, помѣстье графа Л. Н. Толстого, и написалъ два разсказа для народа—«Христосъ-Сѣятель» и «Стрѣлочникъ». Всѣ три романа послѣдняго десятилѣтія дѣятельности Г. П. имѣли большой успѣхъ и вызывали при своемъ появленіи многочисленные сочувственные отзывы критики не только русской, но и иностранной.

Если въ «Княжнѣ Таракановой» авторъ, превосходно воспользовавшись историческимъ матеріаломъ, талантливо разсказалъ трогательную исторію несчастной и загадочной «авантюрьеры», причемъ художественно обрисовалъ Алексѣя Орлова, то въ «Сожженной Москвѣ» и «Черномъ годѣ» Г. П. краснорѣчиво доказалъ, что для талантливаго романиста нѣтъ старыхъ темъ. Хотя отечественная война послужила уже содержаніемъ для извѣстнаго романа графа Л. Н. Толстого, а Пугачевскій бунтъ — для «Капитанской дочки» Пушкина и «Пугачевцевъ» графа Саліаса, Г. П. сумѣлъ по-своему изобразить эти двѣ примѣчательныя въ русской исторіи эпохи, сумѣлъ подойти къ нимъ съ новыхъ сторонъ, вывести новыя типическія лица. Такъ, въ «Сожженной Москвѣ» особенно замѣчателенъ типъ женщины-героя Авроры (изображеніе типа подобной женщины намѣчено было только Пушкинымъ въ недоконченномъ романѣ «Рославлевъ»). Кромѣ этого новаго и совершенно неразработаннаго въ русской литературѣ типа, авторъ рисуетъ и Наполеона въ новыхъ, въ высшей степени реальныхъ чертахъ. Съ большою задушевностью и яркостью написаны тѣ сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ простой народъ—дворовые, крестьяне и солдаты.

Въ «Черномъ годѣ» вниманіе читателя одинаково привлекаетъ и повѣствованіе о судьбѣ семьи Дугановыхъ, и личность Пугачева, изображенная безъ всякой идеализаціи, и правдивыя сцены русскаго бунта, среди которыхъ встрѣчаются очень оригинальныя и глубокія по замыслу. Такова, напримѣръ, сцена расправы взбунтовавшихся крестьянъ со своимъ помѣщикомъ-добрякомъ Лаптевымъ, повѣшеннымъ ими на воротахъ усадьбы. Мастерскою, опытною рукою обрисована московская и отчасти петербургская жизнь тогдашней эпохи: столь же искусно описаны сначала неопредѣленныя и робкія попытки страшнаго замысла Пугачева, а затѣмъ то бѣшеный, то усталый разгулъ бунтаря, увлекаемаго непреоборимою силою захватившаго его кроваваго потока.

Незадолго до смерти Г. П. задумалъ и началъ писать новый историческій романъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить трагическую судьбу царевича Алексѣя Петровича. Написана и отдѣлана была только первая часть этого романа, которая и появилась въ январской и февральской книжкахъ «Русской Мысли» за 1892 г. Послѣ смерти нашего писателя, похитившей его безвременно, въ полной силѣ и свѣжести таланта, появился также въ «Сборникѣ Нивы» симпатичный разсказъ «Шарикъ» и въ «Историч. Вѣстн.» воспоминанія о Щербинѣ.

Болѣзнь, сведшая Г. П. въ могилу, давно подтачивала его крѣпкій организмъ. Въ послѣдніе годы нашъ писатель каждое лѣто ѣздилъ или въ Крымъ, или за границу; на югѣ Россіи онъ лѣчился отъ болѣзни почекъ виноградомъ, за границею — пользовался минеральными водами. Однако, ни то, ни другое не помогало. Въ концѣ ноября 1890 г. Г. П. пересталъ ходить въ редакцію «Правит. Вѣстн.», которую обыкновенно посѣщалъ ежедневно не только днемъ, но и ночью, когда выпускается и окончально редактируется нумеръ. Слишкомъ двѣ недѣли нашъ писатель пролежалъ въ постели. Пользовали его доктора В. И. Аѳанасьевъ и Н. И. Соколовъ, а затѣмъ на консиліумъ былъ приглашенъ докторъ Бертенсонъ и другіе врачи. Но медицина оказалась безсильною: страшно страдая и находясь въ безпамятствѣ четыре дня, больной скончался въ 7 часовъ 45 минутъ утра 6-го декабря. Это было въ четвергъ; на другой день тѣло анатомировали и набальзамировали. Оказалось, что у

покойнаго находился въ почкахъ большой величины камень, который, отдѣлившись, закупорилъ выходъ изъ почекъ, вслѣдствіе чего произошло смертельное зараженіе крови.

9-го декабря назначены были выносъ и отпѣваніе. Въ исходѣ десятаго часа утра, въ квартирѣ покойнаго, на углу Невскаго и Николаевской, гдѣ онъ прожилъ 23 года, собрались родные, знакомые, почитатели Г. П. и представители печати. Тѣло почившаго писателя покоилось въ металлическомъ гробу, окруженномъ вѣнками и растеніями. Духовенствомъ нѣсколькихъ церквей, во главѣ съ архимандритомъ Александро-Невской лавры, была отслужена литія. На колесницу были положены только вѣнки, такъ какъ гробъ, предшествуемый хоромъ пѣвчихъ и духовенствомъ, несли на рукахъ до самой церкви министерства внутреннихъ дѣлъ, что̀ на площади Александринскаго театра. Заупокойную литургію и отпѣваніе совершалъ соборнѣ харьковскій архіепископъ Амвросій, землякъ покойнаго писателя и уроженецъ харьковской губерніи. Пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ особеннымъ знаменнымъ напѣвомъ. Стройное художественное пѣніе образцоваго хора глубоко растрогало и умилило всѣхъ присутствовавшихъ. Церковь была переполнена молящимися, среди которыхъ находились представители высшей администраціи, науки, литературы и періодической печати. При гробѣ почившаго писателя постоянно находилась 75-ти-лѣтняя старушка, его бывшая крѣпостная няня, впервые сообщившая Г. П. сюжеты малороссійскихъ сказокъ. Во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ газетахъ и въ цѣломъ рядѣ провинціальныхъ появились сочувственные обширные некрологи почившаго писателя и даже подробныя характеристики его литературной дѣятельности. Въ гимназіяхъ столицъ и даже далекой Сибири устроивались въ память Г. П. литературныя чтенія.

Послѣ отпѣванія, останки покойнаго были перевезены и поставлены въ часовню Знаменской церкви. Здѣсь гробъ былъ покрытъ второю крышкою. Рѣчей не говорилось. Въ половинѣ декабря тѣло почившаго писателя было перевезено въ его родовое имѣніе Пришибъ, змієвскаго уѣзда, харьковской губ., и похоронено въ пришибской каменной церкви, гдѣ покоятся всѣ предки Г. П., начиная съ перваго владѣльца Пришиба, сотника Даніила Данилевскаго. Пришибская церковь въ нынѣшнемъ ея видѣ, о пяти пре-

столахъ, заложена въ 1802 г. и окончена въ 1817 г. усердіемъ Анны Петровны Данилевской, прабабушки автора «Мировича».

При слѣдованіи тѣла почившаго писателя со станціи желѣзной дороги въ Прйшибъ, крестьяне сосѣднихъ деревень, бывшіе крѣпостные Г. П., выходили навстрѣчу и служили панихиды по «боляринѣ Григоріи», всегда тепло относившемся къ ихъ нуждамъ и дѣлавшемъ для нихъ много добра. Особенно замѣчательна была встрѣча у дер. Балаклеевки, при остановкѣ около которой собралось помолиться за безвременно скончавшагося Г. П. болѣе двухъ тысячъ крестьянъ, сохранявшихъ теплую память о покойномъ, какъ о человѣкѣ отзывчивомъ и сердечномъ. Такую же благодарную память о Г. П. хранятъ многія лица, которымъ онъ помогалъ тѣмъ или другимъ способомъ, помогалъ скромно и безъ тщеславія, считая помощь ближнему нравственнымъ долгомъ всякаго человѣка, имѣющаго власть и силу помогать.

Сергѣй Трубачевъ.

Изъ предисловія къ 6-му изданію.

(Отъ автора).

...Освободительная пора пятидесятыхъ годовъ дала мнѣ возможность посвятить свои первые романы разсказамъ о судьбѣ русскихъ крѣпостныхъ людей, изстари искавшихъ спасенія и лучшей жизни въ бѣгствѣ на новыя, далекія, привольныя мѣста.

Первый бытовой романъ—«Бѣглые въ Новороссіи», напечатанный, по условіямъ времени, нѣсколько позднѣе, былъ начатъ за два года до освобожденія крестьянъ и конченъ—во время моихъ работъ, въ качествѣ депутата, въ одномъ изъ южно-русскихъ губернскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати семи лѣтъ. Картины русскихъ Кентукки и Массачузета, типы крѣпостныхъ, какъ Левенчукъ и Милороденко, тайное заселеніе въ пустыняхъ цѣлыхъ новыхъ деревень пришельцами, непомнящими родства, облавы на бѣглыхъ и другія насилія надъ родными «бѣлыми неграми»,—этими «піонерами Востока», какъ ихъ назвалъ нѣмецкій переводчикъ моихъ романовъ,—для современниковъ, видящихъ нынѣ свободное переселеніе русскихъ рабочихъ людей на далекія свободныя земли,—стали отдаленнымъ, историческимъ воспоминаніемъ.

Второй мой бытовой романъ—«Воля» («Бѣглые воротились»)—посвященъ послѣдующей порѣ извѣстныхъ крестьянскихъ броженій; третій и четвертый—«Новыя мѣста» и «Девятый валъ» — картинамъ послѣ-реформеннаго, вновь строившагося провинціальнаго общества шестидесятыхъ го-

довъ. Старые люди еще не уходили: молодымъ, здоровымъ силамъ тогда не было еще достаточно мѣста и дѣла.

Изображенные мною типы бѣглыхъ крестьянъ срисованы съ дѣйствительности. Во время моей командировки, для «Морского Сборника», къ Донскимъ гирламъ и къ Азовскому морю, мнѣ удалось не только видѣть, но и наблюдать такихъ людей, подолгу живя среди нихъ. То же я долженъ сказать и о герояхъ другихъ своихъ бытовыхъ романовъ. Я ихъ наблюдалъ въ жизни, съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ изучалъ въ историческихъ документахъ и преданіяхъ прошлаго вѣка,—иногда въ нѣсколькихъ строкахъ частнаго задушевнаго письма, въ дневникѣ, между листками рукописнаго календаря, или въ надписи на сборникѣ любимыхъ стихотвореній того времени и хозяйственныхъ бумагъ,— внутреннія черты историческихъ характеровъ Петра I, Екатерины II, Павла, — Мировича, Пугачева, Разумовскихъ, Орловыхъ, Суворова, Потемкина, Перовскаго и другихъ.

Родовыя черты отдаленныхъ предковъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, повторяются, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, въ позднѣйшихъ потомкахъ.

Борьба свѣта и тьмы, вѣчной правды и зла, съ давнихъ лѣтъ дѣлитъ русское общество на два воюющихъ стана.

Вѣяніе мягкихъ европейскихъ «новинъ» началось при «тишайшемъ» царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При немъ явились диковинки Запада, возникли попытки театра, и хотя не печатались, но уже писались первые журналы—куранты. Умственная тьма, однако, еще глубоко облекала русскій народъ. При Петрѣ I народилась наука, служеніе высшимъ идеаламъ цивилизаціи. Питомцы иноземныхъ морскихъ и пушкарскихъ школъ завели въ Россіи кораблестроеніе, типографіи, фабрики, и совершили первый смѣлый, русскій походъ на Индію. Идеалы о дальнемъ Востокѣ могучаго піонера-царя были разбиты. Невѣжество тормозило его школы, а ограбленный интендантами индійскій отрядъ Бековича-Черкасскаго погибъ у воротъ завоеванной еще въ началѣ XVIII вѣка Хивы.

Хищники не переводились. Повѣшенный Петромъ, передъ окнами Сената, сибирскій губернаторъ, Елизаветинскіе лейбкампанцы, генералы—покорители Сѣчи, закрѣпостившіе при Екатеринѣ II-й искони-свободный украинскій народъ, и Пугачевъ были тѣми же бытовыми хищниками, какъ и герои

близкой намъ поры,—передержатель бѣглыхъ Панчуковскій, директоръ банка фальшивой монеты Музыкантовъ и земскіе дѣятели позднѣйшаго времени, въ родѣ поклонника пословицы «держи нось по вѣтру»,—Клочкова.

Идеалисты Касаткинъ и Бехтѣевъ и дикое олицетвореніе протеста своего времени, Мировичъ,—не достигли въ XVIII вѣкѣ обѣтованной земли, къ которой стремились, какъ и чистые сердцемъ, но чуждые народу, во имя котораго шли на борьбу, возвышенные теоретики позднѣйшихъ временъ,— франъ-масоны Екатерины и Павла и преемники ихъ во времена Александра I. Созерцательныя натуры — Чулковъ «Новыхъ мѣстъ» и Ветлугинъ и Милунчиковъ «Девятаго вала» — тѣ же, относительно обыденной практики, бѣлые голуби въ стаѣ черныхъ воронъ, какъ и знаменитые ихъ предки—Новиковъ и Радищевъ. Побѣда осталась не за ними, хотя брошенныя ими сѣмена не заглохли. Однимъ праведникомъ, по пословицѣ, спасается цѣлый городъ. Идеалистами, съ теченіемъ времени, спасались не разъ цѣлыя поколѣнія.

Просвѣщеніе, по словамъ Бѣлинскаго, подобно завѣтному слову искупленія. Обществу отрадно вѣрить, что, благодаря невидимымъ міру труженикамъ мысли, борцамъ за возвышенные идеалы человѣчества, царство зла не безконечно и что болѣе и болѣе близится торжество вѣчной правды и добра

Григорій Данилевскій.

БѢГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССІИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕЛЕТНЫЯ ПТИЦЫ.

I.

Левенчукъ и Милороденко.

Въ концѣ апрѣля, по пути къ азовскому поморью, изъ старыхъ украинскихъ губерній пробирались глухими тропинками, оврагами и одинокими степными лѣсками двое пѣшеходовъ. Оба они были молоды, измождены усталостью, въ потертой одеждѣ и съ палками въ рукахъ. Ночевали они подъ стогами, пили рѣдко изъ колодцевъ, а болѣе изъ невысохшихъ еще снѣговыхъ озерковъ, ѣли что Богъ дастъ и торопились-торопились. Младшій изъ нихъ, типъ чистаго малоросса, немного мѣшковатый и вялый, шелъ какъ-будто нехотя, пугливо оглядывался по сторонамъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ звукѣ въ степи, ранѣе старшаго сворачивалъ въ сторону, едва завидѣвъ на пути одинокій постоялый дворъ, хуторъ или проѣзжую смиренную телѣжонку. Зато старшій шелъ смѣло и даже весело. На немъ былъ зеленый жилетъ съ ключомъ на веревочкѣ, сѣрая барашковая шапка и ветхія плисовыя шаровары. Онъ бойко говорилъ по-русски, хотя былъ родомъ малороссъ.

— Ты, братъ, Хоринька, смотри у меня, не дури, не кручись: я ужъ въ пятый разъ бѣгаю. А что? — сходитъ!

ровно, миленькій, ничего. Въ первый разъ, таки, какъ поймали и привели, скажу тебѣ, вспороли на-порядкахъ. Исправникъ былъ выжига, пятью червонцами не откупился. А за то мѣста-то, мѣста какія! Батюшки мои свѣты! Ты въ резонъ то-нсь не возьмешь, что это за край, эта поморская сторона! Уже не даромъ же я веду тебя туда, братецъ! Тамъ тоже поселки есть, да не чета нашей треклятой «панщинѣ»; сказано—волюшка: вотъ какъ птицы вольныя, тамъ и земля вольная! Разные тебѣ языки, сбоку сплошь донщина, а тамъ наши города и море! Жизнь, жизнь, родимый! Денегъ заработаешь вдоволь, пачпортикъ тебѣ выхлопочутъ. Паны тамъ не то, что у насъ: все ухари-молодцы, и по-кавалерски тебя содержутъ. Значитъ, не то что у насъ, по старымъ господскимъ хуторамъ, въ мѣсячину тебѣ толоконце одно отпускаютъ, значитъ дерть собачью, жито пополамъ съ ячною мучицей по пудику на душу. А тамъ тебѣ и сало, и масло постное греческое, прямо съ порта, въ богоспасенные дни. Ѣшь-кушай да трудись, душа. Сказано, вольница! Захочешь жены,—и жинку тебѣ справятъ новую. Пять разъ я бѣгалъ и пять разъ все новыхъ шамшурокъ доставалъ! Такое уже заведеніе было; коли ты лакомка,—не нахвалишься! ей-Богу!

Младшій на эти слова тихо вздохнулъ, продолжая сѣменить босыми пятками, держа сапоги черезъ плечо и изрѣдка потирая тряпицей разболѣвшіеся отъ вѣтра глаза.

— Ну, что вздыхаешь, Хоринька? Слушай, Харько! Эти твои оханья да вздохи—только одни пустяки. Ну, куда мы идемъ, а? Слышалъ ты про азовски лиманы, про донски гирла и камыши? Ну? Глупъ ты есть, человѣче, и только! Говорю тебѣ: приведу тебя въ такія мѣста, что ахнешь. Босъ ты—обуютъ тебя, нагъ ты—одѣнутъ, гладенъ—накормятъ, пьяница—пить дадутъ, бабъ любишь—предоставятъ тебѣ такихъ, что ума помраченье! Волюшка, волюшка, Харитонъ!.. Кто ее не любитъ? Бѣжалъ я, братецъ ты мой, впервой сдуру, отъ блажи, понятія еще не имѣлъ, значитъ, о живодёрѣ Петилье, у котораго послѣ трижды въ наймахъ бурлакомъ жилъ, — тамъ такой шельма-французикъ подъ Бердянскомъ степи держалъ, — а и то, что со мною сталось! Вышелъ я, братецъ, наработамшись и намучимшись вдоволь, въ дождь да въ студеную непогодь пробирался, какъ и мы теперь, свиными дорожками, по захолустьямъ.

Да какъ вышелъ я на Днѣпръ, какъ повидѣлъ, что это уже не наша па̀нская Украйна, а вольная со свѣта-созданія царица̀, значитъ Божья степь, гдѣ куда ни глянешь, все поле да поле, ковыль разстилается, да коршуньё летаетъ, — всползъ я, избитый и усталый, на курганъ и поглядѣлъ этакъ впередъ себя. Голова, братъ, и закружилась, а глаза чуть не ослѣпли отъ свѣту, простора да сверканья всякаго. И смотрѣлъ я, Хоринька, съ кургана того отъ утра вплоть до вечера; упалъ и заплакалъ съ радости. Такъ бы, кажись, и пошелъ на всѣ четыре стороны разомъ. Волюшка, воля! Постой, и ты не то заговоришь, какъ увидишь ее! Сказано, рай! Знаешь бурлацку пѣсню:

«Эхъ ты, степь моя, степь бердянская!..
Жизнь постыла, неволя па́нская!»

Веселый вожакъ, выйдя изъ глубокаго оврага, по дну котораго шелъ съ товарищемъ, несмотря на усталость, звонко запѣлъ, потомъ вдругъ засмѣялся и замолчалъ.

— Харько̀!—сказалъ онъ, плетясь въ гору.

— Что?

— Ты Левенчукъ по прозванію?

— Левенчукъ.

— Ну, тебя же мы, какъ придемъ, окрестимъ иначе. Вотъ я Милоро̀денко по прозвищу, тамъ на хуторѣ до̀ма, значитъ по ихней панской ревизіи; а въ бурлакахъ я, братецъ, повсегда Александръ Дамскій, и имени ужъ теперь ни въ жисть не мѣняю; такъ меня всѣ кавалеры тамъ, значитъ, помѣщики, и знаютъ, потому что пачпорта теперь ужъ мнѣ не нужно,—и безъ него я знаю какъ обойтись. А вотъ тебѣ пачпортикъ на первый разъ нуженъ. Слушай, Харько̀...

— Что, Василь Иванычъ?—грустно отозвался, вздыхая новичокъ.

— Какъ придемъ мы на границу, до нагайскихъ степей, береги ты меня, душа Хоринька. Покаюсь тебѣ. Непьющъ я сызмальства; а какъ доберусь до воли,—себя не помню — пять разъ въ шинкѣ у Лысой Ганны пропивался, какъ собачій сынъ, до нитки. Береги меня, Харько̀, какъ свою душу; не давай мнѣ сразу простору; ублажай меня, уговаривай, да поделикатнѣй при людя̀хъ,—потомъ, пожалуй, и свяжи, даже поколоти, обругай самою скверною бранью, а водки много не давай. Хоть просить буду, хоть бить тебя

буду, не давай водки, не давай и денегъ. Граница ужъ близко; вотъ тебѣ вся моя казна,—возьми и спрячь... Не силенъ я тутъ противъ соблазна... Охъ, не силенъ! Сказано, воля!

Милоро̀денко дѣйствительно остановился, присѣлъ на траву, снялъ сапогъ, досталъ оттуда въ грязной ветошкѣ какую-то сумку, вынулъ три замасленныя ассигнаціи, посмотрѣлъ на нихъ на свѣтъ со вниманіемъ и, какъ бы съ сожалѣніемъ, похлопалъ по нимъ и отдалъ ихъ товарищу.

До желанныхъ мѣстъ крайняго юга оставалось недалеко.—Туда стремились новые товарищи, какъ стремятся и стремились искони, по неодолимому влеченію, сотни и тысячи другихъ, имъ подобныхъ бѣглыхъ русскихъ людей, съ перелетными отъ сѣвера птицами, ища новой пищи и новой доли.

Два-три перехода, и они были, наконецъ, на рубежѣ того непочатаго, или мало еще початаго края Новороссіи, гдѣ Милоро́денко пророчилъ у господъ кавалеровъ своему товарищу такое счастье и богатство, какихъ онъ и во снѣ не видывалъ.

Овраги и лѣсистыя балки стали попадаться рѣже. Стоги, подъ которыми они ночевали и прятались на отдыхѣ отъ дождей и солнца, исчезали вовсе. Пошла сплошная, необозримая степь, заросшая густыми, цвѣтущими травами. Селъ и хуторовъ не было видно вовсе. Кое-гдѣ только мелькали въ сторонѣ, чернѣя длинными шестами, со вздѣтыми на нихъ пучками ковыля, одинокія овчарни. Да иной разъ, пробираясь чуть видною въ травѣ колеею проселка, натыкались они на пустынный колодецъ, до того глубокій, что не было видно его дна, какъ туда ни смотри. Встрѣчные чумацкіе обозы они обходили, а къ одинокимъ пахарямъ въ степи приближались. Подойдутъ, особенно вечеркомъ, къ огоньку, Милоро̀денко поклонится, подсядетъ, на корточки, къ маленькому костру, заговоритъ, посмѣиваясь и смотря по своему обычаю, въ ладони, переброситъ съ руки на руку уголекъ, закуритъ трубочку, и сейчасъ начинаются у него разспросы и шутки.

— Что, отъ пановъ? Панскіе?—спросятъ его.

— Панскіе!—скажетъ и зальется смѣхомъ Милоро́денко, передавая анекдоты о хуторскихъ невзгодахъ.

Но Левенчукъ шелъ печально и мало принималъ участія въ веселыхъ проказахъ и розсказняхъ товарища.

Въ одномъ мѣстѣ Милорòденко, угощенный кѣмъ-то на перепутьѣ, говорилъ товарищу, сильно вздыхая:

— Какъ будемъ мы идти близко къ морю, тамъ рѣчка Мертвыя-воды есть. Такъ-то! Впервое, какъ я убѣжалъ, жилъ я въ косарской артели; шли мы съ заработковъ отъ одного барина и наткнулись на злое дѣло. Въ другой артели не то косарь, не то, чортъ его знаетъ, кто, зарѣзалъ нашего же, должно-быть, бѣглаго брата, старика-лакея, а лакей этотъ шелъ къ морю, съ дочкой, маленькою дѣвочкой. Убивца — чтобъ ему пусто стало — старику перехватилъ глотку сонному, деньги отнялъ и убѣжалъ. Были, говорятъ, у него деньги небольшія, дрянь. Такъ дѣвочка привела отца еще полуживого на Мертвыя-воды: тотъ стоналъ съ перерѣзаннымъ горломъ, упалъ на порогѣ тамъ какой-то хатки и, говорятъ, умеръ, а на мѣстѣ не могъ назвать, значитъ, убивцы своего. Скверное это было дѣло. Мы сейчасъ сбѣжались, жалѣли; ходили смотрѣть и на дѣвочку, и на умирающаго, а у него были такія бакенбарды бѣлыя, такъ и торчали съ телѣги, какъ его повезли въ городъ; самъ худой, да лысый. Страшный такой! Дѣвочка не могла разсказать, откуда они убѣжали, и ее взялъ кто-то въ пріемыши.

Въ другомъ мѣстѣ Милорòденко бесѣдовалъ:

— Да ты мнѣ скажи, Харькò: и вправду ты думалъ утопиться, какъ я тебя увидѣлъ на плотинѣ и сманилъ? — Это было уже на послѣднемъ привалѣ, ночью, въ кустахъ дикаго терновника, гдѣ они расположились понѣжиться уже повольнѣе и даже сами рѣшились развести огонёкъ.

Левенчукъ ничего не отвѣчалъ. Его сѣрые, широкіе, задумчивые глаза, при черныхъ курчавыхъ волосахъ, печально смотрѣли на догоравшіе уголья, тогда какъ каріе, веселые, наигранные, какъ у кошечки, и подвижные глаза Милорòденко такъ и смѣялись.

— Вылѣзъ я изъ камыша, — продолжалъ, хохоча, веселый вожакъ:—вылѣзъ, смотрю—человѣкъ сидитъ надъ водоспускомъ, плачетъ, охаетъ, все озирается и хватается за голову. Шапку снялъ и ужъ ноги свѣсилъ надъ омутомъ... Ждалъ я, чтò будетъ, а ты все ближе къ омуту, ближе, да плачешь: «Тю-тю, дỳрный!» Ты и остановился. — Разскажи же, братъ, какъ это ты задумалъ, когда жену-то твою порѣшили, топиться въ панской рѣчкѣ?

— Чтò же, дядько,—началъ Левенчукъ:—скажу тебѣ. Я

ходилъ за овцами у пани; ну, ходилъ и ходилъ! скука тамъ смертная была. Разъ и зоветъ меня старая пани: «Харькò, я тебя женить хочу!»—«Воля ваша, говорю, пани». — «Да ты не знаешь на комъ?»—«Не знаю».—«На Варькѣ, на дочкѣ Петриковны; хочешь?» — «Воля ваша!» говорю, а у самого сердце такъ и обдало! А Петриковна была ключницей у нашей барыни, проворовалась, ее и сослали на птичню. Пила запоемъ, съ горя, эта старая мать Варькина. Повѣнчали меня съ ея дочкой, въ числѣ другихъ шести паръ, разомъ. Барыня наша ужъ эти свадьбы всегда справляла заурядъ, осенью, передъ филипповками. Не знались мы и ни разу до свадьбы съ Варькой не говорили ни слова. Извѣстное дѣло, я пасъ овецъ, все въ степи и рѣдко домой навѣдывался. Повѣнчали насъ, посадили за столъ, а потомъ спать положили...

Харькó помолчалъ.

— Ну, дяденька, скажу я прямо: такъ стыдно было мнѣ на свою жену глядѣть, что больше году мы и вмѣстѣ жили, и за столъ ѣсть садились, и уже любить-то я ее началъ, а говорить еще по душѣ не говорили и не глянули другъ другу въ глаза прямо; все больше молчишь, или перекинешься такъ пустымъ словомъ, да и глазъ отъ земли не поднимая. И разсмотрѣлъ я ее, правда, ужъ черезъ годъ. Пасъ я, какъ всегда, овецъ—отáру; бѣжитъ ко мнѣ сосѣдская дѣвочка: «Дядько Харькò! — кричитъ: — тётка Варька сына тебѣ родила!» Не помню я, какъ допасъ овецъ до вечера; напоилъ ихъ, загналъ ихъ въ сарай, вбѣжалъ въ хату, а въ хатѣ ладаномъ накурено, сосѣди чинно сидятъ, люлька виситъ съ потолка, а Варька, лежа, качаетъ съ лавки ребенка. Я кинулся къ люлькѣ, она приподнялась. «Харитонъ! — говоритъ шопотомъ: — это наше дитя!» Мы взглянули черезъ люльку другъ на друга прямо, и, склонясь надъ дитятею, заплакали и тихо поцѣловались. Съ той поры мы на людей ужъ стали похожи. Люди радовались, и мы радовались. Да не довелось пожить счастливо. Съѣздила наша пани въ городъ и купила новую молотилку, такую машину, съ чугуннымъ барабаномъ. А въ прошломъ году у насъ сильная пшеница уродилась. Привезли эту машину, поставили на току въ сараѣ и стали молотить лошадьми, а бабы солому отгребали. Мазали эту машину дёгтемъ. Разъ и моей Варькѣ загадали съ другими идти до той молотилки,

а сама наша пани всегда при работахъ стоитъ. Пока запрягали коней, пока пани отъ горницъ пришлелася, бабы и давай на выдумки. Та на коня верхомъ лѣзетъ, та въ снопахъ перекидывается, а моя и говоритъ: «Гдѣ, бабы, мазница съ дёгтемъ? Давайте себѣ сапоги помажемъ!» — «Вонъ,— говорятъ: — подъ колесомъ!» Она и полѣзла. Подставила одинъ сапогъ, смазала; стала и другой мазать. А тутъ кричатъ: «Пани идетъ, пани!» Машинистъ у насъ кривой, подлецъ такой былъ, со злобы, что ли, повернулъ барабанъ, лошади дернули, колеса завертѣлись, а Варька рукавомъ и попала подъ чугунное колесо. Бабы кричатъ: «стой, стой!» А онъ кричитъ на погонщиковъ: «бей, гони коней! барыня идетъ! мы стоимъ, ничего не дѣлаемъ». А Варька боится крикнуть, притаилась... Машина пошла... Охъ, дядько! И вспомнить страшно... Застонала она, что-то захрустѣло... Прибѣжала опять ко мнѣ въ степь та же сосѣдская дочка. Оретъ-голоситъ на всю степь: «Ты тутъ овецъ все, дядько, пасешь, а тамъ ужъ твоей Варьки на свѣтѣ не стало!» Бросилъ я овцу и прибѣжалъ на хуторъ. «Гдѣ, говорю, гдѣ?» — «На панскомъ дворѣ!» — Прибѣжалъ я въ самую панскую горницу, а она-то, моя Варька, на полу лежитъ, и сама старая пани простоволосая надъ нею мечется... Куда тебѣ! Руку оторвало, и всю потрощило ее, мою сердечную, въ куски! Охъ, дядюшко, страшно!.. Я какъ глянулъ, такъ и самъ упалъ... Отлили водою меня... Похоронили ее, голубочку, а мнѣ свиту новую справили. И впрямь: пани тутъ, пожалуй, сама и не виновата. Да ужъ я, какъ встрѣтился съ машинистомъ, глянулъ на него, а онъ глаза понурилъ, сталъ и говоритъ мнѣ: «иди своею дорогою, не смотри на меня: ты какъ собака злой». Зашелъ я въ шинокъ какъ-то. Кучеръ нашъ гулялъ. Перепоилъ насъ. Тутъ и машинистъ храбрился. Я и задумалъ недоброе. Ужъ не смогъ я эту овцу въ степи больше пасти. То, бывало, ходишь день-деньской по жарѣ, печешься, ѣсть-пить хочется, вода въ баклагѣ теплая, прогнившая, овца собьется въ кучу... Сядешь; кругомъ ни души,—одно марево огнями переливается, да овражки свистятъ. Скука... руки бы на себя наложилъ! Дѣлать, работать не хочется; да и что сработаешь, ходючи безъ устали? Развѣ ложку какую выдолбишь! А все прежде жилось. Вечеръ-то, вечеръ! хата! — такъ и манятъ. Придешь, все забылъ. Ляжешь возлѣ нея, при-

жмешься къ ней, а въ хатѣ чисто, травами сухими пахнетъ, постель бѣлая; она смѣется, шепчетъ тебѣ сладкимъ шопотомъ, — и до утра иной разъ не спишь! Ну, меня и повело, какъ Варьку порѣшили. Охъ, дядько... боюсь! Не допытывай меня... Ну, что же?.. такъ-то вотъ разъ нашли машиниста подъ селомъ убитаго: волки ужъ и голову ему объѣли. Порѣшить себя тутъ задумалъ и я... Сперва удавиться хотѣлъ, а потомъ утопиться. Люди меня усовѣщевали: судъ допытывалъ. Это я ужъ въ третій разъ надъ омутомъ-то сидѣлъ! Грѣшное дѣло: и спасибо тебѣ, Василь Иванычъ, что ты меня избавилъ!.. А все какъ-то жутко еще, и мерещится все недоброе... Безъ руки лежитъ, вся потрощенная, покровавленная на панской молотилкѣ... А собакѣ—собачья и смерть! Не я его убилъ. Должно-быть, чужой кто. Онъ все шатался по любовницамъ по ночамъ. Ну, а тутъ ужъ прямо меня подозрѣвать стали, люди начали обходить меня. Затаскали по допросамъ. Пани въ солдаты погрозилась отдать. Я и самъ сталъ какъ неживой. Какъ собака голодная мыкался. Много нашихъ разбрелось изъ хутора въ разные годы, а самъ не рѣшился. Все думалъ: какъ уйти? И въ голову не прибиралось.

— Вотъ постой, постой, Хоринька: какъ придемъ, да какъ помѣщу я тебя въ неводчики, при рыбныхъ ловляхъ, или въ какую косарскую артель, — добромъ помянешь, любезный человѣкъ! А вотъ я такъ иначе бѣгалъ...

— Какъ же ты, дядюшка, бѣгалъ? — спросилъ уже нѣсколько спокойнѣе, какъ бы облегча душу, Левенчукъ, помолившись вслухъ на восходъ солнца впотьмахъ и ложась спать у окончательно потухшаго костра.

— А вотъ какъ я убѣжалъ впервое, — началъ Милороденко, весело закидываясь навзничь и потягиваясь подъ кустомъ: — моя сказка, простой ты человѣкъ, короче. Видишь ли, ты еще теперь настоящій хохолъ, а я ужъ и тогда былъ натертѣе, — въ лакеяхъ, значитъ, обрѣтался и по-господски говорилъ какъ слѣдуетъ. Ну, скажу тебѣ по правдѣ, ничто меня всегда такъ не манило, какъ, выходитъ, крупичатый хлѣбецъ, то-есть, значитъ, бабье дѣло. Ну, простота, чортъ меня и попуталъ до конца! Прошлялся по Таганрогу; а тутъ и изловили меня полицейскіе на базарѣ: домой переслали, вздули, братъ, это меня опять по всѣмъ порядкамъ. А тутъ опять душа пить попросила...

Влюбилась въ меня, до побѣгу еще значитъ, племянница самого барина... да!

— Что ты? Ахъ, братецъ ты мой!—даже вскрикнулъ съ испугу въ темнотѣ Левенчукъ и вспрыгнулъ на корточки.

— Эхъ, дурачина ты, братъ, дурачина! Ну, чего смотришь такъ? Вотъ то-то и дѣло, что ничего!— продолжалъ, вольготно потягиваясь, Милорóденко:—это почти то же самое дѣло, никакой разницы нѣту, кромѣ опчей, значитъ, чистоты... Просто, ровно ничего! Сперва я хаживалъ къ барышнѣ въ окошко; въ саду видалися; воду, зонтики ей туда носилъ; а тамъ дѣло узнали, заперли меня; баринъ въ кандалы хотѣлъ заковать, сослать задумалъ; да увезла она меня къ своей матери: тамъ въ приживалкахъ у какой-то енеральши мать эта жила. Выкрала меня барышня изъ анбара. Выли, выли старухи хоромъ, совѣщались, душечка ты моя, съ разными господами и чиновниками, и рѣшили насъ, братецъ, по-просту, тоже повѣнчать. Да чего ты это смотришь? именно повѣнчать; мнѣ выхлопотать обѣщали вольную. А баринъ и заартачился. «Не дамъ, говоритъ: она нашъ родъ опозорила, съ холуемъ повязалась, такъ пусть останется моею холопкою-крестьянкою, коли вѣнчаться хочетъ!» Ну, насъ не повѣнчали. Такъ мы и остались. Зажили это мы съ нею, не скажу весело, а сносно. По богомольямъ ѣздили: я въ манишкахъ, въ перчаткахъ, какъ слѣдуетъ, хожу; трубку при господахъ курю, даже фракъ мнѣ справили! Только и стала меня ревновать эта моя барыня-подруга. И не буду я тебѣ, душа, много разсказывать. Одинъ-таки пьяный попъ насъ повѣнчалъ. Любовью да ревностью задала тогда мнѣ моя жена за годъ такой копоти, что я и призадумался. Оно, конечно, я спалъ не пуховикахъ, ѣлъ сытно; нашъ же Сережка, съ которымъ я прежде въ бабки игралъ, кушать намъ подавалъ. Я ему кричу: «Э-эй, малый, трубку!» А онъ ни гу-гу; въ сѣняхъ только иной разъ кулакъ, шутникъ, покажетъ. Жили мы въ городѣ, на краю, на квартирѣ у дьяконицы. Иной только разъ завалишься въ кабачокъ и закутишь съ мѣщанами да съ мужичьемъ: деньги были. Я вакштафъ курилъ, говорю тебѣ, въ карты въ приферанецъ съ чиновниками вывчился, въ халатѣ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ. А она все меня цѣлуетъ, да мучитъ ревностью. «Ты, говоритъ, Матрену нашу прежде любилъ, съ Парашкой знался! Правда это? При-

знайся, говоритъ, признайся!» Да все грызетъ и плачетъ. Опротивѣла она мнѣ; сталъ я и бивать ее подчасъ. А люди добрые, мошенники городскіе, и посовѣтовали: «Обокрадь ее да и убѣжи!» Ну, красть я не кралъ, а бить— отпоролъ единожды въ спальнѣ нагайкою: сказано, опротивѣла мнѣ, такъ за косы ее и таскалъ, бимши! Она ничего, стала тише, руки мнѣ цѣлуетъ... А тутъ я и получилъ изъ Таганрога записочку отъ одной красотки: тамъ въ модницахъ жила, и мы въ бѣгахъ знались. Взманула меня опять волюшка. «Эхъ,—подумалъ я,—бѣсъ васъ подери, пуховики да супы, да лежанье одно, да панскія розсказни!» Сталъ я больно суровъ... У! натерпѣлась она тогда отъ меня! А на второмъ году я и далъ тягу, ужъ окончательно, да съ той поры ее и не видѣлъ.

— Что же, дядько, а она гдѣ теперь стала?

— Умерла, сказуютъ, братецъ, въ скорости, безъ меня! Вѣдь это давно было. Я холостъ ужъ вотъ четвертый годъ. Возвращался къ барину. Да ужъ въ другой разъ не поладили. Сильно я ему грубилъ и досаждалъ. Баринъ повѣстки обо мнѣ разослалъ, какъ я бѣжалъ. Ловили меня, приводили снова разъ къ нему; жены я не засталъ ужъ тогда. Сосѣди совѣтовали ему: «дай вольную Васькѣ!» Не далъ! Ну, а я ужъ, душечка, подумай, покурилъ вакштафу — домой-то, значитъ, къ пану своему больше и не хотѣлось. Ну, съ той поры по сей день, четвертый годъ, и состою въ бѣгахъ. Дѣтей, видишь ли, не произвелъ, не осталось. Родня женина срамится, должно-быть, и вспомнить меня. Хоть и мнѣ страшно вспомнить это ихъ всѣхъ. Скверные, братецъ, люди! Да я-то теперь ужъ разбогатѣть хочу, показать себя имъ всѣмъ, что я за человѣкъ! Что жъ, что я холопъ, такъ и не вѣнчать? Панъ вольной не далъ, ну, и стѣснилъ тѣмъ насъ. А будто трудно было подмахнуть бумагу? Ну, я же имъ это покажу, и безъ нихъ обойдемся! Разбогатѣю вотъ какъ! Сторона это такая, что только трудись,—золото лопатами тутъ всѣ загребаютъ...

Оба товарища на этомъ заснули. Ночью Левенчуку все казалось, будто что-то шелестило въ степи, точно конь близко гдѣ-то силился оторваться отъ привязи, оторвался и, фыркая, все бѣгалъ впотьмахъ. Разъ онъ открылъ глаза. Надъ нимъ висѣло темное-темное, усыпанное звѣздами, небо. Голосъ какой-то птицы уныло охалъ вдали. Кузнечики тре-

щали. А въ мысляхъ его было смутно. Глаза горѣли, въ вискахъ стучало. Покинутая родина и чужая даль сжимали бѣдное, напуганное сердце.

Разбудили ихъ пѣсни жаворонковъ и все крылатое населеніе степи, сверкавшей подъ каплями крупной утренней росы. Голубые туманы переливались вдали. Слѣва шли волнистые зеленые косогоры. Справа синѣло не то море, не то та же безконечная, будто въ гору идущая, степь. Что-то отдавалось уже не украинскими, простыми и тихими картинами, а чѣмъ-то инымъ...

— Видишь эти пустыри? — допытывалъ Милорòденко: — много я тутъ помыкался! Въ Москвѣ теперь я пожилъ два года, а сколько уже здѣсь перемѣны. Вонъ, видишь, ужъ хуторокъ лѣпится подъ балкою, садикъ разводятъ, прудъ мигомъ вырыли, мельницу-вѣтрякъ ставятъ, панскія горницы строятъ. А два года назадъ тутъ одна степь была. Теперь и дорогу туда протоптали. Такъ и при запорожцахъ тутъ заимки занимали. Вся наша и земля тутъ старозаимочными хуторами стала. Наши предки съ тобою тоже сюда пришли и закрѣпостились. Ну, а мы съ тобою ужъ теперь вольные...

Миновавъ еще два-три пустынные аула, пѣшеходы вошли въ область разнообразныхъ новороссійскихъ колоній и подъвечеръ очутились у знаменитаго порубежнаго въ краѣ шинка «Лысой Ганны», котораго такъ боялся Милорòденко. Въ шинкѣ и кругомъ шинка, близъ байрака, сновали какіе-то люди. Фургоны стояли, волы паслись, верблюды шагали къ водопою. Мелькали татары въ бараньихъ шапкахъ. Двери въ шинокъ были распахнуты настежь. Волынка и двѣ скрипки бренчали у крыльца. Музыканты были слѣпые нищіе. Старшій изъ нихъ затягивалъ подъ музыку пѣсню: «Ой, фортуно, фортунонько! де до тебе стежка?» Милорòденко ввелъ Левенчука въ шинокъ, ткнулъ пальцемъ на бородатаго жида-шинкаря, сказавъ: — «Вотъ это жъ и Лысая Ганна!» — узналъ двухъ-трехъ сосѣднихъ знакомыхъ и заметался.

— Всечестнѣйшая и преблагородная компанія! — сказалъ онъ: — цѣлуйте меня, я Александръ Дамскій и опять между вами. Лейба, шельма, водки!

— А! это ты, Дамскій? — отозвались его пріятели изъ посѣтителей Лейбы, все народъ мрачный и бѣдовый. — Гдѣ былъ? откуда пожаловалъ?

— Изъ Кіева, антихристы, изъ Кіева; а былъ и въ Москвѣ, милочки. Дважды нажился въ это время и дважды продулся! Да межъ вами доносчиковъ нѣтъ?.. Тронь меня, я и ножомъ теперь пырну,—не замай! жить хочется, жить давайте мнѣ — я теперь вольный человѣкъ! Пришелъ это мимоходомъ къ барину къ своему на хуторъ, говорю: полно биться, будемъ мириться. А онъ, какъ положилъ, и всыпалъ мнѣ двѣсти. Я опять тягу.

Чего только ни дѣлалъ тутъ Милорд̀енко. Помня зарокъ пріятеля, Харько̀ сперва-было воспротивился просьбамъ его дать денегъ. Но уже Александръ Дамскій хлебнулъ горькухи и преобразился. Про розги и свиданіе съ бариномъ онъ вралъ для щегольства. Изъ веселаго и кроткаго человѣка—это сталъ звѣрь: ноздри раздулись, лицо поблѣднѣло. Онъ свисталъ, прыгалъ, давалъ пріятелямъ пинки, кричалъ: «Воля, воля! Я вѣдь вольный!»

— Ахъ ты, хохолъ-свинопасъ! — крикнулъ онъ на всю хату Левенчуку.—Слышите, добрые люди, денегъ не даетъ! И ни слова дальше не говоря, попотчивалъ спутника страшною затрещиной, далъ пинка въ спину, а потомъ въ животъ... Со сверкающими глазами, со скрежетомъ зубовъ и растрепанный, отнялъ онъ подъ-вечеръ у перепуганнаго и избитаго Харько̀ всѣ свои деньги и пустилъ пиръ во всѣ заставки.

Левенчукъ ждалъ два дня, наконецъ, выпросилъ у шинкаря кусокъ хлѣба и пошелъ куда глаза глядятъ. Событіе съ нимъ никого не удивило. Его насмѣшливо обходили, какъ новичка.

Приставши безмолвно къ первой партіи косарей, онъ обрадовался, что его ни о чемъ не спрашивали и ему ничего не говорили, и прокосилъ у какого-то колониста болѣе недѣли. Потомъ его направили по сосѣдству, къ помѣщику, полковнику Панчуковскому.

Левенчукъ пошелъ указанною дорогой, скоро нашелъ на Мертвыхъ-водахъ Панчуковскаго, увидѣлъ среди степи его новый красный кирпичный домъ, кругомъ котораго возводили высокую каменную ограду, а въ сторонѣ кирпичную, съ фронтонами и подъ желѣзною крышею, огромную овчарню. Вся усадьба, какъ видно, только-что обзаводилась и напоминала скорѣе ирландскую или саксонскую ферму, чѣмъ украинскій заднѣпровскій хуторъ. Левенчукъ пришелъ прямо

къ панскому крыльцу, гдѣ уже дожидались другіе. Вышелъ господинъ молоденькій, съ бѣлокурыми усиками, франтовато одѣтый.

— Здравствуйте, ребята! — сказалъ онъ бойко, по-военному.—Много васъ пришло?

— Шестьдесятъ, ваше высокоблагородіе.

— И все больше нашего поля люди?—спросилъ и весело подмигнулъ полковникъ.

— Точно такъ.

Полковникъ, увѣрявшій всѣхъ, что тотъ не хозяинъ, кто не выросъ подъ крѣпкою командой и самъ не выучился повелѣвать, умѣлъ-таки владѣть приходящими къ нему.

— Ну, милые люди, будьте же гостьми! Завтра сѣнокосъ за рѣчкой; у кого пачпорта нѣтъ, тому цѣна полтина ассигнаціями въ день; у кого есть—полтина серебромъ. Ступайте въ контору, выпейте по чаркѣ водки и пока маршъ на токъ молотить!..

— Рады стараться! — гаркнули пришедшіе и пошли въ контору, хваля ласковость и бойкость умѣлаго господина.

Левенчукъ въ конторѣ записался на мѣсяцъ. Взволнованный и все еще въ туманѣ отъ небывалой новой жизни, онъ очутился съ хозяйскимъ цѣпомъ въ рукахъ на току, сталъ постукивать по снопамъ, глянулъ въ сторону и обомлѣлъ... Милорòденко! Онъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Въ какой-то дырявой нищенской свиткѣ, съ блѣднымъ испитымъ лицомъ и потускнѣлыми глазами, брошенный въ шинкѣ «Лысой Ганны» недѣлю назадъ, его вожакъ и товарищъ былъ уже тутъ и также тыкалъ цѣпомъ въ снопы, въ двухъ шагахъ отъ него. Улучивъ минуту, Харькò поровнялся съ нимъ и шепнулъ, подсмѣиваясь и вмѣстѣ пугливо посматривая на него:

— А чтò, дяденька, и вы тутъ?

— Тутъ,—отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и, тихо повернувши тусклые и испитые глаза за клуню, кивнулъ туда головой. Оттуда неслись хлопанья кнута и крики. Кого-то сѣкли, а полковникъ, громко считая удары, приговаривалъ въ антрактахъ наставленія, то сердясь, то весело причитывая прибаутки.

— Кого это, дядюшка?—спросилъ пугливо Левенчукъ.

— Товарища тамъ нашего одного; я угомонился, видишь ли,—а тотъ и сегодня пьянъ напился, и барину здѣшнему

нагрубилъ на работѣ, да и съ приказчикомъ тутъ не поладилъ...

— Такъ и здѣсь, дядюшка, сѣкутъ? Тутъ же мы на волѣ?

— Охъ, и тутъ! порядки эти и здѣсь заводятся, видишь! Давно я тутъ не былъ; ну, безъ меня оно такъ и стало. Да ты на то не смотри: полковникъ добрый человѣкъ; отчего же и не посѣчь дурака нашего брата? хуже, какъ въ станъ явитъ, а ты бѣглый!

— По чемъ же вы стали?—спросилъ Левенчукъ.

— По гривеннику...

— Отчего такъ мало?

— Среди недѣли, видишь ли, пришелъ и одежду еще хозяйскую занялъ. Что̀ дѣлать. И на это тутъ иные порядки на бѣглыхъ стали. Прогорѣлъ я; ну, да авось поправимся скоро!

— Вы же толковали про медъ да сало, дяденька? Гдѣ жъ тѣ горы и мѣста, что кормятъ и поятъ вдоволь, и гдѣ та воля живетъ и сама промеждy людьми ходитъ? И тутъ, какъ у насъ на панщинѣ!

— Э, подожди, не все разомъ! А пробовалъ, Хоринька, борщику съ сальцемъ или съ свѣжей таранью? Тутъ по близости и ловятъ эту рыбу. А?..

— Пробовалъ.

— А что, вкусна?

— Рыба вкусна, да и работа вкусна; у насъ дома такъ рано не встаютъ и поздно не ложатся. Тутъ все построже. Заглядѣлся—и гонятъ. А рыба вкусна...

— То-то же, голубчикъ, Хоринька! Да слушай: какъ бы опохмелиться? Откажись сегодня отъ порціи своей для меня... Я тебя отблагодарю; а съ завтрашняго дня ужъ я ни-ни... ни капли! Вѣдь ты знаешь, что я только тогда пью, какъ сюда на волю вырвусь! Прости ты и мои побои въ шинкѣ. Сказано: человѣкъ дорвется до безопасности, паномъ сталъ самъ, ну, и пропадай душа!

Хоринька отказался отъ своей порціи, и Милорòденко опять повеселѣлъ, хотя цѣпомъ стукалъ по снопамъ до вечера молчаливо и никого не смѣшилъ и не озадачивалъ своими шутками.

Дни потекли незамѣтно. Вся почти артель полковника, человѣкъ въ двѣсти, состояла изъ бѣглыхъ; они часто мѣнялись, уменьшались въ числѣ. Были изъ нихъ и постоян-

ные, нанятые по годамъ и болѣе. Тутъ былъ значительный рискъ. Они жили въ особыхъ избахъ и землянкахъ. Пуританскіе, чистые нравы этого народа не допускали на работѣ никакихъ споровъ и ослушанія. Все шло какъ на ученьи рекрутъ и на глазахъ самого свирѣпаго командира. Ночевали лѣтомъ работники подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь по близости въ оврагѣ, прятались въ току или въ овчарномъ сараѣ. Становой, купленный здѣсь не дешево, очевидно, нарочно сюда не заглядывалъ. Но жизнь бѣглой артели была вѣчною тревогою, вѣчнымъ ожиданіемъ. Вотъ налетятъ,—въ кандалы, по этапу—и маршъ обратно въ постылые хутора, на работу!.. Расплачивались съ бурлаками еженедѣльно, по субботамъ. Зато въ воскресенье было уже ихъ время. Иные и тогда работали за половинную цѣну, другіе расходились по сосѣднимъ и дальнимъ шинкамъ, попить и побалагурить съ наплывными же, бѣглыми дѣвчатами.

— Да! — говорилъ какой-то рябой, въ красной рубахѣ, богатырь, также изъ бѣглыхъ, нанявшійся у Панчуковскаго:—вы вотъ, ребята, спокойны: полковникъ—человѣкъ-огонь, и начальство свое, должно-быть, для насъ ублажаетъ! А вотъ я намедни у нѣмца за Мертвою молотилъ, слышимъ — звенитъ колокольчикъ. Нѣмецъ вбѣжалъ, кричитъ: «кто бродяга, маршъ въ поле!» Мы бурлаки, по-за скирдами, да въ ровъ. А становой за нами, всѣхъ перевязалъ... Насилу откупился нѣмецъ: пятьдесятъ червонцевъ, сказуютъ, далъ. У моего пана на Ворсклѣ я кучеромъ былъ, ужъ тотъ за насъ такъ не потратился бы...

— Ну, нѣтъ! — бесѣдовалъ, въ свой чередъ, покуривая трубочку, Милорòденко:—какъ имъ, чиновникамъ, не разыскать насъ, коли-бъ сами паны не думали откупиться за насъ! не то что людей съ собаками,—собакъ людьми отыщутъ, коли захотятъ! Чутье ужъ у нихъ такое! — Толпа захохотала.

— Какъ такъ? Разскажи...

— А вотъ какъ. Былъ у насъ не тутъ-то, на вашей вольной земелькѣ, — а у насъ, въ панской нашей Рассеѣ, былъ въ уѣздѣ судья, отличный, распредобрѣющій и еще молодой человѣкъ, и жена у него писанная красавица; наѣхали разъ къ судьѣ гости, значитъ, ближніе и чужіе дворяне, и въ-скорости пропала у него, послѣ ихъ съѣзда, пара

лучшихъ собакъ,—а онъ былъ завзятый охотникъ. Не было тогда судьи дома. Кто укралъ? — «Кто-нибудь изъ гостей, значитъ, побаловалъ!» — «Ну, красть дворянамъ не полагается!»—думала судьиха; да, долго не думавъ, выслѣдила черезъ людей дорожку въ сосѣднюю губернію, куда увели собакъ, велѣла запрячь карету, сѣла сама молодочка, да и покатила туда. Уговорила тамошняго исправника, подъѣхала къ тому господину, по-просту, значитъ, укравшему собакъ, сама остановилась на селѣ, а исправникъ пошелъ къ нему да и накрылъ собакъ, въ самой то-есть спальнѣ у пана, тамъ—подъ его брачною кроватью; первое время онъ тамъ держалъ собакъ — погони боялся. Взяла тогда барыня собакъ, посадила ихъ съ собою въ каретку, отблагодарила исправника и поѣхала. Такъ-то!.. Не унесутъ тебя ни лисьи хвосты, ни собачьи пятки, коли тутъ тебѣ сами кавалеры не помогутъ... Этакая судьиха, хоть кого найдетъ!

Въ первое же воскресенье Левенчуку удалось быть близъ одной сосѣдней приморской зажиточной слободки, въ одинокой заимкѣ, на песчаной косѣ, на свадьбѣ одной дѣвочки, выходившей за неводчика, какъ видно, изъ бѣглыхъ. Отецъ ея тоже былъ наплывной, изъ бѣглыхъ. Левенчукъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Невѣста и ея подруги, сосѣднія вольныя крестьянскія дѣвушки, сидѣли въ кисейныхъ французскихъ платьяхъ. Молодая вѣнчалась въ шелковомъ канаусѣ и въ наколкѣ изъ бархатной синели. На свадебномъ столѣ стояли тарелки съ конфетами изъ Таганрога. Гостямъ разносили кизлярское, а бродячіе музыканы играли польку и кадриль изъ самоновѣйшей оперы Верди, завезенной прямо изъ Тосканы въ Одессу.

— А-а? вѣдь все изъ вольныхъ, либо изъ бурлаковъ!—шепталъ Милорòденко очарованному Левенчуку, когда они протерлись въ толпу смотрѣть на молодыхъ:—посмотри, всѣ дѣвки сидятъ въ перчаткахъ, а молодой при часахъ!.. Это, другъ, не чета нашей хохландіи, гдѣ пòтомъ пахнетъ отъ каждой, братецъ, дѣвки, какъ отъ козла!

На крыльцѣ же, на свѣжемъ воздухѣ, въ толпѣ усердныхъ слушателей, какой-то тщедушный, загнанный старикашка разсказывалъ, какой у нихъ на селѣ, возлѣ Тамбова, генералъ былъ: «Какъ подашь ему это, бывало, либо трубку въ пыли, либо воды теплой напиться,—такъ и пуститъ въ тебя чѣмъ-попало, трубку, стаканъ ли, тарелку ли,

что держитъ, такъ въ рыло и угодитъ тебѣ. Мнѣ морду разъ окровянилъ такъ, что стыдно было въ люди показаться!»

— Скоро воля будетъ, пачпортовъ не будетъ, — мрачно говорилъ другой: — не будетъ неволи, и пачпортовъ не будетъ.

— Ну, да въ Нахичевани теперь и то ихъ всякому продаютъ!—откликнулся на это кто-то:—значитъ, воля близко!

— Э, братцы! — говорилъ возлѣ долговязый парень изъ толпы, въ нанковомъ жилетѣ и пальто, купленномъ у какого-то жидка на торгу:—какъ затѣялъ бѣжать я сюда, наша барыня будто подопрѣла; вотъ сущее слово, подопрѣла, точно снѣжокъ по веснѣ подалась. Старостѣ чай стала давать, намъ водку на работѣ! Да нѣтъ, теперь ужъ шабашъ!.. Шабашъ, не пойду!

Музыканты заливались. Скрипки весело пиликали. Разносили пуншъ съ кизляркой. Пьяный сосѣдскій поваръ, накормивъ всю компанію, съ важностью барина, пыхтѣлъ и курилъ трубку изъ длиннаго армянскаго чубука, развалясь у крыльца, на травкѣ.

— Медамъ, медамъ! перметѐ-съ, ангаже́,—полька!—говоритъ кто-то, взявъ смазливую горничную подъ руку и идя съ нею сквозь толпу. Толпа на эти слова громко захохотала. Левенчукъ посмотрѣлъ—Милорòденко.

— Ты и по-иностранному знаешь?

— Знаю! Супруга выучила.

И долго шли танцы подъ вербами.

Мѣсяцъ освѣтилъ дворъ хаты и рядъ крышъ слободки. Толпа прогуливалась. Дѣвицы хихикали. Милорòденко, натанцовавшись польки, утиралъ потъ съ лица.

— Да вы бы, сударь, трепака ударили! — говорили ему зрители.

— Нельзя, я бариномъ два года былъ: трепакъ—халуйское дѣло.

Поздно ночью онъ нашелъ товарища.

— Что̀, Харько, все о своей Варькѣ думаешь? Чего осовѣлъ?—свирѣпо спросилъ онъ Левенчука:—глянь, какое веселье! А ты все о Варькѣ своей, о бабѣ покойной убиваешься,—а?

— Нѣтъ, не о Варькѣ, а такъ—скучно!

— Глянь-ка на молодую: что̀ за красивая бабёнка! хо-

чешь и тебѣ смастеримъ? — спросилъ Милорòденко. — Тутъ только мигни, можно!

— Нѣтъ, скучно мнѣ,—ничто не манитъ! Да ты и смѣлѣе меня; а мнѣ все какъ-то жутко...

— Ну, такъ поцѣлуемся!

И пріятели обнялись.

— Такъ будемъ трудиться, чтобъ разбогатѣть; богатъ, значитъ воленъ!

— Будемъ. Надо устроиться, а то все страшно — стало строже все...

— Спасибо за дружбу! — добавилъ Милорòденко: — а за уступленную порцію — тогда, помнишь? — вдвое спасибо! Я не забуду тебѣ этого, Хоринька. Кликни только, встрѣтимся ли, нѣтъ ли: удружу и я тебѣ! Помни! А теперь дамъ совѣтъ: хочешь на лиманы, на Донъ, къ морю?

— А что?

— Тамъ скорѣе деньгу теперь зашибешь: тамъ контрабанду теперь свозятъ.

— Нѣтъ, погоди; огляжусь прежде здѣсь... Ты смѣлѣе меня—ты дòка на все...

— Ну, какъ знаешь. А за водку спасибо. Не забуду тебя. Я же, братъ, прощай! Товарищи передали, зовутъ къ неводамъ въ гирла донскія. У меня, коли тихое житье, скучно; я ужъ попорченный. Мнѣ давай такую волю, чтобъ хмелемъ прошибало, чтобъ духъ отъ нея захватывало. Тамъ и страшно, да зато же и заработокъ хорошій. А мнѣ ужъ пора и на старость что̀ припасать, нору свою завести. Хоть бы такъ, зернышка какого, какъ зайцы на зиму припасаютъ, да суслики... Не даромъ же я теперь навѣки бросилъ и барина, и всѣхъ своихъ! Хочу остепениться, земли послѣ куплю.

II.

Бѣглецы высшаго полета.

Прошло три года.

Была прелестная степная майская пора. По дикому и пустынному пути, между Днѣпромъ и Мелитополемъ, быстро скакалъ въ колясочкѣ, на четвернѣ добрыхъ лошадокъ, видный и веселый блондинъ, въ широкой соломенной шляпѣ,

съ бородкою и въ свѣтломъ пикейномъ сюртучкѣ. Его можно было принять за горожанина-афериста или помѣщика. Онъ разсматривалъ виды по сторонамъ дороги. Фу, какая глушь! Нагайско-татарская степь шла вправо и влѣво, изрѣдка только волнуясь и склоняясь погорѣлыми отъ зноя травами, камышами и песчаными косами къ синему, ярко горѣвшему морю. Здѣсь, по приземистой травѣ, мелькали высокіе свѣтло-желтые, синіе и красные цвѣты, сплошь заливая собою необозримыя поляны. Какъ бы вы ни смотрѣли, куда бы ни кинули напряженный взоръ — одни поля, голубые холмы у небосклона, да мелкія, въ огненной лазури потопленныя, облачка. Кое-гдѣ только темнѣютъ вдали, по сторонамъ, одинокія овчарни, откуда, завидя рѣдкаго путника, вдругъ кинутся стаей громадныя пастушьи собаки, темными черточками вытянутся по степи, и вотъ-вотъ, кажется, настигаютъ васъ. Но разстояніе такъ далеко, что онѣ скоро остановятся, и, свернувши свои косматые хвосты, возвращаются назадъ. Бѣлыми пятнами ходятъ безчисленныя дрофы по дикимъ, плугомъ нетронутымъ, пустырямъ. Коршуны высоко плаваютъ въ небѣ. Пестрые, флегматическіе аисты сторонятся отъ дороги, чуть не задѣваемые колесами, да широко раздается во всѣ стороны вѣчный свистъ, стонъ и шорохъ степи.

— Самусь! это будто ѣдетъ кто намъ навстрѣчу?—спросилъ баринъ кучера.

Сѣдой, какъ лунь, кучеръ наставилъ ладонь къ глазамъ.

— Богъ его знаетъ, что̀ оно такое! не то колонистъ на телѣгѣ, не то коровъ гонятъ! Тутъ его никакъ не разберешь, что̀ оно въ степи.

Скоро путникъ разглядѣлъ въ мерцающей дали извѣстный зеленый, на желѣзныхъ осяхъ, фургонъ колонистовъ, и въ немъ ѣздока и возницу. Фургонъ остановился, путники что-то въ немъ поправляли.

— Что, обломались? — спросилъ господинъ изъ коляски, приблизясь къ фургону.

— Чека соскочила,—отвѣтилъ колонистъ:—съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Полковникъ гвардіи въ отставкѣ, Владиміръ Алексѣевичъ Панчуковскій. А вы кто, позвольте узнать?

Колонистъ снялъ шляпу и отвѣтилъ, отчетливо выговаривая по-русски и улыбаясь:

— Колонистъ, Богданъ Богданычъ Шульцвейнъ, изъ-подъ Орѣхова, изъ колоніи Граубинденъ, коли знаете; ѣду теперь изъ-за Ростова.

— Очень радъ познакомиться. Не курите ли? Вотъ вамъ сигара, Богданъ Богданычъ, чистѣйшая кабанасъ...

— Нѣтъ, я вотъ сарептскій; я нюхаю-съ! Это—табачокъ очень тоже ароматный. Мы его сами и сѣемъ въ колоніяхъ нашихъ-съ.

— Что̀ новаго на морѣ? Что̀ хлѣбъ?

— Съ пшеницей вяло, со льномъ крѣпко; сало идетъ вверхъ, фрахтовыхъ судовъ мало, конторы жмутся.

— Ай! это не совсѣмъ хорошо!

Сѣли путники на травку, достали кое-какую закуску. Кучера тоже познакомились, закурили тютюнъ и повели бесѣду.

— Куда вы собственно ѣздили?—спросилъ небрежно Панчуковскій, не смотря на простоватаго, засаленнаго собесѣдника и покручивая хорошенькіе русые усики. Онъ усталъ отъ дороги. У его товарища, между тѣмъ, хотя уже пожилого человѣка, румяное полное лицо такъ и отливало густымъ молокомъ менонитской, нѣкогда питавшей его, кровной коровы; фланелевая фуфайка была чистѣйшаго табачнаго цвѣта, синяя куртка вся въ пятнахъ, а синіе штаны были засунуты въ высокіе купеческіе сапоги, не безъ аромата̄ дёгтя.

— По дѣламъ-съ, господинъ полковникъ—извѣстное дѣло. мы минуты свободной не имѣемъ: либо дома мозолимъ руки, либо по степямъ оси тремъ на своимъ фургонахъ.

— Какія же у васъ дѣла? — спросилъ еще небрежнѣе полковникъ. — Все, я думаю, насчетъ картофеля? «Картофель megyндъ пантофель», какъ мы говаривали еще въ школѣ надзирателю изъ вашей братьи?

— Какъ какія? всякія. Мы народъ торговый-съ.

— Значитъ, и овощами торгуете, и саломъ, и табакомъ?

— Торгуемъ всѣмъ! Всѣмъ, либеръ герръ, всѣмъ!

Колонистъ всталъ помочь кучеру перепрячь лошадей. Полковникъ прилегъ на травѣ, поглядывая съ улыбкой на уходившія пятки товарища, подкованныя мѣдными гвоздями, и помышляя: «Вотъ стадо барановъ! Я думаю, женился въ семнадцать лѣтъ, и жена его теперь тоже на овцу похожа: ѣстъ индѣекъ съ медомъ, чулки даже во снѣ вяжетъ!»

— Что же у вас за дѣла, скажите? — опять спросилъ онъ колониста, подсмѣиваясь.

— Да что, батюшка, — на-дняхъ купилъ я землю; вотъ что неподалеку отъ Николаева, близъ помѣстья герцога Ангальтъ-Кеттенъ; съѣздилъ потомъ на Донъ, принять степи для нагула овецъ, да не удалось — надо подождать, когда снимутъ сѣно; а теперь ѣду купить, коли придется, съ торговъ, въ Николаевѣ наши бывшія батареи, то-есть разный хламъ съ севастопольскихъ батарей: дерево, обшивку, брусья, а пожалуй, и чугунъ. Наше дѣло коммерческое: что попадетъ подъ руку, всѣмъ торгуемъ. Ничѣмъ не пренебрегаемъ и времени не упускаемъ. Вы знаете нашу пословицу: моргенъ, моргенъ, ундъ нихтъ хейте...

— Загенъ алле фауле лейте? Какъ не знать! Но скажите, зачѣмъ вамъ еще степи за Дономъ? Гдѣ, позвольте, у васъ собственная-то земля? Извините, я не разслышалъ...

— Мейне эйгене эрде, моя собственная земля есть и подъ Граубинденомъ, и въ другихъ округахъ, да мѣста стало уже намъ, колонистамъ, мало. Такъ-то-съ, не удивляйтесь! Наши кое-кто уже въ Крыму ищутъ земель, на Амуръ послали депутатовъ присмотрѣться насчетъ занятія земель подъ колоніи. Засуха, — ну, и надо перегнать часть овцы на лѣто за Донъ.

— Сколько же у васъ овечекъ?—спросилъ Панчуковскій, пощипывая усики и смотря на это кроткое, румяное лицо, и зѣвнулъ.—Да не хотите ли масла, колбаски? Вотъ вамъ масло, вотъ хлѣбъ! Я совсѣмъ усталъ отъ дороги. Не хотите ли? вотъ ножикъ. Я тоже все хлопочу, строюсь...

— Благодарю!—отвѣтилъ кудрявый колонистъ, оправляя свои бѣлокурые, съ просѣдью уже, нѣмецкіе пейсы, выбивавшіеся изъ-подъ барашковой шапки, и принимаясь за масло:—у меня овцы довольно, о, очень довольно...

— Сколько же?

— У меня семьдесятъ-пять-тысячъ головъ овцы въ разныхъ мѣстахъ-съ...

Панчуковскій приподнялся на локтѣ.

— Что-о-о? Какъ-съ? Сколько? Я не разслышалъ!—сказалъ онъ и заикнулся, подобно незабвенному Манилову, нѣкогда пораженному сказочной профессіей Чичикова, по покупкѣ мертвыхъ душъ.

— Семьдесятъ-пять-тысячъ головъ-съ мериносовъ!—отвѣ-

тилъ опять смиренный собесѣдникъ и сталъ копаться въ котомкѣ, укладывая остатки провизіи. — Но, мейнъ либеръ герръ, какъ здѣсь ни хорошо, а скучновато; все въ Германію тянетъ... Мы здѣсь чужіе!

Духъ захватило у Панчуковскаго. Мигомъ въ его головѣ мелькнули соображенія: «Если у него семьдесятъ-пять-тысячъ мериносовъ, то сколько же онъ долженъ получить дохода? На худой конецъ по цѣлковому съ головы, итого семьдесятъ-пять-тысячъ рублей серебромъ. Двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, четверть милліона въ годъ!»

И онъ окинулъ взглядомъ колониста съ головы до ногъ, какъ бы соображая, какъ такое засаленное существо могло владѣть такимъ богатствомъ, и прибавляя про себя:

«А вѣдь все-таки, наживясь, уйдетъ въ Германію! сколько волка ни корми, улизнетъ въ лѣсъ»...

— Да вы не шутите?—сказалъ онъ и сѣлъ.

Колонистъ засмѣялся. Бѣлые зубы, напомнившіе корову, такъ и осклабились до полныхъ, загорѣлыхъ ушей.

— Нѣтъ, не шучу!

Панчуковскій, летѣвшій изъ Петербурга въ степи за наживой, бросившій для барышей модный свѣтъ, щегольскихъ товарищей, оперу, Невскій проспектъ, французскіе водевили и комфортъ всякаго рода, — невольно вздохнулъ, придвинулся къ собесѣднику, вертѣвшему въ грубыхъ рукахъ замасленную барашковую шапку, и сказалъ:

— Вы колонистъ, и я колонистъ. Мы оба Колумбы и Кортесы своего рода, или скорѣе бродяги и бѣглецы изъ родныхъ мѣстъ за наживой. Мы колонизаторы дикаго и безлюднаго края. Намъ тѣсно стало на родинѣ, на сѣверѣ — ну, мы и бѣжали сюда. Вѣдь такъ?

Колонистъ аккуратно и громко высморкался.

— Э! что тутъ говорить! Какъ ни говори, а нѣмцы вамъ нужны. Вотъ, мы первые здѣсь овцеводы. Земля тутъ прежде гуляла, а теперь не гуляетъ. Наши колоніи садами стали, мы вамъ лѣса разводимъ, оживляемъ ваши пустыни...

— Сколько же у васъ земли?—допытывалъ полковникъ.

— Около тридцати тысячъ десятинъ собственной; а то еще арендую у сосѣднихъ нагайцевъ и у господъ дворянъ.— Фрицъ, достань мнѣ табачку въ табакерку!—крикнулъ онъ кучеру:—на дорогу свѣженькаго подсыплемъ. Такъ-то-съ!

Долговязый Фрицъ принесъ кожаный мѣшочекъ и сталъ сыпать табакъ въ табакерку хозяина.

Колонистъ, между тѣмъ, еще присѣлъ, опять намазалъ масла на хлѣбъ, присыпалъ зеленымъ сыромъ и сказалъ:

— А вы здѣшній? Зачѣмъ вы службу бросили? Вамъ уже скоро и генераломъ бы легко быть!

— Я тутъ тоже теперь кое-чѣмъ маклакую. Хуторъ устроиваю, землю купилъ, хлѣбопашество наймомъ веду. Вѣдь я тоже, повторяю вамъ, колонистъ, бродяга; бросилъ старый, скучный сѣверъ.

— Ну, такъ будемъ же знакомы. Мы одного поля ягода! Ваша правда-съ! Только станетъ ли у васъ столько-съ охоты и труда? У меня и свои корабли теперь тутъ есть. Два года уже какъ завелъ. Самъ на своихъ судахъ и шерсть съ своихъ овецъ прямо въ Бельгію отправляю.

— Ахъ, какъ все это любопытно! Позвольте: у васъ, значитъ, и свои конторы есть въ азовскихъ портахъ, въ Бердянскѣ, въ Маріуполѣ, въ Ростовѣ.

— О, нѣтъ! Это все я самъ! — говорилъ колонистъ, чавкая и добродушно жуя хлѣбъ съ масломъ. — Зачѣмъ намъ конторы? Я поѣду и отправлю хлѣбъ или шерсть; потомъ опять поѣду и приму заграничный грузъ. А то и моя жена поѣдетъ. О, у меня жена добрая!

— Какъ, и она? ваша жена тоже коммерціей занимается?

— Да; вы не вѣрите? вотъ зимой изъ Николаева она мнѣ на санкахъ сама привезла сундукъ съ золотомъ; я хлѣбъ туда поставлялъ. Такъ вотъ — запрягла парочку, да съ кучеромъ, вотъ съ этимъ самымъ Фрицемъ, моимъ племянникомъ, и привезла. Зачѣмъ пересылать? Еще трата на почту...

Полковникъ посмотрѣлъ на Фрица: рыжій верзило тоже смѣялся во весь ротъ, а колонистъ, какъ на товаръ, приглядывался на щегольской нарядъ красавца-полковника, на его перстни, пикейный сюртучокъ, лаковые полусапожки, узорные чулки, бѣлую соломенную шляпу и первѣйшей моды вѣнскій фаэтончикъ. Два давнишнихъ противоположныхъ полюса русскихъ дѣловыхъ людей, эти два лица сильно занимали другъ друга.

— Вы отлично говорите по-русски, — сказалъ полковникъ: — давно ваша семья переселилась, или, такъ сказать,

бѣжала изъ родной тѣсноты въ Россію? Извините, это меня сильно занимаетъ; повторяю вамъ снова, я тоже вашъ собратъ, переселенецъ, а по нашимъ русскимъ понятіямъ — бѣглецъ! Мы теперь тоже за умъ беремся, да ужъ не знаю, такъ ли? Что-то въ насъ много еще дворянскаго; можетъ отъ того, что мы бѣглые по волѣ, съ паспортами...

— Мой дѣдъ, видите ли, переселился при графѣ Сперанскомъ, около сорока лѣтъ назадъ; мы пѣшкомъ пришли сюда, съ котомками, дѣдъ и отецъ мой несли старые саксонскіе свои сапоги за плечами, а отецъ мой, послѣ него, еще двадцать-пять лѣтъ былъ, у нашего же земляка Фейна, простымъ пастухомъ. Я тоже въ юности-съ долго былъ при стадѣ вашего Абазы. Земля, правду сказать, тутъ обѣтованная, нетронутая еще; многихъ еще она ждетъ. Раздолье, а не жизнь тутъ всякому; лѣнивъ только русскій человѣкъ! Эхъ, гляньте, какая дичь, какіе пустыри: бурьянъ, вѣчная цѣлина, — ни косы, ни плуга не знала. Люблю я эти мѣста: будто бѣдныя, а троньте эту землю — кладъ-кладомъ.

Полковникъ спросилъ:

— Какой же секретъ въ томъ, что вы такъ скоро, такъ страшно разбогатѣли?

— Секретъ? никакого секрета! Даже трудно сказать, какъ. Какъ? просто трудились сами, и все тутъ.

«Сами трудились!» подумалъ Панчуковскій. «Вретъ, шельма, нѣмецъ; должно-быть, фальшивыя ассигнаціи въ землянкахъ дѣлали, да ловко и спускали!»

Просидѣли еще немного новые знакомцы. Степь молчала, вечерѣло. Не было слышно ни звука. Однѣ лошади позвякивали сбруей, да несло тютюнищемъ отъ новыхъ друзей-кучеровъ.

— Я и не спросилъ васъ, — сказалъ на прощаньи Панчуковскій: — вы ѣздили за Донъ; были вы у насъ на Мертвыхъ-водахъ, за сороковою болгарскою колоніей? Какъ понравился вамъ нашъ околотокъ? Можно ли ждать чего хорошаго отъ этой мѣстности?

— На Мертвыхъ-водахъ? На Мертвыхъ... Постойте! Да! Точно, я тамъ недѣлю назадъ ночевалъ... у священника... Постойте, погодите...

— У отца Павладія?

— Такъ, такъ, у него именно! Что за славный, добрый

старикъ! и какой начитанный! Нашего Шиллера знаетъ; еще такая у него красивая воспитанница. Самъ онъ ее грамотѣ учитъ, и она при мнѣ читала и писала. Какъ же можно,—хорошія мѣста!

— Какъ? воспитанница? — возразилъ, краснѣя, полковникъ: — что за странность! Это премило! Я живу отъ отца Павладія въ семи верстахъ, а не знаю.

— О-о, полковникъ! такъ вы волокита!—засмѣялся, влѣзая въ фургонъ, колонистъ и погрозился. — Смотрите, напишу отцу Павладію и предупрежу его!

— Нѣтъ, я не о томъ; но меня удивило, какъ я живу такъ близко и ничего не знаю! Въ нашей глуши это диво. А вы будто бы и не охотникъ пріударить за иною гречихой, въ полѣ?

— Э, фи! У меня своя жена красавица, полковникъ.

Новые знакомцы будто сконфузились и помолчали.

— До свиданія, полковникъ.

— До свиданія, герръ Шульцвейнъ!

Лошади двинулись.

— Не забудьте и насъ посѣтить: спросите хуторъ Новую-Диканьку, на Мертвой.

— Съ удовольствіемъ. А гдѣ онъ тамъ?

Лошади колониста остановились. Полковникъ къ нему добѣжалъ рысцой и разсказалъ, какъ къ нему проѣхать.

— Есть у васъ дѣтки?—спросилъ полковникъ, ставъ на подножку и свѣсясь къ колонисту въ фургонъ.

— Есть двѣ дочери: одна замужемъ, а другая еще дитя.

— За кѣмъ же замужемъ ваша старшая дочь, герръ Шульцвейнъ?

Колонистъ покачалъ головой и прищурилъ голубые глаза.

— Вы не ожидаете, я думаю?

— А что?

— За пастухомъ-съ. Я выдалъ дочь мою за старшаго моего чабана, Гейнриха-Фердинанда Мюллера, и, либеръ герръ, нахожу, что это — сущая пара. Отличный, добрый зять мнѣ и знаетъ свое дѣло; пастухъ и вмѣстѣ овечій лѣкарь. Живутъ припѣваючи, а дочка моя все двойни родитъ!

Полковникъ похлопалъ его по рукѣ и по животу.

— А вашъ Гейнрихъ откуда?

— Онъ подданный другого Гейнриха, Гейнриха XXXIV,

герцога крейцъ-шлейцъ-фонъ-лобенштейнскаго: тѣсно имъ у герцога стало, онъ и переселился сюда.

— Не забудьте же хуторъ Новую-Диканьку, недалеко отъ большой дороги, — сказалъ полковникъ, смѣясь титулу 34-го Гейнриха крейцъ-шлейцъ-лобенштейнскаго и кланяясь въ слѣдъ уѣзжавшему интересному фургону.

— Поклонитесь отцу Павладію отъ меня! — прибавилъ, въ свой чередъ, улыбаясь, колонистъ.

Пыль опять заклубилась по дорогѣ.

— А ну, говори мнѣ, скотина, что̀ тамъ за такая воспитанница живетъ у нашего попа, на Мертвой? — спросилъ кучера полковникъ Панчуковскій.

Самуйликъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ подъ вліяніемъ вѣжливой бесѣды съ Фрицемъ.

— Ну, что же ты молчишь, ракалія, а? Не тебѣ ли я поручалъ все развѣдать, разыскать? И въ семи верстахъ—а?

Кучеръ пріостановилъ слегка лошадей, снялъ шапку и обернулся. Глуповатое и старческое его лицо было осѣнено мучительною, тяжелою мыслью.

— Баринъ, увольте...

— Это что еще?

— Не могу...

— Что это? Ты уже, братецъ, разсуждать?

— Не будетъ никакого толку, ваше высокоблагородіе, отъ этихъ вашихъ дѣловъ. Мало ихъ черезъ мои руки у васъ перебывало! Эхъ, баринъ, предоставить-то не штука, да жалко послѣ. А вы побаловали, да и въ-зашей?

— Скверно, братъ, и подло! не исполнилъ порученія...

Самуйликъ еще что-то говорилъ, но полковникъ уже его не слушалъ. Лошади бѣжали снова вскачь. Бубенчики звенѣли. Картины по сторонамъ дороги мелькали. Вечерѣло.

А въ головѣ полковника-фермера, полковника-коммерсанта, строились планы горячихъ, дерзкихъ, небывалыхъ еще на Руси, въ средѣ его сословія, предпріятій. То водопроводы онъ мыслилъ въ какомъ-то городѣ затѣвать, то шумную аферу по закупкѣ всего запаса какого-то хлѣба въ одномъ изъ портовъ думалъ сдѣлать; то школу хотѣлъ гдѣ-то тайно открыть въ столицѣ и потомъ пустить о ней статью «отъ неизвѣстнаго» въ газеты; то какому-то ученому заведенію мыслилъ разомъ купить и поднести въ даръ большое со-

браніе картинъ. Недавно, по сосѣдству, сманивали его на выборы. «Нѣтъ, не тѣ времена!» — глубокомысленно отвѣтилъ онъ, благодаря дворянъ: — «теперь намъ пора подумать и о матеріальномъ счастьѣ на землѣ; оно, можетъ-быть, еще выше духовнаго!» Такъ онъ сталъ думать, прочтя что-то въ родѣ этого въ Токвилѣ. А теперь у него изъ головы еще не выходилъ невѣроятный колонистъ, съ его полумилліонными доходами, собственными кораблями по Азовскому морю, и съ такою же, вѣроятно, какъ онъ, румяною и бѣлокурою супругой, возящей по степямъ на парѣ сундуки съ золотомъ супруга. Задумался баринъ и о питомицѣ священника... Панчуковскій поспѣшалъ въ свой хуторъ, Новую-Диканьку, гдѣ на другое утро, на неизмѣнный праздникъ дня своего рожденія, онъ ожидалъ гостей.

III.

Новозаимочный хуторъ Новая-Диканька.

На другой день къ полковнику дѣйствительно съѣхалась куча гостей. Подъѣзжая къ его красивой усадьбѣ, всѣ пріятно изумлялись, глядя на выроставшія почти ежемѣсячно новыя каменныя и кирпичныя постройки. — «Вотъ ловкій господинъ!» говорили они. — «А эта Новая-Диканька — сущая американская ферма!» Новозаимочный хуторъ полковника, въ самомъ дѣлѣ, очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ приходили въ него наниматься бѣжавшіе отъ старосвѣтскихъ хуторскихъ невзгодъ, изъ старой Украйны, пріятели Левенчукъ и Милороденко. Хотя кругомъ его была, попрежнему, одна скучная во многихъ отношеніяхъ степь, но благоустроенная заимка, колонія гвардейскаго коммерсанта и земледѣла, ужъ значительно пополнилась. На склонѣ пологаго косогора стояла красивая усадьба. Двухъ-этажный, подъ красный кирпичъ, домикъ, во вкусѣ швейцарскихъ или скорѣе французскихъ деревенскихъ мызъ, глядѣлъ изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ, съ крѣпкими дубовыми воротами. Часть обширнаго двора была занята молодымъ садомъ. Отличныя конюшни, огромные амбары для ссыпки хлѣба, сараи для овечьей шерсти и хозяйственныхъ машинъ, флигель для дворни, — все было кирпичное, нештукатуренное еще, какъ и домъ, и подъ

желѣзными крышами. Кухня, на голландскій манеръ, съ изразцовыми стѣнами и асфальтовымъ поломъ, была возлѣ. Издалека и съ большимъ трудомъ привезенные тополи были посажены вокругъ дома, подросли и отлично скрадывали пустынную степную наружность остальной усадьбы. За домомъ въ полуверстѣ былъ токъ, съ хлѣбною клуней, а еще въ сторонѣ и ближе къ дому — каменные сараи для овецъ и избы для батраковъ, то-есть разнаго бѣглаго люда. По двору, подъ стѣнами ограды, стояли разныя земледѣльческія орудія, еще новыя и свѣженькія, покрашенныя голубою или красною краскою: плужки, бороны, сѣялки, конныя грабли, вѣялки и большая новость въ краѣ—жатвенныя машины. Въ клунѣ, очевидно, работала уже паровая молотилка, потому что небольшая желѣзная труба, какъ на фабрикахъ, торчала оттуда, изрѣдка вѣнчаясь облачкомъ сѣраго дыма. Паровой локомобиль иногда подвозился къ колодцу; къ нему приправлялась мельница, и обозы съ сосѣднихъ хуторовъ мигомъ скоплялись возлѣ за помоломъ. Близъ овчарни былъ устроенъ надъ оврагомъ кирпичный заводъ, также съ машиною для лѣпки кирпича. Ни рѣки, ни пруда не было вблизи усадьбы. Вода доставалась изъ глубокихъ колодцевъ. Не было и деревни. Тутъ все шло наймомъ. Черезъ два сосѣднихъ оврага, разъединявшихъ поля, были перекинуты красивые чугунные мостики. У конторы на столбѣ былъ укрѣпленъ колоколъ, для зова рабочихъ.

Экипажи загромождали дворъ. Въ отворенныя окна дома неслись громкіе разговоры. Всѣ двери были настежь. Слуги шныряли изъ кухни въ домъ и обратно. Гости, мужчины, сидѣли за утреннимъ кофе, въ обширномъ угольномъ кабинетѣ хозяина, на мягкихъ диванахъ, между кучами цвѣтовъ и шкапами съ книгами. Тутъ были и старики, и молодые, въ сюртукахъ и въ байковыхъ пальто, или въ простыхъ домашнихъ курткахъ. Иные сіяли нѣжнѣе майскаго утра въ своихъ пикейныхъ сюртучкахъ и бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ, и отъ нихъ пахло духами, только-что прибывшими черезъ Таганрогъ изъ Марсели. Другіе, кажется, никогда не мыли руки, не чесали головы, не стригли копытообразныхъ ногтей, и отъ нихъ пахло овцами и коровьимъ навозомъ. Сидѣла тутъ, съ длиннѣйшею трубкой, и какая-то барыня, по фамиліи мадамъ Щелкова, изъ казачекъ, вѣчно

кашляющая, съ загорѣлымъ лицомъ, какъ у сгонщика или мелкаго разсыльнаго хлѣбной конторы, но въ то же время въ лентахъ и въ шелковомъ платьѣ. Она, очевидно, пріѣхала съ короткимъ визитомъ и попала въ мужскую компанію въ кабинетъ за дѣломъ, мяла платокъ въ рукахъ подобострастно и, утирая слезы, заглядывая всѣмъ въ глаза, оправдываясь иногда, что трубку куритъ отъ какой-то болѣзни, все какъ-будто торопилась кончить какія-то печальныя дѣла и соображенія, подсаживалась, съ богатырскою трубкой, то къ одному, то къ другому кружку, слушала со слезами на глазахъ толки о близкой будто бы эмансипаціи и повторяла: «Ахъ, Боже мой! Ахъ, Господи! А я-то гребли не кончила, свай не набила; хлѣба сколько насѣяла... Кому убирать его, кому убирать! пойдемъ мы по свѣту!»—Читатель, разумѣется, можетъ знать, что эмансипація тогда еще не угрожала ни греблѣ, ни сваямъ, ни хлѣбу этой барыни. Остальной женскій полъ, очаровательныя новороссійскія дамочки, разодѣтыя азіатскими бабочками, во французскихъ кисеяхъ и шелкахъ, сидѣли въ гостиной и ходили по залѣ. Самъ хозяинъ, холостякъ, удостоенный визитомъ дамъ, былъ сильно въ духѣ. Ему всѣ льстили, всѣ ахали, разсматривая его домъ, картины, хозяйство, машины. Всѣ гуртомъ сходили на токъ, въ овчарни и въ рабочія избы. Барыня Щелкова, подоткнувъ шелковое ліонское платье (она также не отставала отъ моды), также сходила и въ овчарни, и на токъ, удивляясь полковнику и хваля его хозяйство. Каріе глаза полковника сіяли волей и счастьемъ; усики, загнутые кверху, были надушены. На всѣхъ онъ смотрѣлъ съ довольствомъ. Всѣ были веселы.

— Мы, господа, бѣглые, то-есть въ европейскомъ смыслѣ—колонисты; это я вчера Шульцвейну говорилъ. Вы слышали про него?

На эту тему сталъ ораторствовать Панчуковскій и говорилъ весь день.

Подъ общій шумъ, разговоры свелись на хозяйство каждаго, и всѣ расхвастались. Тотъ превозносилъ своего чабана и свое стадо тонкорунныхъ мериносовъ. Другой прославлялъ себя за громадное увеличеніе запашки. Третій увѣрялъ, что скупитъ въ портахъ все бельгійское желѣзо и повезетъ его въ Полтаву и въ Харьковъ въ подрывъ сибирскому. Другіе говорили о машинахъ. «Нѣтъ!»—говорилъ сосѣдній арен-

даторъ, нынѣ ужъ русскій помѣщикъ и душевладѣлецъ, а еще недавно эстляндскій булочникъ, Адамъ Адамычъ Шваберъ:—«всѣ эти машины чепуха! Лопнетъ котелъ, искра вылетитъ на скирдъ, и пропалъ цѣлый токъ хлѣба. Гдѣ тутъ этимъ скотамъ еще ходить за паровыми котлами!» Кто-то хвасталъ собственною ловкостью, какъ онъ товарища надулъ баранами. И товарищъ тутъ самъ сидѣлъ. — «Нѣтъ, что̀ товарищи!»—возражали другіе:—«въ Петербургѣ слышно о преобразованіи полиціи. Телеграфъ сюда ведутъ. Ростовъ газомъ думаютъ освѣщать. Французы ѣдутъ сюда угольевъ искать. Газета, слышно, въ Таганрогѣ будетъ...» — «Какъ бы денегъ больше было»,—замѣтилъ кто-то на это:—«лучше всего было бы! Не изъ-за скуки же здѣшней жизни бросили мы съ вами, господа, свои сѣверныя родныя мѣста!»

Уже подъ вечеръ къ Панчуковскому подсѣлъ юноша— студентъ одесскаго лицея, учитель дѣтей сосѣдняго купца и вмѣстѣ салотопеннаго заводчика, Шутовкина.

— Владиміръ Алексѣичъ!

— Что̀ вамъ угодно?

— Я слышалъ о вашей добротѣ... Дайте мнѣ триста цѣлковыхъ взаймы, пока, до получки жалованья съ мо.о хозяина. Я вамъ возвращу съ благодарностью, черезъ мѣсяцъ.

— Зачѣмъ вамъ?

— До зарѣзу нужно. Мы съ хозяиномъ ѣдемъ завтра, послѣ обѣда, въ городъ. Братъ его подбиваетъ на рискъ. Хочется недаромъ проѣхаться въ городъ, а проживя тамъ съ недѣлю, сдѣлать одну аферу. Тутъ всѣ аферируютъ. Говорятъ, лёнъ падаетъ въ цѣнѣ, фрактовыхъ судовъ мало, а дней черезъ пять-восемь, думаю, поднимется. Ну, я хочу сорвать барышъ. Тутъ вонъ дѣти даже ажіотируютъ; жидки-ребятишки, намедни, въ Мелитополѣ, подвезенные мѣшки съ орѣхами на базарѣ скупили и перепродали съ барышемъ, въ праздникъ .. Неужели же намъ все съ книгами сидѣть! Право. Помогите! какъ бы хотѣлось недаромъ тутъ пробыть на вакаціяхъ,

Панчуковскаго въ это время кто-то позвалъ изъ другой комнаты.

—Извините!—сказалъ онъ студенту и вышелъ.

Студентъ сидѣлъ, разсматривая картины по стѣнамъ, по-

томъ подошелъ къ роялю, открылъ его и сталъ играть. Страстные звуки шопеновской мазурки огласили домъ и дворъ, на мѣстѣ которыхъ еще пять-шесть лѣтъ назадъ гулялъ одинъ пустынный украинскій сирокко—суховѣй, да качались громадные бурьяны. Студентъ, малороссъ и музыкантъ въ душѣ, игралъ съ чувствомъ, слегка склонивъ къ клавишамъ Эрара свою бѣлокурую, красивую голову. Думалъ ли онъ о Шопенѣ, о какой-нибудь недоступной красавицѣ или о затѣваемой аферѣ со льномъ,—трудно было рѣшить. Въ этомъ новомъ и странномъ краѣ какъ-то все это мѣшалось вмѣстѣ.

Полковникъ воротился.

— Извольте,—сказалъ онъ опять студенту:—я вамъ денегъ дамъ, но вы подождите, пока уѣдутъ другіе гости. У меня есть къ вамъ дѣло...

Студентъ всталъ, тряхнулъ волосами и, съ чувствомъ пожавши ему руку, сѣлъ опять играть. Его окружили дамы; онъ былъ ихъ любимецъ.

— А правда ли, что на бѣглыхъ облавы у насъ вездѣ скоро будутъ?—кто-то крикнулъ отъ карточнаго стола хозяину.

— На какихъ это, на насъ?—спросилъ шутливо Панчуковскій.

— Нѣтъ, на безпаспортныхъ.

— Да, слышалъ я отъ Подкованцева, исправника: васъ и меня это въ особенности, Адамъ Адамовичъ, касается!—сказалъ полковникъ арендатору Шваберу. — Тогда просто хоть лавочку закрывай. А я, признаюсь, мало вѣрю въ ожидаемое переселеніе народовъ съ сѣвера. И признаюсь, открыто передерживаю изрѣдка бѣглую Русь! Всѣ подличаютъ противъ своихъ ближнихъ исподтишка; отчего же мнѣ открыто иной разъ не купить станового и не пользоваться бродягами?

Полковникъ тоже сѣлъ играть въ банкъ, высыпавъ кучу золота. Взоры всѣхъ просіяли. Поставлена первая карта; она дана. Банкъ занялъ все общество. Подошли и дамы. Онѣ также приняли участіе въ азартной игрѣ направо и налѣво. Одна капитанша, урожденная гречанка, подбоченившись, стала, вынула изъ колоды карту, подумала и поставила на нее свои брильянтовыя серьги, а потомъ золотую брошь. Мужъ стоялъ возлѣ и улыбался, ожидая, чѣмъ кончится счастье жены. Южныя сердца бились горячо.

Обѣдали поздно. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, всѣ вошли во дворъ. За воротами сошлись батраки и батрачки поздравить полковника. Явилась скрипка. Разносили угощенія. А полковникъ, разстегнувшись и выказавъ свою шелковую канаусовую рубаху, пустился съ негритянками, какъ онъ выражался, трепака плясать. Дамы хохотали. Мужчины хвалили его за особое умѣнье быть популярнымъ. Потомъ всѣ пошли снова наверхъ и усѣлись на обширномъ балконѣ антресолей пить чай.

— Разскажите, ради Бога, — спросилъ меланхолическій студентъ, просившій денегъ у хозяина:—что за названіе этой рѣчки здѣсь «Мертвыя воды» и какъ населялся этотъ околотокъ?

— Да,—отвѣтилъ хозяинъ:—исторія заселенія моей земли и вообще этихъ окрестностей любопытна. Мы читаемъ записки о колонизаціи Канады, Новой Зеландіи, Перу и Колумбіи, а допытывался ли кто-нибудь до недавнихъ событій заселенія нашихъ былыхъ запорожскихъ земель, нашего азовскаго поморья или хоть бы одного здѣшняго уѣзда? Это цѣлая поэма, во вкусѣ Купера и Вашингтона Ирвинга; да-съ, не шутите съ нами.

— Видите ли вонъ тѣ холмы? Туда верстъ пятнадцать будетъ, да въ противную сторону отсюда, до того вонъ кургана, столько же почти. Ну-съ, эта вся земля, это нѣмецкое-съ почти великое герцогство, наша сказочная завоевательница Запорожья и Крыма, Екатерина, долго не думая, взяла да за какимъ-то завтракомъ и подарила одному бѣглому греческому митрополиту изъ Турціи, упавшему передъ нею съ челобитной на колѣни. Ему была дана эта земля въ подарокъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тутъ устроилъ странопріимный домъ и населилъ землю. Митрополитъ умеръ, ничего этого не сдѣлавъ. Кто-то изъ здѣшнихъ тогдашнихъ чиновныхъ провладѣлъ этою землею, безъ всякаго права, лѣтъ двадцать, потомъ ее опять взяли въ казну и велѣли продать съ торговъ. Покупщиковъ долго не являлось. Странствовала съ прошеніями объ этой землѣ нѣкоторое время въ Петербургъ полусумасшедшая старушка, изъ переселенныхъ сюда по-близости далматокъ, надоѣдала всѣмъ министрамъ, требуя отдачи этой земли, по завѣщанію Екатерины, ей—на устройство странопріимнаго дома. Ѣздила одна изъ степей въ Петербургъ въ одноколкѣ, на маленькой пѣ-

ганкѣ, носившей имя Манички. Многіе министры, посмѣиваясь на безумныя искательства старушки, знали эту Маничку и на просьбы ея хозяйки: «коли не отдасте мнѣ земли, то дайте хоть сѣна моей лошади!» — отпускали съ своихъ сіятельныхъ конюшенъ ей сѣна. Я, еще служа въ гвардіи, видѣлъ и старушку, и ея конька, уже совершенно дряхлыхъ. Тогда земля эта была уже за другимъ, и старушка собиралась ѣхать въ Европу, просить заступничества другихъ дворовъ. Двадцать-пять лѣтъ назадъ, говорю я, эти степи, гдѣ еще укрывались тогда по камышамъ и балкамъ дикія лошади, были проданы съ аукціона. Всѣ четырнадцать тысячъ десятинъ этой земли купилъ, черезъ повѣреннаго, одинъ польскій графъ, богачъ,—онъ въ нашей гвардіи служилъ и я его зналъ,—сынъ виленскаго аристократа, чахоточный и никуда не выѣзжавшій. За глаза куплена степь, снятъ планъ, составленъ проектъ переселенія туда крестьянъ изъ одной сѣверной губерніи. Эти насильныя переселенія были тогда въ модѣ. Проектъ утвержденъ, и повѣренный сталъ вести дѣло переселенія. Выведены плугомъ черты громадной деревни, свезенъ матерьялъ, стали строиться превосходныя избы, на все отпускались деньги щедрою рукою, а повѣренный былъ питерскій бюрократъ и все любилъ вести на щегольскую ногу. Выхлопоталъ онъ у епархіи и священника въ будущую деревню. Это и есть нашъ вселюбезнѣйшій отецъ Палладій, о которомъ мы съ вами поведемъ рѣчь особо!—прибавилъ Панчуковскій, обращаясь къ студенту, подмигивая и потирая его по колѣну.

— Любопытно! очень любопытно! — говорилъ студентъ, слѣдя съ балкона голубыми задумчивыми глазами за уходившею въ вечернія сумерки окрестностью, о которой шла рѣчь.

— Такъ моя поэма не скучна, господа?

— О, нѣтъ, нѣтъ, кончайте, пожалуйста.

— Вотъ-съ,—продолжалъ хозяинъ:—какъ уже избы стали кончать, а строенія возводили все каменныя, отецъ Палладій, тогда еще юноша, пріѣхавшій съ молодою чернобровою супругой, и началъ говорить повѣренному: «Что вы дѣлаете? строите село на безводной степи; отведите его версты за двѣ влѣво, къ балкѣ; тамъ ключи въ оврагѣ бьютъ самородные, пруды можно устроить хорошіе».—«Какъ можно,—говоритъ строитель:—село выведено на большую дорогу, и

планы уже утверждены, мы выроемъ тутъ колодцы».—«Ну, какъ знаете,—говорилъ попъ:—а я себѣ жилище буду строить у балки, да и церковь ужъ позвольте тамъ построить; я буду тамъ садъ возлѣ нея разводить».—Церковь разрѣшено строить у балки, въ видахъ обѣщанія даромъ устроить садъ, а люди, дескать, и за двѣ версты дойдутъ въ праздникъ. Церковь построена, построился и отецъ Павладій, кончена и деревня. Иначе не хотѣли переселять людей. Какъ можно! Надо, чтобъ все было готово. Нанялъ строитель землекоповъ, выкопалъ колодцы, расплатился и уѣхалъ съ докладомъ въ Петербургъ, что все готово:—даже въ каждой хатѣ столъ стоитъ, образъ привѣшенъ, вся утварь припасена и отъ замко̀въ на каждой двери ключъ въ конторѣ ждетъ хозяевъ. Тремъ-стамъ семействамъ загаданъ выѣздъ изъ Россіи на новокупленную степь. Поѣхали переселенцы, съ кибитками и скотомъ. Прибыли на мѣсто, разведены по хатамъ. Отецъ Павладій молебенъ отслужилъ, все освятилъ, и зажили переселенцы. Вспахали подъ озимь, посѣяли, а пока питались готовымъ запасомъ. Не нарадуется повѣренный, пишетъ письмо въ Петербургъ. Только и ударила гнилая, безснѣжная зима. А еще до того всю осень народъ прохворалъ. Что за притча! Кто ни напьется изъ колодца,—и заболѣлъ. Да что долго говорить: до весны вымерла половина деревни, хватились переводить въ другое мѣсто, запретили пить воду изъ колодцевъ,—куда вамъ! Эпидемія хватила такая, что къ Петрову дню другого года изъ трехъсотъ-то семействъ, господа, осталась въ живыхъ одна кривая старуха.

Панчуковскій помолчалъ и опять сталъ говорить:

— Да, все погибло и вымерло; умерли дѣти, старики, отцы и матери, умеръ и повѣренный, умерла и жена отца Павладія. Некому было и могилъ копать! Какъ узнали объ этомъ въ Петербургѣ, ужасъ напалъ на владѣльца,—отказался вовсе отъ этой земли и до конца жизни тутъ уже не былъ. Скоро онъ самъ умеръ, и земля перешла къ его племянницѣ. Остался одинъ отецъ Павладій, съ церковью и молодымъ садомъ у балки. Развелъ онъ, дѣйствительно, хорошенькій садъ, даже рощу, устроилъ прудъ. Сосѣдніе и дальніе колонисты, бывшіе еще безъ церквей, болгары, сербы и даже греки, стали его прихожанами, а тѣ-то опустѣлые дома бурлаки по камню растащили. И теперь тамъ

отъ былой деревни только видны плугомъ отведенныя мѣста дворовъ и улицъ, да крестъ огромный на кладбищѣ стоитъ. Такъ легли переселенцы всѣ до едина. Умерла скоро и послѣдняя старуха. Ну-съ, часть этой земли, именно пять-тысячъ десятинъ, я сперва взялъ у новой владѣлицы въ аренду, а потомъ, какъ видите, купилъ, а другую арендуютъ по частямъ, какъ знаете, кто хочетъ. Чумаки-то (какъ была еще тамъ большая дорога, о которой все хлопоталъ строитель, и были еще не заброшены роковые колодцы), видя страшный крестъ, и прозвали прежде безыменную, протекающую тутъ по сосѣдству рѣчку, а потомъ и всю здѣшнюю землю «Мертвыми водами». Вотъ почему нашъ околотокъ такъ и зовется, хотя, какъ видите, онъ цвѣтетъ и красуется не хуже какого-нибудь Висконсина, Элебэмы или Портъ-о-Пренса, населенныхъ заморскими колонистами.

Студентъ всталъ, сошелъ внизъ въ залу, сѣлъ за рояль и началъ играть чудный marche funèbre Шопена.

— Однакоже, какъ недурно онъ играетъ,—сказалъ, прислушиваясь, кто-то изъ гостей.

— Да, очень даровитый человѣкъ!—отвѣтилъ другой голосъ изъ среды слушателей.

Помолчали минутъ съ десять. Снизу летѣли плѣнительные звуки.

— Такъ у отца Павладія, должно быть, преавантажный теперь уголокъ?—спросилъ, громко чихнувъ, Шваберъ.

Сумерки уже такъ сгустились, что всѣ на балконѣ сидѣли, почти не видя другъ друга, будто на воздухѣ въ облакахъ.

— Да,—отвѣтилъ задумчиво Панчуковскій:—мѣсто тамъ прелестное, называется Святодуховъ-кутъ, на ключахъ; большой садъ, душистая густая роща, прудъ отличный; церковь вся въ кустахъ сирени, акацій и въ тополяхъ, весной просто рай. Я, однако, рѣдко, признаюсь, тамъ бываю...

— Отчего же?

Панчуковскій помолчалъ.

— Вы хотите знать, отчего?

— Да.

— Извольте: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся! Я аферистъ, и отецъ Павладій аферистъ; онъ хлопочетъ о наживѣ, и я: ну, мы и соперники—вотъ какъ двѣ торговки шашлыкомъ на базарѣ...

Слушатели разсмѣялись.

— Хороши соперники! Вы ворочаете чуть не сотнями тысячъ, а это бѣднякъ, сельскій священникъ...

— Да! посмотрите, что̀ это за священникъ!

— А что у него за воспитанница тамъ есть?—спросилъ, сопя и зѣвая, Шваберъ.

— Право, не знаю!—отвѣтилъ разсѣянно полковникъ:— я три года уже у него не былъ, поссорился на одномъ дѣлѣ. Развѣ подросла въ это время. А человѣкъ онъ добрый и умный; корыстолюбивъ только, какъ латинскій попъ.

— Да будто уже нашимъ и денегъ не нужно?

— Это еще вопросъ...

— А гдѣ ваша кухарочка? — спросилъ опять хозяина, сходя съ лѣстницы, тяжеловатый Шваберъ и толкнулъ его, шутя, подъ бокъ. Въ это время дворъ, крыльцо и ограда освѣтились разноцвѣтными фонарями импровизированной иллюминаціи.

— О! Богъ знаетъ, что̀ вы вспомнили, камрадъ,—кухарку! Я ее прогналъ давно въ-зашей. Пожалуйста, этого не вспоминайте. Теперь у меня на умѣ не пустяки. Я тысячу десятинъ пшеницы на это лѣто засѣялъ и думаю убирать наймомъ; это не шутка!

Начались танцы. Послѣ ужина всѣ стали разъѣзжаться. Кучера дремали. Мѣсяца не было видно, но ясная звѣздная ночь дѣлала поѣздку безопасною. Уже многіе юноши уѣхали. Дамы оставили Новую-Диканьку, превознося хозяина за угощеніе. Уѣхали и старики. А на крыльцѣ у подъѣзда шла крупная словесная перепалка двухъ нѣмецкихъ соотчичей, арендатора Адама Адамовича Швабера и колониста, конскаго заводчика Карла Иваныча Вебера. Оба нѣмца были послѣ ужина сильно выпивши и спорили по-русски о достоинствахъ своего родича, богача Шульцвейна. Веберъ говорилъ, что слава и гордость ихъ колоніи, Богданъ Богданычъ Шульцвейнъ, скоро будетъ русскимъ графомъ и княземъ и всю губернію заберетъ въ руки; что ему и ордеръ какой-то прислали, и что онъ въ своей колоніи затѣваетъ гимназію и газету. А Шваберъ кричалъ во все горло: «Врешь, врешь! Шульцвейнъ шельма, и ты шельма! Такого осла хвалить! Онъ грубіянъ и ты эзель! Врешь! А-а! Такъ ты хвалить? у него табачная голова и полный карманъ мошенничества: онъ севастопольскій воловій паркъ обокралъ!

Ты, Карлъ, ты, Карлуша, можешь надувать русскихъ; а для насъ — слушай, братъ: вотъ тебѣ кулакъ, а вотъ и другой, — онъ овечья голова, шафскопфъ, и больше ничего! Молчать! Ну!»

Зрители этого пѣтушьяго боя, наконецъ, розняли спорщиковъ, уложили каждаго порознь въ его зеленый, съ клеенчатымъ верхомъ, нѣмецкій фургонъ, и погнали кучеровъ. Но взъерошенные и красные, какъ послѣ бани, бюргеры Шваберъ и Веберъ, ѣдучи рядомъ за воротами, еще долго ругались изъ фургоновъ и гдѣ-то даже, будто бы, опять на дорогѣ выходили на траву, спорили и ругались, и даже хватали другъ друга за виски. Такъ говорила молва.

Уѣхали всѣ, остались одни: хозяинъ и студентъ.

— Погодите, оставьте вашу фуражку, — сказалъ Панчуковскій.

— Владиміръ Алексѣичъ, надо ѣхать. Вѣдь я верхомъ, а до нашей усадьбы двадцать верстъ будетъ.

— Да развѣ завтра у васъ уроки? кажется, завтра праздникъ!

— Но вѣдь я вамъ сказалъ, что мы послѣ обѣда ѣдемъ въ городъ...

— Ахъ, извините, точно: сейчасъ я вамъ дамъ деньги; только остались бы вы у меня переночевать, — а утромъ и доѣдете...

— Нельзя, право нельзя: хозяинъ нашъ человѣкъ строгій, изъ донскихъ; вы ихъ знаете?

— Какъ не знать! скажите, однако, это онъ, что ли, гувернантку свою, московскую институтку, поколотилъ, и она пѣшкомъ ушла къ нагайцамъ, лѣтъ пять назадъ?

— Кажется... Можетъ-быть... я право не знаю!..

— О, еще скрываете! Онъ съ кнутомъ гнался за нею, съ мезонина въ садъ, и расшвырялъ по полю всѣ ея книги и вещи; говорятъ, не сдалась на его исканія! Ну, да не въ томъ дѣло; пойдемте въ кабинетъ.

Они пошли.

— Извините: ваше имя и отчество?

— Михайловъ, Иванъ Аполлонычъ, — отвѣтилъ, поклонясь, хорошенькій студентъ.

— Ну-съ, Иванъ Аполлонычъ, я вамъ триста рублей дамъ, а вы мнѣ сослужите службу!

Михайловъ поклонился.

— Я бы вамъ самъ далъ денегъ; и вотъ они, — недалеко за ними ходить! Но вотъ въ чемъ дѣло: вы слышали сегодня о священникѣ, отцѣ Павладіи? У него есть воспитанница, — понимаете, другъ мой? У меня на нее есть виды, — поняли?

Студентъ покраснѣлъ.

— Ну-съ, вы къ нему, подъ предлогомъ займа денегъ, и поѣзжайте; онъ падокъ къ хорошимъ процентамъ и дастъ.

— Но онъ меня не знаетъ.

— Я напишу поручательство.

— Отчего же вамъ самимъ къ нему не съѣздить, насчетъ этой-то его дѣвочки, если уже вы...

Студентъ не договорилъ и опять покраснѣлъ.

— Нельзя: я уже имѣлъ съ нимъ ссору за одну дѣвочку; а на людей моихъ плоха надежда. Они мнѣ помогутъ послѣ. А тутъ нужно только узнать, что у него за пріемышъ этотъ и стоитъ ли она вниманія? Вы какъ-нибудь устройте такъ, чтобы ее увидѣть; если нужно, то и заночуйте; да ужъ лучше всего поѣзжайте сейчасъ. Дѣло денежное, само себя оправдываетъ.

— А далеко это?

— Да верстъ семь будетъ, девять, не больше.

Студентъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь уже девятый часъ, не поздно ли будетъ?

— Чтобъ ѣхать сейчасъ? и отлично, поѣзжайте! Я вамъ дамъ своего коня, а вашъ отдохнетъ. Отецъ Павладій много читаетъ и поздно ложится спать. Поѣзжайте. Только вы оттуда ко мнѣ заверните и разбудите меня, хоть за полночь будетъ. Я положусь на вашъ вкусъ, только посмотрите.

— Извольте: очень благодаренъ, и если увижу вашу незнакомку, то къ свѣту еще ворочусь къ хозяину, а вамъ все разскажу — въ подробности.

Письмо полковникомъ къ священнику написано, лошадь осѣдлана, дорогу разсказали, и при взошедшемъ мѣсяцѣ легкоподъемный юноша поскакалъ тропинкой въ Святодуховъ-кутъ. Будущій коммерсантъ не думалъ объ усталости, не помышлялъ, что въ одну ночь, съ поѣздкой за деньгами, ему придется сдѣлать верхомъ верстъ за-тридцать. Онъ скакалъ и скакалъ, рисуясь перебѣгающею тѣнью по росистымъ холмамъ и лощинкамъ.

IV.

Святодуховъ-кутъ, жилище священника.

Скоро мелькнулъ передъ студентомъ оврагъ, перешедшій потомъ въ глубокую балку, лѣсокъ, золотая маковка церкви и бѣлый домикъ на склонѣ оврага. Повѣяло сыростью отъ невидимаго пруда. Высокій плетень, утыканный терновникомъ, окружалъ домикъ... Все здѣсь какъ будто уже спало, когда подъѣхалъ студентъ; но скоро свѣтъ мелькнулъ изъ низенькаго, кустами и деревьями окутаннаго домика. На топотъ коня самъ священникъ показался на крыльцѣ и со свѣчкой встрѣтилъ Михайлова.

— Здравствуйте; отъ кого вы?

— Отъ Панчуковскаго, съ письмомъ.

— Отъ Панчуковскаго? Пожалуйте!

— А я думалъ, что вы уже спите.

— О, нѣтъ, вечеръ отличный, я только-что воротился съ поля, гулялъ. Вы кто-съ?

— Студентъ одесскаго лицея Михайловъ. Вотъ вамъ письмо Владиміра Алексѣича.

Вошли въ комнату. Священникъ прочелъ письмо, посмотрѣлъ на гостя, потомъ опять на письмо, и сказалъ: «очень хорошо-съ!» и засуетился. Зажегъ въ главномъ углу пріемной комнаты, у лампадки передъ кіотомъ, другую свѣчку, поставилъ на столъ и вышелъ. Студентъ сталъ осматривать комнату. Груды книгъ лежали по дивану, стульямъ и на лежанкѣ. Къ обыкновенной смѣси запаха ладана и воска, встрѣчающей у насъ каждаго въ жилищѣ священника, здѣсь примѣшивался еще чудный запахъ бѣлыхъ акацій, склонившихся цвѣтущими вѣтвями съ надворья къ раскрытому окну. И вдругъ, въ темнотѣ кустовъ, у самаго уха гостя, загремѣлъ такъ чудно и дерзко соловей, что у Михайлова сердце ёкнуло. Священникъ вошелъ, принесъ табаку для папиросъ и бумаги, и, сказавъ: «А? каково-съ поетъ?» поставилъ и опять ушелъ. Вслѣдъ за нимъ также неожиданно вошла въ комнату статная, будто еще не совсѣмъ на возрастѣ, но уже совершенно-развитая дѣвушка, съ подносомъ въ рукахъ, и поставила на столъ чашки къ чаю. Она ушла. Михайловъ успѣлъ разглядѣть ея полныя руки, сочныя губы и темныя брови, бѣлое лицо, подобранныя вѣнкомъ русыя

косы и красную ситцевую юбку. Звякая монистами, она гордо и смѣло повернулась, гордо взглянула на гостя, сдвинула густыя брови и ушла, помахивая полными круглыми локтями.

«Вѣрно она!» — подумалъ новый Лепорелло и съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ въ углу, осматривая комнату. Все студенту казалось таинственнымъ. Вошелъ священникъ и, тихо шелестя рясою, также сѣлъ. Студентъ разсмотрѣлъ его больше: это оказался совершенно круглый, приземистый и тучный старичокъ, съ отекшимъ лицомъ, красноватой мясистою лысиной, едва прикрытою прядями сѣдыхъ волосъ, съ утлою косичкой, перевязанною полинялою ленточкой, и въ камлотовомъ сѣромъ подрясникѣ, подъ гарусным старенькимъ кушакомъ. Онъ сѣлъ въ кресло противъ Михайлова и посмотрѣлъ на него.

— Вы здѣшній? — спросилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, я родомъ изъ Одессы, на лѣтнихъ кондиціяхъ...

— У купца Шутовкина?

— Точно такъ-съ. А вы почемъ знаете?

— Слышалъ, про васъ говорили мнѣ, что вы способны на всѣ руки-съ...

Михайловъ покраснѣлъ.

— Вы давно знакомы съ г. Панчуковскимъ?

— Второй разъ его вижу; я съ нимъ познакомился у нашего хозяина.

— А! извольте-съ. Деньги я вамъ сейчасъ дамъ. Онъ пишетъ, что ручается за васъ и что вы завтра же рано ѣдете въ городъ. На что̀ же это вамъ деньги?

— На одно нужное дѣло. Я хотѣлъ бы на нихъ кое-что заработать...

Священникъ всталъ и, сказавъ за дверь: —«Оксана, скорѣй самоварчикъ!» — опять тихо сѣлъ.

— Извините! я вижу, вы дѣйствительно торопитесь; но позвольте мнѣ, дикарю, за одолженіе васъ деньгами, хотя полчаса побесѣдовать съ вами. Что̀ новаго-съ въ свѣтѣ, въ литературѣ? Вы давно изъ Одессы? Мы такъ рѣдко видимъ людей, способныхъ носить имя людское...

— Мѣсяцъ назадъ.

Священникъ взялъ пачку книгъ съ дивана.

— Вы не думайте, чтобъ мы, здѣшніе священники, были чужды свѣта. Вотъ вамъ Гоголь, вотъ Пушкинъ: на по-

слѣднія деньги справилъ-съ. Вотъ и «Космосъ» Гумбольдта. Скучновато въ степи, особенно зимою. Мы и коротаемъ время, чѣмъ можемъ. Позвольте-съ... Вы читали изданную за границей книгу о сельскомъ духовенствѣ въ Россіи?

Студентъ хотѣлъ удержаться, но сильно покраснѣлъ. «Каковъ?—подумалъ онъ съ досадой:—живетъ въ глуши, а все знаетъ: ну, что же? и я недюжинный человѣкъ! Но, впрочемъ, объ этой-то книгѣ я гдѣ-то, что-то слышалъ; кажется, нападки на духовныхъ!» И онъ бойко отвѣтилъ:

— О, какъ же! Читалъ. Галиматья, пасквиль на Россію, вздорная брань!..

Священникъ тихо крякнулъ, придвинулся къ столу и, перебирая листики журналовъ, ласково возразилъ:

— Э, нѣтъ, молодой человѣкъ! не грѣшите! что̀ пользы всѣмъ намъ обманывать другъ друга? Много правды въ этой безпощадной и рѣзкой книгѣ. Вѣрите ли, я плакалъ, читая ее. Ни «Копперфильдъ» Диккенса, ни «Шинель» Гоголя, надъ чѣмъ я зачитывался уже теперь, на старости лѣтъ— ничто меня такъ не трогало... Поднятъ и нашъ забытый вопросъ!.. Пора, о давно-съ пора!

Опять вошла дѣвушка, внесла самоваръ, сурово взглянула на столъ, степенно все уставила; но при плавномъ выходѣ ея студенту показалось, что она уже ласковѣе, хотя украдкой, смотритъ на него изъ-подъ напряженныхъ густыхъ бровей.

«Ишь, плутовка! — подумалъ онъ: — а какая степенница! таковы вѣдь всѣ здѣшнія степнячки-поморянки! Да какая же она хорошенькая! Что за станъ, что за плечи и брови! а щеки—какъ персики въ пушку!»

— О!—говорилъ, между тѣмъ, ахая и неподдѣльно увлекаясь, священникъ, подслѣповатыми, припухшими глазами ища на столѣ ложечку, тыкая ее дрожащими пальцами въ сахарницу, настаивая чай и торопливо его разливая:—что̀ я испыталъ, читая эту книгу! Мое дѣтство, мое загнанное и грязное дѣтство, порочная и праздная юность, мои жалкіе товарищи, общій обманъ, насилія и невѣжество, все мелькнуло вновь передо мною! Вы читали въ нашихъ журналахъ отвѣты?

Михайловъ покраснѣлъ уже какъ ракъ, взмахнулъ неловко волосами и на этотъ разъ признался, что не читалъ.

Священникъ вздохнулъ.

— Жаль, молодой человѣкъ, очень жаль; учитесь! Кто у васъ профессора?

Студентъ отвѣтилъ.

— Нѣтъ у меня ни дѣтей, ни жены! всѣхъ я тутъ похоронилъ, какъ вымерла наша колонія. Слышали? — спросилъ печально отецъ Павладій.

— Да, слышалъ: говорятъ, ужасы произошли въ вашей колоніи! правда?

— У! жутко приходилось тогда; да Господь вынесъ. Извольте, извольте, однако, получить-съ деньги!..

И онъ подалъ ему изъ шкатулки деньги.

Стали пить чай. Оксана прислуживала чаще и долѣе не выходила изъ комнаты.

— Гм! позвольте... Пуркуà регардè? пуркуà, на нее?— спросилъ вдругъ священникъ студента, оставляя чай и нежданно заговоривъ коверканнымъ французскимъ языкомъ.

— Мнѣ ли не смотрѣть на такихъ хорошенькихъ дѣвушекъ! —отвѣтилъ нѣсколько обидчиво и также по-французски студентъ.—Вы забываете, что мнѣ не шестьдесятъ лѣтъ.

— Оксана, выйди!—рѣзко сказалъ Павладій, и когда она вышла, обратился къ Михайлову. Священникъ былъ блѣденъ и встревоженъ.

— Извините меня и за невѣжливый вопросъ, и за непрошенную бесѣду на языкѣ, который я такъ плохо и самоучкой кое для какихъ книжекъ изучилъ, но этотъ вопросъ сорвался у меня невольно. Скажите... извините меня... вамъ ничего не говорилъ на этотъ счетъ полковникъ?

— Нѣтъ, ничего. Вотъ вопросъ! Даже обидно...

— Ахъ, Боже мой! Я вѣрю вамъ, вѣрю! Господи!.. Но позвольте, вы такъ молоды еще, такъ мало еще знакомы съ Владиміромъ Алексѣевичемъ. Остерегайтесь его. Вы не повѣрите, что̀ это за опасный человѣкъ. Онъ богатъ, счастливъ по-своему, всѣми любимъ; всѣ ему завидуютъ. Но что̀ за извращенный это человѣкъ! Я съ нимъ, открою вамъ, сперва поссорился за одну соблазненную имъ колонистку, мою прихожанку; года три назадъ я опять повелъ съ нимъ войну за украденную имъ неподалеку, изъ дворни градоначальника, кухарку-мѣщанку. И откуда онъ сорвался? Точно звѣрь съ цѣпи сюда явился. Не пропуститъ ни одной дѣвушки на гребовищѣ или при уборкѣ хлѣба. Повѣрите ли, сущій разбойникъ! Какъ кого увидѣлъ, намѣтилъ, такъ и

соблазнилъ. Это какая-то чума въ своемъ родѣ. А какой тихій, свѣтскій: воды не замутитъ; говоритъ какъ дѣвушка! И между тѣмъ, тутъ въ околоткѣ нѣтъ мужа, брата, отца, которые бы на него не плакались. Онъ на меня первое время страхъ наводилъ. И все ему какъ съ гуся вода! Много на него выходитъ жалобъ. Заманитъ, а потомъ еще иной разъ со срамомъ и прогонитъ. Повѣрите ли, эту последнюю мѣщанку держалъ болѣе года, водилъ ее въ шелкахъ, въ кабріолетѣ въ городъ возилъ; какое-то тоже ея побочное дитя въ кафтанчикахъ водилъ, а потомъ взялъ да и далъ ей на дорогу сто розогъ... Это онъ называетъ: выпитъ бутылку и объ полъ! Извергъ, ей-Богу-съ, извергъ! Наѣзжаютъ они теперь изъ Россіи, какъ коршуньё, въ наши мѣста: кидаются въ аферы, спекулируютъ... Это еще бы ничего, да Бога забываютъ-съ, вертепы разврата позаводили! Что французскіе конторщики въ портовыхъ городахъ, что наши спекулянты-помѣщики здѣсь! А еще гвардіи полковникъ!.. Срамъ!..

Михайловъ засмѣялся.

— Вотъ, право, не ожидалъ, а какой порядочный кажется человѣкъ!

— Не ожидали? Смѣйтесь себѣ, смѣйтесь! А это сущій разбойникъ, ей-Богу! Я и самъ, коли хотите знать, его люблю за умъ и за даровитость. До тридцати лѣтъ получилъ чинъ полковника гвардіи; повѣяло новыми стремленіями, вышелъ въ отставку, сталъ хозяйничать ему повезло. Тутъ бы себя подѣльнѣе обставить, а онъ развратничаетъ, какъ послѣдній купчишка на уѣздной ярмаркѣ, какъ армейскій юнкеришка съ цыганками! Тьфу! За этимъ ли онъ ѣхалъ изъ столицы въ такую глушь? Да, вы меня спросили о моемъ пріемышѣ...

— Да-съ, прехорошенькая! ужъ извините, попросту сказалъ...

— Эхъ, вамъ все красота на умѣ! А ея, скажу вамъ, судьба прегорькая. Должно быть, отецъ ея былъ изъ бѣглыхъ, изъ помѣщичьихъ лакеевъ. Шла она съ нимъ изъ Россіи сюда; на ночлегѣ, въ степи, огну ея какой-то бродяга, не то косарь, не то дворовый бурлакъ, перехватилъ ножомъ глотку. Прибѣжалъ онъ съ нею сюда ко мнѣ во дворъ, истекая кровью, и упалъ у меня, бѣднякъ, на порогѣ. Отъ умиравшаго только слышали какое-то имя; его отвезли въ Таганрогъ; тогда уже наступила война, госпи-

тали смѣшались, и я не могъ добиться толку, гдѣ умеръ старикъ и умеръ ли? Да не могъ же онъ вылѣчиться. Бумагъ при немъ не было; ну, его вѣрно и похоронили такъ, безъ отмѣтки. Съ той поры я ее и вскормилъ; самъ училъ кое-чему и пока держу ее въ услуженіи. Да надобно свезти въ городъ, отдать хоть сестрѣ моей: все-таки тамъ будетъ спокойнѣе. А то тутъ пока еще замужъ выйдетъ, хорошаго человѣка найдетъ,—не совсѣмъ безопасно. Сказано: выставь сахарокъ такой на окнѣ, какъ разъ мухи облѣпятъ: хе-хе!.. Ужъ извините меня, молодой человѣкъ!

И отецъ Павладій самъ отъ души засмѣялся, помахивая старою лысою головкой и моргая красноватыми, припухшими глазками.

— Вы же вонъ первый замѣтили ее!—продолжалъ онъ:— а жаль дѣвку; точно добрая. Моя дьячиха только за нею и приглядываетъ. Да извините, что васъ задержалъ: скучновато на безлюдьѣ. Вы получили деньги, напишите же теперь росписку. Да ужъ, извините, включите, что на мѣсяцъ тамъ, по первое, положимъ, іюля, по три процента,—вы ихъ и включите въ капиталъ.

Михайловъ поднялъ брови.

— Что вы, отецъ Павладій! по три на мѣсяцъ?

— Да ужъ извините. У насъ уже такъ. Я хлопочу о церкви; но хлопочу, пожалуй, еще больше и о себѣ; жалованье намъ плохое, страна тутъ коммерческая, время горячее, деньги нужны всякому, ну, и рискъ бываетъ. Я и даю на рискъ; вѣдь я человѣкъ также, или нѣтъ? А вы вѣрно тоже на дѣло берете?

— На дѣло.

— Ну, и разсчитайте: стоитъ ли брать? Тогда и берите. А я свое сказалъ; такъ-то-съ.

Священникъ, держа деньги, смотрѣлъ на студента.

Михайловъ, не долго думая, взялъ деньги, какъ берутъ ихъ всѣ молодые кандидаты въ аферисты, не соображая даже, выручитъ ли онъ ими хоть заемные проценты. Онъ быстро отмахалъ священнику росписку. Отецъ Павладій надѣлъ очки, прочелъ два раза росписку вслухъ, попросилъ еще написать сбоку словами, а не одними цифрами, что взято триста и девять рублей серебромъ, и простился съ гостемъ. Михайловъ вышелъ. Сѣрый конь Панчуковскаго быстро домчалъ его въ Новую-Диканьку.

— Ну, что? — спросилъ Панчуковскій, съ газетой и съ сигарой лежа на постели: — я васъ поджидалъ!

И онъ протянулъ ему небрежно руку.

— Далъ попъ, да за то и проценты взялъ, по три на одинъ мѣсяцъ...

Полковникъ громко расхохотался на весь домъ.

— Ну, такъ я и зналъ! Ай да попикъ! Современный! Это ужъ, извините, онъ тоже не отсталый человѣкъ; и я думаю книгами хвасталъ, а?

— Хвасталъ, — робко сказалъ Михайловъ.

Захохоталъ еще громче прежняго полковникъ, и отъ его смѣха огласились всѣ комнаты пустого, холостого дома.

Поговорили еще. Маятникъ одиноко стукалъ гдѣ-то изъ нижнихъ комнатъ.

— Итакъ, покорнѣйше васъ благодарю, Владиміръ Алексѣевичъ, за ручательство.

— Не стоитъ благодарности. Что за пустяки! Ну-съ, а насчетъ нашей красавицы?

— Да! — сказалъ студентъ, вертя фуражку: — вы поручили узнать насчетъ той сироты?

— Ну, что же-съ?

— Она дочь убитаго бѣглаго...

— Бѣглаго! А! Значитъ, она отцу Палладію принадлежитъ такъ же, какъ и моему, положимъ, Абдулкѣ...

Студентъ разсказалъ подробно исторію убійства ея отца.

— Ее взялъ священникъ, когда отца ея зарѣзали, и съ тѣхъ поръ она у него въ услуженіи. Онъ ее грамотѣ сталъ учить два года назадъ; читать и писать выучилъ и очень любитъ.

Панчуковскій зѣвнулъ.

— Онъ, должно быть, задумалъ выгоднѣе выдать ее замужъ, выкупъ взять...

— Дѣвочка прехорошенькая! — твердилъ студентъ съ чувствомъ: — просто прелесть! Я рѣдко встрѣчалъ такія лица и строгія, и соблазнительно-увлекающія! Полная, пышная, здоровая... Знаете, этотъ бьющій въ глаза пылъ здоровья... Знаете...

— Человѣкъ, лошадь барину! — крикнулъ Панчуковскій съ постели. — Вы когда же опять у меня будете?

— Когда деньги привезу отдавать.

«Жди теперь тебя!» — подумалъ полковникъ и любезно простился съ гостемъ.

Студентъ опять поскакалъ по стемнѣвшей степи. Близилось утро. Было уже передъ разсвѣтомъ.

Между тѣмъ, какъ студентъ еще выходилъ отъ священника, съ нимъ на порогѣ впотьмахъ столкнулся какой-то человѣкъ, не то мѣщанинъ, не то рядчикъ изъ города, статный малый, съ узломъ въ рукахъ, который онъ, очевидно, несъ къ священнику. Когда отецъ Павладій проводилъ гостя и, не затворяя за собою двери, вошелъ и остановился въ освѣщенной еще по-парадному комнатѣ, пришедшій съ узломъ ступилъ изъ сѣней въ пріемную.

— А! Левенчукъ! откуда Богъ несетъ? Что̀ это?

Пришедшій поклонился въ поясъ.

— Это, батюшка, ужъ примите; это свѣжая рыба съ тони, да часть дичинки: самъ стрѣлялъ.

— Спасибо, спасибо. Оксана, возьми!—крикнулъ священникъ въ сѣни.—Я это люблю, спасибо!

Но Оксана не явилась. Левенчукъ помолчалъ и опять поклонился.

— Батюшка!

— Что̀ тебѣ?

— Какъ же насчетъ того-съ?

— Чего?

— Да насчетъ обѣщанія вашего?

— Какого?

— А про Оксану...

Отецъ Павладій отошелъ и выставился изъ комнаты въ окно, въ которое еще громче неслось пѣніе соловьевъ.

— Видишь ли, братъ,— сказалъ онъ, не оглядываясь: — ты человѣкъ добрый и я тебя узналъ, да ты бѣглый, значитъ—ничто. Ну, какъ тебѣ повѣрить душу человѣческую? Ты безпаспортный, бродяга, вѣдь такъ?

— Такъ...

— А я тебя покрываю?

— Покрываете...

— Ну, значитъ, и ты преступникъ, и я. Придутъ, потащутъ тебя, раба Божьяго,—и пропала дѣвка.

— Батюшка! Что̀ хотите, возьмите, а отдайте ее за меня; другой годъ васъ прошу, молю; отдайте, не загубите моей души... Богомъ-Господомъ молю!

— Ну, слушай, вотъ тебѣ мой зарокъ: принеси сто цѣлковыхъ на церковь, да сто цѣлковыхъ на выкупъ твой, —

напишу къ твоей госпожѣ; авось дадутъ тебѣ волю... Тогда и бери Оксану-то. Что̀, согласенъ? Хочешь, сяду и напишу твоей барынѣ: прямо скажемъ все.

— Нѣтъ, батюшка! Богъ вѣсть, какъ еще дома посмотрятъ теперь на мое бѣгство; обвиняли же меня за машиниста нашего! Берите двѣсти цѣлковыхъ на церковь, а ужъ на выкупъ у барыни моей не требуйте, не пуститъ меня теперь барыня. Знаю я, что не пуститъ. Смилуйтесь, батюшка, обвѣнчайте такъ... Мы за Кубань, мы въ Молдавію убѣжимъ...

Священникъ подошелъ къ столу, погасилъ свѣчи, сталъ къ окну и высунулся опять въ него по поясъ, глядя на освѣщенную мѣсяцемъ росистую окрестность, по которой раздавались соловьиные крики. Изъ сѣней вошла и тихо стала у косяка двери Оксана. Она плакала; плакалъ и Левенчукъ.

— Ну, — сказалъ священникъ, оглядываясь на нихъ:— перевидалъ я тутъ не мало васъ, горемычныхъ! Богъ васъ благословитъ! Вѣнчаю!

Левенчукъ и Оксана поклонились ему въ ноги.

— Когда хочешь, приноси только деньги; значитъ, ты порядочный человѣкъ, достаточный, надежный; ну, значитъ, тогда и бери. А я собственно не себѣ беру, ни-ни! Что̀ ее въ самомъ дѣлѣ держать? я и самъ думаю. Еще что̀ скажутъ! Но ей-же-ей, Господи, желалъ бы я, чтобы ты ей принесъ счастье, горемычной сиротѣ. И гдѣ ея родина, и откуда она—не знаю.

Левенчукъ вздохнулъ.

— Ну, вотъ вамъ, батюшка, семьдесятъ пять цѣлковыхъ, а остальные, можетъ, и всѣ къ Троицѣ отдамъ.

Онъ вынулъ изъ конца затасканнаго платка деньги и отдалъ.

— Ты гдѣ былъ это время и гдѣ теперь стоишь?

— Былъ на неводахъ и въ конторѣ хлѣбной былъ, а теперь опять всю весну при неводѣ. Тамъ и дичинки вамъ набилъ...

— Контрабандой занимался?

— Случалось.

— Не хорошо, Харитонъ, поганое дѣло! отвѣчать будешь! брось! Ну, ступай же, бери свою Оксану. Чай, подъ ракиткой побесѣдовать рветесь. Ступайте же, цѣлуйтесь себѣ,

мои пташечки! Только далѣе... ни-ни... Чуешь ты, Харькò?

— И, батюшка, будто мы уже какіе антихристы? законъ отцовъ знаемъ.

— А твой Милорòденко гдѣ? Давно онъ меня шутками не смѣшилъ.

— Богъ его вѣсть, гдѣ онъ. Хотѣлъ покаяться, остепениться, а про то не знаю...

— Ну, ступайте же. Да накорми его, Оксана, борщикомъ, — чай, голоденъ; тамъ и каши спроси у дьячихи. Навидѣлся я васъ, несчастныхъ! Это ты сегодня съ моря, а? Должно быть, пѣшедраломъ?

— Да, пѣхтурой; гдѣ намъ, ваше преподобіе, иначе! Еще съ утра вышелъ, ни крохи во рту не было...

И Левенчукъ пошелъ съ Оксаной.

А въ то время, какъ студентъ, исполненный самыхъ пылкихъ надеждъ на аферу съ занятыми деньгами, летѣлъ по степи и ему навстрѣчу загоралось приморское утро, дымясь, свѣжѣя и освѣщаясь всякими блестками, Панчуковскій призвалъ въ спальню своего Самуйлика, уже знакомаго намъ стараго кучера, и сказалъ ему:

— Во-первыхъ, проснись, скотина, и слушай въ оба; во-вторыхъ, безъ нравоученій, иначе — плети; а въ-третьихъ, изволь съ завтрашняго же дня собрать мнѣ всѣ справки о поповой воспитанницѣ! Слышишь ли? собрать, да самыя вѣрныя!

Самуйликъ хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукою и мрачно молча вышелъ. Онъ зналъ, что баринъ иногда съ нимъ шутитъ, а иногда и не шутитъ, да и больно не шутитъ.

Ужъ солнце всходило, когда студентъ свернулъ влѣво и для краткости пути поѣхалъ черезъ небольшую безыменную рѣчонку, отдѣлявшую землю купца Шутовкина отъ проѣзжей дороги. На рѣчонкѣ былъ хуторъ и водяная мельница. Спустившись шагомъ на плотину, студентъ увидѣлъ толпу мужиковъ, забивавшихъ пали у водоспуска. Барыня въ лентахъ и подъ зонтикомъ стояла тутъ же и, куря длинную трубку и порой покашливая, жалостно и суетливо покрикивала на рабочихъ и распоряжалась.

— Здравствуйте! — сказалъ студентъ, узнавъ въ барынѣ вчерашнюю знакомку, Щелкову, бывшую у Панчуковскаго.

— А! это вы, мусьё! — печально отозвалась, велѣвъ уѣз-

жавшему знакомцу, мадамъ Щелкова.— Вы вотъ катаетесь, а мы, труженики-бѣдняки, уже на работѣ! экскюзѐ!

Студентъ пріударилъ по лошади и скоро вошелъ на крыльцо еще соннаго, сельскаго купеческаго дома.

А въ гущинѣ ракитника и ясенковъ, разведенныхъ надъ ключевымъ прудомъ отцомъ Павладіемъ, короткій конецъ майской чуткой ночи коротали, забывъ весь свѣтъ, Левенчукъ и Оксана.

V.

Наши Кентукки и Массачуссетсъ.

— «Что̀ такое, однако, эти бѣглые въ Новороссіи?» — спроситъ заѣзжій въ эти мѣста.—«А что̀ такое бѣглые?» — отвѣтятъ ему туземцы: — «извѣстно что̀: бѣглые да и все тутъ! Крѣпостная Русь, нашедшая свое убѣжище, свои Кентукки и Массачуссетсъ. Здѣсь бѣглыми земля стала. Не будь ихъ—ничего бы и не было: ни Донщины, ни Черноморья, ни преславной былой Запорожской земли, ни всей этой вѣковѣчной гостепріимной царины, къ которой стремятся съ сѣвера и изъ другихъ мѣстъ за волею и люди, и звѣри, и птицы! Все тутъ бѣглые: Ростовъ, Маріуполь, Таганрогъ, все бѣглые. Эти портовые богачи, купцы и мѣщане, эти Шелбановы, Пустошневы, Катальманьевы, Безродные, — поройтесь въ преданіяхъ ихъ, какова ихъ исторія? Недавніе предки ихъ,—крѣпостные, выходцы изъ Россіи, либо помѣщичьи, либо казенные бѣглые!» — Такъ вамъ отвѣтятъ туземцы. А сами присмотритесь на бѣглыхъ— люди, какъ люди! Что̀ же ихъ сманиваетъ сюда? Приволье земель и работъ, только трудись; на всѣхъ труда станетъ...

Со всѣхъ концовъ Россіи, а съ сѣвера въ особенности, шли огромными артелями наемщики на югъ. Они шли по большимъ и малымъ дорогамъ, съ косой за плечами, парни и дѣвки, нанимаясь по пути въ косари и гребцы. Цѣлыя села, гуртомъ выходя изъ тѣсныхъ околотковъ, шли по дорогамъ, въ пыли и духотѣ, босикомъ и впро̀голодь, въ ожиданіи тяжелаго труда. Отдѣльныя артели сливались въ отряды, становясь къ дѣлу на крайнемъ югѣ, и то тамъ, то тутъ начиная бѣлѣть своими рубахами и сверкать потертыми косами и серпами. Было тутъ не мало и вольныхъ крестьянъ съ билетами, и помѣщичьихъ съ паспортами; но въ каждой

артели было еще болѣе бѣглыхъ. Трудъ нуженъ, трудъ дорогъ: рукъ мало, дѣло кипитъ, трава сохнетъ, пшеница зрѣетъ, горитъ, наливается, осыпается; сотни и тысячи рублей готовы погибнуть: какъ тутъ не принять бѣглыхъ, господа юристы? Милости просимъ! Хотя и опасно, да кто ихъ усчитаетъ въ этой неоглядной степи? Есть гдѣ поработать, есть гдѣ и спрятаться. Спрячетъ ихъ свой братъ землякъ, спрячетъ и помѣщикъ, когда налетитъ гроза въ видѣ исправника или становаго, станъ котораго здѣсь величиной чуть не съ ганноверское королевство. Становаго тутъ купитъ всякая депозитка; онъ и смотритъ сквозь пальцы. Чуть зазвенѣлъ, однако, жадный полицейскій колокольчикъ— бурлаки прячутся въ бурьяны, байраки, стоги или въ камыши, или въ глазахъ самой власти бѣгутъ черезъ границу ея уѣзда. А помѣщику и колонисту безъ бѣглаго нѣтъ житья. Бѣглые—народъ смирный, трезвый, усердный; чисто ливерпульскіе пуритане въ душѣ. Беретъ бѣглый за работу меньше вольнаго; ну, да и обсчитать его легче: не пожалуется!.. Поплачетъ развѣ только, либо выругаетъ за околицей хутора не по-человѣчески, и только. Потому-то здѣсь все шито и крыто. Бѣглые идутъ на линію, за Кубань, въ Крымъ и въ приморскія степи на югъ, какъ домой, изъ всякихъ суровыхъ и тѣсныхъ уѣздовъ сѣвера. Пуританизмъ ихъ удивительный. Извѣстно слѣдствіе въ окрестностяхъ Нахичевани, открывшее, что партія бѣглыхъ ночевала въ степномъ байракѣ, у какой-то лѣсничихи, какъ при этомъ одинъ изъ бѣглыхъ укралъ у хозяйки ведро и какъ за это товарищи его сперва высѣкли, а потомъ, не долго думая, повѣсили на дубу: «не срами, дескать, хорошихъ людей!» Такъ-таки и повѣсили.

Точки соединенія всего этого лѣтняго захожаго люда въ степяхъ, притонъ ихъ отдыховъ и наймовъ, ихъ увеселительные клубы, это—шинки зажиточныхъ слободъ и одинокіе постоялые дворы съ громадными, уже извѣстными читателю, степными колодцами.

Эти шинки—вещь любопытная. Кто ихъ здѣсь не знаетъ, за рѣкою Богатыремъ, Джемрекомъ, въ селахъ Большой-Янысель и Старый-Керменчикъ и вдоль по рѣкамъ Кобыльной и Волчьей, а равно въ апухтиныхъ и черниговскихъ хуторахъ, въ молоканской слободѣ Астраханкѣ и въ нѣмецкой колоніи Красный-Трактиръ? Во-первыхъ, такіе шинки

приносятъ огромный доходъ. Въ обширной слободѣ они непремѣнно устроены на главной улицѣ или на площади, близъ церкви. Это, по праздникамъ, своего рода лондонская биржа. А хотите знать, какъ нанимаются бѣглые лѣтомъ и какъ ажіотируютъ этими *бѣлыми неграми* наши южные плантаторы? Извольте. Подъѣзжая въ праздникъ къ мѣсту ихъ сходки, вы еще издали усматриваете небывалую толкотню и слышите громкій говоръ народа. Толпа стоитъ передъ шинкомъ вплоть до церкви, какъ на торгу. Отдѣльныя кучки стоятъ по сосѣднимъ переулкамъ, сидятъ подъ плетнями или идутъ рѣшать дѣло еще далѣе на выгонъ, за село, чтобы не было свидѣтелей. Въ общей толпѣ и передъ этими отдѣльными кучками прохаживаются помѣщики, кавалеры средней руки и приказчики богачей, нанимая артели, выслушивая торги и послѣднія цѣны, сбивая упорныхъ разными штуками и другъ у друга, у своего же брата, сманивая небольшою надбавкой нанятыхъ уже рабочихъ. Иной приказчикъ въ синемъ кафтанѣ и въ синихъ шароварахъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, ходитъ-ходитъ, торгуется, надсѣдается, сошелся, нанялъ, выставилъ ведро водки на магарычъ, сосчиталъ свою артель и спѣшитъ домой; а по пути, иногда у самыхъ воротъ его, встрѣчаетъ артель приказчикъ другого помѣщика, надбавляетъ рабочимъ ничтожную плату и уводитъ ихъ съ собой. Бываютъ при этомъ и свалки наемщиковъ и нанятыхъ. Случается, что ловкій соглядатай отъ одного помѣщика явится въ степь, прямо на работу къ нанятымъ другого, съ цѣлью сманить ихъ разными льготами; а другой-то хозяинъ еще ловче, подглядитъ его штуки, да тутъ же въ степи его и высѣчетъ. А старики новичкамъ говорятъ: «вы тому не удивляйтесь, что этотъ панъ высѣкъ ключника того пана: такъ было и въ старину, какъ наши степи селились и еще люди тутъ ходили незакрѣпленные, какъ запорожцы. Придетъ Юрьевъ день,—являются верховоды, кричатъ: «на Кильчень!» либо «на Самару!» Одно село выселяется, а другое идетъ ему навстрѣчу въ иное мѣсто. По мостамъ и по плотинамъ идутъ обозы съ дѣтьми, добромъ и стариками; идутъ батраки и бабы, прощаются съ родичами; волы ревутъ, возы скрипятъ, а паны заѣзжаютъ другъ передъ другомъ, спорятъ, сманиваютъ къ себѣ нашего брата и рубятся саблями, а иногда и пищали, бывало, хлопаютъ. Оно такъ всегда тутъ было!.. Тотъ

панъ, бывало, при проѣздѣ обоза, хвалитъ свое, а этотъ свое; говоритъ: «идите ко мнѣ, люди добрые! дамъ вамъ и степи вдоволь, и хорошей воды, и лѣсу, и хатъ, и скота!» А ужъ что совретъ, то совретъ, лишь бы ему сманить ихъ, вотъ какъ и теперь... Есть преданіе, какъ одинъ свирѣпый командиръ, преслѣдуя здѣсь бѣглыхъ, налетѣлъ гдѣ-то на артель неводчиковъ и гаркнулъ на нихъ: «гдѣ ваши паспорты?» Тѣ переглянулись. Генералъ былъ безъ конвоя, съ одною свитою.—«На баркѣ, ваше сіятельство!» — отвѣтили тѣ и пошли по доскамъ, одинъ за другимъ, за паспортами. Взошли на барку, оттолкнули ее отъ берега и показали ему оттуда что-то въ родѣ шишей, со словами: «вотъ наши пашпортики!» И эти слова стали съ той поры здѣсь поговоркою. Въ праздникъ, до начала торга, въ слободѣ, гдѣ нанимаются косари и гребцы, въ церкви обыкновенно служится обѣдня и всѣ чинно стоятъ и молятся, слушая отъ отца Прокопа или отца Дороша. Дымъ густо стелется, дьячокъ баситъ, а изъ дыма глядятъ все черноволосыя и русыя чубатыя головы, будто сейчасъ вышли съ картинъ Шевченка, Трутовскаго и Соколова. Обѣдня кончилась: наполняется площадь и шинокъ. Въ одномъ изъ такихъ шинковъ долгое время въ наймахъ, подъ Керменчикомъ, былъ бѣглый поваръ какого-то генерала изъ Калуги, который держалъ отличную простую кухню и, постукивая ножомъ навстрѣчу входившаго загорѣлаго люда, выкрикивалъ: «А кому угодно котлетокъ à la метрдотель, бламанже, сюперфлю и все что угодно!» Никакихъ утонченныхъ диковинокъ жидъ-содержатель шинка не могъ, разумѣется, по его вызову, предложить гостямъ; но прибаутки повара приманивали толпу, и шинокъ былъ не въ накладѣ, справляя иногда, впрочемъ, свадебныя пирушки для сосѣднихъ поселянъ и бѣглыхъ, съ такими угощеніями, что хоть бы и въ городѣ. Про бѣглыхъ тутъ ходятъ и плоскіе избитые анекдоты, разсказы о томъ, какъ они вѣнчаются вокругъ полевыхъ кустиковъ, или обходя одинокій стогъ три раза. Обошли— вотъ и мужъ и жена, пока снова разойдутся. Такіе же ходятъ толки и о крестинахъ. Это уже область мѣстнаго юмора. Пора работъ кончилась. Бѣглые съ полей переходятъ къ неводамъ. Здѣсь осенью вся бѣглая, разбившая свои оковы Русь... Уходя изъ шинковъ, косарскія артели поютъ особыя мѣстныя пѣсни, съ сочиненными намеками на сосѣднихъ

помѣщиковъ, отдавая имъ похвалы за милосердіе или остря надъ ихъ скаредностью и стѣсненіями, въ родѣ этого:

«Чужи паны, якъ пугачи,
Держуть людей до пивночи,
А нашъ соловейко
Пускае ранéнько;
Дае водки и грошей—
Спаси его, Боже!»

Такія пѣсни пѣлись въ косовицу и на Мертвыхъ-водахъ, на поляхъ купца Шутовкина, братьевъ Небольцевыхъ, близъ помѣстьевъ Панчуковскаго, Швабера, Вебера и на церковной земелькѣ Святодуховскаго хутора.—Отчего иные бѣгаютъ?—спросите вы у станового.—«По омерзительной привычкѣ», — отвѣтитъ онъ вамъ и начнетъ доказывать. Хатка у такого бѣгуна сплетена изъ камыша, примазана глиной; въ хаткѣ ни стола, ни лавки порядочной, а во дворѣ плетень камышевый. Придетъ свинья необрядная, толкнетъ, чесавшись, и повалитъ весь хламъ. Толкнетъ съ досады и самъ хозяинъ хату ногою, повалитъ ее и пойдетъ въ бродяги. Ему и жены не жалко, и дѣтей. Такъ по десяти и по двадцати лѣтъ шляются. Видно дома солоно. А иной проворовался, ограбилъ, убилъ. Есть и бѣжавшіе отъ страха наказанія за покражу лоскута холста, сальной свѣчки. И ходятъ въ бродягахъ годы. Думали переводить бѣглыхъ, оцѣпляли города, села. Прибылъ въ эти мѣста, лѣтъ двадцать назадъ, между прочимъ, другой, подобный упомянутому выше, свирѣпый начальникъ и вызвался искоренить тутъ всѣхъ бѣглыхъ. А подначальникъ былъ у него человѣкъ обстрѣленный и зналъ, какъ это легко говорится и какъ трудно дѣлается. Захотѣлъ этотъ первачъ свой край объѣздить. Ѣздитъ и ѣздитъ, совсѣмъ замучилъ помощника. Ужасъ навелъ на бѣглыхъ своими выходками и жестокостью. Въ кандалы перековалъ цѣлыя тысячи, остроги ими переполнилъ по всему взморью. А помощника совсѣмъ выбилъ изъ силъ. Вотъ и подвелъ штуку помощникъ. Проморилъ какъ-то владыку въ степи, а все везетъ его далѣе, все далѣе. Ужъ тотъ и животикъ сталъ потирать и поглядывать изъ коляски: что за бѣсовъ край! хоть бы корчма или деревушка какая,—а до города еще верстъ двадцать. Остановился первачъ. — «Ну, говоритъ, какъ бы чего закусить?» Кинулись къ свитѣ,—ничего нѣтъ. А это ужъ помощникъ

такъ подвелъ. — «Нѣтъ ли хоть корочки чернаго хлѣба? Нѣтъ ли тутъ постоялаго двора гдѣ-нибудь?» — спрашиваетъ первачъ. — «Куда вамъ, ваше сіятельство! у насъ ли этому быть въ этой голой и пустой сторонѣ! А вотъ постойте: тутъ въ сторонѣ, на берегу моря, неводокъ, кажется, есть: бѣднячокъ одинъ держитъ артель. Угодно-съ? можетъ разживемся чѣмъ-нибудь?» — «Вези, братецъ, вези! просто умираю съ голода!» — Его привезли. «Здравствуйте, ребята!» гаркнулъ первачъ на рабочихъ, выходя изъ коляски. — «Здравствуйте, пане!» — «Давайте ѣсть; что у васъ имѣется?» — «Что же у насъ будетъ, пане? мы люди бѣдные; хлѣбъ-соль; да развѣ рыбки вамъ поймать?» — «Давай». И закинули неводъ. Ужъ тогда-ли поймали, или было приготовлено заранѣе, только неводчики и устроили ему закуску: уху изъ самой первѣйшей рыбы, съ бездною молокъ и потроховъ: въ ноздри душистый паръ такъ и ударилъ; икры свѣжей вывалили ему цѣлый боченокъ; а горячій хлѣбъ да голодный зубъ — главное, помните. Наѣлся генералъ до отвалу: едва поворотился. Кинулъ неводчикамъ червонецъ, благодаритъ помощника: «ну, братъ, такого обѣда и цари не ѣдятъ!» Отъѣхалъ поѣздъ въ степь, скрылось море и коса съ неводчиками. Помощникъ и говоритъ: — «а знаете, ваше сіятельство, у кого мы обѣдали?» — «Нѣтъ, не знаю». — «У бѣглыхъ!» — «Быть не можетъ!» — «То-то-съ; переведете ихъ, такъ и рыбы такой тутъ некому будетъ поймать...» — Генералъ задумался и больше не козырился, сталъ какъ и всѣ мы грѣшные...

А плантаторы между тѣмъ не дремали. Громадныя ватаги косарей и гребцовъ, человѣкъ въ триста и въ четыреста, расхаживали по быстро косимымъ степямъ. Сами велемочные господа кавалеры изъ-подъ Ростова, Бердянска, Маріуполя и Мелитополя, кто верхомъ, въ широкой бердянской или одесской, а иногда и прямо панамской шляпѣ, или пѣшкомъ, съ плеткой, усердно расхаживали среди артелей, пеклись съ утра до ночи на страшномъ солнцепёкѣ и обращали свои лица въ подобіе желтаго землянаго угля. Двигаясь медленными точками и бѣлѣя своими шляпами, они, какъ коршуны, стоявшіе въ небѣ надъ ними, зорко поглядывали по сторонамъ, подмѣчая либо залѣнившагося косаря, либо окидывая жаднымъ и плотояднымъ взглядомъ смазливую гребчиху, съ грѣховнымъ помысломъ приласкать ее вечер-

комъ, въ прохладѣ одинокой степной пустки, за стаканомъ пуншика и глоткомъ коньяку или водки. «Эй, хлопцы! эй, дивчата!» покрикивали степные поморскіе плантаторы, съ бойкостью яростныхъ, настоящихъ янки, помахивая на куцыхъ клячъ плеткой и верхомъ ведя свои ватаги по пылающимъ въ зноѣ равнинамъ, «а ну-те, постарайтесь! а ну-те, разомъ, разомъ, разомъ! дружнѣе! Котелъ каши съ саломъ; два ведра водки лишнихъ на магарычи! А ну-те, ну-те, ну-те!» И сотни обѣленныхъ бурьянами кось дружно и мѣрно сверкаютъ; сотни грабель взвиваютъ и складываютъ въ копны душистый чай нашихъ степей, мягкое и нѣжное зеленое сѣно. Среди полянъ стоятъ косарскіе и гребовицкіе таборы. Косовица во всемъ ходу, въ полномъ разгарѣ. У привала дымится изъ навознаго кирпича костерокъ. Громадная арба, съ полотняною крышею, въ видѣ гроба, безъ устали открывается и закрывается, подвозя на волахъ или верблюдахъ крупу, соль и рыбу отъ хозяевъ. Нѣсколько бочекъ едва успѣваютъ подвозить къ таборамъ изъ дальнихъ колодцевъ воду. Выпекается въ хозяйскихъ хуторахъ, въ особенныхъ печахъ, и въ сутки съѣдается по триста и по четыреста хлѣбовъ, на одномъ полѣ, у одного хозяина. Изъ Маріуполя и Таганрога подвозятся мѣшки и мѣшочки, на тысячи и болѣе рублей серебромъ, мелочи. Нанимаются артели въ десятки и сотни человѣкъ по-недѣльно. Расплата производится по субботамъ. Наморившіяся, загорѣлыя и запыленныя дѣвки и бабы сидятъ въ тѣни, гдѣ-нибудь подъ амбаромъ или подъ конюшнею, не распѣвая пѣсенъ и не шутя, въ ожиданіи расчета. Косари безъ шапокъ стоятъ кучами по двору или у крыльца. А сами гостепріимные господа-плантаторы сидятъ у крылечка, передъ столикомъ, и расчетъ ведутъ. Этой партіи триста цѣлковыхъ, этой сто тридцать пять, той двѣсти. Кости на счетахъ звонко выщелкиваютъ красные куши. Перо тутъ же записываетъ сказочные лѣтніе новороссійскіе расходы. Хозяева въ эти минуты не видятъ передъ собою ни живописныхъ типовъ украинскихъ косарей, ни хорошенькихъ, подгорѣлыхъ на вѣтрѣ и присмаженныхъ на солнцѣ гребчихъ. Они видятъ одно сѣно, копны, стоги, свои стада и барыши. «А! вонъ и самъ панъ-полковникъ выѣхалъ!» говорили иногда сосѣдскіе приказчики, изъ мѣщанъ и вахмистровъ, видя, что Панчуковскій выѣхалъ къ гребцамъ или къ косарямъ на

красивомъ сѣромъ или буланомъ жеребчикѣ: «ну, это уже не даромъ! вѣрно старый хрычъ, Самуйликъ, смастерилъ ему какую колонистку, либо изъ нашихъ дѣвокъ какую принасъ полакомиться. Ишь ты! какой молодой орликъ, летаетъ и плаваетъ передъ рядами. Вонъ остановился; шутитъ,—видно сигарку закуриваетъ... Эхъ, житье этимъ господамъ, право! Денегъ—куры не клюютъ, спятъ себѣ въ-волю, пьютъ, ѣдятъ, книжки читаютъ—тьфу! А ты трудись... а дѣвокъ имъ и отбою нѣту!.. Какъ тѣ салтаны проклятые турецкіе проживаютъ!..»

Такъ говорили приказчики, разумѣется, отъ зависти.

VI.

Оксана и ракитникъ.

Въ одной изъ такихъ бѣглыхъ артелей былъ и Левенчукъ. Онъ былъ въ наймахъ недалеко отъ Святодухова хутора; часто подъ вечеръ мелькала въ яру и въ ракитовой рощѣ его смурая барашковая шапка. Какъ же полюбились Левенчукъ и Оксана? Э, господа! Какъ любятся птицы небесныя, звѣрки полевые? Ужъ, разумѣется, очень просто, какъ любится все привольное, дикое населеніе степей вѣка и десятки вѣковъ, нарождаясь и смѣняя другъ друга.

Безъ вздоховъ, безъ лишнихъ словъ, просто и даже очень просто полюбились и жили своею любовью Левенчукъ и Оксана. Левенчукъ окрѣпъ на волѣ въ эти три года, возмужалъ и ревниво берегъ издали свою Оксану, нанимаясь то въ невода, то въ поденщики у окрестныхъ колонистовъ и вездѣ высматривая ее и слѣдя за нею. Ихъ встрѣчи были кратки. Тихая и степенная красавица безъ него никому не спускала, кто бы ее ни затронулъ. Возясь и работая въ кухнѣ, въ огородѣ, на дворѣ и въ домѣ священника съ утра до ночи, она и дитя кривой дьячихи закачаетъ, и полы вымоетъ, и птицъ накормитъ, и часто поетъ-поетъ, какъ жаворонокъ заливается. А сойдетъ ночь, скрипнетъ валежникъ въ ракитникѣ, она молча и покорно идетъ къ Левенчуку, покорно ластится и жаркими-жаркими объятіями нѣжитъ его. Словъ какъ-то нѣтъ у нея; все бы глупо молчала да нѣжилась, какъ кошечка, возлѣ него. Соберутся къ святодуховскому пруду сосѣднія гребчихи за водой, полощутся въ

кустахъ, припасаютъ ведра воды, умываютъ загорѣлыя лица, запыленныя руки и плечи, и Оксана выйдетъ изъ поповой хаты. Наслушается всего, поможетъ одной-другой воды набрать, подастъ ведра на коромысло, придетъ домой и все разсказываетъ дьячихѣ.—«Ты только молчи, Оксана,—говоритъ на это дьячиха:—ты лучше всѣхъ, а только молчи! Я ужъ тебѣ найду жениха сама!»

«Да, держи карманъ! — думаетъ Оксана: — и безъ тебя знаемъ, гдѣ что получше, покраше!»—Сама раздѣнется для работы, затопитъ печь, засучитъ рукава, поставитъ горшки, лукъ крошитъ, пшено толчетъ, обѣдъ готовитъ, — а сердце такъ и колотится.—«Вотъ,—думаетъ:—дѣвки полагаютъ, что я такая недотрога, никуда ногой не хожу, ни въ наймы въ степь, ни въ гости ни къ кому, а я-то... а ночи?.. а ракитникъ?.. Да и тетка Горпина такъ же думаетъ!..» Пойдетъ на прудъ днемъ, бѣлье моетъ. Обнаженныя ноги съ кладочки въ водѣ рисуются, солнце пышетъ въ лицо. И все ей жалко кого-то. Сама боится глянуть въ сторону.—«Глянь»,—шепчетъ ей что-то:—«глянь! въ кусты орѣшника, въ темные ясени, въ ракиты глянь: вонъ тамъ на берегу, по тотъ бокъ пруда, стоитъ кто-то — глянь!..» И весело ей, и тяжело, и совѣстно, и страхъ какъ хочется посмотрѣть. «И чего я гляну!—думаетъ Оксана, стуча валькомъ по бѣлью:—теперь полдень, онъ коситъ гдѣ-нибудь или неводъ тянетъ...» Подняла глаза и обомлѣла: на берегѣ вышелъ изъ байрака Левенчукъ и давно машетъ ей, зоветъ ее.—А вечеръ придетъ... Давно она не видѣла Харька. Постлалась на лавкѣ, въ кухнѣ, помолилась, три поклона положила и крестится, ложась спать. Помнитъ все, что было днемъ: какъ она дитя дьячихи Горпины колыхала, какъ вечеромъ корову доила, а сама все смотрѣла опять въ сторону, дура, и ждала, что вотъ-вотъ кто-то изъ-за угла покажется. Уже заснула Оксана, спитъ, а ночью чувствуетъ, что покраснѣла: совѣстно ей подумать, какъ это она выйдетъ замужъ и въ люди покажется... Лучше бы такъ просто подольше жить и тихо любить!

Не помнитъ Оксана ни отца, ни матери, даже не знаетъ, кто были ея отецъ и мать и гдѣ ея близкіе. Слышала, что отца ея зарѣзали, и что съ той поры ее взялъ въ пріемыши отецъ Павладій. И съ особою любовью ходитъ она за дитятею тетки Горпины, нѣжитъ его, поминутно съ нимъ во-

зится и поетъ ему степныя малорусскія колыбельныя пѣсни.

Худое и слабое дитя иной разъ безъ мѣры расплачется, Оксана не дастъ матери укачать его. Не отходитъ отъ него и поетъ, не переставая. То на руки его возьметъ, пойдетъ съ нимъ на выгонъ, въ лѣсъ, опять положитъ дитя въ колыбель и поетъ.

Какъ познакомилась Оксана съ Левенчукомъ, трудно и сказать. Былъ онъ какъ-то въ церкви, стоялъ тамъ такой печальный да жалкій; тихо крестясь, приложился къ кресту, когда отецъ Павладій отпускъ съ обѣдни дочитывалъ. Потомъ косилъ онъ въ косаряхъ на церковной степи у отца Павладія, а она воду косарямъ носила. Только и знакомства. А какъ потомъ она ему всю душу отдала, стала ходить и бѣгать къ нему, черезъ плетень прыгая, лисичкою въ кустахъ выступая,—этого она и не разскажетъ. Стала вдругъ она и болѣе заботливая: хлопочетъ и старается по хозяйству, будто собирается куда, будто послѣдніе дни для нея настали. А сама похудѣла, точно измученная чѣмъ, но еще болѣе съ тѣхъ поръ похорошѣла. Русая коса какъ шелкъ вычесана; темныя брови еще темнѣй стали; а слегка впавшіе, тоскующіе глаза не по лѣтамъ такъ и мечутъ любовныя чары. Движенья замедлились; тѣло просится къ лѣни, а работы гибель. Выйдетъ Оксана на косогоръ, станетъ противъ рощи; стоитъ и вдругъ заплачетъ. Долго стоитъ, смотритъ и поетъ за душу берущую пѣсню нашей Украйны...

Или заберется она въ глушь байрака, сядетъ въ кустахъ, шьетъ узоромъ сорочку, за слезами нитки не видитъ и тихо поетъ пѣсню, которой выучилась она у дочки сосѣдней бакшéвницы, пропавшей безъ вѣсти два года назадъ, вслѣдъ за отходомъ партіи неводчиковъ.

Пѣсня спѣта; слезы душатъ Оксану; она упала лицомъ на работу, и плачетъ-плачетъ... еще отъ рожденія она такъ не плакала. На душѣ и горько, и тяжело. А мысли роятся между тѣмъ: «ну, желала бы я, однако, знать, гдѣ этотъ пройди-свѣтъ Харькò? Должно-быть, съ дивчатами чужими возится, водку гдѣ-нибудь пьетъ. И не срамъ?..» Поднимаетъ голову и ахнула: Левенчукъ сидитъ противъ нея на корточкахъ, держитъ трубку въ зубахъ, копается въ кисетѣ съ табакомъ и смѣется. «Вотъ хорошо, что ты запѣла, а я по

голосу и нашелъ тебя!» Застыдилась Оксана. Ей весело и вмѣстѣ жутко. Дрожь въ рукахъ и въ груди. Она не придвигается къ нему ближе. Онъ смѣется надъ нею. Она кидаетъ въ него нитками, траву щиплетъ, въ глаза ему хочетъ бросить. А онъ ей руки крутитъ, борется съ нею, десятки прозваній ей ласковыхъ и смѣшныхъ даетъ... «Да прочь же, прочь!»—говоритъ она ему, морщась и будто отталкивая его, а сама все къ нему ближе... Солнце не заглядываетъ въ гущину ясенковъ. Только вѣтеръ перебѣгаетъ по верхушкамъ... Дикая утка откуда-то налетѣла, пошныряла раза два надъ байракомъ, улетѣла опять и, снова прилетѣвъ, тяжело шлёпнулась въ осокѣ озерка, ниже пруда. Должно быть, гнѣздо ея тамъ свито. А Левенчукъ разсказываетъ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣ недѣли, гдѣ неводъ тянули, какъ пароходъ откуда-то ночью набѣжалъ, дымъ клубился, море шумѣло, наплыли лодки къ берегу, все какіе-то не то армяне, не то далматы бѣгали, выгружали запретный товаръ, контрабанду, въ камыши, и съ верховыми укрыли ее потомъ до разсвѣта далѣе. Говоритъ, что эти дни онъ косилъ возлѣ Святодуховки и все собирался къ ней, только ждалъ расчета. — «Я видѣлъ тебя, Оксана; прошлою ночью къ двору вашему подходилъ... Ты спала на дворѣ подъ горницею, да я не посмѣлъ черезъ плетень перелѣзть... Лежишь ты, раскинулась,—а я хотѣлъ подобраться къ тебѣ, напугать! И какъ это вы собакъ не держите; просто страшно! Еще обворуютъ!»—«И, Харитусю! Отъ злого человѣка и собака не спасетъ!»—«Ну, гдѣ же нашъ батюшка теперь, Оксана?»—«Дома; пчелъ ѣдетъ покупать на Троицу! Приходи тогда...»—«Э, нельзя! Намъ заказано въ лиманы; французъ чаю привезетъ, разгружать станемъ, по десяти цѣлковыхъ на человѣка въ ночь будетъ... Не приду, а послѣ опять косить приду до вашего нѣмца».—«А, постой!—тихо крикнула Оксана и замерла:—постой; какъ будто кто яромъ подъ ногами вотъ у насъ идетъ; не то отецъ Павладій, не то посторонній кто... Ишь крадется!» Но шумъ замолкъ, на сердцѣ Оксаны отлегло. Левенчукъ закурилъ трубочку, и опять пошли толки. Онъ разсказываетъ, какъ жилъ еще у своей барыни, какъ пасъ овецъ, какъ его женили, какъ Варьку машиной задушило и потрощило, какъ онъ утопиться задумалъ и уже вторыя сутки просиживалъ надъ омутомъ у мельницы, и какъ его спасъ и сманилъ на линію Мило-

ро̀денко. Оксана въ сотый разъ слушаетъ и плачетъ, тихо вышивая узорную сорочку или бросая иглу и безмолвно слушая Левенчука. «Ну, гдѣ же теперь нашъ Василь Ивановичъ, нашъ Милоро̀денко?»—спрашиваетъ она, тихо въ мысляхъ молясь за него.—«Э, Оксана, ищи вѣтра въ полѣ! Сказываютъ, что онъ точно успѣлъ за эти три года разбогатѣть. Сперва, говорятъ, былъ онъ при неводахъ, а потомъ у какого-то грека на хуторѣ пасѣку держалъ и самъ завелся пчелами; даже въ мѣщане въ Азовѣ хотѣлъ приписаться, по чужому имени — все домомъ тоже обзавестись мостился. Передаютъ, что уже и при деньгахъ былъ. Да какая-то бабёнка ему тутъ подвернулась. Онъ сперва у нея ключникомъ нанялся—она тоже помѣщица, что ли. А тамъ и въ любовники къ ней попалъ. Годъ такъ жилъ! А съ этой весны куда-то и пропалъ опять безъ вѣсти. Какъ будетъ наша свадьба, Оксана, передъ Петровками, мы его разыщемъ... хочешь? Я припасъ еще денегъ; самая малость остается, такъ и скажи батюшкѣ!»—«Скажу».—«Скажи, что послѣ Троицы, какъ управлюсь на морѣ, да покошусь еще у нѣмца съ недѣлю, приду и остальной за тебя выкупъ принесу... Ну, а гдѣ же мы станемъ жить тогда, Оксана?»—«Охъ! уйдемъ отсюда; тутъ ужъ намъ не житье. Слышно, все разыскиваютъ бродягъ, а вѣдь мы не люди, мы съ тобою бродяги... Боже! Хоть бы на Дунай, или въ ту Анатолію пробраться... У турокъ, слышно, всѣхъ принимаютъ. Вонъ я слышала, Харько̀, къ нашей дьячихѣ сестра съ богомолья изъ Ерусалима, проходомъ въ Россію, навернулась, говоритъ, что нашего народу видимо-невидимо изъ Одессы и изъ Польши туда перешло, и по Дунаю такъ слободами и живутъ».—«Не можетъ быть того, чтобъ до невѣрныхъ переходили!»—«Ну, а я ужъ слышала; тамъ пачпортовъ не требуютъ.» —«А! батюшки, батюшки! вотъ доля!»—«А слышалъ ты тоже,—вонъ попадья къ намъ отъ Шутовкина купца наѣзжала, пшена занимать и постнаго масла на косарей, — нашъ батюшка на барыши на лѣто и это держитъ, — будто къ Небольцевымъ господамъ исправникъ выбѣгалъ съ понятыми, село обходилъ, всѣ сундуки и погреба осмотрѣлъ и шестнадцать человѣкъ за конвоемъ въ Ростовъ отвелъ. Пла̀чу тамъ, пла̀чу было такого, что и—и! Нашли, говорятъ, въ подвалѣ стараго-престараго сапожника; онъ двадцать девять лѣтъ уже какъ бѣжалъ, сказы-

вають, отъ какого-то помѣщика, не то изъ Рязани, не то изъ Москвы, и все это время жилъ въ подвалахъ, обшивалъ всѣ околотки...»—«Ну, ну?»—спрашивалъ Левенчукъ, все блѣднѣя и едва переводя дыханіе.—«Какъ вывели его оттуда, а онъ, какъ мушка сонная, осенняя, такъ и шатается отъ вѣтру, ухватился за волосы сѣдые, бѣлые, да и упалъ объ землю.» «Ведите меня, говоритъ, хоть въ Сибирь, а только домой не ведите, на хуторъ. У меня, говоритъ, тутъ ужъ своя родина, и жена другая, и дѣти взрослыя; а то я руки на себя наложу; я не кралъ, не грабилъ, тихо жилъ себѣ, работалъ...»—А исправникъ смѣется.—«Ведите его, молодчика, да покрѣпче закуйте; онъ ужъ по четыремъ ревизіямъ пропущенъ, ему и имени Христова нѣтъ...» И повели его на Екатеринославъ особо. Такъ сказывала Шутовкина купца попадья...»—Левенчукъ всталъ, оправился. Встала и Оксана.—«Ну, Оксана, теперь ты будь готова. Послѣ Троицы заразъ повѣнчаемся! Я пойду на корабли, договорюсь... Я ужъ устрою... Не житье намъ точно здѣсь становится. Набрехалъ-таки Милорòденко, иль оно ужъ измѣнилось! А ты только будь, значитъ, готова; не въ Туретчину, и тутъ найдемъ мѣсто! Вонъ и въ прошлое лѣто шелъ на заработки, съ чужимъ мѣщанскимъ пачпортомъ, за Елисаветградъ. Ну, да и мѣста же это по Днѣпру, Оксана! Зашелъ я въ такую лощину: все балки, песокъ красный, слюды блестятъ на солнцѣ, тюльпаны дикіе, какъ колокола цвѣтутъ, алые и желтые, по степямъ и по ярамъ,—пахнетъ, весело, привольно... Вотъ хоть бы туда! Будь только готова; ужъ мы спрячемся,—а тамъ, слышно, и волю всѣмъ скажутъ! Согласна, серденько мое?»—«Согласна!»—«Такъ жди же меня, жди, жди!..»

Близился день Троицы, храмового праздника въ хуторѣ отца Павладія. Сосѣдніе колонисты, бѣглые, и всякій обычный, захожій людъ въ окрестности свято чтили и помнили этотъ день. Отецъ Павладій, отъ студеной весны лишившійся всѣхъ своихъ пчелъ, затѣвалъ давно завести новую пасѣку, сторговалъ въ сосѣдней болгарской колоніи двадцать колодокъ и со старикомъ дьячкомъ, который былъ у него ходокомъ по всѣмъ денежнымъ дѣламъ, собирался ѣхать туда на своей пѣгашкѣ, вслѣдъ за обѣднею. Между тѣмъ, онъ собирался нанять мимоходомъ, гдѣ случится, изъ своихъ

болѣе грѣховныхъ прихожанъ, не разъ послѣ исповѣди бывшихъ въ наказаніи на поклонахъ, десятокъ-другой подешевле косарей, на свое подцерковное заповѣдное поле. Да кстати тоже съ какого-то колониста, къ этому же дню, слѣдовала получка капитальца и процентовъ, по пятнадцати этакъ на сто, за полгода. Таковы уже заразительные обычаи этого коммерческаго новороссійскаго люда. Въ минувшемъ году отецъ Павладій пустилъ часть круглаго капитальца на сосѣдній портъ, въ долѣ съ какимъ-то грекомъ, чрезъ того же дьячка, скупивъ малую толику пшеницы и льна. А не мало деньжатъ блуждало и по сѣвернымъ уѣздамъ губерніи, и по Дону, и до Кубани, оставляя подъ залогомъ, въ сундучкѣ и въ комодахъ отца Павладія, серебряныя ложки, браслеты, столовое бѣлье, росписки, часы, даже ордена отставныхъ майоровъ и ротмистровъ, нынѣ усердныхъ плантаторовъ по рѣкамъ Мертвой, Кобыльной и далѣе до Яны-Салы...

VII.

Новая сабинянка.

Троицынъ день начался радостно для отца Павладія и прочихъ обитателей Святодуховскаго хутора. Сѣденькій рябоватый дьячокъ, въ ожиданіи обѣда съ выпивкою винца, метался, прилизанный и прифрантившійся съ утра, между прибранною заранѣе церковью и домомъ священника. Дьячиха варила ѣсть батюшкѣ, себѣ и гостямъ, обыкновенно наѣзжавшимъ сюда къ храму. Отецъ Павладій ловко спряталъ въ своихъ коморкахъ къ мѣсту книгу, журналы и газеты, Богъ съ ними—нелюбимаго мѣстными господами Гоголя и гонимаго директорами сосѣднихъ училищъ Бѣлинскаго (котораго отецъ Павладій въ простотѣ души звалъ не Бѣли́нскій, а Бѣлинскій), накурилъ весь домъ немилосердно ладаномъ, такъ что суетившаяся съ утра Оксана вбѣжала-было, уже во время обѣдни, съ чѣмъ-то въ спальню батюшки, торопясь скорѣе покончить хлопоты, что́-то поставить, что́-то взять, надѣть послѣднія двѣ ленты въ косу и пойти степенно и величаво въ церковь, но остановилась въ клубахъ непрогляднаго дыма, покрутила носомъ и, ухватясь за глаза, выскочила на крыльцо.—«Ужъ это вѣрно батюшка раскутился; вѣрно росными или смирною такъ накурилъ!» Еще раза два простучавши по зеленому двору быстрыми

пятами. Оксана, наконецъ, заперла ворота и пошла въ церковь. На ней была новая ситцевая красная юбка, синіе шерстяные чулки и козловые башмаки, только-что изъ лавки. Много было тамъ господъ. Много экипажей стояло у склона байрака, между кустовъ и подъ рощею, у воздѣланнаго отцомъ Павладіемъ пруда. Церковь, вся обросшая и густо укутанная бѣлыми акаціями, сиренью и липами, едва оттуда торчала золотою маковкою. Чинно прошла обѣдня съ акаѳистомъ и съ колѣнопреклоненіемъ. Наканунѣ была отслужена обычная панихида по умершимъ, былымъ присноnамятнымъ переселенцамъ на Мертвыя-воды. Какъ плакалъ обыкновенно, въ такой канунъ за панихидой, отецъ Павладій, живой свидѣтель гибели этихъ переселенцевъ, такъ онъ прослезился и на этотъ разъ. — «Господи, помяни сихъ... сихъ несчастныхъ, умершихъ, умершихъ разомъ!..»—прибавилъ онъ теперь такія свои слова къ заупокойной молитвѣ, просвѣтлѣвъ отъ горя и вспоминая въ числѣ «сихъ несчастныхъ» и свою молодую, чернобровую покойницу, по пріѣздѣ сюда всѣхъ плѣнившую своимъ тихимъ нравомъ и бѣлизною лица. Круглый и тучный, съ красноватою лысиною, старичокъ всегда казался особенно милъ въ этой маленькой чистой церкви, усыпанной песочкомъ, утыканной отъ полу до потолка, по угламъ и по иконостасу, свѣжими вѣтками, срѣзанными съ рослыхъ липъ и берестовъ, посаженныхъ его собственною рукою. Въ лучахъ свѣта, прорывавшихся въ распахнутыя окна, празднично мелькали, кланяясь, черноволосыя и русыя головы, тихо и степенно мелькалъ въ какой-то старенькой лиловой съ разводами ризѣ самъ отецъ Павладій, усердно кадя въ лицо всякому и тихо повторяя молитвы. А козловатый дишкантикъ дьячка, благодушно ухмылявшагося на клиросѣ, мѣшался съ пѣснями соловьевъ, гремѣвшихъ съ вѣтокъ рощи, обступившей церковь. Были въ церкви русскіе поселяне и многіе колонисты. Послѣдніе красовались въ своихъ особенныхъ народныхъ одеждахъ. Но вотъ что̀ случилось на обѣднѣ. Неся святые дары, на большомъ выносѣ, отецъ Павладій вышелъ изъ алтаря, читая внятно поминанья, медленно поднималъ глаза, сперва-было упершіеся въ загорѣлый затылокъ дьячка, неуспѣвшаго отойти вправо, и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя Панчуковскаго. Сердце невольно у него ёкнуло. Онъ его здѣсь никакъ не ожидалъ увидѣть. — «Гдѣ же,

однако, Оксана?» — безъ всякой причины подумалъ онъ, читая молитвы. Продолжая попрежнему говорить поминанья, онъ повелъ глаза влѣво, какъ бы ища кого, и радостно остановился на преклоненной, передъ выносомъ даровъ, своей воспитанницѣ Оксанѣ. Отецъ Павладій былъ такъ любезенъ, такъ въ духѣ, что послѣ службы пригласилъ многихъ къ себѣ обѣдать, не забылъ и Панчуковскаго ласковымъ словомъ. — «А у меня отъ васъ, полковникъ, былъ посолъ»,—сказалъ онъ, простодушно хихикая:—«кажется, г. Михайловъ, студентъ на кондиціяхъ у купца Шутовкина, и я ему далъ, по вашему ручательству, триста цѣлковыхъ-съ».—«Очень благодаренъ».—«Не угодно ли же и вамъ ко мнѣ закусить?»—«О, нѣтъ, извините; я сейчасъ на три дня уѣзжаю на торги, за Донъ; тамъ степь отдается,—ее Шульцвейнъ хочетъ взять, ну, мы и поторгуемся». — «Вотъ какъ!»—«Да пора же намъ, русскимъ, за умъ взяться съ нѣмцами!»

«Ого!—думалъ отецъ Павладій, скидая рясу въ алтарѣ и спѣша къ другимъ гостямъ: — даже съ Шульцвейномъ тягается! Дока, тузъ! И отлично, что я пристроилъ подъ его ручательство часть деньжатъ! Это все то же, что̀ нашъ Ротшильдъ!»

Гости пообѣдали и разъѣхались рано. Оксана прислуживала за столомъ. Отецъ Павладій, покушавъ, задернулъ занавѣски въ спальнѣ, заснулъ, всталъ, выпилъ квасу и уѣхалъ съ дьячкомъ, какъ собирался, за пчелами, въ надеждѣ прınанять подъ нихъ еще подводъ на мѣстѣ.

— Смотри же, Горпина,—говорилъ онъ, уѣзжая:—не бросайте такъ горницъ; день праздничный, много народу къ пруду за водой шатается: еще чего бы не украли.

— А мнѣ, батюшка, можно за рощу къ дѣвушкамъ пойти, когда сойдутся къ байраку пѣсни пѣть?—спросила Оксана.

— Можно, только безъ Горпины не ходи. Ты знаешь, всякій народъ по праздникамъ бываетъ. Я ее со свѣту за тебя сгоню!

И тележка отца Павладія запрыгала по кочковатой дорожкѣ.

Пришелъ вечеръ. Заря разыгралась съ невиданною роскошью. Къ байраку за водой сошлись и съѣхались, для утренняго запаса, гребцы и косари. Толпы разошлись по пригоркамъ; взялись за руки, стали пѣсни пѣть. Дѣвки стали

въ «хрещика», въ «коршуна» играть, разбѣгаясь съ звонкими пѣснями и съ веселымъ хохотомъ. Дукаты блещутъ, ленты развѣваются. Явилась и скрипка откуда-то. Плясъ поднялся. Парни долго пока стояли въ сторонѣ, посмѣиваясь и, по обычаю, громко хвастая разными разностями. Одни пасли тутъ же лошадей, сопровождающихъ всегда косарскія партіи, другіе играли въ карты, третьи въ орлянку.

— У меня, братцы, семь цѣлковыхъ есть!

— Овва́! Ужъ и семь; а у меня двадцать дома зарыто.

— Брешешь!

— Ей-Богу!

— А по мнѣ такъ три молодицы въ Ростовѣ убиваются... да я не жалаю!

Взрывъ хохота.

— То, можетъ, три свиньи, а не три молодицы! — кричатъ дѣвки.

Хохотъ усиливается.

Хвастунъ, какъ говорится, «у сѣрка́ очей позича́етъ» (у волка глазъ занимаетъ) и не знаетъ, куда дѣться отъ града насмѣшекъ. Шумъ, бѣготня обращаютъ вниманіе на другое мѣсто. Ночь стемнѣла. Па̀ры дѣвокъ и парней расходятся по сторонамъ, по полю и къ лѣсу. У пруда шалуны огонь было-разложили и опять его потушили.

Тутъ произошло необыкновенное событіе. На-утро заговорилъ о немъ весь околотокъ.

Но надо воротиться нѣсколько назадъ.

Утромъ въ тотъ день передъ обѣдней къ Панчуковскому пріѣхалъ купецъ Шутовкинъ.

— Я къ вамъ, полковникъ, съ просьбой!—сказалъ онъ.

Это былъ грязный и жирный толстякъ, съ маленькими свиными глазками, съ одышкой и съ милліоннымъ состояніемъ.

Шутовкинъ отерся и сѣлъ. На дворѣ было душно.

— Вы меня извините... Нападаютъ на мои привычки товарищи, что я бариномъ тутъ въ волю живу, не скредничаю... Вотъ у меня дѣти; я учителя при нихъ держу, и отличнаго... Но вѣдь я вдовецъ... Понимаете?

— Такъ-съ...

— Такъ помогите же мнѣ, полковникъ, обдѣлать одно дѣльце... Понимаете?

— Какое?

Купецъ засмѣялся. Жирные глазки его слезились.

— Край здѣсь на женщинъ плохой; ихъ нѣтъ здѣсь. Я давно, видите ли, ищу кого-нибудь взять къ себѣ въ подруги...

— Ну-съ, что же... И съ Богомъ!

Купецъ крякнулъ и отеръ лицо.

— Здѣсь, видите, глушь, дрянь все народецъ; сплетни сейчасъ заводятъ, смѣются... Я было-рѣшилъ дѣло попристойнѣе завести—за своею гувернанткою какъ-то пріударилъ, къ дѣтямъ ее было-нанялъ, такъ не поддалась. А теперь ужъ просто даже влюбился, намѣтилъ одну дѣвочку. Вы, человѣкъ холостой, поймете меня... Я рѣшился увезти одну особу...

Панчуковскій протянулъ гостю руку, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ: кого же это онъ?

— Браво, Мосей Ильичъ! Кто же эта особа?

Толстякъ оглянулся кругомъ и, сопя отъ одышки, прошепталъ, трепля по рукѣ полковника.

— Одна тутъ колонистка есть, болгарка, дѣвка просто ошеломительная... Что дѣлать! Я ужъ и старухъ къ ней подсылалъ, видите ли, подарки ей дѣлалъ, — ничто не беретъ... Такая рослая-съ, какъ кедръ ливанскій, всю душу изморила. Рѣшился я ее просто живьемъ-съ украсть: завезу ее на свой заводъ, или въ городъ прежде, спрячу, и въ недѣльку, авось, ее завербую совсѣмъ!

Шутовкинъ перевелъ духъ. Потъ валилъ съ него въ три ручья, а руки и губы его дрожали. Панчуковскій чувствовалъ къ нему отвращеніе, но слушалъ его усердно.

— Полковникъ,—сказалъ гость:—мы съ вами коммерческія дѣла обдѣлывали, помогите мнѣ въ этомъ! Я къ вамъ обратился, какъ къ доброму человѣку. На людей своихъ мы положиться вполнѣ не можемъ; у васъ дворня дружная подобрана, да и они ничто передъ вами. Я у васъ навѣки останусь въ долгу. Помогите!

— Какъ же мы дѣло устроимъ, Мосей Ильичъ?

— Сегодня вечеромъ у Святодуховки, по поводу праздника, какъ я узналъ, соберутся съ окрестностей дѣвки и парни; мы подъѣдемъ двумя тройками,—моя красавица тоже тамъ будетъ... Ну, а ужъ самое дѣло покажетъ, какъ его порѣшить...

Полковникъ всталъ.

— Согласенъ, извольте. — Абдулка, Самусь! — крикнулъ онъ въ окно своимъ любимцамъ.

И заперпшсь въ кабинетѣ, господа обдумали все какъ надо.

— А полиція?—спросилъ Панчуковскій: — вѣдь эти болгары народъ мстительный и злой, не то что наши; пойдутъ съ ябедами. Станутъ искать пропавшую...

— Э, полковникъ! Какіе вы пустяки, извините, говорите: а это зачѣмъ?

И Шутовкинъ потрепалъ себя по бумажнику Боковой карманъ былъ туго набитъ.

Уже поздно, къ ночи, парни и дѣвки у святодуховской рощи затѣяли прыгать черезъ огни, какъ на Ивана-Купала. Священника не было дома и некому было запретить это прыганье. Кто-то было поднялъ голосъ и сказалъ:

— Что вы, озорники, дѣлаете? Этого не позволяютъ и на Ивана, а вы теперь затѣяли. Не во-время такое дѣло бѣду несетъ!»

— Своя воля!—отозвались изъ толпы.

Принесли парни и дѣвки соломы, вѣтокъ, бурьяну, разложили костерки отъ оврага къ рощѣ и стали съ разбѣгу прыгать, ухватясь руками и гадая: чьи руки разорвутся надъ огнемъ во время прыжка, тому въ тотъ годъ не вѣнчаться. Голоса стали звонче, шумъ и гамъ усиливались. Подошли новые парни, въ томъ числѣ люди Панчуковскаго.

— Э! съ вами бѣгать—горе наживемъ!—со смѣхомъ отнѣкивались дѣвки отъ исканій полковницкаго Абдулки и еще одного рыжаго парня.

Но на слова: «сударыня-боярыня, пожалуйте ручку!» руки подавались, какъ и другимъ. Нечего говорить, что въ это же время, какъ знакомцы и незнакомцы потѣшались въ виду подцерковной рощицы запретною игрой, поодаль къ двумъ курганамъ впотьмахъ подъѣхали и стали у оврага коляска и телѣга.

— Тише, тише! — распоряжался съ телѣги, не вставая, толстякъ Шутовкинъ.

Часть его подобранной шайки смѣшалась съ играющими, двое залегли на дорогѣ въ кустахъ, а Самусь, полковникъ и онъ самъ ждали у лошадей. Полковникъ, слегка блѣдный

отъ ожиданій, стоялъ, облокотясь о свою коляску, запряженную ухарскою скаковою четвернею, молча глядѣлъ въ темный воздухъ, въ рядъ мелькавшихъ огоньковъ и покручивалъ усы.

«Что-то нейдутъ, не слышно ничего! Какъ-то дѣло разъиграется? — думалъ Панчуковскій. — Утащить, схватить не шутка; да какъ уйти отъ погони? ихъ вѣдь не шестеро тамъ»...

Шутовкинъ только удушливо сопѣлъ и неподвижно съ огромной телѣги глядѣлъ вдаль, прислушиваясь къ игравшимъ у огней. Лошади стояли, опустя уши, и только изрѣдка вздрагивали, дремля и лѣниво переступая съ ноги на ногу. Многое думалось полковнику. Онъ вспоминалъ щегольской Питеръ, изящную гвардію, товарищей, оперу, разные прочитанные романы, разныхъ нѣжныхъ барышень, въ которыхъ еще недавно влюблялся, и соображалъ, какимъ разбойничьимъ и смѣлымъ дѣломъ теперь ему пришлось заняться: чистый Стенька Разинъ или, по крайней мѣрѣ, Казы-Магома и Шамиль, укравшіе Орбеліани и Чавчавадзе.

«Эхъ, край, — думалъ онъ: — чистый эдемъ!»

Не успѣлъ онъ раскинуться мыслями, какъ со стороны сторожки, лежавшей въ кустахъ, раздались голоса: — «шш... бѣгутъ!» — и въ то же время вдали у огней произошла какая-то сумятица и свалка.

Черезъ минуту Шутовкинъ и Панчуковскій услышали, какъ по полю, впотьмахъ, тяжело бѣжало нѣсколько человѣкъ, то останавливаясь, то опять ускоряя шаги, какъ бы борясь съ кѣмъ-то по дорогѣ. Вбѣжавъ въ кусты, эти лица ускорили бѣгъ, соединившись съ засадою. Еще черезъ секунду раздались и сдержанные крики: «Ой-ой! пустите, пустите», — и прямо къ телѣгѣ плотоядно-трепетавшаго Мосея Ильича съ-размаху была притащена бившаяся бѣлая фигура. Косы у нея были раскинуты, грудь распахнута, одежда изорвана.

— Душечка, душечка, перестань! перестань! — шепталъ Шутовкинъ, ловя ее съ телѣги впотьмахъ жадными, дрожащими руками, и едва изъ силъ выбившаяся прислуга свалила ее къ нему въ телѣгу, онъ закричалъ обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ: — погоняй, валяй! гони вскачь! бей!

И оба экипажа шарахнули по предварительному условію въ разныя стороны. Развязанные колокольчики зазвенѣли

и понеслись, то смолкая, то опять звеня и пропадая вдали. Они скакали безъ умолку, летя безъ дороги. Отскакавъ версты три, экипажи опять подвязали колокольчики и понеслись неслышно въ темнотѣ далѣе. Но среди нихъ нежданно появился, какъ бы также по условію, какой-то верховой и полетѣлъ съ колокольчикомъ въ рукахъ, звеня, въ третью противоположную сторону. Онъ уже сбилъ слушавшихъ окончательно.

Толпа играющихъ, между тѣмъ, едва могла опомниться отъ изумленія. Въ концѣ вереницы уже погасшихъ огней произошла безумная суматоха. Пробѣжала молва, что какой-то парень, крѣпко ухвативъ за руку дѣвку, потащилъ ее насильно.

— Не дави, пусти, а то брошу!—говорила она.

— Не бросай, скачи, а то не повѣнчаемся, какъ разорвемся!

Она засмѣялась и не вырвала руки. Пары побѣжали. Эти же двое вдругъ отдѣлились и побѣжали въ сторону, въ поле. Дѣвушка все еще смѣялась и отбивалась слегка. Но къ нимъ прибѣжали еще двое. Они скрылись въ темнотѣ. Раздались крики:

— Ой-ой, спасите, не пускайте!

Парни сбѣжались на то мѣсто.

— Кого это кто подхватилъ?

— Милованку, Милованку, дѣвку изъ колоніи!

— Кто же это?

— А бѣсъ его знаетъ!

Оглянулись, стали перебирать межъ собой, кто это недоброе такое затѣялъ. Смотрятъ — знакомые всѣмъ полковницкіе люди тутъ, и Абдулка между ними стоитъ и тоже мечется, будто ищетъ, кто бы это такое затѣялъ. А крики все дальше и дальше по полю...

— На коней, братцы, на коней! - закричала толпа парней.—Гдѣ наши кони? въ погоню за ними, отбивать! Бей ихъ, бей! Какъ! нашихъ дѣвокъ красть! Бей... души ихъ!..

Парни кинулись на пастбищный лугъ за лошадьми, поскакали верхами по звуку колокольчиковъ, а другіе побѣжали пѣшкомъ въ стороны.

— Садись и ты на коня!—кто-то крикнулъ Абдулкѣ.

— У меня свой тутъ,—отвѣтилъ тотъ и поскакалъ также. У него былъ за пазухой колокольчикъ. Влетѣвъ въ степь,

онъ вынулъ его, зазвенѣлъ имъ, повернулъ коня назадъ и сбилъ этимъ дружную погоню. Ему это было не впервые: закубанскій татаринъ, онъ еще недавно набивалъ руку на подобныхъ наѣздахъ.

Костры, между тѣмъ, стали потухать сами собой, дѣвки разбѣжались первыя.

— Пойдемъ и мы, тетка, скорѣе домой! вотъ страсти!— говорила напуганная Оксана теткѣ Горининѣ, между тѣмъ сильно подгулявшей съ какими-то солдатами, тутъ же у пруда, и едва волочившей ноги.

— Охъ, бабо! скорѣе, скорѣе, пойдемъ! да ну-те же, двигайтесь шибче! вотъ засидѣлись тутъ! а неравно батюшка пріѣхалъ: что тогда намъ будетъ? Скорѣе, скорѣе, скорѣе! вотъ страсти! я сама вся мертвая!..

— И, моя кралечко, а такъ-таки ничего; сказано: повеселились, ну, и все тутъ!— отвѣчала Горинина, сильно пошатываясь, при помощи Оксаны спускаясь въ оврагъ и въ рощу и безпрестанно спотыкаясь.

Оксана ее поддерживала, пугливо къ ней прижимаясь и въ ужасѣ вглядываясь въ темныя, будто враждебныя ей, вѣтви ракитника.

А въ темнотѣ теплой чудной ночи то тамъ, то здѣсь носились какіе-то шорохи, свистъ раздавался, топотъ конскій звучалъ, крики издали проносились, и ни одна звѣздочка не освѣщала темной, непроглядной ночи. Байракъ замолкъ. Зазвенѣлъ еще гдѣ-то за холмами колокольчикъ, зазвенѣлъ и опять затихъ. Молчала вся таинственная, и обворожительная новороссійская ночь...

«Господи! выручать ли они ее?»—подумала, перекрестившись, Оксана.

Плетень затрещалъ подъ ея рукою. Она перелѣзла во дворъ и отперла ворота.

Введя тетку Горинину въ кухню, Оксана уложила ее тотчасъ спать. Сама она не рѣшилась лечь, по лѣтнему обычаю, на дворѣ, на крыльцѣ, а тоже легла въ кухнѣ, заперла двери на замокъ, и, наскоро помолившись, свернулась, еще дрожа отъ неожиданныхъ страховъ, и стала думать: «Вотъ страсти, такъ страсти! Боже! Боже! гдѣ-то теперь мой Харько? И батюшки нашего до сихъ поръ еще нѣту! Что это значитъ? Господи, спаси насъ и помилуй!..»

Оба экипажа, верстъ за шесть, опять съѣхались. Продолжалъ скакать въ противную сторону одинъ Абдулка, сбивъ погоню парней.

— Поздравляю, Мосей Ильичъ! — сказалъ Панчуковскій, доскакавъ до осиновой рощицы и выпрыгнувъ изъ коляски.

— Спасибо, Владиміръ Алексѣичъ! — отвѣчалъ тотъ, протягивая впотьмахъ Панчуковскому толстую руку и ловя его за плечи. — Позвольте васъ обнять! Эта роща, эти осинки останутся у меня навсегда памятны...

Похищенная колонистка сидѣла молча, тяжело дышала и не поднимала отъ колѣнъ лица. Она была связана вожжами.

— На заводъ! — крикнулъ кучеру Шутовкинъ: — благодарю еще разъ, полковникъ. Я у васъ въ долгу. Пошелъ!

— Будьте счастливы!

Тройка Шутовкина выбралась снова изъ лощинки въ гору, отъ условленнаго мѣста свиданія, отъ осинокъ, и поскакала по пути къ салотопенному заводу Мосея Ильича, бывшему отъ его собственнаго, незаселеннаго помѣстья верстахъ въ пятнадцати. Тамъ Шутовкину предстояло, среди уединеннаго, почти пустого лѣтомъ, хутора, какъ новому рыцарю Теобальду, склонить или не склонить на свою сторону сердце похищенной имъ новой Элеоноры...

Панчуковскій, между тѣмъ, стоялъ впотьмахъ, въ раздумьѣ, у осинокъ. — «Завтра надо ѣхать на торги!» — мыслилъ онъ: — «все хлопоты и хлопоты, а счастье все какъ будто за горами! Гдѣ же оно? Гдѣ? Что, какъ бы теперь же и мою?..» — И духъ у него замеръ. Онъ прошелся раза два у коляски. Вѣрный Самусь оправлялъ лошадей. Чужая удача охмелила полковника.

— Самусь!

— Чего угодно?

— Абдулки еще не слышно?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А скоро будетъ сюда, какъ думаешь?

— Должно-статься, скоро.

Панчуковскій сталъ вслушиваться. — «Да или нѣтъ?» — думалъ онъ съ тревогой въ сердцѣ, вдыхая нѣжный запахъ хлѣбовъ и травъ и тихо похаживая возлѣ коляски. — «Ѣхать ли на торги, или и мнѣ порѣшить теперь же, въ эту ночь, съ моею красавицей, задуманное, желанное, небывалое, еще и неиспытанное мною?.. Нѣтъ, это будетъ слиш-

комъ дерзко! Я-то ужъ никакъ не уйду отъ преслѣдованія. Меня узнаютъ, отыщутъ ее... А чудная, чудная дѣвушка! Нѣтъ, нѣтъ... Ѣду на торги, отсюда же прямо ѣду... Вѣдь сорокъ верстъ».—Самусь!—сказалъ онъ, и не успѣлъ услышать отвѣта, какъ со стороны осинокъ изъ-за косогора послышался еще отдаленный, а потомъ близкій топотъ лошади, бѣжавшей вскачь.

— Абдулъ-съ Албазычъ! — сказалъ Самуйликъ: — это онъ-съ...

Панчуковскій выждалъ, встрѣтилъ Абдулку, сѣлъ на-земь, велѣлъ къ себѣ ближе подойти Абдулкѣ и Самуйлику и сказалъ:

— Такъ какъ же, ребята? А нашему дѣлу развѣ пропадать, а?

— Нашему-то?—спросилъ Абдулка, стирая съ лица потъ.

— Да.

— Ну, нашему и подавно, ваше высокоблагородіе, не слѣдствуетъ пропасть! Полагать должно, что и намъ не приходится зѣвать.

Полковникъ досталъ изъ коляски припасенную флягу водки, далъ кучеру и слугѣ по стакану, далъ имъ закусить изъ собственнаго складня, выпилъ самъ и закурилъ сигару.

Лошадямъ дали вздохнуть, попасли ихъ съ часъ на травѣ. Полковникъ легъ на разостланномъ коврикѣ и думалъ: — «вотъ край! вотъ мѣста, эта Новороссія! разсказать бы о нихъ нашимъ питерскимъ! О, какое раздолье во всемъ! Что за ночь, какіе чудные таинственные романы она здѣсь покрываетъ?»

Панчуковскій велѣлъ готовиться въ путь. Лошадей опять запрягли. Онъ сѣлъ въ коляску, а Абдулка поѣхалъ за нимъ верхомъ. Всю дорогу говорили они шопотомъ, ѣхали шагомъ.

Ночь, между тѣмъ, будто еще болѣе стемнѣла. Въ первый разъ уже прокричали пѣтухи. Мѣсяцъ въ то время показывался только передъ самымъ утромъ. На дворѣ отца Павладія все было спокойно. Тетка Горпина крѣпко спала въ сѣняхъ кухни, оглашая ихъ изрѣдка храпомъ. Оксана нарочно ее положила спать на порогѣ, у выхода изъ сѣней на крыльцо, а дитя Горпины положила въ кухнѣ. Самой Оксанѣ долго не спалось, какъ она ни мостилась для этого.

Ужъ она передумала съ полкороба и о Харькô, и о томъ, что онъ обѣщался явиться вскорѣ послѣ Троицына дня. Перекидывала она въ мысляхъ картины ожидаемой своей свадьбы: какъ она одѣнется, какъ пойдетъ въ церковь, какъ на нее люди будутъ смотрѣть, а ей жутко, и весело, и страшно. — «Что, какъ бы Левенчукъ пришелъ въ эту самую ночь?..—неожиданно подумала она:—вотъ бы до смерти обрадовалъ, и эти страхи прошли бы сейчасъ! Да что я, въ самомъ дѣлѣ, какая-таки я дура! Гдѣ ему теперь шляться по ночамъ; онъ на неводахъ»...

Оксана съ этою мыслью повернулась къ стѣнѣ, сжала глаза и рѣшилась окончательно заснуть, какъ въ сѣняхъ скрипнула половица.—«То вѣрно тетка Горпина проснулась и ищетъ воды съ похмелья напиться!»—рѣшила она. Шаги опять раздались ужъ подъ окномъ, и послѣ кто-то взялся за ручку двери, подумалъ, что она вѣрно заперта снутри, и затихъ...

— «Левенчукъ!»—мысленно рѣшила Оксана и быстро въ восторгѣ вскочила съ постели. Ей стало вмѣстѣ и страшно, и радостно. Ознобъ пробѣжалъ по ея спинѣ. Дыханіе замерло. Она въ одной рубашкѣ подбѣжала къ окну: какъ ни темно еще было на дворѣ, но въ сумеркахъ ей показалось, что какія-то двѣ тѣни прошли по двору. Мысль о возвращеніи дьячка и отца Павладія, а потомъ вдругъ о ворахъ, мигомъ блеснула въ ея головѣ. Какъ была, раздѣтая, она кинулась за печь, постояла, вся дрожа отъ испуга, а потомъ стала нàскоро одѣваться.—«Чтô, какъ придутъ и зажгутъ огонь, а она раздѣтая! И кто бы это былъ? Какъ спокойно ходитъ по двору! Вѣрно, батюшка, да сердитый пріѣхалъ! Достанется и мнѣ теперь!» — Нàскоро накинула она юбку, стала подвязывать вкругъ головы косы и въ ужасѣ ахнула. Дверь быстро отворилась, и съ зажженною восковою свѣчею въ кухню вошли блѣдный и взволнованный Панчуковскій и сіяющій Абдулка. Оксана сразу не успѣла сознать всей опасности своего положенія; но въ первый же мигъ узнала и свѣчу, взятую у кіота въ комнатахъ отца Павладія, и вспомнила, что даже спички тамъ на столикѣ лежали. — «А гдѣ тетка Горпина?»—подумала она, глупо запахивая рубаху и прижавшись за притолокъ печи. Но свѣчу вошедшіе сейчасъ задули, едва окинувъ глазами кухню.

— Что вамъ?—тихо спросила Оксана изъ-за угла печи, не зная въ лицо пришедшихъ и слыша, что они къ ней идутъ.

Ее мигомъ впотьмахъ схватили двѣ крѣпкія руки и стали вязать. Она крикнула сперва: «тетка! тетка Горпина!»—силясь отбиться; но вслѣдъ затѣмъ крикнула громче, по мѣстному обычаю:—«кто въ Бога вѣруетъ, ратуйте!»—Не долго съ нею боролись полковникъ и Абдулка. Они завязали ей ротъ, стянули вожжею ей ноги и руки, и бережно, тихо перешагнувъ чрезъ тетку Горпину, понесли ее дворомъ черезъ плетень и церковною оградою и лощиной оврага вышли къ пруду и къ рощѣ. — «Это удивительно!» — думалъ Панчуковскій, неся Оксану и передавая ее Самуйлику: — «какъ спокойно и безпрепятственно унесли мы эту драгоцѣнность отца Павладія! И арбузовъ по ночамъ съ бакши такъ счастливо не воруютъ тутъ ребятишки!» — «Вотъ же вамъ, ребята, пока по червонцу; а доставимъ до мѣста, будетъ еще по два!» — сказалъ полковникъ, уложивъ въ коляску Оксану, и самъ сталъ моститься къ ней. Вопреки Шутовкину, дрожавшему при покражѣ своей красавицы, полковникъ былъ совершенно спокоенъ.

— А старуху, ваше высокоблагородіе, ослобонить? — спросилъ Абдулка.

— Развяжи ее, освободи!

Абдулка сбѣгалъ обратно во дворъ отца Павладія, обошелъ снова всѣ комнаты священника, поставилъ на мѣсто къ кіоту свѣчу, заперъ всѣ двери, снялъ веревку съ ногъ и съ рукъ тетки Горпины, нечувствовавшей съ похмелья ничего бывшаго въ ту ночь съ нею, перешагнулъ опять чрезъ нее и снова побѣжалъ къ коляскѣ.

— Что ты такъ долго былъ тамъ?

— Жаль было веревки; это, ваше высокоблагородіе, на нее съ новыхъ постромокъ захватилъ!

Коляска, подхваченная быстрою четвернею, понеслась легче вѣтра. Теперь обычай полковника, ѣздить не иначе какъ вскачь, особенно пригодился.

— А мнѣ куда?—спросилъ, провожая барина, Абдулка.

— Ты ступай домой. Да смотри, молчи обо всемъ!

— Слушаю-съ, будьте спокойны.

Исторія вышла громкая, но ея драма завершилась еще

нежданнымъ отступленіемъ. Толпа подпившихъ у ранштика парней погналась, по слуху, за колокольчиками, отбивать похищенную колонистку. На дальнемъ перекресткѣ у мостка, надъ дрянною мочажинкою, поросшею вербами, [illegible] наскочили на какого-то верхового. Крики: — «бей, Сел! души ихъ, лови!» —его испугали. Онъ притихъ на сѣдлѣ и вздумалъ-было ускакать въ сторону отъ мостка къ вербамъ.— «А, сюда! вотъ онъ! держи его!»—заорала толпа, и пойманный сю верховой былъ стащенъ съ лошади.— «Кто ты? гдѣ она? гдѣ вы ее дѣвали?» — горланили парни. — Почтенный другъ Вебера, арендаторъ Адамъ Адамычъ Шваберъ (это былъ онъ) трухнулъ не на шутку. Онъ ѣхалъ также съ тайнаго свиданія, отъ одной молочанской вдовы изъ раскольниковъ, бережно хранимой имъ отъ своей супруги и отъ всѣхъ, и теперь испугался вдвойнѣ и того, что его окружила толпа пьяныхъ, и того, что могли открыть его похожденія. Онъ сталъ запираться, что ничего не знаетъ и не видѣлъ.

— Да что его слушать! Бей его! Розогъ сюда, [illegible] — гаркнула пьяная толпа. Съ почтеннаго отца семейства стащили зеленую куртку, сбили съ него шляпу, положили его на траву и всыпали ему сотню вербовыхъ, да такихъ, что лучше бы и не вспоминать этого.

— Ну, теперь, дядюшка, ступай и не поминай насъ лихомъ! Можетъ, и не ты, а все-таки по-дѣломъ!

Изумленный, огорченный и до смерти напуганный Шваберъ остался одинъ, одѣлся, съ трудомъ снова взлѣзъ на коня, едва добрался до своего домика, охая вошелъ въ комнаты и легъ спать въ кабинетѣ вмѣсто спальни. До утра онъ проплакалъ и мысленно ругался на всѣ лады. Но событіе той ночи онъ положилъ скрыть отъ всѣхъ и скрылъ, какъ серьёзный и честный нѣмецъ.

Купецъ Шутовкинъ, помѣстивъ свою Дульцинею на салогоненномъ заводѣ, въ пустой хатѣ, подъ стражей двухъ вѣрныхъ слугъ, до того забылся въ своемъ счастьѣ, что, несмотря на дѣтей, сталъ къ ней ѣздить явно, среди бѣла дня, проводя у ней цѣлыя сутки и дрожа надъ ея бѣлымъ, молодымъ тѣломъ, какъ ревнивый турокъ. Онъ забылъ и дѣтей своихъ, и пересуды всего околотка. Скандалъ вышелъ въ окружности общій, небывалый. Всѣ костили грѣшнаго

сластолюбца, на чемъ свѣтъ стоялъ. Процѣживали сквозь сотни ситъ каждую вѣсточку о его переѣздахъ къ ней, о томъ, какъ черезъ какой-то неглубокій ручеекъ онъ по ночамъ пробирался къ своей красавицѣ, несмотря на собственную тучность, на особо-устроенныхъ ходуляхъ; какія ей давалъ имена, какъ велъ себя у нея. Это все уже мигомъ узнали пытливые умы. Только, какъ обо всемъ обычномъ, объ этомъ также говорили недолго. Прошла молва, что болгары той колоніи, откуда была эта дѣвушка, ходили жаловаться въ станъ, а потомъ въ судъ; ходили и къ самому купцу, — но кошелекъ точно произвелъ свое: угомонился и становой, и судъ, и грозные обрусѣлые болгары, и сама похищенная. Черезъ три недѣли она свободно усѣлась въ фургонъ Мосея Ильича и открыто переѣхала къ нему въ домъ, на новое диво всѣхъ новороссійскихъ его сосѣдей, дѣтей и ихъ учителя, студента Михайлова.

Зато съ Оксаной была другая исторія. Оксана какъ въ воду канула. Прискакали на другой день безъ памяти отецъ Павладій и дьячокъ; они все узнали еще дорогою и накинулись на дьячиху.

— Гдѣ Оксана?

— Не знаю; такъ и такъ, попритчилось!

Дьячокъ схватилъ старую Горпину за сѣдыя косы и сталъ бить ее и мотать по хатѣ. Священникъ обезумѣлъ отъ горя.

— Что-жъ дѣлать! Бейте, не бейте, а я не знаю; пропала моя душа!—стонала подъ жестокими ударами дьячиха Горпина.

— Да гдѣ же ты была, подлецъ-баба? гдѣ была?—допытывалъ дьячокъ.

— Что же! напоили люди, солдаты какіе-то у пруда... Я была съ нею тамъ, а послѣ заснула въ сѣняхъ, а тутъ и попритчилось!

— А! солдаты у пруда! Иди же сюда... — Дьякъ заперъ жену въ чуланъ, пыталъ, но ничего не открылъ. Не могъ ничего открыть и отецъ Павладій...

«Ту, положимъ, укралъ купецъ; а эту? Панчуковскій? Такъ нѣтъ же; онъ еще съ утра уѣхалъ за Донъ».

Такъ думалъ священникъ.

И точно, самого Панчуковскаго во время пропажи Оксаны дома не было. Это знали всѣ. Черезъ три дня онъ воро-

тился изъ-подъ Ростова, гдѣ его видѣли всѣ, какъ онъ тамъ былъ и спокойно торговался о степи. Шульцвейнъ уступилъ. Панчуковскій надбавилъ большую цѣну и взялъ у владѣльцевъ степь себѣ.

Куда же помчалась коляска полковника, въ концѣ ночи, огласившей тихіе и уединенные берега Мертвой двумя похищеніями? Очень просто: Панчуковскій увезъ свою плѣнницу на арендуемую имъ у одной донской помѣщицы землю, оставилъ ее тамъ подъ надзоромъ Самуйлика, а самъ съ другимъ батракомъ, сторожившимъ его уединенную пустку (хижинку между двумя овчарскими загонами и чабанской хатой), поспѣшилъ на торги. Оксана была спрятана за перегородкой. Въ ожиданіи барина, услужливый Лепорелло предлагалъ ей ѣсть и пить, но она упорно отъ всего отказалась и ничкомъ на кровати пролежала до вечера. Подъ-вечеръ полковника обратно примчала бойкая четверня. За повозкой ѣхалъ и знакомый фургонъ Шульцвейна; но его хозяинъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Панчуковскимъ и съ нимъ вошелъ въ пустку, продолжая по-нѣмецки разговоръ и споръ о перебитой у него арендѣ. Оксана слышала все изъ-за перегородки и не рѣшалась отозваться. Она считала гостя за пріятеля своего похитителя и не знала, что этотъ самый гость первый ему когда-то сказалъ о ней и первый любовался воспитанницей отца Павладія. Посидѣлъ немного Шульцвейнъ, понюхалъ табачку, спросилъ еще разъ со вздохомъ: — «такъ вы не отдадите мнѣ этой степи и за отступное?»—получилъ отказъ и взялся за шапку.

— Вы слышали,—спросилъ колонистъ, выходя на крыльцо и продолжая рѣчь по-нѣмецки:—вы слышали,—тамъ на торгахъ, какъ вы уже ушли къ хозяевамъ, пріѣхалъ купчикъ съ Мертвой и привезъ извѣстіе—странное извѣстіе—о покражѣ сегодняшнею ночью двухъ дѣвушекъ, возлѣ рощи вашего сосѣда, священника, и будто одна изъ похищенныхъ та самая воспитанница священника, о которой я вамъ когда-то, помните, говорилъ?

— Нѣтъ, не слыхать! — отвѣтилъ полковникъ, бережно запирая за собою двери.

— Жаль, — сказалъ, уѣзжая, Шульцвейнъ: — такихъ господъ,—это навѣрное наши помѣщики, либо офицеры-горожане,—ихъ бы давно пора остановить... Это скверно, подло! Прощайте! Напишите мнѣ, кто это.

— Прощайте! съ удовольствіемъ!

Колонистъ уѣхалъ. Панчуковскій отослалъ людей на овчарню, вышелъ, осмотрѣлъ кругомъ свою пустку, вошелъ туда обратно, заперъ за собою двери, постоялъ въ сѣняхъ и тихо ступилъ за перегородку. Оксана сидѣла, спустя голову на связанныя руки.

Между тѣмъ, пора, назначенная Левенчукомъ для послѣдняго выкупа Оксаны, давно прошла. Отецъ Павладій ходилъ по комнатѣ, заложа назадъ руки, выглядывалъ въ степь, подходилъ къ байраку, къ пруду:—«вотъ здѣсь она бѣлье мыла, тутъ часто шила, птицу стерегла. Ахъ, подлецъ же, подлецъ Панчуковскій! что выкинулъ! Это онъ, онъ, больше некому. Звѣрь-кровопійца, и по звѣриному запропастилъ ее безъ слѣда!»—Такъ думалъ отецъ Павладій, и сердце уже не манило его по обычаю пойти запереться въ спальнѣ, перебирать и считать депозитки новыхъ барышей. За то же онъ насѣдалъ на литературу. По цѣлымъ днямъ читалъ новые московскіе и петербургскіе журналы, а на книгу «Сельское духовенство въ Россіи» сталъ даже разборъ писать, охая, сопя и не зная, гдѣ лучше выбрать студеное мѣстечко въ домѣ для работы. А кругомъ наступала послѣдняя знойная, душная пора уборки хлѣбовъ.

Разъ привезъ попу дьячокъ изъ города почту. Онъ кинулся прежде на газеты, единственную роскошь своего пустыннаго и глухого степного быта.

— Боже, опять публикація о бѣглыхъ! Экъ, ихъ сколько! Когда-то этому конецъ будетъ?

И онъ сталъ читать, наскоро разрывая пакеты херсонскихъ, таврическихъ, донскихъ и прочихъ мѣстныхъ вѣдомостей.

— Послушай, Фендриховъ, — говорилъ онъ дьячку, степенно стоявшему у дверей:—вотъ что пишутъ. Дай-ка платокъ носовой... да трубочку набей... за табакомъ надо съѣздить... Слушай, вонъ въ таврическихъ пишутъ: «Оное же правленіе извѣщаетъ, бѣжалъ въ третій разъ, четыре года назадъ, макарославской губерніи, южнобайрацкаго уѣзда, дворовый человѣкъ помѣщика Студнычепка, Василій Милороденко, онъ же по прозвищамъ въ бѣгахъ: Александръ Дамскій и Аксенъ Шкатулкинъ. Бѣжалъ онъ, обвиняемый

въ сообществѣ съ нахичеванскими армянами, дѣлавшими фальшивыя ассигнаціи, и въ подделкѣ для придонскихъ пристаней бѣглымъ же людямъ всякаго званія паспортовъ. Примѣты ему: носъ, ротъ, подбородокъ и уши умѣренные, глаза каріе, волосы и усы темнорусые. Особыхъ примѣтъ не имѣется. Говоритъ хорошо по-русски, веселаго нрава, вѣжливъ и выдаетъ себя иногда за человѣка высшаго круга; болѣе нанимается въ лакеи и въ приказчики, а въ часы загула ходитъ по шинкамъ и сборищамъ, съ бубномъ, играя на немъ за деньги. Почему оное правленіе, ведя дѣло о паспортахъ и фальшивыхъ ассигнаціяхъ, нашедшему или указавшему его обѣщаетъ дать приличное вознагражденіе и покорнѣйше проситъ всѣ подлежащія присутственныя мѣста не оставить»... и проч.

— А? Фендриховъ! слышишь?

— Слышу-съ, ваше преподобіе! Подло-съ.

— Вѣдь это тотъ самый Милорòденко, другъ Левенчука, что̀ и у насъ на подцерковной два года назадъ косилъ? Какъ ты думаешь?

— Тотъ-съ; я его еще съ двора прогналъ тогда; къ нашей Оксанѣ еще, безобразный человѣкъ, тогда подбирался, ваше преподобіе...

— Эхъ, Оксана, Оксана!.. Да ты слышишь—фальшивыя ассигнаціи дѣлалъ и паспорты... А это вѣдь каторгой пахнетъ! А кажется, и хорошій человѣкъ. Повторяю тебѣ, Левенчукъ ему еще и пріятель; онъ сказывалъ, что этотъ Милорòденко на дворянкѣ будто былъ гдѣ-то женатъ... Да гдѣ-то, Фендриховъ, и Левенчукъ теперь?

Дьячокъ вздохнулъ.

— Да-съ, срокъ-съ подходитъ! на-дняхъ, полагать должно, онъ вынырнетъ гдѣ-нибудь, Оксану потребуетъ, либо деньги, выкупъ назадъ.

— Что деньги! не въ деньгахъ дѣло! не ихъ, братецъ ты мой, жаль! Жаль парня; хорошій человѣкъ! Вѣдь голову потеряетъ, руки на себя наложитъ, узналъ ужъ я его, что̀ за человѣкъ. Какъ онъ надежды эти строилъ — поселиться за Кубанью или въ Бессарабіи хотѣлъ, а ужъ Оксану-то любилъ онъ, любилъ... Подло, Фендриховъ, Панчуковскій поступилъ! Не убоялся таганрогской исторіи!

— Подло-съ, распреподлѣющій и развратный человѣкъ, и только-съ. Сказано, смердъ собачій, а не людъ Божій!

Я бы ему голодному въ голодъ, али прозябшему въ морозъ, въ метель—хлѣба, мѣста теплаго не далъ; я бы ему больному...

Въ это время въ сѣняхъ скрипнули двери. Дьячокъ насторожилъ уши, шмыгнулъ туда, посмотрѣлъ, вошелъ въ сѣни, поговорилъ съ кѣмъ-то и явился въ комнату смущенный.

— Ваше преподобіе! тамъ отъ этого самаго Панчуковскаго-съ, отъ полковника пріѣхали!

И такова сила богатаго человѣка въ свѣтѣ: какъ ни бранили полковника эти люди, а появился простой посланный отъ него, и они потерялись.

Отецъ Павладій засуетился: оправился, даже прежде надѣлъ подрясникъ и вышелъ къ пріѣхавшему. Сначала онъ смѣшался, увидя, что это лакей.

— Чтò тебѣ, любезный?—спросилъ радушно отецъ Павладій, не поднимая глазъ на посланнаго.

— Полковникъ прислали просить газетъ, что вы получаете, — на день только, говорятъ, отъ скуки почитать! — отвѣтилъ Абдулка (это былъ онъ).

Священникъ задумался.

«Странно, — подумалъ онъ: — до сихъ поръ ни разу не просилъ; или онъ прикидывается, чтобъ показать, что совѣсть чиста, или, въ самомъ дѣлѣ, не онъ укралъ Оксану?— Такъ гдѣ же она и кто ее укралъ?..»

Онъ вынулъ платокъ, самъ не зная для чего, повертѣлъ его, высморкался.

— Такъ ты говоришь, что ему нужны газеты?

— Точно такъ-съ.

Отвѣчая это, Абдулка бойко поглядывалъ по сторонамъ, какъ бы обнюхивая, въ какомъ положеніи находятся стѣны здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ свободно ходилъ и ставилъ обратно свѣчку.

Священникъ вертѣлъ въ рукахъ платокъ.

— Это ему читать?

— Читать-съ.

— Стало, онъ дома? Это скучаетъ онъ, значитъ?

— Дома-съ.

— Онъ чтò дѣлаетъ?

— Извѣстное дѣло, баринъ! Больше пишутъ-съ, лежатъ

на диванѣ, или приказы отдаютъ, либо курятъ... У насъ тоже гости бываютъ.

— Кто же?

— Господа Небольцевы, нѣмецъ Шульцвейнъ опять насчетъ степи наѣзжалъ...

— А онъ ѣздитъ куда?

— Какъ не ѣздить! Въ поле ѣздятъ на работу; такъ куда-нибудь, въ гости...

Священникъ обратился къ дьячку, у котораго ротъ съ пріѣздомъ Абдулки какъ открылся, такъ и остался.

— Газеты, Фендриховъ, на столѣ лежатъ?

— На столѣ.

— Всѣ тамъ лежатъ?

— Всѣ.

— Ну, такъ ты ему это дай; а ты, видишь ли, любезный, полковнику кланяйся и скажи ему отъ меня... слышишь? отъ меня скажи: очень радъ, да чтобъ только листочковъ тамъ не помяли.

— Будьте покойны-съ.

— А косари по чемъ? — нежданно и уже безъ всякой причины брякнулъ старикъ.

— По трехрублевику-съ въ день и по порціи.

— Ай, батюшки! вотъ ломятъ! Ну, да я по трехрублевику не достану, гдѣ намъ!

Посланный уѣхалъ. Священникъ вошелъ въ комнату, сталъ передъ дьячкомъ, отеръ крупный потъ съ лица и разставилъ руки, а потомъ ударилъ себя по лбу:

— Вотъ опростоволосился! И чего я такъ его почтилъ? Что, братъ Фендриховъ, а? Каковъ тузище?..

Дьячокъ махнулъ рукой и зарычалъ:

— Голодному ли, въ морозъ ли, больному ли, а я бы ему отказалъ! Развратникъ, антихристъ! это онъ, другому некому, я ужъ знаю! Экъ, анаѳема! И еще за газетами къ намъ же... Тьфу! и сраму имъ нѣтъ.

Газеты полковнику отвезены, но онъ ихъ бросилъ не читавъ и, слѣдовательно, не имѣвъ случая узнать, кого разъискиваютъ изъ новыхъ бѣглыхъ, за чѣмъ онъ прежде всегда слѣдилъ, между прочимъ. Когда священникъ получилъ обратно газеты, онъ замѣтилъ, что полковникъ ихъ вовсе не читалъ. Онѣ были въ томъ же положеніи, какъ сложилъ онъ ихъ, отправляя.

«Странно!—подумалъ священникъ:—такъ и есть, онъ ихъ бралъ, чтобъ только видъ показать, что его совѣсть противъ меня чиста. Но съ бѣглыми какъ бы онъ теперь не попался»...

VIII.

Плѣнница.

Между тѣмъ, какъ Мосей Ильичъ Шутовкинъ, поручивъ своихъ дѣтей Михайлову, съ незапамятнымъ порывомъ отдался позднимъ опытамъ любви и плотоядно увеселялся въ компаніи своей красавицы, а Михайловъ, предоставляя малымъ птенцамъ клевать не одни зерна науки, но и всякія другія зерна, благодушно аферировалъ съ мелкими окрестными торгашами, — въ это время буквально никто въ околоткѣ не зналъ, куда дѣлась вторая красавица. Таковы уже степи. Кто укралъ, догадывались сначала немногіе; но потомъ и эти бросили свои догадки и почти перестали вовсе судить о нихъ. Да и не къ тому повернулись въ ту пору общіе толки и мысли. Въ это время подходила жатва пшеницы; пшеница начала уже осыпаться, всѣ хватались за серпы и косы, а между тѣмъ носились тревожные слухи о саранчѣ, что будто гдѣ-то, не то съ Дону, не то изъ Крыма, она летѣла и близилась. Съ трепетомъ поглядывалъ Панчуковскій на свой громадный, рисковый, тысячедесятинный посѣвъ пшеницы. Онъ частенько показывался на балконѣ верхняго яруса своего дома и, куря душистую кабанасъ или фуэнте́съ, всматривался въ далеко-волнующіяся сухимъ шорохомъ хлѣбныя нивы.

— По чемъ у васъ въ конторѣ объявлена цѣна за съемку десятины пшеницы? — подобострастно спрашивали полковника мелкіе сосѣди его, изъ небогатыхъ дворянчиковъ.

— Дорого-съ,—говорилъ, надменно подшучивая, новороссійскій янки:— по девяти цѣлковыхъ за десятину, скосить только и сложить въ копны! Осточертѣла мнѣ совсѣмъ эта пшеница своими анаоемскими расходами!

— А! по девяти цѣлковыхъ за одно это? вотъ сказать бы это въ Питерѣ!

Сосѣди ухмылялись улыбочками голодныхъ собакъ, но втайнѣ трепетали, что имъ надо будетъ то же платить.

Но гдѣ же Оксана? Куда запряталъ ее Панчуковскій съ

той поры, какъ ее завезъ-было на свой хуторъ подъ Ростовомъ? Никто этого не зналъ и не вѣдалъ.

Знали сосѣди, что точно полковникъ ѣздилъ въ день пропажи Оксаны на торги, былъ тамъ съ Шульцвейномъ и черезъ три дня воротился. Сталъ онъ потомъ ѣздить всюду, попрежнему, разговорчивый, степенный, веселый и вмѣстѣ серьезный, плѣняя всѣхъ своимъ нарядомъ, обращеніемъ, прической и даже щегольскими ногтями. Глянетъ, по отъѣздѣ его, на свои лапищи и на навозо-подобные ногти какой-нибудь Веберъ или Шваберъ, или сосѣдъ-плантаторъ изъ русскихъ же, разсмѣется и плюнетъ на полъ, неметенный ужъ двѣ недѣли по поводу полевыхъ работъ.

— И когда у этихъ господъ,—замѣчаетъ иной изъ нихъ:—времени станетъ еще на такое продовольствіе ручекъ и ногтей! Тутъ некогда иной разъ головы вычесать, бороды побрить; рубаху одну по недѣлямъ въ степи таскаешь, такъ что послѣ жена и въ спальню къ себѣ не подпускаетъ! А онъ? Это непостижимо! и дѣла какъ будто идутъ еще лучше нашего! Вонъ и Шульцвейна, говорятъ, осилилъ... непостижимо!

«Сказать бы опять, что полковникъ, если бы похитилъ точно дѣвушку,—думали иногда сосѣди:—то ворота бы затворялъ въ свое жилище; а то нѣтъ: всякій входитъ туда и выходитъ оттуда свободно!»

Стѣны дѣйствительно были высоко выведены, не взлѣзешь безъ порядочной лѣстницы на нихъ ни снутри, ни снаружи. На воротахъ висѣли огромные замки. Снутри они еще запирались прежде на ночь на желѣзные засовы, а теперь стояли постоянно настежь. Въ кухонный флигель, единственное зданіе, кромѣ конюшни, внутри главнаго двора (остальныя зданія: рабочія, кузница, овчарня, скотные сараи и токъ были за дворомъ въ полуверстѣ), также всѣмъ позволялось ходить. Въ самомъ домѣ, наконецъ, внизу и вверху окна были, какъ всегда, не закрыты ставнями. Въ нижнихъ окнахъ, подъ полуопущенными бѣлыми жалюзи, отороченными алыми фестонами, часто показывалась красивая русая голова владѣльца. Слуга, поваръ, кучеръ и приказчики отдѣльныхъ частей, являясь изъ кухни и изъ задворныхъ строеній, такъ же свободно входили въ домъ за приказаніями и по дѣламъ домашняго обихода. Однажды только въ это время полковника сильно огорчили нѣкоторымъ гро-

мовымъ извѣстіемъ. На степь, перебитую имъ для своихъ овечьихъ стадъ у Шульцвейна на торгахъ, налетѣла съ Кубани саранча и въ два дня съѣла всѣ камыши и травы.

— Оборвалось!—сказалъ Панчуковскій:—ну, да за то же нѣмца въ пыль стопталъ!

И стада, вышедшія-было изъ его хуторовъ на новыя приволья, возвратились снова назадъ. Зато домашнее счастье выкупало теперь всякія потери; да и ожидался сборъ съ баснословнаго въ краѣ посѣва пшеницы.

«Сто тысячъ дохода за-глаза!—думалъ полковникъ:— за-глаза!»

Часто подъ-вечеръ, высунувшись изъ окна кабинета въ тѣнь на воздухъ, когда солнце уже переливалось за другую часть красиваго двухъэтажнаго дома, кидалъ онъ на дворъ просо и кормилъ изъ своихъ рукъ голландокъ, кохинхинокъ, хохлатыхъ разнородныхъ куръ собственнаго завода, или сманивалъ къ крыльцу, швыряя гарнцемъ крупы, цѣлыя стаи голубей, водившихся на крышѣ каменной конюшни. Голуби кружились, садились по двору стадами или, насытившись у крылечка, вились надъ большими тополями, осѣнявшими домъ до верхушекъ оконъ второго этажа, полузакрытаго ими. Ходила возлѣ куръ и голубей, ухмыляясь въ счастьѣ и въ гордости хозяйки, одна подслѣповатая батрачка, шестидесятилѣтняя добродушная корга, Домàха, также изъ бѣглыхъ. Въ бѣгахъ она пребывала уже болѣе сорока лѣтъ, мыкалась во многихъ мѣстахъ и была рада, что сперва пристроилась въ Новой-Диканькѣ кухаркою нанятыхъ рабочихъ, потомъ коровницей и, наконецъ, птичницей. Домаха была совершенно сѣдая и даже съ сѣдыми, кустоватыми бровями, отмѣнно шедшими къ ея темно-оливковому, южному, морщинистому лицу. Она постоянно гдѣ-нибудь смиренно копалась, отличалась мягкостью нрава и голоса, исполняла молча все, что̀ ей давали, замѣняла и огородницу, и водоноса, и дворника. Хотя теперь у полковника во дворѣ, въ отличныхъ деревянныхъ конурахъ, содержались на цѣпи два злѣйшихъ цербера, но полковникъ, поглядывая иногда на нихъ и на Домаху, шутливо думалъ:

«Нельзя ли уволить и собакъ, и ихъ должность также поручить Домахѣ? Она вѣрно и лаяла бы съ усердіемъ по ночамъ!»

Итакъ, слѣдовъ пребыванія Оксаны у Панчуковскаго не оказывалось.

— У! проклятое бурлачьё! оно горой за него стоитъ!—говорили мелкіе сосѣди, изрѣдка еще толкуя о лихой дворнѣ полковника: — точно вертепъ Синей-Бороды! Что̀ попадетъ туда, пиши пропало: какъ въ воду канетъ. То пробавлялся захожими по волѣ красавицами, изъ окольныхъ, а тутъ ужъ, какъ черкесъ, воровать живьемъ сталъ... Шутовкинъ тоже укралъ, да не прячется; а этотъ еще хитритъ!

Являлись даже нарочитые соглядатаи къ полковнику. Пріѣзжалъ, между прочимъ, братъ Небольцевъ, естественная дрянь, сплетникъ, слабохарактерный, подслѣповатый игрокъ и гаденькій мотъ, въ долгахъ, какъ въ паутинѣ, съ цѣлью будто бы купить браковыхъ овецъ у полковника, а собственно поглазѣть и понюхать, не спрятана ли гдѣ-нибудь въ Новой-Диканькѣ похищенная воспитанница отца Павладія. Его приняли очень сухо, но вѣжливо, и онъ уѣхалъ, ничего не открывъ. Являлись въ Новую-Диканьку, будто мимоѣздомъ, изъ Святодухова-Кута и дьячокъ, и самъ отецъ Павладій. Даже губернаторъ, говорятъ, прислалъ полковнику при энергической нотѣ, для свѣдѣнія и отвѣта, безыменный доносъ о передержательствѣ бѣглыхъ крестьянокъ и «неизвѣстно куда пропавшей воспитанницы священника Павладія Поморскаго». Панчуковскій мастеръ былъ отписываться; отвѣтилъ губернатору рѣзко и умно, а вмѣстѣ съ тѣмъ, частно послалъ исправнику три ящика отличныхъ дорогихъ сигаръ. Но не могъ полковникъ не обидѣться на выходки сосѣдей изъ болѣе порядочнаго круга.

— Господа, довольно!—говорилъ онъ въ одной компаніи, играя въ банкъ третьи сутки:—всякая шутка должна имѣть свой конецъ. Я прошу васъ больше не упоминать при мнѣ объ этой исторіи. Она обижаетъ и меня, и мой чинъ, и мое положеніе въ свѣтѣ. Я уже вышелъ изъ поры дюжиннаго волокитства... Я, господа, не черкесъ и не юнкеръ, а Владиміръ Алексѣевичъ Панчуковскій!

Если бы кто захотѣлъ, однакоже, подлинно узнать о судьбѣ Оксаны, тому стоило только обратиться съ вопросами къ старому «чабану» на арендномъ хуторѣ полковника. Въ день, когда Панчуковскій, проводивъ послѣ торговъ съ хутора колониста, вошелъ за перегородку своей пустки, ча-

банъ къ вечеру услышалъ невыразимые крики. Чей-то сперва сильный и громкій, потомъ тихій и слабый голосъ молилъ о пощадѣ...

Старый чабанъ, больной и дряхлый человѣкъ, а нѣкогда музыкантъ, вторая скрипка какого-то князя, изъ бѣглыхъ, собирался уже Богу молиться послѣ ужина и ложиться спать, какъ, наконецъ, обратилъ вниманіе на эти крики. Онъ вышелъ изъ своей хаты, постоялъ, послушалъ, и давно-замершее сердце съ силой застучало въ его груди. Онъ сходилъ къ овцамъ, воротился, крики стали смолкать. Кучеръ барина и другой батракъ, надѣленные, по обѣщанію, суммой на выпивку, весело ушли въ оврагъ съ квартою водки, привезенной съ торговъ. Старикъ стоялъ одинъ.— «Не мнѣ видно, старому забродчику, — подумалъ онъ: — не мнѣ одному не было счастья на свѣтѣ! То еще чья-то доля пропадаетъ, коли не пропала!» Сѣлъ, уронилъ сѣдую голову на колѣни и заплакалъ. А ночь была такъ же восхитительна, и попрежнему чудные, таинственные, обворожительные шорохи носились въ воздухѣ окольныхъ степей...

Къ ночи крики и голоса въ пусткѣ смолкли. А на утро полковникъ вышелъ веселый, какъ-то богатырски-смѣлый, далъ ближайшей прислугѣ опять на магарычъ, Самуйлика оставилъ, а съ батракомъ уѣхалъ. Немного погодя, наѣхалъ въ эту неотпѣтую глушь, четверней въ каретѣ, будто барина привезъ, одинъ Абдулка, побылъ тутъ часа съ три и къ вечеру выѣхалъ. Въ каретѣ окна были завѣшаны. Чабанъ это видѣлъ съ поля.—«Не наше дѣло! — думалъ онъ:— не наше!» И тихо допасалъ свое стадо, тыкая палкою въ траву и соображая и повторяя, по обычаю, со скуки, счетъ прожитыхъ имъ горемычныхъ годовъ.

Полковникъ отлично устроился. Плѣнница его долго не смирялась, но потомъ, такъ же какъ и все на свѣтѣ, смирилась. Кого не проберетъ желѣзный коготь неволи и заточенія? Ее помѣстили въ уединенной комнаткѣ дома Новой-Диканьки, на мезонинѣ. Разумѣется, за нею ходила баба Домàха, и какъ кормила собакъ на привязи и куръ по двору, съ такимъ же молчаливымъ добродушіемъ хлопотала она и возлѣ убивавшейся господской плѣнницы.

— Что ты, мое сердце, стонешь все? глянь: вонъ тебѣ ленты новыя купили, кофту суконную, юбки пошили! Чего

плакать? И-и! въ наши годы мы не то сносили!—говорила иной разъ Домаха, взбираясь на вышку къ Оксанѣ.

— Душно, бабо! нельзя тутъ быть подъ этою крышею! Отъ желѣза паръ такой, духота какъ въ банѣ,—и это съ утра до ночи, цѣлую ночь мечешься! Хоть бы посвѣжѣе...

— Такъ зачѣмъ же ты противишься, неласкова къ нему? Тебя и держитъ подъ замкомъ. А то пошла бы себѣ уточкою по свободѣ.

Оксана отмалчивалась и только плакала.

— Да вы, бабо, хоть окошко мнѣ отворите!

— Слуховое? Другого нѣтъ.

— Да хоть слуховое, для воздуху.

— Эге! А какъ выскочишь съ крыши, да сдуру еще расшибешься? На то оно и забито у насъ желѣзомъ, тутъ прежде панская казна, сказываютъ, была. Около двери и сундукъ стоялъ.

— Куда мнѣ разбиваться и скакать съ крыши! Пропала ужъ теперь совсѣмъ моя голова; куда мнѣ идти? всѣ отъ меня откажутся; и то я была сирота, а теперь чѣмъ стала?

Домаха качала головой.

— Сердце мое, сердце, одумайся! На что оно-то, что ты говоришь! Панъ у насъ добрый; побудь съ нимъ годокъ-другой, онъ тебя въ золото одѣнетъ. Вонъ и я была молода, нашъ баринъ сперва меня было отличилъ, а тамъ и до дочекъ моихъ добрался. Такъ что-жъ? Поплакала, да и замолчала! Сказано, переможется...

— А зачѣмъ же вы, бабо, бѣжали, да ужъ столько лѣтъ тутъ мыкаетесь въ бурлакахъ, на чужбинѣ?

— Э! про то ужъ я знаю!.. Видишь, сердце, скажу я тебѣ, пожалуй: я пана нашего любила и во всемъ была ему покорна; да пани наша старая меня допекла, какъ померъ онъ,—отъ нея я и бѣжала... Я и бѣжала, сердце!

— Бабо, бабо! жгите меня лучше на угольяхъ, ставьте на стекла битыя, только дайте мнѣ домой воротиться,—дайте тамъ съ горя моего помереть!

— Да ты же сирота, бѣглая, Оксана! куда тебѣ идти?

— Я про то ужъ знаю, бабо! Попросите барина, чтобъ пустилъ меня; будетъ ужъ мнѣ тутъ мучиться... будетъ!

— Не можно, Оксана, не можно, и пустыя ты рѣчи говоришь! а когда хочешь, вотъ тебѣ нитки и иголки, шей

себѣ рубашки, ишь какого холста баринъ купилъ! голландскаго...

Домàха еще постояла, покачала головой и тихо ушла, недоумѣвая, какъ это, среди такой холи и роскоши, такая непокорность. Оксана плакала и, пока было свѣтло, принималась безъ всякаго сознанія шить что̀ ей давали. Она, ноя отъ тоски, думала о священникѣ, о привольной рощѣ, о ракитникѣ; дитя Горпины мысленно качала... А Левенчукъ?

Передъ захожденіемъ солнца Домáха несла ей ужинать всякихъ яствъ и питій вволю. Ничего не ѣла Оксана.— «Левенчукъ, Левенчукъ! гдѣ ты?»—шептала она... Сумерки сгущались, мѣсяцъ вырѣзывался передъ слуховымъ окномъ, ступеньки по лѣстницѣ наверхъ скрипѣли подъ знакомыми шагами, и дверь въ вышку Оксаны отворялась... «Это онъ!»—думаетъ Оксана, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и кинется въ уголъ коморки. Какъ бы хотѣла она въ ту минуту ножъ въ рукахъ держать!..

Несмотря на темноту, легко, однако, отыскивается и ея уголъ, и она сама. Глухая и пустынная окрестная степь и темная-темная ночь не слышатъ ничего, что̀ дѣлается и кроется въ этомъ каменномъ домѣ, за этою высокою оградой.

Къ разсвѣту Владиміръ Алексѣевичъ выходилъ опять на площадку лѣстницы, будилъ ногой спавшую у порога завѣтныхъ дверей вѣрную дуэнью Домàху, приказывалъ ей пуще глаза беречь плѣнницу и сходилъ внизъ. Внизу же иногда его покорно ждали тѣ же услужливые Лепорелло: Абдулка или Самуйликъ.—«Ну, — думаетъ Домàха: — баринъ теперь остепенился—одну знаетъ!» А Владиміръ Алексѣевичъ, нерѣдко въ ту же ночь до утра, скакалъ съ ними верхомъ на другое свиданье, въ какой-нибудь уединенный казацкій или колонистскій хуторъ, гдѣ ожидали его новыя, путемъ долгихъ исканій купленныя ласки чернобровой Катри, Одарки или голубоокой нѣмецкой Каролинхенъ. Оксана не знала, что̀ и прибрать въ голову, когда онъ уходилъ отъ нея. Только сердце усиленно билось въ ея груди, какъ у перепела, нежданно перемѣщеннаго съ привольныхъ дикихъ нивъ, изъ пахучихъ гречихъ или просъ, въ тѣсную плетеную клѣтку: сколько ни мечись, сколько ни стукай въ сѣти

глупою, разбитою головою, не вырвешься, не порхнешь опять на вольную волю!

Были послѣдніе дни іюля.

День клонился къ вечеру. По полю, безъ оглядки и безъ дороги, спѣшилъ куда-то напрямикъ рослый, дюжій, загорѣлый и страшно запыленный парень, въ синемъ мѣщанскомъ жилетѣ, въ новой черной свиткѣ и въ сѣрой барашковой шапкѣ. Онъ изрѣдка останавливался у косарскихъ артелей, подходилъ, что-то порывисто спрашивалъ и поспѣшно уходилъ снова далѣе. При поворотѣ на Святодуховъ-Кутъ онъ остановился, какъ-бы въ раздумьи, идти ли туда, или взять въ сторону? Пошелъ-было мимо, но одумался, махнулъ рукой и своротилъ опять туда. Отецъ Павладій столкнулся съ нимъ у церковной ограды, идя за чѣмъ-то съ ключами въ церковь.

— Левенчукъ! Откуда?

— Я, батюшка...

Священникъ опомнился и болѣе не спрашивалъ. Онъ, молча, пошелъ обратно въ домъ. Левенчукъ пошелъ за нимъ.

— Ну, вижу я, — началъ, запыхавшись, священникъ, сѣвъ дома на крыльцѣ: — вижу, что ты, Харько, все знаешь!

— Знаю, батюшка!

— Гдѣ же ты это такъ долго былъ?

— Боленъ былъ, на пристани; чуть не умеръ.

— Да, ты похудѣлъ!..

Въ эти четыре долгія недѣли Левенчукъ точно похудѣлъ, но въ то же время возмужалъ, будто выросъ еще болѣе и, загорѣвъ и закраснѣвшись отъ дороги, похорошѣлъ. Волосы скобкой, остриженные усы стали виднѣе: молодецъ-молодцомъ.

— Что это въ котомкѣ у тебя? Гдѣ это ты такъ принарядился?

— Это подарки невѣстѣ и вамъ, батюшка! Да и какъ было не нарядиться, дожидаясь такого дня? Работы было вдоволь на пристаняхъ, и выкупъ готовъ — да невѣста, должно статься, не готова, батюшка! А я-то и хатку ужъ себѣ сторговалъ на Поморьи, тихимъ трудомъ замыслилъ жить съ нею...

Священникъ замоталъ головою, всхлипывая и смотря на Харька въ испугѣ и въ смущеніи.

— Убью, батюшка! — сказалъ неожиданно Левенчукъ, ударивши котомкой ô-земь:—убью его, зарѣжу, какъ собаку!

Глаза его сверкали. Лицо побѣлѣло.

— А потомъ что̀ будетъ? — спросилъ священникъ, самъ не зная, что̀ отвѣчать на эту угрозу.

— Что вамъ, батюшка, каяться, какъ на духу? — спросилъ въ свой чередъ Левенчукъ.

— Говори какъ на духу!

— Ну, я подожгу полковника, запалю его со всѣхъ концовъ: клуню, овчарню, все зажгу, убью его и на себя руки наложу. Вотъ что̀!

Священникъ прошелся по комнатѣ.

— Ахъ ты, душегубъ, душегубъ, Харько̀!

— Я-то душегубъ? Нѣтъ; не я, а онъ! Да что̀ мнѣ теперь, ну? Думалъ въ бѣгахъ счастье найду... И тутъ его прежде насъ, дураковъ, забрали! Дураки мы, — вотъ что, батюшка! Право, дураки. Теперь я ужъ понялъ! Не то намъ слѣдуетъ дѣлать,—вотъ что!

Священникъ всталъ, взялъ за полу Левенчука, повелъ его въ спальню, разложилъ святой покровъ на столѣ, подъ образами, раскрылъ на немъ евангеліе и сказалъ:

— Беру съ тебя присягу, Харитонъ: поклянись мнѣ, что ничего того не сдѣлаешь, на что̀ повернулся нечестивый твой языкъ! Клянись, Харько́! Я этого не попущу!

— Не буду я клясться, батюшка! Не буду!

— Клянись, Харько̀, клянись скорѣе, дурацкая твоя душа, а то донесу! ей-Богу, донесу!

— Доносите, доносите! А мы на васъ надѣялись, какъ на отца родного; вы же намъ, несчастнымъ, бѣглымъ, совѣты давали, укрывали насъ, кормили и обнадеживали насъ...

— Я-то? Ахъ ты, глупецъ, дуракъ Харько̀! Когда я бѣглыхъ держалъ? Да нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня! Клянись, Харько̀! ты не понимаешь, что̀ говоришь! Клянись!—повторилъ священникъ Левенчуку, указывая на святую книгу, и самъ, между тѣмъ, трухнувъ не на шутку.—Давай присягу, а то свяжу тебя и донесу...

Левенчукъ подошелъ.

— Такъ слушай же, батюшка: вотъ что̀ будетъ теперь.

бѣжалъ я съ неводомъ отъ моря, какъ вѣсть о пропажѣ Оксаны дошла туда съ людьми. Повѣрите ли—всѣ жалѣли, какъ я опрометью побѣжалъ оттуда! По пути, на перекресткахъ, на мостахъ, у переправъ, вездѣ жалѣли. Народъ зашумѣлъ, грозится, волнуется — такъ мнѣ ли терпѣть? Два дня я бѣжалъ, да вчера безъ души и упалъ въ какой-то лощинкѣ. Чабаны веберовскіе меня нашли, въ корчму перенесли. Меня оттирали, кровь бросилъ одинъ жидокъ... Вонъ рука моя еще и теперь перевязана; истомился я, а все-таки добѣжалъ до Ананьевки, а послѣ до Андросовки. — «Что, спрашиваю у людей, правда ли это?» — «Правда», — отвѣчають, и всѣ жалѣютъ и тамъ, да на полковника указуютъ: — «что грѣха не хотимъ брать на душу, некому больше! Это ужъ какъ змѣй лютый, какъ волкъ; кто попадетъ, съѣстъ навѣрно!» Такъ-то, батюшка, говорятъ про него люди.

Священникъ смотрѣлъ на него исподлобья. Онъ его и жалѣлъ, вмѣстѣ и боялся.

— Такъ я ужъ, батюшка, вотъ теперь какъ надумалъ: пойду его просить, — можетъ, я его умолю, а можетъ, не умолю, въ ногахъ валяться буду! Не дастъ—не гнѣвайтесь, батюшка... зарокъ свой я порѣшу...

Слезы бѣжали на подстриженные усы Харька.

Губы его тихо вздрагивали. Глаза тоскливо слѣдили за священникомъ. Священника передернуло, онъ взглянулъ въ окно, закрылъ книгу и сказалъ:

— Ну, коли такъ, такъ съ Богомъ; я надѣюсь, что полковникъ отдастъ тебѣ Оксану. Нѣтъ у меня тебѣ благословенія на злое дѣло; пожалѣй и меня, мои старые-то годы! А я самъ буду писать Панчуковскому... Авось онъ отдастъ Оксану. Да берегись только! Видишь, вонъ, твоего же пріятеля Милорденка отыскиваютъ, не уцѣлѣть ему,—въ каторгу сошлютъ, проклеймятъ, а все за его продѣлки! Вонъ и примѣты его ужъ опубликованы... Такъ и съ тобой то же будетъ; берегись!

Священникъ сѣлъ, надѣлъ очки, съ трудомъ написалъ письмо, открылъ сундукъ, досталъ оттуда деньги, и, замѣтя, что въ комнатѣ стояли уже въ слезахъ дьячокъ и старая дьячиха, сказалъ:

— Вотъ тебѣ, Левенчукъ, это письмо; а вотъ и твои деньги; я грѣшенъ, я позарился на выкупъ, и задержалъ

твое дѣло. Ну, да Богъ тебя благословитъ; достанешь ее,—веди, обвѣнчаю и такъ; не достанешь ея—не хочу твоего добра! Фендриховъ, эти деньги вычеркни изъ книги той, знаешь? Имъ уже у насъ не быть, на церковь-то...

— Гдѣ быть, ваше преподобіе! Деньги несчастныя!

Левенчукъ торжественно поклонился въ ноги попу, даже поклонился и дьячку съ дьячихой, вышелъ за двери, и не успѣла взволнованная компанія выбѣжать на косогоръ, гдѣ такъ часто Оксана выжидала съ поморья Левенчука, какъ и слѣдъ Харькà пропалъ.

— Чтò будетъ, то будетъ!—рѣшилъ священникъ, возвращаясь домой.

— Ничего не будетъ, чувствую!—отвѣчалъ, всхлипывая, дьячокъ.

Дьячокъ ревмя плакалъ.

Шелъ Левенчукъ часъ-другой. Солнце уже начинало садиться. Туманъ пошелъ яромъ. Вышелъ онъ на косогоръ и ударилъ себя въ голову: «и тутъ не везетъ, треклятая доля. Съ дороги, на семи шагахъ, сбился! Гдѣ же это я?» И онъ сталъ смотрѣть.

Стемнѣло. Дикіе гуси вверху неслись къ западу, чуть шелестя надъ его головою. Семья дрофъ, вспугнутыхъ съ ночлега, поднялась въ ста шагахъ отъ него и побѣжала въ сторону, мелькая между бурьянами. Ночные кузнечики трещали. Звѣзды зажигались. А въ полуверстѣ огонёкъ кто-то на ночь сталъ разводить...

Пошелъ Левенчукъ на огонёкъ. Подходитъ: купеческая телѣга съ товарами стоитъ; два купца на буркѣ лежатъ. Лошади овесъ съ оглобель изъ мѣшка ѣдятъ, котелокъ каши варится на таганкѣ. Поздоровался Левенчукъ съ купцами, подсѣлъ къ нимъ. Видятъ тѣ, что онъ все вздыхаетъ; выспрашивать стали. Разсказалъ все Левенчукъ, какъ отъ своей барыни бѣжалъ, какъ тутъ жилъ, какъ дѣвку полюбилъ, и кто она такая, и какъ ея отца зарѣзали. Купцы переглянулись, стали живѣе его слушать.—«Ну-ну, говори, миленькій!» Все передалъ Левенчукъ объ Оксанѣ, чтò слышалъ отъ нея самой и отъ другихъ, въ томъ числѣ еще и отъ Милорѣденка, когда онъ впервые шелъ въ эти мѣста.—«Куда же дѣли того зарѣзаннаго?»—спросилъ старшій изъ купцовъ.—«Въ Таганрогъ отвезли; тамъ онъ и умеръ, полагать должно». Помолчали купцы, разспросили еще объ

Оксанѣ, жалѣли о ней до крайности, совѣтовали Харьку обождать, не горячиться съ хлопотами о ея спасеніи, направляли Левенчука съ жалобой въ судъ и къ градоначальнику, и наконецъ, посадивъ его силою съ собою ужинать, объявили, что они сами торговцы, часто бывающіе въ азовскихъ городахъ, торговали когда-то въ Таганрогѣ и въ Севастополѣ, а теперь торгуютъ въ Моршанскѣ, и что если бы когда-нибудь Левенчукъ захотѣлъ бросить здѣшнюю бродячую жизнь, они ему предлагаютъ мѣсто. — «Дармà, что ты бѣглый! видимъ мы, чтò ты за человѣкъ; отпиши только, и мы тебя вызовемъ. А писать такъ-то и туда-то.» — «Да коли женишься на Аксюткѣ-то, то и съ хозяйкою своею пріѣзжай!» — заключили купцы. — «А какъ твоего грабителя прозываютъ?» — «Панчуковскій». — «Ужъ не онъ-ли? — сказалъ одинъ изъ купцовъ: — вѣрно онъ и есть, барыня его у насъ въ городѣ чуть ли не проживаетъ...»

Усталый и истерзанный душою до-нельзя, Левенчукъ заснулъ подъ телѣгою, а купцы, долго еще лежа у костерка, поодаль отъ него и отъ своего возницы, толковали промежъ собою, все повторяя: — «онъ и есть; некому больше! Скажемъ его барынѣ, а то она, сердечная, сколько лѣтъ его разыскиваетъ»...

IX.

Бѣглые расшалились.

Рано до свѣта Харькò вскочилъ, оглянулся, купцовъ уже не было. Перекрестившись три раза на восходъ солнца, онъ сообразилъ свою дорогу и пошелъ по росистымъ еще сумеркамъ.

Щегольской домикъ Новой-Диканьки вырѣзался передъ нимъ, когда солнце стало уже всходить изъ-за красныхъ кирпичныхъ овчаренъ полковника.

Левенчукъ подошелъ къ первой овчарнѣ. Оттуда только-что вышли овцы. Не найдя тутъ пастуховъ, онъ пошелъ къ батрацкимъ хатамъ. Изъ батраковъ кто умывался тутъ на дворѣ, кто Богу молился у своего крыльца, земно кланяясь, а кто велъ воловъ на водопой.

— Панъ дома?

— Дома. А что тебѣ?

— Въ косари не нужно ли?

— А чего жъ ты безъ косы?

— Бурлàка, братцы!

— Такъ! Ну, иди же до конторщика. Тамъ сегодня расчетъ за эту недѣлю.

«Воскресенье сегодня! а я и забылъ!»—подумалъ Левенчукъ.

— Шинокъ у васъ есть?—спросилъ онъ, усиливаясь быть развязнымъ и веселымъ.

— Э, да ты, я вижу, хорошій человѣкъ! Не угостишь ли?

— Можно. Гдѣ же тутъ у васъ водка?

— Пойдемъ, пойдемъ! — отвѣтилъ батракъ: — откупщикъ тутъ всегда на косовичное время выставку становитъ. Онъ пріятель барину! Вотъ и шинокъ нашъ!

Левенчукъ вошелъ въ хатёнку, гдѣ была временная выставка водки и гдѣ полковникъ обратно собиралъ по субботамъ бòльшую часть денегъ, платимыхъ рабочимъ въ теченіе недѣли. Харькò поставилъ новому знакомому полкварты.

— Рано немного,—сказалъ жидъ-шинкарь:—да хорошимъ людямъ можно!

Слово за словомъ, Левенчукъ узналъ нравы барскаго двора, и когда баринъ встаетъ, гдѣ его видѣть можно, кто у него въ дворнѣ.

— Ты только крѣпись,—говорилъ хмелѣвшій товарищъ:—требуй хозяйскую косу и полтину серебромъ въ день! Требуй,—дадутъ.

— Ну, братику, а дѣвка та,—спросилъ Левенчукъ, усиленно переводя дыханіе:—та... знаешь, что отъ попа?.. тутъ она?

Подгулявшій батракъ осмотрѣлся по хатѣ. Шинкаря не было въ ту минуту у прилавка.

— Тутъ... ты только никому не говори...

— Гдѣ?

— Наверху у пана живетъ... шш!

Левенчукъ вскочилъ.

— Куда ты?

— Будетъ ужъ, допивай ты, а мнѣ пора въ контору...

Левенчукъ вышелъ. Народъ, собиравшійся къ расчету, подваливалъ къ шинку. Левенчукъ пошелъ къ дому и не узналъ сперва полковницкаго двора: такъ этотъ дворъ измѣнился и уютно обстроился съ той поры, какъ Харькò сюда

пришелъ впервые, неопытнымъ бродягой, и тутъ, встрѣтившись съ прогорѣвшимъ Милороденкомъ, уступилъ ему свою порцію водки и тѣмъ ему сильно угодилъ.

Онъ ходилъ долго вокругъ ограды, у воротъ стоялъ, на мезонинъ смотрѣлъ. Видѣлъ онъ окна, вверху раскрытыя; на балконѣ стулъ стоялъ. Онъ вошелъ во дворъ; прямо пошелъ къ крыльцу и столкнулся на немъ лицомъ къ лицу съ полковникомъ.

— Ты косарь?—спросилъ разсѣянно Панчуковскій.

— Косарь.

— Очень радъ, а это твой билетъ, что ли?—опять спросилъ Панчуковскій, сося сигару и принимая отъ Харька письмо священника.

— Билетъ!—отвѣтилъ Левенчукъ, сверкнувши глазами.

Панчуковскій потянулся, взглянулъ на ясное, чудное утреннее небо, потомъ на первыя строки письма—рука его дрогнула, онъ протеръ глаза, искоса посмотрѣлъ на Левенчука, дочиталъ, слегка поблѣднѣвъ, письмо до конца, и долго не могъ сказать ни слова. Письмо состояло въ слѣдующемъ: «Владиміръ Алексѣевичъ! Не будемъ обманывать другъ друга. Вамъ сошли прежнія ваши исторіи. Вы теперь похитили мою Оксану. Это общій голосъ, не отрекайтесь; да и некому другому этого сдѣлать. Умоляю васъ, отдайте ее. Податель сего письма — ея женихъ, Харитонъ Левенчукъ, изъ таганрогскихъ поселянъ. Отдайте дѣвушку; вы уже ею, ваше высокоблагородіе, насытились. Отдайте пока она еще можетъ быть имъ принята. Если прежнія ваши дѣйствія остались безнаказанно, то за это новое — кара Господня васъ не пощадитъ. Богатство не спасетъ нигдѣ до конца недобраго человѣка. Прахомъ пойдетъ оно у васъ; вспомните гласъ старца, готоваго сойти въ могилу. Эта кара близится. По духу же исповѣдника, предупреждаю васъ: не отдадите дѣвушки, за послѣдствія поручиться нельзя. Вамъ не сдобровать! Послушайтесь меня. Вашъ слуга Павладій Поморскій».

Панчуковскій постоялъ. Левенчукъ также не говорилъ ни слова.

— Отецъ Павладій ошибается!—сказалъ полковникъ, закусивши губу: — я этой дѣвушки не знаю и ея у меня нѣтъ.

Левенчукъ молчалъ.

— Ея у меня нѣтъ, и баста, слышишь? Скажу отцу Павладію, чтобъ онъ ко мнѣ не смѣлъ обращаться съ такими письмами.

— Ваше высокоблагородіе! — сказалъ, подступая, Левенчукъ:—какой вамъ выкупъ дать за нее? Я попу соглашался выплатить за нее на церковь двѣсти цѣлковыхъ; возьмите триста; наймусь къ вамъ; въ кабалу, въ крѣпость за вами запишусь—отдайте только мнѣ ее!

Полковникъ пожалъ плечами и, оглянувшись, улыбнулся.

— Глупъ ты, братъ, и только! Глупъ, и все тутъ!.. Ея у меня нѣтъ!

Левенчукъ повалился въ ноги полковнику. Онъ понялъ сразу, что съ этимъ человѣкомъ правдой не возьмешь, и потерялся, позабылъ весь закалъ, весь пылъ своего негодованія и своей мести.

— Ваше... ваше высокоблагородіе!—вопилъ онъ, валяясь въ пыли крыльца и цѣлуя лаковые полусапожки Владиміра Алексѣевича:—я дома на родинѣ похоронилъ жену молодую, и двухъ лѣтъ съ ней не пожилъ; здѣсь нашелъ себѣ другую. Баринъ! Отдайте мнѣ ее! За что̀ вы отняли ее у меня, погубили до вѣку насъ обоихъ!

— Да говорятъ же тебѣ, братецъ, что ея у меня нѣтъ... Какой ты!

— Будетъ ужъ вамъ съ нею, ваше высокоблагородіе! Не губите ее... Отдайте, вы ужъ ею натѣшились... Будемъ знать одни мы про то!.. Отдайте...

Панчуковскій отступилъ.

— Ищи ее у меня вездѣ, коли хочешь; иголка она, что ли! Ну, ну, ищи! Не вѣришь?

И онъ вошелъ въ сѣни, распахнулъ дверь въ лакейскую, а самъ стоялъ на порогѣ.

Храбрость бросила Харька̀. Онъ всталъ, началъ глупо вертѣть въ рукахъ шапку.

— Ежели я... — сказалъ онъ, задыхаясь отъ спершихся въ горлѣ слезъ:—ежели я... хоть чѣмъ, то убей меня Богъ!.. Господи!

Полковникъ поворотился къ нему спиной и ушелъ въ комнаты, посвистывая.

Оглянулся Левенчукъ по двору, повелъ рукой по снятой шапкѣ, подошелъ къ кухнѣ, тамъ еще постоялъ; во дворѣ не было ни души. Пѣтухи заливались по задворью. Воробьи

кучами перелетали съ тополей на ограду. Левенчукъ пошелъ за ворота и сѣлъ тамъ на лавочкѣ.

Онъ самъ не зналъ, что̀ и думать. У шинка собирался народъ. Конторщикъ пошелъ туда, а къ барину въ домъ Абдулка рукомойникъ понесъ.

За ворота вышелъ, съ трубкой въ зубахъ, въ бѣломъ фартукѣ и ухарски заложивъ руки въ карманы, поваришка Антропка, тоже изъ бѣглыхъ, малый лѣтъ двадцати-трехъ, отъявленный негодяй, часто битый за воровство.

— Ты чего тутъ сидишь, сволочь?—отнесся онъ задорно къ Левенчуку.

— Может, сволочь ты, — отвѣтилъ Левенчукъ, утирая слезы:—а я за дѣломъ!

— За какимъ дѣломъ? проваливай! скамейка барская! вонъ, иродово отродье!

— А ты барскій?

— Барскій, полковницкій; я ихъ халуй, — значитъ, сторожъ; а ты убирайся вонъ, сибирный твой родъ!

И Антропка столкнулъ Харька̀ со скамьи.

Левенчукъ пошелъ опять къ воротамъ.

— Ты куда, говорятъ тебѣ?

— Дѣло есть.

— Не ходи, побью!

— Э! Посмотримъ...

— Что? какъ? это значитъ къ полковнику наниматься идешь, да еще и форсишь?

Антропка подбѣжалъ и загородилъ Харьку̀ дорогу въ ворота.

— Не ходи, ударю въ морду!

— Попробуй! —отвѣтилъ Левенчукъ, опомнившись и чувствуя снова приливъ злобы и ярости.

Антропка ударилъ его въ ухо. Левенчукъ зашатался и уронилъ шапку.

— А ну, еще! — сказалъ онъ, стоя блѣдный, какъ былъ, и выжидая новаго удара.

— Бью! что же? ну, бью! — крикнулъ Антропка и опять ударилъ.

— А ну, еще!

— И еще бью! вотъ какъ!

Антропка ударилъ еще разъ.

— А еще будетъ?

— Будетъ и еще!—крикнулъ Антропка, свистнувши снова въ упорно-терпѣливое ухо Харька.

— А!—зарычалъ, въ свой чередъ, Левенчукъ:—теперь и ты ужъ держись; я тебѣ покажу, какъ добрыхъ людей даромъ бить!..

И, какъ буря, онъ кинулся на поварченка, смялъ его, какъ клокъ сѣна, сгребъ подъ себя и сталъ его бить безъ милосердія по глазамъ, ушамъ и по затылку.

На неистовые вопли Антропки сбѣжалась вся дворня полковника, а мужчины и бабы его выручили.

— Кто это его, кто? — спросилъ Абдулка, явившись на подмогу другимъ, уже отливавшимъ водою до полусмерти избитаго Антропку.

— Вотъ онъ!

— Кто это?

— А Богъ его знаетъ кто!—отвѣчали бабы, указывая на Левенчука, входившаго уже въ шинокъ.

Абдулка побѣжалъ за нимъ вдогонку и на бѣгу, въ сѣняхъ шинка, спросилъ сбиравшихся косарей:

— Гдѣ тутъ этотъ разбойникъ?

— Ужъ и разбойникъ! — разбойники тѣ, что нанимаютъ по два рубля, а расплачиваются по полтиннику:—отвѣтили изъ толпы.

— Ты билъ нашего повара?—запальчиво крикнулъ Абдулка, вскочивъ въ шинокъ и съ выкатившимися, разсвирѣпѣвшими глазами ставъ передъ носомъ Левенчука.

— Я билъ. Ну, а ты чего?

Лицо Харька было зелено, губы его дрожали.

— Э! до меня такъ скоро не доберешься!—крикнулъ татаринъ, озираясь по хатѣ, куда уже, чуя грозу, начинали собираться любопытные съ надворья.

— Посмотримъ!

— Посмотримъ!

Абдулка скинулъ поддевку.

— Выходи на просторъ, — закричалъ онъ: — выходи изъ хаты на просторъ!

Конторщикъ, бѣжавшій сюда, сталъ-было его останавливать.

— Не замай, Савельичъ, а то и тебѣ бока намну!—бѣшено зарычалъ Абдулка и вышелъ изъ хаты, сопровождаемый конторщикомъ и толпою и на ходу распоясываясь.

— Что это они тебя?—спросили Харька оставшіеся въ хатѣ косари.

Левенчукъ бросилъ на столъ три цѣлковыхъ.

— Пейте, братцы, за мою душу, пейте!—сказалъ онъ тоскливо и вышелъ, также снимая свитку.

Не успѣлъ онъ показаться на дворѣ, какъ на него разомъ накинулись Абдулка, Самуйликъ и прежде побитый поварчукъ.

Первые двое стали его вязать, а озлобленный Антропка схватилъ полѣно и сталъ имъ бить Харька по чемъ попало.

Часть косарей приняла сторону Харька.

— Пустите его, что вы, душегубцы! ведите къ барину, если онъ что сдѣлалъ,—говорили косари.—Мы и сами пойдемъ жаловаться; намъ расчетъ не тотъ даютъ!

— Нѣтъ, не поведемъ его туда! тутъ его живого въ землю зароемъ!—бѣшено кричалъ Абдулка, колотя Левенчука.

Мигомъ Левенчука связали.

— Въ судъ его, въ станъ! — горланила полковницкая дворня.

Побѣжали за телѣгой.

— Еще веревокъ!—кричалъ Абдулка.—А! ты въ барскій дворъ ходишь, да еще и дерешься! веревокъ еще! повозку скорѣе!

Привели лошадей, притащили повозку. Стали запрягать. Левенчукъ стоялъ связанный. Високъ у него былъ расшибленъ и кровь текла изъ-подъ растрепанныхъ темныхъ волосъ. Антропка, опьянѣвшій отъ бѣшенства и отъ прежде полученныхъ побоевъ, ходилъ возлѣ него и громко на всѣ лады ругался. Бабы пугливо жались къ сторонѣ.

— Готово?—спросилъ отважно Абдулка, спѣшившій выиграть время:—мы и барина не станемъ безпокоить! въ судъ его, разбойника!

— Братцы!—громко крикнулъ косарямъ связанный Левенчукъ:—они меня побили, связали, въ судъ хотятъ везти! А самъ баринъ ихній мою невѣсту укралъ... Я, братцы, Левенчукъ! Попова дѣвка за меня просватана была... Она у полковника тутъ взаперти... въ любовницахъ. Спасите, братцы! не дайте праведной душѣ погибнуть!.. Спасите!

— Ну, еще разсказывать!—началъ Абдулка.

Послѣднихъ словъ Харько не договорилъ. Абдулка, Са-

муйликъ и Антропка схватили его и потащили къ телѣгѣ, снова угощая побоями.

— Э, нѣтъ!—отозвался тотъ самый батракъ, котораго Харько угощалъ съ утра, загородя имъ дорогу: — я самъ пойду до барина! За что вы его бьете и тащите?..

— Да, да! за что?—говорили въ толпѣ и косари, испуганными и озлобленными кучками сходясь къ нимъ.

— Э, да что на нихъ смотрѣть! тащи его! Самусь, садись, вези его! Антропка, бей по лошадямъ!

— Нѣтъ, не пущу!—сказалъ охмелѣвшій батракъ, загораживая лошадямъ дорогу.

Тутъ прибѣжали съ криками остальные косари изъ шинка. Произошла общая свалка. Одни тащили Левенчука къ повозкѣ, другіе отталкивали его назадъ. Вѣсть о томъ, что это женихъ воспитанницы священника, украденной полковникомъ, облетѣла всѣхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не троньте его, оставьте!—заговорили косари разомъ и оттѣснили Левенчука отъ Абдулки.

Подгулявшій батракъ ударилъ по запряженнымъ лошадямъ, гоня ихъ съ пустою телѣгою прочь. Самуйликъ кинулся ихъ останавливать, а косари въ суматохѣ совершенно отбили Харька̀, распутали ему руки и выпустили.

— Отдайте мою невѣсту!—сказалъ тогда бѣшено Левенчукъ, ставъ передъ слугами Панчуковскаго. Это уже былъ не прежній хуторскій пастухъ. Степи измѣнили его.

Абдулка, поваръ и Самуйликъ остались одни противъ остальныхъ.

— Нѣтъ у насъ никакой дѣвки!

— Врешь, есть: она наверху у барина вашего живетъ!—кричалъ Левенчукъ.

— Отдавай. а то силой возьмемъ!—гудѣли косари.

— Вотъ что̀ выкусите! — отвѣтилъ Абдулка, показывая кукишъ, и пошелъ съ товарищами къ барскому двору, очевидно потерявъ надежду овладѣть обидчикомъ закадычнаго пріятеля, Антропки.

Левенчукъ, утирая кровь съ виска, сѣлъ на крыльцо шинка.

— Дайте, братцы, хоть трубки покурить, коли съ нами такъ поступаютъ. Собаки, и тѣ лучше насъ стали жить на свѣтѣ!

Пріятель его, батракъ, съ форсомъ подалъ ему трубку, сѣлъ возлѣ него и обнялъ его, заливаясь слезами.

Толпа, между тѣмъ, шумѣла.—«Какъ! быть не можетъ! Такъ этого самаго невѣсту? И имъ спускать? Не заступиться за него? Гдѣ же тому конецъ будетъ?»

— Пойди, братику,—сказалъ Харько батраку, откашливаясь и харкая кровью: — пойди, хоть осьмушку вынеси! Всѣ печёнки, ироды, отшибли! Ишь ты, кровь пошла...

Косари орали болѣе и болѣе.

Полковникъ, между тѣмъ, уйдя отъ Левенчука, подбѣжалъ къ окну въ кабинетѣ и долго слѣдилъ, изъ-за занавѣсокъ, пока непрошенный гость вышелъ за ворота.—«Воротить его? Отдать ему развѣ Оксану?»—подумалъ онъ; но, почитавъ съ полчаса газеты, успокоился, оставилъ дѣло такъ и пошелъ наверхъ къ Оксанѣ.

Оксана сидѣла въ своей каморкѣ, вышивая какую-то рубаху. Домаха сидѣла на полу возлѣ нея, тоже что-то штопая.

— Оксана! хочешь домой?—спросилъ полковникъ.

Она не подняла глазъ.

— Что, если бы за тобою пришли, бросила бы ты меня? Неужели бросила бы?—спросилъ полковникъ.

Оксана встала, сложила шитье и поклонилась въ ноги Панчуковскому.

— Пане! пустите меня, заставьте вѣчно за себя Бога молить!...

Въ исхудаломъ, нѣжномъ и кроткомъ лицѣ ея кровинки не было.

Панчуковскій хотѣлъ что-то сказать и затихъ. Съ надворья раздался страшный гулъ голосовъ, и одно изъ оконъ на мезонинѣ зазвенѣло.

— Береги ее!—успѣлъ только сказать Панчуковскій Домахѣ и выбѣжалъ на балконъ.

Едва Панчуковскій вошелъ туда, какъ увидѣлъ, что передъ запертыми уже на замокъ его воротами стоитъ куча народу, а Абдулка, Самуйликъ и конторщикъ бранятся сквозь затворы.

День, между тѣмъ, какъ часто бываетъ на югѣ, нежданно измѣнился. Вмѣсто жгучаго, остраго суховѣя, доносившаго съ утра подъ узорчатые жалюзи комнатъ сухой и волнистый шелестъ горящихъ въ зноѣ нивъ, небо стемнѣло, облака неслись густою грядой и накрапывалъ дождь.

— Что это?—громко спросилъ своихъ людей Панчуковскій, склонясь черезъ перила балкона.

— Косари взбунтовались,—робко отвѣтилъ конторщикъ:— не хотятъ по полтиннику брать, требуютъ по два рубля.

— Ну, такъ гоните ихъ взашей!

— Мы стали ихъ гнать, а они въ контору ворвались, стекла перебили, мы едва успѣли ворота запереть — все распьяно...

— Ваше благородіе!—смѣло крикнулъ кто-то изъ толпы:— отдай дѣвку! а то плохо тебѣ будетъ!

Взглянулъ полковникъ: вся толпа въ шапкахъ стоитъ.— «Эге!»—подумалъ Панчуковскій, сильно струхнулъ и медленно вошелъ въ комнаты съ балкона. Сойдя впопыхахъ внизъ, онъ позвалъ къ себѣ Абдулку.

— Что тамъ такое? говори правду.

— Плохое дѣло! Косари перепились, а тутъ еще бурлака тотъ пришелъ, дѣвчонку эту требуетъ...

— Отдадимъ ее, Абдулъ! Чортъ съ ней! Еще бы чего не надѣлали... Что они, въ ворота ломились?

— Запалимъ! говорятъ. Да нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, не поддавайтесь. Коли что, такъ я и ружье заряжу и по нимъ выстрѣлю холостымъ, напугаемъ ихъ, они и разбѣгутся!

— Что же вы?—гудѣла толпа за воротами:—гдѣ это видано, чтобъ дѣвокъ съ поля таскать? тутъ не антихристы какіе! Мы найдемъ на васъ расправу...

— Вонъ отсюда, подлецы!—закричалъ опять сквозь ворота Абдулка, не отпирая желѣзнаго засова.—Что вы пришли сюда буянить? Вонъ отсюда!

— Ломай, братцы! Топоры сюда!—уже безъ памяти ревѣла толпа:—не даютъ, такъ ломай! Пробьемся и возьмемъ силою у живодёровъ!

И въ ворота снова ударили чѣмъ-то тяжелымъ, а потомъ оттуда наперли кучею всѣ разомъ. Схваченныя и прокованныя желѣзными скобами ворота только слегка заскрипѣли, но не подались.

Абдулка метался, между тѣмъ, что было мочи, и ругался на всѣ лады, грозя дерзкимъ карою станового, исправника и самого губернатора.

— Что намъ теперь исправники и ваши становые! Вы

дѣвку нашу отдайте! Тутъ наша воля, въ степи-то нашей! До суда далеко!—выкрикивали голоса за воротами.

Полковникъ взбѣжалъ снова наверхъ. На площадкѣ лѣстницы онъ наткнулся на совершенно-обезумѣвшую отъ страха Домàху. Старуха жевала чтò-то помертвѣвшими губами и простоволосая, не успѣвъ накинуть на сѣдую голову платка, дико смотрѣла на Панчуковскаго.

— Гдѣ она?—спросилъ полковникъ, идя поспѣшно мимо старухи.

— Тамъ; это я ее заперла на ключъ. Еще бы не выскочила къ нимъ сдуру...

— Ну, береги же!

Онъ вошелъ въ верхнюю комнату, бывшую къ сторонѣ воротъ, и изъ-за притолки окна увидѣлъ у ограды цѣлый лагерь. Какіе-то верховые явились... Народу было человѣкъ триста или болѣе. Одни сидѣли, другіе стояли или ходили кучками, какъ-бы обсуждая, какъ исполнить затѣянное. Трое лѣстницу какую-то съ овчарни тащили. Остальные шли; размѣстившись по травѣ, горланили всѣ.

«Вотъ и поди, живи тутъ въ этой необъятной Новороссіи, — мыслилъ Владиміръ Алексѣевичъ: — тутъ чистую осаду Трои выдержишь; успѣютъ и взять тебя, и ограбить, и убить, пока дашь знать властямъ хоть вѣсточкой! Думалъ ли я дожить до этого? А! вонъ и еще чтò-то замышляютъ!..»

Прибѣжалъ наверхъ, запыхавшись, поваренокъ.

— Чтò ты, Антропка?

— Конторщикъ проситъ кассу въ домъ внести; неравно вломятся; боится, что растащутъ.

— Вломятся? въ ворота? Что ты?

— Да-съ.

— Ты почему думаешь?

— Стало, можно, коли между ними вонъ бѣглые ростовскіе неводчики появились и бунтуютъ, какъ бы чего поправдѣ не было, ваше высокоблагородіе...

Панчуковскій еще разъ глянулъ изъ-за притолки. Новая картина открылась передъ нимъ. Овцы его бродили вразсыпную безъ пастуховъ. Шинкарь откупщика, зная уже нравы такихъ событій въ степяхъ, съ еврейскою предусмотрительностью запрягалъ себѣ лошадь за хатою шинка. А изъ двухъ батрацкихъ избъ, спустившись тайкомъ въ лощину, бѣжали вдали, по пути къ камышамъ на Мертвую,

пятеро батраковъ, батрачки и мальчишки-табунщики потрусливѣе, со страху бросивъ въ хатахъ и барское добро, и свои пожитки.

Панчуковскій сошелъ снова внизъ. Въ кабинетѣ Абдулка быстро заряжалъ ружье.

— Вотъ я ихъ! Я ихъ!

И зарядивъ, онъ пошелъ опять на балконъ мезонина. Изъ толпы черезъ ограду швыряли уже изрѣдка камнями.

— Разойдитесь!—крикнулъ опять съ балкона Абдулка.— Васъ обманули; тутъ никакой дѣвки нѣтъ! А плату сполна мы вамъ вышлемъ; только усмиритесь и не бунтуйтесь, братцы, вот ъчто!

Градъ увѣсистыхъ камней и побранокъ изъ толпы отвѣтилъ на эти слова черезъ стѣны.

— Такъ стойте же!—крикнулъ Абдулка съ балкона, приложился изъ ружья и выпалилъ.

Чей-то сѣренькій конекъ заржалъ, побѣжалъ и, на пяти шагахъ споткнувшись, упалъ, убитый наповалъ въ голову.

— Ты же говорилъ, что зарядишь холостымъ?—спросилъ, испугавшись, Панчуковскій.

— Такъ имъ и надо-съ! Шельмы, а не люди!

Осаждающіе дѣйствительно были озадачены выстрѣломъ, кинулись вразсыпную и вдали, у хатъ и овчаренъ, снова стали собираться кучками. Кто-то громко грозилъ изъ толпы, что подожгутъ овчарни и батрацкія хаты. Другой топоромъ помахивалъ издали.

«Что̀ тутъ дѣлать?» думалъ полковникъ, ходя то вверхъ, то внизъ по лѣстницѣ дома. Люди на̀-скоро пообѣдали, и ему стали накрывать на столъ.

— Есть у воротъ сторожа, Абдулъ?

— Есть, Антропка съ собаками караулитъ; я ихъ съ цѣпи спустилъ...

— Ну, какъ бы дать знать въ станъ, либо въ городъ?— спросилъ Панчуковскій.—Я-то ихъ не боюсь, да какъ бы не подожгли чего! Вѣдь такого дѣла и ожидать было трудно...

— Ночью развѣ Самойлу верхомъ пошлемъ, авось прорвется черезъ нихъ.

Всталъ полковникъ изъ-за стола. Пошелъ съ Абдулкой опять наверхъ. Смотрятъ: къ толпѣ осаждающихъ подъѣхалъ какой-то фургончикъ парой. Сидѣвшій въ немъ о чемъ-то

говорилъ съ косарями. Вотъ собирается отъѣзжать, на домъ полковника смотритъ...

— Маши, Абдулъ, платкомъ; или хоть полотенцемъ помаши, авось замѣтятъ...

Сбѣгалъ Абдулъ за полотенцемъ, свѣсился съ балкона и давай махать.

— Кажись, изъ фургона махнули!—сказалъ Абдулка.

— Это тебѣ показалось, уѣхали... Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать?

Осаждающіе будто притихли къ вечеру, пошли къ шинку. Настала ночь. Разумѣется, ночью не спала ни на волосъ вся дворня полковника, карауля вездѣ, чтобы буяны не перебрались гдѣ во дворъ черезъ стѣны, или въ ворота. Говорятъ, что самъ полковникъ на цыпочкахъ, въ продолженіе всей темной, сырой ночи, не разъ обходилъ дозоромъ всѣ уголки двора, прислушиваясь къ побранкамъ и къ вольнымъ пѣснямъ неунимающихся буяновъ и три раза кормилъ собственными руками постоянно голодныхъ до той поры сторожевыхъ собакъ, и тѣ съ охрипшими отъ надрыва горлами лаяли и метались по двору всю ночь.—«Вотъ такъ Русь! — думалъ полковникъ: — чего только въ ней не бываетъ!»

Ночью, подъ предводительствомъ Самуйлика, была сдѣлана, въ видѣ рекогносцировки, вылазка со стороны осажденныхъ къ колодцу. Партія смѣльчаковъ состояла изъ самого Самуйлика, двухъ кухарокъ, повара и прачки. Они очень осторожно вышли и миновали оврагъ. Но за ними ввязалась одна изъ цѣнныхъ собакъ, наткнулась на сторожей у колодца, разлаялась, и ихъ открыли. Поднялась тревога. Отъ шинка двинулась куча въ погоню. Смѣльчаки бѣжать. У самыхъ воротъ произошла свалка и поварчука съѣздили сзади такъ по уху, что тотъ едва успѣлъ въ ворота вскочить. Воцарилась снова тишина.

Ночью, страшно усталый, полковникъ вздремнулъ-было на ходу, прилегши гдѣ-то въ залѣ на диванѣ. Вдругъ его будятъ.

— Что такое?

Смотритъ... Окна дома ярко освѣщены. Въ залѣ стоятъ также освѣщенные, блѣдные отъ испуга, его совѣтчики, Абдулка и Самуйликъ.

— Что это?

— Избы батрацкія горятъ, огонь къ овчарнямъ перебрасывается... Это они; тотъ-то бурлàка вѣрно поджёгъ-съ!

Молча взошелъ Панчуковскій опять на балконъ.

— Отдайте намъ дѣвку! дѣвку отдайте! доносились голоса сквозь дождь съ пригорка.

— Фу ты, пропасть!—сказалъ, въ свой чередъ, не выдержавъ, Панчуковскій.—Да что же это со мной дѣлается? Иди, Абдулъ, бери Оксану; отдай имъ... Вотъ не ожидалъ!

— Мы уже ходили къ ней, Владиміръ Алексѣичъ: да она сама теперь напугалась: сидитъ и дрожитъ, боится и выглянуть на эти чудеса.

— Съ чего же это все намъ сталося, Абдулъ?

— Жидъ-шельма, должно-быть, удралъ со страху; они вѣрно разбили бочку и перепились.

— Кричи же имъ, Абдулъ, что я все отдамъ: и Оксану, и деньги, какія просятъ,—чтобы только унялись!

Сталъ опять кричать Абдулъ, ничего не выходитъ. И звонкій дотолѣ голосъ его едва долеталъ черезъ ограду, въ шумѣ и въ ревѣ пожара, истреблявшаго батрацкія хаты. А отъ шинка неслись звуки бубна и пѣсенъ, несмотря на дружный дождь, шедшій съ вечера. Но небывалая ночь кончилась. Стало свѣтать. Густые туманы клубились вдали. Пожаръ не пошелъ далѣе.

Отъ толпы подошла къ воротамъ новая куча переговорщиковъ; всѣ они были пьяны и едва стояли на ногахъ.

— Что вамъ?

— Мы до полковника... пустите; мы за дѣломъ...

— Зачѣмъ?

— Дайте намъ дѣвку нашу, да бочку водки еще; мы уйдемъ.

— А кнутовъ? — закричалъ, не выдержавъ, Абдулка въ щель воротъ.

— Нѣтъ, теперь ужъ насъ никто не тронетъ; мы бурлаки, а бурлаковъ турецкій салтанъ беретъ теперь подъ покровъ!

Такіе толки дѣйствительно въ то время ходили между бѣглыми.

Пока люди полковника переговаривались съ пьяными депутатами, самъ Панчуковскій, совершенно растерянный, сидѣлъ у письменнаго стола.

— Не догадался я, забылъ послать ночью верхового въ

городъ или хоть къ сосѣдямъ: кто-нибудь прорвался бы на добромъ конѣ. А сегодня уже поздно: они оцѣпили хуторъ кругомъ и, какъ видно, идутъ напроломъ! Поневолѣ тутъ и о голубиной почтѣ вспомнишь.

Панчуковскій написалъ наскоро письмо къ Шутовкину, прося его дать знать объ этихъ событіяхъ въ станъ и въ городъ, и позвалъ Самуйлика.

— Ну, Самуйликъ, бери же лучшаго коня, да скачи къ Мосею Ильичу на хуторъ, напроломъ; авось проскачешь... А се я выпущу!

Вздохнулъ Самуйликъ, вспоминая собственные совѣты и предостереженія полковнику, когда тотъ замышлялъ объ Оксанѣ. Но не успѣлъ Панчуковскій передать кучеру письма, какъ съ надворья раздались новые крики.

— Что тамъ?—спросилъ полковникъ и побѣжалъ къ окну.

— На токъ, на токъ!—ревѣла толпа, подваливая снова отъ шинка: — скирды зажигать! Не соглашаются, такъ на токъ! Небось,—выдадутъ тогда! Валяй, а не то такъ и нивы запалимъ!

Опять загудѣли крики. Пьяные коноводы направлялись уже къ току. Душа Владиміра Алексѣевича начинала уходить въ пятки. Но въ это время вдали, за косогоромъ, звякнулъ колокольчикъ. Ближе звенитъ и ближе. Застучало сердце Панчуковскаго. Онъ вскочилъ и взбѣжалъ въ сотый разъ наверхъ. Разнокалиберный людъ столпился у шинка. Раздались крики: «исправникъ, исправникъ!» Не прошло и минуты, какъ толпа мигомъ пустилась вразсыпную, кто по дорогѣ, кто къ оврагамъ, кто въ недалекіе камыши. Кто былъ съ лошадью, вскочилъ верхомъ; всѣ пустились въ разныя стороны. Въ сизоватой дали, изъ-за косогора, точно показалась бричка вскачь на обывательскихъ. За нею, верхами же, скакали человѣкъ тридцать провожатыхъ. То были понятые. Такъ всегда здѣсь въ степи ѣздилъ на горячія слѣдствія любимецъ околотка, исправникъ изъ отставныхъ черноморскихъ моряковъ, капитанъ-лейтенантъ Подкованцевъ. За нимъ, также вскачь, ѣхалъ еще зеленый фургонъ.

Съ форсомъ подлетѣвъ къ растворенным ъ уже настежь воротамъ Панчуковскаго, Подкованцевъ остановился, скомандовалъ понятымъ: «ловить остальныхъ; кого захватите, въ кандалы! лихо! маршъ!» — въѣхалъ во дворъ, вылѣзъ изъ брички, взошелъ, пошатываясь, на крыльцо и въ сѣ-

вяхъ встрѣтился съ полковникомъ, у котораго, какъ говорится, лицо въ это время обратилось въ смятый, вынутый изъ кармана, платокъ.

— Честь имѣю во всякое время, кстати и некстати, явиться другомъ!—бойко отрапортовалъ залихватскій капитанъ-лейтенантъ, постоянно бывшій навеселѣ и говорившій всѣмъ помѣщикамъ своего округа «ты».

— Ахъ, какъ я радъ вамъ! Избавитель мой!

Панчуковскій обнялъ Подкованцева, поцѣловалъ его, хотѣлъ вести въ кабинетъ и остановился. За спиной станового стоялъ полупечально, полуосклабившись, въ той же знакомой синей курткѣ, рыжеватый гигантъ Шульцвейнъ.

— Какими судьбами?—тихо спросилъ, сильно покраснѣвъ, Панчуковскій.

— Вы г. Шульцвейну обязаны своимъ освобожденіемъ отъ шалостей моихъ пріятелей, бѣглыхъ, если они вамъ что̀ плохое сдѣлали!—сказалъ Подкованцевъ.

Панчуковскій въ смущеніи протянулъ руку колонисту и указалъ ему на развалины сгорѣвшихъ и еще дымившихся избъ.

— Да, — говорилъ, поглаживая усы, исправникъ: — меня г. Шульцвейнъ извѣстилъ; онъ меня за Мертвою нашелъ! Экъ, подлецы! кажется, мои бѣглые взаправду расшалились. Ужъ это извините; съ ними тутъ не шути. Надо облавы опять по уѣзду учинить. Ну-те, колонель, теперь бювѐнки, пока моя команда кое-что сдѣлаетъ. Эйнъ венигъ коньяку! А не худо бы и манжѐ; я цѣлыхъ три дня ничего не ѣлъ, за этими мертвыми тѣлами. Трехъ потрошилъ, лѣто—вонь... тьфу! Ты, впрочемъ, не удивляйся дерзости своихъ обидчиковъ; это у насъ бывало прежде чаще. Одному еврею-съ живому даже голову отпилили безпаспортники; я ее самъ видѣлъ. Вотръ сантѐ! — прибавилъ исправникъ, выпивая стаканъ коньяку: — такъ-таки ее и отпилили пилой, да еще тупою; я ее и за бородку держалъ! Тутъ ужъ они въ наготѣ-съ!

Принесли закуску. Подкованцевъ усѣлся надъ икрой и надъ балыками.

Шульцвейнъ кряхтѣлъ, ухмыляясь, потиралъ себѣ румяныя щеки и масляныя кудри и, сильно переконфуженный, похаживалъ возлѣ оконъ. Улучивъ минуту, онъ отозвалъ Панчуковскаго въ сторону.

— Скажите, пожалуйста, — началъ онъ, съ видимымъ участіемъ схвативъ полковника за руку: — неужели это правда, за что̀ поднялись на васъ эти негодяи?

— Что̀ такое? Я васъ не понимаю.

— Да о дѣвушкѣ этой-то: говорятъ, что дѣйствительно вы ее похитили?

— Вы вѣрите? не грѣхъ вамъ?

— Какъ тутъ не вѣрить? Я вотъ просто потерялся. Вы знаете, я свои степи часто объѣзжаю. Мой молодецъ вчера мимо васъ ко мнѣ спѣшилъ изъ Граубиндена, увидѣлъ здѣсь это дѣло, разспросилъ и прискакалъ ко мнѣ, а я ужъ поспѣшилъ вотъ къ исправнику.

— Очень вамъ благодаренъ! Но могу васъ увѣрить, что эти пущенные слухи — сущій вздоръ. Я не похищалъ этой дѣвушки, и ея у меня нѣтъ.

— За что̀ же эти буйства, скажите, эти поджоги? Удивительно!

— Слышите? — спросилъ Панчуковскій вмѣсто отвѣта, обратясь къ исправнику: — Шульцвейнъ удивляется, изъ-за какихъ это благъ я подвергся тутъ такому насилію!

— Могу васъ увѣрить,—отнесся черезъ комнату Подкованцевъ, жуя во весь ротъ сочный донской балыкъ: — за полковника я поручусь, ма фуа̀, какъ за себя! Это мой искренній другъ и дебошей дѣлать никогда онъ не былъ способенъ—пароль донёръ!

— За что̀ же, однако, эта толпа рѣшилась на такія дѣйствія?

Панчуковскій улыбнулся.

— Какой же вы чудакъ, почтеннѣйшій мой! Не знаете вы здѣшняго народа! Мой конторщикъ сбавилъ цѣну на этихъ дняхъ. Многіе стали съ половины недѣли, а пришли къ расчету, — всѣ одно захотѣли получить и подпили еще вдобавокъ. Шинкарь перепугался, ушелъ, а они бочку разбили. Что̀ дѣлать! На то наша Новороссія иногда Америкой зовется! Ее не подведешь подъ стать нашихъ старыхъ хуторовъ: что̀ въ Техасѣ творится, то и у насъ, въ южно-байрацкомъ уѣздѣ.

— Именно не подведешь, — гаркнулъ, утираясь, Подкованцевъ:—еще разъ, вотръ сантѐ! А теперь, поманжѐкавши, можно и за дѣла... Ну, что, Васильевъ?

На порогѣ залы показался рослый, бравый мужикъ. Это

былъ любимый исправницкій сотскій, какъ говорили о немъ, тоже изъ бѣглыхъ, давно приписавшихся въ этомъ краѣ.

— Что, поймалъ еще кого?

— Шестерыхъ изловили, ваше благородіе, а остальные разбѣжались.

— Лови и остальныхъ.

— Нельзя-съ; въ уѣздъ г. Сандараки перебѣжали, граница-съ тутъ за рѣкой...

— Вотъ и толкуйте съ нашими обычаями; бѣда-съ! Кого же поймали?

— Да изъ бунтовавшихъ главнаго только не захватили. Онъ еще ночью бѣжалъ, сказываютъ, въ лиманы, къ морю. Да онъ и въ поджогѣ не участвовалъ-съ, какъ показываютъ.

— Главный? Кто же онъ? Какъ о немъ говорятъ?

— Будто бы изъ бурлаковъ-съ, Левенчукомъ прозывается... Онъ за эту дѣвку ихъ высокоблагородія-съ... за нее и буйствовалъ, и другихъ подбилъ...

Подкованцевъ также подошелъ къ полковнику, взялъ его подъ руку и отвелъ къ окну.

— Экуте́, моншеръ. Ты мнѣ скажи по чистой совѣсти: укралъ ты дѣвку эту? ну, укралъ? Говори. Ты только скажи: я на нее взгляну только, а въ дѣлѣ ни-ни; какъ будто бы ея и не было... слышишь? Я только глазомъ однимъ взгляну!

— Ей-Богу же, это все враки! никого у меня нѣтъ!

Подкованцевъ почесалъ за ухомъ. Сѣрые глаза его были красны.

— Ну, Васильевъ, — обратился онъ къ сотскому: — заковать арестованныхъ и препроводить въ городъ! Отпускай понятыхъ изъ первой слободы, а тамъ бери новыхъ и такъ веди до мѣста... Маршъ!

— Насчетъ же опять той лошади убитой, бурлацкой, — спросилъ сотскій: — какъ прикажете? Это ихъ человѣкъ убилъ...

— Какъ приказать? Сними съ нея кожу и баста!.. на сапоги тебѣ будетъ! Вѣдь тоже бѣглая!

— Теперь же мы въ банчишку, синьоръ! — весело заключилъ исправникъ по уходѣ сотскаго, обращаясь къ хозяину. — А вы, мейнъ герръ, хотите? — подмигнулъ онъ Шульцвейну.

— Нѣтъ, пора домой-съ. Въ степь-съ надо.

Колонистъ походилъ еще немного возлѣ оконъ, взялъ шапку, простился и уѣхалъ, вздыхая.

Исправникъ же до поздней ночи попивалъ морской пуншъ, то-есть ромъ съ нѣсколькими каплями воды, игралъ съ Панчуковскимъ въ штосъ, выигралъ десять червонцевъ, поцѣловалъ хозяина въ обѣ щеки, сказалъ: — «Не унывай, Володя! мы дѣльцо обдѣлаемъ и съ виновныхъ взыщемъ!» — и уѣхалъ, напѣвая романсъ: — «морякъ, морякъ, изъ всѣхъ рубакъ ты выше и храбрѣе». — Адьё, милашка! — крикнулъ онъ Панчуковскому ужъ изъ-за воротъ и прибавилъ: — слушай, сердце! Мнѣ часто въ голову приходитъ: какъ я умру? своею смертью или не своею? Былъ я въ походахъ съ Нахимовымъ и чуму перенесъ... Богъ-вѣсть! Стоитъ ли объ этомъ думать?

— Какъ кому!

Исправникъ уѣхалъ.

— Ворота, однако, на запоръ отнынѣ постоянно! — сказалъ полковникъ слугамъ: — благо, что отдѣлались отъ одной бѣды; надо впередъ остерегаться еще болѣе...

— Аксютку же прикажете выпустить теперь? спросилъ Абдулка по отъѣздѣ исправника, ухмыляясь и раздѣвая барина въ кабинетѣ.

Полковникъ развалился на диванѣ и зѣвнулъ.

— Оксану-то?

— Да-съ; что ее теперь держать? Мы разыщемъ другую...

— Нѣтъ! пусть, Абдулъ, она еще поживетъ. Я поѣду пшеницу на хутора молотить, такъ ты ее тогда впередъ доставишь... Да не забудь и самоваръ туда съ провизіей отправить: а то я тогда безъ чаю тамъ просидѣлъ.

Полковникъ успокоился. Событія, однако, приняли иной, нежданный оборотъ.

Оглавленіе

I ТОМА.

Полностью —

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ **ВОСЬМОЕ**, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

БѢГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССІИ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ СИЛКАХЪ.

X.

Новое лицо—помѣщица изъ Россіи.

Дни клонились къ осени. Жиденькіе новороссійскіе садики по деревнямъ становились еще бѣднѣе. Листъ падалъ. Обитатели деревень болѣе задерживались въ домахъ. Комнатные цвѣты принимались съ воздушныхъ выставокъ обратно въ домъ за стекла. Изъ оконъ чаще гремѣли рояли. Книги сѣверныхъ журналовъ и газетъ читались болѣе. На токахъ усерднѣе стучали молотилки.

— Ну-съ,—спрашивалъ Панчуковскаго залихватскій волокита, купецъ Шутовкинъ, встрѣтившись съ нимъ у кого-то изъ общихъ знакомыхъ на пиршествѣ:—такъ ваша красавица чуть было васъ не погубила?

— Да, былъ грѣшокъ. Что дѣлать!

— Новую осаду Трои изволили выдержать!

— Выдержалъ, Мосей Ильичъ, пришлось испытать, нечего дѣлать!

Они, послѣ сытнаго обѣда, гуляли въ затихшемъ, но еще прелестномъ садикѣ.

— Каково же драгоцѣнное здравіе вашей Елены-съ? Я,

зай, уже съ овальцемъ теперь скоро будетъ? Моя же такъ давно ужъ съ животикомъ переваливается...

Шутовкинъ сказалъ и, утираясь платкомъ, засмѣялся. Ему было душно. Вино и вкусный обѣдъ брали надъ нимъ силу.

— Ахъ вы. старый волокита! Не стыдно ли вамъ? У васъ дѣти взрослыя, учитель нанятой—почтенный студентъ... Смотрите, что о васъ дамы толкуютъ, вы ужъ черезчуръ открыто дѣйствуете. Вонъ у меня тоже плѣнница живетъ, а такъ сокровенно, что никого не обижаетъ и всѣ ѣздятъ ко мнѣ...

— Не могу, не могу; это ужъ моя страсть къ бабёнкамъ ослѣпляетъ меня. Что мнѣ свѣтъ? Живу здѣсь въ волю-съ!.. Я потому и о вашей спросилъ-съ, извините меня... Я люблю дѣло на чистоту, свѣчей не тушу никогда-съ и ни при чемъ... Я вашихъ обрядовъ-съ не соблюдаю. Раскольникъ-съ, что дѣлать!

— Смотрите, однако, не пріударьте за моею! У меня нравы гарема; попадетесь—голову долой и сейчасъ въ мѣшокъ и въ воду! Я вѣдь тоже сродни туркамъ тутъ сдѣлался. Право, край у насъ роскошный, привольный. Вѣдь сюда кто ни попадись, перемѣнится. Люди тутъ какіе-то другіе становятся. Вотъ и съ вами...

— Такъ, такъ, а все-таки, Владиміръ Алексѣичъ, у меня крестины раньше вашихъ будутъ!—посмѣивался Шутовкинъ, продолжая ходить съ полковникомъ по садовой дорожкѣ, надъ обрывистымъ берегомъ Мертвой.

— Ахъ вы, забавникъ! Лучше покайтесь! Лучше скажите вашему учителю, что срокъ его должку подходитъ, чтобы везъ его скорѣе для уплаты кому слѣдуетъ: я поручитель, и у меня ужъ веди дѣло аккуратно...

Купецъ былъ на этотъ разъ не мало выпивши за обѣдомъ, снялъ на воздухѣ галстукъ, весело переваливался, шутилъ, пыхтѣлъ и безпрестанно ухмылялся. Сперва сталъ онъ разсказывать, какъ выгодно сбылъ сало, потомъ объ акціяхъ заговорилъ, наконецъ, спросилъ совершенно неожиданно:

— Послушайте, полковникъ: васъ тутъ нѣкоторые не любятъ, считаютъ гордецомъ! Правда ли, тутъ болтаютъ, будто вы не вдовецъ вовсе, а что у васъ гдѣ-то... извините... на Волгѣ тамъ, въ Россіи-съ... жена законная есть, и говорятъ даже еще, будто старая-престарая и злая? Ну,

скажите мнѣ откровенно, правда это? Если правда, то поздравляю, дружище: отлично сдѣлали, что бросили и ее, и наши старыя, россійскія мѣста-съ!..

Панчуковскій вспыхнулъ и остановился. Онъ долго не могъ прійти въ себя отъ нежданнаго вопроса пріятеля, искоса посмотрѣлъ ему въ глаза; но Шутовкинъ шелъ попрежнему безпечно, будто ничего не сказалъ, переваливался и утиралъ отвисшій, полный и потѣвшій подбородокъ.

Панчуковскій вздохнулъ и посмотрѣлъ на часы.

— Мосей Ильичъ!

— Ась? что вы?

Онъ копался съ подтяжками.

— Я долго тутъ остаться не могу, мнѣ надо ѣхать.

— Куда же вы?

— Позвольте... Вы спросили меня о такой вещи, такой, что я...

— Да вы не сердитесь, душенька! Ну, что̀ же дѣлать Была жена, была... понимаете?.. А теперь нѣту, и у васъ Оксаночка живетъ. Тѣмъ только и разница между нами: я вполнѣ кучу̀ себѣ, всласть, а вы частицей...

— Мосей Ильичъ, слушайте: если вы меня любите, прошу этого вздора никогда при мнѣ не говорить! Ну-съ... Слышите ли? Я не стерплю этого въ другой разъ! Понимаете? Я давно вдовецъ,—повторяю вамъ, вдовецъ... лишился жены: въ цвѣтѣ лѣтъ она умерла, бѣдняжка, и я оплакиваю ее день и ночь... Эта сплетня мнѣ особенно непріятна, и я прошу васъ, требую именемъ нашей дружбы, услуги моей вамъ, молю васъ — не упоминать ни мнѣ и никому · здѣсь другому о ней никогда. Жена моя умерла, и все, что̀ я имѣлъ, явившись сюда, есть завѣщанное мнѣ ея состояніе. Я самъ точно никогда ничего не имѣлъ. Такъ передъ такими женами-съ надо благоговѣть, а не шутить, и да будетъ стыдно тому, кто осмѣиваетъ подобныя чувства!

Панчуковскій сказалъ это дѣльно, твердо, огорченнымъ голосомъ и даже отвернулся.

— Ну-ну, не сердись, колонель! Вѣдь я пошутилъ. Я васъ люблю, крѣпко люблю. А съ нынѣшнимъ вашимъ домашнимъ благополучіемъ васъ отъ души и отъ всего сердца-съ поздравляю. Товарищи мои, портовые купцы, смѣются, что я живу нараспашку. А бѣсъ ихъ побери!

Что, однако, у васъ за новый случай произошелъ, послѣ этой-то стычки съ косарями?

— Какой?

Полковникъ ходилъ еще взволнованный и кисло посматривалъ на обнаженныя вѣтви сада.

— Да насчетъ вашего лакея, татарина этого.

— Ахъ, да, правда! вотъ случай, вотъ жалость! Бѣдняжку этого, Абдулку, я посылалъ за расчетомъ въ городокъ, въ хлѣбную контору. Онъ деньги привезъ; но дорогою гдѣ-то, несчастный, поѣлъ въ шинкѣ порченой соленой рыбы, пріѣхалъ домой, мучился сутки и сгорѣлъ такъ, что ничего не могли сдѣлать, и докторъ былъ... Я доктора изъ города на подставныхъ вызывалъ... Вы знаете, я самъ готовъ околѣть иной разъ, а ужъ для людей я стараюсь. Тутъ у васъ въ Новороссіи мы не помѣщики. Вольный трудъ здѣсь нашего брата поневолѣ очищаетъ, дѣлаетъ человѣкомъ. И за это искреннее благодареніе вашимъ чуднымъ, привольнымъ мѣстамъ...

Полковникъ оживился, повеселѣлъ. Онъ добродушно сталъ разглядывать тихіе, туманные виды окрестныхъ степей, открывшіеся передъ ними съ пригорка, на краю сада. Голосъ его звучалъ мягче.

— Что за прелестныя мѣста, Мосей Ильичъ, посмотрите: вонъ алексинская церковь бѣлѣетъ, верхушка ея чуть сверкаетъ въ туманѣ; вонъ чичибеевскіе курганы; вонъ обозъ чумаковъ тянется... Ну, не счастье ли, не рай ли земной у насъ?

— А вы на выборы собираетесь?

— Какой вы чудакъ! Что вы о выборахъ вспомнили?

— Да такъ-съ. Часто я думаю, отчего это мы, купцы, исключены изъ дѣла земства-съ...

Они прошли еще нѣсколько по саду. Изъ дома звучала полька. Барышни затѣвали танцовать.

— Скажите, однако, какое несчастье!—продолжалъ Шутовкинъ:—я все о вашемъ слугѣ думаю... Значитъ, у васъ теперь лакея нѣтъ? Вы ищете новаго?

— Нашелъ уже; благодарю васъ.

— Гдѣ? Вотъ и отлично-съ.

— У нѣмца Шульцвейна, молодца изъ его хутора, что онъ возлѣ Дону нанялъ. Спасибо нѣмцу, хоть этимъ мнѣ удружилъ,—уступилъ. Я его усиленно просилъ. Приходилось

хоть самому сапоги чистить. Онъ у него разсыльнымъ съ осени былъ, такой проворный, бойкій, хоть и не молодой уже, кажется, человѣкъ. Онъ имъ доволенъ былъ, да раскусилъ, что онъ бѣглый, и отпустилъ его. Честный нѣмецъ бѣглыхъ не долюбливаетъ. Трусить, боится, не то, что мы съ вами...

— Не Митька Базарный? Я того знаю: воръ...

— Нѣтъ, Аксентій Шкатулкинъ.

— Аксентій Шкатулкинъ! позвольте, позвольте, я что-то припоминаю: не было ли о немъ публикацій? Должно-быть, были. Вѣрно изъ неводчиковъ досталъ? Вы не слышали?

— А прахъ ихъ побери! Я ихъ не разбираю! У меня все почти бѣглыми идетъ работа; оно лучше и дешевле. Развѣ когда отъ этого пострадаю! Мой штатъ вольный, какъ вы знаете, милости просимъ всѣхъ! Я на моихъ бѣглыхъ какъ на гору надѣюсь. Вѣдь провѣдай обо мнѣ петербургскіе журналисты, они меня за эти мои штуки со свѣту сгонятъ. Да что на нихъ смотрѣть! Я, впрочемъ, какъ былъ въ Питерѣ, знакомство съ ними шапочное велъ. Славные люди, все бонвиваны. Бюрократы тамошніе, однако, лучше, зрѣлѣе и дѣльнѣе. А все-таки, Мосей Ильичъ, у насъ лучше живется, чѣмъ у нихъ. Неправда ли? Кладъ, а не земелька; уголокъ непочатой, своя Элебема и Висконсинъ, вѣдь такъ? Сколько вы, позвольте, за сало разсчитываете получить осенью?

— Да тысячъ двѣнадцать серебрецомъ опять въ одинъ разъ получу.

— Ну, а я-съ за мою пшеничку да за ленъ такъ тысячъ сотенку цѣлковыхъ загребу... Вѣдь посѣвъ у меня теперь былъ сказочный-съ. Такъ какъ же себя не побаловать бабёнками послѣ этого? Правда? Въ нашихъ старыхъ городахъ этихъ лакомствъ не знаютъ настолько.

— Чуть, однако, бѣглые васъ-было не убили. Не мѣшало бы вамъ ихъ побаиваться. Ну, да авось сойдетъ!

— Что мнѣ ихъ бояться! Деньги у меня припрятаны въ такомъ мѣстечкѣ, что не скоро до нихъ доберешься. Въ кабинетѣ на стѣнѣ и въ спальнѣ у кровати всегда готово оружіе. Стѣны вокругъ двора высокія, ворота надежныя.

— Не въ наружныхъ ворахъ бываетъ опасность, дру-

жище, а во внутреннихъ. Вотъ что! Домашній врагъ опаснѣе всякаго другого...

— Вы думаете?

Полковникъ оглянулся по саду.

— Домашняя прислуга,—сказалъ онъ шопотомъ:—куплена у меня такими деньгами, о какихъ здѣшнимъ скаредамъ-помѣщикамъ и въ голову не придетъ никогда. Я на мою дворню какъ на самого себя надѣюсь!

— Да увѣрены ли вы, напримѣръ, въ этомъ-то новомъ, все-таки, повторяю, своемъ слугѣ?

— Въ Аксентіи?

— Да-съ, въ Шкатулкинѣ, что ли, какъ вы сказали?

Полковникъ улыбнулся и опять по привычкѣ посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Это, скажу вамъ, камрадъ, такое чистое, добродушное, простое и глуповатое созданіе, что прелесть! На-дняхъ я по ошибкѣ далъ ему для размѣна сторублевую вмѣсто десятирублевой депозитки, впотьмахъ. Что же бы вы думали? Принесъ изъ алексинскаго шинка, смѣется и говоритъ: вы только, баринъ, молчите, а мелочи дали лишнихъ девяносто цѣлковыхъ. Я, разумѣется, расчелъ свои деньги, вижу, что лишняго ничего не было. Но, какова приверженность! А?..

— Радуйтесь, что и говорить! Но лучше берегитесь; знаете, какіе слухи ходятъ: уѣздъ нашъ наполненъ фальшивыми монетчиками; на Сивашѣ, за Арбатской-стрѣлкой, разбойникъ настоящій показался; бродяги по донскимъ дорогамъ пошаливать стали; почту ужъ съ конвоемъ отправляютъ...

— Я спокоенъ и вамъ совѣтую бросить лишніе страхи.

— А ваша осада? Не подвернись приказчикъ Шульцвейна, не увѣдомь онъ исправника, — вѣдь вы пропали бы даромъ, какъ муха-съ...

— О, вздоръ какой!

— Вздоръ, подите же! А я повторяю, не будь у насъ все такъ-то-съ на Руси, гдѣ еще нагайка десятскаго, да зычный крикъ капитанъ-лейтенанта Подкованцева-съ тысячную толпу способны разсѣять, аки вѣтерокъ облачка-съ во поднебесьи, то сослужили бы мы по васъ панихиду-съ, Владиміръ Алексѣичъ!

Панчуковскій, посматривая съ пригорка, откуда и его Новая-Диканька виднѣлась, курилъ сигару и посмѣивался.

— Вы смѣетесь?

— Да, смѣюсь, потому что наша чернь еще глупа, тупа и безобразна.

— Не шутите, полковникъ, съ нашими тихими и добрыми мужичками, не употребляйте во зло ихъ кротости и смиренія-съ. Я самъ изъ мужичковъ-съ, честь имѣю доложиться...

— Вы, Мосей Ильичъ? Вы... происхожденіемъ?..

— Да, я-съ; я былъ сибирскимъ-съ ямщикомъ, въ юности въ бабки игрывалъ, сѣкали меня; землю пахивалъ своими собственными руками...

— Вы, вы?

— Я, я-съ?

— Вотъ не ожидалъ...

И полковникъ невольно окинулъ глазами Шутовкина съ головы до ногъ, будто впервые его видѣлъ.

— Чай, съ презрѣніемъ-съ считаете меня дуракомъ и за расколъ-съ? Дѣло нерѣшенное, ваше высокоблагородіе. А я никому вреда не дѣлаю. Заводы мои идутъ отлично! Я на армію свѣчи поставляю, въ гильдію плачу; вонъ три воскресныхъ школы на свой коштъ соорудилъ въ здѣшнихъ городахъ и ихъ содержу; книжекъ пропасть покупаю въ Питерѣ, хоть самъ малость читаю; библіотеку въ деревнѣ у себя сочинить успѣлъ,—заѣзжайте только читать! Картинъ изъ Москвы навезъ, почти всю выставку въ послѣдній разъ тамъ закупилъ, журналисту тоже тамъ одному бѣднячку малую толику далъ... Да-съ. А войди ко мнѣ въ домъ, на хуторѣ, гдѣ я живу, чего тамъ только нѣтъ? И статуи изъ Греціи-съ, въ магазинѣ въ Одессѣ купилъ: и фортепьянъ двое; цвѣты, ковры, бронза, всякія украшенія, яства-съ тончайшія, вина... Учителя молодца держу при дѣтяхъ—вы его достаточно знаете—школю ихъ, чтобъ не дураками вышли; въ Москву въ университетъ повезу и тутъ же во здравіе ихъ новую тамъ жертву, что ли, для науки этой, соблаготворю... А? Что? Чѣмъ же я не человѣкъ-то теперь, ваше высокоблагородіе? Развѣ что въ чинахъ только не произошелъ ничуть, да въ сенатскихъ книгахъ помѣщикомъ не прописанъ...

Шутовкинъ разгорячился. За шейнымъ платкомъ снялъ сюртукъ, а, наконецъ, и жилетъ. Несмотря на сѣрый денёкъ, ему было нестерпимо душно. Онъ сѣлъ на лавочку.

— Эка душно-то мнѣ, душно! Природа ужъ у меня такая сильная. Я и дѣвочку эту не изъ блажи какой похитилъ. Что дѣлать! Слабъ есмь человѣкъ, да и все тутъ! Ну, а какъ Русь-то наша въ опасности, не дай Богъ, очутится? Кто больше сыпнётъ деньгами-то? Я или вы, ваше высокоблагородіе? Ну-ка, рѣшите? Что?..

Полковникъ ничего на это не отвѣтилъ. Пошли пріятели дальше по дорожкѣ. Вечерѣло. Шутовкинъ опять одѣлся; сползъ, пошатываясь, съ берега къ рѣкѣ, умылся, освѣжился и окончательно сталъ молодцомъ.

— Толстякъ, жирный волокита! Такъ-то вы меня всѣ и зовете! А моя барышня у меня на свободѣ вонъ ходитъ, въ почетѣ и уваженіи. А ваша? за что вы ее томите одну? Хоть бы ихъ познакомить намъ, душечка, что ли?

— Чудакъ вы, право! Ваше положеніе и мое! Это два разные свѣта. Не могу я такъ шутить своими отношеніями къ людямъ, какъ вы.

— Не можете? Гм!..

Шутовкинъ посвисталъ и опять сѣлъ на скамеечку.

— А правда, что вы ужъ и ребрушки помяли вашей красавицѣ?

— Опять сплетни! Да оставьте ихъ, ради Бога; то о живой будто бы женѣ моей, то опять о какихъ-то моихъ жестокостяхъ! И кто это вамъ мелетъ?

— Та-та-та! На-поди! Будто я ужъ васъ и не знаю, камрадъ! Вѣдь вы звѣрь лютый; ну, что нѣжничать-то! Теперь вотъ я мелю съ похмелья. А трезвый я этого, можетъ-быть, и не сказалъ бы вамъ.

Пріятели еще потолковали и пошли въ домъ, гдѣ подали уже свѣчи.

Намеки Шутовкина, однако, остались не безъ послѣдствій для полковника. Панчуковскій сталъ еще осторожнѣе съ знакомыми. Въ это время ему прислали изъ Вѣны и изъ Парижа множество вещей для послѣдней отдѣлки дома: бронзы, деревянныхъ рѣзныхъ подѣлокъ, обоевъ, тканей, зеркалъ и ковровъ. Русскій человѣкъ уже не можетъ обойтись безъ того, чтобы, мало-мальски устроивъ свои дѣла, не затѣять отдѣлывать и превратить свой домъ въ подобіе луврскаго дворца или, по крайней мѣрѣ, магазина мануфактурныхъ издѣлій, причемъ первые бренные барыши, потраченные съ такимъ умомъ, обыкновенно на этомъ убы-

ваютъ и самое дѣло. Сосѣди съѣзжались теперь снова смотрѣть на диковинки полковника. Онъ былъ наверху блаженства, и, указывая на разгружаемые транспорты ящиковъ съ мебелью, зеркалами, фарфоромъ и бронзами, повторялъ:

— Да, господа, я не мотъ, но человѣкъ земли, праха... Люблю пожить, люблю довольство за его поэтическія, лучшія стороны. Ужъ на пустяки я денегъ не брошу; зато эти у меня разные-съ дубовые, орѣховые и березовые столики, кресла и диванчики — прямо отъ Кейзерлинга изъ Вѣны; эти подражанія гобеленамъ—изъ Парижа... Все здѣсь чудеса рукъ первыхъ артистовъ!

— Вамъ бы жениться, жениться!—повторяли старушки-болтушки изъ сосѣдокъ, всегда падкія подкузьмить ближняго какой-нибудь застарѣлою внучкой или золотушною и кислою племянницей.

— О! Владиміру Алексѣичу некогда о такомъ вздорѣ думать, о женитьбѣ; у него столько дѣла, хлопотъ!—говорили тутъ же на это сами внучки и племянницы, лорнируя мебель, бронзы и гобелены, но въ то же время не забывая изрѣдка обратить лорнетъ, будто бы нечаянно, и на щегольской сюртучокъ самого полковника; на его лаковые полусапожки, затѣйливую часовую цѣпь, съ колчаномъ стрѣлъ и съ лукомъ купидона, между кучею брелоковъ, а еще болѣе взглядывали онѣ на его убійственные раздушонные усики и на нѣжно-темные, губительные и вмѣстѣ ласковые глазки, когда онъ стоялъ между ними и ораторствовалъ.

Женскій полъ, въ знакъ особаго уваженія, не переставалъ посѣщать, въ сопровожденіи мужского пола, счастливаго обитателя вновь созданнаго въ этой глуши хутора Новой-Диканьки. А полковникъ не переставалъ ликовать.

— Что старая Диканька!—говорили нѣкоторые изъ его друзей:—что изъ того, что ее вмѣстѣ съ старосвѣтскою умирающею Украйною воспѣлъ Гоголь! Эта старосвѣтская Украйна была когда-то хороша! Теперь это все еще милая, но уже печальная и пустынная могила... Жизнь здѣсь, а не тамъ, здѣсь у насъ, въ нашей Новороссіи! Здѣсь всѣ надежды юга! Отсюда выйдетъ его будущность. Давно ли вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ одинъ вѣтеръ пустынный бродилъ, бурьяны, ковыль да чертополохъ произрастали, перекати-поле прыгало; а теперь тутъ мигомъ выросъ поселокъ

явился чудный домъ, оживленное общество шумитъ, веселится, рояль гремитъ, чудеса свѣта сюда стекаются.

— Искусственный плодъ все это!—замѣчали другіе.

— Жениться, жениться, жениться вамъ!—продолжали въ то же время шушукать полковнику болтушки-старушки.

На ихъ улыбки улыбался и онъ, попрежнему ораторствовалъ, шутилъ, спорилъ и пускался въ объясненіе живѣйшихъ вопросовъ современности.

— Это не человѣкъ! Нѣтъ, это какое-то божество!—говорили о немъ дамы, возвращаясь иной разъ съ веселой прогулки цѣлымъ обществомъ въ Новую-Диканьку.

— Ну, божество не божество,—возражали суровые мужчины, нагруженные всякими яствами и тонкими питіями до отвалу:—а человѣкъ онъ, точно, хорошій. Главное—товарищъ отличный, дока на дѣла и вмѣстѣ не спесивъ.

Гости уѣзжали. Полковникъ садился за счеты, соображенія, пускался бродить и ѣздить по хозяйству.

«Еще такихъ года два-три», — думалъ онъ, раскинувшись иной разъ въ кабинетѣ на диванчикѣ, съ сигарой въ зубахъ, — и я буду въ полумилліонѣ чистаго капитала! Тогда я произведу расчетъ всѣмъ дѣламъ, все мелочное обращу въ наличныя деньги—и... куда же тогда? Въ Петербургъ? Да, многимъ тамъ можно будетъ пыли пустить въ глаза такимъ капиталомъ! Сперва поважничаю, вечера устрою тамъ, вторники, что ли, или четверги. Въ финансовый міръ попаду, станутъ ко мнѣ ѣздить все дѣйствительные, да тайные... Предлагать станутъ мѣста... Развѣ въ губернаторы тогда куда-нибудь поѣхать на время?.. Еще въ министры такъ, пожалуй, попадешь... Вотъ, чортъ-возьми, счастье! Да и женщинъ новыхъ увидимъ! А дѣла пойдутъ все лучше и шире; устрою какое-нибудь общество на югѣ... Нѣтъ, Диканьки моей тогда не продамъ... А не лучше ли на старость куда-нибудь въ чужіе края, на Лако-ди-Комо, или въ Байскій заливъ по пути сластолюбивыхъ счастливцевъ, римскихъ императоровъ?.. Въ Диканьку мою станутъ путешественники съѣзжаться, смотрѣть на ея устройство... И какъ подумаешь, все дѣло рукъ одного человѣка... одного!»

— Баринъ, барышня прогуляться просится,—прерывалъ часто въ такія мгновенія мечты полковника новый слуга его, Аксенъ Шкатулкинъ.

Вслѣдъ за этимъ слугою и вся дворня начала Оксану звать уже барышней.

— Прогуляться? Что? Я не разслышалъ, Аксентій...

— Да-съ, на воздухъ-съ. Затомилась, должно-быть, наверху...

— А! хорошо; иди ты съ нею, побереги ее тамъ, знаешь, пока...

Лѣстница тихо скрипѣла. Въ платочкѣ, блѣдная, тихая, но такая же, какъ была, хорошенькая, Оксана пугливо и бережно спускалась съ своей вышки, съ мезонина, и шла освѣжиться за ворота, а когда не ожидали гостей, то и далѣе, въ поле и къ овчарнямъ.

Ревнивый, или, скорѣе, чопорно-скрытный съ товарищами, Панчуковскій вовсе, между тѣмъ, не скрывался отъ своей дворни. Оберегательница Оксаны, старуха Домáха, иногда прихварывала, и полковникъ отпускалъ свою плѣнницу гулять либо съ кучеромъ Самойлой, либо съ новымъ слугой Аксеномъ. Самойло и въ прогулкахъ не покидалъ своего мрачнаго настроенія, безпрестанно вздыхалъ, бормоталъ себѣ подъ-носъ не то молитвы, не то упреки и жалобы на свое горемычное положеніе, что вотъ живетъ онъ теперь какъ песъ бездомный, что у него виду-то Божьяго нѣтъ, то-есть паспорта, что заставляютъ его иногда нехорошія дѣла дѣлать, и ужъ тутъ хоть чтò ни говори, а приказанія барина ослушаться не слѣдуетъ, и что кто его похоронитъ-то, когда онъ тутъ безъ вѣсти пропадетъ, безъ толку мыкаясь, а что въ Россіи у него и женушка брошена, и дѣтки малыя тамъ есть, вѣрно плачутся на него, житье свое безталанное и безпомощное проклинаютъ... Воркунъ былъ Самойло большой, на грудь онъ часто жаловался, что лошади полковника его какъ-то разъ побили, когда онъ ихъ наскакивалъ въ четвернѣ. Походитъ Самойло съ Оксаной за воротами, кнутикомъ по травѣ помашетъ и воротится. Скучно ей было ходить съ нимъ.

— Дядюшка, пойдемте хоть чуточку дальше, вонъ къ овчарнямъ, либо хоть къ тому вонъ колодцу дойдемъ!—говорила Оксана, похаживая по травкѣ.

— Нельзя, сердце, нельзя! Баринъ увидитъ; пора ужъ и домой. Теперь тоже ходи съ тобой, а тамъ лошадей пора кормить, коляску помыть надо безпремѣнно.

— Ахъ, какой же вы, дядюшка Самойло Осипычъ! Ну,

хоть вонъ на тотъ пригорочекъ, дайте я сама добѣгу. Ноги дайте размять, сердце мое, вся душа во мнѣ изныла... Какой онъ вамъ баринъ!

— Нельзя, о, и не говори лучше! Баринъ морду побьетъ: тебѣ ничего, а мнѣ каково, какъ уйдешь?

— Да что же каково-то?

— Да какъ ты убѣжишь, говорю, отъ меня вовсе-то?

— Куда? Я! Богъ съ вами, дядюшка! И что вамъ приснилось!

Самойло не сдавался и ворчалъ поминутно, не покидая Оксаны и подозрительно поглядывая на свою спутницу. Оксана начинала плакать.

— Постылая-постылая, проклятая жизнь! Боже, Господи,—говорила она:—хоть смерть пошли, хоть кару какую небесную, болѣзнь—чтобъ я ослѣпла, горя своего не видала; чтобъ красота моя пропала, чтобъ и не смотрѣлъ онъ больше на меня, отказался бы отъ меня!..

Самойло вынималъ изъ-за сапога трубку, набивалъ ее и, поглаживая сѣдую широкую бороду, начиналъ дымить любимый тютюнецъ. Оксана смотрѣла вдаль. Слезы душили ее. Она старалась въ сизомъ туманѣ разглядѣть если не самый Святодуховъ-Кутъ, то хоть бы путь къ нему, хотя бы, среди печальныхъ и обнаженныхъ нивъ и сѣнокосовъ, холмовъ и лощинокъ, затерянную туда степную дорожку. По этой самой дорожкѣ еще такъ недавно летѣлъ полный надеждъ на барыши студентъ Михайловъ, невольная причина ея печальнаго похищенія. Вспоминаются Оксанѣ еще недавнія любимыя ея пѣсни, которымъ ее учила старая дьячиха. Она старается запѣть ихъ, стоя поодаль отъ Самойлы на пригоркѣ, за оградою дома, но слова и голосъ ей не служатъ. И пѣсни-то она будто уже всѣ забыла. Она усиливается, напѣваетъ... Голосъ ея дрожитъ.

— Э, сердце! Да ты пѣсни хорошія знаешь! Спой-ка еще, спой; я барину скажу, ты и ему запой, онъ тебѣ подаритъ что-нибудь.

Оксана Самойлѣ отвѣшивала низкій поклонъ.

— Оставьте меня, дядюшка, увольте! Коли я жива, то не томите меня, въ гробъ заранѣе не гоните! Пропала моя честь и душенька моя распропала... Горько-съ!

— Да развѣ тебѣ плохо тутъ жить-то, развѣ тебя не холятъ всѣ? Или ты его и взаправду не любишь?

— Не спрашивайте меня про это; про это доля моя знаетъ, бѣдная, горемычная... Маюсь я такъ-то у васъ, почитай, какъ неживая...

Дважды, впрочемъ, въ первые мѣсяцы пыталась Оксана убѣжать. Одинъ разъ нашли ее на сѣновалѣ, куда она спряталась-было, какъ-то уйдя до зари сверху изъ дому и ожидая, пока ворота отопрутъ. Потомъ она тайкомъ переодѣлась въ платье Домахи, повязалась ея старымъ платкомъ, накинула на плечи ея шубейку и съ ведромъ такъ дошла-было уже до колодца. Но тутъ узналъ и воротилъ ее поваренокъ Антропка. Сильно она просилась у него, молила его, кланялась ему, обѣщаясь заплатить за свой побѣгъ.

— Э, сволочь!—заключилъ на эти вопли Антропка:—еще па васъ смотрѣть! Съ жиру бѣситесь! Маршъ назадъ, къ барину-то! Чего слезы распустила! Туда же въ недотроги мостится!

И онъ ее силой воротилъ, притащивъ въ самый кабинетъ полковника, котораго, впрочемъ, тогда дома не было.

Строгости надзора надъ Оксаною не прекращались.

— Пока она у меня, всѣмъ вамъ двойное жалованье,— рѣшилъ Панчуковскій, созвавшій всю дворню по случаю этого второго приключенія:—слышите? всѣмъ двойное жалованье, сколько бы времени тутъ ни прожила.

— Слышимъ,—будемъ стараться-съ!

— А тебѣ, Антропка, вотъ... за услугу!

Полковникъ бросилъ Антропкѣ депозитку. Тотъ ему ручку поцѣловалъ.

— Такъ я же, смотрите, не шучу. А уйдетъ, всѣхъ долой прогоню... Слышите?

— Будьте спокойны-съ; мы ужъ не выпустимъ Оксанки-съ.

— Да языки держите тоже на привязи; а выйдетъ что̀-нибудь, какая сплётка, — кромѣ того, что прогоню, еще вздую. Слышите? плети! Вѣдь вы меня знаете.

— Слушаемъ-съ, какъ не знать? — ухмылялась безпаспортная дворня.

— То-то же!

Полковникъ въ тотъ же вечеръ, послѣ новаго побѣга, отправился наверхъ къ бѣглянкѣ.

— А тебѣ, плутовка, не стыдно? бросать меня, а? Ну, скажи, не стыдно? Что̀ тебѣ отецъ-то Палладій? Лучше

тебѣ тамъ жилось, что ли, какъ ты тамъ стряпала, дрова да воду носила?

Молчаніе.

— Домаха, уйди отсюда...

Домаха вышла за двери. Полковникъ съ Оксаной остались одни.

— Оксаночка, не стыдно ли? Ты здѣсь какъ у матери въ холѣ! А бросишь меня,—вѣдь я поймаю, что тогда будетъ? Вѣдь я со дна моря найду тебя опять!

Опять молчаніе. Полковникъ треплетъ плѣнницу по щекѣ, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, на колѣни къ себѣ посадилъ.

— Вѣдь я тебя не упущу больше; ни-ни! извини, уже, шалишь! Никому тебя не отдамъ...

Новое молчаніе.

— А поймаю,—извини: на конюшнѣ, душечка, высѣку... О, я злой на это! Чикъ-чикъ, чикъ-чикъ! да!..

Оксана становится бѣлѣе стѣны. Полковникъ обнимаетъ ее еще крѣпче.

— Да, ужъ за это извини, я не люблю шутить! У меня будь, мое сердце, покорна—озолочу тебя, а непокорна—и самъ прогоню, только прежде розочекъ всыплю... Ну, что же ты молчишь? Цѣлуй же меня, ну, обними!.. Вотъ такъ! да крѣпче, крѣпче... еще!..

«Боже, Господи! Хоть бы ты убилъ меня тутъ!—думаетъ Оксана, обнимая полковника: — или хоть бы я на это змѣей была, чтобъ отъ моихъ губъ-то онъ сырою землею почернѣлъ!»

— Да что же ты молчишь, насупилась, будто сердишься на меня? Э! Я этого тоже не люблю, ты знаешь! Ну, коли убѣжать хотѣла и тебя простили, такъ смѣйся! Смѣйся же, говорю тебѣ, смѣйся!.. Вотъ такъ, такъ... Ну, а теперь опять цѣлуй!.. такъ! и опять смѣйся!.. Покоришься, будешь по волѣ жить... у меня тоже мѣщаночка такая была!..

Оксана сквозь слезы обнимала Панчуковскаго, приневоленная ластилась къ нему, скрывала горе и муки свои. А когда она оставалась одна, то рыдала, весь свѣтъ проклиная; ей особенно мучительными казались нѣмыя стѣны ея вышки, и она долго-долго, сама не зная, о чемъ думаетъ, смотрѣла все на узенькое окошко съ желѣзною рѣшеткой въ своей комнаткѣ, да на двери, будто все ожидая кого-то

и будто не вѣря еще, чтобы ея мученію не могло быть когда-нибудь нежданнаго конца.

Зато съ новымъ слугою полковника Оксана любила гулять въ тѣ дни, когда болѣе и болѣе хирѣвшая оберегательница ея Домаха не сходила по цѣлымъ днямъ съ своего коврика, отъ ея дверей, изъ темнаго уголка на верхней площадкѣ лѣстницы. Аксентій Шкатулкинъ былъ человѣкъ уже не первой молодости, сильно потертый, какъ видно, и помятый жизнью. Онъ держалъ себя весело, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то степенно и набожно, какъ многіе русскіе люди, окончательно положившіе перейти отъ широкой и загульной жизни къ покаянію, если только этому покаянію выпадало на долю дѣйствительно когда-нибудь осуществиться. Онъ ходилъ чистенько, не пилъ, не шумѣлъ, не бѣгалъ въ шинокъ, тотчасъ сошелся со всею дворнею и часто молился вслухъ, особенно на сонъ грядущій. Въ его полотняной сумочкѣ, когда онъ смиренно приплелся отъ Шульцвейна къ полковнику, оказались и были замѣчены дворней кажаный бубенъ съ погремушками и святцы.

— Да вы, почитай, не изъ духовныхъ ли?—допрашивали его на первыхъ порахъ дворовые полковника.

— О, никакъ нѣтъ-съ! о, ей-же-Богу, нѣтъ! Я простой-съ... человѣчекъ такъ себѣ-съ...

— Такъ вѣрно вы изъ музыкантовъ чьихъ-нибудь, того-съ, тягу дали?..

— О нѣтъ, и это, ей-же-Богу, нѣтъ! и не изъ музыкантовъ.

— Такъ зачѣмъ же вамъ бубенъ да святцы?

— Когда мнѣ скучно бываетъ, я помолюся; когда же весело—въ бубенъ поиграю...

— Брррраво!—закричалъ на это кто-то изъ батраковъ:—такихъ-то намъ и надо!

Оксана, повторяемъ, не отказывалась гулять съ Аксентіемъ. Уйдетъ съ нимъ за ворота, а тамъ къ батрацкимъ избамъ, къ овчарнямъ, къ колодцу, а часто и въ поле. Сядетъ съ нимъ на пригоркѣ, слушаетъ его, смотритъ въ степь на поля, какъ тамъ на зиму подъ жито пашутъ, вороны за плугомъ ходятъ, или сама что-нибудь говоритъ Шкатулкину, облегчая душу.

— Вы вотъ, дядюшка Аксентій Данилычъ, не то, что нашъ Самойло Осипычъ.

— А какъ-съ такъ, моя царица? говорите.

— Да вы вонъ тоже приставлены, а добрѣе его.

— Вы полагаете-съ? Быть тому не можетъ-съ! Такъ ли?

— О, какъ же! И еще я-съ впервые, можно-сказать, вижу такую услужливость, хоть вы и стары-съ, дяденька.

— Вы полагаете? Такъ-съ! пусть я старъ. А вы бы меня полюбили, коли бы я, примѣромъ сказать, не халуй былъ, а тоже, положимъ, полковникъ-съ? Отвѣчайте на это, барышня, а?..

Оксана повеселѣетъ отъ шутокъ Аксентія и часто, бывало, шутитъ съ нимъ, смѣется отъ души. Они въ полѣ и въ карты на виду у всѣхъ играли. Либо Оксана шьетъ, а Шкатулкинъ сядетъ противъ нея, поодаль на корточкахъ, да посвистываетъ, въ бубенъ играетъ. Полковникъ самъ это видѣлъ иногда съ балкона и хвалилъ Шкатулкина за услужливость.

— Вы, барышня, сиротка-съ?—спрашивалъ Аксентій.

— Да-съ. А вы?

— У меня не спрашивайте. Я непотребенъ-съ...

— Какъ-съ, непотребны? Это какъ-съ?

— Я бродяга-съ чуть не сызмальства. Отца, мать хоть и помню, да что толку? Мало они меня учили, что такимъ дуракомъ сталъ.

— Жаль васъ, жаль, дяденька...

— Да что меня жалѣть-то? Говорю вамъ, что я никуда негоденъ-съ сталъ. Вы вотъ лучше, барышня, скажите... правда ли это, что вы... дочь убитаго бѣглаго-съ бѣдняги, бурлачка-съ? того вотъ, что тутъ неподалечку когда-то былъ зарѣзанъ, тоже... извините... другимъ бродягой-съ...

— Правда... охъ, правда, дядюшка! я самая и есть... А вамъ меня жалко? Кто вамъ сказывалъ?

Шкатулкинъ мялся на мѣстѣ, закидывался навзничь, посвистывалъ и опять вставалъ. День вечерѣлъ. Они сидѣли у колодца надъ оврагомъ, въ виду широкой зеленой поляны, по которой паслись овцы и лѣниво ходилъ пастухъ.

— Мнѣ-то васъ жалко ли?—замѣчалъ Аксентій, оглядываясь:—мнѣ-то жалко ли?

— Да-съ.

— Еще бы васъ не жалѣть-съ, когда я... такъ сказать...

съ вашимъ батюшкой, выходитъ... съ тѣмъ-то вотъ, значитъ, съ зарѣзаннымъ..

— Ну, ну?

— Я съ нимъ, съ вами, выходитъ, вмѣстѣ и шелъ въ это-то мѣсто, когда впервые бѣжалъ изъ Россіи...

— Такъ вы, дядюшка?..

— Э! ужъ вы, барышня, и допрашивать? Скоры больно! Я только говорю вамъ, зналъ вашего покойника батюшку и мертвымъ его видѣлъ, какъ хоронили его, бѣдняка, въ Таганрогѣ; въ больницѣ онъ и умеръ-съ... А васъ вотъ только дѣвочкою видѣлъ... Только вы никому ни слова про то,—слышите? А то меня откроютъ. Вѣдь я тоже несчастный-съ, въ бѣгахъ отъ господъ... Я и убѣжалъ сюда. А вы молчите: что толку-то сказать! Я вамъ не помогу... Моему же барину, полковнику, я нынѣ приверженъ, аки рабъ-рабскій, и готовъ за него въ огонь и въ воду-съ.

Читатель, разумѣется, уже угадалъ, что Аксентій Шкатулкинъ былъ никто иной, какъ давно нами оставленный Милороденко, нѣкогда другъ и вожака Левенчука! Судьбѣ угодно было, чтобы въ новыхъ подвигахъ своихъ, спасаясь отъ поисковъ нахичеванской полиціи, онъ попалъ теперь именно въ домъ главнаго свата всѣхъ бѣглыхъ въ краѣ, Панчуковскаго, чтобы встрѣтиться у него съ Оксаной, о дѣтской судьбѣ которой первый онъ же передалъ когда-то бѣдному Левенчуку, идя съ ними глухими дорожками на югъ въ степное приволье. И этой же судьбѣ, наконецъ, угодно было, чтобы Панчуковскій, получивъ газеты отъ своего кровнаго недруга, отца Павладія, не прочиталъ въ нихъ публикаціи о послѣднихъ бѣглыхъ, съ описаніемъ примѣтъ Милороденка и его страсти къ свѣтскому разговору.

Оксана, между тѣмъ, сильно обрадовалась, что встрѣтилась съ человѣкомъ, хоть и преданнымъ ея губителю-полковнику, но, какъ видно, съ добрымъ, честнымъ, разговорчивымъ и жалостнымъ. Ее радовало на ея скукѣ и то, что между нею и слугою полковника затѣялось даже и нѣчто сокровенное, тайна завелась; онъ видѣлъ ее когда-то въ дѣтствѣ, видѣлъ и бѣдняка ея отца, котораго она сама не помнила, просилъ ее не говорить объ этомъ никому, и она молчала, держала слово.

— Аксентій Данилычъ, голубчикъ!—сказала она ему однажды, сидя съ нимъ на крыльцѣ и гадая ему въ карты: -

я все вамъ скажу, про все загадаю; только сослужите мнѣ службу!

— Какую?

— Помогите мнѣ уйти къ отцу Павладію, или извѣстите его, дайте мнѣ воротиться къ нему!—шептала Оксана, оглядываясь.

Шкатулкинъ на это громко расхохотался, такъ и залился колокольчикомъ.

— Ахъ вы, шалунья барышня! Да развѣ это возможно-съ? Да меня полковникъ за васъ щелчкомъ, однимъ махомъ, порѣшитъ-съ! Чтò вы! Да я ему преданъ... я ему преданъ, какъ отцу родному. Куда! сказать правду, и родному отцу-то я врядъ ли былъ бы такъ преданъ.

Оксана смиряла пылкія надежды, просила ей хоть огурчика тайкомъ пронести, селедочки: ей начинало что-то жечь подъ ложечкой, голова все кружилась! Аксентій на это усмѣхнулся, смекая о близкой радости полковника. Зато въ другой разъ самъ Аксентій заводилъ такую рѣчь:

— Барышня, а барышня!

— Чтò?

— У меня тоже къ вамъ дѣло есть...

— Какое?

Это было въ воскресенье. Самойлѣ и Аксентію бариномъ было поручено свозить Оксану въ сосѣднюю греческую деревушку, въ церковь, куда почти никто изъ православныхъ помѣщиковъ не завертывалъ. Она давно просилась у полковника помолиться. Вѣрные слуги исполнили приказъ въ точности. Освѣжили плѣнницу прогулкой и дали ей вмѣстѣ съ тѣмъ помолиться. Аксентій вошелъ съ ней въ церковь, далъ ей сдѣлать три поклона, поцѣловать образъ, прочесть молитву и вывелъ ее обратно.—«Будетъ-съ!»—«А какъ крикнула бы я въ церкви?» — шутила дорогою Оксана.—«Э, вы не замѣтили, тамъ наши батраки были... баринъ и объ этомъ распорядился...»

Итакъ, Оксана спросила у Шкатулкина, какое же у него къ ней дѣло. Они ѣхали въ коляскѣ. Самойло сидѣлъ на козлахъ, а Шкатулкинъ рядомъ съ Оксаной внутри экипажа. Они говорили шопотомъ.

— Вы вотъ меня все за старика считаете, барышня, а у меня душа молодая. Мнѣ жаль васъ, очень жаль, барышня!

Скажите: что̀ если бы настоящій-то... вашъ милый, Левенчукъ, что ли онъ, вдругъ явился бы къ вамъ?

Оксана поблѣднѣла и чуть не вскрикнула. Аксентій ее во̀-время остановилъ.

— Любите ли вы его попрежнему, барышня, своего-то дружка настоящаго, мужика-то, нашего брата? Любите? Или вы совсѣмъ...

— Не мучьте моего сердца, Аксентій Данилычъ...

— Да скажите, любите? Или вы отъ барина ужъ не отстали бы?

Оксана склонилась на грудь, руки ея упали, слезы выступили изъ глазъ.

— Люблю... я-то люблю Левенчука... да только въ глаза-то ему какъ я теперь посмотрѣла бы?.. И какъ онъ теперь меня захотѣлъ бы вызволить?..

— Въ глаза? Онъ-то?

— Да.

Аксентій посвисталъ будто про-себя.

— Какъ вы, а я бы еще съ-изначала штуку барину бы сдѣлалъ...

— Какую?

Аксентій ничего не отвѣтилъ.

— Грѣхъ вамъ, дядюшка! Вы думаете, что я охотой...

Оксана залилась слезами.

Лошади добѣгали уже къ хутору. Оставалось версты двѣ.

— Дядюшка!—шепнула судорожно Оксана.

— Что, мое сердце? Фу, какая вы антиресная!

— Что вамъ дать за волю-то мою?

— Чѣмъ заплатить-то мнѣ?

— Да.

Аксентій склонился къ ея уху:

— Коли бы у васъ хоть милліонъ былъ, барышня, а я, значитъ, моего барина, распредобрѣйшаго Владиміра Алексѣича, ни за что бы не промѣнялъ. Я пошутилъ-съ. Будьте ему покорны во всемъ, аки я самъ рабъ, смердъ-смердящій, вѣренъ ему! Это вамъ-съ мой совѣтъ.

Подъѣзжая къ воротамъ, Шкатулкинъ сказалъ опять:

— Вы обо всемъ, что̀ я вамъ говорилъ, ни-гу-гу. Слышите?

— О! я-то никому...

— То-то же, барышня, а то вѣдь я и ножомъ пырну!

скажете,—я, значитъ, пропалъ, а меня не замай—въ острогъ-то не хочется...

Аксентій ловко отворотилъ конецъ рукава и за лакцаномъ показался ножъ. Оксана помертвѣла.

— Это-съ я всегда про запасъ ношу. А вы будто ни про что и не слышали. Я здѣсь чужой и вы чужія-съ... Выдадите про мои лишніе съ вами разговоры, вѣдь ничего не выиграете. — «Пожалуйте-съ ручку, сударыня, пріѣхали! Миль-пардонъ!»—добавилъ онъ громко, уже у крыльца.

Ловко выпрыгнувъ изъ коляски, Аксентій свелъ Оксану еще ловче по ступенькѣ на-земь, потомъ въ сѣни.

— Вамъ бы нашей барыней быть, повелительницей, полковницей!—весело заключилъ онъ, снимая шляпу съ кокардой, когда Оксана въ яркой алой клѣтчатой юбкѣ и въ дорогомъ платкѣ и монистахъ входила съ крыльца въ сѣни. Полковникъ начиналъ одѣвать ее щегольски.

— Лошадей выпрячь, да и выводить получше!—крикнулъ, между тѣмъ, полковникъ изъ окна кучеру, не безъ радости подхватя на лету слова Шкатулкина и самодовольно любуясь соблазнительною красотой Оксаны, ея здоровымъ полнымъ станомъ, густыми русыми косами, поблѣднѣвшимъ и слегка захудалымъ лицомъ, слегка впалыми томными глазами и этимъ живописнымъ украинскимъ нарядомъ, шитою пестрыми шелками сорочкой, монистами и яркою алою клѣтчатою юбкой.

«О! теперь я за нее спокоенъ, она не убѣжитъ! — рѣшилъ въ восторгѣ полковникъ, провожая глазами щегольскую четверню любимыхъ лошадей, удалявшихся въ мылѣ и въ пѣнѣ къ конюшнѣ.—Вотъ я поѣду на торги, пшеницу продавать въ Бердянскъ, и ее возьму, въ театръ повезу, еще платьевъ ей понадѣлаю. Наряды кого не соблазнятъ!.. Да, кажется, она уже и беременная... Все въ ней хорошо; пылу только этого нѣтъ; какая-то вялая будто, тихая, да молчаливая...»

Гдѣ-то, у кого-то, при какомъ-то разговорѣ у Панчуковскаго завязался споръ о преданности владѣльцамъ крѣпостныхъ дворовыхъ. Полковникъ доказывалъ, что вѣрность и честь — принадлежность однихъ людей благородной крови, что если есть звѣри породистые, то есть и люди породистые, люди бѣлой кости.

— Я, господа, демократъ въ душѣ; но кровь, лучшія преданія человѣческой семьи — это такія вещи, такія, что я...

— Ахъ, полковникъ, ваша правда! — перебила его сосѣдка Щелкова, протискивая свой чепецъ и свой чубукъ въ кружокъ, по обычаю обступившій мѣстнаго Токвиля:—я вамъ разскажу свѣжій примѣръ...

— Какой? какой?— спросили слушатели.

— На-дняхъ я ѣздила къ золовкѣ моей, за Донъ. На одной изъ этихъ скверныхъ донскихъ станцій собралась огромная толпа проѣзжающихъ. Куча всякихъ подорожныхъ лежала на столѣ, а лошадей никому не давали, — ждали какое-то важное лицо третьи сутки...

— Это ужасъ, ужасъ! Вотъ наши почты! вотъ злоупотребленія...

— Не въ томъ дѣло, — сказала Щелкова: — а вотъ въ чемъ. Тутъ же сидѣла, скучая, одна почтенная и премилая дама, помѣщица изъ Россіи. Она молчала, ни съ кѣмъ не вступала въ знакомство, вся въ черномъ, и маленькая дочь съ нею. Ее поразило необычайное происшествіе: крѣпостной слуга ея мужа — кажется, покойнаго уже — мальчикъ лѣтъ двадцати-пяти, на котораго она возложила въ пути всѣ свои нужды, всѣ чемоданы и ключи ему сдала,—этотъ мальчикъ, пользуясь хорошей погодой,—а погода тогда стояла чудная — выходилъ часто за ворота и на крыльцо станціи... все смотрѣлъ вдаль, я сама это замѣчала, будто дивился нашимъ мѣстамъ; еще подслѣповатый такой, и какъ-будто загнанный, скучный,—смотрѣлъ-смотрѣлъ...

— Ну-съ, ну?

— Да какъ былъ въ одномъ сюртучишкѣ и замасленномъ картузѣ,—и далъ тягу въ степи, пропалъ безъ вѣсти.

— Это ужасъ!—шептали дамы.

— Какая же причина?—допрашивали мужчины.

— Гм! простая-съ!—злобно и вмѣстѣ насмѣшливо отвѣтила, кашляя, Щелкова:—очень простая, какъ же вы не догадались! Ужъ это у насъ народецъ такой, не вези его сюда! Какъ пріѣхалъ, поставилъ носъ по вѣтру, почуялъ волю— и драло! И край-то здѣсь, упаси Господи! Мнѣ что! Я больше вольными работаю; да гдѣ денегъ-то взять, гдѣ взять ихъ намъ, горемычнымъ?

— Что же, нашли этого лакея?

— Куда вамъ его тутъ найти! И бѣжалъ-то онъ, какъ говорятъ, потому, что черезъ барыню ожидалъ попасть въ чужія знакомыя руки. Такъ на станціи ямщики послѣ толковали.

— Барыня же эта кто такая?

— Перепелицына. Я въ подорожной смотрѣла: Перепелицына изъ Моршанска.

Панчуковскій чуть не уронилъ стакана съ чаемъ, бывшаго у него въ рукѣ, и едва могъ скрыть волненіе, охватившее его при этой вѣсти.

— Какъ вы сказали? — отнесся онъ, сколько могъ свободно, къ Щелковой.

— Перепелицына-съ... Такъ мнѣ сказали, и въ подорожной такъ прописано.

— Гдѣ же она теперь?

— Въ Севастополь, что ли, на могилу мужа, кажется, поѣхала.

— А мальчикъ?

— О немъ она становому послала объявленіе и сильно-сильно была стѣснена его бѣгствомъ. Онъ, впрочемъ, ее не обокралъ, и она его очень любила...

— Мѣстечки-съ! — насмѣшливо завершилъ этотъ разговоръ полковникъ.

Послѣ обѣдни у отца Павладія въ одно воскресенье сидѣлъ въ гостяхъ причтъ другой, вновь-устроенной, сосѣдней церкви.

— Вы слышали, батюшка?—передавали вѣсть Щелковой услужливые собесѣдники:—тутъ возлѣ, по донскому тракту, ѣхала помѣщица и ее лакей на дорогѣ бросилъ?

— Нѣтъ, не слышалъ. Куда же она сама-то ѣхала?

— Въ Севастополь, что ли, — отвѣтилъ сосѣдній понамарь.

— Что вы, что вы! Въ нашемъ уѣздѣ, въ нашемъ городѣ уже живетъ, поселилась и квартиру у моей тёщи наняла!— возразилъ дьяконъ.

— Зачѣмъ же это она пріѣхала?—спросилъ отецъ Павладій.

— По дѣламъ. Никого не принимаетъ, живетъ тихо, въ церковь только ходитъ къ отцу Анисиму и, кажется, очень скучная. Къ дочкѣ учителя искала.

— А лакей ея?..

— Такъ и пропалъ безъ вѣсти; ключи отъ чемодановъ унесъ, должно быть, по ошибкѣ, а вещей ничего не тронулъ.

— А!

Панчуковскій, невѣдомо ни для кого, нанялъ у колониста за Мертвою фургонъ и поѣхалъ за Донъ. Тамъ онъ легко нашелъ станового, котораго имя узналъ отъ Щелковой, явился къ нему, будто бы отъ лица помѣщицы, у которой сбѣжалъ слуга, назвался чужимъ именемъ, предложилъ становому малую толику за справку, получилъ доступъ къ его перепискѣ и съ худо-скрываемымъ трепетомъ сѣлъ читать объявленіе Перепелицыной о слугѣ. Становой, обрадованный въ своей глуши нежданно-упавшею съ неба манною, толкалъ изъ пріемной своихъ грязныхъ ребятишекъ, извинялся, что жена его нечесанная попалась гостю на крыльцѣ, и передавалъ какіе-то новые политическіе слухи.

Панчуковскій впивался глазами въ каждую строку простого, повидимому, и незамысловатаго объявленія. Изъ послѣдняго только, кажется, и можно было узнать, что вотъ бѣжалъ лакей Петрушка Козырь, а примѣты ему такія-то, то-есть почти никакихъ, какъ водится.

— Ужъ и край!—проговорилъ становой, какъ видно начитанный и литературно-натертый малый: — вонъ этого зовутъ Петрушкой! Да если бы сюда Чичиковъ изъ «Мертвыхъ Душъ» заѣхалъ, и его бы, кажется, Петрушка тутъ отъ него бѣжалъ, почуявъ здѣшнюю волю, о которой они тамъ на сѣверѣ-съ и не предполагаютъ...

Панчуковскій, увидѣвъ въ блѣдномъ и смиренномъ, повидимому, становомъ такія литературныя занозинки, сдвинулъ брови, и какъ ни занятъ былъ другими мыслями, рѣзко спросилъ:

— Вы гдѣ учились?

— Изъ здѣшней войсковой-съ гимназіи исключенъ-съ за стихи на инспектора классовъ-съ.

— Гм! Когда же у васъ времени хватаетъ здѣсь за службой еще книжки читать?

— Находимъ-съ. А вы тоже любитель просвѣщенія?

— О, да! да!

— И у васъ книжки хорошія есть? Вотъ если бы почи-

тать! Здѣсь одинъ ученый журналистъ недавно проѣзжалъ на Тамань. Я узналъ о его проѣздѣ черезъ мой участокъ и тридцать пять верстъ за нимъ гнался, чтобы только увидѣть его.

Панчуковскій кашлянулъ, ничего не отвѣтилъ, и, кусая до крови ногти, опять сталъ перечитывать бумагу. Онъ всталъ, началъ надѣвать перчатки.

— Куда же эта барыня проѣхала?

— Не знаю-съ.

— Слугу не нашли?

— Гдѣ ихъ тутъ найти! Помилуйте! У насъ тысячи, десятки тысячъ такихъ дѣлъ о бѣглыхъ...

Панчуковскій вышелъ на крыльцо.

— Одно могу сказать,—прибавилъ становой, въ мундирномъ сюртучкѣ сбѣгая съ крыльца къ фургону: — я сталъ вносить дѣло объ этомъ-то Петрушкѣ Козырѣ въ опись, да по алфавиту наткнулся на дѣло еще другого Козыря... Послѣднее тянется уже лѣтъ десять, и много становыхъ на немъ смѣнилось; оно объ одномъ лакеѣ, котораго зарѣзалъ какой-то косарь; и этого лакея тоже звали Козыремъ—онъ при смерти такъ объявилъ въ больницѣ, гдѣ умеръ...

— Прощайте!

— Прощайте-съ.

Панчуковскій уѣхалъ, не дослушавъ послѣднихъ объяснененій станового. Его занимали другія мысли.

Становилась настоящая осень.

— Что, сударь, вы не поохотились бы теперь на зайчиковъ, да лисичекъ?—спросилъ утромъ полковника новый его камердинеръ, Аксентій Шкатулкинъ, по своему обычаю, весело посмѣиваясь передъ бариномъ, виляя добродушною и смазливою, хотя уже съ сѣдоватыми усами, мордочкой и играя живыми подвижными глазками. Онъ бережно и степенно одѣвалъ ноги полковника въ сапоги, а полковникъ лежалъ на диванѣ въ халатѣ и лѣниво раскидывалъ мыслями: что ему въ тотъ день дѣлать? На душѣ его было свѣтло-свѣтло.

Полковникъ молчалъ. Солнце чуть глядѣло въ окно. Камердинеръ снова заговорилъ:

— Я спрашивалъ, сударь, не манитъ ли васъ теперь поохотиться съ собачками или хоть съ ружьемъ? Деньки вотъ

бываютъ ужъ сѣрые, морозъ морозитъ, туманчики въ полѣ прохладные переливаются-съ! Вотъ бы въ степь-то... а?

— А ты развѣ охотникъ? Тише надѣвай чулки: тамъ мозоль вонъ есть.

— Былъ когда-то-съ я и въ охотникахъ! Былъ, да мало ли еще чѣмъ я не былъ.

Шкатулкинъ вздохнулъ.

— Ты откуда бѣжалъ?

— Изъ-за Полтавы-съ... Не вѣрите? Ей-же-ей, не лгу!..

— И давно?

— Да лѣтъ десять-девять будетъ-съ.

— Ну, скажи же ты мнѣ, Аксентій, да по-правдѣ: гдѣ ты все это время бурлачилъ?

Аксентій умильно улыбнулся, кашлянулъ, сложилъ на рукахъ платье полковника, сталъ въ вѣжливую, вмѣстѣ почтительную и шаловливую картинку, губы сдвинулъ еще добродушнѣе, глаза окружилъ бѣловатыми, кроткими, смѣющимися морщинками, брови насупилъ, вздохнулъ опять и отвѣтилъ:

— Извольте, сударь, спрашивайте!

— Гдѣ ты былъ, я повторяю, за всѣ эти девять, что-ли, лѣтъ твоего побѣга?

— Вездѣ былъ понемногу: гдѣ ночь, а гдѣ день, а гдѣ и того меньше.

— Такъ всѣ бурлаки отвѣчаютъ, а ты мнѣ скажи по душѣ...

Аксентій засмѣялся и глянулъ въ сторону.

— Извольте. Спрашивайте опять, еще подробнѣе!—сказалъ онъ, шагнувши къ полковнику ближе и опять свертываясь руками, ногами, головой и всѣмъ тѣломъ въ ту же услужливую, любезную и вмѣстѣ добродушную картинку:—я вамъ все открою-съ, все... Ну-съ?

— Я тебя будто видѣлъ гдѣ... Будто ты у меня когда-то или работалъ, или просился работать? Я что-то, братецъ, помню тебя...

— А можетъ быть! Нѣтъ, баринъ, нѣтъ. Я васъ вижу впервое. Вездѣ перебывалъ я въ этомъ краю-съ, а у васъ не былъ. Былъ я и въ Кіевѣ, и въ Житомірѣ-съ, и въ Умани, и въ Одессѣ, и въ Пятигорскѣ-съ, а у васъ не былъ, ей-же Богу-съ, не былъ! Что вы! Развѣ мнѣ лгать?

Панчуковскій зѣвнулъ.

— Чѣмъ же ты промышлялъ въ бурлакахъ до поры, какъ нанялся у Шульцвейна? Разскажи, братъ, отъ скуки.

Аксентій опять кашлянулъ.

— Да не знаю, какъ вамъ и сказать-то...

— А что?

— Видите ли, сударь, вы холостой, вамъ можно сказать: господа это называютъ клубничкой-съ! Я охотникъ, видите ли, до бабочекъ-съ; люблю-съ этотъ хрухтъ...

Панчуковскій, не ожидавшій такого отвѣта, самъ прыснулъ со смѣху.

— Какъ, какъ? Ахъ ты, шутникъ, что̀ отмочилъ!

— Ей-Богу-съ! Я большой-съ ходокъ по женскимъ дѣламъ-съ! Всю мою жизнь, можно сказать, на это потратилъ; видите ли, откровенно вамъ говорю: въ ума помраченіе впадалъ. И нѣтъ тутъ села, городишка, гдѣ бы я свиныхъ дорожекъ къ красоткамъ не топталъ... Вотъ и сѣдина ужъ пошла въ усы и бакены-съ...

— Э! да ты мнѣ находка, Аксентій! Я самъ, братецъ, какъ видишь, любитель. Съ покойнымъ Абдулкой мы многія дѣла рѣшали. По-правдѣ, жаль его. Тутъ была у насъ исторія изъ-за одной горожанки... Онъ мнѣ тогда очень помогъ, и я этого никогда не забуду.

— Да-съ, слышалъ-съ; тутъ и градоначальникъ, кажись, сердился?

— Такъ ты все знаешь?

— Какъ не знать-съ. А теперь зато, ухъ, славная, сударь, дѣвочка у васъ отъ попа. Мы про нее еще у Шутовкина слышали. Я и у него работалъ-съ: онъ тоже ходокъ...

— Да ты у меня смотри, однако, Аксентій, ее не отбей! Ты еще мнѣ рога наставишь! — шутливо замѣтилъ полковникъ.

— Какъ можно, сударь! Я дѣла-то эти знаю-съ. У меня тоже баринъ въ Россіи былъ-съ, и я былъ ему тоже вѣрнѣйшимъ холопомъ, рабомъ по гробъ моей жизни-съ. Меня и они по этимъ-то исторіямъ-съ наряжали. И скажу вамъ, у барина моего все толстухи были, пудъ по восьми-съ, по десять... Да что-съ? я и здѣшнему исправнику-съ, г. Подкованцеву, одну гречанку поставилъ, дѣвицу неизмѣримую-съ, сущую королеву Бобелину-съ...

— Такъ ты и Подкованцева знаешь?

— Служилъ имъ тоже недѣли двѣ. Ужъ безъ этого намъ, бѣглымъ, нельзя-съ. А господинъ исправникъ здѣшній—сущій отецъ намъ, бурлакамъ-съ; безъ него наше царство пало бы-съ. Вѣдь мы народъ-съ иной: по натурѣ своей живемъ. Ну, и бываютъ приключенія; когда разгуляешься очень, потребность какую сдѣлаешь, онъ-то и вспоретъ, а велитъ у себя отслужить, — и дѣло съ концомъ. Далеко не тянетъ. А то иной разъ продуется онъ съ господами морскими офицерами въ карты и прямо ужъ намъ скажетъ: эйнъ-венигъ аржанчика, братцы-бурлаки; это, значитъ, деньжатъ дай ему малую толику...

— И вы даете?

— Даемъ; какъ не дать! На то онъ нашъ отецъ-командиръ. Безъ него и невода-съ по всему здѣшнему вольному поморью, и донскія гирла, да и ваши, сударь, степные-то, вновь поселенные хутора́ опустѣли бы. Что птицы вольныя, такъ и мы, бродяги, любимъ волю; не тѣсни насъ только, а мы отъ работы не бѣжимъ!

— А правда, Шкатулкинъ, что въ донскихъ гирлахъ, въ камышахъ и возлѣ Нахичевани бѣглые стали теперь паспорты печатать и всѣмъ раздаютъ, а недавно стали и ассигнаціи стряпать? Какъ бы поживиться, братецъ, размѣнять этакъ сотенку-другую трехрублевыхъ на ваши сторублевыя?

Шкатулкинъ поблѣднѣлъ. Панчуковскій этого не замѣтилъ.

— Не знаю, сударь, я по этой части не ходокъ-съ... Мое дѣло сапожки почистить, коней или верблюдовъ напоить, въ саду состоять. Какъ въ старину, вонъ, шляхта говорила: «кульба́чить коня и хендо́жить буты». Вы—баринъ добрый, мы васъ знаемъ; вы насъ покрываете, содержите, и я бы вамъ сказалъ, да ничего не знаю... Чтобъ мнѣ почернѣть, какъ та мать сырая земля, коли я что про это знаю.

Такъ объяснялся съ полковникомъ Милоро̀денко-Шкатулкинъ, котораго въ то время именно земскія власти разыскивали, какъ одного изъ коноводовъ нахичеванской шайки фальшивыхъ монетчиковъ и дѣлателей паспортовъ.

— На всякій, однако, случай, сударь, чтобы нашъ отецъ-командиръ, г. Подкованцевъ, не придрался къ вамъ когда-нибудь за меня, то вотъ вамъ и мой билетъ.

Онъ досталъ изъ бокового кармана пачку бумагъ, лизнулъ

палецъ, отдѣлилъ не безъ труда изъ нихъ новенькій паспортъ и подалъ его полковнику.

Панчуковскій покрутилъ носомъ и усмѣхнулся.

— Знакомое дѣло! — сказалъ онъ. — Зачѣмъ ты мнѣ это даешь? Вѣдь я же знаю, что это не твой билетъ. Вонъ и подпись какого-то городничаго, прямо несообразная.

— Какъ несообразная? это какъ-съ?

— Да ясно—фальшивая, братецъ, и все тутъ!

— Нужды нѣтъ; держите. Я ужъ вамъ отслужу... И то я съ васъ противъ паспортныхъ да вольныхъ вполовину договорилъ жалованье!

Полковникъ взялъ билетъ, умылся, одѣлся, причесался и пошелъ наверхъ къ Оксанѣ. Плѣнница въ эти дни уже не такъ строго содержалась. Она и по двору ходила, и въ поле одна ѣздила съ кучеромъ въ дрожкахъ кататься.

Оксана особенно вдругъ стихла и будто ожила, повеселѣла. Она замѣтно стала оправляться, а полковникъ началъ невольно къ ней привязываться. Заботы къ ней и ласки становились безъ конца. Кромѣ Домахи, въ услуженіи у нея показалась еще какая-то дѣвочка. Оксана сидѣла наверху только днемъ, а комнату ей отвели уже рядомъ съ кабинетомъ полковника.

Не успѣлъ полковникъ придти къ Оксанѣ, пожурить ее за затворничество и свести, шутя и напѣвая, внизъ, въ кабинетъ, не успѣлъ онъ сѣсть на диванъ и посадить Оксану себѣ на колѣни, обнялъ ее и сталъ учить раскуривать папироску, потайная дверь въ одномъ изъ шкаповъ кабинета отворилась, и изъ комнаты, отведенной Оксанѣ, сквозь занавѣсъ, просунулась любопытная голова Шкатулкина.

— Что тебѣ? надоѣлъ, братецъ! — сказалъ Панчуковскій съ досадой, что такъ нечаянно прервали его шалости съ дамой его сердца.

Оксана вскочила и тихо отошла къ окну.

— Извините, сударь, я не зналъ, что тутъ ходить нельзя, сквозь эти двери. Тронулъ задвижечку, а она сама это—чикъ! и отворилась... Я самъ даже испугался...

— Да зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Барышнѣ, сударь, счастье послано-съ; караванъ на верблюдахъ съ виноградомъ пришелъ. Не купите ли-съ? Свѣжій, преотличный!

— Ступай; я сейчасъ приду.

Шкатулкинъ вышелъ.

— Ты, Оксана, смотри, не бросай такъ ключа отъ твоей комнаты; не пропало бы что у тебя! Видишь, всѣ ужъ ходятъ черезъ нее и въ мой кабинетъ...

— Нѣтъ, не буду бросать ключа; я забыла...

— Пойдемъ же виноградъ новый покупать.

Полковникъ и Оксана вышли на крылечко. Солнце къ обѣду выяснилось. Туманы исчезли, и день сверкалъ чуднымъ послѣднимъ осеннимъ блескомъ.

У воротъ толпился веселый людъ, дворня и батраки. Рядъ заманчивыхъ, туго-нагруженныхъ крымскими плодами двухколесныхъ арбъ стоялъ подъ оградою. Высились двугорбые, длинноногіе верблюды. Татары въ низенькихъ шапочкахъ суетились возлѣ, вынимая на-показъ синіе и зеленые гроздья.

Полковникъ купилъ запасъ винограду, велѣлъ запрячь рѣзвую четверку, сѣлъ съ Оксаной въ фаэтончикъ, посадилъ на козлы Шкатулкина и покатилъ въ степь, съ ружьемъ,— не наскочитъ ли гдѣ-нибудь на дрофъ или на дикихъ гусей, а то и на своихъ въ полѣ посмотрѣть.

— А вѣдь у меня весело, Шкатулкинъ?—крикнулъ Панчуковскій на козлы.

— Весело, и Боже, какъ весело! Ей-Богу-съ, вы особый изъ господъ! Я люблю-съ такихъ, какъ вы...

— Четверня каково мчитъ, Аксеній?

— Подхватываетъ ажно духъ мретъ... ухъ! такъ, ажно будто лежитъ кто, лоскочетъ за сердце...

— Не русскому ли, братецъ, тутъ житье?

— Съ капиталами оно точно...

— Какъ съ капиталами?

— Да у васъ чай, сударь, казны достаточно?

Панчуковскій помолчалъ и носомъ покрутилъ.

— Есть, братецъ, да и расходы большіе! Все больше въ оборотѣ; дома... рѣдко что есть...

— Ну, и дома-таки вѣрно перепадаетъ! Не можетъ быть, сударь! А вотъ я у нѣмца этого Шульцвейна былъ, такъ антихристъ даже безъ свѣчей по вечерамъ сидитъ; все разсчитываетъ и на это, скаредъ.

— Мирно онъ живетъ съ своею женой?

— Все цѣлуются-съ, старые черти-съ, ажно противно! Я болѣе по лакейскому способенъ, а они меня все по хлѣбопашеству пускали; ну, я у нихъ къ вамъ и отпросился. А

какъ я былъ у Шутовкина купца, такъ тотъ какъ свинья-съ: либо пьянъ, либо деньги считаетъ! А домъ—дворецъ!

— Сударыня, поздній цвѣточекъ! — сказалъ нежданно Шкатулкинъ, вскакивая дорогой съ козелъ, срывая цвѣтокъ въ полѣ и поднося его Оксанѣ.

Та засмѣялась, не брала его. Она хоть и покорилась, или, какъ отзывался о ней полковникъ, акклиматизировалась, но при людяхъ еще сильно дичилась.

— Бери! — сказалъ полковникъ. — А ты, Аксентій, за свое? а?

— Я, сударь, ужъ Домаху-съ вашу рѣшился соблазнить! Вамъ молодка, а мнѣ старуха.

Полковникъ смѣялся отъ души.

Весело пробѣжали лошади верстъ двадцать въ оба конца и на румяной, прохладной вечерней зорькѣ, всѣ въ мылѣ, снова подкатили полковника къ крыльцу.

Темнымъ вечеромъ, послѣ ужина, Панчуковскій отпустилъ дворню спать и рѣшился, однако, посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ его новый, такой развязный, слуга. Онъ вышелъ на крыльцо. На площадкѣ, на верхнихъ ступенькахъ, лежали его сапоги, сапожныя щетки и стояла баночка съ ваксой. У крыльца же, подъ окномъ, уже раздѣтый, въ одной рубахѣ, несмотря на сиверкій вечеръ, стоялъ Шкатулкинъ. Онъ молился вслухъ на востокъ, вздыхалъ, зѣвалъ, почесывалъ себѣ грудь, руки и спину, поглядывалъ по сторонамъ и усердно клалъ земные поклоны.

«Слуга надежный, коли такой вѣрующій! Это лучшій признакъ!—подумалъ полковникъ и пошелъ въ кабинетъ.—Спасибо нѣмцу; хоть этимъ мнѣ пользу настоящую сдѣлалъ».

— Такъ ты, братецъ, набожный человѣкъ? — спросилъ слугу на утро полковникъ.

— Грѣхи замаливаю. Поклялся покаяться, остепениться. Вонъ, просѣдь въ голову идетъ; далъ зарокъ, безъ шутокъ, покаяться и трудомъ въ мирные люди перейти...

— Ну, досталъ полковникъ слугу!—говорилъ отецъ Палладій дьячку:—ты видѣлъ? вѣдь это Милоро̀денко у него.

— Видѣлъ.

— Ну, жаль же, что онъ газетъ тогда не читалъ! Да Богъ съ нимъ!..

«Ахъ ты, бѣднякъ-бѣднякъ, Харько̀! вотъ обработали! —

разсуждалъ, между тѣмъ, какъ-то на крылечкѣ Милорѳденко-Шкатулкинъ, наслышавшись вдоволь на мѣстѣ уже, въ Новой Диканькѣ, о происшествіи съ Левенчукомъ.—Ей-Богу, и смѣшно, и жалко! Да и задалъ же ты, братецъ, тутъ полковнику копоти, напугалъ его здорово. На добро я тебя привезъ сюда! Гдѣ же ты самъ-то теперь, другъ Хоринька! Вотъ бы повидаться! Наговорились бы, натѣшились, вспоминаючи былыя времена, какъ я тебя-то отъ омута избавилъ, утопиться тебѣ не далъ и сюда на вольницу привелъ. Только, по-правдѣ, не по-кавалерски здѣшніе кавалеры съ тобою, вижу, поступили: вмѣсто того, чтобъ тебѣ самимъ-то женщинъ вдоволь по старинѣ предоставить, а они у тебя же еще бабу отняли, дѣвочку-невѣсту! Не то прежде тутъ было; свѣтъ не тотъ сталъ! Бокомъ вся земля повернулась! Куда ни глянь, все ужъ здѣсь другое будто стало, а не прежнее, когда тебѣ, бурлачку, все, бывало, предоставляли. Тутъ вонъ ужъ и сѣчь-то насъ, вольныхъ, стали, и разыскивать строже. Въ города же и не поткнися: полицейскій, смердовъ-сынъ, звѣремъ лютымъ сталъ, такъ и рыщетъ, и норовитъ тебя либо въ морду, либо за шиворотъ! Гдѣ же ты, Хоринька, гдѣ, однако? Вотъ я теперь десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья получаю; вотъ оно! А тогда? Получали меньше, да лучше жить было. Не попасться бы, однако, не узнали бы тутъ у полковника. Да нѣтъ, вся дворня незнающая. И баринъ самъ не выдастъ; а то прямо въ Сибирь... Вонъ, намедни одного бродягу снабдилъ я сѣренькою депозиткою... Что же? погубилъ его! Девятнадцать лѣтъ онъ у Небольцевыхъ табунщикомъ былъ, а попался; повели бѣдняка сперва къ его барину, а оттуда прямо на Уралъ пойдетъ. Онъ обидѣлся, ушелъ, прошлялся, а теперь черезъ меня и пропалъ»...

Разъ съѣздилъ полковникъ въ городъ, заѣзжалъ тамъ, среди разныхъ коммерческихъ дѣлъ, на почту, и воротился передъ вечеромъ сильно не въ духѣ. Онъ ѣздилъ одинъ съ кучеромъ. Прошелъ онъ черезъ лакейскую сурово. Шкатулкинъ надъ чѣмъ-то у стола здѣсь портняжилъ, быстро вскочилъ, принялъ съ барина пальто и вышелъ на крыльцо.

— Что это, Самойло Осипычъ, баринъ нашъ сердитый такой пріѣхалъ?—спросилъ онъ, сейчасъ прочитавъ на лицѣ барина невзгоду.

— Изъ почтовой конторы вышелъ такой...

— Письмо, что ли, какое получилъ не по-нутру, или денегъ отъ кого ждалъ?

— А шутъ его гороховый знаетъ! — отвѣтилъ Самойло, поглядывая съ козелъ въ окна: — откуда ему деньги! вѣрно письмо какое изъ Рассеи получилъ.

— А баринъ самъ откуда?

— Сказываютъ, съ Волги, что ли; изъ Моршанска, надо быть... Служилъ въ гвардіи; да, должно статься, отъ долговъ бѣжалъ сюда...

Аксентій дождался сумерекъ, внесъ въ комнаты свѣчи, барину подалъ чай, и пока баринъ дѣлалъ приказчикамъ распоряженія на другой день, сходилъ на вышку къ Оксанѣ, поигралъ съ нею и Домахою, по обычаю, въ карты, въ свои козыри, и пошелъ къ барину въ кабинетъ постель стлать. Онъ вошелъ въ кабинетъ со стороны залы. Передъ альковомъ, гдѣ за занавѣсками стояла кровать полковника, онъ увидѣлъ на столикѣ хлыстъ барина, шляпу и распечатанное письмо.

«А! — подумалъ онъ: — ужъ не обо мнѣ ли розыски?»

Подбѣжавъ на цыпочкахъ къ дверямъ въ залу и въ комнату Оксаны, онъ постоялъ, постоялъ, послушалъ и, будто убирая со стола, сталъ, нагнувшись, читать письмо. Прочтя его до конца раза два, онъ положилъ его обратно на столъ и задумался. Смыслъ письма, очевидно, давно лежавшаго въ конторѣ, черезъ которую полковникъ не переписывался, былъ ему непонятенъ; тѣмъ не менѣе оно его заняло.

«Что это за госпожа Перепелицына изъ Моршанска?» — думалъ Аксентій, склонясь надъ столомъ.

Вотъ что̀ было писано въ этомъ письмѣ:

«Любезный другъ, Владиміръ Алексѣевичъ! Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы меня бросили. Я вамъ не мѣшала нигдѣ: ни въ вашей службѣ, ни въ свѣтѣ, ни въ семейной жизни. Я жила въ заброшенномъ, отдаленномъ городкѣ; вы блистали въ высшемъ кругу. Вамъ понадобилась въ гвардіи лучшая обстановка; вы потребовали мой капиталъ и дали слово, когда устроитесь съ квартирой и съ эскадрономъ, перевезти къ себѣ и ту, которая для васъ пожертвовала всѣмъ. Я тогда была больна отъ родовъ. Я вамъ, не кончивъ лѣченія, выслала полную довѣренность. Вы взяли, вмѣсто части, весь капиталъ. Вамъ понятно положеніе мое, когда вы пріѣхали ко мнѣ, въ зимнюю страш-

ную стужу и объявили, что все мое состояніе вами проиграно въ карты въ петербургскомъ клубѣ... Вы хотѣли стрѣляться; вы были внѣ себя. Я вамъ простила, хоть осталась изъ богатой женщины — нищею. Вы сказали, что думаете начать другую жизнь, хотите бросить службу и заняться частными дѣлами, что теперь это увлекаетъ всѣхъ. Я снова осталась одна, въ томъ же маленькомъ, заброшенномъ, отдаленномъ городкѣ. Я ждала васъ годъ, другой; третій. О васъ пропали всѣ слухи. Вы исчезли въ толпѣ другихъ, бросившихъ тогда столицы для частныхъ спекуляцій въ губерніяхъ. Наконецъ, ваша участь стала меня терзать. Невѣжда, какъ вы меня когда-то называли, грубая провинціалка, дочь уѣзднаго малограмотнаго купца, я томилась въ одиночествѣ, скрывала отъ всѣхъ причину вашего отсутствія. Я боялась разспросами указать на слѣды нашей страшной истины, ждала и ждала. Вы исчезли безъ слѣда. Смерть? Я уже съ нею тогда мирилась. Но вы были живы и забыли о нищетѣ. Семья отъ меня отказалась. Вы знаете, какъ эта грубая, алчная семья терзала меня и прежде за васъ... Желая вамъ угодить, я занялась книгами, музыкой, тайкомъ стала брать уроки. Мои средства скоро совершенно истощились. Затворница съ дѣтства, какъ вы меня знали, послѣ двухъ счастливыхъ годовъ, погибшихъ на-вѣки, я опомнилась, посовѣтовалась съ двумя-тремя близкими людьми. Мы рѣшили снова, что слухи невѣрны и что васъ нѣтъ на свѣтѣ. Я уже тогда была здорова. И какъ не во̀-время явилось мое выздоровленіе! Тьма сгустилась надо мною. Я продавала мои вещи. Я стала ѣздить по монастырямъ. Сашѣ нашей пошелъ уже девятый годокъ. Я была въ Кіевѣ, Воронежѣ, въ Москвѣ. Одна воро̀жка мнѣ наворожила и сказала: «Онъ живъ, онъ живъ; моли Бога только; онъ къ тебѣ воротится и красоты твоей до вѣку не погубитъ!»

«Володя, другъ мой, живъ ли ты? Что̀ я, безумная! Ты не любилъ меня; ты, не любя, изъ расчета сошелся со мною! Ошибаюсь ли я, тобою брошенная, измученная, забытая, презрѣнная? Не помяни, Володя, меня лихомъ, невѣжду-дикарку, если ты живъ! Хоть въ нищетѣ живешь, хоть въ нагольномъ тулупѣ ходишь, — воротись ко мнѣ!— Наши моршанскіе купцы, родня мнѣ, проѣздомъ съ Дону, о васъ, Владиміръ Алексѣевичъ, отъ одного обиженнаго вами бѣдняка прослышали. Вы ли это, или я, безумная,

ошибаюсь? Но они говорили мнѣ много страннаго, непонятнаго: будто вы въ богатствѣ живете, развратничаете въ томъ краѣ, слывете магнатомъ. Не однофамилецъ ли вы тому, кто мнѣ глаза завязалъ? Объясните мнѣ, пишите. Всему есть границы. Я долѣе не потерплю. Вы были въ гвардіи голышомъ; я вамъ одежду справляла, долги ваши платила. Слушайте: если... если я открою истину, если вы окончательно не что иное, какъ ловкій человѣкъ, какъ плутъ, замыслившій поиграть мною, выжать изъ меня послѣдніе нужные соки и потомъ бросить меня, какъ негодный лимонъ, то я найду на васъ судъ и расправу. Билетъ въ сто пятьдесятъ тысячъ серебромъ, вѣроятно, теперь не проигранъ. Сроку я вамъ даю мѣсяцъ... Слѣды ваши я открою теперь во что бы то ни стало... Я даже сама тогда явлюсь къ вамъ... Ваша покорнѣйшая слуга Настасья Перепелицына.

«P. S. Такъ я подписываюсь своимъ прежнимъ именемъ. Пріобрѣтеннаго послѣ я не уважаю. — Володя, родненькій, или ты шутишь, не погуби меня... Пощади!»

Въ концѣ письма стояли годъ, число мѣсяца и адресъ писавшей, то-есть: Моршанскъ.

«Кто же эта госпожа Перепелицына? — продолжалъ думать Милорòденко, облокотясь на столъ и держа въ рукахъ простыню и подушку съ постели полковника, какъ будто продолжалъ стлать ее. — Вѣрно его полюбовишка. Да и хватъ же баринъ!.. да и денегъ же должно быть у него вдоволь: десятками тысячъ владѣлъ! Такъ и есть! вѣрно купеческую дочку соблазнилъ и стянулъ капиталъ полюбовницы; такъ бы и мнѣ съ моей барышней сдѣлать... Дуракъ былъ!..»

Въ комнату съ шумомъ вошелъ Панчуковскій и прямо кинулся къ столу.

— Чтò ты тутъ думаешь, Аксентій? — крикнулъ онъ въ досадѣ.

— Я-съ? Что вы-съ! Я постель стелю-съ

— Постель стелешь?

Полковникъ подозрительно посмотрѣлъ кругомъ и накрылъ письмо на столѣ записною рабочею тетрадью.

— Стели же, пора, да иди! Меня приказчики разбѣсили...

— Въ секунду-съ. Я вонъ ходилъ къ барышнѣ; въ карты

съ ними поиграть,—ловко играютъ-съ; обдули насъ съ Домахой; по носу били!

— Постой, однако,—сказалъ, будто въ раздумьи, полковникъ, все еще глядя на столъ, гдѣ лежало письмо.

— Чего изволите-съ?

— Дай вонъ мнѣ съ того шкапа изъ журналовъ «Отечественныя Записки»...

Милорòденко пошелъ къ полкѣ, Панчуковскій на него смотрѣлъ въ волненіи.

— Не то; ты берешь «Библіотеку для Чтенія»; прочитай надпись—видишь? Мнѣ нужно «Отечественныя Записки».

— Никакъ нѣтъ-съ, не могу-съ... не знаю-съ...

— Развѣ ты неграмотный?

— Неграмотный!—простодушно отвѣтилъ Милорòденко.—Э, сударь! когда бы я былъ грамотный, я бы въ писаря нанялся да и нашей-то красавицѣ книжечки бы читалъ! Меня еще мой баринъ принуждалъ читать. Я, говорилъ онъ тогда, тебя, Аксентій, въ приказчики приготовлю, учись! Что-жъ, тупъ я былъ, такъ и остался... Какъ чурбанъ, бывало, стою и смотрю въ книгу; тамъ *ма* сказано, а я говорю *ва*...

«Ладно!» — подумалъ Панчуковскій и, какъ будто мимоходомъ, быстро спряталъ письмо въ столъ подъ замокъ, а требуемую книгу взялъ самъ.

— Теперь иди, голубчикъ Аксентій, спать; я самъ раздѣнусь. Буду еще читать и счеты сводить сегодняшніе...

— Счастливо, сударь, оставаться! Да Богу Господу помолитесь; Онъ всегда покой дастъ. Я вонъ былъ буянъ и кутила; а теперь молюсь и чувствую покаяніе.

— Ты думаешь? хорошо!

Ночью Милорòденко снова подкрался съ надворья къ окну барина и сталъ смотрѣть; сквозь просвѣтъ въ занавѣскахъ была видна часть комнаты. Полковникъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ; на столѣ лежало то же самое письмо. Лицо полковника было пасмурно. Онъ грызъ усы и ногти, закидывался на спинку кресла и два раза хватался за голову. Потомъ Панчуковскій всталъ, досталъ изъ особаго ящика ключи, выбралъ одинъ изъ нихъ и нагнулся со свѣчкой къ боковой, гладкой сторонѣ стола. Милорòденкѣ не было видно, что̀ онъ тамъ сталъ дѣлать. Вѣрно, открылъ какой-нибудь потайной ящикъ, потому что досталъ оттуда много

бумагъ, сталъ перебирать, вдругъ оглянулся—замеръ-было, будто послышавъ отъ комнаты Оксаны шаги, переждалъ, вскочилъ, добѣжалъ туда, удостовѣрился, что эти двери заперты, сѣлъ опять и сталъ снова копаться въ бумагахъ...

«Э! вѣрно же все про любовницыны угрозы соображаетъ! А въ томъ-то ящикѣ, должно статься, и его деньги!» — подумалъ соглядатай.

Далѣе Милорòденко ничего не видѣлъ. Возясь надъ столомъ и зацѣпивъ за занавѣску окна, Панчуковскій невольно уничтожилъ остальной просвѣтъ въ стеклѣ и тѣмъ прекратилъ послѣднюю возможность наблюденій надъ собою. Милорòденко тихо спустился съ откоса фундамента; держась за водосточную трубу, сталъ осторожно на землю, вошелъ въ сѣни, почистилъ сапоги барина и сталъ опять, по обычаю, у крыльца, усердно вслухъ молиться, собираясь спать, вздыхая и почесываясь. Къ его молитвамъ привыкла вскорѣ и вся дворня.

XI.

Отдача долга.

Шутовкинъ передалъ учителю порученіе полковника, и бѣднякъ Михайловъ, прогорѣвшій на неудачной аферѣ со льномъ до тла, взялъ у хозяина все свое заслуженное жалованье, занялъ еще часть у сосѣда подъ часы, сосчиталъ сумму и поѣхалъ, вздыхая, къ отцу Павладію, расплатиться съ весеннимъ долгомъ.

«Проклятые чумаки! подвезли столько льну, что совсѣмъ разорили!—думалъ студентъ:—не удались мечты!»

Святодуховъ-Кутъ много измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ въ чудную майскую ночь молодой аферистъ летѣлъ сюда съ радужными надеждами на барыши и въ то же время добровольнымъ соглядатаемъ тайнъ тихаго и уединеннаго уголка.

Теперь онъ съ тоскою вступалъ въ осиротѣвшій, печальный дворъ отца Павладія. Совѣсть грызла его: невольно, не сознавая тогда могущихъ быть послѣдствій, и онъ былъ замѣшанъ въ грустной драмѣ, смявшей счастье этого смиреннаго пріюта.

Дворъ студенту показался какъ-то особенно пространнымъ, а церковь совершенно низенькою, и маковка ея уже будто не такъ сверкала золотомъ, какъ въ ту улетѣвшую, чудную,

привольную и незабвенную ночь. Роща стояла безлистая, обнаженная. Сквозь ея рѣдкія вершины уныло синѣлъ прудъ. Вѣтеръ посвистывалъ, обрывая съ вѣтокъ послѣдніе листы. Домъ священника былъ старъ; побѣлка на немъ потемнѣла отъ дождей, а мѣстами съ его стѣнъ осыпалась глина.

Подъѣхавъ на этотъ разъ въ телѣжкѣ хозяина, Михайловъ вошелъ въ ворота и у плетня подъ сараемъ увидѣлъ священника. Отецъ Павладій съ топоромъ копался надъ колесомъ, остановился и сразу не узналъ гостя.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте... Кто вы?

Священникъ наставилъ къ глазамъ ладонь.

— Вы меня не узнали?

— Извините, не узналъ...

— Михайловъ.

— А! теперь узналъ... Что̀ вамъ нужно? Деньги, что ли, привезли?

— Что это? вы сами съ топоромъ работаете?

— Да! нечего дѣлать; надо же чѣмъ-нибудь жить намъ, горемыкамъ. Самъ теперь вотъ я и лошадей пою, и свиней кормлю, и дрова рублю, и все починяю! Что̀ дѣлать! Такова ужъ наша участь!.. Была прежде и работница, да вашъ же Донъ-Жуанъ укралъ, свелъ ее со двора...

Михайловъ молчалъ. Кровь хлынула ему въ голову.

— Я въ этомъ не виноватъ! — сказалъ онъ растерявшись.

— Что̀ же вамъ угодно, однако? — сухо спросилъ священникъ.

— Я вамъ деньги привезъ; благодарю за ссуду...

— Пожалуйте въ комнату; я сейчасъ туда приду за вами. Извините, теперь у меня прислуги нѣтъ, молодой человѣкъ. Такъ-то-съ; не прогнѣвайтесь... Ужъ чаю некому подать-съ!

Михайловъ пошелъ, думая:

«Да, по-дѣломъ мнѣ! Дѣло скверное, а началось оно и сдѣлалось почти черезъ меня!»

Онъ печально вошелъ въ комнаты. Тамъ было все попрежнему. Тотъ же запахъ воска и ладана, та же чистота, тѣ же свѣжія скатерти, пучки травъ у образовъ, журналы и газеты кипами по столу и по стульямъ. Онъ взглянулъ:

многіе были не разрѣзаны, а другіе даже въ пакетахъ, нераспечатанные. Вошелъ отецъ Павладій.

Снявъ шляпу, онъ остановился у порога. Тотъ же подрясникъ, тотъ же гарусный старенькій поясъ на немъ; та же красноватая мясистая лысина и утлая косичка, перевязанная полинялою ленточкой. Но маленькіе, красные, вспухшіе глазки были будто еще меньше и печальнѣе, борода замѣтно побѣлѣла и лицо осунулось. Онъ размахивалъ сѣрою пуховою шляпой, собирался все что-то сказать рѣзкое и суровое и не говорилъ.

— Ну-съ, молодой человѣкъ, ну-съ, такъ-то-съ; да, спасибо вамъ, одолжили! Очень, очень вамъ благодаренъ! Просто разодолжили, — профессоровъ вашихъ надо благодарить...

Студентъ сидѣлъ, не поднимая глазъ.

— О чемъ вы это говорите, отецъ Павладій? Развѣ я...

— Я говорю о вашемъ другѣ, о г. Панчуковскомъ. Спасибо вамъ и ему за вниманіе. Берега нашей Мертвой ознаменовались такимъ романомъ, который бы прямо на бумагу, да и въ журналы! И чего вы медлите его опубликовать?

— Да вы ошибаетесь, отецъ Павладій вы смѣшиваете меня съ полковникомъ... Что же общаго у меня съ нимъ?

Студенту было совѣстно; онъ понималъ, что кривитъ душою: онъ тогда угадывалъ затѣи полковника.

— Что намъ, современнымъ людямъ, — продолжалъ священникъ, не отходя отъ порога, продолжая нелѣпо размахивать шляпою и не слушая Михайлова: — что намъ бѣдные люди, всякіе голыши сельскіе!.. Ограбить ихъ, осмѣять, отнять у нихъ послѣднія утѣшенія и радости! Вотъ что, Да-съ. Мало вамъ, господа, гребчихъ да городскихъ продажныхъ красавицъ! Вы на наши тихія захолустья взъѣлись! И тутъ васъ недоставало! Подло-съ, да, подло! Извините.

— Да послушайте, что вы! Развѣ это ко мнѣ относится?

Священникъ съ досадою бросилъ шляпу на кушетку и сѣлъ на стулъ. Потомъ онъ опять вскочилъ и схватилъ со стола какую-то книжку.

— Ну, читайте, читайте! Что тутъ пишутъ, а? Порочатъ зло, проклинаютъ ложь, насилія и неправду! А вы что сдѣлали? Куда же ваши повѣсти послѣ этого годятся, ваши комедіи и драмы, когда вы, ученый человѣкъ, съ воромъ съякшались, — съ воромъ, который по ночамъ гарцуетъ, въ

чужіе дома врывается и все безнаказанно творитъ, благо для этого есть у него деньги, связи и положеніе въ свѣтѣ? Я же вездѣ искалъ и вездѣ получилъ отказы на него! Для меня въ этомъ дѣлѣ все погибло,—все! Онъ смѣло и явно купилъ все свое дѣло, всѣ свои новыя утѣхи...

Священникъ замолчалъ. Грудь его тяжело дышала, руки тряслись, лицо побагровѣло.

— Позвольте васъ спросить, наконецъ, г. Михайловъ, отвѣчайте мнѣ: для чего вы захотѣли спекулировать? Вамъ деньги были нужны?

— Да-съ, я вамъ тогда говорилъ зачѣмъ,—отвѣтилъ студентъ, теряясь болѣе и болѣе.

— Но вы обезпечены чѣмъ-нибудь? Уроки имѣете? Зачѣмъ же и вы захотѣли еще болѣе доходовъ? Отвѣчайте! Потребность времени, роскошь? Зачѣмъ вамъ были нужны эти новые барыши, за которыми вы погнались, занявъ у меня деньги?

— У меня мать-старуха въ Одессѣ, дочь убитаго поручика и жена бездомнаго капитана, моего покойнаго отца. Ей ѣсть нечего на старости.

— А! у васъ нищая мать! Вы для нея! Такъ зачѣмъ же вы не медленнымъ трудомъ захотѣли улучшить свое и ея положеніе, а кинулись на быстрые барыши? То-то и дѣло! Гдѣ нечестные скорые доходы, тамъ и товарищи-подлецы подъ руку попадаются. Такъ-то-съ... Ужъ вы извините меня. Пожалуйте деньги-съ... Я свое сказалъ. Хоть вы и не совсѣмъ виноваты, а хвостъ, батюшка, замарали... Не говорите: вы знали его умыслы...

Священникъ судорожно сосчиталъ поданныя деньги, сходилъ въ спальню, вынесъ оттуда росписку студента и рѣзко подалъ ему.

— Слушайте, г. Михайловъ! Вы еще молоды; много надеждъ у васъ впереди: а я уже мертвый человѣкъ: одною ногой стою въ темной могилѣ, и другую тоже заношу туда. Кончайте получше курсъ вашихъ наукъ, да не кидайтесь на болѣзнь нашей Новороссіи, на ея торговую горячку. Не мало огромныхъ средствъ и дарованій она унесла къ погибели; артистовъ сдѣлала взяточниками, публицистовъ-съ нѣкоторыхъ — ворами: оскотинитъ она, погубитъ и васъ. Осмотритесь, приглядитесь къ жизни: жизнь не терпитъ скачковъ! Вотъ, хоть бы у меня—мой садикъ и роща. Они

теперь хороши. А вѣдь я тридцать лѣтъ сидѣлъ и тридцать лѣтъ трудился надъ ними! Читайте, учитесь, работайте... Извините меня, старика. Вы что̀ болѣе всего любите? Ну, скажите мнѣ, что̀?

— Естественную исторію, музыку-съ... Особенно музыку...

— Ну, изъ естественныхъ наукъ займитесь хоть ботаникой, степныя травы собирайте, сушите; вѣдь имя составить себѣ можете однимъ здѣшнимъ травникомъ. Да Гумбольдта-съ, Гумбольдта читайте, а не на манеръ бердичевскихъ факторовъ маклакуйте! Или хоть нашими украинскими пѣснями займитесь. Эхъ, что за прелесть эти пѣсни! Когда я былъ еще въ Черниговѣ въ бурсѣ, я много ими занимался и пѣлъ ихъ пропасть со скуки, гуляя въ семинарскомъ саду да зубря мертвящія латинскія вокабулы. Жена же моя покойница ихъ отмѣнно пѣла... Такъ-то-съ! Украинскія народныя пѣсни создадутъ еще современемъ своихъ Моцартовъ-съ...

Михайловъ просидѣлъ у священника до вечера. Много переговорилъ онъ съ нимъ, а еще болѣе переслушалъ.

«Эка, дѣльный человѣкъ! — подумалъ онъ о немъ: — и въ какую глушь закинутъ!»

Простился онъ съ отцомъ Павладіемъ, растроганный до глубины души. Онъ клялся заняться науками, бросить аферы.

— Прощайте, г. Михайловъ! Желаю вамъ счастливаго пути въ вашу Одессу, да не возвращайтесь болѣе сюда!

— Какъ можно! Я еще хочу взглянуть на вашъ очаровательный Святодуховъ-Кутъ, на ваши ключевыя воды, на вашъ садъ и прудъ!

— Пропадать имъ, видно, какъ и всему тутъ! Вы, я чай, слышали, какая участь постигла моего бѣднаго помощника, дьячка Фендрихова?

— Нѣтъ, не слыхалъ... Что̀ такое? Боже! вы меня пугаете. Я его помню, видѣлъ его у Щелковой...

— Онъ послѣ Покрова, нынѣшнюю осень, ослѣпъ...

— Ахъ, бѣднякъ! Гдѣ же онъ теперь? Вотъ бѣднякъ, право!

— Да тутъ еще у меня на кухнѣ живетъ; изрѣдка въ церковь на клиросъ ходитъ, — только совсѣмъ ослѣпъ, какъ есть. Должно-быть, вѣтромъ на него какимъ пахнуло, или роса такая пала. Въ двѣ недѣли и ослѣпъ... Или, скорѣе,

просто такая ужъ вѣрно ему судьба была на роду написана.

— Такъ вы теперь одни?

— Нѣтъ, его жена мнѣ помогаетъ, но у нея свое дитя есть; а я выписалъ, жду вотъ племянника къ себѣ въ причтъ; этого паренька, видите ли, выгнали изъ нашей семинаріи тоже за разныя разности; ну, я его къ себѣ и сманиваю. Не скучно хоть будетъ... Парень даровитый, вотъ какъ и вы, науку прошелъ; только боюсь, не испортился бы тутъ...

Михайловъ сталъ сходить съ крыльца.

— А про мою воспитанницу что-нибудь слышали?—спросилъ съ усмѣшкой священникъ. — Вѣдь вы когда-то ее у меня, помните, видѣли, и она васъ тоже тогда, кажется, заняла?

— Нѣтъ, не слышалъ. А вы не знаете, что̀ съ нею теперь?

— Какъ же, какъ же, теперь ужъ я все знаю: у Панчуковскаго она поселилась окончательно; да то диво, что, говорятъ, ему отдалась совершенно и даже... стыжусь вамъ сказать... таково ужъ наше время... и помяните мое слово, Панчуковскій поплатится, и поплатится сильно... А она?!

— Что же? говорите!

— Говорятъ... ужъ и беременна отъ него... не прячется и открыто стала съ нимъ ѣздить. Въ мой уголъ тридцать лѣтъ никакая людская напасть не проникала, я какъ въ гнѣздѣ ласточки жилъ. А теперь что̀ случилось!..

Михайловъ пожалъ плечами, вздохнулъ, простился со священникомъ и уѣхалъ. Шутовкина онъ не засталъ дома. Хозяинъ его былъ гдѣ-то по коммерческому дѣлу. Было поздно вечеромъ.

Ученики Михайлова уже спали. Онъ сѣлъ къ роялю, склонилъ къ его клавишамъ грустное лицо и свои бѣлокурые, пышные кудри, сталъ-было играть и невольно заплакалъ... Потомъ онъ снова началъ играть и игралъ съ увлеченіемъ до утренней зари.

«Я буду артистомъ!» — подумалъ онъ, забываясь радужными грезами.

Солнце взошло.

У рояля, на кушеткѣ, навзничь лежалъ и крѣпко спалъ

Михайловъ. Что ему снилось? Музыка, естественная исторія или новые соблазны спекуляціями?

Богъ-вѣсть...

Въ домѣ у сосѣдей Панчуковскаго, братьевъ Небольцевыхъ, на Екатерининъ день, день именинъ ихъ старушки-матери, былъ праздникъ и большой съѣздъ гостей. Въ числѣ другихъ, разнообразныхъ и разноплеменныхъ лицъ околотка, былъ здѣсь и полковникъ.

Въ осеннемъ темнозеленомъ пальто, съ орденскою ленточкой въ петлицѣ, попрежнему раздушенный и распомаженный, Панчуковскій, однако, былъ, повидимому, какъ-будто не въ духѣ. Столпившись въ курительномъ кабинетѣ, вдали отъ дѣвицъ и дамъ, гости-мужчины по-былому толковали о минувшемъ лѣтѣ, о близости закрытія приморскихъ портовъ, о цѣнахъ хлѣба, каменнаго угля, о видахъ на весеннія продажи сельскихъ сборовъ и о мѣстныхъ скандалахъ всякаго рода. Сидя на мягкомъ диванчикѣ и сверкая перстнями, запонками и щегольскими розовыми ногтями, Панчуковскій, по обычаю, вскорѣ оживился и завладѣлъ общимъ разговоромъ.

— Такъ вы думаете, что мы можемъ ожидать, съ близкою реформой крестьянскаго быта, переселенія народовъ къ намъ съ сѣвера, скорой колонизаціи здѣшнихъ земель? Шалишь! Нѣтъ, господа, этого не будетъ! Будь я подлецъ, если не такъ!

— Отчего же? Вы все намеками говорите, полковникъ...

— Отчего? вотъ забавно!

— Да-съ, непонятно что-то...

— Оттого, что въ нашъ вѣкъ странствія новыхъ гунновъ и алановъ невозможны. Да-съ, новые Атиллы у насъ— это англійскія-съ паровыя машины, ливерпульскіе да клейтоновскіе локомобили, молотилки-съ и всякіе черти! Вотъ нашествія чего мы должны ожидать и отъ чего должны откупаться, какъ старинные города и села откупались отъ дикихъ варваровъ! Трудъ поселянъ, дешевенькій крѣпостной трудъ,—онъ только намъ и давалъ доходъ, повторяю, при крѣпостномъ состояніи; а теперь—все вздорожаетъ, и земледѣлію отнынѣ шабашъ!

— Позвольте, позвольте: почему вы такъ думаете, что къ намъ не двинутся переселенцы изъ великорусскихъ

губерніи?—спросилъ Митя Небольцевъ, старшій изъ братьевъ-хозяевъ.

Панчуковскій громко и рѣзко захохоталъ:

— Ахъ вы, простота-простота, душечка! Ну, броситъ ли нашъ тулякъ, владимірецъ или псковичъ, свою дымную лачужку, бѣдную ниву и родичей, чтобы явиться къ намъ въ гости? Да онъ скорѣе пойдетъ въ Москву на фабрики или на барки на Волгу на заработки, чѣмъ рѣшится къ намъ переселиться. Черезъ сто лѣтъ, такъ, не спорю; а теперь— оставьте, господа, надежды. Не вѣрьте вы нашимъ чухонскимъ Штейнамъ и новоиспекаемымъ Кавурамъ съ Невскаго проспекта! Вѣдь въ Питерѣ, куда вѣтеръ подуетъ, туда и всѣ пѣсни летятъ! Былъ у меня тамъ одинъ пріятель-чиновникъ; вѣрите ли, если бы вотъ вашъ, Адамъ Адамычъ, пудель ему сказалъ, что въ модѣ, положимъ, голубыя шляпы, онъ бы въ департаментъ тотчасъ голубую шляпу надѣлъ...

Слушатели разсмѣялись.

-- Какъ, какъ, Владиміръ Алексѣевичъ? Пудель? Голубыя шляпы?..

— Право! На этого же самаго чиновника на дачѣ воры какъ-то напали; что̀ бы вы думали? Онъ залѣзъ подъ кровать и сталъ оттуда впотьмахъ лаять собакою. Это собачье искусство только его и спасло: дачу ограбили, а его оставили въ живыхъ.

Лакей внесъ водку передъ завтракомъ. Хозяева суетились. Слушатели, въ восхищеніи отъ остротъ Панчуковскаго, похаживали, шушукались. А онъ ораторствовалъ, не переставая.

— Что мнѣ, господа! Я не отъ личныхъ огорченій говорю. Я счастливъ, богатъ, свободенъ какъ вѣтеръ, хоть и эгоистъ, господа, и считаю въ душѣ это чувство лучшею рекомендаціею человѣка.

— Не всегда, полковникъ!—возразилъ опять Митя Небольцевъ, желавшій хоть чѣмъ-нибудь оспаривать бойкаго мѣстнаго краснобая и идола:—и у васъ бываютъ невзгоды! вы вотъ перебили у Шульцвейна степь, а саранча на ней всѣ тра̀вы съѣла!

— Зато у меня съ прошлогодней пшеницы и со льна теперь однимъ золотомъ семьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ въ кассѣ лежитъ, не считая депозитокъ...

Полковникъ повелъ глазами. Передъ его носомъ въ это время стоялъ его новый камердинеръ, Аксентій Шкатулкинъ, и вѣжливо ждалъ минуты ему что-то сказать.

— Прикажете лошадей отпрячь?—спросилъ онъ тихо барина, когда тотъ замолчалъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ послѣ пирога уѣду! — отвѣтилъ громко полковникъ и прибавилъ шопотомъ: — не лѣзь, когда тебя не спрашиваютъ. Жди,—послѣ пирога велю запрягать...

— Куда вы, куда?—заговорили хозяева и гости разомъ.

— Надо домой; есть дѣла!

— Останьтесь, ради Бога, останьтесь. Въ кои-то вѣки васъ дождешься!..

Полковника упросили, и онъ остался.

Онъ продолжалъ:

— Слѣдовательно, я состою въ кругу недовольныхъ по убѣжденьямъ, а не изъ личностей. Я за себя молчу. А прислушайтесь вы къ толкамъ въ степяхъ, на проселкахъ и широкихъ столбовыхъ дорогахъ, въ шинкахъ и на возахъ съ снопами, у переправъ, мостовъ и по взморью. О чемъ толкуетъ народъ здѣсь и вездѣ?

Слушатели тревожно молчали, утопая въ табачномъ дыму. Полковникъ всталъ и дико оглянулся по комнатѣ, закидывая за уши волоса.

— Народъ готовитъ намъ шутки-съ, господа! Да, да, да! Зовите меня алармистомъ, иллюминатомъ... Я народъ нашъ знаю, я вращался и вращаюсь въ немъ! Онъ готовитъ намъ такія шутки-съ, что намъ не расхлебать!.. Одинъ косарь косилъ у меня этимъ лѣтомъ. Я любилъ съ нимъ говорить. Разъ онъ меня на-дняхъ спрашиваетъ: «видно вы, баринъ, проглотили чорта съ хвостомъ, что такъ разумны; скажите мнѣ, правда ли, что намъ волю хотятъ дать?»—Я говорю: «правда, мой миленькій; только имѣйте, говорю, терпѣніе, ждите».—«Да, оно такъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ:—только пошли у насъ слухи по ярмаркамъ, по церквамъ, по шинкамъ, по дорогамъ тутъ и по распутіямъ, что не одну волю намъ дадутъ, а также и всю землю вашу навѣки».—Вотъ и подите-съ!.. затѣваютъ кашу... А я народъ знаю и меня народъ любитъ; я популярнѣе всѣхъ васъ,—а что они со мною было-сдѣлали! а?

Панчуковскій замолчалъ. Въ кабинетѣ кто-то вздыхалъ,

точно будто кто плакалъ. Онъ оглянулся: помѣщица Щелкова, отъ простуды бывшая съ завязанною шеей, тихо подошла изъ залы и держала платокъ у глазъ. Она закашлялась и ухватила полковника за полу.

— Месьё Панчуковскій, скажите, Бога-ради, скажите наконецъ, чего намъ еще ждать, чтобы я могла, имѣла силы во-время все сдѣлать, приготовиться? Я женщина глупая, слабая, все меня пугаетъ, все...

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь!—раздался голосъ изъ залы.

— Господа, молебенъ!—объявили братья-хозяева:—наше духовенство опоздало немножко! Да разстоянія виноваты; нашъ приходъ въ Андросовкѣ, за тридцать верстъ... Пожалуйте. Обычаи дѣдовскіе мы соблюдаемъ.

— А мы съ вами, Авдотья Петровна, послѣ потолкуемъ!—сказалъ Панчуковскій:—видите, молиться зовутъ; а вѣдь я ретроградъ и плантаторъ, какъ меня здѣсь обзываютъ: нельзя, система требуетъ.

Гости вышли въ залу. Тутъ уже блескомъ сіяла толпа раздушенныхъ дамъ и барышень. Легкія и воздушныя очаровательныя платья ихъ напоминали близость приморскихъ городовъ и возможность самыхъ тѣсныхъ сношеній съ чужими краями. Свѣжія итальянскія шляпки, турецкія шали, ліонскіе шелкъ и бархатъ; марсельскіе и греческіе духи били въ носъ каждому. Черныя брови, смуглыя личики, легкіе станы, живыя движенія... «Вотъ она, наша-то Новороссія!—шепталъ за молебномъ Панчуковскій, поталкивая Митю Небольцева:—отрадно отдохнуть отъ работъ и наживы, глядя на нашихъ красавицъ!»—Щегольской камердинеръ полковника, въ зеленомъ ливрейномъ фракѣ, съ бронзовыми пуговицами и при цѣпочкѣ, также былъ тутъ, выйдя изъ лакейской, стоя у дверей и молясь Богу. Молодой красивый священникъ, изъ херсонскихъ грековъ, читалъ въ носъ и гнусилъ нараспѣвъ, такъ и пронизывая всѣхъ зоркими глазами изъ-подъ черныхъ широкихъ и густыхъ бровей. На немъ была ярко-лазоревая ряса въ какихъ-то серебряныхъ звѣздахъ и блесткахъ; на груди наперсный крестъ, а поясъ и нарукавники—вышитые гарусомъ и стеклярусомъ!

Студентъ Михайловъ, стоя тутъ же съ своими птенцами, невольно вспомнилъ отца Павладія и его уединенную, бѣд-

ную и старенькую обстановку. Впереди всѣхъ стояла, вся въ бѣломъ, именинница, семидесятилѣтняя мать хозяевъ, первая переселенка изъ помѣщицъ сюда, на Мертвую.

Послѣ молебна стали закусывать. Гости опять столпились въ кабинетѣ, какъ ни старались Митя, а потомъ и Сеня Небольцевъ обратить ихъ въ гостиную къ дамамъ. Полковникъ, куря сигару, постарался опять начать разглагольствовать, стоя передъ Щелковой.

— Вы толкуете, Авдотья Петровна, что съ Дону, изъ казаковъ, если и ихъ коснется реформа, къ намъ двинутся руки. Пустое-съ! Извините. Знаю я этотъ почтенный и воинственный народъ...

— Что, что?—подхватилъ Митя Небольцевъ:—я казаковъ люблю, народъ лихой; тамъ я былъ влюбленъ, господа, недавно, и не позволю ихъ бранить—извините...

— Отсталые люди, несовременная татарщина, господа, эти ваши казаки! Что за военныя арматуры въ нашъ мирный вѣкъ у каждаго изъ нихъ, вмѣсто гражданскихъ наклонностей! Что за учителя при сабляхъ и что за чиновники при шпорахъ!—А встрѣтитесь вы съ ними на пароходахъ, которые уже врываются въ ихъ Донъ, или въ домахъ гдѣ-нибудь, куда уже являются наши и заграничные журналы: сидятъ, молчатъ и хлопаютъ глазами, либо пьютъ... За пуншемъ да за картами только ихъ и услышишь! Да что и слышать: дичь, бесѣды Тамерлановъ!

— Э, камрадъ! повторяю—не нападайте такъ на моихъ лихихъ казаковъ!—перебилъ опять Митя Небольцевъ: — поссоримся! я одинъ за всѣхъ ихъ на дуэль васъ вызову! Вздоръ вы говорите!

— Да ужъ если на то пошло, такъ слушайте! Былъ у меня пріятель тутъ по сосѣдству, исправляющій должность учителя уѣзднаго училища, и захотѣлъ онъ нажиться, поѣхалъ къ нимъ, къ казакамъ-то, на Донъ, тамъ библіотеку гдѣ-то публичную открылъ. Послѣднія деньжонки, бѣднякъ, на нее убилъ. Что же бы вы думали? Приходитъ къ нему подписаться на чтеніе сынъ какого-то ихняго тамъ не то купца, не то горожанина; залогъ оставилъ. Рвеніе къ литературѣ показалъ; признался, что круглый невѣжда, что учиться хочетъ, и попросилъ ему выбрать что-нибудь для чтенія. Учитель-библіотекарь выбралъ ему Бѣлинскаго, Грановскаго тамъ, что ли. Радуется, что такое стремленіе у

малаго замѣтилъ. Что же бы вы думали? Черезъ недѣлю приходитъ кучеръ отъ батюшки этого малаго и приноситъ обратно книги. «Старикъ», говоритъ, «прислалъ ваши книги обратно; готовъ и залогъ вамъ оставить задаромъ — только не давайте его сыну больше ничего читать: отъ дѣла отбивается!»

Всѣ начали ахать, возражать, увѣрять, что это преувеличенія.

— Что вы, господа, этому не вѣрите? — возразила невпопадъ, не разслушавъ дѣла, Авдотья Петровна Щелкова, желая поддержать полковника:—я сама отъ дѣтства ни одной книги до конца не прочитала; все некогда... книги вредъ, да и не для нашего брата степняка онѣ писаны! Не даромъ я бросила Рязань и сюда закабалилась!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — заключилъ полковникъ:—если справедливы слухи о близкой, наконецъ, реформѣ крестьянской, наши села запустѣютъ, хлѣбопашество упадетъ! Мы разоримся, обнищаемъ всѣ. Если бы, господа, я былъ американецъ и жилъ съ вами не въ Россіи, а, положимъ, въ Виргиніи или въ штатѣ Мерилэндѣ,—я, въ случаѣ войны за невольничество, сталъ бы открыто на сторону закабаленія негровъ...

— Негровъ? вотъ мило!—сказали нѣкоторыя дамы, подъ общее увлеченіе входя также въ кабинетъ и протѣснясь къ полковнику:—это что-то изъ «Хижины дяди Тома»...

— Пустозвоны ваши литераторы!—крикнулъ, наконецъ, съ запальчивостью Панчуковскій:—ну, чего они не напичкали въ этотъ сборникъ всякаго вздора! Что за святость страданій у этихъ скотовъ! Что за поэзія побѣговъ и воспѣваніе освобожденія отъ труда! Вѣдь рабство это—трудъ, а трудъ—кусокъ хлѣба, а хлѣбъ—честь, нравственность! Ужъ не вздумаютъ ли идеализировать и нашихъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ бродягъ, мѣсяца полтора назадъ заставившихъ меня, изъ-за расчета съ негодями-косарями, выдержать правильную осаду?..

— Ахъ, мосьё Панчуковскій!—лукаво разахались дамы и дѣвицы, знавшія между тѣмъ настоящую причину соблазнительнаго скандала, посѣтившаго полковника:—разскажите, какъ это съ вами было? Мы не знаемъ... Чего добивались у васъ эти мятежники? Мы тогда перепугались, мужья ружья готовили...

Панчуковскій вздохнулъ и смиренно опустилъ глаза.

— Сожгли у меня все-съ, набуянили, стекла въ домѣ перебили, шинокъ у откупщика насильно роспили!

— Вы же на нихъ искали?

— Искалъ. Но развѣ вы не знаете нашихъ судовъ? Коекого поймали; но это все оказались неприкосновенные къ дѣлу: ихъ выпустили, а главныхъ, то-есть главнаго зачинщика не нашли...

— Кто же этотъ главный? — спросила, съ смиреніемъ Іуды, Авдотья Петровна, натершая порядкомъ языкъ, тараторя всѣмъ объ исторіи Левенчука и Оксаны.

— Бѣглый пастухъ какой-то помѣщицы, взбунтовавшій три артели моихъ косарей требованіемъ надбавки заработанной платы при расчетѣ, сверхъ условія... Тоже извѣстное дѣло...

— Гдѣ же онъ теперь?

— Говорятъ, убѣжалъ въ донскіе плавни и камыши, извѣстный всѣмъ притонъ нашихъ разорителей.

— И его товарища, месьё, разыскиваютъ—Милорòденка или Александра Дамскаго по прозванію,—замѣтила, кашляя, Щелкова:—тотъ такъ уже прямо ассигнаціи сталъ дѣлать, и съ нимъ, говорятъ, вездѣ былъ заодно. Я брала у отца Павладія газеты и о немъ читала... Моя Нешка,—ma servante, messieurs,—тоже съ этимъ Милорòденкомъ подружилась-было, когда онъ еще у Шутовкиныхъ годъ назадъ шлялся. Этотъ еще опаснѣе. Смѣлъ, говорятъ, до невѣроятности. Мнѣ его описывали. На взморьѣ онъ въ прошломъ году съ двумя лодками турецкую кочерму ограбилъ... Я хоть его и не видѣла, а кажется сразу бы узнала...

— Да,—возразилъ насмѣшливо Панчуковскій: — и Троекуровъ у Пушкина хвасталъ, что узналъ бы разбойника Дубровскаго сразу, а Дубровскій у него три мѣсяца учителемъ прожилъ... Вы читали Дубровскаго?

— Я ничего не читала и въ Рязани, а здѣсь и подавно некогда!

Слуги въ это время убирали закуску въ залѣ и все слышали. Слуга полковника нежданно скрылся и за обѣдомъ вышелъ съ подвязаннымъ глазомъ.

— Что это у тебя, Аксентій? — спросилъ его разсѣянно Панчуковскій за обѣдомъ.

— За дѣвочкою тутъ, сударь, погнался за дворомъ у са-

райчика, а она меня и съѣздила кулакомъ въ глазъ!—шепнулъ Шкатулкинъ ему на ухо.

Полковникъ въ это время ѣлъ индѣйку, съ жирнымъ фаршемъ, любимое свое блюдо. Онъ громко разсмѣялся, повеселѣлъ, и всѣ съ нимъ повеселѣли.

— А сдастся?—спросилъ также шопотомъ слугу полковникъ послѣ обѣда:—сдастся твоя героиня?

— Сдастся! У старой барыни ихъ здѣсь цѣлый гаремъ-съ: останьтесь, сударь; попозднѣе можно поохотиться. Я взялъ бубенъ съ собою и заманю ихъ всѣхъ къ кучеру Конону въ хату...

— Посмотримъ! Надо осторожнѣе...

Послѣ обѣда, во время десерта, пріѣхалъ Мосей Ильичъ Шутовкинъ. Сластолюбивый забулдыга-купчикъ былъ на этотъ разъ прифранченъ, въ тонкомъ сюртучкѣ и чистомъ голландскомъ бѣльѣ. Это было послѣ того, какъ Панчуковскій выходилъ съ дамами во дворъ и плясалъ съ дворовыми дѣвушками трепака. Это была его спеціальность на всѣхъ дружескихъ съѣздахъ.

— Что вы на пирогъ къ намъ не пріѣхали?—спросилъ Шутовкина Митя Небольцевъ:—мы васъ ждали! Вѣрно опять шуры-муры гдѣ-нибудь затѣяли? Благо дѣтей къ намъ впередъ послали...

— Ванну моей царицѣ Пентефріи дѣлалъ-съ, такъ и провозился съ ея туалетомъ; къ роднымъ ее отпустилъ!

Молодежь, бывшая уже снова въ домѣ, прыснула со смѣху. Пошли передавать другъ другу отвѣтъ Мосея Ильича.

Шутовкинъ сталъ, между тѣмъ, искать глазами Панчуковскаго, увидѣлъ его въ кругу дамъ, по обыкновенію въ положеніи оратора, и поманилъ его пальцемъ.

— Подь сюда, полковникъ, подь сюда!—сказалъ онъ ему, оглядываясь.

Панчуковскій подошелъ. Шутовкинъ отвелъ его въ сторону и не отпускалъ его руки. Собственная жирная и теплая рука Мосея Ильича дрожала.

— Владиміръ Алексѣичъ, принимай мѣры!—началъ онъ степенно и безъ шутокъ, упершись въ него сѣрыми и добрыми, будто испуганными глазками.

— Что̀ такое?

Душа у полковника замерла, чуя что-то недоброе.

Шутовкинъ оглянулся кругомъ и продолжалъ говорить шопотомъ.

— Ты отъ меня скрывалъ, а бѣсъ тебя и попуталъ! Я вчера изъ города прибылъ; маклачилъ тамъ кое-съ-чѣмъ, съ чиновниками видался. Ходитъ, душечка, тамъ слухъ, что... одна помѣщица какая-то... Перепелицына, что ли, пріѣхала и тебя насчетъ какихъ-то денегъ разыскиваетъ...

Панчуковскій вздрогнулъ и позеленѣлъ.

— Ну?..

— Она тебя разыскиваетъ, справки собираетъ о твоихъ дѣлахъ. Ты ее въ любовницахъ держалъ, что ли, или вѣнчанъ съ нею? говори!

Панчуковскій молчалъ, не поднимая глазъ. Эта вѣсть видимо его окончательно сразила.

— Капиталы ты у нея взялъ, что ли, деньги увезъ какія? Много?.. Да говори же! Я тебя, Володя, спрашиваю, или ты и отъ меня скрываться? А брудершафтъ зачѣмъ мы пили съ тобой намедни?

Панчуковскій опомнился.

— Все это вздоръ; это сумасшедшая баба, и все тутъ!— сказалъ онъ:—я ее не приму! Кто меня заставитъ? Вѣдь такъ? Я отъ нея отрекусь. Ну, отрекусь окончательно!

Шутовкинъ отвелъ его еще далѣе въ уголъ.

— Да она тебѣ законная, что ли, говори? Это главное. Коли что, то мы ее и спустимъ! Вотъ тебѣ рука моя, братъ! Вѣдь я у тебя въ долгу, развѣ ты позабылъ? Безъ тебя бы я тогда ни-ни, ничего бы не сотворилъ. Ужъ отстоимъ, небось; намъ эти бабьи дѣла не впервое. Или ты и въ самомъ дѣлѣ у нея капитальцу царапнулъ, да сюда въ наше приволье тягу далъ? Да и почему она Перепелицына, а ты Панчуковскій, коли вы, можетъ статься, точно повѣнчаны? Какіе тамъ слухи ходятъ?

Панчуковскій оглянулся, закусилъ губу, помолчалъ, прищурилъ глаза къ сторонѣ нарядной толпы. Подавали уже свѣчи. Все кругомъ шумѣло, лепетало. Рояль гремѣлъ. Ставили столы для картъ. Аксентій съ хозяйскимъ слугой курилъ на раскаленныхъ плиткахъ лоделавандомъ, прогоняя запахъ недавняго обѣда.

— Молчи, дружище Мосей Ильичъ, до времени, какъ будто бы ты ничего не слыхалъ и не знаешь. Я тебѣ все послѣ разскажу. Будешь молчать? Руку, товарищъ!

— Вотъ она. Ни-ни! Я... о, я никому ни слова!

Шутовкинъ и полковникъ обнялись и крѣпко поцѣловались.

— А крестить будешь у меня, Володя?

— Буду.

— Постой еще...

— Что?

— Если же это, слушай, точно твоя жена... гм! и придется тебѣ съ ней опять зажить по закону, — дѣвочку-то твою ты мнѣ отпустишь, что ли, а? уступишь?

— Никогда, никогда этому не бывать!—сказалъ полковникъ. — Я, слава тебѣ Господи, еще съ ума не сошелъ, чтобъ мѣнять кукушку на ястреба...

Они объ-руку другъ съ другомъ вмѣшались въ нарядную толпу. Давно гремѣлъ звонкій рояль. Молодежь пустилась въ плясъ; южная страстишка попрыгать брала верхъ. Танцовали тутъ всегда до упаду. Игралъ Михайловъ.

А полковникъ, снова оживленный и бойкій, стоя въ дамскомъ кругу, въ гостиной, опять ораторствовалъ:

— Наши новороссійскія степи— это, медамъ, рай земной! Засухи, саранчу, пыль—все мы можемъ побѣдить и преодолѣть. Людей только намъ дайте, людей, этихъ-то бѣлыхъ негровъ поболѣе. Въ каждомъ мѣстѣ этой степи проройте колодецъ, ключъ раскопайте, и сухая, какъ уголь черная земля изумитъ васъ плодородіемъ; стада сами къ намъ придутъ. Мы объ Америкѣ вздыхать позабудемъ. Свои Куперы у насъ будутъ...

— А теперь, мосьё Панчуковскій? Какъ вы теперь считаете Новороссію нашу?

— Теперь?..

Панчуковскій иронически улыбнулся.

— Да-съ.

— Теперь наши степи напоминаютъ мнѣ украинскую сказку о томъ, какъ обыкновенно передъ бѣдою будто бы въ хаты кто-то бѣлый все съ улицы заглядываетъ, считая по пальцамъ живущихъ тамъ, спящихъ и работающихъ. Народъ говоритъ, что передъ послѣднею здѣсь чумою, при Екатеринѣ, что ли, на степныхъ курганахъ рано поутру видѣли все двухъ женщинъ: это были двѣ моровыя сестры: младшая — жизнь, а старшая — смерть; онѣ дрались и таскали другъ друга за волосы, споря о людской судьбѣ и

готовя народу бѣдствія. Такихъ-то сестрицъ и я все будто теперь вижу тутъ съ недавнихъ поръ!—заключилъ Панчуковскій, кланяясь.—И вы меня не увѣрите; намъ бѣды съ ожидаемыми реформами не миновать! Прощай веселая, спокойная и счастливая сторона! Все здѣсь вымретъ, переведется и зарастетъ лопухами и чертополохомъ...

— Какія страсти! Какіе ужасы!—шептали дамы, тѣснясь вокругъ него и лорнируя.

— Я ужъ и ружье приказчику купила, а револьверъ у меня всегда теперь подъ подушкой!—заключила Щелкова:— не увѣрите вы и меня, чтобъ у насъ прошло все мирно. Моя Нешка мнѣ вчера платокъ швырнула со злости.

— Геній, а не человѣкъ! — шептали другія дамы, имѣвшія дочерей:—и какъ жаль, что не женатый.

Панчуковскій оставилъ дамъ, незамѣтно прошелъ сквозь веселую толпу танцующихъ въ залѣ, взялъ тайкомъ шляпу, тихо вышелъ на крыльцо, переждалъ, пока запрягли ему лошадей, сѣлъ и полетѣлъ домой на своей крылатой четвернѣ.

— Отчего же это вы, баринъ, не дождались и такъ рано уѣхали?—спросилъ дорогою Милорòденко съ козелъ, съ сожалѣніемъ качая головою:—а я ужъ кой-кого подготовилъ...

— Чортъ ихъ подери! Я терпѣть не могу, братецъ, этихъ нашихъ веселостей, особенно же танцевъ... То ли дѣло съ простыми дѣвочками, гдѣ-нибудь подъ вербой—она пышетъ, пляшучи, а ты ее цѣлуешь! Не люблю я барышень!..

— Ничего, сударь, и это; тутъ барышни обнаковенно съ голыми плечиками бываютъ... Я всегда въ такомъ случаѣ люблю ихъ танцы и постоянно смотрю изъ передней-съ.

Пріѣхавъ домой, Панчуковскій сѣлъ за бумаги; подъ видомъ ревнивыхъ предосторожностей въ отношеніи къ своей любимицѣ, дѣйствительно почувствовавшей признаки интереснаго положенія, онъ велѣлъ опять запирать ворота и всѣ входы и выходы. Отъ главныхъ же дверей въ домѣ ключъ взялъ къ себѣ въ кабинетъ, а на ночь кругомъ заперъ весь домъ собственноручно.

— Мнѣ это, сударь, невыгодно! — замѣтилъ шутливо Аксентій, его раздѣвая.

— Отчего?

— Вы понимаете-съ...

— Ничего; переждешь, братъ. Днемъ наверстаешь; спи въ передней! Теперь ужъ на дворѣ и холодно; да говорятъ

еще, будто какая-то шайка изъ острога разбѣжалась. Подкованцева подъ судъ отдаютъ...

— Шайка-съ? Подкованцева? спросилъ, перепугавшись, Милороденко.

— Да.

Ну, такъ и точно, лучше побережемся! Бѣднякъ, бѣднякъ! Жаль этого-съ исправника. А вы за мною—спокойно спите... я вѣдь покаялся, я нынче монахъ-съ. Любите меня, а я ужъ по-христіански обойдусь съ вами...

Осень кончилась. Пролетѣли громадныя воздушныя арміи перелетныхъ птицъ. Настала гнилая, безснѣжная приморская зима, длинныя ночи, короткіе холодные деньки, съ зеленѣющими полями, стадами овецъ въ степи, быстрыми и краткими налетными метелями и изрѣдка хмурымъ, сердитымъ небомъ. Снѣгъ падаетъ и тотчасъ почти таетъ, либо замететъ степь, дороги. Все замерзло; вотъ сталъ зимній русскій путь. Завтра дождь, послѣзавтра адская грязь. Арбы вязнутъ, верблюды и волы тонутъ по брюхо. Одна ѣзда верхомъ становится возможною. И опять холодъ, опять тепло. Два дня погрѣло солнышко — и ужъ летятъ снова дикіе гуси, журавли; аисты ходятъ по пустырямъ, пеликаны по озерамъ и лиманамъ. Въ деревняхъ барыни на крылечки выставляютъ цвѣты на воздухъ. Овцы опять движутся на подножный кормъ въ поле. А февраль еще на дворѣ. У прибрежья въ синихъ волнахъ снуютъ лодки, корабли показываются. Невода опять тянутъ. Костры горятъ. Торговля зашевелилась. Конторскіе маклера рыщутъ по городамъ. Но небо опять нахмурилось, налетѣли съ сѣвера тучи, и Новороссія, южно-русская Италія, опять становится мертвою, суровою Скиѳіей.

Слухи о мадамъ Перепелицыной прошли-было и замолкли. Панчуковскій совѣстился ѣхать въ городъ и лично хлопотать. Онъ рѣшился показать видъ, что спокоенъ, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ успокоился. Михайловъ уѣхалъ въ Одессу.

XII.

Похожденія Милороденка.

— Твой соперникъ, твой Левенчукъ, наконецъ, пойманъ!—такою пріятною и неожиданною вѣстью порадовалъ Панчу-

вовскаго пріятель-исправникъ Подкованцевъ:—онъ пойманъ къ партіи неводчиковъ, близъ Маріуполя, и доставленъ по мѣсту преступленій ко мнѣ въ уѣздъ. Теперь отъ васъ, отъ тебя, другъ Владиміръ Алексѣевичъ, зависитъ помочь и мнѣ: меня, братъ, упекаютъ подъ судъ за покровительство нашимъ бродягамъ. Такъ ты мнѣ своими связями помоги; а я, пока состою при мѣстѣ, запроторю твоего соперника туда, куда и Макаръ телятъ не гонялъ. Пріѣзжай, потолкуемъ.

«Я же его упеку! — свирѣпо подумалъ полковникъ:—все равно теперь, нечего дѣлать, поѣду!»

Панчуковскій слеталъ къ Подкованцеву, условился, какъ и куда спустить бродягу Левенчука, а кстати посовѣтовался и о томъ, что̀ предпринять съ происками уже начинавшей ему надоѣдать помѣщицы Перепелицыной, появившейся въ сосѣднемъ городѣ. Было положено: Левенчука избавить отъ допросовъ и отъ слѣдствія по дѣлу о взбунтовавшихся косаряхъ, а скорѣе послать его, какъ бродягу, къ его помѣщикамъ; если же онъ ихъ не назоветъ, то прямо въ Сибирь,— какъ непомнящаго родства, а о госпожѣ Перепелицыной пустить въ окрестностяхъ молву, что на нее падаетъ подозрѣніе въ соучастіи съ продавцами фальшивой монеты, сдѣлать у нея черезъ пріятеля-городничаго обыскъ. напугать ее, а потомъ и предложить ей уѣхать обратно въ Россію.

— Левенчукъ пойманъ!—сказалъ полковникъ Шкатулкину, воротясь домой въ радости отъ условія съ Подкованцевымъ и спѣша обрадовать этою вѣстью своего слугу.

— Пойманъ-съ? быть не можетъ! Ай да полиція-съ! — сказалъ Аксентій, сдѣлавшись между тѣмъ бѣлѣе мѣлу: — гдѣ же-съ онъ?

— Ведутъ еще въ цѣпяхъ, по этапу!

— Зачѣмъ же въ цѣпяхъ, ваше высокоблагородіе? Это прижимки-съ.

— Какъ! Да вѣдь это онъ былъ тогда главный-то бунтовщикъ съ косарями!

— А! я и забылъ! Куда же его ведутъ, сударь?

— Должно-быть, въ Сибирь пойдетъ.

— Такъ-съ. Жаль парня! Ну, да на то ужъ ваша барская воля! Значитъ, чтобъ не мѣшалъ счастью...

Полковникъ передъ тѣмъ нарочно постращалъ Шкатул-

кина вѣстью, будто бы гдѣ-то бѣжала шайка воровъ изъ острога, для того, чтобъ тотъ лучше берегъ домъ, по ночамъ запираемый съ обоихъ выходовъ самимъ Панчуковскимъ. Теперь же вдругъ слухъ этотъ на самомъ дѣлѣ сбылся. Антропка ѣздилъ для кухни за говядиной въ городъ и услышалъ тамъ, что дѣйствительно изъ сосѣдняго острога черезъ дымовую трубу бѣжали арестанты.

— Вотъ, видите ли,—сказалъ полковникъ дворнѣ:—чего добраго, еще Левенчукъ, можетъ-быть, убѣжалъ! Пропадемъ мы, право, всѣ, если не будемъ беречься; запирайте же постоянно на ночь всѣ двери въ хатахъ и ворота во дворъ, да собакъ спускайте съ цѣпей. Ты же, Домаха, отнынѣ не отходи сверху отъ дверей Оксаны; теперь она стала спать наверху, такъ, чтобъ что-нибудь ее не напугало. Ты знаешь, что теперь ее надо беречь, да беречь; сбереги ее, я тебя отблагодарю; видишь, какая она стала!.. Я думаю, къ Николину дню родить будетъ... Какъ же! Точно къ Николину...

Итакъ, полковникъ спалъ снова одинъ въ кабинетѣ. Дверь черезъ шкапъ въ сосѣднюю комнату, отведенную-было Оксанѣ, онъ постоянно запиралъ. Куча непрочитанныхъ за лѣто книгъ и журналовъ лежала теперь на столѣ въ кабинетѣ, возлѣ кровати Панчуковскаго, и онъ, задергиваясь пологомъ и предварительно взявъ къ себѣ ключи отъ дома, ежедневно, ложась спать, читалъ до глубокой ночи. Тутъ постоянно роились въ его головѣ всѣ главныя предположенія и дерзкія, небывалыя мысли о новыхъ спекуляціяхъ. Иногда онъ вставалъ, подходилъ по мягкому ковру къ столу, садился писать, незримый болѣе съ надворья, вслѣдствіе недавно къ зимѣ устроенныхъ плотныхъ внутреннихъ ставней, и нерѣдко заря заставала его утромъ еще въ креслѣ въ тепломъ куньемъ халатѣ, за выкладками, соображеніями и письмами. Его переписка была болѣе коммерческая, дѣловая.

На гумнѣ въ это время домолачивалась пшеница. Стоялъ также еще громадный рядъ скирдъ ржи и прочаго менѣе цѣннаго хлѣба, и большія скирды свезеннаго овцамъ со степи сѣна. Молотила паровая машина. Полковникъ ежедневно ходилъ на гумно, стоялъ надъ рабочими и оставался тамъ до глубокихъ сумерекъ. Шкатулкинъ же обыкновенно, управившись въ домѣ и поигравъ съ «барышней» и съ Домахой въ карты, выходилъ на крыльцо, сидѣлъ тутъ,

курилъ, смотрѣлъ, какъ догорали недолгіе порывистые зимніе деньки, либо посмѣивался, сплевывая въ сторону и труня надъ разными дворовыми лицами, сновавшими съ утра до ночи изъ кухни въ амбаръ, изъ амбара въ ледникъ, въ погреба, за дворъ и въ домъ, и поджидалъ тутъ барина.

Разъ захотѣлось Панчуковскому пойти ночнымъ дозоромъ на токъ, гдѣ лежали большіе вороха намолоченной и еще нессыпанной пшеницы въ клунѣ, посмотрѣть, нѣтъ ли плутовскихъ слѣдовъ къ воротамъ или черезъ канавы, не пользуется ли кто лишнимъ сѣномъ изъ его же наемныхъ дворовыхъ, державшихъ скотъ на барскомъ корму. Снѣгъ передъ тѣмъ только-что снова выпалъ послѣ обѣда и запорошилъ бѣлымъ пушкомъ всю окрестность, дворъ, овчарни, гумно и батрацкія избы съ клѣтушками.

Было темно. Въ трехъ шагахъ нельзя было видѣть человѣка. Но полковникъ смѣло пошелъ; въ карманѣ его былъ, по обычаю, револьверъ. Аксентій копался въ домѣ, въ буфетѣ, готовя чашки къ чаю. Полковникъ по пути кликнулъ Антропку и пошелъ съ нимъ. Они миновали батрацкія избы, гдѣ уже почти все затихло и спало, прошли овчарни, мельницу и поднялись на взгорье къ току.

— Сбѣгай, братъ, Антропка, домой: я забылъ спички; принеси! А я тутъ подожду. На обратномъ пути закурю сигарку; да также фонарь принеси, — легче будетъ назадъ идти. Я буду ждать у клуни.

Антропка побѣжалъ. Полковникъ пошелъ впередъ.

Снѣгъ почти неслышно шелестилъ подъ ногами. Все молчало въ мягкомъ, свѣжемъ воздухѣ. Изъ верхняго этажа дома полковника, черезъ ограду, мерцалъ огонёкъ изъ слухового окна Оксаны. «И такъ это она скоро покорилась и забыла своего жениха! — думалъ полковникъ: — чѣмъ женщинъ не купишь! Или эти украинки, по правдѣ, скотоваты?» Со стороны поля, изъ какой-то отдаленной, степной овчарни доносился лай собакъ. «Это вѣрно волки тамъ похаживаютъ, набѣгаютъ изъ сосѣднихъ камышей!» раскидывалъ мыслями полковникъ.

Вдругъ ему послышался шорохъ шаговъ за оградой гумна, въ сторонѣ, противоположной той, куда скрылся Антропка.

Кто-то не то шелъ, не то ѣхалъ возлѣ хлѣбныхъ скирдъ, за канавою.

«Кто бы это былъ такой?—подумалъ Панчуковскій и замеръ... Волосъ зашевелился у него на головѣ. — Воръ не воръ, зачѣмъ же онъ ѣдетъ отъ поля? Это вѣрно не нашъ, чужой!»

— Кто здѣсь? Эй! кто ты?—крикнулъ Панчуковскій.

Незримый путникъ не отзывался.

— Эй! говорю тебѣ,—отвѣчай!

— А ты кто?—спросилъ грубый голосъ, и шаги направились къ полковнику.

— Сторожъ.

— Нѣтъ, погоди! Ты баринъ самъ?

— А хотя бы и баринъ? — сказалъ Панчуковскій и заикнулся.

— Ну, стой же, коли твоя судьба на то привела!

Незнакомецъ зашевелился. Панчуковскій не успѣлъ подумать, зачѣмъ это онъ велѣлъ ему подождать и что значили его слова о судьбѣ,—даже пьянымъ ему показался незнакомецъ, — какъ мгновенно въ пяти шагахъ отъ него что-то невыносимо-ярко блеснуло, раздался оглушительный выстрѣлъ, а въ упоръ передъ нимъ съ ружьемъ обрисовался Левенчукъ.

— Что это ты?—крикнулъ Панчуковскій, пошатнувшись.

— Шелъ подстеречь тебя, баринъ, и посчитаться съ тобою навѣки; а ты и самъ подвернулся... не прогнѣвайся!

— Кто здѣсь! Эй! держи, лови! воръ, разбойникъ! туши скирду! — закричалъ Панчуковскій, очнувшись и понявъ, что выстрѣлъ въ него не попалъ. — Пыжъ отъ выстрѣла попалъ на хлѣбную скирду, которая дымилась.

— Кто, кто здѣсь?—отозвался не своимъ отъ страху голосомъ Антропка, прибѣжавшій между тѣмъ съ фонаремъ.

— Ну, жалко же, что у меня не двустволка! — сказалъ между тѣмъ Левенчукъ:—я-бъ тебя уложилъ.

Антропка кинулся тушить скирду. Полковникъ выстрѣлилъ изъ револьвера разъ и другой и побѣжалъ вдогонку за Левенчукомъ; но послѣдній скрылся въ потемкахъ.

— Стойте вы тутъ, а я сбѣгаю за лошадью; людей еще позову, и мы по слѣду теперь его мигомъ разыщемъ!

— Дѣло! Бѣги, а я здѣсь пережду!—говорилъ Панчуковскій, едва переводя духъ.

— На-те спички, держите, насилу разыскали ихъ съ Аксентіемъ въ кабинетѣ. Ахъ ты, Иродъ, такъ ты не покаялся! Съ ружьемъ пришелъ!

Антропка безъ памяти побѣжалъ снова домой. Панчуковскій отыскалъ на землѣ брошенный Антропкой фонарь, нагнулся, закрылъ его полой и зажегъ въ немъ свѣчу. Руки его дрожали. Онъ прислушался: по полю въ другомъ концѣ отъ гумна кто-то бѣжалъ... Полковникъ сталъ искать слѣдовъ. Шаги бѣглеца были отлично видны по свѣжей порошѣ; верхомъ, съ фонаремъ, легко его было найти. Лишь бы не зарядилъ онъ опять ружья или снѣгъ бы снова не пошелъ.—«А! — шепталъ Панчуковскій:—вершкомъ лѣвѣе, и весь зарядъ сидѣлъ бы уже въ моей груди, а я метался бы, какъ отбѣгавшій свой вѣкъ заяцъ! Гдѣ смерть-то моя ходила!.. И надо же было пойти дозоромъ на токъ и на него, бѣглаго изъ острога, наткнуться!» Сердце его усиленно билось; кровь стучала въ вискахъ. Поднимался легкій вѣтерокъ, будто метель собиралась.—«Боже, когда бы снѣгъ не пошелъ, чтобы его разыскать! добраться бы мнѣ, наконецъ, до него! Какова дерзость? И что̀ дѣлается со мною,— непостижимо! Откуда такія напасти?» Раздался громкій конскій топотъ. Прискакали на блескъ фонаря, на батрацкихъ лошадяхъ, Антропка, приказчикъ, лѣтомъ бывшій причиною неудовольствія косарей, и еще четыре работника, наскоро, даже безъ шапокъ.

— Вотъ вамъ фонарь, скачите, догоняйте, молю васъ, ловите его!..

— Слушаемъ-съ! Врядъ ли уйдетъ!.. Развѣ гдѣ лошадь припасена у него, али снѣгъ успѣетъ запорошить слѣды.

— Развѣ и мнѣ не поскакать ли также съ вами?

— Еще чего бы не было! Лучше оставайтесь. Домой идите... Мы мигомъ обознаемъ все! — крикнулъ изъ-за канавы приказчикъ, и верховые поскакали.

Панчуковскій пошелъ къ дому, онъ былъ въ сильномъ волненіи. Начиналъ дѣйствительно падать снѣгъ. Не успѣлъ онъ до воротъ дойти, какъ повалили огромные хлопья.

«Уйдетъ, уйдетъ! — думалъ Панчуковскій: — пропало мое дѣло. Вотъ бы поймать его! Что до суда и слѣдствія, а я бы его еще самъ пробралъ...»

Во дворѣ было тихо. Въ кухнѣ не свѣтились уже огни. Было освѣщено попрежнему только окно наверху въ домѣ,

у Оксаны, да въ лакейской виднѣлся Аксентій, смиренно копавшійся съ иглою и съ какою-то одёжей у свѣчки. Сторожъ, по мѣстному названію «бекѐтный», не сразу отворилъ на ȯкликъ барина ворота. Слухи, дѣйствительно, немаловажные, ходили о шалостяхъ мѣстныхъ грабителей и воровъ, и всѣ держали ухо востро.

— Кто на очереди?—спросилъ Панчуковскій.

— Самойло.

— На же спички, Самуйликъ, да бѣги скорѣе въ кухню, зажги конюшенный фонарь и давай его мигомъ мнѣ! Есть дѣло; можетъ-быть, сейчасъ также поскачемъ съ тобою; осѣдлаешь тогда мнѣ жеребца!

Сѣдой хрычъ Самойло съ просонковъ у сторожки едва разобралъ слова полковника, пошелъ, переваливаясь, и воротился изъ кухни съ зажженнымъ фонаремъ.

Панчуковскій наскоро передалъ ему о случившемся. Отворили конюшню; Самуйликъ побѣжалъ въ каретникъ взять сѣдло, какъ за воротами раздался снова шумъ и громкій крикъ приказчика: «отворяйте!»

— Стой! погоди—сказалъ Панчуковскій, и самъ пошелъ, прислушиваясь къ говору за воротами.

— Да отворяйте же!—кричалъ приказчикъ:—это мы, свои! лисицу поймали!

Самойло звенѣлъ ключами. За воротами кто-то тихо охалъ.

Верховые въѣхали во дворъ. Подвинули къ лошадямъ фонарь. Полковникъ взглянулъ. Антропка сидѣлъ на сѣдлѣ, качаясь. Онъ весь былъ облитъ кровью...

— Что это? кто тебя ранилъ?

Антропка молча указалъ въ сторону, хватаясь за бокъ.

— Живодѐръ, сударь, успѣлъ опять зарядить ружье и, выждавъ нашу погоню, выстрѣлилъ...

Панчуковскій выхватилъ у Самуйлика фонарь, поднесъ его къ человѣку, связанному уже по рукамъ и ногамъ и прикрученному за шею къ сѣдлу приказчика. Съ волосами, упавшими на лицо, и запорошенный снѣгомъ, передъ нимъ стоялъ, мрачно понурившись, Харькȯ Левенчукъ.

Сперва-было полковникъ его не узналъ.

— Ты меня опять поджигать пришелъ?

— Тогда не поджигалъ; вы на меня донесли, меня ославили; такъ я ужъ думалъ одинъ на одинъ посчитаться...

— А, вотъ что! Слѣзай, Антропка! Батраковъ остальныхъ сюда! Держи его! А! такъ ты признаешься! Слышите вы всѣ?

Самуйликъ судорожно заметался. Приказчикъ убралъ въ конюшню лошадей. Левенчука привязали къ коновязи. Полковникъ, повидимому, не горячился, говорилъ тихо, но свирѣпѣлъ болѣе и болѣе. Сбѣжались другіе перепуганные батраки. Ихъ разставили на часахъ. Кто былъ потрусливѣе, того отослали обратно. Готовилась сцена, какими иногда увеселялъ себя полковникъ.

— Розогъ сюда, палокъ!

— Чего бы еще не было отъ этого? — шепнулъ-было Панчуковскому приказчикъ.— Лучше бы его такъ доставить въ судъ.

— Молчать! Я васъ всѣхъ переберу! Розогъ, кнутовъ, палокъ.

Явились и кнуты, и розги. Въ домѣ было все тихо. Туда никто не входилъ и тамъ ничего не знали. Попрежнему свѣтились тихія окна Оксаны и Аксентія.

— Нѣтъ, душечка! нѣтъ, голубчикъ! — шепталъ Панчуковскій: — пока до суда, такъ ты опять еще уйдешь изъ острога въ печку; а вотъ я тебѣ перемою тѣльце, переберу по суставамъ всѣ твои косточки... Клади его, Антропка! Самуйлика сюда! Гдѣ онъ? Ну, живѣе!.. Куда онъ тебя ранилъ, Антропка?

— Въ бокъ, дробью-съ!

Явился Самуйликъ, скорчилъ грустно губы, да нечего было опять дѣлать—воля барская...

— Онъ, сударь, вольный, можетъ статься! За что вы его бить хотите? — отозвался, снявъ шапку, одинъ изъ батраковъ.

— Молчать!— оралъ уже на весь дворъ Панчуковскій.— Каждаго положу, кто хоть слово пикнетъ! Клади его, бей; а ты, Антропка, хоть и раненый, считай... Огня мнѣ; пока выкурю сигарку, не вставать тебѣ, анаѳема!

Началась возмутительная сцена...

Левенчукъ, какъ легъ, не откликнулся, пока надъ нимъ сосчитали триста ударовъ.

— Довольно!— сказалъ полковникъ:—повороти хохла, да посмотри: живъ ли онъ? Что хохолъ, что собака—иной разъ ихъ и не различишь...

Левенчука повернули къ фонарямъ лицомъ.

— Такъ вотъ она, воля-то ваша, братцы! — простоналъ Левенчукъ, чуть шевелясь отъ боли: — а вы лучшей тутъ искали?

Толпа съ ропотомъ шумѣла...

— Ну, ну, не толковать! Воды ему, окатить его, да дать напиться!—крикнулъ полковникъ, отходя къ крыльцу.—Это кто?—спросилъ онъ, наткнувшись на кого-то въ потёмкахъ и поднося къ его лицу фонарь.

То былъ Милорòденко...

На немъ черты живой не было.

— Баринъ! зачѣмъ вы такъ тиранили человѣка?—спросилъ онъ.

— Такъ и учатъ скотовъ! Да если и вы всѣ его защищать станете, лучше убирайтесь на всѣ четыре стороны. Лишь бы лѣсъ былъ, а волки будутъ... Я, братъ, военная косточка и шутить не люблю.

Милорòденко пропустилъ барина молча мимо себя.

Но едва полковникъ скрылся въ домѣ, онъ опрометью побѣжалъ къ конюшнѣ, гдѣ такъ неожиданно наткнулся-было на истязанія своего былого пріятеля.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ? — шепталъ разбитымъ голосомъ Милорòденко, расталкивая батраковъ.

— Вонъ, Аксентій Данилычъ, водою отливаютъ; замеръ горемыка, чуть его бросили... Какъ бы чего барину не было!..

— Барину? — закричалъ Милорòденко: — а человѣческую душу загубилъ, такъ про эту душу и не вспомните? Еще воды сюда! Снѣгу на голову — водки въ ротъ. Эй, на вотъ цѣлковый, сбѣгай въ шинокъ...

Очнувшіеся батраки зашевелились передъ новыми приказаніями. Стадо людское шло туда, куда пастухъ велъ, кто бы онъ ни былъ...

Прошло часа полтора. Въ кабинетъ полковника вошелъ Аксентій. Онъ молча положилъ ключъ отъ каретника на столъ, у подушки Панчуковскаго. Глаза его были заплаканы, волосы всклочены.

— Ну?

— Извольте ключъ; приказчикъ прислалъ...

Милорòденко не поднималъ глазъ отъ полу.

— Связали? уложили его въ каретникѣ, какъ я приказалъ?

— Заперли связаннаго. Утромъ можно въ городъ послать-съ... Только знаки, баринъ, будутъ видны — не было бы чего...

— Ложись спать, да двери запирай! Не твое дѣло! Терпѣть я, братецъ, не люблю разсужденій. Это ты могъ дѣлать у Шульцвейна, у другихъ...

Аксентій покорно ушелъ. Прошло еще съ полчаса. Все замолкло. Огни вездѣ опять погасли. Ворота со скрипомъ затворились. Умолкли и собаки, лаявшія подъ этотъ необычайный ночной шумъ.

Полковникъ всталъ, выпилъ залпомъ два стакана воды, надѣлъ халатъ и туфли, обошелъ весь домъ, увидѣлъ Домаху, спавшую у дверей Оксаны, зашелъ на Оксану взглянуть, увидѣлъ Аксентія, съ смиреніемъ агнца храпѣвшаго уже на коврикѣ въ лакейской, воротился въ кабинетъ, заперъ его на ключъ изнутри и съ легкою дрожью улегся снова въ постель, задернувъ атласный пологъ. Онъ долго не спалъ, слышалъ какъ часы наверху пробили два и потомъ три, какъ пѣтухи прокричали вторично. Наконецъ онъ забылся.

Ему все снились отрадныя картины. Въ потайномъ желѣзномъ англійскомъ сундукѣ его кассы, врѣзанномъ въ его письменный столъ, грезилось ему, лежатъ уже не сто-пятьдесятъ тысячъ рублей тайно увезеннаго женинаго капитала, а вдвое противъ этого. Оксана даритъ ему сына, толстенькаго гетманца, съ черными кудрями, и нарекутъ ему имя также Владиміръ. А по пустынной, зимней степной дорогѣ, на сѣверъ, тянется подъ конвоемъ длинный этапъ: впереди его идетъ, въ цѣпяхъ, Левенчукъ, а сзади—уличенная Подкованцевымъ въ сношеніяхъ съ фальшивыми монетчиками, супруга Владиміра Алексѣевича, рожденная купеческая дочка Настасья Гавриловна Перепелицына. Сонъ длится далѣе. Хуторъ Новая-Диканька уже расширился, превратился въ мануфактурный и промышленный городокъ. Полковникъ назначенъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью. Высятся кирпичныя фабричныя трубы. Каменные корпуса поднимаются по улицамъ. Извозчики ѣздятъ. Дремучія рощи окружаютъ собственный домъ полковника. «Это уже и отца Павладія перещеголяло!»—думаетъ Панчуковскій и вмѣстѣ съ тѣмъ въ испугѣ просыпается...

Что это?

Комната его странно освѣтилась. Въ дверной секретный шкапъ вошли беззвучно какія-то лица. Надъ постелью его стало что-то высокое... Онъ вскрикнулъ и, обезумѣвши отъ смертнаго ужаса, кинулся за края полога.

— Ни слова! — звонко сказалъ стоявшій надъ нимъ.— Теперь ужь молчи, баринъ; теперь ужь наша воля; — это видишь?

Смотритъ полковникъ: его слуга Аксентій стоитъ надъ его ухомъ и держитъ собственный револьверъ полковника.

— Что ты, Аксентій? съ ума сошелъ?

Шкатулкинъ, уже одѣтый въ платье своего барина, видно не шутилъ.

— Баринъ! — сказалъ онъ: — ты теперь молчи; пикнешь слово—вотъ тебѣ Богъ святой—пулю въ лобъ пущу! Намъ что̀ теперь? Все подавай свое и баста! Пролежишь смирно— живъ останешься...

Панчуковскій оглянулся: за пологомъ стоялъ освобожденный, истерзанный имъ за три часа назадъ Левенчукъ. Въ рукахъ послѣдняго былъ ножъ.

— Боже! не сонъ ли это?—шепталъ Панчуковскій, пугливо взглянувъ на окровавленные, во время истязанія, волосы и взбитую бороду блѣднаго какъ трупъ Левенчука.

— Что же вамъ нужно?—спросилъ полковникъ:—и что это ты, Аксентій, затѣялъ?

— Ты теперь, ваше высокоблагородіе, ужъ тоже молчи! Пистолетъ-то твой, какъ видишь, у меня! На, Хоринька!— прибавилъ Милоро̀денко, подавая пистолетъ Левенчуку:— держи эту штучку, да посади барина-то, обидчика твоего, обратно на постель, то-есть положи его сразу въ лобъ-то, коли что затѣетъ, а мнѣ некогда! Да ты, можетъ, баринъ, хочешь знать, кто я? Спасибо за угощеніе: я Милоро̀денко. Не удалось покаяться, какъ видишь...

— Ну, теперь слушай ужъ и ты! — сказалъ, переступая съ ноги на ногу, Левенчукъ:—садись и молчи; я тебя уложилъ бы тутъ навѣки... такъ старшій не велитъ! У насъ съ нимъ свои счеты...

Панчуковскій упалъ обратно на постель. Онъ уже и за ногу себя ущипнулъ, все еще полагая, не спитъ ли, и охать принялся, и даже попросту заплакалъ. Верзило Левенчукъ стоялъ передъ нимъ какъ каланча, изрѣдка шевелясь и косясь на него.

Милорòденко, между тѣмъ, облачившись въ платье полковника, имъ же почищенное съ вечера, съ обычною юркостью заметался, хлопоча по комнатѣ, и, увидя, что пригрозилъ полковнику достаточно, успокоился и сталъ даже пошучивать.

— Вотъ, баринъ, ты не захотѣлъ его давеча помиловать, вольнаго-то человѣка, бѣглаго, пташку Божію посѣкъ, теперь и не прогнѣвайся! Вся твоя дворня перевязана; рты у каждаго заклепаны какъ боченочки,—мы вотъ и распоряжаемся! Ты, я думаю, удивился не мало? Теперь ужъ ты намъ отвѣтъ дашь: я, сударь, повторяю, Милорòденко! Не вѣришь? Ей-Богу-съ!..

И онъ шнырялъ по комнатѣ. Кругомъ было тихо.

— Боже, Боже! чтò они только съ нами донынѣ дѣлали, Хоринькà. Правда?—заключилъ Милорòденко, укладывая въ чемоданъ все, чтò было поцѣннѣе изъ вещей въ кабинетѣ, и потомъ прибавилъ: — Ты, баринъ, думаешь, что я шучу? Какъ рѣшился я освободить пріятеля, онъ прямо шелъ тебя убить...

Панчуковскій вдругъ вскочилъ, кинулся къ двери и крикнулъ громко: «сюда, сюда, люди! грабятъ, рѣжутъ!»

Голосъ его звонко отдался по комнатамъ.

— Шалишь!—перебилъ его, загородя ему дорогу, Милорòденко.—Ну, Харькò, гдѣ теперь тѣ бичевочки, что мы на ихъ барскую милость приготовили? Видно, безъ этого и съ нимъ не обойдется!

Левенчукъ досталъ веревку, при помощи франтовато-одѣтаго Милорòденка, съ силой ухватилъ Панчуковскаго, зажалъ ему ротъ, наставилъ къ виску его пистолетъ, и въ два мгновенія полковникъ, связанный какъ чурбанъ, лежалъ уже на кровати. Милорòденко не безъ грубости заткнулъ ему ротъ концомъ простыни, причемъ полковникъ ощутилъ скверный вкусъ мыла, обернулъ его лицомъ къ стѣнѣ и прибавилъ:

— Ну, слушай же теперь, баринъ, въ послѣдній разъ: теперь ужъ не шути; или ты не вѣришь? Чуть обернешься назадъ, аминь тебѣ! Ножъ въ спину по рукоятку! Лучше лежи, а не то пуля.

— Харькò! гайдà!—шепнулъ онъ Левенчуку.

Пріятели сорвали планку съ потайного замка въ рабочемъ столѣ, подмѣченную заранѣе Милорòденкомъ, вскрыли

замокъ и ящикъ, вытащили связку бумагъ, нашли мѣшочекъ съ золотомъ, нѣсколько связокъ депозитокъ. Руки у Милорѳденка дрожали. Левенчукъ тяжело дышалъ. Все уложено въ другой чемоданчикъ.

— Бери! Скорѣе! Неси на дворъ!.. Нѣтъ, лучше стой надъ нимъ, а я понесу!

Милорѳденко выскочилъ изъ дому. Тамъ на дворѣ онъ сложилъ все въ кучу подъ крыльцомъ, гдѣ такъ часто молился. Осмотрѣлся еще разъ, обѣжалъ кухню, амбаръ, подворотную сторожку. Вездѣ было тихо. Собаки были убиты. Перевязанная дворня лежала спокойно. Освободивъ Левенчука, Милорѳденко, по-очереди съ нимъ, перевязалъ всѣхъ мужчинъ и бабъ, по-одиночкѣ, съ барскимъ пистолетомъ въ рукахъ, свелъ ихъ въ одинъ изъ погребовъ и съ забитыми ртами посадилъ туда, пригрозивъ выпустить каждому кишки, чуть кто голосъ подастъ. Да уже одно сознаніе, что онъ Милорѳденко, сковало рты всѣмъ невольно.

Выкативъ фаэтончикъ полковника, Милорѳденко вывелъ его лошадей, пока еще было темно, къ погребу, сбѣгалъ съ фонаремъ, освободилъ оттуда обомлѣвшаго отъ страха Самуйлика, вывелъ его, съ угрозами заставилъ запрячь фаэтонъ, связалъ его опять, толкнулъ въ погребъ, уложилъ чемоданы и забѣжалъ обратно въ кабинетъ.

— Что, смиренъ теперь нашъ князь? Ты теперь молчишь, баринъ, а? А не хочешь ли, мы тебѣ дѣвочку хорошенькую достанемъ?

«Вотъ опростоволосился! — думалъ полковникъ, жуя отвратительную простыню: — того и гляди, зарѣжутъ! Боже! хоть бы въ живыхъ оставили!..»

— Какой ему чортъ теперь, молчить! — свирѣпо сказалъ Левенчукъ, сплюнувъ въ сторону: — да пора ужъ, чего ты тамъ возишься?.. Пора отсюда вонъ...

— Ну, стой же еще малость... Надо и о твоемъ, голубчикъ, добрѣ подумать.

Левенчукъ вздохнулъ и сѣлъ.

— Да, пора бы! Жилъ ты тутъ сколько времени, хоть бы догадался освободить ее!

— Ужъ я тебѣ обѣщался, только молчи! не зналъ, гдѣ ты. Да и что ей сталось! Въ холѣ жила, я съ нею въ карточки баловался... А я у тебя въ долгу — помнишь, за порцію?..

Милороденко поднялся наверхъ по лѣстницѣ. Полковникъ слышалъ, какъ тамъ на мезонинѣ произошла возня. Кто-то не своимъ голосомъ взвизгнулъ, тяжело рухнулся и покатился внизъ по ступенямъ. Опять все затихло.—«Домаха отплачивается, бѣдняга!»—подумалъ полковникъ.

Та же потайная дверь въ шкапѣ отворилась въ кабинетъ. Показалась опять голова Милороденка.

— Теперь, Харько, бросай его; иди сюда! Ну, скорѣе, свѣтаетъ!..

Левенчукъ ступилъ въ сосѣднюю комнату.

Тамъ впотьмахъ стояла, опустя голову, судорожно-рыдавшая Оксана.

— Ну-ну, барышня, перестаньте, цѣлуйтесь да идите скорѣе! Пора; ой, ей-же-ей, пора! Поймаютъ, тогда все пропало. Теперь ужъ и у тебя, Хоринька, хвостъ навѣки замаранъ.

Онъ толкнулъ одурѣлаго отъ встрѣчи съ Оксаной Левенчука. Левенчукъ вывелъ Оксану. Внизу лѣстницы стонала Домаха.

— Ты, Оксана, молись Богу,—шепталъ Левенчукъ:—а я тебя прощаю—не ты виновата...

— Баринъ, а баринъ! Слушай! — сказалъ Милороденко, входя въ кабинетъ: — я тебѣ сослужилъ службу; надо же было и посчитаться. Задавить тебя, повѣсить, зарѣзать—все одно, что плюнуть. Мы тебя такъ кидаемъ, живи, только не дерись больше съ людьми православными! Тронешь кого пальцемъ—аминь тебѣ, помни! Гдѣ ни буду, явлюсь хоть съ того свѣта! Да постой, полежи еще маленько; встанешь раньше сроку, пока самъ я тебя крикну — убью; пришлю Левенчука; онъ разъ по тебѣ далъ промахъ, теперь ужъ не промахнется. Прощай! живи — и намъ на твое счастье пожить хочется...

Милороденко вынулъ всѣ ключи, заперъ обѣ кабинетныя двери снаружи, связалъ еще покрѣпче Домаху подъ лѣстницей собственнымъ ея же фартукомъ, вскочилъ на крыльцо и заперъ домъ на ключъ со двора. Уже замѣтно свѣтало. Оксана сидѣла въ фаэтонѣ. Левенчукъ, склоня голову къ ручкѣ экипажа, стоялъ возлѣ. Они грустно шептались...

— Ну, пташки мои, готовы? освободить ее для тебя, сердце-Хоринька, всегда было нетрудно; да куда бы она дѣ-

лась безъ тебя? А ты вотъ что̀ подумай: я тебя не обидѣлъ... я берегъ ее... Это за водку ту, помнишь?

Еще разъ подбѣжалъ Милоро̀денко къ погребу, постучалъ, погрозился, велѣлъ всѣмъ снова дожидаться и молчать, пока и ихъ онъ позоветъ, тихо отперъ ворота, вывелъ четверню за ограду, воротился назадъ, заперъ ворота изнутри, перелѣзъ черезъ ограду по лѣстницѣ, вынесши предварительно изъ каретника Левенчуку кучерской армякъ, одѣлъ его, посадилъ на козлы, а самъ сѣлъ въ полковницкомъ отставномъ военномъ пальто и въ фуражкѣ съ кокардой въ фаэтонъ къ Оксанѣ. Лошади тронули, выѣхали шажкомъ за клуню, за косогоръ. Левенчукъ сталъ по нимъ бить, что было мочи; онѣ подхватили вскачь и унеслись скоро изъ вида. Можетъ быть, никогда еще ихъ быстрый бѣгъ не приносилъ на землѣ столько счастья... Оксана плакала, колотясь головой о стѣнки фаэтона.

Долго ждалъ связанный полковникъ со всѣми своими домочадцами условленнаго знака освобожденія. Ужъ совсѣмъ разсвѣло, солнце взошло. Батрацкія хаты задымились.— «Что за чудеса!» — думали батраки, ничего не знавшіе о заключеніи вчерашней исторіи и видя, что изъ полковницкаго двора никто не показывается: ни кучеръ не ведетъ лошадей на водопой, ни приказчикъ не идетъ звонить къ конторскому столбу. Сошлись работники къ оградѣ; ворота заперты изнутри. Постучались, стали кричать; никто не отзывается. Крики ихъ были слышны въ погрѐбѣ; но перевязанные тамъ не могли ни крикнуть, ни двинуться, да и заперты были тоже на ключъ. Опомнилась прежде другихъ и нашла средство дѣйствовать старая Дома́ха. Она разорвала ветхій фартукъ, опутавшій ей руки и ноги, тихо обошла комнаты, постояла, хныча, у дверей кабинета, тщетно силилась ихъ отпереть, пробовала выйти на крыльцо—и тамъ двери снаружи были заперты. Она взошла, охая, наверхъ, увидѣла народъ за воротами, сначала и его приняла за разбойниковъ, потомъ узнала кое-кого изъ своихъ и рѣшилась подать отвѣтъ въ форточку двери надъ балкономъ.

— Что, бабушка, тамъ у васъ такое?—пугливо спрашивали голоса изъ-за ограды.

— А у васъ, братцы, что? Охъ, напугали, окаянные! Несчастье стряслось!

— Ворота заперты и никого не видно со двора...

— И тутъ двери кругомъ заперты...

— Да ты, тётка, отбей чѣмъ-нибудь!

— Чѣмъ же отбить?

— А гдѣ баринъ?

— Не знаю. Тутъ чудеса были, да и только...

— Ты дверь выставь на балконъ, замокъ дверной отопри, а замазка и такъ отскочитъ...

До́маха успѣшно выставила дверь на балконъ.

— Простыни свяжи, бабушка, да и опустись наземь!— суетливо кричали голоса изъ-за ограды.

До́маха явилась съ простынями, осмотрѣлась, что разбойниковъ нѣтъ, и наскоро передала, что̀ случилось ночью въ домѣ. По ея словамъ, всѣ внутреннія комнаты были заперты и баринъ въ домѣ не откликался.

— Боюсь, какъ бы не убиться, братцы.

— Не убьешься! получше свяжи, тогда и намъ отворишь двери и ворота, невысоко...

Старуха связала толстымъ жгутомъ простыни и стала прикрѣплять ихъ къ балконнымъ перилам. Въ это время со степи показался верховой. Ничего не подозрѣвая, онъ тихо подъѣхалъ къ воротамъ. Это оказался разсыльный мѣстнаго откупщика. Онъ слѣзъ съ лошади.

— Здравствуйте, братцы!

— Чего ты?

— Къ приказчику.

— Погоди, ты видишь, что̀ у насъ дѣлается! И приказчика не найдешь...

Ему разсказали, въ чемъ исторія.

— Гдѣ же вашъ баринъ? — спросилъ удивленный разсыльный.

— Гдѣ? А Богъ его знаетъ гдѣ...

— Да я его встрѣтилъ подъ Андросовкою!

— Какъ подъ Андросовкою?

— Именно же подъ Андросовкою; въ коляскѣ на вашихъ коняхъ и поѣхалъ; должно-статься, рано выѣхалъ! И вашихъ коней, и коляску знаю; только кучеръ, пожалуй, что и не вашъ. Волосатый такой. Еще полковникъ высунулся и поглядѣлъ на меня; а я ему шапку снялъ.

Батраки переглянулись. Что за притча! Задумалась и До́маха.

— Куда же это онъ поѣхалъ?

— Не знаю; съ нимъ и ваша-то, знаете?

— А! въ самомъ дѣлѣ, братцы, гдѣ наша Оксана? да гдѣ и остальные?

— Не замайте, не мѣшайте! — говорила старуха, привязывая простыни къ балкону и мостясь перелѣзать черезъ перила.

Охая и крестясь, она перевалилась за балясы, повисла на воздухѣ и благополучно стала спускаться внизъ. Шутки смолкли. Всѣ чуяли узнать что-то недоброе.

Домàха спустилась наземь, перекрестилась еще разъ и отперла ворота. Всѣ гуртомъ вошли во дворъ, обшарили всѣ углы, кухню, сараи; нашли очумѣлыхъ отъ страха плѣнниковъ въ погребу, освободили ихъ, вывели на воздухъ.

— Кто это васъ?

— Милорòденко, братцы! Охъ, Госпòди спаси и помилуй! Господи, спаси...

— Какъ Милорòденко? Откуда онъ взялся?

Приказчикъ и Антропка первые оправились и стали ругаться.

— Это же онъ и есть окаянный, Аксентiй-то нашъ, что баринъ у нѣмца нанялъ; это и есть Милорòденко, что господа у Небольцевыхъ толковали, и что судъ его разыскиваетъ! Онъ у насъ и жилъ...

— Снялъ же я живодёру этому шапку! Да не нарядить ли вамъ за ними, ребята, погоню? — сказалъ разсыльный откупщика.

— Да, ищи теперь вѣтра въ полѣ!

— Однакоже, что̀ съ домомъ да съ нашимъ бариномъ сталось? Гдѣ онъ?

Разспросили еще разъ Домáху, взломали двери съ параднаго крыльца, вошли осторожно, осмотрѣли всѣ комнаты. Все на своихъ мѣстахъ. Подошли къ кабинету; двери заперты и безъ ключей.

— Надо ломать двери...

— Надо.

— Кузнеца сюда!

Явился кузнецъ, тотъ самый батракъ, что̀ Левенчука когда-то защищалъ. Руки его дрожали. Долото не попадало въ щель. Сломали замокъ превосходной лаковой дубовой двери, вошли въ кабинетъ и сперва, за запертыми внутренними ставнями, ничего не разглядѣли. Отперли ставни, от-

дернули пологъ — и судите, каково было общее изумленіе, когда на кровати оказался связанный и съ заткнутымъ ртомъ полковникъ.

Его освободили. Измученный и нравственно-убитый со стыда и злости, онъ долго не зналъ, что̀ говорить и дѣлать; наконецъ, наскоро разспросилъ каждаго, что̀ съ кѣмъ было, отпустилъ всѣхъ и остался съ приказчикомъ и съ Самуйликомъ.

— Такъ и лошадей нѣтъ? — спросилъ онъ, опустивъ голову и кусая до крови ногти.

— Уведены-съ тоже...

Панчуковскій быстро подошелъ къ столу, увидѣлъ вскрытый потайной ящикъ, разбросанныя бумаги, ухватился за голову и упалъ безъ чувствъ... Кое-какъ его оттерли, дали воды напиться.

— Все погибло, все погибло! — кричалъ онъ, какъ ребенокъ, и бился объ стѣну.—О Боже, Боже, все погибло! Лошадей, хоть какихъ-нибудь лошадей! Садитесь верхами, скачите, ищите ихъ! у меня украли всѣ деньги... всѣ!

Новый ужасъ обнялъ дворню. Забывъ тревогу, усталость и недавній страхъ, всѣ, кто могъ, вскочили на машинныхъ, даже малоѣзженныхъ табунныхъ лошадей и поскакали.

— Десять тысячъ цѣлковыхъ тому, кто найдетъ ихъ и воротитъ мои деньги! — кричалъ Панчуковскій съ крыльца, бѣгая то въ конюшню, то за ворота.

Написаны повѣстки въ станъ, въ судъ, въ полиціи трехъ сосѣднихъ городовъ.

Къ знакомымъ и къ пріятелямъ посланы особые гонцы.

Панчуковскій взошелъ наверхъ. Комната Оксаны была пуста.

«Разомъ какого счастья лишился я! — подумалъ полковникъ. — Говорятъ, что человѣкъ идетъ въ гору, идетъ и вдругъ оборвется... И правда!..»

Полковникъ бродилъ по дому, проклиналъ весь міръ, звалъ къ себѣ по-одиночкѣ всѣхъ, кто еще возлѣ него остался, совѣтовался, кричалъ, сердился, дѣлалъ тысячи предположеній, рвалъ на себѣ волосы, безпрестанно бѣгалъ на балконъ, смотрѣлъ въ степь, наводилъ во всѣ стороны ручную подзорную трубку и плакалъ, охалъ, какъ малый ребенокъ.

Изъ посланныхъ нѣкоторые воротились къ обѣду, другіе къ вечеру, третьи вовсе еще не воротились. Отвѣтъ былъ

одинъ: никто ничего не открылъ. Бѣглецы ускакали безъ слѣда.

На разсвѣтѣ длинной темной ночи, въ которую никто въ домѣ и во дворѣ полковника не заснулъ ни на волосъ, къ крыльцу Панчуковскаго съ громомъ подъѣхалъ экипажъ.

— Нѣмецъ пріѣхалъ! Шульцвейнъ!—сказалъ кто-то, вбѣгая къ полковнику, который лежалъ, обложенный горчичниками, въ постели. На столѣ стояли стклянки съ лѣкарствами. Докторъ сидѣлъ возлѣ.

«Опять его судьба ко мнѣ въ такой часъ заноситъ!» — съ невольною досадою подумалъ Панчуковскій и, молча, съ грустною улыбкою, протянулъ руку входившему въ кабинетъ колонисту.

— Ist es möglich? — спросилъ Шульцвейнъ, грубыми и неуклюжими шагами подходя къ кровати Панчуковскаго.— Есть ли какое вѣроятіе въ томъ, что̀ разнеслось теперь о васъ?

— Все справедливо! — тихо сказалъ полковникъ, качая головою изъ подушекъ.

— Кто же это все сдѣлалъ?

— Слуга, рекомендованный вами.

— Ай-ай-ай! И я причина вашего разоренія, можетъ-быть, гибели? Ахъ, mein Gott, mein Gott! Я безчестный человѣкъ!

Панчуковскій попросилъ его придти въ себя, успокоиться, самъ сѣлъ и попросилъ сѣсть гостя. Въ той же синей потертой курткѣ, съ тѣми же длинными костлявыми ногами, румяный и бѣлокурый колонистъ усѣлся, охая и поминутно ломая руки.

— То, что̀ случилось со мной, Богданъ Богданычъ, могло, наоборотъ, случиться и съ вами. Не въ рекомендаціи дѣло; вы его не знали и за него не ручались. Дѣло съ бѣглыми, какъ видите, у меня оборвалось...

— Но я, я!.. Черезъ меня! Ахъ, mein Gott, mein lieber Gott!

— Вы мнѣ порекомендовали этого негодяя, зато отъ васъ я впервые узналъ о моей красавицѣ... Что теперь отъ васъ таиться?.. Шутка судьбы!

Отчаянію и неподдѣльной горести Шульцвейна, однако, не было границъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, размахивалъ мозолистыми руками, останавливался, дѣлалъ тысячи предпо-

ложеній о поимкѣ грабителей, вызывался самъ ихъ искать, самъ своими средствами; предлагалъ на первое время часть собственнаго капитала къ услугамъ полковника, для его первыхъ хозяйственныхъ оборотовъ.

— Сколько же они у васъ всего похитили?

— За двѣсти тысячъ... да-съ!

Шульцвейнъ падалъ на диванъ, топалъ уродливыми ногами, вопилъ, осклабляя розовыя сочныя губы до ушей, стоналъ, билъ кулаками въ столъ, себя въ грудь, и кричалъ:— «двѣсти тысячъ, двѣсти тысячъ!»

— Да что вы такъ выходите изъ себя?—уже иронически спросилъ полковникъ.

— Это деньги нажитыя, трудовыя! Я знаю трудъ! Я его знаю! Боже мой, Боже, когда бы ихъ нашли! О если бы ихъ нашли!

— Вы видите, я спокоенъ. Мнѣ жаль болѣе моей красавицы. Видите, я вамъ сознался...

Утромъ подъѣхали другіе сосѣди: братья Небольцевы, Шваберъ, Веберъ, Авдотья Петровна Щелкова. Шутовкинъ вошелъ, похрамывая и проклиная дорогу. Онъ особенно нѣжно и съ чувствомъ пожалъ руку полковника.

— Душа, Володя! Я тебя лучше другихъ понимаю; не денегъ тебѣ жаль, ты жалѣешь другого сокровища — ее! Она готовилась тебѣ подарить ангела-сына, или, можетъ-быть, дочь.

Шутовкинъ, ѣдучи къ новому другу, выпилъ.

Къ обѣду прискакалъ Подкованцевъ. Онъ былъ смирнѣе, не попросилъ по обычаю ни бювешки, ни манжекать, внесъ портфель, досталъ оттуда какую-то бумагу, подалъ ее Панчуковскому и, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

— Меня, господа, берутъ у васъ, гонятъ въ отставку; вы меня не отстояли, а увидите—безъ Подкованцева вамъ житья не будетъ.

— Нѣтъ, мы васъ не отдадимъ...

— Не отдадите? Теперь уже поздно! Зато я тотъ же-съ, какъ и былъ! Вы бы послушали прежде мои новости: фаэтонъ, господа, полковницкій я нашелъ и его сюда уже везутъ...

— Нашли, экипажъ нашли! — закричали слушатели и сбѣжались поздравлять полковника:—а лошади?

— Одинъ экипажъ пока, — печально заключилъ исправ-

никъ:—экипажъ и два пустые чемоданчика на берегу моря, au bord de la mer, messieurs! только покамѣстъ и нашли! Но найдемъ и остальное. А лошади пали, загнанныя вскачь на сорока пяти верстахъ... Жаль ихъ!

— Какъ же это нашли?

— Видите ли: новые чиновники-чистуны брезгаютъ пріемами отцовъ и дѣдовъ, а мы еще живемъ по-старинѣ. Я гаркнулъ на моихъ соколиковъ: значитъ, созвалъ ближайшихъ къ городу моихъ пріятелей, то-есть разныхъ мошенниковъ-съ—извините—и сказалъ эйнъ-венигъ такое наставленіе: ищите и обрящете, толцыте и отверзется, а чтобъ вы мнѣ полковницкія вещи разыскали! Всѣхъ переловлю!

— И нашли!

— Нашли пока одно; можетъ, найдемъ и другое...

Присутствующіе стали строить новые планы поисковъ.

— Деньги Владиміра Алексѣевича въ золотѣ, значитъ, появятся либо въ портахъ, либо въ Нахичевани. Надо тамъ слѣдить! Да и какъ слѣдить? Станъ за сто верстъ, судъ за сто двадцать! Этакая даль, пустыня...

— Ничего изъ этого не будетъ!—рѣшили другіе.—Денегъ не воротишь! надо облавы на этихъ проклятыхъ бѣглыхъ сдѣлать; это отъ нихъ всѣ бѣдствія идутъ, оттого что у насъ людей безъ паспортовъ держатъ.

— Да вы же ихъ, Дмитрій Андреевичъ, держите больше всѣхъ насъ, вы же!—сказалъ кто-то Небольцеву.

— Хороши и вы. А кто кучера моего передерживалъ въ прошломъ году, а?

— А мою дѣвку-съ?

— А моего табунщика?

— Да онъ же не вашъ!

— А чей же?

— Онъ тоже бѣглый, а не вашъ; я потому его и держалъ.

Авдотья Петровна Щелкова вбѣжала впопыхахъ.

— Мосьё, фаэтонъ Владиміра Алексѣевича привезли!

Всѣ выбѣжали на крыльцо. У конюшни дѣйствительно стоялъ весь избитый и загрязненный фаэтонъ. Его привезли на обывательскихъ. Самойло держалъ его рукою за колесо.

— Что, братъ, Самуйликъ, не думалъ дожитъ до такой жалости?—спросилъ кто-то.

Покачалъ сѣдою головою Самуйликъ и ничего не отвѣтилъ. Всѣ дворовые ходили, какъ шальные.

— Конецъ намъ, видно, приходитъ! Бога мы въ-конецъ прогнѣвали!

Гости толпой стояли на крыльцѣ, шушукаясь: «двѣсти тысячъ, двѣсти тысячъ! это еще небывалое дѣло въ краѣ!»

— Какъ, однако, экипажъ отдѣлали! Да и погода грязниться стала. Ишь какъ потеплѣло; облака не зимнія бѣгутъ, будто весной пахнетъ. Какъ бы сегодня дождя не было! Распуститъ, засядемъ всѣ мы тогда здѣсь у полковника на недѣлю...

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, пора бы по домамъ,—сказалъ Веберъ.

— Погодите, исправникъ еще ждетъ сегодня одной справки: онъ на плавни, въ камыши послалъ лазутчиковъ: не туда ли скрылись бѣглецы?

— Весной запахло, большихъ барышей Подкованцевъ лишится; теперь отъ контрабанды имъ только и житье настаетъ! Не даромъ же онъ у моря терся, что тамъ такъ скоро нашелъ брошенный фаэтонъ!

Передъ вечеромъ пріѣхалъ нарочный верховой изъ-за Андросовки съ вѣстью отъ лазутчиковъ отъ сосѣднихъ грековъ.

Дѣйствительно, по слухамъ, бѣглецы перебрались къ Дону и скрылись въ его гирлахъ, въ камышахъ. Бросивъ фаэтонъ, они наняли у какихъ-то неводчиковъ повозку, а потомъ сѣли на отходившую береговую барку, прошли часть пути водою, по взморью, и скрылись по направленію къ устьямъ Дона.

Къ ночи еще болѣе потеплѣло. Пошелъ дождь. Гости бросились по домамъ. Исправникъ заночевалъ у полковника.

Утромъ Подкованцевъ проснулся; надъ степью плыли теплые непроглядные туманы. Снѣгъ исчезалъ. Поля отдавались уже картинами нежданной-негаданной весны. Мигомъ въ сутки распустило такъ, что исправникъ въ обѣденное время другого дня выѣхалъ отъ Панчуковскаго въ тарантасѣ, гуськомъ, въ двѣнадцать лошадей. И то поѣхалъ, еле-еле тащась, въ океанѣ невообразимой грязи. Дождь пошелъ и лилъ три дня сряду. Стала небывалая распутица.

Зато тутъ же, между двухъ-трехъ дождей, среди еще несошедшаго снѣга, откуда взялась зелень. Въ степи показа-

лись озерки; мелькнули весенніе цвѣты. Въ облакахъ затурликали журавли. Потянулись вереницы гусей. Черезъ новыхъ три-четыре дня, въ одинокихъ затопленныхъ оврагахъ, покрытыхъ лѣсками, загремѣли недалекіе крымскіе и кавказскіе гости — соловьи. Въ воздухѣ запахло почками тополей. Дни прояснѣли. Подулъ съ юга крѣпкій морской вѣтеръ. Туманы уплыли. Пышно засинѣло у береговъ море. А Донъ, дробясь мутными потоками песчаныхъ гирлъ, бурлилъ, кипѣлъ, шумѣлъ и катилъ къ нему свои пѣнистыя и привольныя воды.

Окна выставлены, о шубахъ и помину нѣтъ. Плуги бороздятъ уже степи. Стада высыпали въ поля. Теплый душистый паръ струится и стелется надъ тихими, веселыми долинками и пригорками. Стада овецъ пасутся, утопая въ паркахъ. А солнце весело-весело катится, и каждый, радуясь отходу недолгой зимы, мигаетъ, съ любовью взглядывая на ярко-сверкающее небо.

XIII.

Облава на бѣглыхъ.

Ускользнувъ отъ преслѣдованій полиціи, Милорòденко, Левенчукъ и Оксана пробрались къ вечеру того дня, въ который на хуторѣ Новой-Диканькѣ произошло такое событіе, къ глухой Сасуновой-балкѣ, невдалекѣ отъ морского берега. У Милорòденка были вездѣ пріятели и помощники. Загнавъ полковницкихъ лошадей, онъ очень скоро досталъ у какого-то прибрежнаго неводчика новую тройку, и на ней бѣглецы еще нѣсколько времени проскакали на телѣгѣ по взморью. У песчаной пустынной горы они пересѣли на парусную барку и пошли моремъ. День былъ пасмурный. Лодка обошла въ туманѣ рядъ береговыхъ мелей и причалила у тощаго, чуть виднаго въ камышахъ, ручья. Тутъ Милорòденко сказалъ: — «стой, братцы, тутъ мы выйдемъ!» — бросилъ гребцамъ договоренную плату, надбавилъ еще на водку, и бѣглецы пошли вверхъ по теченію ручья, а лодочники, обрадованные невиданнымъ заработкомъ, поспѣшили снова въ море.

Ручей вытекалъ изъ степного оврага Сасуновой-балки. Тамъ вечеръ, а вскорѣ и ночь застала бѣглецовъ. Притаща на себѣ остальные чемоданы, они вошли въ камыши, окру-

жавшіе истоки ручья, выбрали мѣсто посуше, на склонѣ оврага, у прошлогодняго стога сѣна, накошеннаго тутъ кѣмъ-то по низу балки, и сѣли отдохнуть.

— Ну, Хо̀ринька, не знаю, какъ ты, а я у лодочника захватилъ хлѣба и рыбки. Садись съ подругою, да закусывай, чѣмъ Богъ послалъ.

— Не то у меня на умѣ теперь, чтобъ хлѣбъ ѣсть! Оксана, возьми ты; не затощай, — дорога еще не завтра кончится...

Оксана взяла хлѣба и рыбы.

— Куда мы дѣнемся теперь?—спросилъ Левенчукъ:—что̀ это вы съ нами сдѣлали, Василій Иванычъ?

— А! Какъ куда? Какъ, что̀ я сдѣлалъ?

— Зачѣмъ это вы у полковника деньги взяли?

— Деньги? Шалишь, братецъ! Ахъ, ты простота, простота. Да деньги-то всему сила. Съ ними, братъ, теперь намъ море по-колѣно будетъ, а счастье въ ноги намъ будетъ кланяться!

— Не будетъ!

— Будетъ!

— А какъ не будетъ? Какъ поймаютъ-то насъ теперь, въ кандалы закуютъ, да по острогамъ морить станутъ, а послѣ въ каторгу сошлютъ, и еще палачъ-то тебя кнутомъ отдеретъ?

Милоро̀денко засвисталъ, засмѣялся; отъ смѣху по травѣ покатился и опять сѣлъ степенно и съ достоинствомъ.

— Глупъ ты есть и теперь, человѣче; глупъ, братъ Хо̀ринька, вижу я, ты и по сей день, съ той поры, какъ я велъ тебя сюда! Помнишь ты тѣ дни и тѣ ноченьки, поля безъ дорогъ и овраги такіе же, какъ вотъ и эта трущоба? Велъ я тебя тогда ими и уму-разуму поучалъ. Многое я тебѣ пророчилъ, да не все сбылось изъ того! Не все сбылося, многое перемѣнилося тутъ, а все-таки — признайся и скажи, братъ, такъ ли ты здѣсь дни-то свои короталъ, на этомъ привольѣ, по неводамъ, у моря осенью и зимой, или лѣтомъ по степямъ здѣшнимъ, какъ жилъ ты, положимъ, у своей-то госпожи?.. Ну, говори!

— Конечно, оно такъ; а все-таки, какъ подумаю: чего же мы съ вами, дядюшка, и тутъ дождались? Бить насъ и тутъ били, невѣсту у меня и тутъ отняли...

— А энтакой чемоданище, да еще полный денегъ-то,

рѣшился бы тамъ, въ своей-то степи украсть, пастухомъ-то за стадомъ день-денской ходючи? А? Говори, ну?

Милорὸденко взялъ меньшій чемоданъ и еще въ отблескѣ сѣренькой, влажной зари раскрылъ его. Левенчукъ увидѣлъ связки бумагъ и между ними пачки ассигнацій.

— Почитай тутъ тысячи, десятки тысячъ. А? Вѣдь не рѣшился бы?

— Куда мнѣ! Разумѣется, не посмѣлъ бы...

— То-то же; а тутъ ты вонъ другой человѣкъ сталъ! Тебя, значитъ, обидѣли, ну, и ты спуску не далъ, да еще гдѣ? въ самыхъ, такъ сказать, аппартаментахъ, въ кабинетѣ ихъ высокоблагородія полковника, да еще и самого барина-то за бѣлую глоточку этакъ подержалъ — не шали, дескать, мы сами люди... не обижай насъ! Мы тутъ вольные!

— Такъ оно, такъ, да только деньги эти напрасно мы брали! Куда мы ихъ дѣнемъ? За ними и погоня крѣпче будетъ. Поднимутъ всѣхъ чиновниковъ за нами теперь, всѣхъ становыхъ и засѣдателей. Взяли бы одну Оксану, они бы насъ бросили сегодня же? Чтὸ мы имъ?

— Барышня, цѣлуйте его! Видите, какова-съ вѣрность-то! Ну, цѣлуйте же его, а то буду сердиться!

— Охъ, Василь Иванычъ!—сказала Оксана:—ужъ мнѣ ли не клясть моего мучителя и врага? не вамъ ли я на него плакалась? А погубятъ насъ эти деньги; пропадемъ мы всѣ за нихъ, и я говорю.

Милорὸденко помолчалъ... На дворѣ стемнѣло окончательно.

— Вылѣзь, Хὸринька, на шпинекъ, да глянь, все ли тихо кругомъ; а тамъ покалякаемъ, сползешь опять.

Левенчукъ выбрался изъ оврага, долго слушалъ, приглядываясь во всѣ стороны, отошелъ нѣсколько въ степь и воротился.

— Ну? Никого не видно?

— Никого.

— Вотъ же чтὸ я надумалъ, слушайте!—рѣшилъ Милорὸденко: — до утра мы выспимся, а утромъ деньги сосчитаемъ и подѣлимся.

— Ничего намъ не нужно, Василь Иванычъ,—отвѣтили разомъ Левенчукъ и Оксана: — мы ужъ условились; вмѣстѣ втроемъ намъ оставаться и бурлачить долѣе нельзя.

— Куда же вы? Такъ меня ужъ и бросить затѣяли?

— Спасибо вамъ, а только мы такъ положили: доберемся до Дону, сядемъ какъ-нибудь на барку какую-нибудь, пройдемъ до Качалина, а тамъ на Волгу, и Волгою либо въ Астрахань, либо въ Моршанскъ, — одинъ городокъ такой тамъ есть, и меня купцы хорошіе туда звали. Я ужъ и пачпортъ припасъ заранѣе тогда еще. Они обѣщали спрятать отъ всякаго дозора и приписать въ своемъ городѣ...

— Пачпортъ? Откуда?

— Въ гирлахъ досталъ.

— У Проскудина Ѳеди?

— У него.

— Ну, это моей фабрики, я угадалъ! Далѣе, братецъ! говори далѣе...

— А далѣе, что̀ Богъ дастъ. Тамъ и станемъ жить. Что̀ мы! Дѣла злого никакого не сдѣлали; нечего и суда бояться, хоть бы и узнали насъ когда, что мы бѣглые.

Милоро̀денко вздохнулъ.

— Туда, такъ туда! Идите съ Богомъ. Радъ, что вызволилъ васъ. Оно точно, проживете себѣ, коли такіе ужъ купцы звали. А тамъ и волю, должно-статься, скоро скажутъ всѣмъ. Ну, а деньги?

— Деньги берите вы: на что̀ онѣ намъ?

— Какъ? Всѣ?..

Духъ у Милоро̀денка замеръ. Онъ тронулъ чемоданъ.

— Всѣ.

— То-есть, рѣшительно, какъ есть, всѣ до копейки?

— До копейки.

Милоро̀денко шапку снялъ и перекрестился.

— Господи! услышалъ Ты молитву мою. Теперь я богачъ, какихъ и въ сказкахъ не бываетъ. Добился, значитъ, и я до своего! Куда же я теперь пойду-то?

Левенчукъ и Оксана молчали.

— Пойду я за Несвитай; тамъ у меня солдатка знакомая одна, кума есть. Деньги закопаю у нея, развѣдаю въ гирлахъ, у камышниковъ нашихъ, нельзя ли пробраться за Кубань, либо за Манычъ, къ киргизамъ, или на Кавказъ? Можно—возьму и богатство; нѣтъ—послѣ за нимъ пріѣду. И заживу же я, братъ, Хо̀ринька, теперь ужъ какъ слѣдуетъ. На церковь дамъ, сиротамъ, бѣднымъ роздамъ какую часть... Что изъ того, что мы вотъ бѣглые? Я-то ужъ, по-

ложимъ, совсѣмъ, пожалуй, порченый, многое затѣвалъ. Да зато тихо жилъ въ послѣднее время у полковника. А вы вотъ и вовсе ни въ чемъ неповинные. Да присмотрѣлся я и ко всѣмъ-то нашимъ, что̀ живутъ вонъ хоть у полковника. Люди какъ люди: и какъ за него-то стояли еще! точно за отца родного, точно его подневольные, крѣпостные. Я кучеру его Самойлѣ этому чуть кишокъ не выпустилъ, какъ пошелъ тебя освобождать и развязывать въ конюшнѣ, а онъ на̀-сторожѣ былъ у воротъ ночью. Не совладай я съ нимъ, все бы пропало; да и всѣ они такъ. А отчего? Нужны они ему больно, онъ ихъ содержитъ получше иныхъ-то господъ, ну, они за него и горой! Придетъ времячко, Хо̀ринька, ты съ своею хозяйкою дождешься лучшаго часу, станешь спокойно жить, припѣваючи, а меня тогда не поминай, братъ, лихомъ... Все у меня зудитъ и теперь еще, точно пихаетъ куда; я ужъ и не гожусь съ вами-то. Ну, а какъ деньги эти я провезу, да на франки и сантимы, либо на эти піастры турецкіе промѣняю, такъ еще носъ утру не одному... Въ Турцію проберусь, трехъ женъ куплю разомъ... пашой буду... бѣсъ ихъ подери! А полковникъ-то, я думаю, горячку теперь порetъ! Да не найдетъ насъ; есть у меня такіе ужъ пріятели,—весь край меня знаетъ. Береги, значитъ, только друга, а денегъ дамъ въ волюшку теперь всякому.

Утромъ рано бѣглецы вскрыли чемоданъ. Оксана высунулась изъ оврага и стерегла, не явится ли какой признакъ погони.

— Мы, братъ, Хо̀ринька, отъ Мертвой недалеко, окружили ее; такъ тутъ надо быть умнѣе! Ты тамъ, что̀ ни говори, а вотъ бери, на̀ тебѣ денегъ! безъ нихъ вамъ не ступить шагу.

Милоро̀денко далъ Левенчуку свертокъ червонцевъ.

— Не возьму!—отвѣтилъ опять Левенчукъ:—пускай они пропадаютъ. У меня свои есть. Недаромъ же я старался, ее-то ожидаючи! Я другой человѣкъ, чѣмъ ты, Василь Иванычъ: я, братъ, Бога боюсь.

И онъ вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ.

— Дурень, голубчикъ, дурень! Охъ, дурачьё вы всѣ! Да что̀ дѣлать! Ну, разводи теперь огонь. Бога!.. Да и я-то Его боюсь, только не такъ, какъ ты. Ну, разводи же огонь...

— Зачѣмъ?

— Увидишь.

Левенчукъ высѣкъ огня, собралъ сухого камыша и развелъ на днѣ оврага костерокъ. Стогъ былъ недалеко.

Милорòденко, обшарившій аккуратно чемоданы полковника, золото и серебро завернулъ особо, а пачки съ ассигнаціями, банковые билеты и разные счеты, бумаги и письма медленно еще разъ осмотрѣлъ и понесъ со вздохомъ на ярко разгорѣвшійся огонь.

— Что вы, дядюшка, что вы?—крикнулъ Левенчукъ.

— Не замай! Пусть горитъ оно и прахомъ пойдетъ, не добромъ нажитое: туда ему и дорога! Еще довезу ли я его и спрячу ли. А накроютъ насъ, ему же опять отдадутъ. Да и такъ ужъ я тутъ убытки несъ, на этихъ-то ассигнаціяхъ, можетъ, скажутъ еще, что и это рукъ нашихъ фабричное дѣло. А золото какъ-нибудь провезу...

Левенчукъ удержалъ его и убѣдилъ лучше все, чего онъ не возьметъ со собою, спрятать въ сѣно.

Оксана безъ мысли и словъ смотрѣла сверху оврага въ одинокую степь. День свѣтлѣлъ болѣе и болѣе. Туманъ уносился. Оврагъ выходилъ изъ утреннихъ сумерекъ. Камыши шелестѣли.

— Какъ бы, однако, стогу не зажечь чужого! — заключилъ Милорòденко, шевеля огонь, чтобы онъ скорѣе догоралъ, и видя, что съ костра искры иногда летѣли на стогъ: — кто-нибудь добрый человѣкъ своей скотинкѣ сѣна припасъ! Побереги его, Харькò, пока костеръ догоритъ, да и до лясу! А я переодѣнусь тѣмъ временемъ.

Левенчукъ исполнилъ просьбу Милорòденки и сберегъ стогъ, куда тотчасъ спрятали остальныя деньги и чемоданъ. Бѣглецы переодѣлись и пустились вверхъ по оврагу. Левенчукъ надѣлъ прежній свой мѣщанскій нарядъ, а Милорòденко досталъ изъ чемодана статское пальто полковника и другую шапку. Вверху оврага, верстахъ въ трехъ, былъ вольный шинокъ. Тамъ Милорòденко въ шинкарѣ-конокрадѣ нашелъ стараго пріятеля. Левенчукъ и Оксана оставались въ оврагѣ. Милорòденко принесъ имъ перекусить и объявилъ, что за часъ передъ тѣмъ тутъ проскакалъ становой съ двумя гарнизонными солдатами.

— Теперь прощайте!—сказалъ онъ:—коли хотите, идите къ Святодуховку; черезъ недѣлю я достану коней и пріѣду за вами. Попъ васъ пока укроетъ въ байракѣ!

Незадолго передъ тѣмъ между господами-землевладѣльцами прошла молва, что явился съ зимы новый губернаторъ и что онъ вознамѣрился принять брошенныя-было его предмѣстникомъ крутыя мѣры противъ бѣглыхъ. Ему обѣщалъ свое горячее содѣйствіе ближайшій градоначальникъ, особенно злившійся на бродягъ за распространеніе побережной контрабанды. Всѣ опять мгновенно окрысились на безпаспортный народъ, точно до того времени его здѣсь не подозрѣвали. Стали сновать во всѣ стороны тайные гонцы. Писались экстренныя предувѣдомленія по земской и по городской полиціямъ. Потребовали готовности къ содѣйствію, въ случаѣ надобности, близъ-стоявшихъ военныхъ командъ и, въ особенности, ловкихъ на эти знакомыя уже въ краѣ дѣла донскихъ казаковъ. Одни изъ владѣльцевъ земель, рыболовенъ и фабрикъ радовались этимъ мѣрамъ; другіе, и большая часть, говорили противъ нихъ. — «Край бѣглыми только и держался», толковали послѣдніе: «не будь ихъ, онъ запустѣетъ; жди еще, пока эти земли заселятся законнымъ путемъ, пока сѣверное народонаселеніе сюда хлынетъ!» — «А исторіи съ Панчуковскимъ? — возражали первые: — а постоянные грабежи по взморью, конокрадство въ степяхъ, несоблюденіе условій найма, убійства, общее растлѣніе нравовъ здѣшняго сельскаго населенія, въ виду покровительства съ нашей же стороны бродягамъ?» — Споры мѣстностей и мнѣній опять загорѣлись. Возобновилась снова и здѣсь вѣчная знакомая міру сказка войны Бѣлой и Алой Розъ. Андросовка шла противъ Антроповки, Небольцевы спорили съ Шутовкинымъ, Щелкова съ Шульцвейномъ, Мертвыя-воды съ Дономъ, а Веберъ съ своимъ родичемъ Швабромъ. Прошла вѣсть, что кое-гдѣ уже оцѣплялись города и пригороды. Земскія власти дѣлали нежданные обыски деревень и одинокихъ степныхъ хуторовъ. Остроги переполнялись безпаспортными, дезертирами и особымъ сословіемъ мѣстныхъ бродягъ, выдающихъ себя за людей, непомнящихъ родства. Подъ конвоемъ гарнизонныхъ рыцарей прошли партіи пойманныхъ и дознанныхъ бѣглыхъ. Зашевелилась вольница, смиренно жившая на всей вольготности по нѣскольку сладкихъ и тихихъ лѣтъ. Иные найдены сѣдовласыми и съ кучей дѣтей отъ новыхъ, въ бѣгахъ припасенныхъ, хозяекъ. Сколько лѣтъ они уже въ бродягахъ, этого и они сами не скажутъ, не помнятъ. —

«Кто ваши господа, гдѣ они?»—«А Богъ ихъ знаетъ! живы ли наши господа теперь, мы не знаемъ!» — «Когда же вы бѣжали?» — «До первой еще холеры, въ персидскую войну, отъ набора!» — Сгоняли въ города самозванцевъ-мѣщанъ, сапожниковъ, плотниковъ, неводчиковъ, столяровъ, слесарей и пастуховъ. Однихъ ловили, другіе сами шли, заслышавъ ловко-пущенный кѣмъ-то слухъ, будто бѣглымъ будутъ въ правленіяхъ раздавать земли и водворять ихъ на прижитыхъ ими мѣстностяхъ, въ качествѣ вольнаго народа. Кучи фальшивыхъ паспортовъ загромождали въ полиціяхъ допросные столы. Очистивъ города, власти отрядили отдѣльные обыски по деревнямъ. Дошла очередь и до тихихъ окрестностей Мертвой.

— Эка невидаль, что люди безъ паспортовъ живутъ! — ворчалъ ослѣпшій дьячокъ отца Павладія, Фендриховъ: — опять, вторично, замретъ наша окольность по Мертвой.

— Молчи, Фендриховъ, не ропщи! Сказано бо въ писаніи: ропотъ гнѣвитъ Господа, и кійждо бо спасенія не обрящетъ! А лучше молись: авось все обстроится, и да мимо идетъ чаша сія. Не въ первый разъ намъ съ тобою терпѣть! Помнишь, какъ люди здѣсь мерли?..

Такъ говорилъ отецъ Павладій, сильно хворавшій и подавшійся съ зимы. Онъ уже почти не выходилъ изъ дому, незаглядывалъ, по обычаю, въ свою любимую, весело зеленѣвшую рощу, или все сидѣлъ на крылечкѣ, смотря на косогоръ въ степь за церковь, будто кого поджидая. Но Фендриховъ, отъ слѣпоты ли, или старости ставшій очень сердитымъ, не унимался и все ворчалъ, сидя съ ногами на лежанкѣ въ спальнѣ, передъ кроватью священника.

— Сказуютъ, что для порядка! А гдѣ порядокъ? Ты лучше прежде насели вертоградъ твой, тогда и требуй, чтобъ тамъ все было на чистоту. Вотъ хоть бы и наша Оксана. Что же, что она дочь бѣглаго? А жила же у насъ какъ святая весь дѣвичій вѣкъ! Взяли ее, увели, и все у насъ осиротѣло. Вотъ такъ и вся земля тутъ запустѣетъ, ваше преподобіе. Такъ-то-съ!

— Объ Оксанѣ ты не говори! Слышишь? Не говори! Лучше мнѣ не вспоминай о ней вовсе, и только!

— Не могу, не могу, отче...

— Вотъ тоже хоть бы и ты, Фендриховъ. Ты старъ былъ и хотя-таки съ лѣнцой, а все же церковь подметалъ

какъ слѣдуетъ, да и подметалъ, пожалуй, тоже только по большимъ праздникамъ. Ну, вотъ и прислали намъ иного дьячка; положимъ, Андрей нашъ и молодъ, и все содержитъ въ чистотѣ. А что? душа моя ни къ чему тутъ при немъ не лежитъ! И въ ограду идешь, ключи берешь; дорожки подметены, песочкомъ усыпаны; бѣжитъ Андрей въ халатикѣ, суетится, услуживаетъ; а не то, братецъ, не то... Все не то стало!.. Міръ не туда идетъ!

— Куда же онъ идетъ?

— Къ послѣднему времени идетъ...

Такъ отецъ Павладій говорилъ Фендрихову про новаго дьячка, Андрея, своего же родича, который по поводу исключенія своего за грубости инспектору семинаріи, несмотря на окончаніе первымъ ученикомъ курса, былъ лишенъ незадолго передъ этимъ сана священника и права на приходъ и командированъ сюда, въ наказаніе, въ простые причетники. Онъ покорился печальной участи, охотно принялся за должность при дядѣ, сильно обрадовался, что нашелъ у него множество книгъ; предался со всѣмъ пыломъ молодой, жаждущей знанія души, сталъ въ часы отдыха (а его, Боже, сколько здѣсь) охотиться съ ружьемъ по окрестностямъ и сразу заслужилъ любовь прихожанъ. Какъ-то, съѣздивши въ городъ за новыми церковными книгами и для расчета въ консисторіи по довѣренности отца Павладія, по свѣчному сбору, онъ познакомился тамъ съ учителемъ уѣзднаго училища, затѣявшимъ, какъ мы говорили, открыть по сосѣдству публичную библіотеку и сильно въ этомъ разочаровавшимся, и разговорился съ нимъ о томъ, о сёмъ. Онъ досталъ у этого учителя еще десятокъ-другой любопытныхъ книгъ и между прочимъ сталъ жаловаться на свою судьбу.—«Вы, мой любезнѣйшій, сдѣлайте такъ, какъ я! —возразилъ учитель: —купите десть-другую дешевенькой сѣрой бумаги, да и пишите ваши наблюденія надъ мѣстными нравами, записокъ своихъ не бросайте: онѣ вамъ пригодятся! Видите, какъ здѣсь все быстро мѣняется; край строится зàново. Уже на моихъ глазахъ многое измѣнилось. Вонъ и дончаки, слышно, затѣваютъ улучшенія, помышляютъ о желѣзной дорогѣ и о пароходствѣ. Не захотите сами въ литературу пуститься, вотъ теперь стать, какъ я, газетнымъ корреспондентомъ. — отошлите свои наблюденія въ географическое общество!» — «Помилуйте-съ, еще мнѣ

достанется; что̀ я есть такое теперь, по поводу оказаннаго неуваженія моего, такъ сказать-съ, извините, къ взяточнику-съ и казнокраду, нашему бывшему инспектору семинаріи? Я—дьячокъ и только-съ».—«Ничего; многіе ваши уже выступаютъ на поприще. Покупайте бумагу и пишите. Слышно, и вашъ священникъ пишетъ какое-то разсужденіе?»—«Отецъ Павладій-съ?»—«Да».—«Такъ точно-съ, пишетъ что-то, только онъ больно сталъ хирѣть»... — «А что вашъ романъ съ похищеніемъ его воспитанницы? Гдѣ она?»—«Богъ вѣсть; сказываютъ, снова ушла съ прежнимъ любезнымъ». — «Смотрите же, пишите записки. Библіотека мнѣ не удалась; но я вновь тутъ около одного мѣщанинишки, кирпичнаго заводчика, захаживаюсь; онъ раскольникъ, можетъ-быть дастъ деньжатъ на журналъ; такъ мы тутъ тогда на Мертвой, въ городкѣ, типографію откроемъ и журналъ станемъ издавать. Трудитесь, любезнѣйшій; отъ насъ, бурсаковъ-съ, многаго ждутъ теперь; вотъ что-съ! Когда бъ Бѣлинскій былъ живъ, мы бы его заманили въ покровители».—«Да, да! Когда бы Бѣлинскій!.. Вотъ душа-то была! Мы его тайкомъ теперь въ семинаріяхъ читаемъ». — «Ну, коли не Бѣлинскаго, къ другимъ литераторамъ письмо напишемъ,—есть хорошіе люди! они намъ откликнутся! Что жъ что мы нищіе и что вокругъ насъ одни златолюбцы да угодники мамоны живутъ, тупые, отсталые и злые люди? Мы на нихъ не посмотримъ; мы будемъ работать. Вѣдь у насъ паспорты есть; насъ не выгонятъ, не выведутъ, какъ этихъ теперь бѣдняковъ бѣглыхъ. Такъ, или не такъ-съ?»—«Извольте-съ; согласенъ. Что же это за записки надо вести?»—«О жизни-съ, да и о прочемъ»...

Такъ бесѣдовали новые пріятели, бездольныя горячія головы.

Между тѣмъ, затѣянныя мѣры противъ бродягъ шли энергически своимъ путемъ. Власти хватали и разыскивали безпаспортныхъ, а между послѣдними въ то же время являлись примѣры такой прыти, какой прежде и не бывало.

— Жили смирно бѣглые, никто ихъ не замалъ! — ворчалъ снова на лежанкѣ Фендриховъ: — стали тревожить ихъ, пошли шалости! Вотъ такъ и съ пчелами бываетъ: трудятся златыя пчелки—смирны, ничего; а разворошн ихъ, и бѣда—озлятся.

И точно, дерзости бѣглыхъ въ ту весну превзошли всѣ

границы. Осада Панчуковскаго, небывалая покража у него громадной суммы, его же бѣглымъ слугою, все это были вещи нешуточныя. На берегъ близъ Таганрога съ англійскаго судна тогда же высадили и скрыли какъ-то ночью баснословное количество контрабанды: чаю, сахару, шелковыхъ, шерстяныхъ тканей, пороху и остальныхъ издѣлій, на сотни тысячъ рублей. У какой-то переправы высѣкли квартальнаго, гнавшагося погоней за открытымъ бѣглымъ мясникомъ изъ городка. На базарѣ въ Керчи зарѣзали мѣнялу среди бѣла-дня и увезли въ свалкѣ его деньги. На дорогѣ, въ степи, ограбили губернаторшу. Возлѣ Сиваша, въ гнилыхъ болотахъ, появился настоящій разбойникъ, какой-то дезертиръ Пѣночкинъ. О немъ и о его похожденіяхъ пошли уже настоящія сказки: что будто бы онъ на откупъ взялъ всѣ пути по Арабатской-стрѣлкѣ, собираетъ калымъ съ каждаго проѣзжаго и прохожаго на сто верстъ въ окружности, что его пуля не беретъ, что вся его шайка заговорена отъ смерти, что онъ зарекся ограбить Симферополь, Ѳеодосію, а потомъ Мелитополь, и завелъ часть летучаго отряда даже на вершинахъ Чатырдага. Мѣстное воображеніе и толки разыгрались.

— Слышали вы, какіе ужасы разсказываютъ?

— Слыхалъ, но не всему вѣрю, какъ другіе, недавно еще, впрочемъ, считавшіе нашихъ бѣглыхъ пуританами, по чистотѣ ихъ нравовъ.

Это говорилъ Панчуковскій, встрѣтившись съ колонистомъ Шульцвейномъ у мостка, у переправы черезъ бурлившую еще Мертвую.

— Куда вы, Богданъ Богдановичъ, ѣдете? Помните, какъ мы тогда-то встрѣтились съ вами, также въ степи, подъ Мелитополемъ? Много воды утекло съ тѣхъ поръ!

— А вы куда?

— На облаву хутора нашей Авдотьи Петровны.

— И я туда же по дѣлу, кстати, разомъ къ ней за рѣчкой и своротимъ.

— Да-съ; не ожидалъ я отъ нея. Какова барыня!—сказалъ Панчуковскій.

— А что? Я все это время въ отлучкахъ былъ, по своимъ овчарнямъ...

Дюжій колонистъ поправилъ волосы и сталъ пугливо ждать отвѣта.

— Да у нея вчера нашли шестьдесятъ-пять бѣглыхъ, такъ и жили у нея слободой. Сегодня продолжаютъ обыскъ. Это, должно-быть, послѣднимъ подвигомъ Подкованцева будетъ.

— Что же, развѣ съ этимъ добрымъ Подкованцевымъ опять что-нибудь случилось?

— Да, говорятъ, дали ему послѣднее испытаніе: коли не выкажетъ здѣсь особой бойкости въ поимкѣ бѣглыхъ, его отставятъ.

— А ваше дѣло? покража этой баснословной суммы?

— Что за баснословная! еще наживемъ-съ.

Колонистъ покосился на полковника.

— Что же, ѣдемъ къ сосѣдкѣ?

— А! поѣдемъ. Это любопытно.

— Не только любопытно, но и поучительно! — сказалъ полковникъ. — Да надо бы его теперь и на церковный хуторъ нашего отца Павладія направить. Этотъ священникъ— извѣстный передержчикъ бѣглыхъ; его бы рощу да байраки обшарить.

— Не хорошо, полковникъ, нихтъ гутъ! — возразилъ съ горечью честный нѣмецъ, отъѣзжая отъ моста:—вы съ нимъ врагъ теперь, и на него напускаете такія страсти. Вы мстите ему? вы? Фи! не хорошо!

— Такъ ему и надо; теперь каждый думай о себѣ.

— У васъ же, полковникъ, всѣ бѣглые похѣрены?

— Нечего дѣлать, придется и мнѣ съ моими проститься,—самъ ѣздилъ въ городъ, привелъ уже одну партію настоящихъ работниковъ; всѣ перемѣню, ни одного теперь бродяги не стану держать, ну ихъ къ бѣсу! Только теперь еще молчу; разомъ всѣхъ прогоню...

Полковникъ съ нѣмцемъ поѣхали къ Авдотьѣ Петровнѣ, надъ которою стряслась такая черная бѣда въ видѣ наѣзда исправника, по порученію губернатора.

Отецъ Павладій, между тѣмъ, въ тотъ день передъ вечеромъ былъ изумленъ появленіемъ нежданныхъ гостей.

Онъ, по обычаю, теперь сидѣлъ съ утра до вечера въ залѣ, въ старомъ потертомъ креслѣ передъ окномъ, читая какую-нибудь книгу, и собирался тогда перемѣститься на крылечко, гдѣ онъ на воздухѣ любилъ ужинать, какъ во дворѣ его, у кухни, произошла суета. Сперва вбѣжалъ-было къ нему, шелестя новымъ камлотовымъ подрясникомъ, его

племянникъ—дьячокъ Андрей. Но Андрей вскочилъ только въ сѣни, постоялъ какъ бы въ раздумьи и выбѣжалъ опять на крыльцо. Слышались голоса; говорилъ кто-то шопотомъ. Заскрипѣли половицы подъ знакомыми пятками Фендрихова. Слѣпой другъ долголѣтней жизни отца Павладія вошелъ, ведомый своимъ преемникомъ, и, ощупывая стѣны и притолки, остановился въ залѣ у дверей. Лицо его измѣнилось и сіяло необычайнымъ чувствомъ радости и ликованія.

— Что́ такое съ тобою, Фендриховъ? ты на себя сталъ непохожъ!

Священникъ заложилъ очки на лобъ и, ожидая чего-то невѣроятнаго, покраснѣлъ; руки его дрожали, косичка моталась на затылкѣ.

— Говори же, что́ тамъ такое? Ну? Что ты глядишь на меня, Андрей?

— Оксана, батюшка... она сама... пришла съ Левенчукомъ! Идите, отворяйте церковь, вѣнчайте ихъ скорѣе!

Отецъ Павладій всталъ и вышелъ въ сѣни. Ему навстрѣчу на порогѣ поклонились до земли Оксана и Левенчукъ. Онъ сперва-было не узналъ Оксаны. Измученная столькими событіями, она сильно измѣнилась въ лицѣ, но была такъ же хороша, если еще не лучше...

— Оксана, Оксаночка моя!—залепеталъ отецъ Павладій, всхлипывая, дрожа всѣмъ тѣломъ и крестя лежавшую у ногъ его Оксану.

— Благословите насъ, батюшка, отецъ нашъ названный, меня и его благословите!—сказала Оксана, также плача и не поднимаясь.

— Благословите и вѣнчайте; за нами скоро будетъ погоня!—прибавилъ Левенчукъ:—намъ либо вмѣстѣ жить, либо умирать!

— Погоня? Куда? Ко мнѣ! Это еще что? Этого не будетъ!

— Сюда, батюшка, сюда; мы покинули барку у Лисьей-Косы, а сюда пріѣхали на неводской подводѣ. Насъ по баркѣ найдутъ; мы всю ночь ѣхали на чумацкомъ возу подъ рогожами съ мѣшками муки.

— Вставайте, вставайте! Богъ васъ благословитъ! Ахъ вы, соколики мои! Ахъ ты, Оксаночка моя! и ты, такъ вотъ, это какъ есть, на возу-то тряслась...

Священникъ не договорилъ. Онъ не могъ безъ слезъ

видѣть своей нѣжно-любимой питомицы. Она стыдилась глаза поднять.

— Нужда, батюшка, всему научитъ! — грустно сказала Оксана:—неволя какъ добьетъ, то и воля не всегда лихо залѣчитъ!

— Андрей! Фендриховъ! живо! Ключи гдѣ? Отпирайте церковь! Огня давайте, да въ кадильницу ладану!

Слѣпой и зрячій дьячки засуетились. На дворѣ наступила ночь.

— Свидѣтели есть у васъ?

— Вотъ ихъ милость будетъ!—сказалъ Левенчукъ, указывая на молодого дьячка:—нашъ возница-неводчикъ заручится тоже, и довольно,—а тетка Горпина?.. Она еще жива? Дитя ея живо?

— Живы, живы! хорошо. Поспѣшайте: а я вотъ ризу возьму.

Левенчукъ пошелъ звать подводчика. Оксана вздыхала, крестилась, подходила къ каждой вещицѣ въ комнатѣ, трогала ее, пыль съ нея обметала, цѣловала и слезно плакала-плакала.

— Здравствуйте и навѣки прощайте!—шептала она.

— Разскажи же ты мнѣ, Оксана, какъ это тебя украли?— спросилъ священникъ сквозь двери, нàскоро переодѣваясь въ спальнѣ.

Оксана передала все, чтò могла успѣть.

— А онъ-то, антихристъ, онъ-то? извергъ-то этотъ? Какъ онъ-то мучилъ тебя?

Оксана молчала, не поднимая заплаканныхъ глазъ.

— Ну, да я не буду тебя допытывать; горе, горе такое, что и трогать-то его не слѣдуетъ! Смотри же только, Оксана... хоть дитя-то теперь не твое, незаконное будетъ; хоть оно прижито тобою... въ неволѣ, насильно, а все-таки береги себя, береги и его; оно все-таки плодъ твой, даръ Бога живаго! Не проклинай его, корми, люби и воспитай! Даешь слово?

Священникъ вышелъ и торжественно стоялъ передъ Оксаной.

— Развѣ я ужъ, батюшка, нехристь какая, что ли? Чтò случилось, было противъ моей воли; я вся измучилась, изболѣла. За что же оно-то мучиться будетъ? Да и чтò насъ

еще ожидаетъ? Вѣдь мы бродяги, бродяги, батюшка! Намъ мѣста нѣтъ...

Она снова громко зарыдала и упала на столъ, обливая слезами его знакомую, вылощенную столькими годами тесовую крышку.

— Господь смилуется и надъ вами, Оксана! Пойдемъ въ церковь.

У паперти Фендриховъ бесѣдовалъ съ Левенчукомъ.— «Такъ ты это ее такъ, какъ есть, принимаешь, съ чужою прибылью?»—«Что̀ дѣлать, принимаю!»—«Молодецъ парень! Руку!..»

Всѣ вошли въ церковь. Свѣчи уже горѣли. Слѣпой Фендриховъ чопорно стоялъ въ стихарѣ, на клиросѣ, готовясь пѣть. Священникъ возгласилъ молитву. Свидѣтели опрошены, записаны. Отецъ Павладій скрѣпилъ своею подписью ихъ спросъ и обыскъ. Молодые поставлены передъ налоемъ. Священникъ взмахнулъ кадильницею. Запѣли молитвы. Надѣты вѣнцы.

— Любите ли вы другъ друга, сынъ Харитонъ, и ты, дочь моя, Ксенія?

— Любимъ.

— По своему ли вы согласію и по своей ли волѣ вѣнчаетесь?

— По своему согласію и по своей волѣ.

— Богъ васъ благословитъ!

— Аминь!—пѣли дрожащіе и вмѣстѣ радостные голоса клироса...

Это была та самая церковь, гдѣ впервые нѣкогда увидѣлись Левенчукъ и Оксана. Акаціи и сиреневые кусты, одѣвшись яркою кудрявою зеленью, окутывали попрежнему церковь, и она въ нихъ тонула по крышу. Выщелкиванья соловьевъ мѣшались съ возгласами отца Павладія и съ клиросными перепѣвами. Помѣнявъ кольца вѣнчаемыхъ, связавъ имъ руки и обведя ихъ вокругъ налоя, священникъ кончилъ обрядъ, поздравилъ ихъ, заставилъ поцѣловаться, обнялъ ихъ и самъ въ три ручья расплакался. Плакали Фендриховъ и молодой дьячокъ. Старая Горпина, не сберегшая годъ назадъ Оксаны, также тихо плакала въ церковномъ углу, прижимая къ груди дитя свое, нѣкогда такъ лелѣянное Оксаною.

— Что же у тебя есть, Горпина, молодыхъ угостить?—

спросилъ священникъ, выходя въ ограду:—они теперь князь и княгиня у насъ!

Темнымъ церковнымъ дворомъ, со свѣчами, всѣ воротились къ дому.

Вошли въ комнаты и тамъ накурили ладаномъ. Оксана сѣла бесѣдовать съ Фендриховымъ. Священникъ занялся съ Левенчукомъ.

— Въ прошломъ году я съ тебя требовалъ выкупа; теперь я самъ тебѣ дамъ на подъемъ. Ты, чай, безъ копеечки теперь обрѣтаешься, горемыка?

— Спасибо, батюшка, за все; будетъ чѣмъ вспомянуть вашу милость!

Священникъ ушелъ въ спальню, порылся въ завѣтныхъ сундучкахъ и вынесъ Оксанѣ радужную депозитку.

— Вотъ тебѣ, Оксана, мое приданое!—обживитесь гдѣ, извѣстите меня,—еще будетъ... Вѣдь я тебѣ отецъ и воспитатель! Эхъ, счастливъ я теперь больше, чѣмъ когда былъ...

Оксана поклонилась ему въ ноги.

Священникъ сѣлъ опять къ Левенчуку.

— Слушай, сюда, слушай, Левенчукъ!—спросилъ онъ шопотомъ:—тѣ же деньги, казна-то полковника гдѣ? Милорденко гдѣ?

— Я, ваше преподобіе, про то не мѣшаюсь. Товарищъ мой взялъ ихъ, точно; да я ему не судья. Мы его скоро бросили; мы сами себѣ люди, и онъ себѣ человѣкъ! Я чужого никогда не бралъ и брать не буду...

— Такъ и слѣдуетъ, такъ и слѣдуетъ; ну, спрашивать я больше не буду... Я, братъ, тебѣ вѣрю во всемъ...

Горпина накрыла на столъ, поужинали всѣ вмѣстѣ. Были вынуты три бутылки какого-то завѣтнаго вина. Призывали и молчаливаго приморскаго возницу къ угощенію.

Такъ сидѣли пирующіе, бесѣдовали и попивали, мало разспрашивая и щадя другъ друга. Далеко за полночь домъ священника затихъ. Все въ немъ заснуло. Не успѣло утромъ солнце взойти, поднялся въ домѣ шумъ.

Вбѣжала старая Горпина къ священнику.

— Батюшка! тамъ отъ нѣмца съ горы рядъ какихъ-то людей показался; не то идутъ, не то ѣдутъ, словно понятые съ сотскимъ!

Всѣ выскочили за ворота. Точно: со стороны хутора Вебера двигались какія-то фигуры.

— Спасайтесь, поѣзжайте, бѣгите! это обыскъ, обыскъ!— закричалъ священникъ, и всѣ опрометью кинулись во дворъ обратно. Левенчукъ бросился наскоро запрягать съ подводчикомъ возъ. Но выѣхать они не успѣли. Священникъ посовѣтовалъ воловъ опять распрячь, закатить возъ въ сарай, а всѣмъ спрятаться въ байракъ. Левенчукъ съ Оксаной такъ и сдѣлали, побѣжали туда.

Пройдя наскоро мимо церкви къ пруду, они вошли въ крайніе кусты, и нѣкогда дорогой имъ ракитникъ опять скрылъ ихъ въ своихъ зеленѣющихъ развѣсистыхъ кущахъ.

— Какъ тебя звать?—спросилъ священникъ ухмылявшагося неводчика.

— Степанкомъ.

— Ты же, Степанъ, поѣзжай самъ въ поле, имъ же навстрѣчу, будто такъ муку̀ везешь. Слышишь? А я, будто гуляючи, за тобой слѣдомъ пойду...

— Извольте.

— Валяй, Степанъ!

Воловъ опять запрягли.

Возъ поѣхалъ, а за нимъ пошелъ отецъ Павладій; въ полутора верстѣ отъ Святодухова-Кута ихъ встрѣтилъ исправникъ на дрожкахъ и за нимъ человѣкъ сорокъ понятыхъ съ сотскимъ. Съ другой стороны, изъ-за хутора Вебера, показывалась въ полѣ, подъ предводительствомъ другого сотскаго, новая толпа понятыхъ. Все дѣйствовало по заранѣе составленному предположенію.

— Воротитесь, отецъ Павладій! — сказалъ исправникъ, улыбаясь, держа въ рукахъ бумагу и останавливая священника:—я все понимаю... воротитесь!

— Какъ такъ! я несогласенъ; это насиліе сану! — сказалъ священникъ.

— Сотскій, возьми подводу и этого батрака: извините, отецъ Павладій! Не угодно ли вамъ сѣсть со мною на дрожки? Волы эти краденые: а батракъ вашъ — извѣстный контрабандистъ Сава Пузырный,—мнѣ дали знать только-что наши лазутчики, что онъ къ вамъ отвезъ и главнаго изъ разыскиваемыхъ нами бѣглыхъ...

Священникъ оторопѣлъ, засуетился, потерялся.

— Пожалуйте-съ и покажите намъ, гдѣ у васъ укрылись здѣсь главные бродяги, бѣглый чабанъ помѣщицы Венеціяновой, Харитонъ Левенчукъ, и ваша бывшая воспи-

танница, а попросту его любовница, непомнящая родства-съ, дѣвка Ксенія?

Отецъ Павладій очнулся.

— Вы забываете, милостивый государь, уваженіе къ моему званію! у меня никого нѣтъ изъ бѣглыхъ и не было, я ничего не знаю и прошу васъ подобныхъ обвиненій мнѣ не предъявлять всенародно!

— Полноте!—сказалъ, улыбаясь, Подкованцевъ:—исполняю свой долгъ; прошу васъ садиться со мною. Не задерживайте насъ!

Нечего дѣлать, священникъ сѣлъ на дрожки.

Они подъѣхали къ святодуховскому двору. Дворъ и садъ наскоро были оцѣплены толпой понятыхъ. Другіе понятые оцѣпили байракъ и прудъ.

Исправникъ распоряжался скоро и какъ-то беззвучно метался; вездѣ все устроилъ, сталъ на крыльцѣ, спросилъ: «всѣ ли на мѣстахъ?» велѣлъ вынести къ крыльцу столъ, разложилъ бумаги, досталъ кисетъ съ табакомъ, набилъ трубочку, поставилъ свидѣтелей, улыбнулся и началъ-было допросъ; но потомъ остановился.

— Что же вы не продолжаете? — спросилъ священникъ, вышедши къ исправнику.

— Подождите, не торопитесь! Вотъ мы еще гостей подождемъ, свидѣтелей, чтобъ протоколъ составить, какъ слѣдуетъ! Я вамъ не судья— будутъ судить другіе!

Священникъ сѣлъ къ сторонѣ, на особомъ стулѣ. Онъ думалъ: «Боже мой! что, какъ ихъ найдутъ?» Подъѣхалъ старшій Небольцевъ и съ нимъ еще кто-то.

— Грѣхъ вамъ, батюшка!—сказалъ онъ, подходя:—вотъ-съ, насъ всѣхъ извѣстили, что вы главный притонъ нашимъ грабителямъ въ своей рощѣ устроили!

— Кто же вамъ это сказалъ? Такъ про меня одного и сказали?

— Всѣ говорятъ.

На отцѣ Павладіи лица не было.

— Понимаю, вы меня обвиняете въ покровительствѣ бѣглымъ, что черезъ меня они смѣлы и дерзки стали. Господа! Я тридцать лѣтъ тутъ, въ этой пустынѣ, прожилъ; при мнѣ строились и возникали ваши села и нѣкоторые ваши города. Недочеты, обманы, всякія притѣсненія возмутили вашихъ бѣглыхъ. Они мирно доселѣ жили. Край здѣсь

измѣнился, нравы другіе пошли. Не я бѣглыхъ передерживалъ; обыщите другихъ.

— Вы слышите, слышите?—спрашивалъ исправника Небольцевъ.

Подъѣхали Шульцвейнъ и Шутовкинъ. Эти обошлись съ священникомъ мягко и вѣжливо.

Вставали уже, составивъ предварительныя статьи протокола, чтобы идти, какъ загремѣли колеса и послышался знакомый звукъ колесъ и рессоръ полковницкаго фаэтона, и Панчуковскій, попрежнему щегольски разодѣтый и веселый, выпрыгнулъ изъ фаэтончика, ловко снялъ красивую соломенную панама̀, подалъ дружески руку всѣмъ, кромѣ священника, поклонился исправнику. Священнику же онъ сказалъ, обмахивая платкомъ пыль съ лаковыхъ полусапожекъ: «а мы съ вами, батюшка, старинные друзья, не правда ли?»—Священникъ кашлянулъ и сухо отворотился.

— Ну-съ,—началъ Подкованцевъ:—очень радъ буду, господа дворяне, что при васъ лично привелось мнѣ исполнить мой долгъ; коли это мнѣ не удастся,—гоните и судите меня сами...

Всѣ сошли съ крыльца. Общее молчаніе было мрачно и торжественно.

— Сотскіе, начинайте. Сперва съ кухни и съ амбара, а потомъ въ погреба и на чердаки! Домъ я самъ обыщу.

— Такъ она здѣсь?—страстнымъ шопотомъ допытывалъ Шутовкинъ полковника.

— Здѣсь!—разсѣянно отвѣтилъ Панчуковскій, вспоминая роковую чудную ночь, когда онъ похитилъ здѣсь Оксану.

— Почему вы узнали?

— Приказчикъ мой ихъ обозналъ, у шинка Лысой-Ганны, знаете?

— Знаю, знаю! Такъ и ея прежній женихъ тутъ?

— Здѣсь, должно быть.

— И она, какъ была, еще съ овальцемъ? Вотъ полюбуюсь крошечкой! Доведется-таки и мнѣ ее увидѣть!..

Облава началась, какъ на охотѣ. Гонцы шли тихо съ дубинами, а сотскіе по крыльямъ порядокъ держали. Они осматривали каждый хлѣвушекъ, каждую ямку и всѣ уголки. Обыскали кухню, амбары, погреба, конюшенный сарайчикъ и домъ. Не нашли никого, кромѣ забившейся подъ свиное

корыто и перепуганной до полу-смерти тётки Горпины. Обыскали церковную ограду, даже церковь, прудъ и садъ.

— Они въ байракѣ! я знаю! — шепнулъ Панчуковскій, подходя къ исправнику, обыскавшему, между тѣмъ, домъ священника.

— Соединить всѣхъ понятыхъ вмѣстѣ!—крикнулъ Подкованцевъ:—сотскіе! Да идти дружнѣе; не пропускать ни единаго кустика, ни одной водомоинки.

— Послушайте! Десять тысячъ цѣлковыхъ вамъ! — шепталъ между тѣмъ Панчуковскій исправнику: — это будетъ не взятка, а благодарственный, законный процентъ! Ради Создателя—найдите ихъ, черезъ нихъ вся моя разграбленная касса найдется!

— А я полагалъ, Володя, что ты и по-правдѣ болѣе за красоточкою этою хлопочешь? — возразилъ, шутя, Подкованцевъ.

— Куда мнѣ! Я уже о ней забылъ и думать! Спросите Шутовкина; я ему ее обѣщалъ передать...

Священникъ самъ не свой стоялъ поодаль отъ господъ и сыщиковъ. Онъ силился быть спокойнымъ, но сердце его било тяжелую тревогу. Облава пошла къ байраку. Понятые стали болѣе густою цѣпью съ обоихъ краевъ оврага. Часть изъ нихъ стала по опушкамъ на-сторожѣ. Всѣ же остальные пошли внутрь въ ракитникъ и въ камыши къ ключамъ. Долго они шли, тихо шелестя между кустами и деревьями.

— Это совершенно во вкусѣ «Хижины дяди Тома»,—замѣтилъ Митя Небольцевъ.

— Далась-таки опять вамъ эта галиматья, эта хижина! Ну, послушайте, господа!—продолжалъ Панчуковскій:—ну, есть ли хоть тѣнь сходства между нашими безпаспортниками и американскими поэтическими неграми, или между нами, господа, и тамошними рабовладѣльцами? Какъ небо и земля!

— Какъ небо и земля!—сказалъ и Подкованцевъ, идя за сотскими къ мѣсту выхода гонцовъ:—ужъ тамъ, какъ у насъ, бювешки не дадутъ...

— А что? ничего нѣту?—спросили зрители.

— Ничего!—лѣниво отвѣтили гонцы, въ разбродъ выходя на опушку.—«Что бы это значило?—подумалъ Подкованцевъ:—куда же они дѣлись?»

— Стой, стой! держи его! стой!—нежданно и въ разладъ крикнули голоса понятыхъ въ чащѣ байрака.

Всѣ остальные гонцы также кинулись туда. Изумленнымъ взорамъ исправника и помѣщиковъ открылась драка въ гущинѣ камыша, надъ ключами. Куча понятыхъ старалась кого-то осилить. Ловимый отмахивался дубиною и кидался на всѣхъ.

— Не подступай, убью!—кричалъ онъ.

— У него и ножъ!—кто-то обозвался въ толпѣ, и понятые отшатнулись.

Подбѣжалъ исправникъ.

— Лови его, хватай! чего вы стоите! Бери, вяжи его!

Понятые опять кинулись, навалили гурьбой на пойманнаго, сбили его съ ногъ; произошла схватка на землѣ—и опять толпа отхлынула. Трое изъ нея охали, хватаясь за руки и за лица. Кровь текла по ихъ рубахамъ.

— Братцы, не тронь меня: я Пѣночкинъ; я зарученный!—бойко проговорилъ пойманный, выпрямляясь:—тронете меня, всѣмъ пропадать!

— Врешь!—раздался сзади голосъ Панчуковскаго:—берите его, это Милорѳденко; стрѣляй въ него изъ ружья, сотскій, только бей на-смерть, коли заупрямится!

— Ружье сюда и мнѣ!—крикнулъ исправникъ:—сдавайся, мерзавецъ, или я тебя положу...

Толпа зашумѣла. Священникъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Онъ желалъ видѣть Левенчука и Оксану, а прежде ихъ увидѣлъ человѣка, котораго назвали роковымъ именемъ Милорѳденки.

— Какъ ты попалъ сюда, негодяй?—спросилъ онъ его:—ты меня погубилъ: ты въ моей рощѣ спрятался!

— Батюшка, не бойтесь! Они тронуть васъ не посмѣютъ! Чтò дѣлать! Я здѣсь случаемъ-съ. Пропалъ теперь совсѣмъ! Такъ пусть ихъ высокоблагородіе васъ не тронутъ, ослобонятъ далѣе отъ обыску, я ихъ казну имъ укажу, она у меня далеко запрятана, да я далеко, видите, не ушелъ — пути мнѣ пересѣкъ г. Подкованцевъ. Я тутъ-то, по близостямъ, это и шлялся! А не исполните просьбы моей, будете задаромъ срамить батюшку,—умру, а ничего не открою!

Панчуковскій переговорилъ съ исправникомъ, понятыхъ созвали. Священнику объявили, что такъ какъ одинъ изъ

главныхъ грабителей и преступниковъ пойманъ, то дальнѣйшій обыскъ болѣе не нуженъ.

— Это вамъ, однако, впередъ, батюшка, наука,—сказалъ Небольцевъ:—будьте осторожнѣе! А то мы не даромъ васъ подозрѣвали.

— Мастера вы всѣ, господа, учить; не раскаяться бы послѣ!

Милорȍденко добровольно сдался. Погодя еще и какъ-бы подумавши, онъ крикнулъ... Изъ байрака, какъ послѣ узнали, изъ водомоины, полной листьевъ и всякаго хлама, вышли Левенчукъ и Оксана. Изумленіе было общее.

— Край чудесъ! — шепталъ торжествующій Подкованцевъ.

Всѣхъ найденныхъ тутъ же связали, осмотрѣли, заковали, и самъ исправникъ съ Панчуковскимъ посадили Милорȍденка и Левенчука въ фаэтонъ, повезли ихъ въ городъ для допроса. Оксану повезли особо въ тарантасѣ исправника.

— Не повезете ее со мною,—сказалъ Левенчукъ: — ничего не узнаете про деньги, хоть убейте сразу насъ обоихъ.

Дѣлать нечего, Панчуковскій уступилъ, даже защитилъ Оксану отъ взоровъ любопытныхъ, а Шутовкину, который, млѣя, лѣзъ посмотрѣть на нее, даже погрозилъ поссориться.

Поѣхали исправникъ и Панчуковскій не мѣшкая. На половинѣ дороги ихъ встрѣтилъ становой, съ новою толпою понятыхъ.

— Что такое?

— Настоящаго Пѣночкина поймали!

— Гдѣ поймали? Гдѣ онъ?

— Въ степи тутъ, въ шинкѣ; вотъ онъ!..

Толпа раздвинулась: у телѣги, привязанный къ ея колесу, стоялъ и посмѣивался дѣйствительный Пѣночкинъ.

— Связать его покрѣпче и также въ городъ! Ай да денёкъ! Теперь уже въ отставку не выгонятъ; лишь бы жилось на свѣтѣ...

— Въ городъ, въ городъ!

Фаэтонъ полетѣлъ. Милорȍденко сталъ о законахъ разсуждать.

— Ты же гдѣ этимъ статьямъ про уголовные законы учился?—спросилъ его исправникъ дорогою.

— Въ академіи художествъ, въ острогѣ-съ тутошнемъ, гдѣ я впервые всю суть позналъ-съ и произошелъ.

— Какъ въ острогѣ?

— Извѣстное дѣло-съ: у насъ тамъ свои-съ профессора и адъюнкты есть! Вотъ, когда былъ женатъ на барышнѣ въ Рассеѣ-съ, у нея братецъ-съ двоюродный въ студентахъ былъ-съ и жилъ часто съ нами; такъ нѣтъ-съ, его профессора супротивъ нашихъ куда хуже, наши почище будутъ. Ихніе только о книжкахъ...

XIV.

Приморскій городокъ.

Фаэтончикъ, запряженный новой четверней, летѣлъ вскачь опять тою самою дорогою, по которой нѣкогда полковникъ встрѣтился съ Шульцвейномъ. Опять степь пышно зеленѣла. Опять по ней густо цвѣли, ее заливая, желтые и всякіе цвѣты. Десять человѣкъ казаковъ скакали верхами возлѣ.

— Эхъ, степь, степушка!—говорилъ Милорденко, водя кругомъ грустными и вмѣстѣ смѣющимися глазами: — раздольице ненаглядное! Не намъ вотъ съ Левенчукомъ больше тобою любоваться! Теперь ужъ я пойду подошвы топтать по нашей Рассеюшкѣ! Пожилъ я-таки, господа, въ волю; и у васъ, г. Подкованцевъ, и у васъ, полковникъ, нанимался; что? бѣсъ взялъ, на дворянской дѣвицѣ былъ женатъ, пожилъ, постранствовалъ въ свое удовольствіе! Вотъ теперь и попался. А все отчего? Что паспорта настоящаго мнѣ господиномъ не выдано: рабъ я подневольный былъ, есмь и опять буду, значитъ во вѣки... Господа, позвольте табачку! Я знаю, становые больше коллежскаго секретаря, а исправники больше титулярнаго не бываютъ! Я же еще теперь пока настоящій милліонеръ! Владиміра Алексѣича казна вѣдь, господа, еще у меня спрятана...

Панчуковскій сидѣлъ блѣдно-зеленый, но показывалъ видъ, что тоже отшучивается.

— Дайте ему, Подкованцевъ, табаку на папироску. А у меня пистолеты, нечего ихъ бояться!—прибавилъ онъ шопотомъ.

— На, воръ, только шутки со мной какой не выкинь: не осрами и не погуби меня! Я за тебя вонъ награду получу...

— Помилуйте! я же и у васъ служилъ; люди мы свои, законы-съ и уваженіе знаемъ-съ.

Дорогой они остановились, опять осмотрѣли закрѣпы Левенчука и Милорѳденка.

Стемнѣло, когда исправникъ и Панчуковскій, послѣ двукратнаго перевала на пути, взятія новыхъ провожатыхъ и перемѣны лошадей, въѣхали подъ шлагбаумъ присутственнаго, значитъ чиновнаго, хотя весьма утлаго и невзрачнаго приморскаго городка, лежавшаго близъ рѣчки Несытой. Ихъ окликнулъ часовой у городской гауптвахты. Въ городскихъ воротахъ, не могши высоко поднять связанной руки, Милорѳденко попросилъ ему приподнять шапку и перекрестился.

— Вотъ какъ! еще и крестишься! — сказалъ, суетливо оправляясь и едва говоря отъ усталости, исправникъ.

— Меня Сенька кривой, одинъ тоже вотъ острожный пріятель, въ Кіевѣ, училъ, при проѣздѣ каждаго часового креститься. А онъ зналъ всѣ знанія; антиминсы изъ православныхъ церквей все раскольникамъ кралъ и поставлялъ. Его клейменаго прогнали сквозь двѣ тысячи и сослали въ каторгу-съ. У него кума въ острогѣ была.

Подъѣхали къ дому градоначальника. Подкованцевъ, не вѣрившій своему счастію въ поимкѣ такихъ героевъ, спѣшилъ ими оправдать себя.

— Что значитъ, господа, приморскій воздухъ!—замѣтилъ Милорѳденко развязно, зѣвая впотьмахъ: — какъ свѣжестью запахло! А все-таки, Владиміръ Алексѣевичъ, я вамъ денегъ не отдамъ: онѣ, считайте, пропали.

Солдаты окружили фаэтонъ. Исправникъ сбѣгалъ къ дежурному чиновнику. Черезъ четверть часа вышла новая, вызванная изъ сосѣдней кордегардіи, команда подъ ружьемъ.

— Это тотъ самый Милорѳденко, — сказалъ Подкованцевъ чиновнику: — а это тотъ самый его товарищъ Левенчукъ, что ограбили на-дняхъ вотъ ихъ, г. Панчуковскаго; доложите его превосходительству, что я ихъ сегодня выслѣдилъ, поймалъ и лично доставилъ.

Принесли фонари. Арестанты молча стояли. Чиновникъ сбѣгалъ къ градоначальнику.

— Въ мѣшокъ ихъ!—крикнулъ чиновникъ, воротившись:— велѣли ихъ въ острогъ вести, въ секретную.

— Прощайте, баринъ! За вами еще жалованье за два

мѣсяца! Не поминайте лихомъ; съ Амура писать буду!— крикнулъ Милоро̀денко Панчуковскому.

Подъѣхала въ тарантасѣ Оксана. Всѣхъ повели въ острогъ.

Градоначальникъ далъ полковнику слово сдѣлать арестантамъ допросъ въ ту же ночь и допытать ихъ о деньгахъ.

— Во всемъ сознаюсь, будьте спокойны!—развязно прибавилъ Милоро̀денко:—мнѣ вѣдь надо позаботиться о моемъ другѣ Левенчукѣ и о его пріятельницѣ-съ... Ихъ только спасите...

— Браво, браво!—сказалъ Подкованцевъ, уѣзжая въ гостиницу: — какъ мы скоро дѣло обдѣлали! За вами, полковникъ, теперь ужинъ.

— Не только ужинъ, цѣлое вамъ наслѣдство! Это вамъ лучшая пенсія за службу!

Отправились въ гостинницу. Туда вскорѣ явились частный приставъ, уголовныхъ дѣлъ стряпчій, два чиновника особыхъ порученій по казуснымъ дѣламъ. Подано шампанское, заказанъ лукулловскій ужинъ. Въ лучшій номеръ поданы карты. Завязался штосъ. Проиграли до яснаго бѣлаго дня, не вставая.

— А ваша супруга, полковникъ? Она до сихъ поръ здѣсь въ городѣ живетъ? — спрашивали подкутившіе собесѣдники.

— Дѣйствительно, моя жена, брошенная мною, пріѣхала сюда въ городъ. Но она обзавелась тутъ, господа, утѣшителемъ: какой-то учитель. Вы уже запоздали...

Всѣ захохотали. Еще цинически поострили надъ m-me Панчуковской.

Гости разошлись, пошатываясь. — «Вотъ чудная душа, этотъ Панчуковскій!» повторяли всѣ, уходя: «сейчасъ видно, и бонъ-виванъ, и настоящій аристократъ!..»

Утромъ весь городъ заговорилъ о случаѣ съ Панчуковскимъ, который сюда завертывалъ рѣдко и котораго здѣсь болѣе знали по слухамъ. Онъ являлся къ градоначальнику. Послѣдній оказался его знакомымъ по Петербургу и чуть даже не сверстникомъ по службѣ въ другомъ вѣдомствѣ. Главныхъ чиновниковъ Панчуковскій тоже объѣздилъ. Дѣло его закипѣло. Преступниковъ стали ежедневно допрашивать. Но тѣ вдругъ заперлись о деньгахъ, что никогда ихъ не видали и не грабили полковника.—«Зачѣмъ же вы бѣжали

отъ него?»—«Избавили украденную имъ у священника такую-то дѣвушку».

Шли толки о томъ, что дѣло принимаетъ новый видъ, что чуть ли Панчуковскій, сочиненнымъ слухомъ о пропажѣ денегъ, не думаетъ замять дѣла о собственныхъ похожденіяхъ съ воспитанницею священника.

Это говорила молодежь изъ чиновниковъ. Люди зрѣлые ударились на соображеніе, какъ выманить у преступниковъ сознаніе въ томъ, куда они спрятали такую чудовищную сумму. Слѣдователи входили въ секретную, заставали Оксану на соломѣ больную, молчаливую, Левенчука возлѣ нея, а Милорѳденка на колѣняхъ передъ образомъ: онъ молился и дѣйствительно, казалось, не былъ виноватъ ни въ чемъ изъ того, въ чемъ его винили.

Прошло двѣ недѣли. Полковникъ начиналъ вопить о медленности нашихъ допросовъ, доказывалъ, что мы рано бросили пытку...

Въ обѣдъ въ номерѣ Панчуковскаго сходилась вся городская аристократія. Кушали, играли въ карты, пили. Передавали слухи и о дѣлѣ, и объ арестантахъ. Прокуроръ сообщалъ постоянно всѣ новости о нихъ: о чемъ они сегодня говорили, какія данныя вновь сообщали.

— Жаль эту дѣвушку, — говорилъ иногда прокуроръ:— она такая тихая, скромная, все плачетъ; и возлюбленный ея, кажется, малый смирный и жилъ прежде честно. Они, впрочемъ, назвались намъ мужемъ и женою на допросѣ.

— Вотъ это забавно.—сказалъ Панчуковскій.

— Да, вы не вѣрите, мы собрали справки—и точно, они обвѣнчались послѣ поимки ихъ, у этого самаго вашего священника, отца Павладія, гдѣ она жила воспитанницей.

— Чудеса! какъ скоро успѣли!

— Зато ихъ коноводъ, Милорѳденко этотъ, вамъ, Владиміръ Алексѣичъ, настолько близкій,—существо непостижимое! Онъ во всемъ сознался: и въ занятіи контрабандой, и въ связяхъ съ нахичеванскими фальшивыми монетчиками, а въ грабежѣ вашихъ денегъ не сознается!

— Нельзя ли какъ, хоть однимъ глазомъ, посмотрѣть на этихъ арестантовъ?—спрашивали прокурора частные посѣтители полковника.

— Меня одна дама просила на Милорѳденка взглянуть.

— Меня просила моя невѣста взглянуть на эту дѣвушку, нашу героиню!

— Нельзя, господа, нельзя теперь никакъ!

— А когда же?

— Дня черезъ три можно.

— Слово? честное слово? Отчего же черезъ три дня?

— Честное и благородное, вотъ вамъ моя рука; самъ я и поведу. Имъ кончится тогда весь предварительный допросъ. Туда же я, къ вашимъ героямъ, посадилъ и нашего другого героя...

— Кого, кого?

— Пѣночкина, дезертира, вы слыхали? Этого разбойника съ Сиваша! Онъ на прошлой недѣлѣ взятъ подъ шинкомъ Лысой-Ганны и доставленъ сюда, по соприкосновенности въ главныхъ преступленіяхъ съ нашимъ городомъ. Такъ я и его вмѣстѣ къ Милороденкѣ и Левенчуку посадилъ. Имъ данъ теперь лучшій и надежнѣйшій казематъ во второмъ этажѣ, рядомъ съ башнею. Небось, не уйдутъ.

— Есть же что-нибудь еще новое о деньгахъ?

— Завтра преступникамъ послѣдній допросъ, сегодня они какъ-то взволнованы отъ моихъ розысковъ и просили ихъ отложить. Завтра, завтра на-утро все рѣшится. Имъ поставится главная улика—жидъ Лейба изъ шинка Лысой-Ганны. Онъ видѣлъ Милороденка и Левенчука въ день ихъ побѣга отъ полковника, и они ему показывали какой-то чемоданъ. По справкамъ и примѣтамъ это чемоданъ полковника.

— Такъ мнѣ, выходитъ, еще ожидать?—спрашивалъ полковникъ.

Его начинало мучить; онъ чувствовалъ, что дѣло его гибнетъ.

— Дня два еще подождите, вѣдь дѣло идетъ не о десяти рубляхъ. Сами будете и слѣдить завтра за допросомъ и открытіемъ вашей покражи.

Панчуковскій со вздохомъ принялъ предложеніе прокурора, освѣдомился о городскихъ удовольствіяхъ того дня и узналъ, что въ городѣ въ тотъ вечеръ былъ театръ. Онъ взялъ билетъ и пошелъ туда почти нехотя.

Ему не очень весело сидѣлось въ театрѣ. Играли какой-то избитый водевиль. Къ нему подсѣлъ секретарь градоначальника, правовѣдъ и франтъ, пустота и неизвѣстно почему желавшій казаться близорукимъ. — «Что вы подѣлы-

ваете?»—спросилъ онъ.—«Хочу выписать изъ-за границы себѣ на содержаніе итальянку».— Острота эта пошла по театру.

Въ концѣ представленія нежданно пронеслось между зрителями волненіе. Вошелъ въ партеръ блѣдный полиціймейстеръ-молдаванинъ. Окинувъ залу смутнымъ взоромъ, онъ не сѣлъ на свое мѣсто, а подошелъ сперва въ первомъ ряду креселъ къ городскому головѣ, ему что-то сказалъ, голова сейчасъ оставилъ театръ; потомъ полиціймейстеръ вошелъ въ ложу градоначальника, куда уже передъ тѣмъ по пути заходилъ; и съ нимъ тотчасъ также уѣхалъ изъ театра.

— Что такое, что случилось?—шушукали зрители:—пожаръ, что ли?

— Опять отличилась наша полиція: всѣ главные арестанты бѣжали, два часа назадъ, изъ острога!— отвѣтилъ кто-то вполголоса въ креслахъ.

Панчуковскій вздрогнулъ, всталъ, подошелъ, задыхаясь, къ разговаривавшимъ. Занавѣсъ въ это время опустился. Никто не аплодировалъ. Всѣ занялись роковою вѣстью. Вокругъ секретаря градоначальника столпился весь партеръ.

— Они подняли половицу подъ нарами въ казематѣ,—говорилъ, щурясь и лорнируя ложи, секретарь, слышавшій разговоръ головы съ полиціймейстеромъ:— распиливъ ее гвоздемъ изъ оконницы, стали каждую ночь опускаться подъ полъ; между поломъ верхняго этажа и сводомъ нижняго проникли въ башню, запертую у насъ, какъ извѣстно, въ острогѣ, за негодностью съ давнихъ поръ, сошли по лѣстницѣ башни внизъ, начали копаться подъ стѣну башни, прокопались подъ наружною оградою, и сегодня главные, а за ними и остальные ушли. Они копали нагишомъ, а землю въ рубашкахъ таскали и разсыпали подъ полами. Тамъ вся команда рыщетъ теперь съ фонарями; погоня поскакала...

— Кто убѣжалъ?—спросилъ Панчуковскій, еще не вѣря своимъ ушамъ.

Голосъ его дрожалъ. Въ глазахъ у него помутилось.

— Всѣ главные воры и негодяи: Пѣночкинъ, напримѣръ, да и ваши-то... да-съ... Милорѝденко и Левенчукъ, а съ ними тоже и эта, знаете, полковникъ, женщина... Нашъ бѣднякъ полиціймейстеръ совсѣмъ потерялся. Генералъ велѣлъ поднять на ноги всѣ городскія полицейскія силы...

Шумно разнеслась по городу ошеломляющая вѣсть.

Панчуковскій безъ памяти выскочилъ изъ театра. Извозчиковъ уже публика разобрала. Онъ почти побѣжалъ въ свою гостиницу. По дорогѣ, у одного освѣщеннаго дома онъ остановился перевести духъ. Изъ полуоткрытаго окна неслись звуки рояля. Пѣлъ чей-то пріятный женскій голосъ. У воротъ стояла щегольская пролетка; кучеръ дремалъ, завернувшись въ армякъ.

— Чьи лошади?

— Учителя. А вамъ что?

— Какого?

— Головы-съ...—отвѣтилъ кучеръ, увидѣвъ на Панчуковскомъ кокарду и приподнимая шапку.

— Кто вашъ учитель?

— Михайловъ, Иванъ Аполлонычъ.

Панчуковскаго озадачило.

— Изъ Одессы? бывшій студентъ? что̀ у Шутовкина въ томъ году жилъ?

— Такъ точно-съ.

— А у кого это онъ? Квартира тутъ чья? Я что-то не разберу...

— Настасьи Васильевны-съ, полковницы Панчуковской-съ...

Панчуковскій отскочилъ. Изъ окна въ это время раздался голосъ.

— Сафронъ, ты тутъ? Подавай.

— Сейчасъ.

Не помнилъ Панчуковскій, какъ добѣжалъ до гостиницы.

«Такъ вотъ она, судьба-то, съ кѣмъ жена моя сошлась! — мыслилъ онъ: — правду же, значитъ, говорятъ городскіе толки! И она явилась искать со мной сближенія? Письма ко мнѣ писала, а теперь справки противъ меня собираетъ! Процессъ затѣваетъ»...

На столѣ въ номерѣ гостиницы онъ засталъ письмо исправника.

«Не я, Владиміръ Алексѣичъ, виноватъ, если вы сдались на здѣшнія городскія власти послѣ того, какъ я вамъ поймалъ вашихъ похитителей, и не протестовали противъ того, что они въ одномъ казематѣ соединили Левенчука, Милорѡденка и Пѣночкина, уже сидѣвшаго здѣсь въ острогѣ и прежде бѣжавшаго; въ эти дни они обдумали и исполнили

дерзкое, небывалое дѣло. Полиціймейстеръ тутъ кругомъ виноватъ. Но я опять предлагаю вамъ свои услуги. Теперь уже надо намъ самимъ дѣйствовать! Изъ ближайшей подгородной корчмы мнѣ сейчасъ донесли, что слѣдъ бѣжавшихъ показался по направленію къ Дону, къ гирламъ, и именно къ неводамъ купца Пустошнева. Тамъ мѣсто самое глухое и удобное для скрытія. Держите это пока въ строжайшемъ секретѣ; сейчасъ нанимайте тройку добрыхъ лошадей, возьмите съ собой оружіе, выпросите себѣ у генерала жандарма въ провожатые, переодѣньтесь получше и спѣшите ночью же ко мнѣ. Я васъ буду ждать въ сторонѣ отъ большой дороги, у трехъ кургановъ, называемыхъ могилою Трехъ-братьевъ, на девятой верстѣ. Посылаю съ нарочнымъ. Желаю отъ души успѣть.

Вашъ Подкованцевъ».

Панчуковскій съѣздилъ къ градоначальнику, выпросилъ себѣ въ провожатые жандарма-солдата, переодѣлся, досталъ у хозяина гостиницы охотничій штуцеръ, зарядилъ одинъ его стволъ картечью, а другой пулею, сѣлъ на приготовленную добрую тройку и поѣхалъ. Онъ платилъ щедро. Всѣ смотрѣли на него съ сожалѣніемъ.

Ужасъ пронималъ его при одномъ помышленіи, что всѣ его труды, усилія пропадали навсегда.

«Дуракъ я, дуракъ. Зачѣмъ я такъ надѣялся? можетъ-быть, деньги въ это время уже были бы у меня въ рукахъ! А я занялся городскими удовольствіями; на стѣны острога понадѣялся... двѣ недѣли ушло! Селедками бы покормить было, хоть черезъ сторожа, этихъ арестантовъ; за червонецъ эту пытку бы сотворили—и дѣло было бы въ шляпѣ».

Ночь была непроглядная. Вѣтеръ шумѣлъ. Дождь срывался. Панчуковскій подъѣхалъ къ девятой верстѣ, своротилъ влѣво. У могилы Трехъ-братьевъ его окликнулъ Подкованцевъ.

— У! я продрогъ! Вотъ бы теперь бювешки, колонель, если нѣтъ ничего поманжекать! Нѣтъ ли выпить чего? Что вы такъ опоздали?

— Вотъ вамъ бутылка рому, я захватилъ. Долго въ театрѣ я просидѣлъ, ваше письмо три часа меня ждало; не знали, гдѣ я!

XV.

Въ гирлахъ и плавняхъ на Дону.

Тройки тронулись рысью. Мѣсяцъ не вырѣзывался. Лошади бѣжали дружно. Многое думалось Панчуковскому. Онъ вспоминалъ лучшіе свои дни здѣсь, въ степяхъ, риски по хозяйству, волшебные барыни, любовныя похожденія, покражу минувшимъ лѣтомъ Оксаны, картины выдержанной имъ осады, замыселъ выписать себѣ итальянку, — невольно вспомнилъ и лица Милорòденки и Левенчука у своей кровати, въ ночь грабежа, городской театръ, музыку въ освѣщенномъ окнѣ и отвѣтъ опрошеннаго кучера. — «Она мнѣ измѣнила... тѣмъ лучше! Мнѣ легче будетъ жить по-старому! Но Михайловъ... помощникъ мой!.. Я этого не ожидалъ»...— Исправникъ гдѣ-то въ-потемкахъ останавливался, вылѣзалъ изъ телѣги, съ кѣмъ-то говорилъ, шушукался, и они опять ѣхали. — «Что за таинственныя отношенія здѣшнихъ земскихъ властей къ земству! — думалъ Панчуковскій: — тѣмъ лучше»...

Заря еще не занималась, когда обѣ тройки подъѣхали къ какой-то песчаной косѣ. Тутъ они перемѣнили лошадей, опять поскакали, опять смѣнили лошадей, уже невдалекѣ отъ тоней купца Пустошнева, и втянулись въ камыши. Пустошневъ былъ другъ Подкованцева, всегда ему помогалъ по службѣ. Но тони его, бывшія въ самыхъ донскихъ гирлахъ, особенно были пригодны для пристаней контрабандистовъ, по причинѣ ряда отмелей и островковъ за камышами, прилегавшихъ къ нимъ у взморья, и здѣсь-то часто совершались дѣла, по которымъ послѣ начинались грозныя и энергическія слѣдствія. Это было лакомое мѣсто для исправниковъ. Они же смотрѣли сквозь пальцы на передержку здѣсь бѣглыхъ.

— Вы потерпите тутъ, а я на минутку къ молодцамъ зайду! — сказалъ Подкованцевъ: — вы будьте спокойны, я далъ вамъ слово и сдѣлаю. Тутъ надо самимъ работать. Имъ негдѣ уже отсюда пройти, кромѣ вонъ того мѣста! Слышите, пароходъ тутъ гдѣ-то пыхтитъ... На это они навѣрное разсчитывать будутъ; не можетъ быть, чтобы они ушли безъ сильной помощи снаружи острога. Подумайте, Милорòденко располагалъ столько времени и такою огромною

суммою. Имъ здѣсь быть! Они затѣваютъ уйти въ чужіе края...

Исправникъ слѣзъ съ телѣги, накинулъ мужичью свиту, взялъ пистолеты и пошелъ. Панчуковскій приподнялся въ свой чередъ, посматривая кругомъ.

Исправникъ посовѣтовалъ ему еще втянуться въ гирла.

Панчуковскій двинулся въ чуть блѣдныхъ сумеркахъ.

— Да вы ступайте, братцы, за мной! — сказалъ исправникъ ямщикамъ: — тутъ дорога плоская, рытвинъ почти нѣтъ. Ступайте шагомъ, пока я крикну: тогда и остановитесь.

Подкованцевъ шелъ, чуть видный впереди, медленно подвигаясь между исполинскими камышами, то узкими, то широкими прогалинами. Дорога шла пескомъ. Скоро она пошла будто книзу. Подъ ногами лошадей стали плескаться лужи. По сторонамъ, среди нескончаемыхъ зарослей, дремучихъ, во всѣ стороны идущихъ камышей, то здѣсь, то тамъ мелькали бѣлыя полосы озеръ. Вербовыя вѣтви тронули впотьмахъ по лицу Панчуковскаго. Стало въ воздухѣ влажнѣе, но такъ же тепло, душисто и чутко. Легкій вѣтеръ зашелестилъ-было тростниками и затихъ. Туманъ и облака поплыли съ неба. Пояснѣло. Стало еще теплѣе.— «Это плавни!» — думалъ Панчуковскій, склонилъ голову и будто слегка вздремнулъ, усталый до-нельзя и качаемый ровными колебаніями легкой телѣги. Сквозь мгновенную дремоту онъ услышалъ издали тихій окликъ Подкованцева:— «Теперь стойте! Я скоро приду; надо опять своротить къ одной тутъ хаткѣ!»—открылъ глаза, потянулся и оторопѣлъ отъ чудной картины плавней, которая вдругъ развернулась передъ нимъ, будто выходя изъ какой-то дымки, изъ какого-то заколдованнаго тумана...

Солнце еще не показывалось. Но блѣдный отблескъ, предшествующій зарѣ, уже освѣщалъ въ разныхъ мѣстахъ окрестность.

Донъ, сливаясь съ притоками и дробясь самъ на множество рукавовъ, шелъ здѣсь уже непохожій на рѣку. Это было громадное пространство водъ, потопившихъ землю, холмы, луга и песчаные наметы, или, скорѣе, собраніе самыхъ разнообразныхъ рѣкъ, ручьевъ и островковъ, поросшихъ исполинскими камышами. Главной рѣки почти не было видно. То здѣсь, то тамъ, будто спѣша къ морю,

будто обгоняя другъ друга, справа и слѣва вырывались изъ чащи камышей новые ручьи. Луга и острова потопляются разливомъ гирлъ до начала жаровъ, и потому донскія плавни въ это время посѣщаются только рыбаками, да тѣми, кого нужда заставляетъ въ нихъ скрыться. Коегдѣ эти обнаженныя пространства, эти зеленѣющія вершинки, а большею частью сплошные песчаные кучугуры покрыты ольховникомъ, вербой и лозой. Сюда иной разъ, по брюхо въ водѣ, перегоняютъ на пастбище рогатый скотъ и лошадей. Но тучи мошекъ и комаровъ скоро прекращаютъ возможность къ такимъ перебродкамъ. Скоро всѣ плавни пустѣютъ. Развѣ иной бѣднякъ изъ рыбаковъ, бродя въ лабиринтѣ здѣшнихъ островов, озеръ, камышевыхъ зарослей и песчаныхъ мелей, броситъ сѣти и накоситъ на лодку для лошади полкопны сѣна или молодого зеленаго тростника.

Заря близилась.

Панчуковскій не могъ оторваться отъ картины гирлъ, шумящихъ, грохочущихъ и бѣгущихъ въ пѣнѣ и въ камышевыхъ холмахъ. Передъ нимъ въ ста шагахъ, за мелкимъ бродкомъ, стало выясняться огромное, тихое, свѣтлое, какъ зеркало, озеро. Это было не озеро, а тотъ же Донъ, въ концѣ долгаго пути завернувшій въ затишье трехъ песчаныхъ горбовъ и цѣлой дубравы лозъ и тростниковъ и легшій здѣсь на отдыхъ. По этому тиховоду шагала какая-то сѣрая тѣнь, съ длиннымъ носомъ. Вотъ заалѣлся въ первыхъ лучахъ свѣта у нея хвостъ; она повернулась... цапля. Пролетѣло новое дуновеніе вѣтра; вздохнуло утро. Съ разныхъ сторонъ опять отвернулись новыя завѣсы...

Тамъ опять открывается цѣпь мелкихъ, безконечныхъ островковъ. Здѣсь блеснули окраины краснаго, будто окровавленнаго, соляного озерка. Въ чащѣ лозы отозвалась лягушка, за нею другая, сотни, тысячи, и цѣлый разливъ болотныхъ стоновъ огласилъ воздухъ. А камыши открываются далѣе и далѣе, слились цѣлыми рощами, лѣсами, темные и величавые, шелестя широкими султанами и листьями. А вотъ раздался крикъ журавлей гдѣ-то далеко, далеко. Вправо мелькнули крылья мельницы, потопленной въ острова и лозы. Что-то шелохнулось въ воздухѣ и загудѣлъ далѣе и далѣе, будто откуда-то пронесся послѣдній отзвукъ неслышнаго пушечнаго выстрѣла. На самую телѣгу, въ

упоръ на Панчуковскаго, порхнувъ черезъ камыши, налетѣла какая-то легкая, длиннокрылая птичка. Свободная и дышащая испугомъ и влагою, она робко и ясно взглянула въ его глаза своими круглыми мерцающими глазами и въ два взмаха опять взвилась и унеслась въ нескончаемые ряды камышей, островозъ и журчащихъ, неумолкаемо-бѣгущихъ ручьевъ. Панчуковскій спросилъ своего жандарма:

— Бывалъ ты здѣсь?

— Какъ не бывать!

— Много рыбы тутъ ловится?

— Всякая бываетъ: бычки, синецъ, бѣлизна, осетры, стерляди, баламутъ, значитъ, мутящій сельдь, онъ воду мутитъ...

Панчуковскій взглянулъ впередъ. За тиховоднымъ озеромъ, по которому, незадолго прогуливаясь, прошла покинувшая сонъ цапля, небосклонъ сталъ еще яснѣе.

Небо вдали, наконецъ, подернулось отблескомъ зари. На окраинѣ небосклона, за камышами, перебѣгали бѣлые зайчики. Что-то особенно раздольно шумѣло. То море вдали пѣнилось и бурлило у береговъ, обдавая песчаные наносы широкихъ гирлъ кудрявымъ бѣлымъ прибоемъ. Вѣтеръ еще не смолкъ. Чайки съ крикомъ носились по темному еще взморью. Влѣво выходили изъ тумана чуть видныя мачты судовъ, шедшихъ всю ночь по морю подъ парусами или стоявшихъ въ-разброску у неводскихъ пристаней по Дону. Вправо виднѣлись верхушки рыбацкихъ землянокъ, крошечный домикъ купца Пустошнева, курени по притокамъ Дона. Съ нѣкоторыхъ крышъ поднимался уже дымокъ.

Воротился, запыхавшись, Подкованцевъ. Онъ велъ на поводу осѣдланную лошадь.

— Помилуйте, мнѣ совѣстно, право! Чѣмъ я васъ достойно отблагодарю? Вы спасаете мое состояніе, честь, жизнь мою, и все сами дѣлаете!—сказалъ Панчуковскій.

— Помилуйте, ничего! здѣсь иначе нельзя. Другой тутъ бы армію понятыхъ потребовалъ, казацкую команду, а я все самъ. Видите, какія мѣста. Здѣсь я недавно чаи открылъ: люди Пустошнева мнѣ всѣ покорны. Между нами сказать, я дѣлюсь съ ними законными призами. Меня тутъ безъ нихъ чуть-было не изрубили на первыхъ порахъ греки-контрабандисты. Когда-нибудь, какъ счастливо обдѣлаю ваше дѣло, покажу вамъ: у меня плечо перерублено. Ка-

жется, въ такихъ исторіяхъ когда-нибудь-съ пропаду, какъ собака...

— Что же наше дѣло?—спросилъ съ лихорадочнымъ трепетомъ полковникъ.

— Шш! берегитесь извозчиковъ! Они насъ не знаютъ! думаютъ, что мы простые полицейскіе сыщики по контрабандѣ. Сидите же, сидите, камрадъ, тутъ; приказчикъ мнѣ другую лошадь далъ тамъ! Давайте еще бювешки—надо допить бутылочку этого рому! Если что надъбно будетъ, я выстрѣлю изъ пистолета, тогда вы скачите ко мнѣ. Они уже здѣсь гдѣ-то, вѣрно вонъ въ тѣхъ трясинахъ ждутъ; на зарѣ, какъ замѣтили наши сыщики, какіе-то люди съ больною женщиной подходили къ куренямъ. Это они, они; имъ негдѣ пройти, какъ здѣсь... Я разослалъ стражу по берегамъ, верховыхъ и пѣшихъ, чтобъ не дать имъ сѣсть гдѣ-нибудь на дубъ или на лодку и не удрать къ пароходу. Вонъ, видите, какое-то паровое судно стоитъ, да еще, кажется, англійское. Они тутъ смѣло теперь шляются. Тамъ, должно-статься, мы ихъ и накроемъ... Ночью буря гдѣ-то была, а здѣсь сильное волненіе; ихъ вѣрно не приняли на лодку... У меня на все есть открытые листы...

Подкованцевъ, одѣтый мужикомъ, но съ пистолетами подъ армякомъ, побѣжалъ снова камышами.

Панчуковскій скинулъ тулупъ, остался въ одномъ сѣромъ простомъ кафтанѣ, сѣлъ верхомъ на приведенную довольно крѣпкую лошадку, перекинулъ черезъ плечи гостиничный штуцеръ, врѣзался еще глубже въ болѣе высокіе и густые камыши и сталъ ждать. Кругомъ уже ярко сіяли озерки и трясинныя болота. Дичь начала стрекотать, кричать и стонать на всѣ лады. Гуси загоготали невдалекѣ, поднялись громадною стаей и съ звонкими перекликами потянулись къ морю. Панчуковскій ждалъ, соображая свое положеніе. Ему невольно опять представился брошенный Петербургъ, модный свѣтъ, балетъ, Невскій проспектъ, блистательные товарищи. Онъ взглянулъ на своего вислоухаго пегаса, на свой дырявый сѣрый кафтанъ, помыслилъ, что черезъ полчаса онъ можетъ сдѣлаться окончательно банкротомъ, чуть роковымъ бѣглецамъ какимъ-нибудь волшебнымъ, нежданнымъ оборотомъ дѣла, удастся уйти съ берега. «А остальному свѣту нѣтъ до меня дѣла! Гдѣ рѣшается моя судьба!..» Яснѣло болѣе и болѣе. Возлѣ неводскихъ куреней задвигался

народъ. Какіе-то пѣшіе побѣжали ко взморью; какіе-то всадники поскакали...

Панчуковскій невольно въ это мгновеніе подумалъ:

«Что, если все погибнетъ, если ихъ не поймаютъ, и мои деньги, все мое состояніе пропадетъ, исчезнетъ безъ слѣда навѣки? Что, если будетъ свалка, меня кликнутъ сигналомъ, я поскачу и меня убьютъ? Будь, что будетъ! Я пожилъ, повеселился. Я ловилъ каждое мгновеніе жизни, пилъ сладость изъ каждаго цвѣтка, бросая его потомъ, какъ негодный. Убьютъ—туда мнѣ и дорога! Смерть разъ бываетъ въ жизни. Ну, значитъ, такъ и на роду было написано. Жилъ въ деревнѣ у отца, потомъ въ Петербургѣ, потомъ женился, состояніе взялъ; жена надоѣла, жену бросилъ, сюда пріѣхалъ—жизнью поживиться на этомъ раздольѣ, — тутъ выходитъ и конецъ. А если не убьютъ?.. Если не убьютъ, а возьмутъ одно состояніе, все состояніе, какъ есть, всѣ до единаго средства къ жизни... что̀ тогда? Вотъ любопытно: хватитъ ли у меня силы воли избавиться лично, собственною охотою, отъ такого позора и униженія? Хватитъ ли у меня ума, безумія, горячки, покончить эту шутку... самоубійствомъ? Позоръ послѣ роскоши, цѣпи и нищенская сума послѣ воли и счастья!..»

Раздался чуть слышный сигнальный выстрѣлъ. Дымокъ забѣлѣлъ надъ песчаными откосами.

— А! сигналъ! Подкованцевъ не вретъ. А я уже началъ думать, не возьметъ ли онъ взятки съ того же Милоро̀денка и не пропуститъ ли его: теперь у соперника моего денегъ больше! Двѣсти тысячъ!.. О двухъ-стахъ тысячахъ идетъ дѣло, а въ этой пустынѣ ихъ спасаютъ всего двое: я, да самъ исправникъ...

Владиміръ Алексѣевичъ поскакалъ на выстрѣлъ, въ перерѣзъ бѣжавшимъ вдали по берегу людямъ. Едва онъ выскочилъ изъ лимана, пробѣгая донскія гирла и плавни, и поднялся на возвышенную, плоскую прибрежную отлогость, чудныя картины опять, какъ нарочно, открылись передъ нимъ. Утро заливало уже море алыми лучами...

Поморская послѣдняя ширь и гладь разстилалась, синѣя, во всѣ стороны. Кое-гдѣ по зеленымъ буграмъ и песчанымъ косогорамъ мелькали бѣленькіе придонскіе хутора и побережныя слободки. Дикая, суровая и бѣдная растительность, между песчаными долинами и наметами, сверкала въ блест-

кахъ утренней росы. Солнце выкатывалось слѣва, со стороны кавказскаго небосклона, гоня послѣдніе волнистые туманы и выясняя болѣе и болѣе, пышнѣе и пышнѣе, берега, суда, камыши, плавни и синее хмурое море. Бойкій донской конёкъ скакалъ во всю прыть по знакомой, родной равнинѣ. Панчуковскій пришпоривалъ лошадь и напряженнымъ взоромъ слѣдилъ вдали какую-то непонятную суматоху. Сновали люди у берега: кто-то махалъ шапкою, звалъ другихъ, голоса уже слышались...

— Что тутъ? гдѣ, гдѣ?—закричалъ Владиміръ Алексѣевичъ, доскакавъ на высокій пригорокъ и съ него окидывая глазами все кипѣвшее еще отъ ночного вѣтра взморье.

— Вона, эвона!—отвѣчали неводчики, почесываясь и не узнавая въ подъѣхавшемъ сѣрокафтанникѣ барина, да еще и полковника.

Они указывали на берегъ, гдѣ кто-то садился въ лодку, суетливо понукая гребцовъ, упиравшихся веслами и не хотѣвшихъ ѣхать.

Панчуковскій поскакалъ туда. Это былъ Подкованцевъ.

— Я исправникъ,—кричалъ послѣдній обезумѣвшимъ отъ досады и бѣшенства голосомъ: — я исправникъ, подлецы! Везите, везите меня! Вотъ они...

— Кто, кто?—спросилъ Панчуковскій, кружась на разгорячившемся конѣ.—Да отвѣчайте же, Бога-ради? Кто?

Исправникъ отбилъ лодку, вырвалъ у одного изъ гребцовъ, едва стоявшихъ съ-пьяну на ногахъ, весло и оттолкнулся отъ берега.

— Наши, наши вонъ, на баркасѣ ѣдутъ, уже къ пароходу спѣшатъ. Проклятый край! Анаѳемскій край! Эти олухи такъ и не даютъ лодки; да развѣ я бѣглый какой! Исправникъ тутъ пѣшка ничтожная; на сотни верстъ раскинуты притоны мошенниковъ, а тебя никто не слушаетъ. Они споили за ночь этихъ олуховъ. Тутъ всѣ заодно!

Панчуковскій увидѣлъ на парусномъ дубѣ знакомцевъ: Милорденко, Пѣночкинъ и Левенчукъ гребли; Оксана, укутанная платкомъ, сидѣла на кормѣ. Гребцы на дубу были, очевидно, не русскіе, изъ грековъ или турокъ. Поднимался опять свѣжій вѣтеръ. Прибой былъ сильный. Дубъ относило влѣво къ берегу. Исправника теченіемъ потащило вправо. Подкованцевъ оралъ на бѣжавшихъ по берегу другихъ неводчиковъ, звалъ ихъ, божился о чемъ-то, колотилъ себя

въ грудь, ругался... Дубъ сталъ заходить за бугорокъ на мели.

Владиміръ Алексѣевичъ выждалъ, соскочилъ съ лошади, ухватилъ штуцеръ, спустился на колѣно, прицѣлился въ дубъ изъ штуцера и выстрѣлилъ сперва картечью, а потомъ пулей. Дубъ былъ шагахъ въ трехстахъ отъ берега. Картечь засвистѣла по волнамъ... Гребцы на дубу съ насмѣшкой поклонились. Пуля также никого не зацѣпила. На дубу путники сперва засуетились-было, но стали опять спокойно смотрѣть на берегъ.

«Лодокъ, лодокъ!»—оралъ Подкованцевъ, бывшій самъ, какъ извѣстно, когда-то во флотѣ, и выбивался изъ силъ, гребя однимъ весломъ: «лодокъ! Тутъ участь человѣка гибнетъ, моя служба пропадаетъ!»

Съ берега, изъ гирлъ, справа потянулись востроносыя лодочки. Ихъ кидало, какъ пробки, по волнамъ. На иностранномъ пароходѣ разводили пары.

Дубъ, подхваченный попутнымъ вѣтромъ, распустилъ парусъ и, выбравшись изъ-за прибрежья, пошелъ быстрѣе. Плывшихъ на немъ уже трудно было разглядѣть. Къ Панчуковскому, также почесываясь, подошелъ неводскій приказчикъ и узналъ въ немъ барина.

— Вѣрно тульское-съ, простое ружье у васъ?—спросилъ онъ, снимая шапку:—либо вы промахнулись, ваше высокоблагородіе! А лошадка вынесла васъ хорошо...

— Нѣтъ, я, кажется, кого-то зацѣпилъ. Однимъ, кажись, меньше на дубу стало. Я что-то не вижу хорошо. Неужто не успѣютъ обогнать ихъ наши береговыя лодки? И отчего тутъ пушекъ нѣтъ?

Приказчикъ наставилъ ладонь къ глазамъ.

— Всѣ, баринъ, всѣ цѣлы на дубу; я ихъ считалъ, когда они садились вонъ за тою косою. Это албанскій пароходикъ, подъ аглицкимъ флагомъ: переселяющихся татаръ-съ всѣ эти дни тутъ неподалеку забиралъ и ногайцевъ изъ дальнихъ ауловъ, а нынче ему идти. Пушекъ же, баринъ, не наставишься вездѣ: ишь, наша Рассея-то раскинула свои границы!

— Да развѣ туда бѣглыхъ допускаютъ, позволено береговою стражей?

— Всяко бываетъ, баринъ, всяко... даже...

Послѣднихъ словъ приказчикъ не договорилъ. Дубъ стало

опять гнать къ берегу. Ему въ-перерѣзъ поплылъ Подкованцевъ. Вдругъ на дубу сверкнулъ огонь, дымокъ заклубился. Что-то зашурчало въ воздухѣ. Панчуковскій ахнулъ: Подкованцевъ навзничь перекинулся съ своей лодки черезъ бортъ. На берегъ, гдѣ стоялъ Панчуковскій, началъ сбѣгаться народъ. Исправникъ былъ убитъ наповалъ; дубъ поплылъ далѣе; новый порывъ вѣтра, сидѣвшіе на дубу зашевелились, распустили другой парусъ и направились къ пароходу; лодки ихъ не догнали. Пароходъ тронулся и пошелъ на всѣхъ парахъ.

— Мертвый, ваше высокоблагородіе, — сказалъ другой жандармъ, когда сторожевыя лодки привезли на берегъ бѣднаго Подкованцева и положили его на песокъ:—черепъ вонъ своротило. Видно, пуля-то у разбойниковъ аглицкая-съ, да и штуцеръ дальнобитный. Шаговъ на полторы тысячи хватилъ и задѣлъ ловко-съ; на прицѣлъ такъ по волѣ не возьмешь,—я самъ въ ратникахъ въ Севастополѣ былъ... Ахъ ты, горе какое! Ахъ-ахъ!..

Полковникъ стоялъ, не помня, что̀ вокругъ него дѣлалось. Явились сосѣдніе сотскіе. Произведена по береговой стражѣ тревога. Посланы гонцы въ городъ. Оттуда казенный пароходъ къ вечеру пустился въ погоню за названнымъ транспортнымъ пароходомъ. На высотѣ Керчи, въ проливѣ, его догнали, остановили, осмотрѣли. Работалъ телеграфъ. Но острожныхъ бѣглецовъ на томъ пароходѣ не оказалось. Ночью и на другой день былъ дождь. Пользуясь туманомъ, вѣроятно, бѣглецовъ гдѣ-нибудь высадили на кубанскій, волновавшійся тогда, берегъ, либо на другое иностранное судно. На этомъ же албанскомъ пароходѣ сидѣли только грязные, въ лохмотьяхъ, ногайцы и часть переселяющихся въ Турцію побережныхъ татаръ.

Такъ было донесено градоначальнику.

— А деньги, мои деньги?—вопилъ Панчуковскій, оставшись еще въ городѣ. Всѣ пожимали плечами. Остальныхъ, незначительныхъ острожныхъ бѣглецовъ вскорѣ переловили. Тѣ далеко не пошли: всѣ поймались по сосѣднимъ кабакамъ.

Тѣло Подкованцева привезли въ городъ. Панчуковскій разсказалъ любопытствующимъ свое дѣло.—«Какою жалкою и позорною смертью умеръ бѣднякъ Подкованцевъ!» толковали горожане и знакомые. «А достойный былъ человѣкъ!

Отъ руки каторжниковъ, бѣглыхъ, жизнь кончилъ! Этого у насъ еще не доставало! А еще отставить хотѣли такого достойнаго человѣка!..»

Имя полковницы Панчуковской, урожденной Перепелицыной, стало между тѣмъ произноситься всюду въ городѣ, сдѣлалось моднымъ именемъ. Къ ней являлся съ визитомъ полиціймейстеръ, градоначальникъ пожелалъ съ ней познакомиться. А до той поры, всю осень и зиму она тщетно всѣхъ просила, хлопоча о раздѣлкѣ или примиреніи съ мужемъ.

— Да она, говорятъ, глупенькая! — толковали городскія дамы: — она купеческая дочка, что ли? Ее Панчуковскій, говорятъ, бросилъ изъ-за какой-то ея измѣны.

— Таковъ онъ, чтобъ жена у него измѣняла! Это онъ ей ежечасно измѣнялъ и теперь измѣняетъ...

— А ея романъ съ этимъ учителемъ?

— Какой вздоръ! Михайловъ уроки ея дочери даетъ... Вѣдь это теперь артистъ; слышали вы, какъ онъ играетъ? Въ одинъ годъ чудеса сдѣлалъ! Онъ ея дочку училъ играть, а матери давалъ уроки пѣнія...

— Такъ, такъ!—говорили недовѣрчиво, качая головами, словоохотливыя мѣстныя дамы.—Значитъ, они дуэты страстные вмѣстѣ распѣваютъ? Спекуляціи же вашъ артистъ оставилъ?

— Бросилъ совершенно: онъ теперь собираетъ и записываетъ украинскія народныя пѣсни, кладетъ на музыку и хочетъ издать, — и оперу пишетъ на какую-то малороссійскую повѣсть Гоголя. Дарованіе замѣчательное...

Нежданно-негаданно явился въ городъ священникъ отецъ Павладій и привезъ прямо въ домъ градоначальнику найденный кѣмъ-то въ оврагѣ, при снятіи стога, чемоданъ. Въ чемоданѣ были деньги. Панчуковскій опять-было окрылился; но отъ высшей власти изъ Петербурга явилось секретное предписаніе наложить арестъ на все имущество Панчуковскаго, а его обязать подпиской не выѣзжать изъ города. Друзья жены полковника ожили. За то онъ снова и окончательно потерялся. Новая-Диканька также ускользала. Ему посовѣтовали обратиться въ сенатъ. Полковникъ, однако, поговоривъ съ судьей, одѣлся и полетѣлъ къ своей женѣ съ предложеніемъ мировой. Голова его горѣла. Сердце било тревогу.

— Настасья Васильевна, прости меня! — сказалъ онъ, входя къ ней и опускаясь на колѣни. Дочка его выбѣжала съ куклой изъ гостиной, увидѣла незнакомаго ей человѣка и остановилась.—Прости меня, Настенька! Я много передъ тобою виноватъ: я тебя обидѣлъ; Господь меня наказалъ— прости для нашего ребенка!..

Въ это время изъ гостиной вышелъ прокуроръ.

— Я давно хлопочу за васъ, полковникъ,—сказалъ онъ:— это вещь болѣе невозможная: по личному ходатайству вашей жены, брошенной вами болѣе девяти лѣтъ, ей выслали разводную.

Въ городѣ продолжали толковать о неясныхъ отношеніяхъ Панчуковскаго къ его женѣ. Ихъ печальный романъ еще не давалъ многимъ пытливымъ головамъ спокойно спать. Какъ всегда водится, образовались два кружка: одинъ стоялъ за мужа, другой за жену. Одни говорили: «мужъ извергъ!» другіе: «хороша и жена! Она вотъ что̀, вотъ что̀ и вотъ что̀ дѣлала!» Толки, разумѣется, вскорѣ приняли новый соблазнительный оттѣнокъ. Говорили, попрежнему, что у госпожи Панчуковской не только здѣсь, но и въ Моршанскѣ, были тайные и явные любовники, что ее здѣсь весь городъ съ этой стороны узналъ, что даже торговки стали о ней легко относиться. Именно, будто кто-то подкутилъ и крикнулъ какъ-то: «извозчикъ, къ полковницѣ! знаешь?»— «Какъ не знать полковницы, извольте!» — Такъ будто бы нагло и свободно отвѣтилъ городскому пьянчужкѣ-офицеру извозчикъ. Сторона мужнина приводила другіе примѣры. «Коли такъ, то отчего же не измѣнять и самому Панчуковскому? Вотъ онъ услышалъ о поведеніи жены; можетъ-быть, и помириться съ ней былъ бы не прочь, — а молва о ней пошла, онъ на зло ей и вспомнилъ опять старину—съ цыганками сталъ водиться, неприличный пикникъ за городомъ съ чиновниками затѣялъ...»—«А ограбить жену?»—«Что же тутъ состояніе? Найденныхъ въ стогѣ денегъ ему не возвратили. Наложили секвестръ и на его хутора. Да развѣ это что-нибудь значитъ? Онъ подалъ апелляцію въ сенатъ, а самъ переѣхалъ въ Новую-Диканьку. Что же изъ того, что они подвели противъ него такіе подкопы? Что, наконецъ, изъ того, что онъ на женины деньги всѣ дѣла повелъ, на нихъ купилъ и хуторъ? Это уже ихъ счеты, ихъ... И намъ между нимъ и женою дѣла никогда не рѣшить!»

Эти толки длились не долго. Городъ вскорѣ былъ пораженъ послѣднею и общею прискорбною вѣстью...

Владиміра Алексѣевича Панчуковскаго его дворовые, вновь нанятые люди, подняли убитымъ на ярмаркѣ въ Андросовкѣ. Смертельный ударъ ему былъ нанесенъ неизвѣстно кѣмъ въ переулкѣ, въ концѣ ярмарочнаго дня. Оказалась разбитою голова: кто-то съ непомѣрною силою ударилъ его сзади чѣмъ-то въ родѣ гири. Началось шумное слѣдствіе. Взяли подъ допросъ всю его дворню. Чиновники-дѣльцы не открыли, однако, ничего, что̀ бы наводило на вѣрную причину убійства Панчуковскаго; полагали, что въ противозаконномъ передержательствѣ безпаспортныхъ людей надобно было искать главной и ближайшей причины насильственной смерти полковника. «Что вы, господа, вздоръ несете!—перебивали ихъ чиновники изъ молодого поколѣнія:—да его бѣглые слуги ему служили получше многихъ крѣпостныхъ! Они его столько разъ сами спасали»... — «Ну, счастливъ и Подкованцевъ, что погибъ отъ этого слѣдствія. Мы бы и его запроторили туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ! Онъ былъ главная опора бѣглымъ».

Господа чиновники, однако, скоро получили приказанія не фантазировать на предметъ мнимой виновности бѣглыхъ изъ дворни полковника, не ссылать ихъ и не тѣснить, а судить, какъ всѣхъ людей на свѣтѣ, ожидая дальнѣйшаго рѣшенія о припискѣ ихъ къ мѣсту осѣдлости.

Кто-то принесъ въ гостиную градоначальника такое извѣстіе:

— Бѣдная Панчуковская! Да дайте ей, наконецъ, средство вырваться изъ этой тины сплетенъ и пересудовъ. Скоро ее станутъ винить и въ смерти мужа, тогда какъ дѣло оказывается иное...

— А что? развѣ есть что-нибудь новое?..

— Какъ же-съ! Полковника убили, это вы знаете. Пойманъ нѣкто Петрушка Козырь, крѣпостной лакей покойнаго отца Панчуковскаго, жившій при женѣ полковника и бѣжавшій отъ нея по дорогѣ сюда, какъ вы вѣрно слышали. Онъ любилъ барыню, служилъ ей вѣрой и правдой десять лѣтъ, а бѣжалъ, узнавъ, что ему опять было суждено попасть къ барину... Вѣрно, солоно было и у батюшки полковника всей семьѣ Козыря. Братъ Петра этого, Касьянъ Козырь, бѣжалъ сюда давно, еще отъ батюшки полковника.

По справкамъ теперь оказалось, какъ бы вы думали, что? оказалось, что этотъ Касьянъ нѣкогда съ малюткой-дочерью шелъ сюда, былъ на дорогѣ зарѣзанъ, умеръ въ Таганрогѣ въ госпиталѣ; его дочь попала въ воспитанницы священника, на Мертвой,—она-то послѣ и была похищена полковникомъ... Петрушка же Козырь на-дняхъ былъ пойманъ, бѣжалъ изъ квартиры становаго пристава, гдѣ на справкахъ и допросахъ узналъ судьбу своего погибшаго брата Касьяна и его дочери,—да, не долго думая, стакнулся еще вѣрно съ Левенчукомъ, явился на ярмаркѣ, нашелъ въ толпѣ покупателей полковника, подстерегъ его и убилъ наповалъ, изъ-за угла въ переулкѣ...» — «Гдѣ же дѣлся убійца?»— Исчезъ безъ слѣда».

Въ концѣ іюня, послѣ смерти полковника, жену его ввели во владѣніе всѣмъ его имѣніемъ. Шульцвейнъ предложилъ мадамъ Панчуковской уступить ему земли, постройки и всѣ обзаведенія съ движимостью на Новой-Диканькѣ. — «Вамъ теперь, безъ энергіи покойнаго вашего мужа, не управиться съ этимъ имѣніемъ. А у меня есть свободный капиталъ, и я поведу дѣло выгоднѣе, уплативъ вамъ за все наличными».— Бѣдная и измученная Настасья Васильевна съ радостью продала Новую-Диканьку, переуступила Шульцвейну и аренду мужа по другой землѣ, гдѣ были овчарни и знакомая читателю «пустка»—мѣсто первой сцены ея мужа съ Оксаной: расплатилась съ своими моршанскими кредиторами; продала нѣмцу и заграничный фаэтончикъ, съ четвернею новыхъ бойкихъ донцаковъ, возившихъ ея мужа постоянно вскачь, простилась съ сосѣдями и уѣхала обратно въ Моршанскъ.— «Климатъ на югѣ Россіи невыгоденъ оказался полковницѣ,— толковали горожанки: — иначе бы она не уѣхала».—«Нѣтъ, это не то!»—толковали мужчины, зараженные и здѣсь спорами новѣйшихъ публицистовъ: — «пора для частной дѣятельности мужского пола высшихъ сословій на Руси настала а для женщинъ еще не пришла. Да будь живъ полковникъ, такъ и онъ, кажется, долго не протянулъ бы своихъ предпріятій. Оборвись еще у него два-три дѣла, въ родѣ поѣданія саранчею его степей, и онъ навѣрное черезъ годъ опять бы служилъ въ коронной службѣ. Эти акціонерныя компаніи, эта губернская провинціальная дѣятельность нашихъ передовыхъ людей — только повѣтріе. Увидите, всѣ

наши новѣйшія стремленія и такъ называемый собственный трудъ кончатся однимъ: наши имѣнія, фабрики, лѣса, земли и воды... всё здѣсь скоро попадетъ въ аренду либо къ нѣмцамъ, либо къ жидамъ»...

Черезъ мѣсяцъ, вслѣдъ за Панчуковскою, уѣхалъ въ Моршанскъ и Михайловъ. Прошелъ слухъ, что онъ еще въ Новороссіи сдѣлалъ ей предложеніе и по смерти ея мужа получилъ отъ нея слово.

Недавно чуднымъ, теплымъ, чисто украинскимъ денькомъ по обычаю подарила осень южныя степи. Солнце, слегка будто отуманенное, грѣло по-лѣтнему. Паутина летѣла во всѣ стороны. Въ полѣ было тихо, травы пожелтѣли, но листъ съ деревьевъ въ одинокихъ оврагахъ еще не облетѣлъ. Эти красивые лѣски стояли, горя всѣмъ разнообразіемъ измѣненныхъ, доживающихъ послѣдніе дни листьевъ: свѣтлымъ пурпуромъ дикихъ яблонь и шиповниковъ, яркимъ золотомъ кленовъ и липъ, серебромъ осокоровъ и синеватымъ густымъ багрецомъ терновника, дубковъ и орѣшниковъ. Въ это время поморскія новороссійскія степи, по красотѣ, не имѣютъ себѣ соперниковъ. Слетаясь съ сѣвера, передъ отлетомъ за море, въ это время дичь здѣсь кишмя-кишитъ. Стаями ходятъ дрофы, гуси темносѣрыми отрядами пасутся по пустырямъ, будто стада овецъ. Журавли кричатъ, производя свои воздушные смотры и разводы подъ облаками, свертываясь въ треугольники или развертываясь въ длинныя, подвижныя, необозримыя колонны. Иной разъ по часу и по два они летятъ, застилая небо. Въ это время въ степяхъ изъ людей ужъ почти никого не увидишь. Чумацкіе обозы, въ ожиданіи близкой распутицы, не тянутся болѣе съ сѣвера въ портовыя конторы, по широкимъ дорогамъ. Хлѣбъ свезенъ. Однѣ скирды сѣна торчатъ еще то здѣсь, то тамъ, служа сѣдалищемъ для молчаливыхъ и важныхъ орловъ и коршуновъ всякаго вида и роста.

Затихъ и одѣлся въ пышные цвѣта и оттѣнки и оврагъ Святодухова-Кута. Роща ракитника отливалась всѣми яркими блестками. Прудъ синѣлъ и просвѣчивался сквозь ея обнаженныя опушки. Нѣсколько юркихъ птичекъ шныряли въ деревьяхъ, высвистывая свои послѣднія пѣсни.

А въ домикѣ отца Павладія готовилось грустное событіе. У стола, на которомъ всегда кучами лежали газеты и жур-

налы, сидѣлъ, насупившись, посторонній священникъ, какой-то рыжій, золотушный, тощій и длинный, съ подвязанною щекою, отецъ Геронтій. Онъ сидѣлъ тревожно, косясь на столъ передъ окномъ, гдѣ новый святодуховскій дьячокъ Андрей, чуявшій недоброе, съ грустью устанавливалъ наскоро соленую закуску. Въ спальнѣ же раздавались тихіе одинокіе стоны. Тамъ на лежанкѣ сидѣлъ старый слѣпой дьячокъ Фендриховъ, а на скамьѣ его жена, съ ребенкомъ на колѣняхъ, и какая-то знахарка-старуха, изъ сосѣднихъ казачекъ. Отецъ Павладій, простудившись на отправленіи одной требы, умиралъ отъ горячки. Лѣкарей въ окрестностяхъ, разумѣется, не было. Онъ часто забывался и бредилъ; но иногда приходилъ въ себя. Свидѣтели его уединенной жизни на Мертвой молчали, вздыхая и прислушиваясь къ нему, — какъ говорится, ожидали отлета души. Но не сдавался крѣпкій, въ пустынномъ воздухѣ состарѣвшійся священникъ.

— Осиротѣетъ, опустѣетъ окончательно мой домъ!—проговорилъ отецъ Павладій, взглянувъ кругомъ себя:—но не опустѣютъ здѣшнія окрестности. Не одинъ владѣлецъ, Фендриховъ, другой найдется... Охъ... тяжко мнѣ... тяжко. Вотъ ужъ и манифестъ весною прочитали. Не забудутъ васъ, господа! Людямъ становится лучше. Бѣглыхъ несчастныхъ станетъ меньше. Придутъ сюда люди всякіе теперь ужъ по волѣ. Фендриховъ! не поминай меня лихомъ. Кто бъ тутъ ни былъ, проси служить службы по мнѣ да по бѣднымъ, и по схороненнымъ тутъ переселенцамъ. Охъ... да смотрите... рощу-то, садъ, прудокъ мой берегите... А про Оксану-то, про Оксану... Охъ, благослови ее, Господи Боже, сироту эту!... Гдѣ-то она? а? гдѣ?

Въ ночь на другой день отецъ Павладій умеръ. Фендриховъ разсчитался съ хоронившимъ его священникомъ туго и не безъ прижимокъ. Онъ былъ въ отставкѣ и слѣдовательно самостоятеленъ.

Молодой дьячокъ, по смерти строителя Святодухова-Кута, тотчасъ подвергся гоненіямъ новаго священника, такъ какъ все дядино имущество становой передалъ ему, кромѣ части пожитковъ, отданныхъ Фендрихову, съ коровами, пчелами и овцами отца Павладія. Новый священникъ сталъ охуждать направленіе мыслей своего причетника, ославилъ его передъ епархіальною властью за вольнодумство и за заведеніе переписки въ запрещенномъ образѣ сужденій.

Дьячокъ Андрей временно, скрѣпя сердце, выбился оттуда въ другой приходъ; но судьба ему улыбнулась. Колонистъ Шульцвейнъ, хотя и лютеранинъ, выхлопоталъ ему оправданье. Шульцвейнъ началъ пріобрѣтать вліяніе и на Мертвой. Андрея сдѣлали опять причетникомъ святодуховской церкви. Колонистъ часто, владѣя теперь Новою-Диканькой, заѣзжалъ къ нему бесѣдовать.

«Молодцы нѣмцы!—думалъ дьячокъ, завидя приближеніе его зеленаго фургона: — не зѣваютъ,—все прибираютъ къ рукамъ!»

— Что толкуютъ ваши прихожане? — спрашивалъ колонистъ, протягивая дьячку мозолистую руку и осклабляя бѣлые, здоровые зубы. На немъ была прежняя синяя куртка, а длинныя костлявыя ноги въ тѣхъ же высокихъ сапогахъ, не безъ аромата дегтя.

— Какіе-съ, Богданъ Богданычъ?

— Помѣщичьи! Какъ они, по сосѣдству, смотрятъ на новое свое положеніе, опубликованное вамъ теперь?

— Будемъ, говорятъ, ждать.

— Бѣглые же попадаются и теперь? Видите ли ихъ тутъ иногда хоть въ церкви? Вѣдь это было прежде одно средство спастись: это былъ предохранительный клапанъ для былой машины вашей... понимаете?..

— Нѣтъ, рѣже сталъ этотъ народъ; почти-что вовсе ихъ нѣтъ. Многіе пошли добровольно на сѣверъ-съ, въ Россію.

Шульцвейнъ молча уѣхалъ. Онъ не переставалъ любить Святодухова-Кута, много помогалъ въ его дальнѣйшемъ процвѣтаніи: все поглядывалъ на плодъ трудовъ отца Павладія, на подцерковный прудокъ въ рощѣ, думая: «нельзя ли хоть бы и тутъ мойку для шерсти устроить или пивной заводъ? Мѣсто отличное!..»

— Онъ ненадежный, — говорили, однако, нѣкоторые о Шульцвейнѣ:—онъ затѣваетъ уѣхать и продать всѣ земли; увидите, что это случится...

Къ осени жена ему собственноручно сшила новую куртку и купила ему вмѣсто серебряныхъ золотые часы. Но онъ ихъ спряталъ.

— А что же участь Милорѐденка, Левенчука и Оксаны?— спрашивали иногда городскія дамы, которыхъ еще занимала исторія этихъ бѣглецовъ съ Панчуковскимъ.

— Говорятъ одни, что они черезъ Кубань и Кавказъ въ Турцію пробрались; другіе же толкуютъ, что они попались гдѣ-то, не то въ Анапѣ, не то въ Редутъ-Кале; какой-то татаринъ выкрестъ будто выдалъ ихъ...

— Ну, что же съ ними сдѣлали?

— Въ острогѣ вѣрно сидятъ гдѣ-нибудь. Да нѣтъ, не можетъ быть: хоть священникъ и нашелъ деньги Панчуковскаго, но вѣдь значительная доля изъ этой суммы была въ золотѣ и серебрѣ, и ея не оказалось — что-то болѣе трехъ тысячъ рублей. На эти деньги, со стороны, ихъ соумышленники имъ и помогли, значитъ, уйти изъ острога; на нихъ же они могли пройти черезъ всѣ наши пограничные пикеты и ушли, вѣроятно, если не въ Анатолію, такъ на какомъ-нибудь купеческомъ суднѣ въ Молдавію. А эта сторона въ такой теперь сумятицѣ, что тамъ укрыться и пристроиться, особенно еще съ деньгами, очень легко. Да тамъ же не мало живетъ и нашихъ прежнихъ, ужъ давно осѣдлыхъ и отлично пристроившихся бѣглыхъ. Плати только исправно подати, да живи смирно,—дѣло твое и улажено...

Въ ноябрѣ стала продавать имѣніе, вслѣдствіе окончательнаго неуспѣха своихъ дѣлъ, и помѣщица Щелкова. Шульцвейнъ и ея землю купилъ.

— Каковъ, а?—говорили о немъ помѣщики и горожане:— скоро весь уѣздъ будетъ въ его рукахъ! А если перемѣнится выборный цензъ, онъ будетъ имѣть сильный голосъ и въ нашемъ будущемъ земскомъ устройствѣ... Куда ему уѣзжать? Съ нами останется!

— Что-жъ тутъ удивительнаго: нѣмецъ, да еще и не русскій, а иностранный, нѣмецкій нѣмецъ!

1860 г.

ВОЛЯ.

(БѢГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ.)

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РОДНЫЯ ГНѢЗДА.

I.

Голубятня.

Наступали новыя времена. Разнесся слухъ, что крестьянамъ, такъ долго и упорно мечтавшимъ о свободной жизни, о разныхъ зауральскихъ, закавказскихъ и новороссійскихъ новыхъ мѣстахъ, хотятъ дать волю.

И вотъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ чужихъ краевъ, повидимому безъ всякой причины, стали въ верхнія, среднія и южныя губерніи возвращаться бѣглые помѣщичьи люди. Это было за годъ и нѣсколько мѣсяцевъ до изданія положенія о волѣ. Однихъ помѣщиковъ это радовало, другіе въ недоумѣніи пожимали плечами, не понимая, откуда это взялось и что̀ изъ этого будетъ.

Однажды весной, въ концѣ мая, по пути въ тотъ уголъ на югѣ за Волгой, который населился въ давнія времена, съ одной стороны, украинскими, а съ другой—русскими выходцами, шла кучка людей — два старика и шестеро молодыхъ. Дойдя до каменистыхъ бугровъ, за которыми уже начинались прибрежья Волги, они сдѣлали въ глухомъ ов-

ражкѣ послѣдній привалъ, сварили еще разъ общую кашицу, закусили и готовились разойтись въ разныя стороны.

— Пойдемъ къ своимъ господамъ, живы ли они? — сказалъ семидесятилѣтній сѣдой сапожникъ, Грице́нко, тридцать-три года бывшій въ бродягахъ въ Бессарабіи и въ Крыму:—удивятся господа, коли живы, ей-Богу!

— Возвращаться, такъ возвращаться!—прибавилъ другой старикъ, Шуменко, восемнадцать лѣтъ торговавшій въ Одессѣ у какого-то купца квасомъ, по поддѣльному паспорту:—шабашъ, молодцы! значитъ, пришла пора!

— А какъ ты, Ильюшка, говоришь про мужика?—крикнулъ опять старый бродяга-сапожникъ молодому парню, который всю дорогу умудрился вести на поводу невзрачнаго, хотя молодого, гнѣдого коня.—Какъ ты это про мужика-то говоришь? Да брось коня! успѣешь еще на него наглядѣться.

Черноволосый Ильюшка, рослый, кудрявый, хотя нѣсколько мѣшковатый молодецъ, лѣтъ двадцати-двухъ, къ которому относились эти слова, молча оправилъ дорожную котомку на гнѣдкѣ, погладилъ его, еще разъ оправилъ, вспрыгнулъ на него и сказалъ:

— Вамъ, дѣдушка, все смѣхъ. А у меня въ головѣ не то... Эхъ! горе на васъ смотрѣть!

— Да ты про мужика-то скажи, про мужика, Илько̀.

— Да что-жъ сказать? Рѣши: отчего мужикъ нынче дешевъ сталъ?

— Не знаю...—старикъ покатился со смѣху.

— Оттого, что глупъ!—отвѣтилъ Илья.

Собесѣдники громко расхохотались, потомъ замолчали, разомъ всѣ перекрестились, встали отъ ѣды и пошли одни направо, другіе налѣво. — «Эки мѣста-то, мѣста! Вольница тутъ жила когда-то. И теперь еще куда ни глянешь, дичь и глушь!»

Илья поѣхалъ рысцой на одинъ изъ сосѣднихъ, съ дѣтства знакомыхъ ему холмовъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ. Солнце сѣло. Онъ привязалъ лошадь въ кустахъ, взобрался на дерево, осмотрѣлъ еще разъ окрестность, какъ будто припоминая что-то, давно видѣнное и забытое, и пошелъ съ холма лощиною.

На утро и въ послѣдующіе дни нѣкоторые сосѣдніе и дальніе помѣщичьи дома и сельскія конторы были пріятно

а можетъ быть, и непріятно изумлены возвратомъ нѣсколькихъ бѣглыхъ бродягъ, изъ которыхъ объ иныхъ въ родныхъ селахъ даже исчезла всякая память. Тамъ явились, какъ съ того свѣта, тридцать лѣтъ бывшій въ бродягахъ Антошка Крамаръ, кузнецъ, и восемь лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти поваръ, Михей Пунька. Явились бывшіе въ далекихъ прогулкахъ лакеи, плотники, столяры, кучера, ключники, кондитеры и писаря. Иныхъ господа и свои братья, дворовые, стали съ горячимъ любопытствомъ, хоть и ласково, допрашивать: «гдѣ были, у кого служили, чѣмъ кормились въ это время, что̀ дѣлали?» — Но на все былъ одинъ отвѣтъ: «гдѣ были не помнимъ; у кого служили, не знаемъ; а жили и кормились, гдѣ день, а гдѣ ночь—и сутки прочь».— «Что же вы такъ это вотъ, съ одного маху, взяли да и воротились?» продолжали допрашивать свободныхъ еще вчера пташекъ, отъ которыхъ, такъ сказать, еще воздухомъ пахло, ручныя по-прежнему, домашнія птицы разныхъ клѣтокъ тихаго русскаго юго-востока. «Надо же когда-нибудь и честь знать!» лукаво отвѣчали прилетныя, добровольно воротившіяся, пташки.

Новизна переставала быть новизной. Все начинало идти по-старому. Молчаливая барщина одна какъ бы замѣтно обновлялась: она насчитывала новыхъ постоянныхъ рабочихъ.

Илья Танцуръ, между тѣмъ, привязавъ въ лѣсу коня, выломалъ себѣ палку и, спустившись въ лощину, долго шелъ чуть видною въ сумеркахъ тропинкою. Стало еще темнѣе. Илья начиналъ спотыкаться о кочки, о хворостъ, положенный въ видѣ гатей по болотнымъ перемычкамъ луговой дороги. Кое-гдѣ онъ разувался и бранился про себя за остановки, потому что стемнѣло еще болѣе, а онъ торопился. Въ воздухѣ было тихо и мягко. Точно теплымъ виномъ пахло. Отъ запаха болотныхъ травъ, березовыхъ листьевъ и фіалокъ голова хмелѣла. Илья остановился.

— Волга не Волга, Богъ вѣсть, что̀ такое бѣлѣетъ вправо! Ахъ ты, башка моя, глупая башка! Въ двѣнадцать лѣтъ перезабыть все такъ, что оглянешься и не узнаешь!

Впереди послышался отдаленный переливистый лай.

— Такъ и есть, наша Есауловка!

Сердце крѣпко забилось въ груди парня. Онъ удвоилъ шаги, пошелъ еще смѣлѣе и, спустя нѣсколько времени,

почувствовалъ, что мѣстность вокругъ него измѣнилась. Впереди чернѣлъ будто лѣсъ, слѣва стоялъ точно рядъ мельницъ. Онъ съ наслажденіемъ разслышалъ впотьмахъ людской говоръ, отозвавшійся уже недалеко.—«Нѣтъ, пережду, пока люди уснутъ! Такъ-то легче будетъ къ родителямъ явиться!»

Танцуръ еще послушалъ, переждалъ, огляделся и пошелъ къ деревьямъ, при мысли: «А! двѣнадцать лѣтъ дома не былъ! Живъ ли батюшка, жива ли матушка? Много ли ребятишекъ-сверстниковъ въ живыхъ осталось на селѣ? И чѣмъ теперь батюшка состоитъ, въ рядовыхъ ли мужикахъ, или при должности какой? Да и что самое село теперь стало, пока я по свѣту съ вѣтромъ маялся да гулялъ? Ребенкомъ убѣжалъ отъ розогъ нѣмца-приказчика; никто не защитилъ меня тогда; отца всѣ голопятымъ звали; онъ самъ, помню, лямку теръ пастухомъ за овцами; мать все хворая лежала. А теперь я вонъ какой вытянулся; узнаютъ ли родители меня теперь? Ахъ ты, свѣтъ-свѣтъ! Господи!» Илья шагалъ и шагалъ...

На пути впотьмахъ встрѣтилась канава. Илья попробовалъ ея глубину палкою, перелѣзъ, очутился опять въ густыхъ деревьяхъ и залегъ подъ кустомъ, потому что невдалекѣ послышались ему опять отголоски людского говора, а онъ не зналъ, куда забрелъ.

Тихая весенняя ночь перекликалась отрывистыми, шопотливыми и неясными звуками. Вскорѣ, однако, кругомъ будто стало виднѣе, хотя небо было еще безъ мѣсяца. Тихо лежалъ въ кустахъ Илья, боясь и кашлянуть. Вдругъ ему почудились невдалекѣ, между деревьями, чье-то всхлипыванье, плачъ и вздохи. Чей-то жалобный голосъ то затихалъ, то опять раздавался. Танцуръ повернулся къ той сторонѣ, тихо проползъ между деревьями и кустами и поднялъ кверху голову. Ему почудилось, что вздохи и шопотъ раздаются гдѣ-то вверху, точно надъ деревьями. Страшно стало Ильѣ. «Что за притча, не то птица стонетъ по-человѣчьему, не то человѣкъ на вѣткахъ гдѣ-то сидитъ!» Онъ всталъ, и тихо, какъ ночной звѣрь, ступая, обошелъ вокругъ дерева, сверху котораго раздавались, по его мнѣнію, въ потемкахъ стоны, и вмѣсто живого дерева ощупалъ гладкій столбъ. Отошелъ въ сторону, присмотрѣлся: голу-

бятня, въ видѣ домика, на плотной высокой подпорѣ. Голосъ затихъ.

— Кто тутъ?—рѣшился спросить вполголоса Илья, осматривая воздушный голубиный теремъ, съ крошечными оконцами, чуть рисовавшійся на сумрачномъ небѣ.

Отвѣта не было.

— Кто тутъ? отзовись! не бойся!

Танцуръ прислушивался.

— Я...—прошепталъ пугливый голосокъ.

— Да кто ты?

— Фрося...

— Какая?

— Барынина... горничная Фрося.

— Гдѣ же это ты сидишь?

Голосъ опять затихъ.

— Сидишь гдѣ ты? Ну? да говори же!

Илья смотрѣлъ вверхъ.

— Въ голубятнѣ заперта... А вы кто, позвольте спросить?

— Я-то?

— Да.

— Я такъ... посторонній.

— Дядюшка, голубчикъ! освободите меня. А не то, разсвѣнетъ,—пропала я и бѣдная моя головушка.

Изъ окошечекъ воздушной голубятни опять послышались горькіе стоны, плачъ и вздохи.

— Да какъ освободить-то тебя, чѣмъ?

— Лѣстницы поищите по близости тутъ или поодаль; она здѣсь гдѣ-нибудь въ саду, ищите.

«Такъ мы въ саду. Что за диковина! Чей же это садъ? Нашъ былъ не въ этой сторонѣ», подумалъ Танцуръ, бросился искать впотьмахъ лѣстницу и скоро нашелъ. Онъ приставилъ ее къ столбу, взлѣзъ туда, посовѣтовался съ необыкновенной плѣнницей, какъ поступить, сломалъ палкой задвижку небольшой дверцы, въ которую деревенскіе повара весной лазятъ грабить дѣтей воздушнаго домика, и снесъ оттуда на рукахъ дрожавшую отъ страха, стыда и отчаянія молоденькую горничную.

Она отбѣжала къ садовой канавѣ, быстро оправилась, хотѣла бѣжать далѣе и остановилась.

— Кто вы?—спросила она:—за кого Бога молить? Говорите скорѣе!

Илья подошелъ и взялъ ее за руку.

— Зачѣмъ вамъ? Лучше вы сами мнѣ скажите, кто вы и что̀ за невидаль такая тутъ случилась съ вами?

Дѣвушка потупилась, стала вертѣть по землѣ ногою.

— Надо къ барынѣ-съ... Я горничная здѣсь, коли знаете нашу барыню. Насъ много у нея. Полякъ управляющій давно къ намъ, видите, подбивается. А мы плевать на него. Онъ и пойди дозоромъ. Я тутъ въ садъ выходила иной разъ... не къ нему... а къ знакомому такому другому человѣку... Онъ нѣжнаго, можно сказать, сердца и совсѣмъ не такой вовсе подлой души... Выбѣжала я и сегодня, будто въ прачешную... А полякъ и наткнулся на насъ. Этотъ-то, мой душенька, значитъ знакомый, убѣжалъ отъ стыда да отъ страху, а полякъ меня, оторопѣлую дуру, ухватилъ съ дозорными да и заперъ тутъ до утра въ голубятню. «Утромъ, говоритъ, узнаемъ, кто такая тутъ изъ дѣвичьей со всякою сволочью, съ музыкантами сосѣдскими дружбу водитъ; а теперь не хочу барыни, говоритъ, будить!» Такъ и сволокли меня сюда и толкнули въ будку... Индо руки всѣ изломали, платье оборвали... Голубей сонныхъ всѣхъ спугнули, и долго они, горемычные, кругомъ меня въ тьмѣ-тьмущей этой летали, крыльями мнѣ въ лицо вѣяли... Стала я плакать; хотѣла крикъ ко двору подать, пусть бы хоть и барыня ужъ узнала; страшно такъ это мнѣ впотьмахъ стало, какъ всѣ голуби-то прочь разлетѣлись... Я плакать... а тутъ и вы отозвались... Скажите, кто вы?

— Нѣтъ, прежде ужъ вы мнѣ оповѣстите: какое это село? Что̀ теперь, барыня у васъ, а не баринъ? — Есауловка?— спросилъ Илья.

— Нѣтъ, не Есауловка, а Конскій-Сыртъ... Наша барыня—арендаторша!

«Такъ я не туда попалъ,—вотъ что̀!» —подумалъ Та̀пцуръ.

Мѣсяцъ готовился въ это время выйти. Кругомъ стало еще свѣтлѣе, Илья разглядѣлъ миловидное личико, плотно подвязанныя вокругъ головы косы, бѣлую косынку и полныя плечи освобожденной плѣнницы.

— Мой знакомый, можно сказать, благородный и не такой подлой души человѣкъ, какъ нашъ приказчикъ! — сказала Фрося, не двигаясь съ мѣста и щипля руками концы косынки;—онъ по гробъ жизни и свѣта не забудетъ вамъ этой услуги-съ. Но можно ли узнать опять-таки ваше имя?

Фрося подняла глаза и хоть искоса старалась заглянуть въ лицо своего освободителя.

— Мнѣ благодарности вашей не надо А васъ бы высѣкли? скажите мнѣ!

— Ну, высѣчь не высѣкли бы; а сраму такого набралась бы, что хоть въ воду да и утопиться. Такъ можно ли опять узнать, какъ васъ зовутъ?

— Ильей... а по прозвищу—не знаю и самъ, какъ сказать. Живъ ли еще отецъ мой, про то вѣрно не знаю и не вѣдаю тоже.

— Вы изъ Есауловки?

— Оттуда; только двѣнадцать лѣтъ дома не былъ... Я сынъ Романа Тàнцура, коли знаете; онъ за о́вцами барскими у насъ ходилъ, помню, какъ я отъ управителя съ армянами бѣжалъ.

— Вамъ Романъ Антонычъ папенька-съ?—быстро спросила Фрося, и въ голосѣ ея зазвучало столько удовольствія и вмѣстѣ желанія чѣмъ-то особенно-радостнымъ удивить слушателя.—Такъ вы ничего не знаете? Доро́гою по сосѣдству ничего не слышали?

— Ничего не слышалъ и не знаю, мы торопились и прятались отъ всѣхъ.

— Такъ, такъ; теперь помню... Про сына его... про васъ точно люди сказывали, да и онъ самъ часто жалѣлъ объ васъ; даже по людямъ васъ долго розыскивали.

— Такъ что же? говорите!

— Какъ же! вѣдь вашъ отецъ теперь главнымъ приказчикомъ надъ всею Есауловкою! Да, и живетъ въ самомъ барскомъ домѣ, подъ-низомъ; а баринъ вашъ все за границей. Какъ же, мы это знаемъ! князь десять лѣтъ дома не былъ. Наѣхалъ разъ, смѣнилъ нѣмца, поставилъ вашего отца, уѣхалъ, да съ тѣхъ поръ и нѣтъ его... Теперь пора мнѣ въ дѣвичью: всѣ спятъ; прощайте! Извините...

— Какъ же я въ наше-то село дойду? Темно: до утра бродить буду.

— Я бы васъ свела, Илья Романычъ, да надо въ домъ заранѣе въ дѣвичью воротиться... А впрочемъ, такъ и быть, пойдемте... Ступайте, только бережнѣе, тутъ будетъ опять канава, а дальше мостикъ черезъ Лихой. Это у насъ рѣчка.

— Такъ это мы за Лихимъ?

— Точно-съ, эта рѣка въ Волгу тутъ, если помните, по-

далѣ упала и раздѣляетъ Сыртъ отъ вашей Есауловки. Мы дружка противъ дружки живемъ съ вами-съ...

— Теперь помню, помню: мы на горѣ, а вы на долинѣ.

— Такъ точно! Вотъ и не ошиблись, именно-съ...

— Кто же ваша барыня?

Охъ... сердитая наша барыня, Пелагея Андреевна Перебоченская, если еще въ тѣ поры вы слышали! Она, должно быть, дончиха. Одни говорятъ, что хуторъ, гдѣ мы живемъ, ея имѣніе; а другіе, что не ея, а чужое, арендное. Только, сказать вамъ, наша барыня такъ тутъ крѣпко сидитъ, что въ иномъ и своемъ такъ не обживешься. Охъ... всѣ ее здѣсь боятся! Да! Забыла-съ еще... Съ вашимъ отцомъ они очень хороши-съ... Романъ Антоновичъ, вашъ отецъ, у Пелагеи Андреевны въ силѣ, завсегда обо всемъ говоритъ и намъ часто бѣды наши у нея вымаливаетъ. Да позвольте еще: онъ дома теперь, или нѣтъ? Что я это забыла! Дома, или за скотомъ опять въ Черноморъ поѣхалъ? Нѣтъ—дома, дома: вчера за сахаромъ къ намъ мальчишку своего конторскаго, Власика, присылалъ. Онъ приказчикомъ теперь у васъ, а сперва только за гуртами ѣздилъ. Наша барыня тоже гурты держитъ, на лугахъ нашихъ ихъ нагуливаетъ. И сама даже въ полѣ скотъ осматривать на дрожкахъ ѣздитъ, даромъ что старуха. Ахъ, да! еще скажу вамъ... Нѣтъ!.. лучше послѣ. Мы ужъ и пришли въ вашу Есауловку—а вотъ и вашъ дворъ. Видите, дворецъ-то какой у вашего князя-барина! самъ большущій... Я васъ славно провела. А теперь и домой мнѣ пора. Прощайте-съ! Вонъ свѣтится внизу окно вашего отца. До свиданія-съ... По гробъ жизни, можно сказать, мой знакомый вамъ не забудетъ этого.

Фрося еще что-то сказала издали и исчезла впотьмахъ.

Илья остановился у порога барской конторы, теперешняго отцовскаго жилища. Чего только не переиспыталъ онъ въ эти минуты! Чего только не было теперь на душѣ его!

«Батюшка въ приказчики попалъ!—думалъ Илья, стоя у входа подъ-низъ дома.—Вотъ не ждалъ! Изъ скотниковъ, изъ пастуховъ, изъ голопятыхъ, какъ его звали, въ приказчики такого села! Тысяча душъ, почитай, будетъ; помню. Шапку, бывало, за версту снималъ онъ, какъ подходилъ къ барскому дому, а теперь самъ тутъ живетъ. Жива ли ма-

тушка? Я у этой щебетуньи и не спросилъ. Ну, какъ-то отецъ теперь съ людьми водится? Вѣдь онъ, почитай, самъ тогда мнѣ посовѣтовалъ въ бѣгахъ быть, какъ я на посылкахъ тутъ день-денской у нѣмца маялся, на шинкахъ росъ, тычками да слезами сытъ ходилъ и на липкѣ въ саду съ горя два раза даже повѣситься хотѣлъ, передъ тѣмъ, какъ армяне въ Крымъ сманили меня. Приказчикъ! Не очень же онъ обрадуется и коню, котораго я было ему на хозяйство добылъ и привязалъ пока въ лѣсу!»

Онъ сошелъ въ коридорчикъ нижняго яруса дома и сталъ, замирая отъ волненія, у дверей. Долго онъ не рѣшался взяться за скобку, оправилъ красный поясъ на новыхъ шароварахъ, обдернулъ синюю чуйку, потоптался на мѣстѣ высокими новыми сапогами, снялъ въ потемкахъ шапку, пригладилъ черныя кудри, крякнулъ и хотѣлъ войти, но опять остановился.

«Какъ-то отецъ теперь приметъ меня? — подумалъ Илья, все еще стоя въ потемкахъ. - Куда повернетъ меня? Думалъ, что отецъ въ бѣдности... Эхъ!»

Дверь съ шумомъ растворилась изъ конторы, и на порогъ выткнулся рослый, плотный, широколицый и смуглый человѣкъ, родъ мѣщанина, въ нанковомъ кафтанѣ и въ картузѣ. Онъ, очевидно, хотѣлъ куда-то идти, но, наткнувшись на незнакомаго впотьмахъ, торопливо отшатнулся, взялъ со стола свѣчку и спросилъ:

— Кто это? Что ты тутъ за человѣкъ стоишь впотьмахъ?

Илья не сразу узналъ располнѣвшаго отца и тихо, молча ступилъ въ комнату, гдѣ худощавая, пожилая женщина въ ситцевомъ нарядномъ платьѣ, спиною къ дверямъ, снимала со стола ужинъ. Найдя глазами образа, Илья съ чувствомъ перекрестился, пока приказчикъ съ удивленіемъ его разсматривалъ, держа свѣчу въ рукахъ, и упалъ въ ноги отцу.

— Батюшка, не обидьте, благословите меня! Я вашъ Илько!

— Илья, Ильюша! — крикнула женщина, убиравшая со стола.

Она быстро обернулась, и, роняя на лавку поднос съ посудою, кинулась сыну на шею.

— Илько! — проговорилъ въ свой черёдъ тронутый и пораженный неожиданностью приказчикъ, торопливо ставя свѣчку на столъ. — Вотъ не ожидалъ дорогого гостя! А я

въ обходъ было шелъ посмотрѣть, всѣ ли сторожа на мѣстахъ! Господи... вотъ гость! — Романъ дрожащими руками снялъ съ гвоздя икону, благословилъ ею сына, далъ ему ее, а потомъ свою руку поцѣловать, и заключилъ: — ну, полно, жена, выть надъ нимъ, да обнимать его, теперь пришелъ, такъ ужъ насмотришься, налюбуешься имъ! А лучше давай-ка ему поѣсть: вѣрно голоденъ, съ далекой дорожки. Вздуй огня въ печи, яичницу, что ли, ему изготовь, пока мы о дѣлѣ потолкуемъ.

Сѣдая Ивановна, утирая радостныя слезы, встала, опять кинулась къ сыну, посмотрѣла на него, сняла съ него поясъ, чуйку, заплакала и тутъ же засмѣялась, качая головою.

— Такъ, такъ, Илько: хорошо, что ты воротился. Ей-Богу, хорошо! А я-то ужъ считалъ, что ты пропалъ навѣки; панихиды по тебѣ служить собирался, да твоя мать вонъ все останавливала; говоритъ: еще подожди, сердце чуетъ, — живъ Илько. А сколько будетъ лѣтъ, какъ ты въ бѣгахъ былъ?

— Двѣнадцать!..

— Точно, двѣнадцать, я тогда еще въ рядовыхъ, кажется, былъ. Да... теперь ужъ десять лѣтъ въ приказчикахъ состою. Всѣмъ селомъ заправляю. Ты вѣрно слышалъ, Илько?

— Слышалъ, — отвѣчалъ Илья, разсматривая смуглыя, будто изъ мѣди вылитыя, черты отцовскаго лица, его черныя, густыя брови, каріе глаза и черные съ просѣдью, подъ гребенку стриженные волосы, курчавые, какъ и у Ильи.

Рослый, широкоплечій станъ отца былъ, попрежнему, прямъ и крѣпокъ, только сталъ сильно полнѣе съ той поры, какъ онъ съ длинною палкою пересталъ ходить за скотомъ и, въ потертой сермягѣ стоя въ полѣ, жаловаться на судьбу одному перелетному вѣтру.

— Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ ты въ бродяги пошелъ, Илько... Да наѣхалъ баринъ послѣ тебя. А тутъ нѣмца смѣстили, меня наставили. Ну, да о томъ послѣ... Пожалѣлъ я тогда, что тебѣ самъ же совѣтъ далъ и что ты утёкъ. Черезъ разныхъ бродягъ о тебѣ развѣдки дѣлалъ, въ полицію явки давалъ. Хорошо, что ты воротился. А было бы еще лучше, кабы воротился прежде. Нуженъ ты мнѣ былъ тогда, да и теперь еще болѣе, пожалуй, будешь нуженъ. Вѣдь ты грамотный, кажется?

— Выучилъ тогда пьяный нѣмецъ... Помните, какъ билъ? Струны проволочныя въ розги ввязывалъ. Уксусомъ послѣ кропилъ...

— Такъ, такъ. Да давай же, жена, гостю дорогому поѣсть скорѣе! А не выпьемъ ли мы на радости, Илько, водочки? Пьешь?

— Нѣтъ, не пью.

— Ну, такъ я выпью!

У Ильи въ головѣ все мелькалъ, между тѣмъ, припасенный отцу на хозяйство конекъ. Какъ ничтоженъ теперь казался ему этотъ его завѣтный подарокъ!

— Ну, а что же ты нажилъ, сынъ, на волѣ-то, столько лѣтъ маявшись вдали отъ отца и матери? — спросилъ шутливо Романъ, стоя у дверей.

— Я-то?

— Да; за двѣнадцать лѣтъ люди сотни, тысячи, умѣючи, наживаютъ!

Илья глазъ не поднималъ. Романъ самодовольно посматривалъ на своего забулдыгу, блуднаго сына, не обращая вниманія на мучительный, болѣзненно-любящій и жалобный взоръ матери, устремленный на Илью изъ-за пылающей печки.

— Что грѣха таить! — сказалъ Илья: — какъ сталъ я подрастать у людей на волѣ, переходя съ мѣста на мѣсто, да свою неволю былую скрывая, были заработки, были и деньги хорошія. Только рубль-то вездѣ одинъ: больше цѣлковаго не ходитъ. Какъ нажилъ, такъ и прожилъ — все одно, что и въ здѣшнихъ вашихъ мѣстахъ. Были случаи, что и полиціи надо было дарить и отъ своихъ братьевъ-душегубовъ откупаться. Дважды ловили меня, по этапу изъ города въ городъ пересылали. Тутъ-то мозолей поношено, тутъ-то холоду да голоду испытано, вшей да комаровъ покормлено собою! А Господь далъ, послѣ опять сталъ на волѣ жить, значитъ, я наживалъ, я же и проживалъ. Извѣстное дѣло, чужая сторонка; какъ своей-то настоящей, собственной, значитъ, норки нѣтъ, куда и звѣрекъ лишній колосъ на запасъ тащитъ...

— Такъ ты, выходитъ, теперь къ норкѣ родной и направилъ путь? Дѣло! Чѣмъ же ты теперь желалъ бы тутъ быть у барина на селѣ? Отвѣчай по душѣ. Я теперь тутъ главный: что̀ рѣшу, тому и быть. Говори!..

Илья взглянулъ на мать.

— Вы, точно, главный тутъ! — сказалъ Илья отцу: — вамъ такая и дорога. А мнѣ, когда милость ваша и вы дадите бродягѣ тутъ жить, позвольте... къ обществу стать. Землю мнѣ нарѣжьте; на хозяйство къ плугу поставьте меня...

Романъ задумался, вышелъ за дверь. Ивановна кинулась къ двери, заперла ее опять на крючокъ, поцѣловала нѣсколько разъ сына, посадила его за столъ, поставила ему остатки ужина, свѣжую яичницу, обняла его горячо и оглянулась опять по комнатѣ.

— Ты, сынку, не перечь отцу. Онъ тебѣ счастья желаетъ. Должно быть, онъ тебѣ ключи сдать затѣялъ; онъ давно ищетъ вѣрнаго себѣ ключника.

— Эхъ, матушка, все это такъ, да земля-то крѣпче; съ земли не сгонишь, а отъ мѣста могутъ отказать и будешь бобылемъ. Какія я мѣста имѣлъ! А все своя земля къ себѣ тянетъ! Срубишь этакъ избёнку, заведешься всѣмъ... Ну, да мнѣ же это и особо еще нужно...

— Зачѣмъ?

Старуха пристально посмотрѣла въ глаза сыну. Онъ оставилъ ложку, утерся, перекрестился на иконы, поклонился матери и сѣлъ опять.

— Матушка, я нашелъ себѣ суженую.

Старуха радостно перекрестилась.

— Слава тебѣ, Господи! Гдѣ же ты сыскалъ ее?

— Слыхала, матушка, про Талавѣрку?

— Про какого?

— Про Аѳанасія, что̀ бѣжалъ тутъ по сосѣдству отъ какой-то барыни, двадцать-четыре года назадъ? Онъ въ столярахъ у нея былъ тутъ, въ каретникахъ, и въ ея хуторѣ проживалъ.

— Охъ, не помню что-то, сынку, не помню. Такъ что же?

— Столкнулся я съ нимъ два года назадъ, въ Ростовѣ-на-Дону... Онъ тамъ уже богачомъ живетъ: домъ свой, своя мастерская. Ну, и есть у него дочка... Настя... Мы полюбились съ нею, отцу сказали. А онъ и говоритъ: «Изъ разсказовъ твоихъ, Илько̀, вижу я, что ты изъ однихъ мѣстъ со мною; барыни моей ты знать не можешь: малъ былъ, какъ бѣжалъ съ Волги сюда въ низовые края. И я, говоритъ, не знаю, жива ли моя госпожа-барыня. А только вотъ что. Хоть богатъ я, говоритъ, теперь, хоть воленъ, а по-

мереть хотѣлось бы на родной сторонѣ. Теперь, говоритъ, готовится всѣмъ воля; скоро, не скоро ли, слышно, всѣмъ землю дадутъ, кто по своей волѣ воротится домой въ общества свои къ нынѣшнимъ пока господамъ. Я мастерства кинуть не могу, а ты иди, получи на своемъ мѣстѣ землю, запишись въ міръ, дай знать, что пристроился, тогда приходи и бери себѣ Настю»... На этомъ зарокѣ мы и разстались. Я далъ слово землю себѣ на родномъ селѣ добыть, а онъ выдать за меня Настю; такъ какъ же мнѣ идти въ дворовые? Подумайте!..

Ивановна задумалась.

Поговорили еще немного. Илья раздѣлся. Мать постлала ему постель на своей кровати у печи. Ложась спать, Илья увидѣлъ подъ скамьей въ углу какой-то клубочекъ. Кто-то во весь носъ сопѣлъ, свернувшись на полу котенкомъ.

— Кто это?—спросилъ Илья.

— На посылкахъ у отца, сиротка тоже тутъ одинъ, Власикъ!

Илья со вздохомъ легъ.

«Вотъ у отца теперь на посылкахъ есть такой же, какъ я былъ когда-то у нѣмца!»—подумалъ онъ.

Ивановна погасила свѣчку и тоже легла, вздыхая, на печи. Вскорѣ пришелъ съ дозора Романъ Антонычъ; не зажигая свѣчки и не раздѣваясь, легъ на лавкѣ у стола и долго лежалъ, не шелохнувшись, но видно было, что онъ не спалъ. Ильѣ же всю ночь грезились вольныя степи, таинственныя перебродки по лѣсамъ и оврагамъ, гнѣдко, привязанный въ лѣсу, надежды завестись своимъ домкомъ и Настя. За часъ или за два до разсвѣта Илья всталъ, тихо одѣлся, тихо отперъ двери и вышелъ. Передутренній воздухъ былъ свѣжъ.

«Надежда плохая!—подумалъ Илья,—теперь врядъ ли получишь землю отъ отца! Или опять уйти на всѣ четыре стороны? всѣмъ вѣтрамъ въ поясъ поклониться? Нѣтъ, будь что̀ будетъ!»

Онъ вышелъ на тропинку, по которой провела его съ-вечера Фрося, взобрался на знакомый съ дѣтства сосѣдній бугоръ и увидѣлъ съ него сквозь начинавшія яснѣть сумерки, не въ дальнемъ разстояніи, лѣсокъ, гдѣ привязалъ гнѣдка. Роща была оттуда не болѣе какъ въ трехъ вер-

стахъ. Онъ быстро направился туда, вошелъ въ кусты. Оврагъ былъ недалеко.

«Ну, гнѣдко,—подумалъ Илья,—иди теперь со мной; придется теперь продать тебя либо жиду, либо цыгану. Отецъ держать тебя не позволитъ! А я-то думалъ домкомъ завестись, садъ затѣять, за Настей поѣхать на тебѣ!»

Илья сталъ звать гнѣдка, искать его; но слѣдъ гнѣдка простылъ. Конецъ ремня отъ уздечки висѣлъ, привязанный къ дереву. Гнѣдко либо убѣжалъ, либо кто-нибудь его укралъ.

— Послѣднее добро и то пропало!—сказалъ Илья съ досадою.—Пропадай же и ты теперь, моя волюшка...

Онъ еще побродилъ по рощѣ, звалъ коня, обошелъ весь лѣсокъ кругомъ, вышелъ на опушку, на другой высокій бугорокъ, сѣлъ, уткнувшись головою въ колѣни, и долго такъ просидѣлъ. Когда онъ очнулся, свѣтлая картина родимыхъ окрестностей и подступавшаго утра тихо открылась передъ нимъ.

Кругомъ шли то зеленые пологіе, то каменистые, лѣсами испещренные холмы. Влѣво разстилалась низменная, влажная луговая равнина, на которой изъ сумерокъ выходила усадьба Фросиной барыни, Конскій-Сыртъ. Прямо, отдѣляясь отъ этой низменности рѣкой Лихимъ, на крутомъ косогорѣ разстилалась Есауловка. Вправо отъ Есауловки и Конскаго-Сырта, провожая извивы Лихого къ его устью, шли сперва малые, потомъ болѣе объемистые бугры, то горбатые, то плосковерхіе, то остроголовые и изборожденные дождевыми протоками. Въ расщелинѣ ихъ, въ одномъ мѣстѣ, мелькнула широкая, бѣлая туманная полоса, точно дымъ... Сердце Ильи дрогнуло. То была Волга... А за нею уже начала заниматься заря. Одѣвались огнями голубыя вершины. Вмѣсто темныхъ пятенъ и щелей, на холмахъ выяснялись лѣса. Между ними въ отдаленіи узнавались кое-гдѣ въ-размётъ кинутые поселки, Богъ-вѣсть откуда и когда тутъ сѣвшая жильями, всякая набродная и перехожая вольница. Сизая, тяжелая туча, нахлобучившись на низовое заволжье, еще не пускала на окрестности довольно свѣта. Все еще тонуло въ сумеркахъ: нагорныя земли по сю сторону Волги и гладкая привольная ширь ея луговой стороны, съ ея жирными, тучными и хлѣбородными залежами и цѣлинами. Тронулся вѣтеръ... Отозвались ближніе и дальніе лѣсистые овраги и горы, такъ

знакомые Ильѣ, съ ихъ мѣстными поволжскими прозвищами. Застоналъ любовными призывами Иволгинъ-орѣшникъ; застукалъ наполненный шорохами и всякой таинственной, весеннею тревогой, развѣсистый Дятловый-липякъ; зазвенѣли серебряными трубами низменные темные Соловьиные-верболозы; зазвучали золотою дудкой песчаные Кукушки-кучугуры, засвистѣли кудрявые Дроздовые-березняки, заклектали старые душистые громадные дубы на Орлиныхъ-лысинахъ сосѣднихъ горъ. Солнце выбилось, наконецъ, изъ-подъ тучи. Илья всталъ, прошелъ нѣсколько шаговъ и опять остановился. Влѣво, вдали надъ Волгой, обрисовался новый рядъ бугровъ. А по нимъ мелькали, уже будто сквозные и голубые отъ воздуха, новые бугры и курганы. То были бугры Стеньки-Разина. «На нихъ Степанъ Тимоѳеичъ послѣднiй свой опочивъ держалъ,—говорили въ народѣ:—онъ тутъ послѣднимъ станомъ стоялъ; а какъ его въ плѣнъ взяли, любимаго своего есаула съ братiей послалъ селомъ по близости сѣсть; они сѣли, и вышла изъ вольной кости нынѣшняя княжеская Есауловка!» Илья Танцуръ прикрылъ глаза ладонью. Одинъ двугорбый бугоръ, полосатый, какъ бухарская тармалама, сидѣлъ, свѣсившись, будто бородатый старикъ, надъ водою. Онъ прозывался Емелькиными-ушами, или ушами Пугача. На нихъ Пугачъ двухъ воеводскихъ дозорщиковъ повѣсилъ. Съ той поры, точно слушая что, торчали эти горбы, Емелькины-уши. А еще далѣе шли отвѣсные и дикiе Авдулины-бугры, за которыми было село Авдулевка, происходившее также отъ какихъ-то вольныхъ костей, занесенныхъ сюда первыми украинскими и русскими колонизаторами этого края.—А величавая, вѣчно широкая Волга голубой пеленой омывала подошвы бугровъ, пугливо ласкаясь къ нимъ и отражая въ себѣ цвѣта ихъ зеленыхъ, желтыхъ и багровыхъ глинъ, бѣлыхъ песковъ и разновидныхъ хрящей и слюдъ. Роса сверкала по травамъ. Дикiе тюльпаны желтыми и алыми колокольчиками глядѣли изъ разсѣлинъ скалъ, по крутымъ косогорамъ. Яркiй синякъ и бѣлые пушистые косатики заливали веселыми сплошными полосами низменныя равнинки. Звонкiя вскрикиванiя пробуждающихся птицъ становились чаще и громче. Тихiе прибрежные затоны и заливы Волги и Лихого еще дремали своими ивами и камышами, окутанные туманами. А уже по гладкой равнинѣ водъ мимо бугровъ, затоновъ, песча-

ныхъ розсыпей и степей двигались, бѣлѣя парусами, вѣчные караваны Синяго-морца, Волги, всякія расшивы, бѣляны, мокшаны, коломенки и простыя рыбачьи лодки. Надъ ними мелькали, отражаясь въ водѣ, бѣлокрылыя чайки. Сонные бакланы, бабы-птицы и лебеди взлетали изъ-подъ носовъ наплывающихъ барокъ. Отзывались заволжскія озера, окрещенныя также народными именами: журавлиныя, лебяжьи, куличьи, гусиныя, утиныя и всякія. Заря занялась невиданная, роскошная. Закопошился людъ во всѣхъ концахъ. Двинулись стада овецъ по буграмъ, гурты рогатаго скота и табуны лошадей на лугахъ и равнинахъ, гдѣ сто лѣтъ назадъ кочевали по тихимъ сыртамъ и улусамъ одни калмыки да татары. А по голубымъ прибрежьямъ и затонамъ раздавались голоса знакомой трудовой и исконной пѣсни рабочаго люда обоихъ береговъ Волги и Дона, пѣсни, построившей по этимъ рѣкамъ всѣ села и города, заводы и барскіе дома, церкви, монастыри, пристани и остроги, пѣсни, которая начинается не то стономъ, не то могучимъ вздохомъ:—«Охъ, дубинушка, охни!»

Илья Танцуръ взглянулъ еще разъ назадъ къ сторонѣ Дона, откуда пришелъ, а потомъ на Волгу.

— Прощай, батюшка, тихій Донъ Иванычъ! Здравствуй, матушка Волга! Пожилъ я въ волю на Дону, въ низовой степной Украйнѣ; поживу теперь и на Волгѣ! Были мы когда-то казаками... Чѣмъ-то теперь опять будемъ! Наши дѣды вышли сюда изъ Запорожья, бились тутъ съ татарами, охраняли границы, селились въ перемежку съ русскими; насъ подарили русскому князю, вмѣстѣ съ землями и пожитками. Подождемъ. Авось отдадутъ намъ опять наше...

Илья посмотрѣлъ на солнце, взглянулъ влѣво на Есауловку, широко и просторно раскинувшуюся по тотъ бокъ Лихого, впадающаго въ Волгу, и быстро пошелъ къ отцу. Село давно уже дымилось низенькими трубами. Обѣ церкви на двухъ его концахъ привѣтливо бѣлѣли. Перейдя мостъ, черезъ Лихой, Илья поднялся вновь на крутой, глинистый, берегъ, по которому къ рѣкѣ сходили крестьянскіе огороды, и пошелъ къ барскому двору, окружавшему высокій и обширный каменный домъ въ два яруса, съ крыльцами, колоннами, бельведеромъ, шпилемъ для флага и службами Садъ шелъ за домомъ, почти касаясь столѣтними дубами

липами и пирамидальными исполинскими тополями его островерхой по плану Растрелли устроенной, крыши.

II.

Забытые музыканты.

— Раненько ты, Илько, всталъ! Гдѣ былъ? — спросилъ отецъ.

— Не спалось: размяться ходилъ; на новомъ мѣстѣ, знаете...

— Я вотъ все твоей матери смѣялся, что, смотри, опять Илько тягу далъ. Садись, пей чай. Въ прикуску или въ накладку хочешь? У насъ настоящій полурафинадъ. Въ городѣ беремъ... Пей!

— Нѣтъ, по-моему, Антонычъ, тоже лучше такъ, какъ Илько нашъ говоритъ!—начала приказчица Ивановна:—въ мужикахъ какъ-то проще жилося намъ; я до сихъ поръ вспоминаю нашу хату, нашъ огородъ и садъ на Окнинѣ, за слободой, гдѣ мы жили!

— Дуры вы бабы! Давай еще стаканъ! Много вы понимаете! Мы подначальными были всегда, такъ подначальными и умремъ. Не выдумаемъ мы ничего лучшаго. У барина не служить, семи гривенъ съ рубля не украсть, и жить не стоитъ. А, Илько? Что скажешь?

Илья молчалъ.

— Право, Романъ Антонычъ. Ты Ильку позволилъ бы... Ты посмотри, Илько, какія у насъ чашки: вотъ какія писанки на нихъ расписаны: тутъ птицы, а тутъ цвѣты и слова... Прочитай мнѣ...

— Ты, сынку, вчера матери говорилъ про Талавѣрку? Такъ Аѳанасій нашелся въ Ростовѣ? Нынче утромъ мать мнѣ все разсказала. Ты въ дворовые не хочешь!

Илья вспыхнулъ.

— Ну, что же: дѣло, коли бродяга этотъ Талавѣрка въ бѣгахъ зашибъ себѣ копейку. Да непрочна только жизнь его, и тебѣ съ бродягами пора перестать якшаться. Человѣкомъ стать, вонъ что! Я тебя человѣкомъ сдѣлаю. У барина мѣсто выпрошу... Хочешь?

Подъ окномъ приказчицкой комнаты, на дворѣ, послышались голоса. Романъ Танцуръ всталъ.

— Приказные пришли за распорядкомъ работъ. Я уйду.

Ты посиди, Илья, съ матерью. Сегодня суббота, такъ ты отдохни; завтра тоже воскресенье. А послѣзавтра ступай на работу, пока хоть и въ рядовые. Я, братъ, примѣръ держу; у меня не зѣвай никто!

Романъ ушелъ.

Взъерошенный Власикъ сталъ весело убирать чашки со стола, взглянулъ на Илью и весело улыбнулся.

Ивановна предложила сыну вымыть голову въ теплой водѣ и надѣла ему вмѣсто ситцевой рубахи бѣлую.

— Матушка, зачѣмъ вы отцу про Талавѣрку сказали? — спросилъ, немного погодя, Илья.

— Что ты! Да онъ еще передумаетъ и дастъ тебѣ землю. Проси только у него. Вѣдь онъ теперь сила, и все у него въ рукахъ. Понимаешь? сила... Наша деревня почти забыта и заброшена княземъ.

Романъ воротился съ надворья.

— Ухъ! умаялся. Шутка ли, тысяча душъ? всѣмъ надо толкъ дать. Пойдемъ, Илько, я тебѣ княжескій домъ покажу. Гдѣ, жена, ключи? Ты глупъ былъ маленькимъ, а теперь поймешь, каковъ нашъ князь, — и я всему тутъ голова!

Романъ снялъ со стѣны ключи и пошелъ съ надворья къ главному крыльцу роскошнаго дома, построеннаго по плану геніальнаго итальянца. Отецъ и сынъ вошли по рѣзной дубовой, невысокой, подъ лакъ, лѣстницѣ, установленной мраморными статуями, въ свѣтлыя сѣни нижняго яруса, оттуда въ лакейскую, увѣшанную охотничьими картинами и украшенную олеными и лосьими рогами. Ключъ въ высокой, краснаго дерева, рѣзной двери повернулся. И оба мужика, отецъ и сынъ, вошли въ огромную залу, съ штофными голубыми занавѣсами, съ амурами, музами и цвѣтами на расписномъ потолкѣ и со старинною позолоченною мебелью. Изъ залы прошли въ столовую, гдѣ были двое хоръ для музыки и пѣвчихъ, а окна выходили въ обширный, столѣтній садъ, съ террасами, прудами, бесѣдками и мостами. Оттуда отецъ и сынъ прошли въ портретную, потомъ въ спальню князя, а тамъ, особою внутреннею лѣстницею, во второй ярусъ дома и на вышку бельведера. Въ портретной старикъ Танцуръ остановился и сталъ сыну разсказывать о родѣ князя. Но еще долѣе онъ стоялъ передъ портретомъ князя, нынѣшняго обладателя Есауловки.

— Село наше было когда-то вольное, — сказалъ Романъ Танцуръ: — казаками наши предки зашли сюда и тутъ поселились.

Илья наставилъ уши.

— Какъ же вы помѣщичьими стали?—спросилъ онъ.

— Э! Мало ли что̀ бывало! Мы за проказы тамъ всякія, видишь ли, на ряду воровскихъ долго считались. Ты вѣрно слышалъ, что насъ есаулъ разбойника Разина населилъ. Ну, такъ вотъ, мы тутъ по Волгѣ основали Есауловку, перестали бродить, только долго еще сами разбоемъ жили. А послѣ и усмирились. Прадѣдъ теперешняго нашего князя за свои услуги бывшей царицѣ это село въ подарокъ получилъ и поѣхалъ сюда. Голь да воровство одно онъ тутъ засталъ. Люди, говорятъ, жили какъ звѣри. Ужасъ кругомъ по окольностямъ про нашихъ шолъ. Князь-то сразу взялъ да и укротилъ всю эту здѣшнюю прыть. Навезъ съ собою, понимаешь ли, сынку, наемныхъ перебѣжчиковъ поляковъ, да человѣкъ десять изъ запорожцевъ; составилъ себѣ родъ отряда и пошелъ косить, да порядки новые заводить. Кнутомъ полслободы засѣкъ; висѣлицу надъ Лихимъ поставилъ, и на ней безпрестанно воры наши покачивались, да воронъ и сорокъ собою кормили. Какого-то старика, что̀ выдавалъ себя за родича того-то разиновскаго есаула, въ бочку забилъ, созвалъ село: «вотъ», говоритъ, «какъ я учу разбойниковъ, да бунтовщиковъ! Смотрите!» — да такъ въ Волгу его и кинулъ. Плавалъ этотъ старикъ по Волгѣ двое сутокъ, а на третьи пастухи его на той сторонѣ рѣки вынули, какъ его къ берегу подбило, и стали ему голодному ѣсть давать. Шатался, говорятъ, старикъ, какъ муха осенью, не могъ все распрямиться—въ бочкѣ всего его разломало,— и отказался отъ хлѣба. «Нѣтъ», сказалъ: «не житье мнѣ теперь: останусь живъ — вездѣ баринъ найдетъ». Легъ на берегу Волги противъ нашей же земли, да тутъ и умеръ... Въ залѣ у того перваго князя на стѣнѣ семь плетей висѣло постоянно на колочкахъ; такъ и держалъ — одну для воровъ, другую для ослушниковъ, третью для потатчиковъ нашихъ—комиссаровъ, четвертую для иныхъ поблажниковъ, и такъ всякому свою. Такъ-то, сынку, воровство наше тутъ покорилось. Вотъ его и портретъ.

Илья взглянулъ на румянаго толстаго щеголя, въ пудрѣ, въ орденахъ, въ кружевныхъ манжетахъ и въ мушкахъ.

На золотой рамѣ портрета Илья прочиталъ надпись: «Князь Адамъ Бѣлоконь-Мангушко. 1758 годъ».

— Родъ нашего перваго князя изъ-за Кіева, сынку; сказываютъ, что гетманскій родъ. Сынъ этого главнаго нашего князя отдѣлалъ этотъ старый домъ на новый ладъ и жилъ въ свою волю. У него дѣвка въ церковь, бывало, не показывайся. Ни одной проходу не давалъ. Сынъ его, баринъ-то теперешній нашъ, съ дѣтства хилый такой вышелъ, все лѣчится; рано померла его жена, и онъ бездѣтный такъ и остался. Нынѣ онъ все по чужимъ краямъ живетъ, въ Италію ему и пишу теперь. Такъ безъ роду и безъ племени вѣкъ свой и доживаетъ, и кому мы достанемся, не знаю. Денегъ ему отсюда вдоволь высылаемъ. Надо мною тутъ французъ главный состоитъ; онъ при сахарномъ заводѣ въ городѣ живетъ и сюда только повѣрять меня наѣзжаетъ. Я же тутъ по хлѣбопашеству, гуртамъ, по винокурнѣ и по всѣмъ работамъ. Такъ-то. Вотъ его портретъ, Илько. Поцѣлуй барину ручку. Онъ нашъ благодѣтель.

Романъ ткнулъ акварельное изображеніе сѣдовласаго пастушка въ соломенной шляпѣ и съ корзиною плодовъ въ рукѣ къ печально-сжатымъ, холоднымъ губамъ Ильи, обтеръ пыль съ портрета и опять поставилъ его на щегольскомъ рѣзномъ столикѣ портретной.

— Да! Кто-то тутъ будетъ бариномъ, какъ князь теперешній помретъ!—задумчиво сказалъ приказчикъ.

— Въ казну насъ отберутъ, — началъ Илья. — Ужъ слышно... опять казаками... хотятъ сдѣлать всѣхъ.

Антонычъ улыбнулся.

— Не вѣрь, братъ, найдутся новые господа. Ужъ такъ безъ господъ не будемъ. Моли только Бога за теперешняго князя. Съ нимъ мы не пропадемъ... А бредни о волѣ позабудь. Вѣрно много глупостей въ бѣгахъ наслушался! Теперь надъ нами Господь чудо явилъ: изъ рядовыхъ, изъ нищихъ, я самъ, видишь ли, приказчикомъ... Старайся и ты!

Взошли на вышку. Въ окна бельведера во всѣ стороны открывался нескончаемый видъ полей, холмовъ и каменистыхъ бугровъ, а далѣе—бѣлая полоса Волги, заслоненной нѣсколько прибрежными высотами.

— Отсюда нашъ князь, какъ наѣзжаетъ, любитъ смотрѣть на свои владѣнія, — продолжалъ Романъ Танцуръ: — и все спрашиваетъ: «тѣ вонъ бугры мои?» — «Ваши», говорю.

«ваше сіятельство!»—«А вонъ тотъ лѣсъ, и та даль?»—«И лѣсъ вашъ, и даль ваша!» Такъ онъ часто меня на первыхъ порахъ спрашивалъ. Тутъ семь тысячъ десятинъ земли княжеской... Есть надъ чѣмъ похлопотать, хоть князь насъ почти-что совсѣмъ забылъ... Люди тутъ какъ чужіе всѣмъ... Да и намъ, впрочемъ, крохи перепадаютъ... О чемъ ты задумался, Илья?

— Вы, теперь точно вижу, батюшка, тутъ главный; дайте же и мнѣ Бога за васъ молить,—на землю стать! къ міру, къ обществу пристроиться, своимъ домомъ обзавестись! Вы же говорите, что князь насъ забылъ...

Романъ плюнулъ.

— Опять! Вижу я, что ты дурень, и больше ничего! Пойдемъ домой! Въ бѣгахъ ты ума не набрался, дуракомъ и умрешь!

Ключи опять загремѣли. Романъ съ сыномъ пошелъ обратно. Тихо они шли снова мимо штофныхъ голубыхъ занавѣсей, зеркалъ и портретовъ, по паркетамъ, коврамъ и рѣзнымъ лаковымъ лѣстницамъ. Солнце ярко свѣтило въ разноцвѣтныя, голубыя, алыя и желтыя стекла фигурчатыхъ оконъ и наружныхъ стекольчатыхъ галлерей. Внизу, у выходного крыльца въ садъ, Романъ остановился и, какъ будто забывъ вспышку на сына, опять началъ.

— Князь забылъ насъ—такъ... Богъ вѣсть, когда и наѣзжалъ—такъ. Чтò же, однако, посудить изъ этого? Ты вѣдь не мальчикъ, сынку, поймешь! Я былъ голоднымъ батракомъ, правда. Даже мужики меня голопятымъ звали—тоже правда. Тебя нѣмецъ гналъ и я защитить тебя тогда не могъ. Все это такъ! Однакоже, теперь? Знаешь ли ты, какъ я попалъ тутъ въ приказчики?—Нѣмецъ, что тебя гналъ и билъ, замотался; князю стали мало денегъ высылать. Онъ, какъ тебя ужъ тутъ не было, и нагрянулъ, прямо изъ нѣметчины, въ трехъ каретахъ явился. Пріѣхалъ, такимъ чужакомъ ходитъ; бывало, все село на него изъ-за угловъ глядитъ. Ужъ и тогда старъ онъ былъ, а все картины рисовалъ и село наше съ разныхъ концовъ снималъ на бумагу красками. Тотъ портретъ, что ты видѣлъ, онъ самъ съ себя тоже тутъ срисовалъ. Жилъ онъ у насъ цѣлое лѣто, скучалъ по дальнимъ краямъ... А барыня Перебоченская, что за Лихимъ тутъ теперь живетъ, тогда землю на аренду сняла у своего сосѣда, пріѣхала къ князю и

говоритъ: «Что вы все на нѣмцевъ надѣетесь, князь? Да вашъ простой мужикъ лучше всякаго нѣмца тутъ управится. Вотъ хоть бы вашъ Романъ Танцуръ, что за овцами у васъ ходилъ и два раза у васъ въ Черноморье ѣздилъ за скотомъ. Посадите хоть его въ приказчики; въ годъ, въ два онъ привыкнетъ и всѣхъ этихъ, клянусь вамъ, иностранцевъ вашихъ за поясъ заткнетъ!» Засмѣялся князь. «а что же», говоритъ, «сударыня, попробуемъ! у васъ, быть-можетъ, вѣрный хозяйскій глазъ!» — «Позвать», говоритъ, «Романка!» Меня и позвали. Вхожу я, а они оба сидятъ: барыня чулочекъ тутъ же вяжетъ за-просто, а онъ на треножникѣ по холсту красавицу какую-то рисуетъ. Стали они меня разспрашивать, да тутъ же меня для пробы на годъ, подъ надзоромъ барыни этой, и опредѣлили. Доходы князя я удвоилъ сразу; не забываю я съ той поры за барыню, за Пелагею Андреевну Перебоченскую, Бога молить. Вотъ послужи такъ-то, Илья, и ты нашему барину, и тебѣ будетъ хорошо! Любишь ходить за садомъ? Учился гдѣ-нибудь?

— Учился въ Крыму и въ Бессарабіи.

— Вотъ тебѣ бы на первое время и дѣло, а тамъ въ конторщики, мнѣ помогалъ бы книги вести, счеты... Бѣда мнѣ съ вашимъ братомъ бѣглымъ, велѣно васъ принимать. А какіе бываютъ изъ васъ? Вотъ почти весь нашъ оркестръ музыки былъ въ бѣгахъ и воротился. Буянъ на буянѣ. Ты бы ихъ остерегался. Того и гляди—всѣ въ острогъ пойдутъ; ты вотъ хоть просишься къ плугу, на землю, а они ничего не хотятъ дѣлать!

Отецъ съ сыномъ пошли въ садъ. Запустѣлыя, развѣсистыя аллеи пахли черемухами и тополями. Кусты жимолости и рай-дерева были въ цвѣту. За прудомъ отзывалась иволга, соловьи перекликались. Прошли мимо шпалеръ вынутыхъ изъ-подъ зимней покрышки виноградныхъ лозъ.

— Это бы дѣло поправить надо было также. Нашъ французъ требуетъ, чтобъ виноградъ мы поддерживали, а ходить за нимъ некому! Поработай, пожалуй, пока со всѣми мужиками, Илько, а тамъ тебя и къ саду можно наставить. Тутъ въ садовничьей хаткѣ и жить тогда себѣ можешь, коли ищешь отъ насъ сѣсть особнякомъ. Кстати же садовникъ былъ тутъ нанятой, да отъ насъ недавно отошелъ...

На душѣ у Ильи отлегло; онъ просвѣтлѣлъ. Романъ подозрительно вдругъ взглянулъ на него.

— А все-таки лучше бы ты мнѣ, Илько, сразу подъ руку пошёлъ—въ конторщики; счеты бы вмѣстѣ сводили. Я неграмотный, а ты грамотѣ знаешь... Я бы ужъ тебѣ тогда все бы предоставилъ, а то чужіе все, видишь ли, ненадежные... Тогда о Талавѣркиной дочкѣ, что ли, мы бы съ тобой подумали.

Весь день въ субботу, до вечера, Илья, дѣйствительно, бродилъ по селу, заговаривая съ былыми сверстниками и присматриваясь къ разнымъ лицамъ, но почти не узнавалъ никого. Отыскалъ двухъ-трехъ изъ бывшихъ своихъ деревенскихъ пріятелей, теперь уже бородатыхъ и заматерѣлыхъ мужиковъ, давно женатыхъ и надѣленныхъ кучею дѣтей. Походилъ онъ опять по саду, побродилъ возлѣ опустѣлой послѣ зимы барской винокурни въ концѣ села, откуда слышалась музыка, скрипки, кларнеты и даже барабанъ: тамъ обучался оркестръ; видѣлъ издали Илья выходъ на громадный хлѣбный токъ такъ-называемой барщины, толпы работниковъ и работницъ съ очередной половины села. Подъ вечеръ онъ розыскалъ мѣсто былого двора и хаты отца, куда онъ, во время оно, забитымъ и голоднымъ ребенкомъ бѣгалъ съ господскаго двора. Онъ нашелъ это мѣсто на Окнинѣ, на окраинѣ небольшой луговины, у глухого конца села. Окниной она называлась отъ просвѣтовъ на землѣ множества студеныхъ ключей, бившихъ сквозь траву у скатовъ того самаго косогора, по которому было раскинуто село и гдѣ стоялъ особнякомъ господскій дворъ и садъ. Вода здѣсь была необыкновенно холодна, чиста, вкусна и полезна для растительности. Стаи птицъ постоянно роились надъ бархатною, густою и яркою зеленью луговины,—водились въ ней, и всякими стонами и криками наполняли здѣсь свѣжій воздухъ. «Эхъ, батюшка! вотъ бы гдѣ намъ гнѣздо постоянное свить, на старомъ-то бы мѣстѣ, а не подъ барскимъ домомъ!»—подумалъ Илья, разсматривая былое свое пепелище, гдѣ торчала только груда кирпичей бывшей печки, валялось нѣсколько черепковъ, да росли три-четыре обломанныхъ, а нѣкогда развѣсистыхъ вербъ.

Окнина была сейчасъ за канавой сада, съ той стороны, гдѣ въ саду начиналась уже дичь и глушь, и гдѣ росли

однѣ ольхи да лозы, вѣчно полныя стаями крикливыхъ воронъ и задорныхъ кобчиковъ.

Поздно пришелъ Илья въ отцовское помѣщеніе. Конторскій чай онъ пропустилъ и едва захватилъ самый ужинъ. Къ старику Роману приходили опять озабоченныя лица за приказомъ. Видно было, что приказчикъ строго велъ себя съ подчиненными. «И гдѣ отецъ этой важности набрался? Каковъ! Точно судья какой, или засѣдатель!» думалъ Илья. Мать скоро легла спать. Романъ ушелъ въ комнату, сосѣднюю съ тою, гдѣ жилъ, и долго сидѣлъ тамъ одинъ, вздыхая и тихо пощелкивая костяжками счетовъ. Власикъ, набѣгавшись за день, какъ упалъ въ свой тулупчикъ у печки, такъ тамъ и заснулъ. Скоро заснулъ и Илья.

На другой день Илья проснулся рано. Это было воскресенье. Отецъ ушелъ въ церковь; матери тоже не было. Власикъ чистилъ какой-то тазъ, пыхтѣлъ и возился, опять весь взъерошенный, веселый и проворный, какъ мышенокъ.

— Дядя Илья! васъ тамъ въ саду, возлѣ мостка, человѣкъ одинъ дожидаетъ!—сказалъ Власикъ, шевеля большими сквозными ушами, подмигивая и добродушно посмѣиваясь.

— Кто такой?

— Не знаю!—Власикъ смѣялся и оттого, что въ конторѣ было новое лицо, и оттого, что на дворѣ было свѣтло и его манило самого туда.

Илья умылся, одѣлся и вышелъ въ садъ. Въ концѣ кленовой дороги прогуливался худощавый человѣкъ въ пальто и въ картузѣ, держа одну руку въ карманѣ, а другую за лацканомъ. Подойдя къ нему, Илья не зналъ, снимать ли передъ нимъ шапку, или нѣтъ.

— Илья Романычъ?—спросилъ тотъ.

— Точно такъ-съ...

— Кирюшка-съ! Я первая флейта въ тутошнемъ оркестрѣ-съ!.. Вашу руку!.. Я Кирюшка Безуглый. Позвольте мнѣ-съ, отъ всего усердія, взять васъ за руку и поблагодарить-съ!

— За что же? Я не знаю вовсе васъ...

— Вы спаситель моей Фроси... Какъ же-съ. Изъ голубятника, отъ этого поляка кровопійцы-съ... Я все знаю и по гробъ моей жизни этого не забуду-съ; нѣтъ, нѣтъ-съ, я васъ обниму и того во вѣки-вѣковъ не забуду!

Кирилло крѣпко обнялъ Илью. Сѣрые, лѣнивые и тусклые его глаза глядѣли добродушно и ласково.

— Вы, Илья Романычъ, можно сказать, спасли отъ сущей гибели и посрамленія меня и Фросю. Не освободи вы ее, утромъ бы ей барыня косу отрѣзала-съ, это безпремѣнно! А не то, послала бы въ станъ... Насъ, такъ сказать, этотъ обходъ засталъ на мѣстѣ... Помня ея дѣвичій стыдъ и честь, я кинулся бѣжать—не отъ трусости, но чтобъ ее спасти. Мнѣ что? А теперь все спасено, и утромъ, на переборкѣ, дѣвушки сами Фроси не выдали.

— Ахъ, братецъ, я самъ не думалъ! — возразилъ Илья, польщенный такими благодарностями господина, одѣтаго въ пальто.

— Нѣтъ! ужъ вы меня извините, а я привелъ сюда и моего друга, Саввушку-съ, тоже нашего музыканта. Мы изъ здѣшняго оркестра. Савка, а Савка! Саввушка! Выходи сюда!

Изъ кустовъ цвѣтущаго древеснаго жасмина поднялся другой, еще болѣе сухощавый и чахлый человѣкъ, также въ пальто и въ фуражкѣ. Этотъ былъ на видъ совершенно чахоточный. Блѣдныя впалыя его щеки и мертвенно тусклые глаза рѣзко оттѣнялись черными густыми бровями и маленькими шелковистыми усиками.

— Саввушка, благодари ихъ. Вотъ Илья Романычъ спасъ мою Фросю. Кланяйся, да ну же, кланяйся! Этого вовѣки я не забуду.

Саввушка и Кирилло снова поклонились Ильѣ.

— Ахъ, братцы! да что вы! Да я самъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! И не смѣйте вспоминать и безпокоиться. Мы ваши слуги отнынѣ! Папироски курите?

— Нѣтъ... курилъ, да бросилъ.

— Ну, мы сами покуримъ. Позволяете?

— Ахъ, помилуйте. Почему жъ?

— Мы отойдемъ сюда къ сторонкѣ, къ канавамъ-съ. Понимаете? Чтобъ изъ дому не было видно—отъ вашего батюшки-съ...

Новые знакомцы отошли къ концу сада, къ вербамъ. Кирилло досталъ изъ-за пазухи потертую сигарочницу. Онъ вообще велъ себя развязно, къ Саввушкѣ относился шутя, а къ новому пріятелю весьма дружелюбно. На обѣихъ ру-

кахъ его были перстни. Саввушка шелъ молча, тоскливо вздыхая и грустно посматривая по сторонамъ.

— Вы съ отцомъ своимъ какъ? — спросилъ Кирилло, съ важностью умѣлаго закуривая сдѣланную имъ самимъ папироску.

— А что?

— Слышали мы, что вы теперь съ воли... Значитъ, свѣту-то и дѣловъ всякихъ насмотрѣлись. Такъ какъ же вы съ вашимъ отцомъ? Какого вы, то-есть, о немъ теперь понятія стали?

— Еще мало разглядѣлъ, братцы.

— А, мало! Слышишь, Саввушка? Савка, слышишь?

Кирилло подмигнулъ съ невыразимымъ, торжествующимъ взглядомъ. Саввушка на него искоса взглянулъ, какъ бы сказавши: «что и говорить! бѣда, да и баста!»

— Мошенникъ, пресущая бестія вашъ батюшка! — сказалъ Кирилло, мигнувши Ильѣ: — коли еще не узнали, такъ знайте!

Илья покраснѣлъ.

— Это такая выжига, что въ цѣломъ, такъ сказать, государствѣ поискать! — продолжалъ Кирилло Безуглый. — Князь ему вѣритъ, а онъ людей полагаетъ за ничто. Работы всѣ подъ его началомъ; счеты онъ тоже ведетъ. Да это, впрочемъ, насъ не касается. А вотъ что: за что онъ насъ голодомъ держитъ, музыку-то? Мы было всѣ разбѣжались... да опять вотъ сошлись.

— Такъ и вы тоже, братцы, въ бродягахъ были?

— Какъ же! О, какъ же! Мы здѣшній, говорю тебѣ, есауловскій оркестръ. У насъ венгерецъ капельмейстеръ, и мы живемъ за мельницами, въ домѣ стараго винокуреннаго завода. Захотѣлось нашему князю музыку свою тутъ имѣть на случай пріѣздовъ, какъ въ кіевской главной его слободѣ. Онъ и отписалъ. Сперва итальянца прислалъ, а потомъ венгерца...

— Давно это васъ набрали въ музыку? Я какъ тутъ былъ, васъ не было еще.

— Да лѣтъ семь будетъ. Какъ пріучили насъ по малости, сосѣдніе помѣщики стали разбирать на балы, на вечера; даже въ городъ два раза къ губернатору насъ на выборы возили.

— И выгодное это дѣло, братцы?

Саввушка тяжело вздохнулъ и сѣлъ на канаву. Кирилло досталъ изъ сапога флейту.

— Вотъ я на чемъ играю...

Онъ взялъ нѣсколько звуковъ. Тонкіе, тихіе переливы раздавались подъ вѣтвями нависшихъ вербъ.

— Хорошо?

— Хорошо... Очень, братъ, это хорошо!

— Ну, а первое время я повѣситься, Илья Романычъ, хотѣлъ отъ ефтой-то каторжной дудки, ей-Богу! Такъ она мнѣ была непонутру! Взяли меня отъ огорода. Дали эту дудку въ руки. Я приложилъ косточки къ губамъ. Дую, а оно не выходитъ, только пыхтитъ въ продушинки. Ужъ билъ же меня, билъ итальянецъ. Одначе, ничего — послѣ вышло хорошо, и я самъ теперь люблю эту статью. Только не всѣ ее одолѣли, вотъ хоть бы Саввушка! Посмотри-ка на него.

Илья взглянулъ на пріятеля Кириллы. Тотъ сидѣлъ блѣдный, болѣзненный. Кирилло Безуглый нагнулся къ нему.

— Савка! Плохое дѣло кларнетъ?—спросилъ Кирилло.

— Плохое!—глухо проговорилъ пріятель и закашлялся.

Кирилло посвистѣлъ еще на флейтѣ и спряталъ ее за сапогъ.

— Теперь я хоть дѣвочкамъ-то играю на забаву. И все бы ничего. Да вотъ кормятъ-то, кормятъ насъ теперь плохо. Прежде баловъ было больше, итальянецъ заработки имѣлъ, и мы ничего экономіи не стоили. А венгерцу теперь плохо пришлось. Что̀ заработаемъ за зиму, то лѣтомъ и проѣли. А тутъ глушь; донщина близко. Князь-то насъ затѣялъ, да, видно, и забылъ. Вонъ хоть Саввушка — грудь надорвалъ. Да и не онъ одинъ. Но вы, Илья Романычъ, спросите, чѣмъ Савка до музыки, значитъ, былъ?

Илья спросилъ Саввушку.

— Художникомъ въ Петербургѣ былъ, живописцемъ,— началъ печально Саввушка.—Я по живописи шелъ; сызмальства къ ней наклонность имѣлъ! Князь самъ меня туда отвезъ еще мальчишкой.

Кирилло съ ожесточеніемъ ударилъ картузомъ ỏ-земь.

— Нѣтъ, вы спросите его, какъ онъ сюда-то, въ эту музыку анаоемскую попался? — замѣтилъ онъ, обращаясь къ Ильѣ.

— Какъ попался?—продолжалъ, грустно покачивая голо-

вою, Саввушка:—была моя одна тамъ такая картина, значитъ, хорошая; ее хотѣли ставить даже на выставку... Меня поощрили. А у меня грудь и тогда побаливала. Князь и говоритъ: «хочешь домой, Савка, родныхъ навѣстить, воздухомъ свѣжимъ подышать на вакаціи?» Я говорю: «очень радъ-съ». Онъ и взялъ меня сюда, довезъ до села. А отсюда-то поѣхалъ въ чужіе края и не на Петербургъ, а на Турцію, на Одессу,—меня же не взялъ; да съ той поры, забылъ ли онъ, что ли, или такъ случилось ужъ на мое горе, онъ за границей остался, а я тутъ застрялъ безвыѣздно. Приставалъ я къ приказчику, да къ старостамъ, а тутъ вотъ вашего отца наставили! Онъ мнѣ въ отвѣтъ одно: «я человѣкъ неграмотный, твоихъ дѣловъ не знаю». Глушь тутъ, вы знаете, какая. Посовѣтоваться не съ кѣмъ. Жаловаться тоже некому. Поговорилъ я со старикомъ нашимъ священникомъ,—тогда еще другого, молодого тутъ не было,—а онъ мнѣ: «покорись, господа твои лучше знаютъ, что́ дѣлаютъ, а иконы и тутъ можешь расписывать, коли кто тебѣ закажетъ». Скоро послѣ сталъ изъ мужиковъ тутъ итальянецъ музыку составлять; Антонычъ-то, вашъ отецъ, и приказалъ мнѣ, какъ ужъ обученному грамотѣ, къ итальянцу на кларнетъ стать. Съ той поры я тутъ и стою. Выучился на кларнетѣ, да грудью вовсе плохъ сталъ... Какой я музыкантъ! мнѣ бы по живописи, вотъ что̀!

Кирилло дослушалъ пріятеля и опять ударилъ картузомъ о̀-земь.

— Эхъ! терпи, Саввушка! Такова, значитъ, доля наша! А что, господа, не выпить ли пивца или зелененькаго? Какъ же! Безъ этого нельзя! Вотъ васъ за Фросю надо пожаловать...

— Я не пью, ихъ угостите!—сказалъ Илья, указывая на Саввушку.

Саввушка махнулъ головой и улыбнулся.

— Нѣтъ! Куда ужъ мнѣ! Вы идите! Я пойду, поброжу. Благо день воскресный. Завтра опять за музыку. Венгерецъ контрактъ какой-то съ городомъ затѣваетъ и все заставляетъ новое разучать...

— Я не пойду завтра. Я съ пріятелемъ гуляю!..

— Художникъ долженъ въ смиренности жить, такъ учили насъ въ Кадеміи,—перебилъ Саввушка.—И умру, а не за-

буду ее! И далъ бы я полруки на отсѣченіе, чтобъ посмотрѣть теперь на Исакій, каковъ онъ?...

Саввушка замоталъ головою, повторяя: «не забуду, вовѣки не забуду!»

— Товарищъ, руку!—спросилъ Кирилло Безуглый Илью:—идетъ?

— Что,—спросилъ Илья, подавая ему руку.

— Будемъ, значитъ, душа въ душу жить?..

Илья вспомнилъ слова отца о музыкантахъ.

— Будемъ!—отвѣтилъ онъ.

— Ты насъ отцу не продашь? Ты не Іуда, малый?

— Не продамъ... Что вы, ребята!

— Ну, пойдемъ же въ шинокъ. Водки не пьешь, меду или пива выпьемъ. А на Савку надежда плохая. Теперь ужъ онъ провоетъ цѣлый день. Про своего Сакія вспомнилъ! Ахъ ты, художникъ!

Илья и Кирилло перелѣзли черезъ канаву и за садомъ пошли въ деревенскій шинокъ, гдѣ флейтистъ тотчасъ представилъ новаго пріятеля всей честной компаніи, и пошла попойка.

Илья Танцуръ, какъ сказалъ, такъ и поступилъ. Онъ отпилъ только нѣсколько изъ стакана пива, отъ прочаго отказался. Но вышелъ онъ изъ шинка особенно веселый и довольный, даже раскраснѣлся.

Весенній яркій день затеплѣлъ по-лѣтнему. Кучки народа бросились купаться къ Лихому.

— Какъ слобода-то наша измѣнилась съ той поры, какъ я тутъ былъ! — сказалъ Илья, уходя съ Кириллой бродить далѣе за село: — народъ совсѣмъ не тотъ сталъ. Какъ-то веселѣе глядитъ! Точно его никогда и не бивали!

— Да, новыя времена подходятъ!—отвѣтилъ Кирилло:—мы слышали, какъ зимой въ городѣ были. Много болтаютъ, да, почитай, пустое,—все еще ничего нѣтъ.

Они отошли далеко за село. Шли каменистыми буграми. Влѣво мелькали прибрежья Лихого.

— Не выкупаться ли и намъ?—спросилъ Илья.

— Давай. Можно для друга.

Кирилло былъ сильно навеселѣ. Они пошли къ рѣкѣ.

Скалистый отвѣсный берегъ Лихого здѣсь былъ особенно хорошъ, какъ у большей части рѣкъ, впадающихъ въ Волгу.

Кое-гдѣ по берегу торчали дуплистыя липы и березы, или маленькіе лѣски. Волнуясь и медленно поднимаясь, шли по берегу холмы, торча то зелеными плоскими шатрами, то мѣловыми остроконечными вышками, въ расщелинахъ которыхъ мелькали верески, розсыпи желтыхъ песковъ, сланцы разноцвѣтныхъ глинъ, а по гребнямъ отдаленныхъ бугровъ, будто кабанья щетина, остовы съ незапамятной старины уцѣлѣвшихъ дубовъ. Тутъ известковыя стѣны, столпясь бѣлымъ, сказочнымъ стадомъ, нависли надъ поемною болотистою равниною. Тамъ тѣ же бѣлые холмы убѣжали прочь, волнуясь въ дали безпорядочными логами, лѣсистыми балками и темными, зіяющими оврагами. Въ недосягаемомъ для глаза отдаленьи изъ нихъ опять выскакивали два-три новыхъ синѣющихъ горба. Холмы огибали полнеба, подковою свертывали вправо и, будто усталые, бросались вдоль другого ручья, въ упоръ къ Волгѣ, и всѣмъ своимъ отрядомъ облокачивались о ея воды, купаясь и отражаясь въ ихъ голубомъ разливѣ.

Илья и Кирилло стали раздѣваться на берегу Лихого, подъ густымъ берестомъ, у плотины запустѣлой мельницы сосѣдняго вольнаго села. Село было спрятано за косогоромъ по тотъ бокъ рѣки. Мѣсто это представляло опять порядочную глушь и дичь, верстахъ въ двухъ выше Есауловки. За рѣкой паслись рыжія, такъ-называемыя, татарскія курдючныя овцы. Мальчишка-пастухъ спалъ въ тѣни подъ камнемъ.

Новые друзья стали купаться, весело разговаривая и пересмѣиваясь.

— Ты выкупаешься, домой пойдешь, отлично наѣшься у отца-матери! — сказалъ Кирилло, жадно остужая пылавшее лицо и тѣло прохладною водою.

— Да отчего же ты думаешь, Кирюша, что я спать лягу?

— Оттого, Илько, что ужъ про вашего брата казака сказано... Вѣдь ты казакъ по крови, по дѣдамъ, а мои дѣды москалями сюда пришли; у насъ тутъ каша, мѣсиво, ты видишь... ты черномазый, а я бѣлобрысый, ты казакъ съ Днѣпра, а я казакъ съ Дону, т. е. почти не казакъ! Сказано: «оттого казакъ гладокъ, что поѣлъ, да и на бокъ!»

Кирилло, однако, прежде на себѣ испыталъ эту пословицу, вышелъ изъ воды, легъ на солнышкѣ, потянулся на травѣ и сталъ дремать, пока Илья смывалъ съ себя прахъ

долгихъ переходовъ и странствованій на родину. Вымывшись дочиста, Илья опять бросился въ рѣку, нырнулъ и выплылъ, обогнувши лѣсистый островокъ у плотины. Посмотрѣлъ, а на другомъ берегу, подъ тѣнью мельницы, сидитъ молодой, невеселый и блѣдный священникъ съ удочкой. Онъ слегка покачивался и напѣвалъ какой-то гимнъ.

— Здравствуйте, батюшка! — отозвался съ непривычной развязностью Илья, выставившись по поясъ изъ воды и особенно весело настроенный выпивкой пива: — извините, что я такъ... голышомъ, значитъ...

Священникъ кивнулъ ему головой, приподнявъ широкую пуховую шляпу. Это оказался человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, сутуловатый, съ широкимъ, скулистымъ лицомъ, глухимъ, отрывистымъ голосомъ и сѣрыми, задумчивыми глазами.

— Кто вы?—спросилъ священникъ, бывшій слегка близорукимъ и не видѣвшій изъ-за мельницы, кто это.

— Угадайте.

Илья выжималъ воду изъ кудрявыхъ черныхъ волосъ. Бороды у него еще не было.

— По тѣлу моему угадайте! — Что? — спросилъ Илья:— трудно по тѣлу угадать! Баринъ я или мужикъ? Ага! трудновато?

Въ это время, по другую сторону рѣки, выдвинувшись изъ-подъ береста, сталъ одѣваться Кирилло, спиною къ мельницѣ. Священникъ не узналъ флейтиста и сталъ втупикъ, разсуждая по замѣченному на землѣ пальто музыканта, не господа ли охотники это изъ дворянъ, попавшіе сюда случайно прогулкою вдоль Лихого.

Илья засмѣялся.

— Что, батюшка? По тѣлу-то бѣлому всѣ, значитъ, равны? Натура-то у всѣхъ насъ, значитъ, одна передъ Господомъ?

— Вы не изъ Карабиновки, не г. Павлова родня?—продолжалъ спрашивать голаго незнакомца близорукій священникъ.

Илья такъ и покатился со смѣху.

— Рабъ, батюшка!—мужичокъ, ваше преподобіе! Да еще изъ бѣглыхъ, воротился значитъ; становому пожива есть въ другомъ какомъ случаѣ!

Илья весело кланялся, высунувшись изъ воды. Священникъ, увидя свой промахъ, замолчалъ. Тутъ подошелъ Ки-

рилло по плотинѣ, и дѣло окончательно объяснилось. Илья скоро также одѣлся и прибѣжалъ на берегъ подъ мельницу.

— Это отецъ Смарагдъ, Ильюша! — сказалъ Кирилло: — другой тотъ нашъ священникъ въ Есауловкѣ, что̀ я тебѣ говорилъ. Мы съ тобою сегодня обѣдню прогуляли. Вы намъ простите, батюшка!

— Это Ильюшка, батюшка! Романа Антоныча сынъ! — прибавилъ Кирилло: — мой новый другъ! полюбите-съ, какъ и меня!

Священникъ покосился на друга Кириллы и сталъ убирать удки и прочіе припасы неудачной въ тотъ разъ рыбной ловли, угрюмо прибавивъ: «заслужитъ, такъ полюбимъ!»

— Ничего, батюшка, не поймали? — спросилъ Кирилло, присѣвши на корточки.

— Ничего, запоздалъ, должно-быть.

— Да вы, батюшка, все на червей. Попробуйте на хлѣбъ. Караси пойдутъ: тутъ ихъ гибель подъ плотиной. Мы венгерцу иной разъ бреднемъ ловимъ...

— Далеко домой за хлѣбомъ теперь идти.

— И тутъ достану... сейчасъ вотъ достану... Для васъ, батюшка, можно! Вотъ у мальчишки въ котомкѣ навѣрно хлѣбъ есть...

Кирилло побѣжалъ къ спавшему пастуху. Священникъ, сѣвъ снова подъ тѣнь мельницы, не безъ любопытства посмотрѣлъ на сына Романа Та̀нцура, который такъ озадачилъ его вопросомъ касательно своего тѣла.

— Такъ ты тотъ самый Илья, что такъ долго въ бѣгахъ былъ? — спросилъ отецъ Смарагдъ, пристально и строго осмотрѣвъ съ ногъ до головы стоявшаго передъ нимъ Илью.

— Я, батюшка.

— Гдѣ же ты былъ до сихъ поръ?

— Гдѣ день, а гдѣ ночь, вездѣ понемножку.

— Знакомый отвѣтъ...

Священникъ задумался.

— Самъ пришелъ, или привели?

— Самъ... Я вамъ ужъ доложилъ про то...

— Что же такъ волю-то бросилъ?

— Еще неволи захотѣлось попробовать.

— Вѣрно узналъ, что отецъ въ приказчикахъ?

— Видитъ Богъ, не зналъ, батюшка. И что̀ мнѣ въ томъ!

— Что̀ же, если бы узналъ?

— Можетъ-быть... и не воротился бы!

— Вотъ какъ!

Кирилло принесъ хлѣба. Священникъ насадилъ на крючокъ новую наживу и бросилъ удку. Кирилло разсказалъ священнику, какую ему услугу сдѣлалъ Илья. Священникъ опять осмотрѣлъ съ ногъ до головы Илью.

— Ну, теперь, братъ, тебѣ отъ барыни, отъ той Перебоченской, проходу не будетъ, коли она узнаетъ, что ты выпустилъ ея дѣвку изъ голубятни...

— Эва, батюшка! бабой пугать стали! Ужъ будто съ той поры, какъ я бѣгать сталъ, на нихъ и управы не выдумали!

— Что таиться, Илья, не говори!—перебилъ Кирилло:— эта такая, что ее не задирай! Не знаешь ты еще этой барыни, батюшка правду говоритъ!

Священникъ, какъ видно, пользовался на селѣ полною любовью прихожанъ. Парни съ нимъ совершенно не стѣснялись. Онъ умѣлъ съ ними говорить, не важничая и вмѣстѣ не теряя своего обычнаго грустнаго и строгаго настроенія. Рыба, однакоже, не клевала.

— Пелагея Андреевна Перебоченская на чужой землѣ живетъ, — продолжалъ священникъ: — только домъ ея построенъ самою. Она землю эту на аренду сперва взяла и перевела туда своихъ людей. Только люди ея всѣ почти разбѣжались, и Конскій-Сыртъ этотъ какъ былъ еще до меня, и теперь глушь-глушью. Устроена только одна барская усадьба, сараи для скотскихъ гуртовъ, да двѣ-три людскихъ хатенки. Она все разыскиваетъ своихъ бѣглыхъ, но они какъ то къ ней все нейдутъ...

Илья съ трепетомъ вспомнилъ каретника Талавѣрку въ Ростовѣ и дочь его Настю, и морозъ пробѣжалъ у него за спиною.

— Твой отецъ къ ней часто ѣздитъ; она изъ сосѣдей его только и жалуетъ.

— Да, сказывали...

— Вы, батюшка, ни-ни! Его-то, Илью, то-есть, съ отцомъ вы не мѣшайте!—замѣтилъ рѣшительно Кирилло:—онъ на отца не похожъ, ни-ни! Право слово! Онъ въ дворовые идти не хочетъ, а къ міру...

Священникъ молча закинулъ снова удочку.

— Какъ же такъ, Илья? Отецъ-то, чай, не плохое теперь тебѣ мѣсто при себѣ далъ бы? Онъ такъ много дѣлаетъ

добраго князю, такъ хорошо ведетъ всѣ дѣла по имѣнію, что князь и тебя отличитъ.

— Не знаю, батюшка, что еще будетъ. А я бы отъ міра, отъ общества то-есть, не отлучался бы. Въ дворовые записываться претитъ. Мнѣ бы лучше на землю, къ хлѣбу, къ овечкамъ, а не то, и садъ люблю, виноградомъ занимался...

— О, разорительница эта Перебоченская! погубила она не одного тутъ человѣка! — какъ бы про себя замѣтилъ пасмурный и блѣдный священникъ.

— Разскажите, батюшка, про генерала! — подхватилъ Кирилло, насаживая новую приваду на удочку священника.— Вы про генерала Рубашкина ему разскажите! Какъ она завладѣла его землей и владѣетъ себѣ, ничего не слушая; какъ двумя тысячами лугу владѣетъ, всѣмъ, значитъ, Конскимъ-Сыртомъ, какъ скотъ и табуны по немъ нагуливаетъ на продажу и никакихъ бумагъ на ту землю у нея нѣту...

— Да, братцы,—со вздохомъ сказалъ священникъ:—не дай Господи никому попасться въ передѣлку къ этой-то барынѣ. Генерала Рубашкина она, точно, кажется, по міру нищимъ пуститъ. Оттягала у него всю землю, и врядъ ли онъ ее получитъ обратно. А какой бы онъ сосѣдъ былъ хорошій!

— Слышишь, Илюша? генерала въ порохъ столкла!— сказалъ Кирилло: — что же бы она съ Фросей-то сдѣлала, если бы ты ее изъ голубятни не вызволилъ? Звѣрь-баба, ехидна! Видали мы скотниковъ, гуртовщиковъ изъ мужчинъ,—тѣ бываютъ ловки да бойки, а эта всякаго мужика-гуртовщика за поясъ заткнетъ...

Илья стоялъ въ раздумьи. Изъ его ума не выходилъ далекій бѣглецъ, старикъ-каретникъ Талавѣрка, и его дочка Настя.

Въ это время, на бугрѣ, въ полуверстѣ отъ мельницы, показался въ широкой соломенной шляпѣ, съ черною лентою на тульѣ, въ пикейномъ бѣломъ сюртучкѣ, лаковыхъ полусапожкахъ и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ, не то юноша русскій помѣщикъ, не то залетѣвшій изъ Швейцаріи въ эту глушь счастливый путешественникъ, студентъ града Гейдельберга, не то, наконецъ, упавшій сюда съ неба интереснѣйшій виргинскій плантаторъ. Собесѣдники замолчали. Священникъ, сильно щурясь, вглядѣлся, бросилъ удочку,

наскоро собралъ рыболовные припасы и пошелъ навстрѣчу къ незнакомцу.

— Идите, ребята, домой! — сказалъ онъ Ильѣ и Кириллѣ: — да снесите ко мнѣ на слободу и снасти! А ты, Илья, зайди какъ-нибудь, ты про виноградъ толковалъ; у меня лозы есть подрѣзать. Я тоже пробую...

— Кто это?—спросилъ Илья Кириллу про незнакомца.

— Этотъ-то генералъ Рубашкинъ и есть. Онъ живетъ тутъ въ двухъ верстахъ отсюда за косогоромъ, въ вольномъ селѣ Маломъ-Малаканцѣ. Отъ насъ этотъ Малаканецъ въ пяти верстахъ будетъ. Тамъ генералъ живетъ на квартирѣ у простого мужика. Ужъ сколько времени тягается съ Перебоченскою, а ничего съ нею не сдѣлаетъ! Все ждетъ рѣшенія. Генералъ и тотъ ничего не сдѣлаетъ иной разъ! Что же мы-то сдѣлали бы, коли нужда встрѣтилась бы?

Генералъ снялъ шляпу, дружески протянулъ руку священнику и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ, какъ бы безъ цѣли, разговаривая, по той сторонѣ рѣки. Вѣроятно, священникъ что-нибудь сказалъ ему про Илью, потому что Рубашкинъ издали оглянулся на него, уходя въ поле.

Илья и Кирилло перешли по плотинѣ обратно по сю сторону Лихого и направились къ Есауловкѣ. Не доходя до своего села, они въ развѣсистомъ зеленомъ байракѣ присѣли отдохнуть. Кирилло вынулъ опять изъ сапога флейту и сталъ играть. Флейта такъ нѣжно и такъ игриво запѣла, что издали могло показаться, будто въ зеленомъ оврагѣ, перелетая съ кудряваго дерева на дерево, стала перезванивать голосистая желтобокая иволга. И точно, заслышавши иволгу, весь байракъ мало-по-малу откликнулся голосами другихъ птицъ. Эти голоса были подхвачены сосѣдними перелѣсками и кустарными буграми. Черезъ часъ пѣла вся окрестность, опять заслонившись отъ солнца широкимъ угломъ бѣловатой, развѣсистой и медленно-плывшей по небу тучки.

Съ понедѣльника, дѣйствительно, отецъ рано, чѣмъ-свѣтъ, выслалъ Илью на огульную работу съ мужиками. Полъ-Есауловки работало изстари съ начала недѣли — три дня, а полъ-села — три дня въ концѣ недѣли. Часть рабочихъ пошла въ поле съ плугами пахать подъ гречу, а часть на токъ очищать вороха мякины и домолачивать оставшіяся

съ зимы скирды хлѣба. Приказчикъ поставилъ сына съ лопатой на легкомъ вѣтеркѣ, приказавъ ему перекидывать какіе-то хлѣбные осадки; самъ съ палкой походилъ, какъ говорится, помозолилъ между молотниками, сѣлъ на каурую кобылу и поѣхалъ рысцой въ поле къ пахарямъ.

Появленіе новаго лица на селѣ, а особенно на огульной работѣ, всегда вызываетъ замѣтное впечатлѣніе. Тутъ же явилось такое любопытное лицо, какъ сынъ стараго волкодава, бывшаго голопятаго Романки Танцура, сынъ приказчика, двѣнадцать лѣтъ бывшій въ бѣгахъ. Мужики исподлобья смотрѣли на него, постукивая по снопамъ цѣпами. Бабы, особою пестрою толпою молотившія въ сторонѣ овесъ подъ надзоромъ десятскаго, мало-по-малу, едва уѣхалъ долговязый Романъ, будто отдыхая, стали облокачиваться на цѣпы и смотрѣть во всѣ глаза на Илью, тихо перешептываясь между собою.

— Чего не видѣли, пучеглазыя!—зѣвая, крикнулъ десятскій болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ рвенія къ опостылѣвшей ему самому работѣ.

Онъ также лишній разъ повелъ глазами на Илью, который, въ щегольскихъ высокихъ сапогахъ, въ нанковыхъ шароварахъ и въ синей чуйкѣ, усердно вскидывалъ лопатой сорную труху, не поднимая глазъ отъ земли.

— Такое же продово зелье будетъ!—съ холодною злобою сказала одна изъ болѣе бойкихъ бабъ.

— А одёжа-то, одёжа!—подхватила вполголоса другая:—какъ на свадьбу, песёнокъ, вырядился. Туда же! Съ нашего брата, бѣглаго, сейчасъ бы сняли чужую одёжу, допросили бы; а его, въ чемъ пришелъ, сюда приставили! Вѣрно въ помощники себѣ готовитъ...

— «Душегубово племя!» — «Несѣяно растетъ!» — «Чай прибылъ съ батькой распивать!» — «Съ господами станетъ вѣдаться!» — «Въ приказчицкіе доносчики, хамово отродье, скоро попадетъ!» — раздались кругомъ отрывистые, сперва сдержанные голоса. Десятскій громко засмѣялся, зѣвая и палкой колотя по землѣ.

— И теперь французъ наѣзжаетъ сюда почти задаромъ!—замѣтилъ и онъ тихо:—а какъ сойдутся отецъ съ сыномъ, намъ хоть по лѣсамъ разбѣжаться.

Илья съ мучительной тоской глянулъ искоса вокругъ себя, собираясь перейти отъ одной кучи трухи къ другой. Десятки

любопытныхъ, сердитыхъ и недружелюбныхъ лицъ, попрежнему, пристально смотрѣли на него. Илья взмахнулъ лопатою и, будто ничего не слыша, сталъ опять работать.

— Молчитъ! — шепнулъ кто-то изъ мужиковъ на всю толпу.

— Воли налопался!—рѣзко сказала баба:—подавиться бы тебѣ, душегубово сѣмя!

— Эй, вы! работать! — отозвался десятскій умышленно строгимъ голосомъ.

Работа пошла своимъ чередомъ. Тяжело дотянулся день для Ильи. Нелегко прошли первая и вторая недѣли. Стали косить первые поемные луга. То же повторилось съ Ильей и на лугу, когда онъ, въ числѣ ста или двухсотъ косарей, очутился среди густой травы на прибрежьи Лихого. Работа шла опять подъ надзоромъ десятскаго. Его отецъ былъ за покупками въ городѣ. Косари прошли три ручки и стали разомъ всей оравой точить косы. Раздались опять насмѣшливые голоса:

— «Приказчицкій наслѣдникъ!» — «Иродово зелье!» — «Вскормленъ нами, да насъ же зубами за грудь!» — «Несѣяно растетъ!»

Илья не вытерпѣлъ, бросилъ косу, вышелъ изъ ряду вонъ и сѣлъ къ сторонѣ, какъ будто отдыхая. Но его и тамъ допекли громкія, въ упоръ кидаемыя, насмѣшки. Илья сталъ противъ косарей, снялъ шапку и поклонился на всѣ четыре стороны.

— Православные!—сказалъ онъ

Толпа мигомъ смолкла.

— Сколько я ни ходилъ, православные, по свѣту, а нигдѣ не видѣлъ, чтобъ невиноватому голову рубили! Я отъ міра никуда. Между васъ дитятею росъ, между васъ наша хата стояла, отъ васъ я и теперь не пойду, коли не прогоните...

— Тебя никто и не гонитъ! Мы ничего...

— За что̀ же попрекаете, православные?

— А водки выставишь, хамово отродье? — отозвался голосъ посмѣлѣе изъ косарей.

Другіе громко захохотали.

— Съ нашимъ вамъ почтеніемъ. Много васъ, братцы, да я и послѣднее отдамъ!

Толпа весело загудѣла. Илья разстегнулъ жилетъ, изъ-подъ него вытащилъ двѣ депозитки и отдалъ косарямъ. Десят-

скій подошелъ, крякнулъ, погладилъ усы, протянулъ руку и вызвался самъ въ вольный шинокъ, въ Малый-Малаканецъ, съѣздить за водкой. Опорожнили боченокъ съ водой. Десятскій вскочилъ на телѣгу и поскакалъ прямикомъ по полю. Черезъ часъ посиѣла водка. Косари сѣли обѣдать.— «Ну, это не голопятый, не волкодавъ; это не старикъ Танцуръ, а человѣкъ, какъ человѣкъ! Сейчасъ видно хорошую душу, что по свѣту между добрыхъ людей уму-разуму набрался!»

Съ пѣснями воротились косари съ поля, съ перваго починка косовицы. Старый Романъ даже удивился, подъѣзжая поздно вечеромъ къ барскому двору. — «Что бы это такое было? Праздника нѣтъ, а вся слобода пѣсни играетъ!» — Пошелъ осмотрѣть сторожей, и тѣ были на мѣстахъ. Въ слободѣ было смирно. Только пѣсни долго еще не прекращались.

Такъ былъ принятъ Илья Танцуръ въ составъ своего общества, громады.

III.

Генералъ Рубашкинъ—также дома.

Кто же былъ генералъ Рубашкинъ, съ которымъ священникъ, отецъ Смарагдъ, отъ мельницы пошелъ полемъ и о которомъ Ильѣ сказалъ музыкантъ Кирилло Безуглый, что его разорила барыня Перебѣйченская?

Адріанъ Сергѣичъ Рубашкинъ, сынъ мелкопомѣстнаго дворянина съ низовьевъ Волги, изъ былыхъ казаковъ, часть родныхъ котораго были на Украйнѣ и въ Новороссіи, рано поступилъ въ Петербургѣ на службу въ какой-то департаментъ писцомъ, да съ той поры въ продолженіе почти сорока лѣтъ не покидалъ ни Петербурга, ни этого департамента. Тамъ онъ получилъ, съ тревогой въ душѣ, первый канцелярскій чинъ, тамъ дослужился и до высшаго мѣста директора канцеляріи, а потомъ департамента, и съ нимъ до титла дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то-есть небоевого генерала. Несмотря на сорокалѣтнее сидѣніе за столомъ, сперва на потертомъ и продавленномъ стулѣ, а потомъ въ раззолоченномъ директорскомъ креслѣ, онъ сохранилъ силы, здоровье, бодрость духа и румянецъ щекъ. Отъ первой казенной квартиры подъ чердакомъ, надъ министер-

скимъ архивомъ и рядомъ съ швейцарскимъ помощникомъ, до последней директорской квартиры въ двѣнадцать просторныхъ и теплыхъ комнатъ, Адріанъ Сергѣичъ остался тѣмъ же умѣреннымъ, иногда скуповатымъ, а подчасъ и любившимъ пожить смертнымъ, который, впрочемъ, дѣло женитьбы отвергалъ, какъ совершенно ему неподходящее дѣло, и большею частію насчетъ женскаго пола обходился въ тайнѣ, какъ-то слегка, урывками, не придавая этому особаго значенія. Напрасно сперва засматривались на него дочки престарѣлыхъ писцовъ, бухгалтеровъ, журналистовъ и столоначальниковъ, а потомъ, когда ужъ онъ облачился въ ордена и даже въ звѣзду, дочки такихъ же директоровъ и даже министерскія племянницы и внучки. Онъ говорилъ:— «женитьба—лотерейный билетъ; заранѣе не угадаешь, какой билетъ вынется. Блаженъ, кто выиграетъ; но еще блаженнѣе тотъ, кто вообще до всякихъ азартныхъ игръ не охотникъ». Живя въ просторной сановничьей квартирѣ, съ собственнымъ швейцаромъ и холостыми назначенными вечерами, гдѣ собирался разнообразный людъ поиграть въ карты, поболтать и узнать новости правительственнаго свѣта, Рубашкинъ являлся къ гостямъ постоянно расфранченный, раздушенный, сюртукъ и бѣлье свѣжіе, съ иголочки. Комнаты его были уставлены мягкою щегольскою мебелью, увѣшаны красивыми картинами. Бронзы, ковры, зеркала и штофы показывали утонченный вкусъ хозяина. Кабинетъ его былъ полонъ бездѣлушками. На столахъ кучами лежали постоянно дѣловыя бумаги. Хорошо обезпеченный щедрымъ жалованьемъ, Адріанъ Сергѣичъ не моталъ денегъ по-пусту. Отлично служилъ и ни въ чемъ не отказывалъ себѣ въ тихой домашней жизни смирнаго и пріятнаго холостяка. Лѣтомъ онъ жилъ на дачѣ, но какъ-то скупо и торопливо пользовался благами дачной жизни и ежедневно являлся въ городъ на службу, ни разу въ сорокъ лѣтъ не взявъ себѣ отпуска даже на мѣсяцъ. Его любили всѣ, отъ департаментскихъ сторожей до крупныхъ чиновниковъ. Во всѣхъ своихъ потребностяхъ и мелкихъ привычкахъ онъ былъ въ высшей степени умѣренъ. Одно только было предметомъ его искренней, безграничной любви—это Малороссія, миѳическій и таинственный образъ которой когда-то съ дѣтства радостно мелькнулъ для него и скрылся на долгіе годы. Всѣ толковали вокругъ него о Малороссіи, не только тамошніе

уроженцы, но и видѣвшіе ее хотя бы мелькомъ. Рубашкинъ молчалъ, слушалъ, склонивъ голову и какъ-то тихо улыбаясь, и думалъ: «я тебя давно покинулъ, моя родина: но я, какъ сквозь туманъ, помню твои уютные сады, бѣлыя, мѣломъ мазанныя, чистенькія слободки; помню твои чудныя пѣсни и твои привольныя, грустно-синѣющія степи. Я доберусь къ тебѣ когда-нибудь и зато останусь среди твоихъ пустынь любоваться навѣки твоею природою. Тамъ я и умру. Дай только дослужиться до порядочной пенсіи, чтобы не умереть подъ старость съ голоду на родинѣ. Но куда ѣхать? Земли тамъ у меня нѣтъ. Живы ли родные, и про то навѣрное не знаю. Были, кажется, родные на Волгѣ, были въ Украйнѣ, были и въ Новороссіи».

Годы шли. Рубашкинъ, за давностью времени бросившій всякую переписку съ немногими близкими лицами на родинѣ, жилъ попрежнему степенно и отрадно. Являлся въ театрахъ, любилъ оперу, концерты, посѣщалъ нѣсколько первыхъ чопорнѣйшихъ домовъ изъ высшаго общества. Говорилъ и судилъ обо всемъ умно и дѣльно. Спокойно и умѣренно встрѣтилъ начало новыхъ реформъ. Какъ на отпѣтыхъ, живыхъ еще, но уже скорыхъ покойниковъ, съ улыбкой посматривалъ на откупщиковъ, посѣщая ихъ гостепріимные и попрежнему шумные обѣды и вечера, гдѣ еще толпилась вся служебная знать. Съ любопытствомъ прислушивался онъ къ поднятому тогда крестьянскому вопросу. Жадно пробѣгалъ въ газетахъ и журналахъ первые намеки, такъ-называемой, обличительной и гласной литературы. Но гдѣ-то, по какому-то департаментскому промаху, какъ указали ему доброжелатели, прихлопнули въ печати и его самого. Онъ долго теръ себѣ лобъ и протиралъ глаза, прочтя о себѣ слова: «бюрократы отжили свой вѣкъ; у канцелярскаго стола Россіи не узнаешь; надо ѣхать изучать ее въ провинціи: туда теперь отодвигается все лучшее, тамъ должна возрождаться заново наша жизнь».—«Я бюрократъ? мертвецъ?»—спросилъ самъ себя Рубашкинъ, воротившись съ одного пышнаго, блистательнаго вечера, гдѣ толковалось много о разныхъ послѣднихъ регламентаціяхъ, кодификаціяхъ и прочихъ бумажныхъ реформаціяхъ, и гдѣ были въ числѣ гостей даже два статсъ-секретаря. А тутъ еще обошли его второю звѣздою: какой-то его сослуживецъ въ товарищи министра попалъ. Совсѣмъ огорчился Рубашкинъ. Природа еще сильнѣе

стала его манить къ себѣ. — «Сорокъ лѣтъ прожилъ я даромъ въ этомъ воздухѣ, въ этой душной, смрадной тюрьмѣ!» — сказалъ себѣ Адріанъ Сергѣичъ, наскоро сбрасывая съ плечъ тончайшій черный фракъ, съ младшею звѣздой на груди, брильянтовыя запонки и перчатки. Отпустивъ единственнаго слугу изъ отставныхъ солдатъ-малороссіянъ, онъ взглянулъ на свой письменный столъ, заваленный кучею вновь принесенныхъ для прочтенія, соображенія и подписи пакетовъ съ текущими дѣлами, опять повертѣлъ въ рукахъ листокъ газеты съ заигрывающимъ письмомъ какого-то провинціальнаго корреспондента о столичныхъ бюрократахъ вообще и о немъ самомъ въ особенности, и сталъ быстро ходить вдоль вереницы просторныхъ комнатъ своей директорской квартиры.

«А они-то веселятся тамъ, важничаютъ, носъ дерутъ!» — думалъ онъ о только-что оставленномъ вечерѣ, куда, гремя и сверкая фонарями, еще продолжали, при его уходѣ, подъѣзжать кареты. Въ его умѣ мелькали бѣломраморныя плечи и величественныя улыбки дамъ, блонды, шелки, бархатъ, золото и брильянты модныхъ туалетовъ. Въ его ушахъ звенѣли сабли и шпоры гвардейцевъ. Въ раздушенныхъ залахъ гремѣла музыка. Носились, распространяя ароматъ духовъ и звуки французскаго діалекта, веселыя пары. У зеленыхъ столовъ играли въ карты важныя и задумчивыя лица. Чистенькія мордочки будущихъ счастливыхъ бюрократовъ, только-что испеченные чиновники изъ правовѣдовъ и лицеистовъ, причесанные первѣйшими парикмахерами и обученные танцамъ и французскому разговору первѣйшими питерскими учителями, въ кадрили и даже въ полькѣ, протискиваясь изъ толпы, на-ходу сообщали своимъ дамамъ новости о крѣпостномъ, тогда модномъ, вопросѣ, о народномъ обученіи и объ откупахъ. — «И это все блестящее, самодовольное собраніе теперь оказывается гилью!» — рѣшилъ Рубашкинъ, остановившись передъ столомъ кабинета и опять повертѣвъ въ рукахъ невзрачную газетку съ провинціальною корреспонденціей. Онъ вышелъ, чувствуя странный запахъ, въ переднюю, глянулъ за перегородку, гдѣ жилъ у печурки его слуга солдатъ, и засталъ его за какою-то непомѣрно-душистою и жирною трапезою.

— Что̀ это ты ѣшь?

Сѣдовласый гвардеецъ вскочилъ, прикрывая ладонью ды-

мившуюся лохань, и оторопѣлъ отъ изумленія, что начальство его такъ неожиданно поймало.

— Что это ты ѣшь, Проценко?

— Виноватъ, ваше превосходительство! Кишки всѣ оборвала здѣшняя прѣсная пища. Наквасилъ самъ за печуркою бураковъ, да и сварилъ нашего борщу, съ перцемъ и съ уткою...

— А вареников не дѣлалъ?

— И варениковъ, ваше превосходительство, настряпалъ!— прибавилъ Проценко, доставая изъ-подъ стола другую объемистую лохань, прикрытую тряпкой, изъ-подъ которой вырывалось еще болѣе обаятельное благоуханіе.

— Ничего, братъ, Проценко! Ты, я вижу, умнѣе меня! Ѣшь на здоровье!

Рубашкинъ заперся въ кабинетѣ и просидѣлъ въ креслѣ до утра. Пакеты съ надписями: «конфиденціально», «весьма нужное», «въ собственныя руки» и «къ немедленному исполненію»—въ первый разъ остались нераспечатанными. Блѣдное мертвенное утро занялось надъ Петербургомъ. Рубашкинъ подошелъ къ окну. Дворники въ нескончаемый разъ сметали снѣгъ и вчерашній песокъ тротуаровъ, торопливо и важно производя эту работу, будто подметали улицы для послѣдняго страшнаго суда. Блѣдные чиновники спѣшили во всѣхъ направленіяхъ въ свои канцеляріи.

«Умъ провинцій!.. Жизнь областей!.. И точно... Вотъ она, новая наша заря!» — сказалъ со вздохомъ Рубашкинъ, отперъ столъ, досталъ бумаги и сталъ писать докладную записку къ своему министру. И въ то время, какъ департаментскіе политики, разбирая въ числѣ другихъ и его карьеру, рѣшали задачу, чѣмъ будетъ впослѣдствіи Рубашкинъ и скоро ли его сдѣлаютъ сенаторомъ или товарищемъ министра,—нежданная громовая вѣсть разнеслась между его подчиненными и знакомыми. Министръ принялъ его просьбу. Рубашкинъ выходилъ въ отставку...

— Что съ вами! Вы оставляете службу? — спрашивали его знакомые, тоскливо и съ сожалѣніемъ заглядывая ему въ лицо.

— Бумажное царство въ Россіи кончилось! — отвѣчалъ Рубашкинъ. — Вы только не хотите сами этого замѣтить и въ томъ сознаться. Дадимъ мѣсто молодежи...

Онъ распродалъ мебель, зеркала, лучшія бронзы и кар-

тины, оставилъ себѣ только нѣсколько любимыхъ вещей, еще способныхъ убрать одну или двѣ небольшихъ комнаты. Эти остатки уложилъ въ ящики, сдалъ ихъ въ контору транспортовъ, взялъ съ собою одинъ чемоданъ, сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ въ Москву, а оттуда въ Малороссію. Одна мысль наполняла его: уйти отъ неблагодарнаго Петербурга, пожить на свободѣ, на родинѣ, упиться ея красотами. Адріанъ Сергѣичъ соображалъ нѣсколько смутно, что на югѣ Россіи у него изъ родни должны оставаться два двоюродные брата: одинъ въ бѣдномъ полтавскомъ хуторѣ, гдѣ гостилъ иногда и его покойный, беззземельный отецъ и откуда его самого повезли на службу, а другой въ какой-то степной полутатарской пустынѣ, гдѣ-то невдалекѣ отъ Новороссіи, на югѣ, за Волгой. Онъ съ ними лѣтъ двадцать уже не переписывался и навѣрное не зналъ, живы ли они. — «Умъ провинцій, вотъ оно что! самоуправленіе областей!» шепталъ Адріанъ Сергѣичъ, проѣзжая срединныя русскія губерніи и приближаясь къ Малороссіи. Гдѣ-то на дорогѣ попался ему возъ, запряженный волами, мелькнули бѣлыя избы. Далѣе звучно раздалось нѣкогда родное для него украинское нарѣчіе. Сердце по старинѣ у Рубашкина дрогнуло, онъ высунулся изъ кареты и долго не могъ сквозь слезы разглядѣть, чуть памятные ему съ дѣтства, поля и хутора, которые уже замелькали вокругъ дороги. Карета смѣнилась перекладной. Тройка своротила на проселокъ. Пошли топкіе, зеленѣющіе берега Ворсклы. Былъ апрѣль. Весна захватывала дыханіе птичьими криками, воздухомъ и солнцемъ. Вотъ большое казацкое старинное село, а вотъ одинокій, бѣдный дворянскій хуторокъ... Рубашкинъ взошелъ на дрянное, покосившееся крылечко, сталъ на порогѣ низенькаго стараго домика и не узналъ своего двоюроднаго брата, оставленнаго здѣсь когда-то кудрявымъ и румянымъ ребенкомъ, какъ тотъ, разумѣется, не узналъ его самого. Братъ оказался рослымъ, оборваннымъ, сѣдымъ и совершенно испитымъ старикомъ. Послѣ первыхъ привѣтствій оказалось, что этотъ братъ, Флоръ Титычъ Рубашкинъ, совершенно прожился, еще лѣтъ семь назадъ, и коротатъ вѣкъ уже не у себя, а у старой и тоже сѣдой своей сестры, которая у него во-время успѣла купить его собственное имѣніе. Старуха сестра, Васса Титовна, была слѣпая; Флору Титычу уже не на что было пить; онъ упро-

сился къ сестрѣ на хлѣбы и помѣстился у нея на кухнѣ. Дни проводили братъ и сестра вмѣстѣ. Флоръ Титычъ святцы ей вслухъ читалъ, а сестра, дремля, вязала чулки на продажу для церкви. За обѣдомъ братъ сестрѣ кушанье разливалъ, ложку подавалъ, мясо рѣзалъ, а послѣ обѣда подбиралъ на спицы спущенныя петли ея чулка. Родичи Адріана Сергѣича жили въ маленькомъ домикѣ, а въ большомъ помѣщалось сельское правленіе другого, сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія, гдѣ всѣ наслѣдники вымерли и имѣніе это поступило въ казну. Владѣльцевъ того помѣстья Рубашкинъ также когда-то зналъ въ дѣтствѣ.—«Наши дворянскіе роды вымираютъ!»—сказалъ ему уныло Флоръ Титычъ, передавая брату, какъ они съ сестрой продали подъ то сельское правленіе свой родовой домъ.—«Тамъ въ нашихъ комнатахъ теперь живутъ старшина, и сельскій писарь!»—прибавила сестра: — «у старшины, говорятъ, медаль на груди.. А писарь спитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ нашего папеньки и маменьки опочивальня была; въ образной нашей живутъ конторскіе сторожа, а изъ дѣтской сдѣлана холодная для штрафныхъ арестантовъ». — «Прихожу я разъ туда»,—перебилъ Флоръ Титычъ:—«а въ коридорѣ портретомъ покойнаго дѣдушки кадка съ водой прикрыта». — Грустно вглядывался Адріанъ Сергѣичъ въ лица своихъ обѣднѣвшихъ родичей. Но Флоръ Титычъ не унывалъ, хотя на шеѣ его не бывало даже галстука, а сквозь нанковыя потертыя шаровары просвѣчивали красныя голыя колѣни. Какіе-то башмаки изъ суконныхъ обрѣзковъ были надѣты на его мозолистыя и избитыя босыя ноги. Лицо небрито. Длинные сѣдые волосы въ безпорядкѣ падали на сгорбленныя плечи.

— Что ты думаешь, братъ, съ собою дѣлать?—спросилъ его дня черезъ три Адріанъ Сергѣичъ, оставшись погостить у нихъ.

— Пошелъ бы милостыню въ городъ просить, да сестра не пускаетъ. Послѣ смерти своей хочетъ мнѣ этотъ флигелёкъ и хуторъ отказать.

— Не тебѣ, а твоимъ семи дочерямъ, которыя всѣ въ гувернанткахъ!—перебила его сестра.

Пошелъ генералъ бродить съ братомъ по окрестностямъ. Черезъ этотъ полтавскій хуторъ покойный отецъ генерала, мелкій чиновникъ въ приволжскомъ городишкѣ, увезъ

Адріана Сергѣича въ Петербургъ на службу и вскорѣ гдѣ-то самъ умеръ. Пошли они въ садъ. «Гдѣ же ваши старыя дѣдовскія липы?» спросилъ Адріанъ Сергѣичъ брата: «я помню, онѣ тутъ были!»—Флоръ Титычъ оглянулся.—«Не говорите слѣпой сестрѣ, я ихъ срубилъ и продалъ; не на что было чаю сестрѣ купить какъ-то».—«Что же ты, братъ, здѣсь хозяйствомъ самъ не займешься? Земля есть у васъ. Тогда бы и липъ не нужно было рубить!» — «Эхъ, братъ! то-есть ты совѣтуешь самому къ плугу-то стать? Нельзя еще нашему брату, дворянину, землю пахать; а людишки, какіе были у насъ, разбѣжались за эти послѣдніе годы, какъ про волю слухи пошли. Нанялся я было точно вотъ въ это сельское правленіе писаремъ; въ той самой комнатѣ сталъ засѣдать, гдѣ и ты когда-то со мною бѣгалъ и гдѣ, бывало, три-четыре няньки съ ноги одинъ чулокъ у меня когда-то стягивали. Да больно зазорно стало своимъ же сосѣдямъ мужикамъ, отобраннымъ въ казну, писаремъ служить, хоть и получалъ я хорошее жалованье,—семь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ!»

Братъ и сестра хуторяне, обрадовавшись пріѣзду такого невиданнаго родича генерала, засуетились угощать его. Шептались все о посудѣ, о какой-нибудь курицѣ, о томъ, что надо вотъ въ городъ послать за говядиной, за макаронами и еще за чѣмъ-то, да все некого... Генералъ ихъ остановилъ. Оставилъ у нихъ въ углу, не развязывая, свои вещи, съѣздилъ за восемь верстъ въ городъ, самъ закупилъ разныхъ припасовъ, привезъ прислугу и объявилъ, что остается погостить у нихъ и нѣсколько подышать свѣжимъ воздухомъ. Но не было весело на душѣ у Адріана Сергѣича. Его окружала одна бѣдность и всякіе недостатки, да ослабѣвшая и ничѣмъ неоживляемая и невоскрешаемая вѣра въ лучшую долю погибшаго, нѣкогда зажиточнаго быта. Кромѣ родственнаго хутора, весь околотокъ какъ-то жалко притихъ, точно и всѣ остальные его жители обѣднѣли и разорились. «Прошли наши времена!» говорили Флоръ Титычъ и Васса Титовна. «Намъ ужъ не поправиться, такъ мы и въ могилу ляжемъ! Не такъ жили наши дѣды... Все миновало на нашей Ворсклѣ!»—«Гдѣ же сохранилась былая, лучшая жизнь?—допрашивалъ родичей генералъ:—гдѣ живутъ отраднѣе здѣсь на югѣ?« — «Въ Новороссіи, да внизу на Волгѣ не такъ жалуются!» отвѣчали тѣ: «тамъ живетъ

нашъ другой братъ, Климъ Титычъ. Ему тамъ досталось наслѣдство за женой, и онъ живетъ богаче и не жалуется, какъ мы всѣ».

Крестьяне показались генералу тоже черезчуръ лѣнивы и довольны, до скотства, малымъ. Бытъ со дня на день бѣднѣющихъ окольныхъ помѣщиковъ наводилъ на него уныніе и тоску. Вездѣ толковали объ однѣхъ картахъ, охотѣ, водкѣ, да о мелкихъ сосѣдскихъ дрязгахъ. Сказочное, былое гостепріимство исчезло. Не встрѣчалось болѣе ни Пульхеріи Ивановны, ни Аѳанасія Иваныча, ни Ивана Иваныча и Ивана Никифорыча. Одни крестьянскіе сосѣдніе комитеты утѣшили-было Адріана Сергѣича, потомца петербургской дѣловой, неугомонной практики. Но и въ нихъ скоро пошла чепуха и завелись личности.

Тутъ судьба свела его съ другимъ его двоюроднымъ братомъ, именно съ Климомъ Титычемъ Рубашкинымъ. Климъ Титычъ, какъ сказано выше, жилъ гдѣ-то въ безлюдной полутатарской степи, за Волгой. Онъ отъ отца получилъ родовой клочокъ земли въ Новороссіи, возлѣ Дона, гдѣ самъ было служилъ; женился тамъ на дочери одного маіора изъ казаковъ, торговавшаго скотомъ и имѣвшаго большіе капиталы, взялъ за женой ненаселенную землю между Волгою и Дономъ, знакомый намъ Конскій-Сыртъ, вышелъ въ отставку, продалъ свой собственный клочокъ земли и занялся жениннымъ хозяйствомъ. Жена его вскорѣ умерла отъ родовъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей, а при жизни укрѣпила за нимъ по купчей свое наслѣдство. Климъ Титычъ усердно провозился нѣсколько лѣтъ надъ этимъ имѣніемъ, но, не зная, какъ взяться за него безъ капитала, сдалъ его на аренду своей сосѣдкѣ Перебоченской, ѣздившей къ нему иногда торговать коровъ, и переѣхалъ на спокойное житье въ одинъ изъ поволжскихъ низовыхъ городковъ, похваливая свое житье въ письмахъ брату и сестрѣ. Сосѣдка была бой-баба; заставъ на арендной землѣ домикъ и избушку, обстроила усадьбу очень хорошо, завела на этой землѣ гурты скота, вольнонаемнымъ трудомъ повела и хлѣбопашество, пустила корни въ этомъ имѣніи, да и затѣяла его безъ дальнихъ словъ оттягать у смиреннаго Клима Титыча навсегда. Сперва пошли у нея съ нимъ недоразумѣнія по арендной платѣ, потомъ явились какія-то дополнительныя условія о домѣ и о прочихъ сдѣланныхъ ею постройкахъ,

наконецъ-было задумалась она даже надъ нѣкоторымъ подложнымъ, хотя и весьма грубоватымъ, документцемъ будто бы его жены. Словомъ, вышла чепуха. А Климъ Титычъ, искупавшись невзначай рано весной въ рѣкѣ, въ очень холодной водѣ, получилъ сперва кашель, а потомъ чахотку. Доктора послали его на послѣднія деньжата въ Крымъ, на южный берегъ. «Что ѣхать въ Крымъ, — подумалъ онъ, — лучше съѣзжу въ Кіевъ на богомолье, да кстати навѣщу брата съ сестрой на старомъ отцовскомъ хуторѣ!» Тамъ Климъ Титычъ засталъ двоюроднаго братца, генерала, на старомъ родовомъ пепелищѣ, неудовлетвореннаго тихимъ бытомъ старосвѣтской Украйны, какъ онъ съ питерской точки зрѣнія выражался, будто бы неимѣвшей впереди у себя сильныхъ идеаловъ. Онъ разговорился съ нимъ о Новороссіи и о поволжскомъ русскомъ востокѣ.

— Вотъ гдѣ край, такъ край! — сказалъ онъ братцу-генералу: — вотъ гдѣ жизнь начинается! Тамъ наша Русь зàново перестраивается. Какое тамъ развивается пароходство! Строится и скоро кончится желѣзная дорога по степи изъ Волги въ Донъ. Земли цѣлинныя, нетронутыя, плодородныя. Край непочатый, сущія американскія степи. Поволжье—настоящіе штаты по Миссисипи, а низовье Дона и азовскія побережья—Виргинія и Кентукки. Хотите, ваше превосходительство, побывать тамъ?

— Еще бы!

— Нѣтъ, не шутя? Вы даже доброе дѣло можете сдѣлать...

— Какое?

— Моимъ имѣніемъ, доставшимся мнѣ по духовному завѣщанію отъ моей жены, пустопорожнею землей, по имени Конскимъ-Сыртомъ, завладѣла одна бѣдовая сосѣдка моя, госпожа Перебòченская. Она сперва держала эту землю на арендѣ, а теперь, безъ всякаго съ моей стороны акта, завладѣла этою землею окончательно, и чтò я ни дѣлалъ, не отдаетъ ее да и полно. Живетъ себѣ тамъ, какъ англичане въ Индіи; даже арендную сумму перестала мнѣ платить уже лѣтъ шесть назадъ. Я все былъ боленъ; хлопотать сильно было некогда, да и ожидалъ, что она покается. Вы законы знаете лучше, чѣмъ я. Возьмитесь хлопотать и взять обратно мое имѣніе,—я готовъ съ вами быть въ долѣ.

— Извольте; я совершенно свободенъ. И кстати, здѣсь мнѣ что-то скучновато.

Климъ Титычъ далъ Адріану Сергѣичу полную довѣренность, всѣ документы на имѣніе и уѣхалъ въ Кіевъ. Адріанъ Сергѣичъ снова уложился, взялъ почтовыхъ и скоро пріѣхалъ въ окрестности Конскаго-Сырта и Есауловки. Онъ явился къ Пелагеѣ Андреевнѣ Перебоченской и предъявилъ ей свои документы, но съ перваго же пріѣзда, несмотря на свой чинъ, получилъ отъ нея такой отвѣтъ и такой пріемъ, что хотѣлъ-было тотчасъ воротиться снова на хуторъ въ полтавскую губернію и, отказавшись разъ навсегда любоваться красотами природы поволжскаго края, лучше созерцать тихія картины Украйны старосвѣтской, или даже снова воротиться въ Петербургъ на службу. Здѣсь вмѣшалась въ дѣло сама нежданная судьба и остановила Адріана Сергѣича надолго въ окрестностяхъ Есауловки. Въ сосѣднемъ городѣ, куда онъ перевелъ на первыхъ порахъ свою переписку, онъ получилъ изъ Кіева, въ концѣ того же года, изъ полиціи бумагу, гдѣ прочелъ такія ошеломившія его слова: «мичманъ въ отставкѣ, Климъ Титовъ, сынъ Рубашкинъ, умеръ скоропостижно въ кіевской градской больницѣ, гдѣ лѣчился отъ чахотки, и оставилъ все свое имѣніе, состоящее изъ двухъ тысячъ десятинъ незаселенной земли, по имени Конскій-Сыртъ, близъ Волги, такой-то губерніи и уѣзда, ему, отставному дѣйствительному статскому совѣтнику, а своему двоюродному брату Адріану Сергѣеву, сыну Рубашкину, вслѣдствіе того, что, по отношенію полтавской земской полиціи, уже незаставшему въ живыхъ его, мичмана Клима Титова, сына Рубашкина, оказалось, что собственные родные братъ и сестра его, какъ ближайшіе наслѣдники его, Флоръ Титовъ и Васса Титова Рубашкины, того года и мѣсяца, волею Божіею, безъ умысла постороннихъ лицъ, на своемъ хуторѣ сгорѣли ночью, безъ божескаго покаянія, вмѣстѣ съ своимъ домомъ. Ихъ названный хуторъ, за долгъ приказу общественнаго призрѣнія сгорѣвшихъ владѣльцевъ его, имѣетъ быть проданъ съ публичнаго торга, такъ какъ послѣ бездѣтныхъ Вассы и Флора Титовыхъ Рубашкиныхъ никакого движимаго имущества въ наличности не нашлось, а всѣ люди ихъ оказались въ бѣгахъ. Названное же имѣніе Конскій-Сыртъ отказано ему, Адріану Сергѣеву, сыну Рубашкину, по законному духовному завѣщанію, каковое въ подлинникѣ высылается на имя его превосходительства, Адріана Сергѣева, сына Ру-

башкина, по мѣсту его жительства, въ подлежащее судебное мѣсто, для безспорнаго ввода его во владѣніе тою землей».

«Бѣдняки!—подумалъ Адріанъ Сергѣичъ, — какъ вѣтромъ снесло ихъ всѣхъ! Правъ былъ покойникъ Флоръ Титычъ: замѣтно вымираетъ наше былое, сильное дворянско-помѣщичье поколѣніе. Теперь я, послѣдній изъ могиканъ, остаюсь одинъ — окончательная отрасль Рубашкиныхъ. Нашъ родъ не привился въ срединной Украйнѣ. Не привьется ли дѣло рукъ его въ новороссійскомъ востокѣ? Совью свое гнѣздо здѣсь, какъ нѣкогда заводили, на отдаленныхъ конечныхъ Украйнахъ южныхъ степей, одинокіе починки и заимки наши предки, коренные украинскіе казаки. Жениться мнѣ ужъ поздно, а жажды дѣятельности во мнѣ еще довольно. Мѣсто богатое: развернуться есть гдѣ. Что же? Мнѣ еще съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ; шестидесяти еще нѣтъ. Моя генеральская пенсія—постоянный оборотный капиталъ, который я исподволь стану прививать къ этой благодатной, цѣлинной, нетронутой еще аферами землѣ, гдѣ у покойнаго брата и у его арендаторши ходили одни гурты скота. Все, что выработалъ Петербургъ въ идеалѣ, все, что прославили тамъ господа теоретики, все это теперь придется здѣсь испытать на практикѣ. Немало и я тамъ, на своей правительственной дорожкѣ, погрѣшилъ разными самодовольными рѣшеніями задачъ этой таинственной для насъ практики. Не только становымъ или исправникамъ, даже и повыше, я посылалъ громко-звучные ордеры и внушенія, которые по чаянію нашей столичной братіи должны были во всѣхъ концахъ благодатно пересоздать нашу матушку-Русь. Теперь я здѣсь самъ рядовой и подначальный. Посмотримъ, какъ улыбнется мнѣ эта жизненная, областная практика? Наконецъ-то, изъ переселенія, изъ бѣговъ на сѣверъ, и я воротился на югъ. Я теперь дома. Какъ-то тутъ заживется?»

И практика, повторяемъ, на первыхъ же порахъ оборвала генерала Рубашкина.

Еще въ качествѣ повѣреннаго бывшаго смиреннаго владѣльца Конскаго-Сырта, онъ вѣжливо и степенно явился къ арендаторшѣ этого имѣнія, Пелагеѣ Андреевнѣ Перебоченской, переговорить о ея видахъ на скорѣйшую раздѣлку по арендной суммѣ и объ очищеніи земли отъ ея присутствія, такъ какъ срокъ аренды давно кончился. Адріанъ Сер-

гѣичъ пріѣхалъ къ Перебоченской по-петербургски, весь въ черномъ, въ модномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ лаковыхъ сапогахъ, съ портфелью подъ мышкой и даже не воспользовался деревенскою льготою насчетъ фуражки, а явился съ шляпой. Голубые его глаза, здоровыя румяныя щеки и припомаженные, съ умѣренною просѣдью, волоса предстали передъ Перебоченскою съ запасомъ добродушія и ободряющаго, ласковаго снисхожденія и довѣрія; а плотно застегнутый на груди фракъ, со звѣздой, при проходѣ его по залѣ въ гостиную хозяйки, мимо зеркала, напомнилъ ему почему-то рѣшительный и вмѣстѣ великодушный видъ какого-то чудодѣя-адвоката, котораго онъ знавалъ въ славѣ громкихъ подвиговъ въ Петербургѣ. Направляясь изъ уѣзднаго города, куда онъ сперва завернулъ для справокъ, къ временной усадьбѣ Перебоченской, устроенной этою барынею на луговинѣ, возлѣ зеленаго ольховника на Конскомъ-Сыртѣ, Рубашкинъ наскоро разсмотрѣлъ этотъ поселокъ. Домъ въ пять-шесть комнатъ выходилъ на обширный дворъ, заваленный подѣлочнымъ сплавнымъ поволжскимъ лѣсомъ. Кругомъ двора шли скотные, красиво-построенные сараи, амбары, конюшня, кухня и людскія надворныя избы. Нѣсколько просторныхъ и чистыхъ избъ, для помѣщенія наемныхъ работниковъ, подёнщиковъ и пастуховъ, шли отдѣльнымъ рядомъ за дворомъ, вдоль молодого, но уже значительно загустѣвшаго и поднявшагося сада. Въ саду торчала знакомая читателю голубятня, мѣсто неудавшагося плѣна Фроси. У новаго чистаго колодца поили рослыхъ быковъ. Стадо телятъ паслось на лужайкѣ за садомъ. По двору шмыгали горничныя и перекликались между конюшнею и амбаромъ два рослые работника въ красныхъ рубахахъ. За воротами къ избамъ прошелъ съ длинными рыжими усами какой-то человѣкъ небольшого роста, но гордаго и непонураго вида, вѣроятно, приказчикъ. На крыльцѣ гостя встрѣтили выбѣжавшія изъ дома разомъ двѣ служанки. Спросивъ его имя и званіе, онѣ опять скрылись и потомъ ввели его въ залу и въ гостиную. Въ гостиной, на диванѣ, за столомъ, Рубашкинъ увидѣлъ, съ картами въ рукахъ, хозяйку усадьбы. Перебоченская на привѣтствіе гостя слегка привстала и, не глядя на него, опять сѣла. Рубашкинъ едва успѣлъ разглядѣть ея высокій, сухощавый, нѣсколько сутуловатый станъ, сморщенное блѣдное лицо, жал-

ніе, будто плачущіе, дрянные глаза, бѣлый старомодный обвязанный сверху по ушамъ чепецъ, какіе носятъ нищенки - просительницы въ городахъ, темное затасканное платьишко, сѣрый фланелевый платокъ, обвисшій на тощихъ, костлявыхъ плечахъ, гарусный ридикюль на рукѣ съ изображеніемъ огромнаго яблока и вообще нищенскій и убогій видъ хозяйки.

— Прошу садиться. Чтò вамъ?—спросила Перебòченская, вяло замигавъ по сторонамъ.

Рубашкинъ сѣлъ и объявилъ подробно свое званіе, чинъ и цѣль пріѣзда.

— Вы держите на арендѣ имѣніе моего брата? — спросилъ онъ, собираясь произнести ловкій спичъ.

— Такъ, генералъ.

— Вы, извините, денегъ ему не платите?

— Такъ, генералъ.

— Вы съѣхать съ этой земли не хотите?

— Такъ, генералъ.

— Зачѣмъ же вы все это дѣлаете?

Перебòченская положила карты на столъ, достала изъ ридикюля табакерку, понюхала табаку и ничего не отвѣтила, слегка, но зорко посматривая на гостя.

— Позвольте васъ вторично, сударыня, спросить, въ качествѣ человѣка, уполномоченнаго формальною довѣренностью, какіе у васъ на это виды?

— А вамъ на чтò?—спросила Перебòченская и оправила ленты чепца.

— Какъ на чтò? Да я законный истецъ, я представитель дѣлъ моего двоюроднаго брата.

— Палашка! — тихо вскрикнула Перебòченская, повернувшись на диванѣ къ сторонѣ внутреннихъ комнатъ дома: — Палашка!

Дверь въ сосѣднюю комнату была притворена. Оттуда никто не являлся. Только было слышно, какъ въ залѣ, въ клѣткѣ мѣрно прыгала, съ жердочки на дно и со дна опять на жердочку, какая-то тяжеловатая птица. Да въ передней аккуратно и звонко стукали заржавленнымъ маятникомъ часы.

— Палашка!—крикнула опять хозяйка, не оборачиваясь къ гостю.

«Вѣрно, закуску вспомнила подать, или прикажетъ ско-

рѣе обѣдъ готовить! - рѣшилъ въ умѣ Рубашкинъ.—Оно же и кстати, я-таки порядкомъ проголодался!»

И онъ съ достоинствомъ сталъ оглядывать комнату...

Дверь скрипнула. На порогѣ ея показалась плотная, широкоплечая, румяная и огромнаго роста горничная, съ чулкомъ въ рукахъ. Когда она вошла, полъ заскрипѣлъ подъ нею.

— Бѣги, крикни тому генеральскому кучеру, — медленно и съ разстановкой сказала барыня: — чтобъ подавалъ ихъ экипажъ; они сейчасъ ѣдутъ отсюда... Сейчасъ... слышишь?

— Слышу.

Горничная скрылась. Рубашкинъ обомлѣлъ. Перебоченская, какъ ни въ чемъ не бывало, обернулась къ нему и опять тихо и грустно устремила на него жалкіе, дрянные глазки. Сначала показалось Рубашкину, что она сумасшедшая, и онъ только подосадовалъ на чиновниковъ, не предупредившихъ его объ этомъ. Онъ все еще молчалъ и смотрѣлъ на хозяйку. Хозяйка, вертя карты въ рукахъ, посматривала на него. На дворѣ загремѣлъ подаваемый экипажъ.

— Что это значитъ?—спросилъ Рубашкинъ, въ смущеніи поднимая на хозяйку брови.

— Вы какъ думаете?—спросила она, покачивая головой.

— Я не понимаю-съ. Вы меня прогоняете? Значитъ, мнѣ ѣхать?

— Точно такъ... Нечего и сидѣть тутъ съ грубостями!

— Какъ съ грубостями?

Генералъ вспыхнулъ. Перебоченская стала опять перебирать на столѣ карты.

— Во-первыхъ,—сказала она тихо:—я сама знаю вашъ чинъ и понимаю, что вы уполномочены довѣренностью; но, во-вторыхъ, не совѣтую вамъ мѣшаться въ это дѣло: иначе... вы меня ужъ извините... Я спуску никому не дамъ!

— Какъ не мѣшаться?

— Просто-съ... Не я должна Климу Титычу, а онъ мнѣ. Да притомъ же я тутъ въ этой безлюдной глуши выстроилась; постройки всѣ мои. И я вамъ просто-на-просто совѣтую не мѣшаться сюда и не очень важничать. Тутъ въ стѣнахъ, извините-съ, вы не разгуляетесь очень... Я женщина и женщина слабая, больная; но у меня... противъ всякихъ разбойниковъ найдутся защитники... и весьма хорошіе... Клянусь вамъ!

«Я разбойникъ?»—подумалъ про себя Рубашкинъ, вставая съ портфелью, потому что въ это время встала и хозяйка.

— Вы такія вещи мнѣ говорите... вы такъ меня принимаете... что я... извините также и меня — но, по крайней мѣрѣ, хоть выслушайте, наконецъ... Я вамъ прочту довѣренность, письмо моего брата...

— Знать я ничего не хочу-съ! Лучше оставьте меня въ покоѣ.

— Я ѣхалъ изъ такой дали, думалъ съ вами скоро все покончить; у меня ни квартиры теперь нѣтъ, ни души знакомыхъ...

— А вольно же вамъ было все это брать на себя! Разговаривать далѣе—баста-съ... Вотъ вамъ Богъ, а вотъ порогъ! Иначе я людей крикну и васъ выведутъ, за то, что вы меня, старуху, безпокоите и грубите мнѣ...

Рубашкинъ стоялъ румяный и озадаченный, съ портфелью подъ мышкою фрака, застегнутаго до подбородка, и въ волненіи натягивалъ перчатки. Тишина въ домѣ была, попрежнему, невозмутимая. Только снова прыгала въ залѣ въ клѣткѣ птица, да въ лакейской стучали часы. Солнце въ это время ярко проглянуло на дворѣ и весело освѣтило гостиную съ свѣженькими цвѣтами на окнахъ, съ большимъ образомъ въ углу подъ потолкомъ, съ картинами синопскаго сраженія и американской охоты въ пустыняхъ пампасовъ на дикихъ лошадей и съ кучею шитыхъ гарусныхъ подушекъ на диванѣ. Огромный, жирный котъ, какъ мертвый, спалъ у печки, раскинувшись на особой подушкѣ. Въ комнатѣ пахло ладономъ.

— Такъ это вашъ послѣдній отвѣтъ мнѣ, ѣхавшему за пятьсотъ верстъ, по просьбѣ брата?

— Послѣдній, генералъ.

— Вы не заплатите денегъ?

— Нѣтъ, генералъ.

— Не сдадите аренды, которой срокъ давно кончился?

— Нѣтъ, генералъ.

— И не выѣдете съ этой земли?

— Нѣтъ, генералъ.

Въ умѣ Рубашкина мелькнула, невольно, его пышная директорская петербургская квартира, толпа ловко натоpенныхъ подчиненныхъ, ослѣпительные вечера первыхъ санов-

никовъ, которые онъ запросто посѣщалъ на сѣверѣ, и тутъ же улыбка одного тамошняго администратора изъ передовыхъ, сказавшаго ему передъ отъѣздомъ по какому-то случаю: «не пройдетъ года, двухъ-трехъ лѣтъ, мы пересоздадимъ Россію, ручаюсь вамъ въ этомъ!..»

— Въ такомъ случаѣ, Пелагея Андреевна, не прогнѣвайтесь, если я прибѣгну... такъ сказать... къ здѣшнимъ властямъ и противъ васъ употребятъ... силу!..

— Палашка! — тихо вскрикнула опять Перебǒченская, обернувшись къ дверямъ въ сосѣднюю комнату.

— Сила законовъ одна для всѣхъ на свѣтѣ... И если...

— Палашка!—уже на весь домъ крикнула Перебǒченская.

Рубашкинъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, поклонился, не дождался появленія исполина-горничной и осторожными, невѣрными шагами направился черезъ залу въ лакейскую. На крыльцѣ онъ перевелъ духъ. Во дворѣ было тихо... Почтовыя усталыя лошади, опустивъ уши, дремали у подъѣзда. Ямщикъ тоже дремалъ на кǒзлахъ.

— Ѣдемъ назадъ! — сказалъ Рубашкинъ и сѣлъ въ коляску, добытую съ трудомъ на-прокатъ въ городишкѣ.

Онъ выѣхалъ. Его никто не провожалъ. Кругомъ было тихо, будто все спало или вымерло. Вдали рисовались тихіе голубые бугры прибрежій Волги. За Лихимъ бѣлѣла, раскинувшись на холмѣ, такая же молчаливая Есауловка. Телята паслись за садомъ, за ольховникомъ. По лугамъ Конскаго-Сырта бродилъ справа — одинъ скотскій гуртъ, а слѣва — другой. Одинокіе пастухи издали неподвижно глядѣли, опершись на длинныя палки, съ котомками за плечами, точно каменныя бабы на курганахъ въ украинскихъ степяхъ.

«Позвала бы шальная барыня наметанныхъ своихъ клевретовъ, что бьютъ на сало нагулянный скотъ, — подумалъ Рубашкинъ, — мигомъ уходила бы меня въ своемъ домѣ, и никто бы не откликнулся тутъ за меня въ этой глуши! Вотъ тебѣ и практика въ провинціи! Вотъ я дома»...

Генералъ кинулся въ городъ. Утаивъ главныя подробности, онъ съ достоинствомъ разсказалъ чиновникамъ о странномъ поступкѣ съ нимъ Перебǒченской. Чиновники съ подобающимъ почтеніемъ къ его чину и недавней служебной дѣятельности выслушали его, пожимая плечами, стали шептаться между собою, громко и съ видимымъ негодованіемъ относясь къ упорству Перебǒченской, и рѣшили, что

дѣйствительно надо принять противъ нея болѣе сильныя мѣры. Такъ сказалъ становой, такъ сказалъ самъ исправникъ, такъ рѣшилъ весь земскій судъ. Рубашкинъ сталъ жить въ городѣ. Его скоро узнали всѣ горожане. На улицѣ чиновники и мѣщане кланялись ему, снимали передъ нимъ шапки. Иногда онъ посѣщалъ скромные вечера у городничаго, уѣзднаго предводителя и исправника. Ящиковъ съ своими вещами Рубашкинъ не раскрывалъ и тутъ, а жилъ скромнымъ бивуакомъ у одной дьяконицы, и вслѣдъ за этою временною квартирой собирался разомъ спокойно помѣститься въ Конскомъ-Сыртѣ, гдѣ за долгъ у арендаторши должны были отобрать и всю ею отстроенную усадьбу. Но время шло, генеральская пенсія проживалась, а дѣло не подвигалось впередъ. Становой и исправникъ медлили, будто выжидая, не одумается ли сама Перебоченская, откладывали выѣздъ къ ней, не желая рѣзко обидѣть и притѣснить слабую, хотя и дѣйствительно упорную женщину.

— Да я-то чѣмъ виноватъ?—говорилъ, улыбаясь, Рубашкинъ:—и изъ-за чего я живу здѣсь въ миломъ вашемъ обществѣ?

— Ну, знаете, все-таки—она дама.

Посылались, однако, ей понудительныя повѣстки. А тутъ, какъ съ неба упала, бумага изъ Кіева о смерти настоящаго владѣльца Конскаго-Сырта и о переходѣ имѣнія въ собственность къ Адріану Сергѣичу. Чиновный міръ всполошился-было и какъ будто собирался дѣйствовать сильнѣе. Получено и явлено въ мѣстной палатѣ духовное завѣщаніе. Палата предписала: «временному отдѣленію уѣзднаго суда немедленно выѣхать въ Конскій-Сыртъ, ввести новаго наслѣдника во владѣніе; госпожѣ Перебоченской, не принимая отъ нея болѣе никакихъ отговорокъ, подъ личною, по всей строгости законовъ, отвѣтственностью всего земскаго суда, изъ того имѣнія предложить въ то же время удалиться, а воздвигнутыя ею строенія, буде таковыя точно окажутся, обязать ее безпрекословно снести, или сдать владѣльцу въ счетъ ея долга, на основаніи оконченнаго срока аренды». Рубашкинъ, съ сіяющею улыбкою, обогнавъ пакетъ палаты, привезъ чиновникамъ изъ губернскаго города это предписаніе въ копіи. Явился и подлинникъ. Чиновники, покуривая папиросы, внимательно смотрѣли въ глаза Рубашкину. Дѣло даже двинулось-было впередъ. Ожидая, что все теперь кон-

чится въ два-три дня, Адріанъ Сергѣичъ загодя разсчитался съ дьяконицей, послалъ на отдѣльной подводѣ свои вещи впередъ, въ сосѣднее съ Конскимъ-Сыртомъ вольное село Малый-Малаканецъ, гдѣ велѣлъ подводчику ожидать себя въ какой-нибудь избѣ, а самъ съ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, въ нѣсколькихъ экипажахъ, поѣхалъ въ Конскій-Сыртъ. Чиновники ѣхали почтительно, но съ какими-то сдержанными и таинственными улыбками. Исправникъ ѣхалъ въ коляскѣ съ дворянскимъ засѣдателемъ и съ стряпчимъ, становой съ письмоводителемъ и еще съ какимъ-то господиномъ въ сѣромъ пальто, въ своемъ разгонномъ фургонѣ, а Рубашкинъ отдѣльно, взявъ изъ города по пути подвезти къ Лихому ѣздившаго къ благочинному молодого священника изъ Есауловки, знакомаго читателю, отца Смарагда. Подъѣхавъ къ границѣ земли Конскаго-Сырта, чиновники остановились. Тутъ ихъ ожидали собранные повѣсткою станового понятые изъ крестьянъ сосѣднихъ и далекихъ деревень.

Выйдя въ поле, временное отдѣленіе прочло указъ палаты, обошло по указанію законнаго плана границы Сырта, какъ имѣнія ненаселеннаго, указало ихъ владѣльцу и свидѣтелямъ, повѣрило межевые столбы и пограничныя ямы, на спинѣ одного изъ понятыхъ подписало заранѣе составленный актъ о вводѣ Рубашкина во владѣніе, отобрало руки понятыхъ,—причемъ за нихъ подписался письмоводитель, и актъ этотъ вручило новому владѣльцу.

— Только-то? — спросилъ онъ.— А сама Переболенская? Вамъ вѣдь предписано немедленно ее вывезти отсюда и обязать ее всѣ строенія сдать мнѣ, или безпрекословно отсюда снести...

— Какъ же-съ, какъ же-съ! Это будетъ. Но по неявкѣ сюда самой госпожи Переболенской, за болѣзнію, на ненаселенную вашу степь, ко вводу васъ во владѣніе, въ качествѣ вашей ближайшей сосѣдки, какъ того требовалъ законъ, мы должны сами къ ней поѣхать. Для этого, чтобы на случай освидѣтельствовать ея здоровье, мы взяли съ собой и доктора; вотъ онъ...

Господинъ въ сѣромъ пальто раскланялся Рубашкину изъ фургона станового.

— Поѣзжайте, а я пока останусь въ ближнемъ селѣ, — сказалъ Рубашкинъ: — тутъ дожидаются и мои подводы.

Нововведенный во владѣніе помѣщикъ съ священникомъ поѣхалъ къ околицѣ Малаго-Малаканца, а чиновники покатили къ Перебо̀ченской.

Свои подводы Рубашкинъ нашелъ въ Малаканцѣ среди улицы. Подводчикъ ругался на всѣ лады. Никто изъ жителей не хотѣлъ его пустить къ себѣ во дворъ. Всѣ поселяне были здѣсь раскольники, и, заслышавъ о чиновникахъ, каждый отмаливался отъ подводъ генерала.

— Не безпокойтесь, — сказалъ генералу священникъ: — здѣсь меня знаютъ. Я дѣло улажу. Но позволите ли вы мнѣ быть съ вами откровеннымъ, ваше превосходительство?

— Начать съ того, что бросьте эти титулы. Въ чемъ дѣло? Будьте со мною за̀просто.

Священникъ поклонился и отвелъ Рубашкина въ сторону. Они стояли среди обширной пустынной улицы.

— Извольте... Вы хотите, наконецъ, узнать всю тайную сторону вашего дѣла съ Перебо̀ченской?

— Хочу.

— Нанимайте здѣсь скорѣе квартиру, въ этомъ Малаканцѣ. Судъ сдѣлалъ все по формѣ,— вы введены во владѣніе. Тутъ хоть изъ окна будете видѣть по близости свое имѣніе. Даромъ въ городѣ не станете проживаться.

— Но что̀ же это все значитъ?

— Жаль... У васъ изъ генеральской пенсіи за этотъ срокъ до новой получки денегъ, вѣроятно, мало что̀ остается. А Перебо̀ченская держитъ всѣ уѣздныя власти на откупу. Да-съ, не удивляйтесь! Вы еще нашей практики хорошо не изучили, какъ видно, а отъ петербургской она очень отличается. Дѣло просто. Исправникъ — родной племянникъ Пелагеи Андреевны: онъ начальникъ уѣздной полиціи и предсѣдатель земскаго суда, по выбору-съ дворянъ; такъ-то-съ... Становой отъ нея въ годъ (всѣ это открыто знаютъ) получаетъ пятьсотъ цѣлковыхъ жалованья, кромѣ харчей и частыхъ подарковъ: это вдвое противъ его казеннаго жалованья. Засѣдатель отъ дворянства получилъ отъ нея, послѣ перваго вашего пріѣзда къ ней, шесть паръ отборныхъ воловъ въ подарокъ; я самъ видѣлъ, какъ ихъ ея главный гуртовщикъ, выкрестокъ изъ киргизовъ, и погналъ къ нему за горы, туда вонъ, въ его хуторъ. Извѣстное дѣло—близость къ намъ татарскихъ степей и улусовъ; смотря на послѣднихъ, и эта барыня вер-

шитъ дѣла, какъ иной ногайскій мурза, прямо на чистоту. Знаетъ, что сильнѣе всего на свѣтѣ деньги... А засѣдатель замѣшанъ еще въ ея же дѣлѣ и съ вашимъ покойнымъ братцемъ, какъ сюда наѣзжалъ, по его ходатайству, молоденькій чиновничекъ особыхъ порученій, и Перебѳченская дала этому чиновнику пощечину-съ...

— Какъ? Чиновнику особыхъ порученій?

— Да-съ. Чему же вы удивляетесь? И еще лучше я вамъ скажу: чиновникъ этотъ, такъ безвинно обиженный, съ засѣдателемъ сами умолили барыню скрыть это дѣло, уѣхали и болѣе ее не тревожатъ. Засѣдатель боится вліятельнаго губернаторскаго чиновника, а тотъ боится, чтобъ сама барыня по губерніи на бумагахъ не ославила этого случая, такъ какъ у нея есть на это и свидѣтели. Извѣстно, молодой человѣкъ, едва изъ училища сюда навернулся, и боится. Какъ же-съ! Это дѣло съ нею будетъ и вамъ нелегкое! Ее по всему краю здѣсь знаютъ. Она очень смѣла, хоть такого жалкаго вида, и здѣсь первая богачка. Гурты ея лучшіе въ губерніи; саломъ съ Москвой торгуетъ, а быковъ на убой посылаетъ и въ Петербургъ. Что ей стоитъ сыпнуть деньгами, когда деньги къ ней, черезъ поблажку чиновниковъ, сами такъ легко идутъ... Скоро вся торговля скотомъ тутъ въ околоткѣ и далѣе будетъ въ ея рукахъ.

Рубашкинъ вздохнулъ и грустно оглянулся вокругъ, какъ бы выискивая предметъ, за который можно было бы ему ухватиться. Деревня, опустѣвшая отъ послѣдняго передвесенняго выхода людей для подготовки спуска судовъ на Волгу, уже поломавшую тогда ледъ, молчала. Обнаженныя отъ снѣга окрестности еще не были покрыты травой и уныло отсвѣчивались сѣрыми, мертвенными холмами и долинами.—«А въ Петербургѣ теперь гремятъ концерты!— невольно мыслилъ Рубашкинъ, — щегольскія толпы прогуливаются по Невскому, и сотни хожалыхъ городовыхъ охраняютъ спокойствіе каждаго гуляющаго. Вотъ тамъ бы теперь, среди бѣла дня, крикнуть: сколько бы народу сбѣжалось на защиту! А тутъ крикни, такъ кромѣ вѣтру никто тебя не услышитъ».

— Кто она такая, эта Перебѳченская?—спросилъ Рубашкинъ.

— Богъ ее знаетъ. Жила, говорятъ, здѣсь по близости на десяти или двадцати десятинахъ; тихая была такая.

Братъ вашъ тогда потерялъ жену и начиналъ тутъ обзаводиться, домишко строить; скучалъ, да и капиталу у него не было; негдѣ ему было дѣться. Она и подъѣхала къ нему, сдѣлала условіе, стала разводить и нагуливать тутъ первые гурты. Свой домикъ въ городѣ отдала въ наймы; людей своихъ, кромѣ тѣхъ, кто отъ нея убѣжалъ прежде, перевела сюда. Сперва брату вашему хорошо и вѣрно платила. Онъ переѣхалъ лѣчиться въ городъ. Тутъ она сошлась, коли слышали, съ нашимъ есауловскимъ, бывшимъ пастухомъ и скотникомъ, Романомъ Тàнцуромъ, котораго нашему князю потомъ въ приказчики посовѣтовала взять. Предложила и князю гурты завести. Онъ согласился. Послалъ Романа за скотомъ въ Черноморье, а оттуда велѣлъ проѣхать на Азовское море къ Ростову. И она съ Та́нцуромъ туда въ фургонѣ съѣздила. Да съ той поры, какъ уѣхалъ князь, Богъ вѣсть откуда у нея и деньги взялись. Говорятъ, что прежде Перебо̀ченская была богата по мужу, но потомъ все прожила на откупахъ: откупа съ мужемъ гдѣ-то возлѣ Кіева держала. Ее пощипали и чиновники, когда мужъ ея умеръ за границей; но она выпросила позволеніе тѣло его перевезти въ свой хуторъ, забила его въ гробъ, да и обвертѣла тѣло мужа кружевами, блондами и матеріями, а на таможнѣ это и открыли. Словомъ, передъ арендой Сырта она жила безъ гроша денегъ, тиранила своихъ людей, многихъ разогнала; хуторъ у нея даже брали въ опеку. А тутъ вдругъ черезъ годъ разбогатѣла, съѣздивъ въ Ростовъ. Повела она дѣло хозяйства широко, на тысячи; скоро обстроилась, какъ вы видите. Купцы къ ней ѣздятъ за саломъ и за кожами. Сама бойню въ оврагѣ тутъ за садомъ воздвигла. Скотъ ея узнали даже петербургскіе мясники. Чиновничество такъ и льнетъ къ ней. Заводскаго быка подарила молодому князьку изъ бѣлыхъ татаръ, здѣшнему уѣздному предводителю, на хозяйство. И какъ вамъ сказать, не согрѣшить? Одни говорятъ, что ей далъ сначала и теперь тайно даетъ на обороты деньги изъ есауловской экономіи нашъ приказчикъ Тàнцуръ. А другіе... будто онъ съ нею, ѣздивъ въ первое-то время вмѣстѣ за гуртами для князя и для нея, гдѣ-то, не то въ Черноморіи, не то на Азовьи или на Дону, купилъ тайкомъ большой запасъ фальшивыхъ ассигнацій, да здѣсь-то мало-по-малу, лѣтъ за десять, они и спустили ихъ и размѣняли. Во всякомъ же случаѣ, скажу вамъ: ясно одно, что

Романъ Танцуръ въ большой дружбѣ съ вашею противницей и, какъ полагать надо, дѣлитъ съ ней или прежде дѣлилъ всѣ барыши пополамъ. Только и онъ обожжется: на такой камень наскочилъ, что не одного его разобьетъ...

Рубашкинъ медленно и молча ходилъ съ священникомъ взадъ и впередъ по улицѣ. Обоимъ было тяжело продолжать разговоръ. Они подошли къ овражку за околицей и сѣли на обрывѣ.

— Что же мнѣ дѣлать теперь?—спросилъ Рубашкинъ.

Священникъ вынулъ кисетикъ, набилъ короткую трубочку крѣпчайшимъ турецкимъ табакомъ и закурилъ.

— Позволяете курить? Не обижаетъ это васъ, что священникъ куритъ?

— О, сдѣлайте милость!

— Когда у меня горе, я этимъ только лѣчусь. А горя у меня довольно: бѣдность, жена все хвораетъ... Но вы—другое дѣло. Попытайтесь еще обратиться лично или письменно къ губернскому предводителю дворянства, а наконецъ и къ губернатору. Всѣ похвальбы Перебоченской—вздоръ: у нея не можетъ быть никакихъ актовъ. Она хочетъ только, какъ иной дикарь-татаринъ, въ мошенничествѣ время выиграть. Особенно ей нужно для нагула скота это лѣто. На бумагѣ вы будете считаться владѣльцемъ земли, а на дѣлѣ будетъ она.

— Я самъ заведу скотъ, пущу въ поле.

— А она сгонитъ его, заграбитъ, велитъ, наконецъ, стрѣлять по немъ изъ ружей. И это въ нашей глуши бываетъ!.. Вы еще не знаете... Татарія за рѣкой, недалеко...

— Нѣтъ, не можетъ быть! Она одумается...

— Увидите! Да вотъ ѣдутъ господа чиновники. Прощайте! Я пойду пока вонъ въ ту избу, чтобы вы съ ними объяснились безъ меня! Пусть она не знаетъ о моемъ къ вамъ участіи...

Чиновники подъѣхали, почтительно окружили генерала и подали ему актъ освидѣтельствованія Перебоченской. Оказалось, что она одержима такимъ опаснымъ недугомъ, что не только не могла, по слабости и безнадежности здоровья, оставить своего дома и съѣхать тотчасъ съ чужой земли, но даже не могла выслушать приказанія объ этомъ, не подвергаясь опасности скоропостижно заболѣть еще болѣе

и даже... умереть. Актъ былъ составленъ уѣзднымъ лѣкаремъ и подписанъ всѣми наличными чиновниками.

— Итакъ, поздравляемъ васъ съ имѣніемъ! — двусмысленно сказалъ исправникъ, любезно раскланиваясь съ Рубашкинымъ. — А насчетъ Палагеи Андреевны надо подождать, пока выздоровѣетъ. Что же вы теперь, генералъ, куда?

— Да поселюсь здѣсь; стану хозяйничать пока на этой землѣ, хоть безъ усадьбы.

— Здѣсь?—спросилъ исправникъ и оглянулся съ удивленіемъ:—въ Малаканцѣ? на квартирѣ у мужика?

— Именно здѣсь... Отчего же не нанять квартиры тутъ? Земля моя подъ бокомъ, это будетъ какъ на дачѣ!

— Да вы, ваше превосходительство, находчивы необыкновенно! Отличная выдумка...

— Благодарю за комплиментъ!

— Желаемъ вамъ успѣха!—прибавили чиновники.

— Очень благодаренъ.

Временное отдѣленіе уѣхало. За пятьдесятъ шаговъ за околицей Рубашкину послышался со стороны уѣхавшихъ довольно явственный хохотъ. Адріанъ Сергѣичъ, сложа вводный листъ и копію медицинскаго акта, съ донесеніемъ станового о причинѣ новаго невыѣзда Перебоченской изъ Конскаго-Сырта, грустно побрелъ въ избу, гдѣ ожидалъ его священникъ. Новые знакомцы еще поговорили.

— Какъ бы мнѣ, отецъ Смарагдъ, нанять, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ Маломъ-Малаканцѣ, квартирку? Хоть оно и странно, да что̀ же дѣлать?.. Во-первыхъ, вы мнѣ очень понравились и я радъ такому сосѣду, а во-вторыхъ, начинается весна. Здѣсь у Поволжья будетъ все-таки лучше жить, чѣмъ въ уѣздномъ городишкѣ, пока все болѣе объяснится. Да оно и дешевле. Я въ городѣ закуплю припасовъ; ящики мои съ вещами, неразобранные до сихъ поръ ни въ полтавскомъ хуторѣ, ни въ городѣ съ отъѣзда изъ Петербурга, я разберу здѣсь. Кое-какъ устрою, скрашу свою конурку. Будемъ видѣться, гулять вмѣстѣ. У меня есть недурное ружье; вы любите рыбу ловить. А тѣмъ временемъ я напишу еще кое къ кому изъ высшихъ властей...

— Не соскучитесь ли вы въ этой глуши?

— О, нѣтъ. Мнѣ эти мѣстности нравятся. Я подпишусь для васъ на «Пчелку» или «Инвалидъ», станемъ ихъ по-

лучать через ближайшую пароходную пристань на Волгѣ, переписку откроемъ съ дальнимъ свѣтомъ. Я встрѣчу съ окрестныхъ горъ разливъ Волги, прилетъ дичи, расцвѣтъ лѣсовъ и травъ. Я забылъ о чинахъ, орденахъ—право забылъ. Буду гулять по вашимъ буграмъ; станемъ вмѣстѣ любоваться этою угрюмою, дикою и вмѣстѣ чудною вашею природою... Я уроженецъ юга... давно стремился сюда, и вотъ, наконецъ, я дома, въ степяхъ, гдѣ наши казаки нѣкогда садились первыми зимовниками, колоніями!..

— Все это такъ, генералъ; но чѣмъ вы жить здѣсь будете?

— А моя генеральская пенсія?—спросилъ генералъ.

— Точно; я и забылъ...

Священникъ тутъ же разыскалъ Рубашкину квартиру у одной раскольничихи, бѣдной вдовы, на краю села, возлѣ слободскихъ безконечныхъ огородовъ, рядомъ съ вѣтряными мельницами. Съ дворика этой хаты открывался красивый видъ на окрестности. Здѣсь пробылъ священникъ у Рубашкина въ тотъ день до поздняго вечера, съ нимъ отпустилъ подводы и экипажъ обратно въ городъ, втащилъ съ хозяйкой въ комнату и развязалъ ящики съ вещами.

— Сколько такихъ рядовыхъ генераловъ обрѣтается на Руси!—замѣтилъ Рубашкинъ, прощаясь съ священникомъ.— Они мирно поселяются по душнымъ городамъ... жить на хлѣбахъ у государства. Лучше же я пережду, добьюсь своего и здѣсь употреблю сохраненныя еще мои силы на возрожденіе выпавшаго мнѣ уголка на новыхъ основахъ вольнонаемнаго труда. Тогда весело заживемъ, отецъ Смарагдъ! Не правда ли?

— Дай-то Богъ!

Это было въ концѣ февраля.

Недѣли черезъ двѣ поля зазеленѣли. Каменистыя тропинки по берегамъ Лихого просохли. Отецъ Смарагдъ попрежнему былъ угрюмъ, суровъ, ходилъ нелюдимымъ; забившись куда-нибудь подъ берегъ Лихого, напѣвалъ про себя священные гимны, вздыхалъ, ловилъ больной женѣ рыбку. Какъ-то онъ съ удочкой наловилъ два ведра окуней возлѣ водяной мельницы, отправилъ рыбу домой къ женѣ съ деревенскими мальчишками, сопровождавшими его гурьбой къ мельницѣ, и пошелъ провѣдать Адріана Сергѣича.

Онъ вошелъ въ его нанятую избу и остолбенѣлъ отъ изумленія.

Свѣтлая, просторная комната въ три окна на поле и въ два во дворъ была устлана коврами и перегорожена красивою занавѣской. Мебель, купленная въ городѣ, наполняла переднюю часть комнаты и заднюю, гдѣ стояла желѣзная кровать генерала. По стѣнамъ висѣли три-четыре небольшія картины, писанныя масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, два круглыхъ зеркальца и нѣсколько кенкетовъ для свѣчей. Столъ передъ мягкимъ диванчикомъ былъ заваленъ французскими книгами, большею частью романами. Альбомы карикатуръ лежали на красивой стѣнной полочкѣ. Письменный столъ былъ уставленъ фарфоровыми, бронзовыми и деревянными бездѣлушками. Тутъ же стояла чернильница, лежали бумаги и другіе письменные припасы. За перегородкой въ спальнѣ, на коврѣ, надъ кроватью, висѣло легкое, англійское двухствольное ружье съ прочими принадлежностями охоты, револьверъ и крѣпкая трость съ потайной шпагой. Въ углу за кроватью стоялъ шкапъ съ платьями, столъ съ посудой и самоваромъ. А у изголовья постели—крошечный столикъ со свѣчой.

— Поздравляю съ новосельемъ! Какъ вы мило устроились!

— Да, и пòчту мою уладилъ получать въ семи верстахъ. На Тайницкой пароходной пристани скоро станутъ получаться на мое имя письма и для васъ петербургская газета. Я написалъ Исакову и не знаю, какую онъ вышлетъ. Это все я въ городѣ устроилъ. Что̀ значитъ, какъ захотятъ! Почтмейстеръ отличный человѣкъ! Я у него купилъ и эту мебель.

— А, понимаю! Была, значитъ, выгода, такъ и устроилъ пріемъ почты на пристани! Дороговько же вамъ это все обошлось?

— Не мало. Пока устраивался, деньги такъ и таяли.

— Жаль, однако, что у васъ здѣсь все вижу французскія книжки. Неужели вы въ Петербургѣ мало читали изъ русской литературы?

— Да что̀ же у насъ читать? Только ругаютъ меня, васъ, всѣхъ!

— Э, какъ же вы судите! У насъ въ глуши и то лучше на литературу смотрятъ. Вы вотъ реалистъ, какъ я замѣ-

тилъ. А знаете ли, какъ много у насъ явилось книгъ по части реальныхъ наукъ?

— Будто? И хороши?

— Какъ не хороши! Запишите-ка, я вамъ скажу о нѣкоторыхъ, а вы выпишите ихъ и хоть мнѣ дайте прочесть. Я знаю ихъ по разборамъ.

Рубашкинъ записалъ.

— Будемъ, будемъ прочитывать. Но жаль, что у васъ въ семинаріяхъ по-французски не учатъ читать! Я самъ уже самоучкой выучился въ Петербургѣ и именно изъ-за этихъ романовъ, — прелесть! Куда только не перенесешься съ ними!

Священникъ покачалъ головой.

— Какъ же вы кушанье свое тутъ устроили?

— Хозяйка готовитъ. И недурно, увѣряю...

Посидѣли, поболтали.

— Вотъ ужъ пять дней, какъ я устроился. И какъ легко на душѣ. Цѣлые дни брожу съ ружьемъ по окрестностямъ. Горы ваши—прелесть; видъ на Волгу съ бугровъ—уму непостижимое очарованіе! Уйдешь по холмамъ, заберешься въ глушь; лѣса расцвѣтаютъ, одѣваются листьями. Дичи гибель. И не опомнишься, какъ день кончился.

«Что онъ, вретъ, или правду говоритъ! — подумалъ священникъ, — не упорство ли тутъ чиновника, а не идиллія, которую онъ на себя напустилъ!»

— Что ваше дѣло?—спросилъ отецъ Смарагдъ.

— Писалъ къ губернскому предводителю и къ губернатору. Только отвѣта еще нѣтъ.

— А вы такъ хорошо устроили вашу почту! Тутъ письма въ губернскій городъ идутъ не болѣе двухъ дней.

— Что дѣлать? подождемъ.

Прошли еще три недѣли. Явились потомъ выписанныя книги. Стали пріятели ихъ разбирать. Впервые тутъ священникъ увидѣлъ: «Записки оружейнаго оренбургскаго охотника» Аксакова, его «Уженье рыбы», «Записки охотника» Тургенева и цѣлую кучу новѣйшихъ столичныхъ изданій по части естествовѣдѣнія: о мірозданіи, о лѣсахъ и степяхъ Америки, о морѣ и его жизни, объ облакахъ, объ инстинктѣ животныхъ, и проч. Кое-что взялъ отецъ Смарагдъ почитать къ себѣ домой. Иное изъ этого онъ тутъ же прочелъ съ своимъ сосѣдомъ. Генералъ сперва было вздремнулъ

при чтеніи и сказалъ:—«нѣтъ, Дюма̀ и Феваль лучше! Вотъ я вамъ переведу!» — Но когда священникъ сталъ читать Аксакова и Тургенева, Рубашкинъ пришелъ въ такой восторгъ, что крикнулъ:—«нѣтъ, я ошибался: французамъ до насъ далеко!.. Такъ и подмываетъ идти на охоту! Я страстный охотникъ въ душѣ»...—Схватилъ ружье, ушелъ въ сосѣдній лѣсъ и, хотя страшно усталъ, но не убилъ ничего.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Священникъ ходилъ въ гости къ Рубашкину. Адріанъ Сергѣичъ ходилъ къ отцу Смарагду въ Есауловку. Дѣла его не измѣнялись. Обитатели Малаго-Малаканца сперва, какъ на пугало какое, стали сходиться смотрѣть на новаго своего поселенца. Ребятишки и взрослые слѣдили изъ-за угловъ, когда онъ уходилъ на прогулки. Но потомъ они всѣ привыкли. Вмѣшался-было въ жизнь генерала сосѣдній окружной начальникъ надъ этимъ селомъ. Но отецъ Смарагдъ при случаѣ сказалъ ему, что генералъ чуть ли не присланъ сюда инкогнито, по поводу раскола, и Рубашкина всѣ оставили окончательно въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что съ расколомъ окружной начальникъ рѣшительно не зналъ что̀ дѣлать. Въ концѣ этого второго мѣсяца, вмѣстѣ съ нумерами «Инвалида», Рубашкинъ получилъ разомъ, наконецъ, два пакета изъ губернскаго города. Тогда уже онъ пріобрѣлъ себѣ крѣпкаго буланаго конька и самъ верхомъ за почтой ѣздилъ къ одинокой пристани, гдѣ пароходъ какого-то общества грузился по пути, обыкновенно разъ въ недѣлю, дровами. Въ обоихъ пакетахъ былъ одинъ отвѣтъ: сдѣлано распоряженіе о подтвержденіи и внушеніи кому слѣдуетъ, чтобы, наконецъ, просьбы его, по дѣлу о выводѣ Перебо̀ченской изъ принадлежащей ему земли, были немедленно уважены. И только!

Но эти просьбы не уважались опять ни на волосъ. Пріѣхалъ по этому, впрочемъ, въ усадьбу Перебо̀ченской какой-то чиновникъ, какъ послѣ узналъ Рубашкинъ, взялъ отъ нея новую какую-то явку и опять уѣхалъ. Присылалъ за ней еще коляску князекъ, уѣздный предводитель дворянства; Перебо̀ченская выѣхала въ ней дня на три въ городъ, гдѣ былъ у ней домикъ, а въ это время, по условію съ предводителемъ, налетѣлъ становой, составилъ повѣстку губернатору, что госпожа Перебо̀ченская, по распоряженію мѣстнаго начальства, выбыла, наконецъ, такого-то числа изъ усадьбы Конскаго-Сырта, и эту повѣстку послалъ

въ городъ. Пелагея же Андреевна снова явилась въ своемъ домѣ. Гурты ея по старому гуляли по лугамъ и холмамъ Конскаго-Сырта. Полякъ, приказчикъ ея, въ свое время, съ весны, съ батраками засѣялъ безъ малаго двѣсти десятинъ пшеницы. Пришла пора косить луга. Перебоченская договорила артель прохожихъ на Черноморье косарей и стала, нисколько не стѣсняясь, снимать сѣно съ луговъ. Все это дѣлалось явно, съ полнымъ спокойствіемъ и передъ самымъ носомъ оторопѣлаго Рубашкина, который не только не успѣлъ съ своей стороны сдѣлать распоряженіе о косовицѣ, но даже сталъ изъ квартиры изъ Малаканца ходить на охоту и ѣздить за почтой, тщательно минуя собственную землю, гдѣ, по слухамъ, пастухи Перебоченской получили разъ навсегда такого рода инструкцію: «Что же изъ того, что его ввели во владѣніе? Владѣю землею я, и чуть онъ или кто, по его порученію, явится на землю, гоните всѣхъ въ-зашей; ни косить, ни пахать земли, ни пасти скота я ему тутъ не позволю, пока жива и пока есть за меня добрые люди!»

Тогда уже старикъ Танцуръ былъ обрадованъ возвращеніемъ изъ бѣговъ сына и обдумывалъ, какъ бы залучить и Илью въ его общія дѣла съ Перебоченскою.

Терпѣніе Рубашкина, наконецъ, лопнуло. А главное—небольшой денежный запасецъ его совершенно истощился въ переѣздахъ изъ столицы въ полтавскій хуторъ и потомъ на Поволжье, въ первыхъ и въ дальнѣйшихъ хлопотахъ въ дѣлѣ съ Перебоченской и въ обзаведеніи квартиркой въ Малаканцѣ. Не имѣй генералъ въ виду получить вскорѣ окончательно законнаго наслѣдства, онъ спокойно поселился бы еще съ осени гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и прожилъ бы безбѣдно своею пенсіей. А тутъ вдругъ карманъ опустѣлъ, въ долгъ никто ничего не давалъ, да и занять было рѣшительно не у кого.

Съ такими-то сѣтованіями, однажды, какъ мы уже знаемъ, обратился Рубашкинъ къ отцу Смарагду, найдя его у мельницы за удочкой.

— Спасайте, отецъ Смарагдъ! Я забился сюда, надѣялся, что скоро вся эта чепуха кончится. А оказывается, батюшка, что съ однимъ ружьемъ да съ петербургскими крѣпкими ногами, любуясь тутъ природою, мало добудешь себѣ средствъ къ жизни. Начать хоть съ пищи; даже дичи оказывается

что-то не такъ много у васъ, какъ я ожидалъ. Спасайте! Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? Не возвратиться же мнѣ снова на службу изъ-за того, что обѣдъ тутъ неизысканный, что капусточкой да яйцами все приходится пока пробавляться? Я ничуть и ни въ чемъ не раскаяваюсь и доволенъ, что бросилъ службу, и хоть поздно, да все-таки пріѣхалъ въ этотъ край, гдѣ пахнетъ такою глушью и дичью, а съ ними и свободой.

Священникъ задумался. «Охъ, не вѣрится—дуритъ!»—подумалъ онъ. Долго шли они взгорьемъ по берегу Лихого. Рубашкинъ, въ щегольскомъ свѣтломъ сюртучкѣ, широкой шляпѣ и въ розовомъ галстучкѣ, молча шелъ возлѣ отца Смарагда.

— Извольте, генералъ, послѣднее средство будетъ... Поѣдемъ со мной въ губернскій нашъ городъ. Тамъ есть у меня пріятель и родичъ, изъ семинаристовъ, учитель гимназіи. Онъ знаетъ всю подноготную города. Если онъ ни въ чемъ не поможетъ, такъ ужъ я и не знаю, что вамъ тогда дѣлать! А самъ я, понимаете, ничего тоже не смыслю въ этой путаницѣ...

— По рукамъ?

— По рукамъ...

— На чемъ же мы поѣдемъ?

— Вашъ буланый, да мой рыжій—и довольно, запряжемъ ихъ въ мой церковный фургонъ и поѣдемъ. Жаль, что открытый. Ну, да ничего. Авось чего-нибудь добьемся... Жаль только, что жена моя все хвораетъ.

Было рѣшено ѣхать черезъ пять дней. Подступалъ праздникъ Троицы. Священникъ отпросился по письму у сосѣдняго благочиннаго въ недѣльный отпускъ и сталъ ладить фургонъ.

Въ это время прислалъ ему, черезъ поселянскаго мальчика, Рубашкинъ записочку такого содержанія: «Въ моей жизненной баркѣ открывается, наконецъ, еще сильнѣйшая течь; съ каждымъ днемъ я, отважный пловецъ, болѣе и болѣе погружаюсь въ хладныя волны всякихъ неудобствъ. Сегодня хозяйка объявила, что вышелъ весь овесъ для моего буланаго, а собственно для меня вышли весь чай и сахаръ. Я пилъ уже нынче одно молочко-съ... Виватъ, областная практика! Потерпимъ. Ночью мнѣ снились петербургскіе рябчики, трюфели и шато-д'икемъ. Утромъ рано

убилъ я на буграхъ за Малаканцемъ въ перелѣскѣ пару куропатокъ. Что дѣлать! Въ этой первобытной пустынѣ еще можно не соблюдать весеннихъ законовъ объ охотѣ. Я сытъ. Но мой конь голодаетъ. Помните сказку о трехъ путяхъ? Пойдешь налѣво, самъ будешь сытъ, конь пропадетъ съ голоду. Эти мѣста—лѣвый, значитъ, путь. Итакъ, пришлите три цѣлковыхъ взаймы. Возвращу, какъ получу снова часть пенсіи. А между тѣмъ, вотъ вамъ новая продѣлка Перебо̀ченской. Племянникъ моей хозяйки, тощій мужичокъ, попросилъ у меня позволенія выгнать на одну изъ двухъ тысячъ десятинъ моей земли—покушать травки двѣ пары своихъ быковъ. Я, новый сыртинскій помѣщикъ, позволилъ. А Перебо̀ченская, извѣщенная черезъ лазутчиковъ, выслала поляка-приказчика въ поле, отбила у поселянина воловъ на моей землѣ и загнала къ себѣ въ стадо. Поселянину ея пастухи даже грозились стрѣлять, прогоняя съ поля его прочь. Я написалъ къ ней вчера ѣдкое письмо, а она на словахъ отвѣтила: «скажи своему генералу, чтобъ не трогалъ опять-таки меня, а то я наѣду на него, загоню самого его къ себѣ въ сарай на хуторъ и еще высѣку, чтобъ не обижалъ женщинъ; пусть не очень тутъ храбрится». Пампасы, пампасы дѣвственныхъ пустынь Америки! Кстати же, я ихъ, по вашему совѣту, читаю.—Vale! Вашъ Адріанъ Рубашкинъ».

— Чудакъ!—сказалъ, вздохнувъ, священникъ и обратился къ хорошенькой, но болѣзненной и постоянно-грустной своей женѣ:—Паша, есть у насъ деньги? Дай три цѣлковыхъ: я генералу на время пошлю.

— Какія у насъ деньги, Сморочка? Вонъ ты благочинному за треть благодарность послалъ, а за что̀ благодарить-то! И я въ порванныхъ сорочкахъ хожу, да и у тебя на зиму шубёнка вонъ какая опять будетъ. У насъ двое дѣтей. Церковнаго вина надо купить въ городѣ, свѣчей,—мало ли чего?..

— Э! Ему надо помочь! Человѣкъ бѣдовой доброты, давай, что̀ есть, авось насъ послѣ не забудетъ! Мы не Перебо̀ченская; фальшивыми ассигнаціями не торгуемъ; самъ знаетъ нашъ приходъ!

Вынула Пашенька послѣднія изъ комода деньги и отдала ихъ мальчику.—Въ городъ-то съ чѣмъ вы, безпутные, поѣдете? А еще по такому дѣлу ѣхать собираетесь! Срамъ,

безпутные! А еще ты, Сморочка, священникъ, да и онъ генералъ! Точно гимназисты живутъ!

IV.

Какъ бѣгалось.

Въ то время, какъ въ Маломъ-Малаканцѣ устраивался генералъ Рубашкинъ, въ есауловскомъ господскомъ саду мостилъ себѣ норку Илья Танцуръ.

Приказчикъ Романъ понялъ, что сразу сына не свернешь на иную дорогу, не поставишь его такъ, какъ хотѣлъ онъ, Романъ, и пошелъ на хитрости: далъ ему извѣстную долю воли, чтобъ посмотрѣть все, пріучить его и потомъ сломить сына разомъ. Птица долго не была въ клѣткѣ, успѣла черезчуръ порасправить себѣ крылья; даже навѣрное и перья-то у нея въ это время особыя, полетныя наросли! Слишкомъ уже отъ нея волей и воздухомъ пахло. Увидѣлъ Романъ, что сынъ болѣе не думаетъ отъ него дать тягу, самъ свозилъ его въ уѣздъ, явилъ его суду, при немъ сняли съ него допросъ по формѣ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣнадцать лѣтъ, и получили въ отвѣтъ по обычаю: «Гдѣ былъ я, и самъ того не знаю! А дѣлайте со мною, что̀ хотите!» Илью отпустили и велѣли отцу подать о немъ ревизскую сказку въ казенную палату, какъ о воротившемся добровольно изъ бродягъ, что̀ Романъ и сдѣлалъ аккуратно. Пустивъ Илью поработать наравнѣ съ міромъ, Романъ сказалъ: «вижу, Илько̀, что тебѣ со мною жить какъ будто не ладно. Да и впрямь! Ко мнѣ люди разные по должностямъ ходятъ, при тебѣ совѣстятся о мужикахъ правду говорить. Ты же къ обществу идешь... Такъ вотъ что̀... Любишь ты, я вижу, садовое дѣло, и матушка-попадья, Прасковья Агѣевна, говоритъ, что ты отцу Смарагду хорошо виноградъ подрѣзалъ и въ ростъ пустилъ. Переходи же, когда хочешь, въ садъ жить, въ пустку бывшаго тутъ садовника, что возлѣ вербъ. Хочешь, къ намъ ѣсть ходи; а не хочешь, бери отсыпное мѣсячное продовольствіе отъ ключника, заурядъ съ другими батраками. Мать тебѣ дастъ горшковъ и прочаго. Тамъ себѣ и копайся; садъ смотри и веди его какъ слѣдуетъ. Я и французу, въ городѣ, нашему главному управляющему, Морицу Феликсычу, говорилъ о тебѣ, и онъ согласился. Пила и ножницы для подрѣзки сада тебѣ будутъ

нужны, я знаю, равно смолка и прочее тамъ для мази. Въ воскресенье съѣздишь въ городъ, скупишь все, да кстати и у француза побываешь. Явись къ нему. Ручку у него поцѣлуй. Онъ у насъ главный тутъ...»

Илья съѣздилъ въ городъ, видѣлъ француза, получилъ отъ него инструкціи о садѣ и уѣхалъ. Французикъ, мосьё Пардоннэ, былъ, какъ всѣ французы, попадающіе нынѣ въ наши провинціи въ качествѣ техниковъ и искусниковъ всякаго рода, какъ нѣкогда попадали туда же ихъ предки въ качествѣ ученыхъ воспитателей юношества. Онъ имѣлъ красный воспаленный носикъ, рыженькій паричокъ, жилъ на ногѣ холостяка, и его комната, гдѣ онъ спалъ, встрѣчала всякаго вхожаго тѣмъ острымъ и особенно противнымъ запахомъ, какой имѣютъ таковыя комнаты на Руси обыкновенно у всѣхъ французовъ-техниковъ, точно такъ же какъ его имѣли въ старину подобныя же комнаты французовъ-гувернёровъ. Въ нихъ обыкновенно платье нашихъ заморскихъ гостей разбросано въ безпорядкѣ по протертымъ стульямъ и окнамъ, банка съ ваксой покоится на книжкѣ «Пюсель д'Орлеанъ» Вольтера; подъ кроватью по цѣлымъ годамъ валяется всякій непостижимый соръ, старые сапоги, Богъ-вѣсть для чего припасенный столярный и слесарный инструменты, объѣдки колбасы, фланелевые подштанники, хлѣбныя корки, шпринцовка; а въ паутинѣ и пыли виситъ на стѣнѣ портретъ какой-нибудь красавицы, привезенной изъ-за моря. Морицъ Феликсычъ Пардоннэ, впрочемъ, встрѣтилъ Илью не въ этой комнатѣ; а въ обширной пріемной, уставленной шкапами съ дѣловыми книгами. Онъ вышелъ въ синей рабочей блузѣ, почему-то надѣвавшейся постоянно поверхъ сюртука, когда французъ выходилъ въ эту комнату встрѣчать кого-нибудь по дѣламъ ввѣреннаго ему княжескаго сахарнаго завода подъ городомъ. Задравши красный носикъ, надѣленный постояннымъ насморкомъ, онъ сказалъ Ильѣ строго, хоть и съ улыбкой, какъ сыну приказчика: «Трудись, мой миль, а въ саду разведи мнѣ винъ... фрюи... и редисъ». Онъ очень не понравился Ильѣ, и тотъ все удивлялся, какъ такого мозгляка могли сдѣлать главнымъ начальникомъ надъ всею Есауловкою. Его отецъ былъ, по крайней мѣрѣ, великъ ростомъ и изъ себя молодецъ, а этотъ французикъ—какая-то противная лягушонка.

Илья устроился въ ветхой садовой пусткѣ, то-есть въ плетеной глиняной избушкѣ, въ концѣ дикой половины сада, разбитой паркомъ. Избушка была у оврага; ее спрятали съ трехъ сторонъ старыя вербы, а съ четвертой она выходила къ луговой, болотистой, подъ косогоромъ, равнинѣ, носившей имя Окнины. Нечего и говорить, съ какою радостью взялся Илья за устройство новаго жилища. Отсюда былъ виденъ тотъ заброшенный склонъ косогора, надъ ключами и муравой Окнины, гдѣ еще оставались слѣды былой усадьбы старика Романа Тàнцура, дуплистый берестъ, нѣсколько обломанныхъ вѣтромъ и скотомъ вербъ, куча мусора и двѣ-три ямы съ стеблями какого-то тощаго кустарника. Илья не переставалъ помышлять о возможности самому получить землю, если удастся, даже старое мѣсто на Окнинѣ, ходилъ туда часто черезъ садовую канаву и съ жадностью принялся за устройство садовой лачужки.

Онъ очистилъ вокругъ этой лачужки сорныя травы, обмазалъ ея стѣны зàново глиной, побѣлилъ ихъ, покрылъ избушку мхомъ и осокой, которой накосилъ тутъ же за садомъ. Выпросилъ у матери сундучокъ, спряталъ туда кое-какія свои пожитки. Натаскалъ въ избушку старой посуды; поставилъ кадку для воды, а ведро самъ сдѣлалъ. Выпросилъ себѣ на время у священника, за подрѣзку винограда, топоръ, долото, стамеску, молотокъ и буравчикъ, обязавшись за нихъ еще прищепить ему нѣсколько дичковъ яблонь и сливъ въ церковномъ садикѣ. Примостилъ въ хаткѣ, между печкой и угломъ, нѣсколько досокъ себѣ для постели. Выбѣлилъ внутри лачужку и сѣни. Окнина была въ саду со стороны полдня, и потому Илья сейчасъ же на лужайкѣ, между хатой и садовой канавой, устроилъ огородъ и посѣялъ маленькій баштанъ арбузовъ, дынь, огурцовъ, пшенички, кукурузы. Жена священника снабдила его разсадой капусты, которую онъ хоть поздно, а все-таки посѣялъ и сталъ съ усердіемъ поливать. Досталъ онъ у отца въ кладовой цвѣточныхъ сѣмянъ для саду и у себя за вербами разбилъ и засѣялъ цвѣтничокъ. Подъ заваленкой избушки откуда-то взялась вскорѣ мышастая и невзрачная, повидимому, забитая собачонка, которая, однакоже, быстро оправилась и стала по ночамъ такъ шнырять подъ деревьями вокругъ лачужки и такъ забористо лаять, что Илья самъ изумился. Она къ нему сильно привязалась и вездѣ сопро-

вождала его въ работахъ по саду. Илья сталъ получать мѣсячину отъ ключника; натаскалъ подъ крышу пристройки къ избушкѣ разнаго лому, стружекъ и гнилыхъ сучьевъ, и самъ сталъ стряпать. Съ той поры онъ вовсе перестал ходить къ отцу въ контору. Старая Ивановна было взрустнула по сынѣ, но мужъ сказалъ ей: «Не твое дѣло! брось его—одумается!» И она стала, попрежнему, возиться съ собственными дѣлами въ конторской, стряпая, обшивая мужа и опиваясь по десяти разъ въ день чаемъ изъ чашекъ, расписанныхъ купидонами. «Что, однако, этотъ сорвиголова дѣлаетъ тамъ?» самъ себя однажды спросилъ приказчикъ, подъ-вечеръ увидѣвъ, какъ изъ гущины вербъ въ концѣ сада подымался дымокъ, и пошелъ туда окольными дорожками. Бóльшая часть тропинокъ въ саду оказалась расчищенною, деревья подрѣзанными и вѣтки съ нихъ правильными кучами свалены за клумбами. Виноградъ у обрыва за прудомъ былъ развѣшанъ на бѣлыхъ новыхъ кольяхъ и жердочкахъ и густо зеленѣлъ, пуская длинные широкіе листья и цѣпкіе усы. Чернобровый Романъ заглянулъ подъ пристройку избушки: на бондарскомъ прилавкѣ лежало въ кучѣ стружекъ кривое долбило и начатое липовое корытце. Онъ вошелъ тихо въ сѣни. Дверь была раскрыта, а у яркорастопленной печи, съ засученными рукавами, возился Илья. Собачонка залаяла и бросилась изъ хаты на Романа. Къ порогу кинулся и Илья.

— Что тутъ стряпаешь, башка? а?

— Ужинъ варю.

Романъ съ улыбкою покачалъ головою.

— Ну-ну, вари... Квасу гдѣ досталъ?

— Самъ завелъ...

— Садъ, однако, у тебя ничего, хорошо!

Романъ ушелъ, помышляя: «малый на всѣ, кажется, руки. Прокъ будетъ! Пора бы ужъ ему и одуматься. Поговорю съ Палагеей Андреевной. Очень бы теперь его намъ нужно было. Людей вѣрныхъ у насъ нѣтъ... Да и съ барыней надо счетъ свести!»

Зажилъ себѣ уютно и отрадно Илья въ лачужкѣ. Рѣдко когда онъ и садъ покидалъ. Все копается въ немъ. Развѣ сходитъ на рѣку, выкупается, бѣлье самъ вымоетъ, рыбу удочкой наловитъ для попадьи. «Да я тебѣ хоть рубахи стану мыть!» говорила ему мать, старая, располнѣвшая въ

приказчицахъ, Ивановна. Илья молча уходилъ отъ матери. «Чайку выпей; я тебѣ, Илько, чайничекъ дамъ, сахару и чаю; самъ заваривай у себя».—«Вотъ, когда бы мнѣ ружье да пороху—поохотился бы; и сорокъ въ саду гибель; вишень пропасть цвѣло—все объѣдятъ».—«Проси самъ у отца: то ужъ не мое дѣло!» Илья не просилъ. Онъ отца дичился и боялся, самъ не понимая чего. Никто не заходилъ въ садъ къ Ильѣ. Иногда только по вечерамъ и до поздней ночи звенѣла у него подъ вербами флейта. Это посѣщалъ его, въ свободные часы отъ занятій въ оркестрѣ венгерца, другъ его Кирилло Безуглый, проходя въ садъ не селомъ, а отъ мельницъ изъ бывшаго винокуреннаго завода, гдѣ помѣщался оркестръ, напрямикъ, буграми и Окниной. Кирилло садился съ пріятелемъ передъ мѣсяцемъ, подъ избушкой, курилъ папироску или наигрывалъ на флейтѣ и иногда до бѣлой зари съ нимъ говорилъ безъ умолку.

Однажды пришелъ къ Ильѣ Кирилло Безуглый передъ вечеромъ и принесъ ему въ платкѣ небольшую картину, писанную масляными красками.

— Саввушка писалъ! Маляръ-то нашъ, какъ видишь, художникъ. Въ послѣднемъ, братъ, хрипѣніи чахотки обрѣтается! Взгляни! Это онъ какъ казака изобразилъ на конѣ. Мчится по степи, аки вѣтеръ. А то курганы, бугры, а вонъ ковыль разстилается. Вольный казакъ, какъ наши дѣды, братъ, были...

— Неужто умираетъ Саввушка?

— Хрипитъ уже; бабки шепчутся надъ нимъ. Кларнетъ заѣлъ его... Врядъ до утра проживетъ...

— Гдѣ краски онъ бралъ?

— Тайкомъ за иконы доставалъ изъ города. Это онъ тебѣ въ подарокъ прислалъ...

— Спасибо...

— Просилъ только, чтобы ты ему у отца чайку выпросилъ. Въ груди его все жжетъ. Про Питеръ толкуетъ, про живописцевъ, про кадемію, да про того, Брилова, что ли, про этого,—помнишь?

Илья внесъ картину въ пустку, упалъ лицомъ въ постель и судорожно зарыдалъ. Кирилло остался на дворѣ, гладя собачку, знавшую его. Илья повѣсилъ картину въ углу, подъ почернѣлымъ образкомъ, надѣлъ картузъ и побѣжалъ къ двору.

— Куда ты?

— Сейчасъ...

Онъ скоро воротился.

Выпросилъ у матери чаю и сахару, будто себѣ. Отослалъ съ Власикомъ Кириллѣ. Между тѣмъ, солнце зашло. Раскричались милліоны лягушекъ окрестъ Окнины. Запахло березами, липами. Свѣтлая ночь встала надъ землею. Мѣсяцъ тихо выкатился изъ-за бугровъ и освѣтилъ вербы, Окнину и уголъ Ильиной хатки. Зазвучала флейта на ея порогѣ, и долго уныло отдавались въ глуши сада ея круглые, мягкіе переливы. Вдругъ какая-то легкая пушистая птица, взмывъ широкимъ сѣрымъ крыломъ надъ вербами, крикнула у самаго порога хатки и улетѣла. Илья, опустивъ голову въ колѣни, сидѣлъ на порогѣ, рядомъ съ Кирилломъ, и вдругъ горько заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь, братъ? — спросилъ Кирилло Безуглый.

— Тоска, не повѣришь, какая тоска! Это либо Саввушка померъ и душа его надъ нами отозвалась, на тотъ свѣтъ полетѣла, либо...

Илья не договорилъ.

— Либо что?

— Ужъ не Настя ли моя въ Ростовѣ померла?

— Э, полно. Съ чего ты это взялъ?

— Ты такъ жалобно играешь, Кирюша! Такая тоска меня взяла: бѣдные мы съ тобою, подневольные!..

— Ладно, я замолчу. Потолкуемъ лучше. Эта флейта у меня расхожая; въ карты въ городѣ выигралъ у одного тамъ музыканта. А настоящей флейты венгерецъ не даетъ...

Кирилло спряталъ флейту за сапогъ.

— Эхъ, Ильюша, дѣвки, дѣвки! Губятъ онѣ насъ! Моя Фрося такъ козырь-молодка. Води, говоритъ, меня барыней: одѣвай меня, а не то разлюблю — пойду ночью къ поляку-приказчику! Все-равно, говоритъ, проситъ. А я ее за косы: атанде-съ! Ничего, усмирилъ; еще пуще полюбила. И вправду говоритъ: ты голышъ, и я въ платьѣ безъ рубахъ хожу; будетъ воля—повѣнчаемся...

Илья молчалъ.

— Что же ты не проронишь слова? — спросилъ Кирилло.

— Негдѣ взять мнѣ, Кирюша, словъ такихъ, какъ у тебя! Настя учила меня въ Ростовѣ стишкамъ, да я забылъ.

Одни были: «Ахъ, за окномъ въ тѣни мелькаетъ русая головка!» А другіе: «Гляжу я безмолвно на черную шаль!» Забылъ и то, и другое.

— Ну, такъ... Давай о будущемъ говорить. Я въ одной книжкѣ съ Саввушкой читалъ, какъ люди въ любви живутъ и какъ ихъ злая судьба гонитъ! Ты этой книги не читалъ?

— Нѣтъ. Я вотъ «Ледяной Домъ» у каретника на фабрикѣ съ ребятами читалъ, какъ одного хохла нашего водой обливали въ морозъ и уморили. Плохія бывали дѣла!..

— Давай же о будущемъ толковать! — продолжалъ Кирилло: — ты, Илья, ничего про волю не слышалъ? Скажи, какъ это ты такъ вдругъ сюда самъ пришелъ съ свободы-то? Положимъ, и мы, всѣмъ оркестромъ, было разбѣжались; такъ мы недалеко забивались: тутъ же по Волгѣ на баркахъ промчались, пока ихъ не скрутила полиція, а другіе и сами воротились по волѣ, какъ и ты. Да что! Мы дома теперь опять, да и въ бѣгахъ были почти дома. Иные тайкомъ сюда изъ бѣговъ по ночамъ къ роднымъ даже за бѣльемъ ходили. Вся слобода знала, что мы тутъ верстахъ въ сорока маялись, а не выдавала насъ. Но ты—другое дѣло!.. Двѣнадцать лѣтъ проходилъ въ бродягахъ и ушелъ еще мальчикомъ. Такъ скажи же ты мнѣ, какъ ты такъ вдругъ воротился съ приволья?

— Вышелъ сказъ такой у насъ. Всѣ и узнали...

— Кто же это тамъ вамъ сказъ такой сказалъ?

— Не знаю... Разомъ всѣмъ стало вдругъ это извѣстно — идти по домамъ изъ бѣговъ къ своимъ господамъ, да и только; что въ скорости волю всѣмъ прочитаютъ и все воротятъ. Всѣ и пошли... Ну, однимъ словомъ, понимаешь ли: сказано между народомъ, по мѣстамъ быть всѣмъ, гдѣ кто, значитъ, нарожденъ...

— А! Такъ ты и пришелъ?

— И пришелъ.

— И ждешь тутъ?

— Жду.

— Ну, ты, извѣстно, земли хочешь: тебѣ тутъ и мѣсто.

— А тебѣ, Кирилло?

— Мнѣ?

— Да.

— Какъ это только прочтутъ волю, братъ, возьму сей-

часъ Фроську, обручусь съ нею, попъ перевѣнчаетъ, — мы и маху.

— Куда же? Зачѣмъ же тебѣ бѣжать? Вѣдь ты вольный будешь и безъ того? Куда же бѣжать тебѣ тогда?

— Куда глаза глядятъ, лишь бы отъ венгерца да отъ твоего батьки подалѣе, а ей отъ своей барыни.

— Нѣтъ, мы съ Настей тутъ себѣ хату на Окнинѣ поставимъ, жить тутъ станемъ. Такъ мнѣ ея отецъ, Талавѣрка, сказалъ...

Кирилло закурилъ папироску.

— Скажи мнѣ, Илья, какъ ты это, спрашиваю я тебя, съ Настей своею сошелся?

— Да такъ. Какъ былъ это я въ бѣгахъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, отъ одной бѣды къ другой, и очутился, наконецъ, я, послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ, въ Эйскѣ. Городъ такой есть у моря. Работалъ я тамъ надъ поломанной баркой съ однимъ слесаремъ, тоже бѣглымъ: Таволгой прозывался. Вижу я, разсчитывается онъ съ хозяиномъ и сумку укладываетъ. «Куда ты?» — «Въ Ростовъ; лучше тамъ наймусь, знакомый есть». — «Кто?» — «Талавѣрка». — «Не Аѳанасій ли?» — «Онъ и есть; а ты почемъ знаешь?» — «Мы, почитай, сосѣди: я отъ князя, а онъ отъ одной барыни, говорю, убѣжалъ ужъ давно-давно; я про него дома слышалъ... Чѣмъ же онъ въ Ростовѣ-то?» — Смотрю, Таволга замолчалъ, да такъ и ушелъ; побоялся видно, чтобъ я не выдалъ по молодости лѣтъ его пріятеля, Талавѣрки. Сталъ я опять думать. Вспомнилъ, что Таволга про одного богача-каретника какъ-то все разсказывалъ еще прежде у Шелбанова, и что онъ у него разъ при кузницѣ жилъ. Потерялъ я сонъ и ѣду. Вспомнилъ черезъ этого Аѳанасія Талавѣрку про своего отца, матерь и родину, и захотѣлось мнѣ хоть этого Талавѣрку повидать. «Не узнаю ли чего о нашихъ?» мыслилъ я. Десять лѣтъ ужъ я былъ въ бѣгахъ. Не вытерпѣлъ, уѣхалъ изъ Эйска на хозяйскомъ дубу въ Ростовъ. Нанялся въ дрягили, въ носильщики, значитъ, у грека тоже одного тамъ, Петракоки; силъ во мнѣ прибавилось, я окрѣпъ: по четыре, по пяти пудовъ могъ поднимать и носить. Сталъ я зарабатывать въ день по цѣлковому и по два; выпадали дни, что и три зашибалъ. Изломался весь, тружусь. А между тѣмъ, все прислушиваюсь, не говорятъ ли про Талавѣрку.

Собачонка, лежавшая у ногъ Ильи, давно ворчала, злобно косясь въ темноту. Когда онъ смолкъ на время, чтобъ духъ перевести, она съ визгомъ шарахнулась подъ вербы, побѣгала тамъ, полаяла и воротилась опять.

— Что это она?—спросилъ Кирилло.

— Такъ, вѣрно мышь заслышала. Лежать. Валетка, смирно!

Илья опять сталъ разсказывать.

— Только, вотъ, сталъ я прислушиваться на базарахъ, за мостомъ, за Дономъ, въ подгороднихъ харчевняхъ, на дешовкѣ, людей разспрашивалъ. Никто его не знаетъ... Страхъ меня взялъ, точно весь родъ-племя мое вымерли... А что Талавѣрка? Я его семью зналъ и слышалъ, что онъ отъ своей барыни бѣжалъ втроемъ съ другими двумя ребятами, и самъ онъ еще молодымъ былъ парнемъ. Разговорился разъ я съ однимъ бродягой изъ дезертировъ, что послѣ еще въ убійствѣ торговки попался, а онъ мнѣ: «ступай», говоритъ, «на такую-то улицу возлѣ городского сада, тамъ есть каретникъ, и толкуютъ, что былъ онъ прежде въ бѣглыхъ; не онъ ли? Только на вывѣскѣ его, смотри: другое прозвище». Тёкнуло у меня сердце. Я пошелъ и точно, смотрю, золотая по синему вывѣска, домъ собственный каретника, хоть деревянный, съ пристройками, а на вывѣскѣ читаю: «Каретникъ Егоръ Масанёшти, изъ Кишинева». Это и былъ, какъ я послѣ узналъ, тотъ самый Аѳанасій Талавѣрка, и я сразу понялъ, что и онъ, какъ тотъ, помнишь, трактирщикъ, прозвище свое перемѣнилъ, что нарочно пробрался въ Молдавію и оттуда ужъ воротился съ купленнымъ чужимъ видомъ...

Едва успѣлъ Илья сказать эти слова, какъ собачонка опять съ лаемъ кинулась отъ порога пустки въ вербы, залилась, обѣжала избушку и опрометью понеслась по темнымъ тропинкамъ сада, какъ бы кого догоняя.

— Что бы это было?—спросилъ удивленный Кирилло:— не подслушалъ бы кто?

— Кошка вѣрно тутъ бѣгала, у насъ въ домѣ окотилась вчера...

Собачонка еще, однако, лаяла по саду и, воротившись, не сразу снова успокоилась.

— Кончай же, Ильюшка. Скоро заря. Надо къ Саввушкѣ сходить. Живъ ли онъ?

Илья Танцуръ продолжалъ:

— Разъ прихожу я къ каретнику Масанѐшти, въ другой. Нанимаюсь въ слесаря у его помощника. Не принимаютъ. И такъ подхожу, и этакъ — ничто не беретъ! Ворота на запорѣ. Слышна только работа въ горнахъ, да дымъ идетъ изъ кузницъ. Полиція къ нему милостива. Хоть бы увидѣть его, думаю, на улицѣ. Хожу мимо дома, ну, такъ душа и льнетъ туда. Выбралъ опять праздникъ. Пасха людямъ была, первый день. Одѣлся я, принарядился. Прихожу. Позвонилъ за шнурочекъ у калитки. Выходитъ дѣвочка... бѣленькая такая — каріе глаза, сухощавенькая... «Что̀ вамъ надо?» спрашиваетъ. «Хозяина». — «Зачѣмъ?» — «По дѣлу». Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ. — «Да вы не подво̀хъ ли какой подъ отца?» — «Ей-Богу», говорю: «нѣтъ!» — «Ну, смотрите же вы, для такого праздника!..» Пошла, доложила отцу и опять кликнула меня съ улицы. Пошелъ я за нею, какъ приговоренный къ му̀кѣ. Сразу полюбилась мнѣ она. Это и была Настя... Прихожу я къ Масанѐшти. Онъ на палатяхъ въ людской лежитъ; хмелеватъ: подмастерьевъ всѣхъ распустилъ. Былъ онъ тамъ одинъ, да дочка на порогѣ стояла. Вспомнилъ я наши мѣста и его родню вспомнилъ. — «Кто ты?» — «Здравствуйте», прямо говорю: «Аѳанасій Игнатьичъ!» Онъ и дочка такъ и обмерли. «Кланяется вамъ наша родная сторона», продолжалъ я по памяти: «ваша сестрица Дарья Григорьевна, и ваша тетушка Домна Савишна, и ваша барыня и наше село Есауловка!» Кинулся онъ къ двери, вытолкнулъ дочку, заперся на засовъ и ухватилъ меня за грудь. — «Ты подвохъ! ты подосланъ! Ты погубить меня пришелъ!» Упалъ я на колѣнки и на образа сталъ божиться. «Много лѣтъ», говорю: «и я ходилъ по свѣту, и я бѣглый... Не бейте и не обезсудьте меня... Я самъ горе мыкаю... Я Ильюшка, говорю, Та̀нцура Романа сынъ. А про васъ слышалъ, признаюсь, еще въ дѣтствѣ, хоть вашу родню и барыню знаю». Долго не признавался старикъ. Все отнѣкивался. Я въ слезы... Повѣрилъ ли онъ мнѣ, наконецъ, или съ хмелю то было. Кинулся онъ вдругъ обнимать и цѣловать меня... «Ты черезъ пять годовъ бѣжалъ послѣ меня... Я же семнадцатый годъ бѣгаю». Ударился онъ сѣдою головою въ колѣни, да и самъ въ слезы... Ну, мы христосоваться, да молиться, да плакать, тамъ съ нимъ наединѣ. Прошла недѣля, присмотрѣлся онъ ко мнѣ,

слесаря того изъ Эйска, Таволгу, разспросилъ про меня. Я у него, точно, его засталъ. Тоже былъ тихій человѣкъ. Въ серединѣ святой недѣли позвалъ старикъ дочку. Меня показываетъ. «Пятнадцать лѣтъ ни одной души», говоритъ: «кромѣ этого парня, изъ нашего краю ни здѣсь, ни въ иныхъ мѣстахъ не видѣлъ. Будь ты нашимъ гостемъ; вѣрю тебѣ для этого праздника Пасхи: ты не продашь меня. Да, я точно Аѳанасій Талавѣрка... Ты же какъ убѣжалъ и гдѣ былъ?» Накормили они меня обѣдомъ, разговорился я съ ними и разсказалъ имъ все, то-есть старику и Настѣ. Отъ другихъ въ домѣ онъ хоронился, а отъ работниковъ скрывалъ, гдѣ собственно нашъ край, то-есть откуда мы. Такъ и я скрылъ. Все же остальное я имъ передалъ про себя. Разсказалъ я, что бродячая жизнь да бездомовная воля мнѣ надоѣли. «Поступай ко мнѣ»,—сказалъ старикъ:—«только дамъ тебѣ совѣтъ. Въ народѣ ходятъ слухи про волю; скоро всѣмъ ее скажутъ и землю дадутъ. Вѣрь мнѣ крѣпко... Мнѣ ужъ не возвращаться домой: у моей барыни и земли-то на ея людей вдоволь не станетъ, да я ужъ и мастерствомъ такимъ занялся, что еще долго имъ буду сытъ. А ты воротись; тебѣ землю дадутъ; лишь бы на мѣстѣ ты былъ, какъ отъ царя вѣсти налетятъ». Что̀ же тебѣ еще, Кирюша, сказать? Что?! Прожилъ я у этого Талавѣрки полтора года; жалованье мнѣ отличное было, какъ слѣдъ... Но не въ немъ дѣло, понимаешь ты, братецъ?.. Не узналъ я отъ него ничего про свой домъ, чего хотѣлъ. Да зато узналъ иное совсѣмъ на свѣтѣ... Полюбилися мы крѣпко съ его Настею. Будь прежде, я бы убѣжалъ съ нею. А тутъ народъ рушился изъ бѣговъ къ своимъ господамъ, точно кличъ кто зычный крикнулъ. Пошли слухи, что наверху въ губерніяхъ иначе ужъ и жить стало, полегче, будто всѣ ждали тамъ чего-то и притаились; что становые не такъ сѣкутъ, господа добрѣе стали. Сказались мы отцу ея. Онъ упалъ передъ иконами и долго молился, а послѣ насъ благословилъ. — «Будьте женихъ и невѣста, я не прочь и щедро васъ награжу... Только ты, Илья, ступай домой, весь народъ ужъ пошелъ. Иди и ты. Не слѣдъ отъ общества отставать! Подожди—долѣе ждалъ. Получи землю отъ своего общества и отпиши мнѣ. Тогда вызову тебя, обвѣнчаю васъ и отправлю съ Богомъ на родину. Только избу себѣ съ Настей ставьте. Пристроитесь, распродамъ мастерскую и къ вамъ умирать

пріѣду на Лихой. Глаза ужъ плохо видятъ. Отъ родной земли отколоался, а опять надо воротиться туда же, гдѣ всѣ предки лежатъ костями»... Надоѣло мнѣ самому мыкаться, Кирюша! Простились мы съ Настей. Я пошелъ... да вотъ и пришелъ... и живу дома... Только, какъ видишь, пока, вмѣсто слободской хаты, въ этой-то конурѣ живу съ одною собачкой...

— Ничего, Илья, подожди,—сказалъ Кирилло, вставая:— хоть отецъ твой и живодёръ, да авось-таки одумается. Ну, пора ужъ мнѣ! Прощай. Натерпѣлся ты, вижу я, шатаясь по свѣту... Всѣмъ намъ было плохо: и мы бѣгали, и мы въ бродягахъ, всѣ музыканты, были... Только куда! Твоя жизнь не въ примѣръ забористѣе...

— Прощай же, да заходи почаще на флейточкѣ поиграть.

Кирилло пошелъ къ канавѣ. Блѣдная заря за Окниной загоралась. Вѣтеръ просыпался. Птицы начинали чиликать въ вѣтвяхъ. Гдѣ-то за садомъ на селѣ ворота скрипнули. Свѣжесть поднималась отъ луговъ.

— Илья!—крикнулъ Кирилло съ канавы: — я и забылъ тебѣ сказать. Если Савка нашъ померъ въ эту ночь, такъ жаль, что его будетъ хоронить старый попъ, отецъ Иванъ, другъ твоего батьки и той барыни.

— Отчего?

— Отецъ Смарагдъ съ тѣмъ генераломъ, что въ Малаканцѣ живетъ, поѣхали въ городъ — послѣдній разъ, значитъ, хлопотать о Конскомъ-Сыртѣ. Перебочинская не пускаетъ генерала, а тому ѣсть нечего почти...

— Ты откуда знаешь?

— Фрося сказывала,—прибѣгала ко мнѣ прошлою ночью; эти дѣвки все про свою барыню знаютъ...

Долго спалъ, не просыпаясь послѣ этой ночи, Илья. Уже высоко солнце катилось, какъ прибѣжалъ къ нему со двора въ пустку Власикъ и объявилъ, что въ ту ночь умеръ Савка-кларнетистъ.—Хоронилъ Саввушку-артиста старый священникъ, отецъ Иванъ. Илья и Кирилло горько плакали, кидая на его наскоро сколоченный гробъ въ могилу горсти сырой земли.

— Отца Смарагда еще нѣтъ?—спросилъ Илья Кириллу на похоронахъ.

— Уже третій день въ городѣ...

— Что-то онъ такъ тамъ загостился...

— По дѣламъ; по дѣлу, по этому, генерала.

— Когда бы Господь имъ помогъ!—сказалъ Илья: — про генерала всѣ говорятъ—душа человѣкъ! И намъ, можетъ статься, по сосѣдству съ нимъ лучше было бы. Говорятъ, за всякую пустую послужку деньги хорошія платитъ.

Романъ Танцуръ съ ночи, въ которую умеръ Саввушка, уѣхалъ грузить на барки господскій лѣсъ, сплавленный въ Волгу съ верху Лихого, и на похоронахъ не былъ.

— Эхъ, хоть бы оркестръ нашъ, гдѣ и Савка игралъ, грянулъ ему вѣчную память, какъ гробъ-то несли, — сказалъ Кирилло.

— Отчего же вы не собрались?

— Венгерецъ не позволилъ инструментовъ вынимать; погода, видишь, хмурая стоитъ, ну, и нельзя—княжескіе инструменты!

V.

У границъ Азіи.

Генералъ съ священникомъ уѣхали въ городъ. Сборы ихъ были недолги. Смарагдъ прибылъ къ Рубашкину на гнѣдой кобылкѣ, въ церковномъ открытомъ фургончикѣ, или, попросту, въ телѣгѣ на колонистскій ладъ.

Къ кобылѣ припрягли буланаго. Замелькали каменистые бугры, овраги. Лошади бѣжали дружно.

Покормивъ ихъ раза три-четыре въ одинокихъ постоялыхъ дворахъ, путники прибыли въ обширный, бревенчатый губернскій городокъ, въ одинокую улицу, въ квартиру учителя недавно-устроенной гимназіи, Саддукѣева, друга и дальняго родича священника, изъ семинаристовъ.

Городъ носилъ на себѣ признаки юго-восточныхъ русскихъ городовъ и, какъ самъ недавняя колонія, былъ раскинутъ широко и просторно. Дома его были выстроены на живую нитку, свѣтлы и всѣ съ балконами, террасами и лѣстничками снаружи стѣнъ, изъ яруса въ ярусъ. Церкви его не поражали тяжеловатостью и мрачностью вида, какъ это бываетъ въ старинныхъ городахъ сѣверной Россіи. Домъ губернатора напоминалъ собою какое-то европейское заморское консульство. За городомъ въ степи виднѣлись зеленѣ-

ющія насыпи сторожевыхъ окоповъ и бастіоновъ, съ разгуливающими часовыми въ бѣлыхъ фуражкахъ. По городу носились щегольскія кареты и колясочки съ воздушными кузовами, подделанными подъ камышевыя плетенки. Дамы ослѣпляли нарядами. Все на улицахъ курило, хоть это тогда еще запрещалось. Толпились офицеры, татары, чиновники, калмыки, мѣщанки-дѣвушки съ полуазіатскими лицами, въ ситцевыхъ, однако, платьяхъ и съ платочками на головахъ; казаки, гимназисты, кудрявые и черные какъ жуки. Телѣжка путниковъ трусливо загремѣла по городскимъ улицамъ и переулкамъ.—«Что вы такъ пригорюнились?»—спросилъ священника Рубашкинъ, вообще занятый и ободренный видомъ города.—«Тоска, что-то недоброе чуется»...—«Э, что вы! Съ чего взяли?» Подъѣхали къ обширному забору, за которымъ въ молодомъ саду стоялъ друхъ-ярусный домикъ, съ красивою лѣстницею снаружи, наискось вдоль стѣны наверхъ. По лѣстницѣ было развѣшано бѣлье. Въ окна глядѣло много цвѣтовъ. Дѣти шумно бѣгали по двору. По улицѣ, поросшей травою, гуляла пара ручныхъ журавлей. Самъ учитель, высунувшись изъ слухового окна, оказался на крышѣ, въ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ. Онъ гонялъ платкомъ голубей, покуривая и слѣдя, какъ они дѣлали въ небѣ свои широкіе круги и кувырканья, и сразу не замѣтилъ въѣхавшихъ во дворъ гостей. Домъ былъ почти за городомъ.

— Рекомендую!— сказалъ священникъ, назвавъ Рубашкина, когда хозяинъ, суетливо переодѣвшись, сбѣжалъ внизъ, а между тѣмъ горничная внесла въ залу свѣчи.

Саддукѣевъ откашлялся, придерживая лацканы вицъ-мундира, улыбнулся, потеръ лобъ и, пристально глядя на Рубашкина, знакомъ попросилъ гостей сѣсть и сѣлъ самъ. Священникъ пустился разсказывать о причинѣ ихъ пріѣзда, о личности и качествахъ Рубашкина.

— Ты мнѣ, Смарагдъ, не говори о нихъ!—перебилъ Саддукѣевъ:—я уже исторію знаю, долетѣла сюда... Вы, ваше превосходительство, простите ему; онъ вѣдь простота, добрякъ, и сильно любитъ молоть чепуху. Мы съ нимъ товарищи, даже родня... А дѣло ваше вопіющее!...

— Прошу со мною безъ чиновъ и церемоній! — сказалъ Рубашкинъ.

Священникъ что-то шепнулъ на ухо хозяину. Саддукѣевъ, опять молча, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Рубашкина.

Генералъ самъ еще разсказалъ ему свое дѣло и приключенія съ Перебóченской и подъ-конецъ, безъ обиняковъ, попросилъ хозяина помочь ему совѣтомъ и дѣломъ въ этой непостижимой исторіи. Саддукѣевъ, какъ бы по чутью, угадалъ личность новаго знакомца: нѣсколько разъ во время разсказа генерала вскидывалъ странно руками, то складывая ихъ на груди, то потирая ими колѣни, и всталъ. Его сухощавая фигура зашевелилась; красныя, сочныя, добрыя губы осклабились, огромная бѣлокурая, кудрявая голова, съ большими сквозящими ушами, закинулась назадъ.

— Такъ вотъ она, наша настоящая-то практика!—сказалъ онъ, то улыбаясь, то странно подпрыгивая на мѣстѣ и кусая до крови ногти.—Велика, значитъ, разница между писаніемъ бумагъ о законахъ и примѣненіемъ! Значитъ, нашего полку прибыло! И вы домой свернули, опомнились? Да мѣстечко-то ваше, выходитъ, другимъ уже нагрѣто! Но успокойтесь, не хлопочите. Коли пенензовъ нѣтъ, ничего вы тутъ не выиграете!

— Какъ не выиграю?

— Да такъ же! Отвѣчайте мнѣ прямо, я уже здѣшнія мѣста знаю,—становому вы платите?

— Зачѣмъ? Я самъ по министерству служилъ и порядки знаю...

— Ну, у васъ тамъ въ министерствахъ порядки одни, а тутъ другіе. У здѣшняго губернатора тутъ въ одномъ изъ уѣздовъ тоже имѣніе есть. Онъ губернаторъ, а чтобъ по имѣнію все, понимаете, обстояло хорошо, тоже ежегодно ордынскую дань своему же подчиненному становому платитъ.— Да-съ! А исправнику, засѣдателю, стряпчему вы платите?

— Тоже нѣтъ...

— Вотъ вамъ и вся разгадка! Смарагдъ, Смарагдъ! Колпакъ! ты во всемъ виноватъ. Дѣло пропало...

— Чтó же мнѣ дѣлать?

— Достать денегъ и заплатить, да теперь уже побольше.

— Гдѣ же достать, научите? Просто голову теряю: и есть имѣніе, и нѣтъ его—презабавная штука...

— А, такъ вы и забавникъ! И мнѣ приходится надъ всѣми забавляться. Прежде всего, позвольте рекомендоваться. Я сынъ дьячка, учитель россійской словесности при здѣшней гимназіи, Саддукѣевъ. Вотъ съ нимъ готовились тоже въ попы, дарованія оказывалъ непостижимыя; но такъ передъ

выпускомъ напроказилъ, что чуть не попалъ въ Соловки. Одна барыня богомольная спасла. Тогда меня отписали по гражданству, и вотъ я сталъ учителемъ, сперва въ одномъ городѣ, потомъ въ другомъ, тамъ и сюда домой на родину попалъ. Видѣли, что я голубей гонялъ? Это означаетъ, что я ручной сталъ самъ, силюсь выказаться консерваторомъ-съ, стремлюсь показать уваженіе къ собственности-съ; для этой цѣли женился на здѣшней купчихѣ, получилъ въ приданое сіи палестины, овдовѣлъ и тутъ же, извините, накинулся тайкомъ на чтеніе журналовъ и книгъ новѣйшей поставки. Книги и прочее держу наверху. А тутъ видите—цвѣты смиренные, портреты властей. Съ виду я какъ будто и агнецъ, и отличный подчиненный нашего ректора, великаго педагога, сѣкущаго по субботамъ виновныхъ учениковъ въ повалку; а ученики меня любятъ и ходятъ ко мнѣ. Мы читаемъ, бесѣдуемъ. Положимъ, я, какъ всѣ, какъ и вы, лишній тутъ во всемъ, непутный вовсе ни къ чему человѣкъ. Да у меня, скажу вамъ, своя задача есть, если такъ выразиться, свое помѣшательство... Я задалъ себѣ такое дѣло...

Саддукѣевъ помолчалъ и оглянулся. Видно, у него уже давно и много накипѣло на душѣ, и онъ хотѣлъ передъ какимъ-нибудь живымъ человѣкомъ высказаться.

— И вотъ я рѣшился, въ этомъ общемъ разладѣ правды и дѣла, во что бы то ни стало... жить долѣе! Да-съ, и какъ можно долѣе! Видѣть осуществленіе хорошихъ порядковъ хочется на своемъ вѣку не на одной бумагѣ, а и на дѣлѣ, а знаешь, что не дожить до этого безъ какого-нибудь чуда... Вотъ я и устремилъ всѣ помыслы на одно: пересижу, молъ, зло, переживу его, пережду, авось хоть черезъ сто лѣтъ исполнится то, надъ чѣмъ всѣ слѣпые наши собратья бьются кругомъ. Ну, сто такъ сто, и рѣшилъ я ухитриться непремѣнно сто лѣтъ прожить! Количествомъ, знаете, массою годовъ хочу взять! И ужъ всякія штуки для этого я дѣлаю; потому навѣрное знаю, ей-Богу-съ, что мы съ вами простымъ человѣческимъ вѣкомъ ни до чего не доживемъ!

Рубашкинъ засмѣялся. Саддукѣевъ разсмѣялся тоже, но продолжалъ съ увѣренностью:

— Смѣетесь? Ей-Богу, такъ! Вонъ нѣмцы, Бюхнеръ, что ли, говорятъ, что между населеніемъ разныхъ пластовъ на землѣ, между появленіемъ, положимъ, почвы каменноугольной и той, гдѣ появились птицы и звѣри, должны были

пройти милліоны лѣтъ. Такъ и у насъ, съ гражданскимъ обновленіемъ. Готовятъ свободу крестьянамъ. Отлично; даже слезы выступаютъ на глазахъ отъ этой одной вѣсти... Скажите, что манифестъ скоро будетъ, что о немъ гдѣ-нибудь уже намекъ сдѣланъ въ газетѣ; сейчасъ брошу васъ, извините, и бѣгомъ пущусь къ Фунтяеву въ таверну, «Пчелку» понюхать... А все-таки сто лѣтъ хочу прожить... Не вѣрюсъ, вотъ что! Всѣхъ переживу... Остается и вамъ только пережить эту Перебо̀ченскую, и больше ничего...

Подали чай. Священникъ мало принималъ участія въ бесѣдѣ Саддукѣева съ Рубашкинымъ и нѣсколько разъ выходилъ на крыльцо.

— Мало вы говорите утѣшительнаго,—сказалъ Саддукѣеву Рубашкинъ:—такъ вѣдь и съ ума сойдешь, если все надъ такими мыслями останавливаться.

— О, не сойду! Я все подмѣчаю-съ... Позовутъ на балъ къ губернатору,—молчу, и, стоя въ углу, посматриваю на танцующихъ, не грохнется ли кто въ полъ такъ, чтобы и духъ вонъ. Сейчасъ это и отмѣтится на моихъ умственныхъ скрижаляхъ. Все однимъ подлецомъ меньше будетъ... Голубей люблю; здѣсь много всякихъ воровъ, въ томъ числѣ и голубиныхъ. Поэтому я не часто выпускаю голубей съ чердака на воздухъ... Но какъ встрѣчу мертвеца на улицѣ побогаче и поподлѣе, сейчасъ спѣшу домой и выпускаю на радость погулять и моихъ голубей на волюшкѣ... Вы меня такъ и застали; это нынче умеръ инвалидный здѣшній капитанъ, мошенникъ и первѣйшій живодёръ! Живу я умѣренно, все разсчиталъ, обзавелся даже аптекой, лѣчебниками; съ докторами дружбу веду, съ медициной немного познакомился, чтобы прожить дольше и увидѣть что̀-нибудь пугное на бѣломъ свѣтѣ. И вѣдь оно пріятно ощупывать теперь сквозь мягкое тѣло свой собственный костякъ, скулы тамъ, глазныя впадины, сухія кости на колѣняхъ, и такъ-сказать осязательно угадывать въ себѣ будущій свой безобразный видъ, когда въ могилѣ-то отродятся въ желудочкѣ червячки и всего-то тебя скушаютъ до тла, въ угоду разнымъ подлецамъ, гнетущимъ свѣтъ и людей... Противъ этого-то костяка я денно и нощно веду самыя ловкія интриги и убѣжденъ, что отстою надолго свои бренныя тѣлеса. Одна бѣда—летаргія, случай-съ, какъ вдругъ живого тебя закопаютъ; и то бы еще ничего, да зависть тебя возьметъ: что,

какъ завтра же ударитъ надъ могилою трезвонъ, заликуетъ правда, а тебѣ придется тамъ въ душныхъ потемкахъ могилы ожить и тщетно дѣлать послѣдніе жалкіе эксперименты: попатужиться, повернуться въ гробу, поколотить съ безумнымъ, холоднымъ отчаяніемъ въ глухую крышку гроба и попробовать, наконецъ, собственнаго своего мяса на закусочку, то-есть обглодать безъ пользы свои руки... Это уже будетъ вполнѣ скверно! Но я и тутъ принялъ мѣры. Подбиваюсь къ кладбищенскимъ сторожамъ, прошу поповъ не спѣшить съ похоронами... Ей-Богу!.. И это будто все въ шутку, чуть перебираюсь на новое мѣсто. Совѣтую и вамъ, генералъ, то же самое...

Рубашкинъ задумался. Молча сѣлъ возлѣ него, собираясь съ новыми разсказами, Саддукѣевъ. Но вбѣжали дѣти хозяина, и все ожило снова.

— Нѣтъ, вы для меня придумайте, безъ шутокъ, что-нибудь посущественнѣе,—сказалъ Рубашкинъ.

— Какія тутъ шутки! Трудновато, а впрочемъ, посмотримъ... Я вообще ночью страдаю безсонницами, а особенно какъ что-нибудь взволнуетъ: какая-нибудь вдругъ столичная новость, встрѣча съ замѣчательною жертвой какой-нибудь житейской пакости, вотъ хоть бы съ вами... Тогда я на другой день боленъ и въ видахъ долголѣтія сейчасъ же сажусь на одно молочко и на сельтерскую воду... Такъ-то-съ!

Далѣе, вечеромъ, хозяинъ и гости еще болѣе оживились. Дѣти Саддукѣева были сущіе дикарёнки, страшно загорѣлые, съ протертыми локтями и колѣнками и сильно выросшіе изъ штанишекъ. Уча съ увлеченіемъ въ гимназіи, Саддукѣевъ на своихъ дѣтей не обращалъ почти никакого вниманія. Съ утра задавалъ имъ уроки, а къ вечеру рѣдко даже вспоминалъ о нихъ и почти никогда не повѣрялъ ихъ занятій.

— Это будущіе семинаристы,—сказалъ о нихъ хозяинъ:—хоть скверно учатъ и кормятъ въ семинаріяхъ, хоть чертовски тамъ сѣкутъ, но какъ плотоядный самецъ, да еще и вдовый, я ихъ намѣренъ именно туда отдать. Оттуда все-таки народъ выходитъ менѣе тухлый и болѣе какъ-то пикантный, чѣмъ изъ нашихъ гимназій. Посмотрите-ка, генералъ, какъ въ гору идутъ теперь вездѣ наши семинаристы! На нихъ сталъ спросъ... Вотъ, хоть бы и Сперан-

скій, какъ нѣкогда отличался! А вы знаете, что вашъ и мой пріятель, этотъ отецъ Смарагдъ, въ семинаріи мѣтилъ именно въ Сперанскіе, на философію ударялъ, либеральничалъ, а теперь, бѣднякъ, на что размѣнялся въ Есауловкѣ! Сухія корки по селу черезъ пономаря собираетъ... Что дѣлать! Правда, ваше преподобіе? Да что ты такъ нахохлился?—спросилъ Саддукѣевъ вошедшаго снова въ гостиную священника:—что ты вздыхаешь и какъ будто хандришь?

— Жену оставилъ не совсѣмъ здоровою; боюсь, не расхворалась бы пуще, кругомъ на сорокъ верстъ нѣтъ лѣкаря... Самъ ты это знаешь!

Саддукѣевъ подмигнулъ генералу на священника, который опять вышелъ на крыльцо.

— Вотъ вамъ и траги-комедія, генералъ! Я его отъ души люблю: славный малый и въ семинаріи постоянно сидѣлъ въ карцерѣ за куреніе трубки... Но подумайте, почему онъ заботится о женѣ, или почему долженъ заботиться? Умретъ жена,—шабашъ! Болѣе жениться ни-ни, нельзя уже по ихъ закону... Вотъ положеніе!

— Да, она женщина славная,—сказалъ Рубашкинъ:—все хозяйство ведетъ, сама коровъ доитъ, моетъ бѣлье, ѣсть варитъ.

— Что и говорить! А умретъ, шабашъ, Сморочка! Бери работницу—соблазнъ народу, или прочь отъ прихода... А сколько соблазну въ этихъ предложеніяхъ раскольниковъ! Еще удивляюсь ему...

Саддукѣевъ замолчалъ. Стали накрывать на столъ. Въ раскрытое окно сквозь темноту изъ сада послышался голосъ. Служанка какъ-то затихла на время съ посудою, и смуглыя кудряшки-дѣти также пріумолкли по кресламъ въ гостиной. Изъ сада ясно раздалось тихое пѣніе грустнаго духовнаго гимна. Рубашкина, видимо, мало занимала вся эта обстановка и все, что говорилъ Саддукѣевъ. Мысль о дѣлѣ не оставляла его ни на минуту.

— Такъ - такъ, узнаю тебя, беззавѣтная личность, семинаристъ Перепелкинъ!—заговорилъ опять хозяинъ, и его глаза, холодные, сѣрые и безжизненные, засвѣтились любовью:—такъ звался у насъ ты прежде, отецъ Смарагдъ! Дать острастку подлецу какому-нибудь, бывало, эконома-отравителя штурмомъ взять,—его было дѣло. Ему бы въ какую миссію, къ прокезцамъ; апостоломъ новаго слова явиться

въ такую дичь, гдѣ бы грозило всякому попасть на крестъ или быть съѣденнымъ заживо своими же прихожанами. Вотъ бы гдѣ онъ себя показалъ! А ему пришлось коптить небо въ Есауловкѣ!.. Какъ тутъ не стремиться прожить сто лѣтъ?

У воротъ раздался топотъ усталой лошади. Кто-то тихо и несмѣло подъѣхалъ. Не прошло десяти минутъ, какъ отецъ Смарагдъ, блѣдный и взволнованный, вошелъ въ гостиную и въ безнадежности упалъ въ кресло.

— Что съ тобою, камрадъ? что съ тобою, Сморочка?— спросилъ Саддукѣевъ.

— Паша моя умираетъ... Ахъ, Господи Боже! Второй день лежитъ безъ памяти, какъ только мы уѣхали! Верховой прискакалъ... Нашелся еще добрый человѣкъ!

Саддукѣевъ вскочилъ съ дивана.

— Ахъ ты, бѣднякъ-бѣднякъ! Жаль тебя! Да нѣтъ! Стой! Есть пріятель у меня, лѣкаришка... Да нѣтъ, опять стой! что и хлопотать! Завтра балъ на весь городъ у губернатора. Навѣрное и этотъ подлипало тамъ будетъ.

Саддукѣевъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— Я у васъ, Адріанъ Сергѣичъ, возьму телѣжку и лошадей!—сказалъ священникъ:—и уѣду сейчасъ же въ ночь; вы воротитесь на почтовыхъ, или какъ тамъ лучше, когда устроите все. Подумайте: вѣдь на сорокъ верстъ кругомъ нѣтъ у насъ даже фельдшера!

— И это магнатъ! въ Есауловкѣ оркестръ держитъ, а аптеки, фельдшера простого нѣтъ! —крикнулъ Саддукѣевъ.— О, алеуты, безмозглые обитатели Мадагаскара! Тысячи, куда! десятки тысячъ на ѣду тратятъ, на мебель, на убранство домовъ и на бездушныхъ куколъ, своихъ женъ, а доктора завести за триста цѣлковыхъ на цѣлый околотокъ не захотятъ! Говорятъ объ англоманіи! Куда тебѣ до лордовъ! Недоросъ! Ирокезъ!

Сѣли въ тревогѣ ужинать. Священникъ ничего не ѣлъ. Лошади его въ телѣжкѣ были опять запряжены. Послѣ ужина, однако, опять что-то надумавъ, Саддукѣевъ сбѣгалъ въ два-три мѣста и воротился со стклянками.

— Ѣхать всѣ отказываются; такая, говорятъ, даль и еще къ сельскому попу! А прописать лѣкарство, за глаза прописали. Да и что еще за болѣзнь у нея? къ дѣлу ли оно?

Кто пріѣхалъ съ вѣстью? Спросить бы его... Позвать этого человѣка.

Вошелъ Илья Танцуръ. Онъ чуть стоялъ на ногахъ отъ усталости. Рубашкинъ по-французски объяснилъ Саддукѣеву, кто онъ и чей сынъ. Учитель осмотрѣлъ Илью съ головы до ногъ.

— Вотъ, братъ,—сказалъ онъ:—отецъ твой главный приказчикъ въ вашей трущобѣ; въ годъ, я думаю, не на одну сотню крадетъ и не одну тысячу князю вашему высылаетъ за море, а лучше бы хоть коновала какого завелъ у васъ.

Илья оправился и отвѣтилъ::

— Мы дѣловъ отца не касаемся; не извольте обижать насъ, баринъ...

— Кто же тебя послалъ?

— Самъ-съ, отъ жалости-съ... Прихожу разъ, другой, а матушка, вотъ ихъ жена, то-есть, безъ памяти лежитъ. Дѣвчонка, ихъ работница, на улицу бѣгать ушла—шалить; дѣти голодныя кричатъ. Некому воды подать. Я это... къ отцу... Такъ и такъ, молъ. Онъ резонту не далъ. Я на утро вижу то же, взялъ изъ барской конюшни коня, да и поѣхалъ. Очень усталъ-съ... Ругать отецъ еще будетъ. Позвольте овсеца для лошади. Денегъ своихъ не имѣю. А дорогою надо будетъ подкормить, хотя я и берегъ коня!

Рубашкинъ опять сказалъ что-то Саддукѣеву по-французски.

— Ты въ бѣгахъ былъ? Долго?—спросилъ учитель.

— Двѣнадцать лѣтъ-съ...

— Чѣмъ больна, по-твоему, ихъ вотъ жена?

— Горитъ вся, мечется, а узнавать ничего не узнаетъ...

— Ну, прощай, другъ Смарагдъ! Спѣши; вотъ тебѣ лѣкарство! тамъ написано, какъ принимать. Да не жалѣй горчичниковъ... — Страшный, однако, этотъ Илья; толкъ изъ него будетъ!

Священникъ простился и уѣхалъ въ ночь съ Ильей, привязавъ княжескую разгонную лошадь къ повозкѣ и рѣшивъ ее не оставлять и лучше покормить далѣе дорогой, чтобъ успѣть проѣхать хоть часть пути, пока еще не зашелъ мѣсяцъ.

— Мы же съ вами не пожалѣемъ слезъ, когда дѣйствительно умретъ эта бѣдная Сморочкина Паша!—сказалъ Саддукѣевъ.—Жаль его! Что-то перечувствуетъ его сердце подъ

рясою, пока онъ доѣдетъ до дому? Мы же примемся за ваше дѣло! Если двоюродный братецъ мой, Смарагдъ Перепелкинъ, овдовѣетъ, не знаю, устоитъ ли онъ тогда съ семьей.

Гость и хозяинъ ушли спать. Ночью Рубашкину слышалось все воркованіе голубей на крышѣ. Перебоченская приснилась въ видѣ Чингисхана съ усами, окопавшаяся отъ него окопами, вышиной съ добрую колокольню, и чудилась ему больная при смерти жена священника въ бѣломъ чепчикѣ и въ бѣдномъ ситцевомъ платьѣ, звавшая опять почтеннаго слугу церкви запросто Сморочкой. Проснувшись, Рубашкинъ услышалъ въ залѣ громкіе шаги. Кто-то порывисто ходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ одѣлся и вышелъ. То былъ Садукѣевъ.

— Насилу-то вы проснулись; не хотѣлъ я васъ будить. Утромъ, въ видахъ, понимаете, долголѣтія, я всегда задаю себѣ отчаянный моціонъ передъ классами. Уходить не хотѣлъ, не видавъ васъ, и вотъ тутъ все метался изъ угла въ уголъ. Вотъ что̀ я придумалъ...

— Благодарю васъ.

— Вотъ что: сегодня у губернатора балъ; одѣньтесь и вы во фракъ и сдѣлайте ему визитъ. Онъ васъ пригласитъ; вы на балѣ и объяснитесь съ нимъ о дѣлѣ.

— А утромъ объясниться развѣ нельзя?

— Онъ аристократъ, приметъ васъ за нищаго, за попрошайку, за сутягу, и дастъ дѣло на разсмотрѣніе правленія. Надо это такъ, будто мимоходомъ! Онъ юмористъ, даже сатирикъ, а чуть гдѣ въ просьбѣ зазвучитъ неподдѣльная мольба о защитѣ, вопіющее какое-нибудь дѣло, убивающее страдальца, онъ скажетъ: «исполню тотчасъ», приметъ записку о дѣлѣ, поковыряетъ въ ногтяхъ, полюбезничаетъ, даже полиберальничаетъ съ вами, и все сейчасъ же забудетъ, а къ просителю оставитъ въ своемъ сердцѣ неимовѣрное отвращеніе, какъ къ гнусной провинціальной твари и пролазу. Онъ изъ гвардейцевъ, богачъ, учился въ пажахъ и попалъ въ эту глушь временно, понимаете, чтобъ попрактиковаться здѣсь, какъ англійскіе ученые и чиновники ѣздятъ иногда путешествовать вокругъ свѣта, по программѣ своего воспитанія. Надѣньте кстати и звѣзду, коли вы ею украшены...

— Фракъ и звѣзда остались дома въ деревнѣ, гдѣ я живу.

— Жаль! Примѣрьте, однако, мой фракъ, а звѣзду мы возьмемъ на-прокатъ у одного тутъ лакея; его баринъ, сенаторъ, здѣсь лѣчится кумысомъ. Лакей не откажетъ: звѣзда лежитъ давно безъ употребленія. Вотъ хорошо, что я это сообразилъ.

Сказано и сдѣлано. Во фракѣ и въ звѣздѣ генералъ Рубашкинъ отправился, подъ легкою парусинною накидкою, къ властителю края. Властитель принялъ его очень вѣжливо, освѣдомился о его службѣ, не безъ удивленія и легкаго почтенія узналъ, что онъ такъ недавно еще и успѣшно служилъ на важномъ мѣстѣ по министерству и удивился его отставкѣ. Самъ будучи еще почти юношей, губернаторъ при этомъ вдругъ сталъ жаловаться на боль поясницы, будто бы отъ тяжести дѣлъ въ этомъ дикомъ краѣ. Тутъ былъ принятъ еще какой-то помѣщикъ, сразу начавшій начальнику края перепуганнымъ и надорваннымъ отъ отчаянія голосомъ разсказывать, какъ крестьяне у него сожгли недавно хлѣбный токъ, а потомъ амбары и, наконецъ, пять дней назадъ его домъ. «Что же вы хотите отъ губернатора?» спросилъ его отъ себя въ третьемъ лицѣ, чистившій въ это время ногти, губернаторъ. «Содѣйствія!» заревѣлъ, вытянувшись передъ нимъ, запыленный и мѣдноцвѣтный отъ степного загара помѣщикъ. — «Подайте записку». Въ это время мостовая у окна, гдѣ они всѣ трое сидѣли, загремѣла, въ легкомъ тильбюри, на раскормленномъ до безобразія сѣромъ рысакѣ, показалась какая-то городская дамочка, вся разодѣтая, сіяющая веселостью и удалью. Сзади нея неслись верхами трое франтовъ.

— Куда вы?—крикнулъ юный губернаторъ, высунувшись изъ окна.

— Въ степь.

— Зачѣмъ?

— Киргизы появились.

— Быть не можетъ?

— Не бойтесь... мирные! Скаковыхъ лошадей привели табунъ; куда-то на ярмарку ведутъ. Хочу и я поторговаться.

— Позвольте, сейчасъ...

Губернаторъ бросилъ ножикъ, которымъ чистилъ себѣ ногти, выбѣжалъ мимо оторопѣвшихъ жандармовъ и часовыхъ на улицу и подошелъ къ тильбюри.

— Позвольте, милый нашъ вице-губернаторъ! — сказалъ

онъ дамочкѣ:—позвольте вашу ручку поцѣловать. Вы всѣ новости узнаёте раньше меня... Я долженъ уступить вамъ пальму первенства! Я для васъ ручной...

Дамочка съ хохотомъ протянула ему руку, ломаясь и оглядываясь кругомъ, ударила хлыстомъ рысака, и тильбюри загремѣло далѣе.

— До вечера,—крикнулъ губернаторъ съ крыльца.

— До вечера, г. ручной левъ.

Губернаторъ послалъ ей вслѣдъ поклоны рукой.

Погорѣвшій помѣщикъ молча хлопалъ на все это глазами.

— Кто эта дама?—спросилъ онъ Рубашкина.

— Не знаю. А васъ подожгли?

— Все сожгли въ три темпа-съ...

— За что же?

— Не знаю самъ понынѣ. Сыплется на голову, какъ лава Везувія, и только. Думалъ найти тутъ защиту...

Губернаторъ вошелъ, еще улыбаясь, но не сѣлъ. Знакъ былъ гостямъ уйти. Первый съ шумомъ зашаркалъ погорѣлый степнякъ-помѣщикъ.

— Такъ подайте записку!—сказалъ губернаторъ.

Помѣщикъ вздвигнулъ Рубашкину плечами, шаркнулъ опять и ушелъ, обливаясь испариной.

— А васъ, ваше превосходительство, милости просимъ сегодня ко мнѣ на балъ. Молодежь хочу развеселить!—отнесся губернаторъ къ Рубашкину, опять принимаясь за ногти.—Знаете, среди трудовъ... Я подобралъ здѣсь все правовѣдовъ и лицеистовъ, студенты какъ-то ненадежны теперь стали! А у меня блистательно составилась администрація. Все люди хорошаго тона, знаютъ вкусъ въ женщинахъ и отлично танцуютъ. Уговорили меня дать балъ подъ открытымъ небомъ, въ саду...

Рубашкинъ далъ слово быть.

— Въ девять часовъ, запросто, въ Халыбовскій садъ; тамъ нашъ балъ!—сказалъ губернаторъ на прощаніи, почтительно посматривая на звѣзду Рубашкина.

«Какъ бы еще не угадалъ, чья это звѣзда?» подумалъ послѣдній, уходя.

Рубашкинъ все разсказалъ Саддукѣеву.

— И отлично!—крикнулъ Саддукѣевъ, поздно воротившійся изъ гимназіи къ обѣду:—вы сдѣлали одну половину дѣла, а я подумалъ о другой...

— О какой?

— Просите вечеромъ, если все пойдетъ на ладъ и губернаторъ сдастся, просите у него, чтобы назначили на слѣдствіе и на выводъ Перебѣчинской съ вашей земли не кого другого, какъ одного изъ здѣшнихъ совѣтниковъ губернскаго правленія, и именно: Тарханларова, а ужъ онъ, коли согласится, подберетъ себѣ помощниковъ. Я обѣгалъ весь городъ, былъ у всѣхъ, знаете, мелкихъ властей, у здѣшней, такъ-сказать, купели Силоамской, ожидающей постоянно движенія воды, то-есть наскока такого доходнаго и прижатаго судьбою человѣка, какъ, положимъ, вы... Я ихъ, однако, предупредилъ, что̀ вы мой пріятель и чтобъ все дѣло сдѣлалось безъ подачки... Да то бѣда, что въ этомъ дѣлѣ ужъ очень многіе замѣшаны; исправникъ вашъ ничего не сдѣлаетъ, онъ племянникъ этой барыни; уѣздный предводитель, князекъ, дуракъ въ придачу, ей тоже какая-то родня; становые подчинены исправнику... Всѣ указали мнѣ на Тарханларова. Это, скажу вамъ, молодчина, Геркулесъ съ виду и бѣдовый по смѣлости... Коли онъ ничего не сдѣлаетъ, т.-е. не выпроводитъ этой барыни съ-разу, въ одинъ пріемъ, при десяткѣ или даже при сотнѣ понятыхъ и отложитъ дѣло опять на переписку, такъ ужъ вамъ останется одно: откланяться и уѣхать отсюда обратно, принявъ мѣры къ тому только, чтобъ, наконецъ, хоть проживя лѣтъ сто, пережить Перебѣчинскую...

— Да помилуйте, я этимъ имѣніемъ уже введенъ во владѣніе и имѣю формальный вводный листъ!

— А на дѣлѣ вы имъ владѣете?

— Нѣтъ!..

— Таковы-то, генералъ, наши провинціи. Станете жаловаться въ Петербургъ,—всѣ тутъ здѣшніе замѣшаны, слѣдовательно, станутъ отписываться; запроситъ министръ, отнесутъ дѣло къ тяжебнымъ. И ждите его рѣшенія!

— Что же мнѣ дѣлать теперь?

— Позвольте, я не въ мѣру взволновался: это вредно... Надо выпить, чего бы? да! сельтерской воды и опять походить... Такъ точно я былъ взволнованъ и по полученіи здѣсь извѣстія о походѣ нынѣшнихъ наполеоновскихъ французиковъ! Вы, генералъ, извините меня, что я этого новаго Наполеона не очень жалую... Эй, Ѳеклуша! сельтерской мнѣ воды!

Горничная принесла Саддукѣеву воды. Онъ выпилъ и сталъ ходить.

— Подождемъ еще пока обѣдать. А послѣ обѣда я кинусь узнать, сколько надо предложить совѣтнику Тарханларову; вы же къ нему прямо пойдите, между тѣмъ, и, разсказавъ все дѣло, просите принять порѣшеніе его на себя. На балѣ въ этомъ саду буду и я. Тамъ придумаемъ, какъ сказать все губернатору...

Послѣ обѣда гость и хозяинъ не спали. Оба кинулись въ разныя стороны хлопотать о дѣлѣ.

Рубашкинъ воротился первый и не въ духѣ. Саддукѣевъ прибѣжалъ съ кипой газетъ,

— Вотъ! вотъ!—говорилъ онъ, лихорадочно перебирая листки:—до бала успѣемъ еще пробѣжать кое-что... Да-съ... вотъ оно... Говорятъ... въ фельетончикѣ какомъ-то есть намеки, что составляются новыя коммиссіи о разныхъ реформахъ и что крестьянское дѣло идетъ къ концу. Узналъ я и о вашемъ дѣлѣ, генералъ. Оказывается плохо-съ, однако... Юстиція у насъ еще не сбавила тутъ въ глуши своей таксы: говорятъ, что менѣе двухъ тысячъ цѣлковыхъ этотъ совѣтникъ губернскаго правленія Тарханларовъ за такое дѣло не возьметъ...

Рубашкинъ вскочилъ.

— Какъ! Двѣ тысячи?

— А вы, ребенокъ, полагали менѣе? — спросилъ Саддукѣевъ, не отрываясь отъ лампы у стола, за которымъ онъ съ жадностью перебиралъ газеты только-что привезенной почты:

— Двѣ тысячи!—восклицалъ Рубашкинъ.

— Да-съ, да! Вотъ именно почему я и хочу, желаю всѣми средствами прожить сто лѣтъ; и проживу, ей-Богу, проживу! Вонъ, вонъ, точно: коммиссіи, коммиссіи... А, батюшки!.. Шагаетъ! Ужъ не сбавить ли чего, однако, со ста лѣтъ? Вонъ, о редакціонныхъ крестьянскихъ коммиссіяхъ наши оффиціалы торжественно выражаются; скоро окончательно добьется что-то! Ну, а вашъ визитъ къ Тарханларову чѣмъ кончился?

— Отказалъ наотрѣзъ!

— Отказалъ? Быть не можетъ!

Саддукѣевъ бросилъ газеты и, ладонью бережно придерживая ихъ, обратилъ тусклые, усталые глаза на генерала.

— Отказалъ... Жена его беременна; не могу, говоритъ, какъ бы чего безъ меня тутъ не случилось съ женою? Это не отецъ Смарагдъ.

— А про могущій быть ордеръ губернатора говорили?

— Говорилъ. «Не поѣду,—сказалъ онъ,—хоть бы самъ сенатъ нарядилъ, — извините; а про дѣло ваше слышалъ; точно скверное дѣло!»

Саддукѣевъ и Рубашкинъ отправились на дачный балъ губернатора, въ загородный садъ армянина-откупщика Халыбова. Множество экипажей стояло у рѣшотки сада. Ворота и дорожки были освѣщены фонариками. Гремѣла музыка. У крыльца на особой эстрадѣ шли танцы. Долго шатались безъ смысла новые два пріятеля въ толпѣ. Губернаторъ замѣтилъ опять звѣзду на груди Рубашкина и кивнулъ ему, подзывая его къ себѣ. Рубашкинъ подошелъ къ нему. «Вывези, Антошка!» мысленно при этомъ подумалъ учитель, вспоминая сенаторскаго лакея, у котораго для генерала была абонирована за полтинникъ съ приличнымъ залогомъ звѣзда. Толпа раздвинулась, губернаторъ прошелъ въ боковую аллею съ Рубашкинымъ.

Они шли и болтали о томъ, о семъ.

— Вы здѣшній помѣщикъ?—спросилъ губернаторъ, уже едва помнившій вчерашній визитъ къ нему Рубашкина.

— Да-съ! Имѣлъ бы особое удовольствіе васъ угостить у себя такимъ же баломъ, да со мною длится маленькое комическое дѣло...

— Какое?—спросилъ юный степной сатрапъ, лорнируя въ потемкахъ боковой дорожки какихъ-то полногрудыхъ красавицъ. Сатрапомъ и ханомъ любилъ самъ себя звать этотъ губернаторъ съ той поры, какъ по первомъ пріѣздѣ изъ Петербурга ему удалось здѣсь принять, съ восточными утонченностями, какое-то важное, ѣхавшее на сѣверъ, посольство.

Рубашкинъ, намѣренно хихикая и съ приличнымъ юморомъ, разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ, какъ онъ получилъ наслѣдство, какъ введенъ былъ во владѣніе и какъ одна безпардонная барыня-хуторянка, торгующая скотомъ, мѣшаетъ ему поселиться у себя и взяться за хозяйство.

— Что же вы не подадите мнѣ записки?—спросилъ губернаторъ, забывъ, что по этому дѣлу онъ самъ подписалъ шесть грозныхъ, но тщетныхъ приказовъ уѣзднымъ вла-

стямъ и отъ самого Рубашкина получилъ двѣ письменныхъ плачевныхъ жалобы.

— Не стоитъ!—сказалъ небрежно Рубашкинъ, разсѣянно освобождая свою руку изъ-подъ локтя губернатора и всѣмъ оборотомъ тѣла спѣша вглядѣться тоже въ какихъ-то красавицъ по дорожкѣ.

— Кто это?—спросилъ тревожно волокита-ханъ, и голосъ его, отъ чаянія тайной интрижки у посторонняго, дрогнулъ.

— О! прелесть! вы ихъ не знаете! Онѣ изъ Петербурга...

— Не можетъ быть?

— Ей-ей..., три сестры-сироты...

— Такъ вы мнѣ, однако, подайте записку!—проговорилъ, уже ничего не соображая, губернаторъ.

— Не стоитъ...

— Вы хотите меня обидѣть?—шутливо спросилъ ханъ, чувствуя, между тѣмъ, потребность кинуться вслѣдъ за хвостами особъ, похваленныхъ гостемъ.

— Если вы требуете, извольте... Завтра же. Но съ одною оговоркою...

— Съ какою?

Губернаторъ, смотря въ дальній уголъ дорожки, начиналъ терять всякое терпѣніе.

— Съ тѣмъ, чтобы вы изслѣдователемъ назначили Тарханларова...

— Почему?—спросилъ губернаторъ, лорнируя дорожки, но тутъ же, по чутью, переходя изъ радушнаго въ подозрительный тонъ.

— Ему давно хочется побывать у меня въ гостяхъ... Я ему красавицу припасъ.

— Но у него, кажется, жена въ родахъ! что-то онъ на волокиту не похожъ, или притворяется? А? что? Кажется, жена его беременна...

— Родила, ваше превосходительство!—кстати вмѣшался тутъ Саддукѣевъ, выросшій вдругъ передъ собесѣдниками, точно изъ-подъ земли.

— Чему же вы радуетесь?—спросилъ губернаторъ, разглядѣвъ впотьмахъ голову учителя:—точно вы сами участникъ въ этихъ родахъ! А?

Всѣ трое засмѣялись. Радуясь своей остротѣ, губернаторъ прибавилъ:

— Если Тархапларовъ согласится ѣхать къ вамъ въ гости, извольте, я отпускаю его, подавайте только записку: безъ нея и не пріѣзжайте ко мнѣ, обидчикъ! Надо же и дѣлами заняться...

Губернаторъ исчезъ подъ липами, а Саддукѣевъ, присѣвъ къ землѣ, просто зашипѣлъ отъ радости.

— Брраво! склеилось наше дѣло! Теперь денегъ надо достать...

— Тутъ-то опять и бѣда. У меня ни гроша не осталось отъ перваго пріѣзда въ эти мѣста...

Саддукѣевъ посвисталъ.

— Ничего... пустяки-съ... Коли съ вами не прихватимъ въ откупу, я извернусь иначе еще для васъ. Вы меня извините, другой здѣсь вамъ зря сразу не повѣрилъ бы! Да у меня уже Смарагдъ этотъ такой, видите ли, человѣкъ, что темнаго господина никому не похвалитъ и не привезетъ... Я его знаю.

Тутъ же среди танцующихъ Саддукѣевъ нашелъ Халыбова, шепнулъ ему нѣсколько словъ и прибавилъ:

— Я у васъ двухъ сыновей учу, дайте намъ въ займы тысячу-другую на мѣсяцъ. У этого вотъ господина болѣе двухъ тысячъ десятинъ незаложенной земли есть... на-дняхъ се получитъ...

Армянинъ поклонился и осклабился.

— Знаю я ихъ очень хорошо и безъ тебя, слышалъ я о нихъ. Только дамъ имъ въ займы не теперь, а когда отъ нихъ эта барыня, какъ ее звать, переѣдетъ...

— Ага! слышите, генералъ?—спросилъ учитель.

Рубашкинъ печально улыбнулся.

Армянинъ потрепалъ Саддукѣева по плечу.

— Подъ твой домъ, бачка, дамъ хоть три тысячи: мѣсто твое очення мнѣ нравится! Что, небось, такъ не кипешься занимать?

Учитель на мгновеніе опѣшился. Снялъ съ огромной скулистой головы сѣрую пуховую шляпу, отеръ со лба потъ, повертѣлъ въ рукахъ платокъ, посмотрѣлъ на армянина и сказалъ:

— Идетъ! давай подъ залогъ моего дома, Нинъ Нинычъ, этому господину... двѣ тысячи!..

— Двадцать процентовъ на полгода?—торопился прибавить шопотомъ Нинъ Нинычъ Халыбовъ:—если согласенъ,

такъ хоть сейчасъ, до закладной, подъ простое домашнее условіе дамъ тебѣ эти деньги!

Саддукѣевъ уставился глазами въ Рубашкина и крякнулъ.

— Идетъ!—сказалъ онъ.

Ударили по рукамъ, а пока толпа рѣзвилась и тѣшила юнаго начальника, откупщикъ и два пріятеля съѣздили въ откупную контору, и дѣло займа, подъ сохранную росписку, кончили въ полчаса.

— Теперь, значитъ, вотъ что,—сказалъ Саддукѣевъ, воротившись съ Рубашкинымъ домой: — садитесь и пишите коротенькую докладную записку губернатору, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣній; представьте все дѣло однимъ административнымъ недоразумѣніемъ, сошлитесь на справки по этому дѣлу въ правленіи и завтра же рано занесите эту записку предварительно Тарханларову, чтобы онъ не промахнулся и не выдалъ васъ, что вовсе съ вами незнакомъ, да тутъ же отвезите ему и занятый презентъ...

— Какъ? Впередъ?

— О, безъ сомнѣнія, и цѣликомъ; онъ и росписки, разумѣется, не дастъ. А съ васъ я возьму сейчасъ же...

— Извольте... Но... какъ онъ надуетъ?

— Не бывало еще примѣра. У нихъ на это есть своя совѣсть и довольно высокая: будьте спокойны.

Рубашкинъ получилъ отъ учителя деньги и далъ ему росписку съ своей стороны.

— Это на случай смертности, — сказалъ Саддукѣевъ: — я-то проживу еще, ну, а вы уже въ лѣтахъ... до ста годовъ не дотянете! ни-ни...

Они легли спать. При выходѣ изъ праздничнаго сада, къ Рубашкину у воротъ подошелъ помѣщикъ, утромъ жаловавшійся на поджоги. Онъ былъ опять возбужденъ и озабоченъ; потъ лился съ его загорѣлаго лица, а волосы были взъерошены и выбивались изъ-подъ картуза.

— Что съ вами?—спросилъ генералъ.

— Сейчасъ пришло извѣстіе отъ жены и дѣтей: сожгли у насъ и овчарни. Ждалъ это въ саду заговорить съ начальствомъ.

— Что же?

Помѣщикъ яростно плюнулъ, посопѣлъ и молча пошелъ въ улицу.

— Куда вы? Попытайтесь еще...

— Нечего времени-то терять; вижу, тутъ танцуютъ, а мнѣ не до того; надо просто-напросто заново скорѣе строиться; это будетъ вѣрнѣе, чѣмъ тутъ жаловаться!

— Вотъ вамъ и еще наша областная практика!—сказалъ Саддукѣевъ.—Значитъ, не вы одни!

Итакъ, генералъ и учитель легли спать.

«Какъ-то мнѣ удастся утромъ эта практика? — думалъ Рубашкинъ, засыпая.—Каково? Я, недавно высшій администраторъ, теперь самъ своею особою пойду и понесу какому-нибудь совѣтнику, своему же бывшему подчиненному, и такую полновѣсную взятку...»

Утромъ гость и хозяинъ умылись, одѣлись, напились чайку и снова посовѣтовались. Рубашкинъ бросился въ первую изъ растворенныхъ лавокъ, купилъ какую-то плохенькую соломенную корзиночку, съ дамскимъ приборомъ для шитья, и дѣтскій игрушечный сундучокъ. Въ обѣ изъ этихъ вещей онъ вложилъ чистоганомъ по тысячѣ рублей серебромъ, явился на домъ къ совѣтнику правленія Тарханларову и поздравилъ его съ новорожденнымъ. На генералѣ были опять фракъ и звѣзда. Тарханларовъ притворился подавленнымъ такою честью отъ генерала. Еще не видя, что̀ было въ корзиночкѣ и въ сундучкѣ, онъ сказалъ:

— Полноте! къ чему вамъ было безпокоиться поздравлять меня, такого ничтожнаго чиновника!—и прибавилъ, однако:—я вижу, что вы опять о дѣлѣ? Не могу, теперь въ особенности не могу: сами знаете, жена родила съ вечера... Да и зачѣмъ мнѣ именно ѣхать? Надо ѣхать кому-нибудь другому, по инстанціямъ, младшему. Это соблазнъ и обида для уѣздныхъ властей!

— Что̀ дѣлать?—возразилъ грустно Рубашкинъ, разставя руки и ноги и слегка склонивъ голову:—этихъ маленькихъ подарковъ новорожденному и родильницѣ, по русскому обычаю, вы, надѣюсь, однако, не откажетесь принять, не обидите меня!

Тарханларовъ глянулъ искоса на невзрачные подарки. Онъ задумался, но, какъ-бы по чутью, сразу въ предстоящемъ, повидимому, романтикѣ-просителѣ, обыкновенно выѣзжающемъ на однихъ идеальничаньяхъ, угадалъ зѣло-умѣлаго практика. Онъ также съ полуулыбкою разставилъ руки и ноги, склонилъ голову на бокъ, взялъ, хихикая, корзи-

почку и игрушечный сундучокъ, прижалъ ихъ съ чувствомъ къ груди и скрылся, будто спѣша обрадовать ими родильницу и новорожденнаго. За дверью залы онъ остановился, подошелъ въ сосѣдней комнатѣ къ окну, открылъ сперва одну вещицу, потомъ другую, радостно закрылъ на мгновеніе глаза, потомъ оглянулся, вынулъ деньги, медленно ихъ сосчиталъ, сунулъ комками пачки ассигнацій въ карманъ, а корзинку и сундучокъ бросилъ на диванъ, и, громко высморкавшись, оправился передъ зеркаломъ. «Что, дитя купали?»—спросилъ онъ повивальную бабку, выглянувшую въ это время случайно изъ спальни, и ушелъ, не дождавшись ея отвѣта и самъ не помня, о чемъ ее спросилъ.

Молодцомъ, сіяющимъ и бойкимъ, вышелъ снова въ залу Тарханларовъ, подошелъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ у окна противъ Рубашкина.

— Когда вамъ угодно, чтобъ я ѣхалъ въ ваше имѣніе?— спросилъ онъ гостя, добродушно смотря на него свѣтлыми и влажными голубыми глазами и взявъ его руку въ свои пухлыя, раздушенныя и добрыя ладони.

— Сегодня же... или завтра утромъ, я бы васъ просилъ.

Тарханларовъ поэтически-грустно раскинулся на стулѣ и задумался. Тутъ впервые Рубашкинъ разглядѣлъ, какой онъ былъ дѣйствительно красавецъ: грудь широкая, крутая, плечистый, губы антично очерчены, волосы закинуты назадъ, голосъ звонкій, рѣчи строгія, бѣлье ослѣпительной бѣлизны, въ лицѣ гордость, умъ, даровитость и во всѣхъ движеніяхъ какая-то вмѣстѣ тихая грусть и безграничная смѣлость.

— Сегодня, такъ сегодня, а завтра, такъ и завтра!— весело сказалъ Тарханларовъ: — я вполнѣ къ вашимъ услугамъ! Хлопочите только, чтобъ губернаторъ назначилъ меня.

— Вотъ и записка! Уже готова... Это я его прошу о васъ!—Рубашкинъ подалъ ему записку.

— Хорошо, несите; а я черезъ часъ буду у него послѣ васъ и въ точности поясню, что и мнѣ давно хочется побывать у васъ въ имѣніи. Говорятъ, красивый, дѣйствительно, уголокъ... Теперь же я поѣду въ правленіе, пробѣгу ваше дѣло. Оно, по-правдѣ, нешуточное. Ѣхать стóитъ; совѣтниковъ попусту изъ города не посылаютъ. До свиданія!

Тарханларовъ и генералъ поцѣловались.

Рубашкинъ отвезъ губернатору записку и прибавилъ:

— Если бы не желаніе дать вамъ балъ у меня на Лихомъ, я не тревожилъ бы васъ ни за что этимъ дѣломъ.

Губернаторъ уже холоднѣе. однако, встрѣтилъ имъ же самимъ заказанную записку, и, пробѣгая бумагу генерала даже не просилъ Рубашкина сѣсть.

— Вы, однако, рано вчера бросили наши забавы... Васъ не было за ужиномъ? а?

— Одно... свиданіе ожидало,—извините...

— Э!

Губернаторъ покосился на Рубашкина, видимо недовольный, что его звѣзда не блестѣла за его ужиномъ, молча помѣтилъ его записку къ исполненію, зазвонилъ и велѣлъ дежурному чиновнику сейчасъ же ее отправить къ Тарханларову. Но чиновникъ доложилъ, что самъ совѣтникъ Тарханларовъ и вновь прикомандированный къ канцеляріи его превосходительства чиновникъ, титулярный совѣтникъ Ангелъ, ждутъ въ пріемной.

— Дѣла, какъ видите! — сказалъ губернаторъ и изъ-за стола грустно раскланялся съ генераломъ.—Я васъ не смѣю удерживать! Вы долго еще пробудете въ городѣ?

— До вечера только.

— Что же такъ?

— Вы будете смѣяться...

— О! Пожалуйста, скажите...

— Дома, гдѣ я пока живу, ждетъ меня одно хорошее дѣло... также интрижка...

— Гдѣ же вы живете?

— Въ казенной деревушкѣ. вблизи своего имѣнія...

— Не правда ли, какой здѣсь край! Что ваша Колумбія, Перу. И каковы нравы, каковы красавицы! Не будь эта служба, не выѣхалъ бы отсюда. До свиданія!..

— Въ моемъ имѣніи?

— Отъ души буду радъ по пути заѣхать!

Вошедшихъ чиновниковъ губернаторъ принялъ сухо и строго; бумагу Рубашкина Тарханларову подалъ не сразу.

— Вамъ командировка отъ меня черезъ губернское правленіе,—сказалъ губернаторъ совѣтнику, несмотря на него.

— Слушаю-съ!

— Далеконько, однако...

— Слушаю-съ!

— Къ вашему знакомому... Рубашкина знаете? Онъ отсюда черезъ оранжерею сейчасъ вышелъ, былъ у меня...

— Не видѣлъ, но радъ исполнить приказаніе вашего превосходительства...

— Вы съ нимъ пріятели?

— Въ Петербургѣ служили вмѣстѣ,—солгалъ молодчина совѣтникъ, стоя на вытяжку: — поохотиться на рыбку звалъ...

— То-то на рыбку... знаю! — Губернаторъ видимо догадывался, въ чемъ тутъ штуки; но не рѣшился лишить Тарханларова удовольствія этой командировки. — Вы бы тамъ щуку-то одну намъ поймали: уродъ какой-то тамъ, говорятъ, упирается, не слушаетъ судебныхъ постановленій... Какая-то помѣщица, сущая азіятка!

— Слушаю-съ.

— Велите заготовить сейчасъ бумагу. Вы знаете, я откладывать не люблю. Слышите?

Тарханларовъ умышленно замялся.

— Да! У васъ жена родила...

— Ничего-съ, я готовъ выполнить вашъ приказъ. Но позвольте чиновника въ помощь подобрать надежнаго и знающаго.

— Если вы такъ усердны, очень радъ,—кого угодно?— А! И вы здѣсь, г. Ангелъ!—прибавилъ губернаторъ.

Титулярный совѣтникъ Ангелъ, обрусѣлый грекъ, двадцать-шесть лѣтъ исполнявшій должности становыхъ въ разныхъ окольностяхъ тѣхъ мѣстъ юго-востока Россіи, выжига изъ выжигъ, съ длиннѣйшими усами, человѣкъ безъ страха и отступленій, на видъ увалень, а на дѣлѣ—огонь и битый, какъ самъ онъ выражался, до десяти разъ всякимъ сбродомъ, почтительно поклонился губернатору.

— Что вамъ?

— Изъ ростовскаго уѣзда, слышно-съ, на Волгу контрабандный чай перевалили. Не прикажете ли поискать?— спросилъ сыщикъ.

Губернаторъ взглянулъ на Тарханларова. Тотъ сдѣлалъ кислую мину.

— Охъ, ужъ мнѣ эти чаи!... Несогласенъ!—сказалъ губернаторъ. — Больше на прогоны выходитъ, чѣмъ этихъ чаевъ отыщешь. Да, Тарханларовъ! Вотъ кстати вамъ и помощникъ! Берите его съ собою въ эту командировку.

Велите заготовить къ вечеру бумаги — и съ Богомъ! Прощайте, господа!.. Очень радъ!

Чиновники ушли, а губернаторъ, сказавъ жандарму, чтобъ никого не принимали, отрадно потянулся, надѣлъ штатскій щегольской пиджакъ, посмотрѣлся въ зеркало, покрутилъ усики, взялъ книжку французскаго журнала и сѣлъ къ окну читать, заставившись отъ праздныхъ зѣвакъ штофнымъ зеленымъ экранчикомъ.

— Все сдѣлано,—сказалъ Тарханларовъ къ вечеру Рубашкину, который поспѣшилъ выдать Саддукѣеву заемное письмо на двѣ тысячи:—бумаги у меня; часть отъ себя я уже послалъ по эстафетѣ, на счетъ получателей, въ уѣздъ стряпчему, исправнику и становому. Въ предводительскую канцелярію послалъ особое рѣзкое отношеніе. Словомъ, пока мы на почтовыхъ къ утру будемъ тамъ, я надѣюсь, что виновники во всѣхъ этихъ адскихъ упущеніяхъ придутъ уже въ нѣкоторой должный трепетъ. Ѣдемъ мы въ моей коляскѣ: вы и я, а данный мнѣ помощникъ уже уѣхалъ впередъ. Прошу ужинать ко мнѣ и сейчасъ же послѣ ужина ѣдемъ на всю ночь...

Рубашкинъ горячо обнялся съ Саддукѣевымъ, пришедшимъ его провожать къ Тарханларову.

— Ну, прощайте, берегите свое здоровье, это главное!— сказалъ генералу шопотомъ учитель: — многое не удастся, такъ хоть годами-то возьмете! А на всякій случай, пока— вотъ вамъ еще триста цѣлковыхъ. Это уже мои собственныя послѣднія крохи. Поправитесь, воротите. Да пишите мнѣ оттуда!

Бойкіе почтовые кони изъ донскихъ, какъ бы чувствуя, что везутъ такого доку, какъ Тарханларовъ, подхватили его коляску живо и съ громомъ понесли ее четверней по стихавшимъ улицамъ города.

VI.

Штурмъ Перебо̀ченской.

Рано на зарѣ генералъ и Тарханларовъ проснулись въ дорогѣ, покачиваемые въ коляскѣ, въ виду уѣзднаго городка, заброшеннаго въ глухой поволжской юго-восточной лощинѣ, между пологими каменистыми буграми.

Путники вошли въ земскій судъ. Тарханларовъ, пріѣздъ

котораго сюда уже нѣсколько подготовилъ данный ему помощникъ, былъ встрѣченъ тутъ всѣми не безъ трепета. Но дѣло какъ-то пошло не очень плавно. Повѣстки хоть и были разосланы изъ суда къ становому и въ сосѣднія села, но исправникъ отозвался дѣлами, болѣе нетерпящими отлагательства, и, не дождавшись губернскаго слѣдователя, вопреки его отношенію, уѣхалъ изъ города въ то самое утро въ другое мѣсто. Такъ же поступилъ и уѣздный предводитель, не доставивъ совѣтнику никакихъ нужныхъ новыхъ свѣдѣній о личности Перебоченской и о ея мнимомъ нездоровьѣ, которое будто бы препятствовало донынѣ ея выѣзду изъ чужого имѣнія. Когда Тарханларовъ явился въ предводительскую канцелярію, секретарь ея даже встрѣтилъ его съ нѣкоторою ироніей. Было замѣтно, что, прежде чѣмъ повѣстки и помощникъ совѣтника явились въ городъ, лазутчики Перебоченской обо всѣхъ эволюціяхъ новаго, угрожавшаго ей штурма дали уже знать сюда изъ среды самого губернскаго правленія, какъ Тарханларовъ ни старался свой быстрый выѣздъ облечь тайною. — «Даже Ангела къ намъ выслалъ», — острили о грекѣ уѣздные чиновники, по уходѣ Тарханларова:—«но и ангелъ небесный не сможетъ ничего съ нами сдѣлать, коли мы захотимъ! Вотъ оно какъ!»

Дѣйствительно, полномочный членъ высшей мѣстной администраціи, совѣтникъ губернскаго правленія, вооруженный наилучшими, опредѣленнѣйшими инструкціями—«раскрыть, наконецъ, дѣло, во что бы то ни стало; отрѣшить всякаго изъ чиновниковъ, замѣшанныхъ тутъ, если онъ найдетъ умышленныя послабленія со стороны ихъ, и вывести Перебоченскую изъ имѣнія Рубашкина даже силою, не принимая болѣе отъ нея никакихъ отговорокъ и отписокъ, и всему составить подробный журналъ», — озадачился сразу, встрѣтивъ эти первыя каверзы, и чуть не потерялся. Явивъ въ земскомъ судѣ особый приказъ губернскаго правленія, онъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи отъ должности исправника, записалъ свое постановленіе въ протоколъ суда, внесъ его и въ свой особый секретный журналъ, отмѣтилъ въ немъ, между прочимъ, что повѣстки о высылкѣ въ Конскій-Сыртъ понятыхъ изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ посланы нарочно, для замедленія понятыхъ, не верхомъ, а пѣшкомъ, черезъ сторожа-инвалида изъ земскаго суда.

хотя изъ города до этихъ селъ было болѣе сорока верстъ. Тарханлаговъ должность исправника сдалъ земскому засѣдателю, распекъ и его предварительно на обѣ корки и взялъ съ собой, а приставу стана, гдѣ былъ Конскій-Сыртъ, послалъ съ коннымъ нарочнымъ отъ себя вторую повѣстку о немедленной явкѣ на сборный пунктъ въ Малый-Малаканецъ, въ квартиру Рубашкина.

Къ обѣду того же дня, шестерикомъ, на обывательскихъ, Тарханларовъ прибылъ съ Рубашкинымъ и съ земскимъ засѣдателемъ въ Малаканецъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ помощникъ Тарханларова, Ангелъ, а станового и понятыхъ еще не было. Подождали они съ часъ, другой. Ямщики влѣзали на крыши хатъ, выходили далеко въ поле на бугры, смотрѣли, но никого не было видно.

— Что же ихъ ждать! — рѣшилъ совѣтникъ: — начнемъ, откроемъ дѣйствія, заявимъ этой барынѣ послѣднюю волю начальства! На томъ, чѣмъ она намъ отвѣтитъ, оснуемъ дальнѣйшія наши мѣры. Можетъ быть, къ крутымъ и не придется прибѣгать! А пока разсмотримъ еще бумаги. Вы, г. засѣдатель, въ качествѣ исправника, потрудитесь въ болѣе близкія села отъ себя, еще разъ, дать строгія повѣстки о сборѣ понятыхъ; вотъ хоть въ Есауловку, въ Карабиновку, въ Авдуловку и сюда, въ этотъ Малаканецъ...

— Люди теперь въ разбродѣ, рабочая пора; къ вечеру только съ полей придутъ домой.

— Ничего, пишите. Хоть мало сперва, а соберутся.

Пересмотрѣли еще бумаги, все приготовили, дали повѣстки съ ямщиками въ Есауловку и по Малаканцу. Тѣ съѣздили и воротились со словами, что понятые къ Конскому-Сырту будутъ сейчасъ.

Часа за три, за четыре до заката солнца, еще подождавъ станового и трижды уже заказанныхъ понятыхъ, Тарханларовъ и прочіе поѣхали къ усадьбѣ Конскаго-Сырта. Что-то въ душѣ говорило Рубашкину о не совсѣмъ удачномъ исходѣ дѣла; но красавецъ и молодчина губернскій совѣтникъ ѣхалъ бодро, весело мурлыкая про себя какую-то пѣсенку и съ любопытствомъ поглядывая по сторонамъ.

— Мѣстечко прелестное! — сказалъ онъ, завидѣвъ подъ склономъ есауловскихъ бугровъ, надъ рѣкою Лихимъ, зеленыя низменности Конскаго-Сырта: — у васъ съ руками оторвутъ на аренду эту землю даже мелкіе здѣшніе табун-

щики и сгонщики скота, если сами не пожелаете хлопотать...

— Я думаю самъ хозяйничать.

— И дѣло.

Въѣхали экипажи во дворъ Перебоченской. Во дворѣ было тихо: ни одна душа не показывалась. Кухня, амбары и всякія пристройки молчали. Окна и крыльца дома молчали также. Когда власти подъѣхали, гремя колокольчиками, къ главному крыльцу, въ концѣ двора прошелъ отъ кухни къ сараю, опустя голову и не поднимая глазъ, низенькій коренастый господинъ, или собственно прошли его длиннѣйшіе рыжіе усы: то былъ панъ Жукотыньскій, приказчикъ барыни.—«Эй, ты! послушай!»—крикнулъ ему съ козелъ коляски титулярный совѣтникъ Ангелъ; но рыжій шляхтичъ прошелъ важною журавлиною походкой, руки въ карманахъ балахона, опустя рыжіе огненные усы чуть не до земли, и скрылся...

Тарханларовъ, земскій засѣдатель и Рубашкинъ вошли въ сѣни и въ переднюю:—ни души. Лазарь Лазаричъ Ангелъ остался у крыльца, хмуря черныя кустоватыя брови, сердито сопя и крутя черные усы. Онъ осторожно, какъ чуткая дрофа въ степи, посматривалъ изъ-за коляски и лошадей во всѣ углы двора, ожидая, гдѣ вынырнетъ шляхтичъ.

Едва Тарханларовъ взялся за ручку двери въ залу, шепнувъ спутникамъ: — «Мы пока сюда, а Лазарь Лазаричъ довольно надежная сила въ арьергардѣ; онъ бѣдовый: его тронутъ, такъ онъ и ножомъ въ бокъ пырнетъ!» — какъ дверь передъ нимъ отворилась и на порогѣ показалась хозяйка Пелагея Андреевна Перебоченская. Рубашкинъ теперь былъ одѣтъ запросто, въ лѣтней парусинной накидкѣ и безъ портфеля подъ мышкой фрака, какъ нѣкогда, въ первый пріѣздъ сюда. Старуха же встрѣтила посѣтителей такая же сухощавая, сутуловатая и будто придавленная и забитая, хотя была особой почтеннаго роста, и попрежнему въ темномъ, притасканномъ платьишкѣ и въ чепцѣ, перевязанномъ подъ подбородкомъ и по ушамъ бѣлымъ платкомъ, въ родѣ того, какіе носятъ нищенки-попрошайки. Она молча остановилась въ дверяхъ, держа грязный гарусный ридикюль и вопросительно поднявъ къ посѣтителямъ сморщенное желтое личико и жалкіе, убогіе и будто плачущіе глаза.

— Повелѣніемъ высшаго начальства! — звонко и отчетисто заговорилъ молодчина Тарханларовъ, выставя впередъ румяныя круглыя щеки и вынимая изъ кармана бумагу:—приказано васъ, сударыня...

— Не надо! вовсе этого не надо! — отвѣтила старуха, тихо отодвигая бумагу.

— Какъ не надо! Воля высшаго начальства-съ... Что вы? шутить?.. Извольте слушать! Только, надѣюсь, не здѣсь въ передней, а какъ слѣдуетъ... въ залѣ... у васъ...

И онъ шагнулъ къ порогу въ залу. Перебōченская, однако, не двинулась съ мѣста.

— Я уже все это знаю... и вашу бумагу! — сказала она тихо, потупя глаза:—это все пустяки; я отсюда не поѣду; я больна, стара, и всякія тревоги... особенно выѣздъ... могутъ причинить мнѣ... даже смерть!

Тарханларовъ оглянулся на своихъ спутниковъ и насмѣшливо имъ подмигнулъ; Рубашкинъ степенно стоялъ сзади, выжидая, чтò будетъ; засѣдатель, не поднимая глазъ, былъ блѣденъ и стоялъ на-вытяжку.

— Вы можете мнѣ говорить все чтò вамъ угодно!—громко сказалъ опять совѣтникъ:—но я имѣю предписаніе начальства, основанное, извините, на предыдущихъ вашихъ выходкахъ и продѣлкахъ, не принимая долѣе отъ васъ никакихъ отговорокъ, вывезти васъ изъ этого чужого имѣнія-съ... отобрать у васъ всю хозяйственную движимость... сдать ее владѣльцу имѣнія, до уплаты вами, по третейскому суду, денегъ за всѣ годы аренды, а послѣ расчета съ нимъ дозволить вамъ изъ движимости и строеній взять отсюда по особой новой расцѣнкѣ...

— И гурты, и овецъ сдать ему? — спросила Перебōченская, указавъ пальцемъ на генерала.

— Сдать все пока... въ видѣ обезпеченія уплаты за десятилѣтнюю аренду.

— Никогда! я прежнему владѣльцу все уплатила... А хоть бы деньгами и не уплатила, не дамъ! У насъ съ нимъ счеты кончены...

— За что же онъ съ вами тягался все послѣднее время?

— Оставьте меня и не тревожьте... прошу васъ мнѣ не грубить! Передъ вами дама-съ!

— Росписокъ у васъ нѣтъ! формальный договоръ нарушенъ! Все, что ходитъ по этой землѣ, вами получено съ

земли же, а за нее вы ничего не платили... Слѣдовательно...

— Разберуть по суду... Какой вы судъ? Вы полицейскій чинъ...

— Судъ давно рѣшилъ дѣло противъ васъ и столько лѣтъ ждалъ отъ васъ, сударыня, доказательствъ; всѣ здѣшнія власти дѣлали вамъ поблажки. Теперь уже дѣлу конецъ. Вы оскорбляете администрацію, распорядительную власть, которая должна въ точности исполнять рѣшенія суда; и она командировала, наконецъ, меня... Извольте выѣзжать отсюда; извольте пустить меня въ залу и выслушать постановленіе губернскаго правленія. Слышите ли? Имѣю честь рекомендоваться...

— Знаю, знаю...

— Я совѣтникъ губернскаго правленія...

— Да знаю же, говорю вамъ!

— Губернскаго правленія, Тарханларовъ... И потому снова говорю...

Тусклые глазки барыни холодно и злобно завиляли. Лицо и ридикюль задвигались.

— Палашка!—крикнула она, не оборачиваясь, съ порога.

Тарханларовъ, зная отъ Рубашкина продѣлки барыни и то, какъ она и генералу грозила Палашкою, невольно улыбнулся, приготовился взять Перебо̀ченскую за руку и шагнулъ впередъ.

— Позвольте мнѣ, сударыня, пройти въ залу и сообщить вамъ рѣшеніе суда и окончательное предписаніе губернатора...

Онъ бережно взялъ старуху за сухощавую, въ тревогѣ дрожавшую руку. Но въ то же время за спиной хозяйки обрисовались два помѣщика: отставной прапорщикъ изъ букеевскихъ ординарцевъ, Кѐбабчи, и неслуживший нигдѣ черноморскій дворянинъ и сосѣдній гуртовщикъ, Хутчѐнко.

— Удивляемся!—сказали разомъ оба господина, умышленно и какъ-то особенно неблаговидно бася и щетиной подвигаясь впередъ изъ залы:—удивляемся вашей дерзости къ дворянкѣ... и не вѣримъ, чтобы вы были съ такими полномочіями...

Перебо̀ченская тотчасъ же. не оборачиваясь попрежнему, отрекомендовала обоихъ защитниковъ своихъ и Тарханларову, и Рубашкину.

— А это вотъ учитель музыки въ здѣшнихъ мѣстахъ, г. Рахилевичъ!—прибавила она, почувствовавъ, что за спиной ея прибавилось еще одно лицо изъ внутреннихъ комнатъ, юноша лѣтъ девятнадцати, румяный, пухлый, съ бараньими, тусклыми и на-выкатъ глазами: — онъ учитъ у моихъ родныхъ и близокъ въ домѣ г. предводителя!

— Однакоже, вы должны, сударыня, выслушать бумагу начальства и по порядку законовъ дать на нее отзывъ!— отозвался, нисколько не теряясь, Тарханларовъ.—Повторяю вамъ, я совѣтникъ губернскаго правленія и прошу со мною не шутить...

— Полноте сочинять! Это, господа, можетъ-быть, и не совѣтникъ вовсе! — громко объявилъ своимъ товарищамъ развязный учитель музыки Рахилевичъ, насмѣшливо пошатываясь за ихъ плечами, съ руками въ широкихъ зеленыхъ шароварахъ, и одѣтый въ какую-то фантастическую голубую куртку съ шнурками и бронзовыми стекольчатыми пуговицами. — Я совѣтниковъ всѣхъ въ губерніи знаю-съ; это, должно-быть, такъ себѣ, какой-нибудь канцеляристъ, для шутки нанятый Рубашкинымъ!

Рубашкинъ обомлѣлъ.

— Ну, спросите у него видъ; есть ли у него, господа, видъ еще? Не самозванецъ ли это?—прибавилъ Рахилевичъ, мигнувъ прапорщику Кебабчи, на котораго, какъ видно, компанія возлагала также немало надеждъ.

— Ин-да-съ!—шаловливымъ басомъ и въ галстукъ сказалъ мѣдноцвѣтный, какъ пятакъ, Кебабчи. — Попросите, Пелагея Андреевна, этого господина, однако, въ кабинетъ: пусть онъ намъ покажетъ свой видъ, паспортъ. Можетъ-быть, это еще и по-правдѣ самозванецъ! Вы ужъ, сударь, извините насъ: здѣсь страна всякихъ подлоговъ и самозванствъ; тутъ дѣйствовали Пугачовъ-съ, Разинъ, разбойники изъ киргизъ-кайсаковъ, Кудеяръ и Кувыканъ, Булавинъ и Заметаевъ...

— Такъ вы полагаете, что я тоже какой-нибудь Кувыканъ или Кудеяръ, подложный, а не настоящій чиновникъ?— спросилъ, засмѣявшись, Тарханларовъ, въ то время, какъ самъ онъ, однако, чувствовалъ, что еще мгновеніе и, пожалуй, въ этой глуши, не подоспѣй понятые, его самого обратятъ въ подсудимаго, силой свяжутъ и подъ конвоемъ повезутъ, на общій позоръ и смѣхъ, въ городъ, въ его же

губернское правленіе. вмѣсто Перебченской, которую онъ собирался взять силой.

— Нечего. нечего смѣяться!—опять рѣзко перебилъ учитель музыки Рахилевичъ:—давайте-ка лучше ваши бумаги! Не на дураковъ напали... Насъ не проведете—стрѣляные!..

— Пожалуйте въ кабинетъ! а въ залу я васъ все-таки не допущу: у меня дѣла и сама я больная! — сказала со вздохомъ хозяйка и тутъ же отъ порога ступила черезъ лакейскую въ сосѣдній, особый, темноватый кабинетикъ.

Тарханларовъ, Рубашкинъ и блѣдный засѣдатель, переглядываясь между собою, вошли туда за нею. Кебабчи, Хутченко и Рахилевичъ вступили туда же и кинулись запирать двери. Ихъ лица глядѣли мрачно, а рѣзкія, порывистыя движенія показывали, что они были готовы рѣшиться на все. Рубашкинъ глянулъ на помертвѣлаго засѣдателя, и у него самого точно холодная водица полилась по спинѣ и мурашки въ желудкѣ задвигались...

Всѣ сѣли. Тарханларовъ внятно и внушительно сталъ читать грозную бумагу о своей командировкѣ, снова попросилъ Перебченскую не упорствовать, потому что скоро вечеръ, а онъ къ ночи долженъ все покончить, не принимая отъ нея никакихъ отговорокъ. и протянулъ бумагу слушателямъ, чтобы всѣ ее разсмотрѣли.

— Бланки и подписи дѣйствительно подлинные!—сказалъ мѣдноцвѣтный Кебабчи:—но этому все-таки не бывать никогда, никогда! пока въ нашихъ жилахъ течетъ дворянская кровь!

— Не бывать!—подхватили его товарищи.

— Да-съ!..—рѣшила и хозяйка, завилявъ глазками и теребя въ рукахъ ридикюль.

— Пожалуйте отзывъ!—сказалъ Тарханларовъ.

— Вотъ онъ! давно написанъ на эти ваши бумаги...

И она подала совѣтнику готовый отзывъ по всѣмъ пунктамъ грознаго рѣшенія.

— Новое преступленіе! — объявилъ совѣтникъ, быстро пробѣжавъ отзывъ:—я его кладу при васъ, господа, въ карманъ и записываю въ журналъ слѣдствія; оказывается, что секретнѣйшія и важнѣйшія бумаги начальства передаются сюда изъ города въ копіяхъ и прежде, чѣмъ въ подлинникѣ, попадаютъ къ виновнымъ! Отлично! Ай-да мѣстечко-съ!..

— Кладите!—выстрѣлилъ въ него глазами Рахилевичъ.— Мы и не прячемся отъ васъ; эка гроза какая! Бумагу эту сообщилъ намъ самъ уѣздный предсѣдатель, а онъ — извините! человѣкъ со связями-съ, имѣетъ вездѣ лазутчиковъ противъ крючковъ; въ обиду своей дворянки не дастъ никому, а я у него учу въ семействѣ-съ...

— А, такъ вотъ какъ! Вы видѣли, слышали, г. засѣдатель? Отвѣтъ уже готовъ и подписанъ! Я его принимаю не какъ доводъ къ отказу, а какъ улику къ прежнимъ преступленіямъ здѣшнихъ властей...

Засѣдатель молча поклонился, продолжая мигать оторопѣлыми глазами.

— Такъ я повторяю,—началъ опять Тарханларовъ, вставая и выпрямляясь во весь ростъ:—угодно ли вамъ, г-жа Перебѳченская, безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ, сегодня же,—слышите? сегодня же къ ночи,—выѣхать отсюда и все сдать г. Рубашкину?

— Нѣтъ... никогда! Я больна, стара, и притомъ же...

— Въ такомъ случаѣ я открываю присутствіе и черезъ полчаса арестую васъ силою и подъ стражей препровожу въ городъ!—брякнулъ совѣтникъ.

Засѣдатель даже привскочилъ на мѣстѣ.

Перебѳченская задергала опять пальцами, но ни слова не отвѣтила.

— Можете открывать присутствіе! — забасили еще непріязненнѣе Кѐбабчи, Рахилевичъ и Хутче́нко: — а мы будемъ смотрѣть...

Наглость всего этого начинала взрывать Тарханларова. Онъ вышелъ въ лакейскую и на крыльцо. На нѣжныхъ, полныхъ щекахъ его показались багровые кружки. Глаза его затуманились. Онъ отеръ платкомъ лобъ и сказалъ засѣдателю: «Гдѣ-бъ намъ открыть присутствіе и начать дѣйствовать?»

— Въ каретномъ сараѣ!—отвѣтилъ стоявшій на крыльцѣ Лазарь Лазаричъ Ангелъ, отъ злости и отъ расходившейся въ немъ греческой желчи уже ставшій желтѣе лимона: — тутъ небывалый воровской притонъ,—всѣ штуки идутъ какъ по маслу; ждалъ я, ждалъ, пошелъ къ кухнѣ — заперта на ключъ; глянулъ я въ окно, пуста — однѣ мухи бьются въ стекла... Я въ людскую избу, въ конюшню, подъ сараи, вездѣ пусто. Устроимъ присутствіе въ каретникѣ: тамъ кстати

стоитъ какая-то перевернутая кадка... На ней и писать можно...

— Доставайте, господа, изъ коляски припасы!—сказалъ Рубашкинъ, обмахиваясь платкомъ.

— А намъ?—спросили обывательскіе ямщики.

— Распрягайте лошадей и ступайте по домамъ. Мы отсюда на другихъ лошадяхъ выѣдемъ!

Ямщики отправились выпрягать коней.

— Господа, въ каретникъ!

Тарханларовъ попрежнему легко и свободно зашагалъ отъ крыльца по двору, однакоже прибавилъ:

— Жаль, господа, что мы не распорядились о болѣе значительномъ числѣ понятыхъ; кажется, здѣсь не совсѣмъ безопасно! что это значитъ? и становаго до сихъ поръ нѣтъ?

— Съ одной стороны, тутъ сущая Татарія, Курдистанъ; а съ другой, и матушка Русь здѣсь же, какъ дома, расположилась!—пустился разсуждать вслухъ Рубашкинъ:—мнѣ это приходило въ голову еще какъ я первый разъ сюда пріѣзжалъ! Ждешь тутъ, что убьютъ тебя, либо зашьютъ какъ разъ въ мѣшокъ, да и въ воду! А тутъ же скворецъ вонъ тихо прыгаетъ въ клѣткѣ, дѣвка бѣлобрысая чулокъ вяжетъ, барыня пасьянсъ въ гостиной раскладываетъ, тупоумный тульскій маятникъ упорно постукиваетъ въ лакейской, точно въ безсонную ночь гдѣ-нибудь на станціи, когда ждешь лошадей...

Посмотрѣли господа въ поле изъ-за конюшни: не было видно еще ни становаго, ни понятыхъ. Въ сараѣ на полу было множество голубиныхъ слѣдовъ. Ласточки съ звонкимъ крикомъ влетали въ щели надъ воротами и опять вылетали отсюда. Прочный новый тарантасъ барыни стоялъ подъ полотняною покрышкой въ одномъ углу, въ другомъ возвышались развалины старинной кареты. Сметя соръ съ опрокинутой кадки, засѣдатель и Лазарь Лазаричъ приготовили канцелярскій бивуакъ. Тарханларовъ разсказалъ засѣдателю, какъ ему писать, и тотъ съ дрожащими руками присѣлъ съ перомъ и съ бумагами на тарантасный сундукъ къ кадкѣ. Прочіе всѣ вышли изъ сарая. На дворѣ попрежнему было тихо и не видно живого существа, какъ на площадяхъ крѣпости передъ послѣднимъ натискомъ осаждающей арміи.

— Что это засѣдатель вашъ такъ трусить? — спросилъ Рубашкинъ Ангела.

— Въ передѣлкѣ былъ здѣсь,—значительно отвѣтилъ Лазарь Лазаричъ:—онъ былъ въ тотъ самый въѣздъ властей сюда, когда Перебоченская высланному къ ней чиновнику особыхъ порученій дала пощечину. Все и скрыли. Чиновникъ переждалъ, да скорѣе и далъ тягу куда-то на сѣверъ...

— Вотъ то-то и бѣда,—возразилъ Рубашкинъ:—что всѣ трусятъ и скрываются; ты побитъ, и опубликуй самъ! Что за стыдъ быть ударенными бѣшеною лошадью или дикою киргизскою коровой!

Тарханларовъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Ну, нѣтъ, господа: съ нами она этого не сдѣлаетъ. А иначе либо я самъ не пожалѣю съ нею силъ, либо рапортомъ донесу обо всемъ въ наготѣ высшимъ властямъ. Что̀ вы думаете? Вѣдь объ оскорбленіи чиновника на службѣ... да еще въ такой беззащитной глуши... обязаны будутъ по законамъ донести лично Государю...

— И донесутъ! Вотъ меня не разъ помяли. Доносили... Что же? Отписывались! — сказалъ, крутя черные усы, Ангелъ.

Тарханларовъ покраснѣлъ. Онъ долго молчалъ, прислушиваясь къ скрипу пера засѣдателя.

— Господа! теперь не зѣвать! Готова будетъ бумага, составится журналъ первыхъ дѣйствій... Скоро все поспѣетъ?—спросилъ Тарханларовъ.

— Составлено, готово все-съ...

— Подписывайте, господа. А вотъ кстати и понятые...

Всѣ подписали вступительныя бумаги. У сарая во дворѣ показались первые понятые, такъ себѣ, какіе-то сѣренькіе, переминавшіеся мужички, изъ поселянъ поплоше.

— Вотъ наша вѣрная опора! — иронически подмигнулъ товарищамъ на понятыхъ Тарханларовъ, прочелъ вслухъ мужикамъ бумаги, разъяснилъ имъ смыслъ дѣла и велѣлъ всѣмъ смотрѣть въ оба и слушаться строго его приказаній.

— Будете слушаться? — гаркнулъ подъ конецъ совѣтникъ.

— Будемъ!—отозвалась кучка понятыхъ, едва шевелившихъ отъ страха языками и уныло почесывавшихъ спины и затылки.

— Переписать ихъ по именамъ!

Засѣдатель переписалъ. Подождали еще. Солнце клонилось уже къ закату.

— Будутъ еще ваши?—нетерпѣливо спросилъ Рубашкинъ.

— Будутъ вѣрно... десятскіе сгоняютъ съ поля! какъ не быть! вѣрно будутъ...—отвѣтили понятые, глупо и пугливо переступая съ ноги на ногу.

Вдали въ полѣ еще показалась кучка понятыхъ. Ангелъ крикнулъ отъ плетня:

— Еще идутъ!

— Теперь, господа, прямо въ домъ!—рѣшилъ Тарханларовъ:—отыщите ломъ или молотокъ; если дверь въ залу опять запрутъ, надо будетъ при понятыхъ выломать, всѣхъ изъ дома взять подъ арестъ и скрѣпить наши мѣры новымъ журналомъ.

Нашли какую-то желѣзную полосу. Уже двинулись-было къ крыльцу, какъ Лазарь Лазаричъ, успѣвшій съ этою запуганною толпою земскихъ поличныхъ обнюхаться по-своему и перемолвиться по душѣ, шепнулъ совѣтнику:

— Надо отрядить часть понятыхъ въ поле. Одинъ изъ нихъ сейчасъ сообщилъ, что полякъ-приказчикъ этой барыни туда поскакалъ задами, собираетъ сгонщиковъ и намѣренъ, какъ видно, угнать куда-нибудь съ этой земли, если не всѣ гурты скота, такъ табунъ лошадей или часть овецъ.

— Что это, сдача или отступленіе?

— Далеко до сдачи... Спѣшите!.. Это просто одна изъ азіятскихъ хитростей...

— Кого же послать? Отрядъ понятыхъ и такъ у насъ малъ, а мы и обывательскихъ лошадей отослали по домамъ! Эй, вы, понятые!

Часть мужиковъ отдѣлилась къ каретнику.

— За мной, въ барскую конюшню. Садитесь сейчасъ на коней и гайда въ степь...

Наскоро Тарханларовъ свернулъ замокъ у конюшни, мужики оттуда вывели тройку упряжныхъ лошадей, послѣднихъ, какія тамъ были, и иные изъ нихъ уже стали моститься сѣсть безъ сѣделъ на жирныхъ скакуновъ.

— Не трогать барскихъ коней!—раздался съ прибавкой крупной брани крикъ съ крыльца.

Мужики оторопѣли. То былъ голосъ знакомаго имъ сосѣда ихъ, прапорщика Кебабчи.

— Садись! — крикнулъ, въ свой чередъ, совѣтникъ: — какъ вы смѣете не слушаться?

— Не садись; убью перваго, кто осмѣлится! — прибавилъ съ крыльца Кѐбабчи, въ патронташѣ и размахивая ружьемъ.

Мужики раскрыли рты отъ изумленія и выпустили поводья. Прапорщикъ Кѐбабчи съ крыльца продолжалъ ругаться вслухъ, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ чиновниковъ. Титулярный совѣтникъ Ангелъ не вытерпѣлъ, самъ схватилъ первую выведенную лошадь за поводъ, потрепалъ ее по спинѣ, вскочилъ на нее и во всю прыть понесся за дворъ, крича понятымъ: «за мною!» Двое ободранныхъ мужиковъ прыгнули также на лошадей и вскачь скрылись за конюшней. Выстрѣла съ крыльца не послѣдовало, хотя Кѐбабчи довольно рѣшительно и грозно еще тамъ потрясалъ ружьемъ. Остальные понятые ожили также. «Все-таки власть! — думали они, тѣснясь у конюшни: — насъ бы тотъ баринъ сразу пострѣлялъ, а по чиновникамъ такъ и не цѣлится!»

Тарханларовъ приказалъ понятымъ идти къ крыльцу. Кѐбабчи отступилъ внутрь дома, а власти съ мужиками вступили въ сѣни.

Чиновники вошли въ лакейскую; понятые размѣстились тутъ же и въ раскрытыхъ сѣняхъ. Зала была, попрежнему, затворена. Засѣдатель попробовалъ; она была заперта на замокъ.

— Видите ли, ребята, — началъ Тарханларовъ: — я посланъ отъ губернатора, а онъ назначенъ властью еще высшею. Я старшій чинъ въ правленіи по губерніи, и мнѣ велѣно эту барыню взять силой, такъ какъ она закона не слушается, а все это имѣніе, отдать этому барину.

Онъ указалъ на Рубашкина.

— Да мы все это знаемъ давно! — робко и вполголоса отозвались нѣкоторые понятые: — только ужъ какъ бы намъ чего не отвѣчать!

— Знаете? тѣмъ лучше. Вотъ и бумага объ этомъ. Барыня заперлась; надо сломать замокъ. Давайте опять ломъ... Я разбиваю двери, чтобъ вы видѣли...

Подали совѣтнику снова желѣзную полосу. Тарханларовъ нажалъ ее на замокъ; дверь отскочила: въ залѣ было пусто. Онъ заглянулъ въ коридоръ: вездѣ тихо, ни души. Онъ поставилъ часть понятыхъ слѣдить вдоль коридора выходъ

изъ дома къ другому крыльцу, а самъ черезъ залу подошелъ къ запертой двери въ гостиную. Но едва онъ нажалъ ломъ и на эту дверь, какъ въ нее изъ гостиной разомъ что-то навалило, и съ криками и воплями въ залу выскочили сама хозяйка, помѣщики, ея защитники, Кёбабчи и Хутчёнко, учитель музыки Рахилевичъ и вся тѣсно-скученная и озадаченная дворня барыни: горничныя, поваръ, батраки, кучеръ, ключникъ, даже дворовыя дѣти. Послѣднія взревѣли, едва дверь отворилась.

— Караулъ! разбой! караулъ! грабятъ! рѣжутъ! –заорали господа и слуги.

Нѣкоторые изъ дворни оказались вооруженными: кто палкой, кто кочергой, одна баба съ половой щеткой, кучеръ съ косой, а Кёбабчи, попрежнему, въ патронташѣ съ ружьемъ.

Тарханларовъ невольно потерялся.

— Вы, господа, вижу я, всему зачинщики и подстрекатели,—сказалъ онъ Рахилевичу, Кёбабчи и Хутчёнко:— вы болѣе всѣхъ будете отвѣчать. Но до васъ очередь дойдетъ послѣ! Понятые! слушать моихъ приказаній!— гаркнулъ онъ, сильно повысивъ голосъ. — А вы, дурачье безмозглые, дворня вашей барыни! Васъ только перепорятъ за то, что вы мѣшаетесь, куда васъ не зовутъ! Ну, чего стоите! Дѣвки, бородачи! маршъ по своимъ угламъ.

Молодцоватый голосъ Тарханларова звонко раздался въ залѣ, гдѣ, вслѣдъ за первымъ появленіемъ домашней засады, воцарилась-было мгновенно мертвая тишина. Дворня осунулась. Перебóченская стояла въ заднихъ рядахъ, тормоша ридикюль и поглядывая, какъ крыса, атакованная ловкою и наметанною кухаркой въ углу комнаты, откуда некуда было податься.

— Вона! — весело крикнулъ вдругъ Рахилевичъ, нагло пошатываясь, опять съ руками въ карманахъ широкихъ, зеленыхъ шароваръ. — А вы, ослы, и оплошили? Думаете, взаправду это важная птица налетѣла! Да это не губернаторскій совѣтникъ, а панокъ изъ Боромли! Я его и въ карты обыгрывалъ, ей-Богу! Это Рубашкинъ его за десять цѣлковыхъ нанялъ... кемедію отколоть!.. Это самозванецъ! Вѣдь вы слыхали, что тутъ, на Волгѣ, бывали прежде самозванцы, которыхъ послѣ въ желѣзныхъ клѣткахъ отвозили въ столицы? Это и есть одинъ изъ такихъ...

— Понятые впередъ! — гаркнулъ еще громче мнимый «панокъ изъ Боромли», почувствовавшій всю бездну, въ которую его могли столкнуть: — берите прежде этого господина Рахилевича! Я вамъ приказываю...

Онъ оглянулся и невольно поблѣднѣлъ. Понятые не трогались съ мѣста.

— Ну, ей-Богу же, вотъ побожился вамъ, что это самозванецъ, и я его отлично знаю!— опять спокойно прибавилъ Рахилевичъ:—не насъ, а его надо связать, чтобъ шуму-то въ порядочныхъ домахъ не дѣлахъ...

— Самозванецъ! Панокъ изъ Боромли! и мы его знаемъ!— добавили рѣшительно и Хутчѐнко съ Кѐбабчи.

Тарханларовъ, однако, снова не потерялся, хотя первое мгновеніе для него вышло убійственное, и понятые уже начали-было подозрительно посматривать на него самого, помышляя, «что дескать, и одѣтъ-то онъ запросто, и мундира богатаго на немъ нѣтъ, и не при саблѣ; Богъ его знаетъ, кто онъ такой; а знакомые господа божатся и смѣются надъ нимъ»...

— Что же вы молчите? — отнесся Тарханларовъ вслухъ къ стоявшему сзади его засѣдателю:—вы здѣсь непремѣнный засѣдатель земскаго суда, васъ должны всѣ тутъ знать, въ самомъ этомъ домѣ вы не разъ были, а теперь вы у меня подъ командой... Что же вы молчите?

— Что вы, что вы,—крикнулъ Рахилевичу засѣдатель:— опомнитесь. Какія шутки! Ступайте вонъ отсюда! — прибавилъ онъ дворовымъ людямъ Перебоченской.

Горничныя отступили первыя, за ними наемные батраки: отступленіе готово было начаться полное...

— Что вы, г. Рахилевичъ, развѣ ослѣпли? — спросилъ опять засѣдатель, обращаясь къ защитнику хозяйки.

— А ты забылъ, собака, что у меня десять паръ воловъ въ подарокъ недавно получилъ?—шепнула засѣдателю сзади хозяйка, ухватя его за рукавъ.

Засѣдатель сталъ опять ни живъ, ни мертвъ.

— Ребята, взять Рахилевича!—скомандовалъ Тарханларовъ, и когда понятые двинулись за нимъ, самъ подступилъ къ учителю музыки и наложилъ на его плечо руку.

— А, братъ! Такъ вотъ же тебѣ что! — крикнулъ Рахилевичъ и, какъ видно обдумавъ все напередъ съ товарищами, кинулъ чѣмъ-то мелкимъ въ глаза совѣтнику.

Ослѣпленный Тарханларовъ разсвирѣпѣлъ, бросился въ бокъ, желая ухватить руками негодяя, но тотъ ускользнулъ. И въ то же мгновеніе Тарханларову показалось, что въ залѣ началась непостижимая свалка... Онъ кое-какъ выскочилъ въ сѣни, дорогой обо что-то сильно ударившись вискомъ, долго теръ глаза и минуты черезъ три, сквозь слезы, усилился оглянуться въ домъ. Понятые въ залѣ въ общей суматохѣ силились взять Рахилевича; дворня его съ ругательствами отбивала.

— Воды, вотъ вамъ воды въ глаза, — сказалъ Рубашкинъ, появившись съ дѣвичьяго крыльца со стаканомъ воды: — промывайте скорѣе! Это страсть, что за вертепъ! Боже! куда мы попали! Засѣдателя Перебойченская съ дѣвками связала и кричитъ, что подъ карауломъ пошлетъ его и всѣхъ насъ въ городъ.

Тарханларовъ дрожалъ отъ бѣшенства и наскоро сталъ промывать глаза и ушибленный до крови високъ.

— Гдѣ Лазарь Лазаричъ?—спросилъ онъ.

— Еще не воротился съ поля...

— Велите посмотрѣть, не ѣдетъ ли?

Рубашкинъ распорядился.

— Я ничего не сдѣлалъ противозаконнаго, крайняго?—спросилъ онъ Рубашкина.

— Ничего... вы дѣйствовали пока очень кротко... даже черезчуръ...

— Слава Богу! Тутъ какъ разъ потеряешься. Счастье, что револьвера не выхватилъ изъ кармана: вотъ онъ; въ такія командировки я иначе не ѣзжу!

Онъ вынулъ револьверъ.

— А! вотъ и Лазарь Лазаричъ! Что̀ новаго? Безъ васъ дѣло тутъ не обойдется...

— Я съ поля... гуртъ отшибъ, а табунъ угнали, должнобыть, къ Кебабчи въ другой уѣздъ, либо къ Хутченко, на сосѣдній хуторъ. Къ утру и тамъ уже ихъ не найдемъ... извѣстное дѣло: Кебабчи тутъ первый, какъ я узналъ, конокрадъ, а Хутченко женатъ на цыганкѣ и черезъ родичей своей жены сбываетъ всѣхъ ворованныхъ лошадей...

— Гдѣ же отбитый гуртъ?

— Наши понятые гонятъ его со степи; пастухи и гонщики арестованы. Я собралъ еще новыхъ понятыхъ, и привелъ сюда въ подмогу. Станового же нигдѣ и не найдутъ;

какъ въ воду канулъ въ своемъ станѣ... Какъ идутъ дѣла у насъ?

Тарханларовъ, утираясь, на̀скоро передалъ о томъ, что̀ произошло въ домѣ въ отсутствіе Лазаря Лазарича; но о вискѣ прибавилъ, что въ этомъ виной онъ самъ, ударившись о притолокъ двери.

Лазарь Лазаричъ недовѣрчиво покосился на високъ совѣтника и сталъ прислушиваться къ шуму въ залѣ. Кто-то тамъ неистово горланилъ; десятокъ голосовъ ему еще безобразнѣе вторили, а остальные оспаривали этихъ. Грекъ взглянулъ съ крыльца на солнце, уже заходившее за садъ, и спросилъ: «Что же? или еще ожидать? не распорядиться ли по-нашему, по-былому? Приказываете?.. Еще минута, и насъ всѣхъ запрутъ въ подвалъ, а послѣ обвинятъ въ буйствѣ... Надо ловить время... Вы знаете, что̀ такое наши понятые и настроеніе ихъ умовъ въ такой глуши?» Тарханларовъ сказалъ: «дѣйствуйте!» Шумъ въ залѣ увеличивался... Тарханларовъ вынулъ бумажникъ и сталъ на̀скоро записывать происшествіе. Глаза его сильно жгло; високъ болѣлъ сильнѣе. Лазарь Лазаричъ подумалъ, прыгнулъ съ крыльца, сбѣгалъ за ворота, взялъ оттуда еще кучу приведенныхъ понятыхъ, въ числѣ которыхъ были и два благообразныхъ молодца, одинъ въ гражданскомъ пальто, а другой въ синей чуйкѣ, и съ ними смѣло вошелъ въ домъ.

— Кто эти?—спросилъ Тарханларовъ есауловскаго десятскаго, также подоспѣвшаго къ крыльцу.

Десятскій уже зналъ о важности всего происшедшаго въ домѣ и безъ шапки, съ палкой, стоялъ у крыльца.

— Это наши-съ, ваше высокоблагородіе...

— Ты же кто? Чей?

— Есауловскій десятскій, а тѣ двое понятыхъ изъ нашихъ парней.

— Отчего же они одѣты не по-мужицки?

— Одинъ, ваша милость, изъ нашей барской музыки, флейтистъ, Кирюшка Безуглый, а другой—сынъ нашего приказчика, Илья Танцуръ...

— Зачѣмъ же ты привелъ дворовыхъ? Надо бы лучше было изъ хозяевъ, изъ надежныхъ мужиковъ...

— Всѣ въ полѣ; приказчика дома нѣтъ, я безъ него не посмѣлъ, а эти почитай сами напросились, ну, я ихъ и

взялъ! Они такъ почти у насъ мотаются, ничего не дѣлаютъ...

Рубашкинъ, узнавъ Илью, догналъ его въ лакейской.

— Что жена вашего священника? Жива? Я и не спросилъ о ней за хлопотами въ Малаканцѣ...

— Живы! Легче стало отъ лѣкарствъ того барина-съ...

— Садукѣева?

— Да-съ...

«Господи,— подумалъ Рубашкинъ,—вотъ бы узнать Садукѣеву, чтò тутъ дѣлается: пожалуй, ста лѣтъ жизни мало будетъ, чтобъ все это пережить».

Въ то же мгновеніе, сквозь шумъ и гулъ въ залѣ, раздался опять женскій визгъ, а потомъ общіе крики: «рѣжутъ, грабятъ!»

— А!—пошелъ на приступъ Лазарь Лазаричъ!—сказалъ совѣтникъ:—оно точно; съ моею властью я лучше останусь здѣсь послѣднею вашею, генералъ, надеждою...

Грекъ тихо вошелъ въ залу, осмотрѣлъ присутствующихъ, замѣтилъ среди нихъ зеленые штаны и голубую куртку Рахилевича, кинувшаго пескомъ и золой въ глаза Тарханларову, и, ни слова не говоря, подошелъ къ нему, обхватилъ его, поднялъ отъ полу и побѣжалъ съ нимъ изъ толпы въ сѣни. Визгъ и крикъ провожали его. Рахилевичъ, сдавленный на его груди, болталъ ногами, старался въ отчаяніи и безсиліи зацѣпиться обо что-нибудь, выбиться изъ его рукъ и даже нѣсколько разъ мѣтилъ укусить Лазаря Лазарича за щеку, но тщетно. Бросивъ съ крыльца Рахилевича къ Тарханларову, грекъ опять кинулся въ залу. Онъ прыгалъ какъ кошка и бѣшено сверкалъ налитыми кровью и желчью глазами. Тарханларовъ, принявъ Рахилевича, велѣлъ его сейчасъ же связать чьимъ-то поясомъ и сталъ громко читать наставленія бывшимъ у него въ отрядѣ понятымъ. Эти послѣдніе, держа уже такого немаловажнаго плѣнника, какъ Рахилевичъ, хранили молчаніе. Сознаніе силъ и своего значенія къ нимъ возвращалось. Шумъ въ залѣ снова усилился. Теперь тамъ гремѣлъ или скорѣе ревѣлъ безобразный женскій голосъ. «Бей его, стрѣляйте по немъ, стрѣляйте!— кричала Перебоченская: — слышите, я все на себя беру!»— «Ружье въ кабинетѣ!» пугливо отвѣчалъ голосъ Кèбабчи.— «Палашка, Палашка! Гдѣ ты? Ружье принеси изъ кабинета! Убить этого разбойника! убить его!» — «Веревокъ!» не те-

рясь, заревѣлъ толпѣ Лазарь Лазаричъ. Толпа не двигалась въ залѣ. Въ растворенныя двери отъ крыльца сюда заглядывали остальные понятые и также трусили. — «Да что же это, братцы?— отозвался въ смолкнувшей залѣ голосъ Ильи Тàнцура: «овцы мы, что ли? Надо исполнить приказъ его благородія! Вѣдь это царскіе чиновники!..» — «Надо!» подхватилъ изъ-за плечъ Кирилло Безуглый.— «Ахъ, вы мошенники, сволочь, бродяги!— крикнула имъ Перебòченская:— вотъ и отца твоего, Ильюшка, вызову! Палашка, розогъ!»— Илья Тàнцуръ молча выскочилъ на крыльцо, за нимъ Кирилло; они быстро пробѣжали къ конюшнѣ, потомъ опять въ домъ, неся веревки и вожжи.—«Да гдѣ же Палашка!— кричала, между тѣмъ, уже тише Перебòченская: — гдѣ Палашка?»—Въ залѣ вдругъ стало рѣдѣть. Дворня отступала на всѣхъ концахъ. Лазарь Лазаричъ съ кѣмъ-то боролся въ углу залы, между обѣденнымъ складнымъ столомъ и дверью въ коридоръ; пыль столбомъ поднималась тамъ отъ полу: это былъ опрокинутый грудью къ ребру стула Кèбабчи. Раздалась послѣдняя усиленная возня и сдержанные мужскіе стоны: «полноте, мусье, экуте! Что вы дѣлаете? Не троньте меня, отпустите! Ой, пальцы, пальцы! Ногу скрутили, переломите. Слушайте, сто цѣлковыхъ дамъ...»

— Бассама-терèмте-те!— бѣшено рычалъ на это, возясь надъ Кèбабчи, длинноусый грекъ.

Изъ сѣней на крыльцо показалась торжественная процессія. Шестеро дюжихъ понятыхъ, и впереди всѣхъ два есауловскихъ пріятеля, Илья и Кирилло, красные и въ поту, вынесли связаннаго вожжами прапорщика Кèбабчи и положили его на крыльцѣ передъ Тарханларовымъ. Освобожденный отъ рукъ дѣвокъ и бабъ, засѣдатель разсвирѣпѣлъ въ свой чередъ и съ понятыми изъ кучи буяновъ взялъ Хутчèнко, связавъ и ему какимъ-то полотенцемъ назадъ руки. Между тѣмъ, окончательно вошедшій въ ярость и дѣятельность грекъ рѣшительно преобразился: сыпалъ полурусскія, полугреческія ругательства, сверкалъ желтыми бѣлкàми и съ пѣной у рта метался вездѣ, какъ тарантулъ. Изъ-подъ разстегнутаго форменнаго сюртука у него Рубашкинъ замѣтилъ какую-то кожаную сумку и на перевязи будто кинжалъ; чуть ли даже кольчуга не померещилась на грекѣ генералу, хотя, быть-можетъ, кромѣ смиренныхъ помочей, да заношенной красной греческой фланелевой фуфайки, на

немъ ничего и не было. «Герой, Колокотрони да и баста!» невольно подумалъ генералъ Рубашкинъ, глядя на отчаяннаго грека изъ-за спины другихъ и будучи самъ въ свалкѣ сильно помятъ, храня разумный и спокойный нейтралитетъ.

— А, мерзавцы! А, ослушники! такъ вы за тѣхъ, кто не покоряется закону, не хочетъ знать чиновниковъ!—кричалъ на дворню Лазарь Лазаричъ:—вы ослушивались его?

И онъ указалъ на Тарханларова, стоявшаго у крыльца въ кругу окончательно-собранныхъ и готовыхъ теперь на все понятыхъ. Тутъ ужъ было ихъ человѣкъ подъ-сто.

— Маршъ всѣ въ кухню; вонъ до единой души изъ этого разбойничьяго дома! Обо всемъ донесется высшему начальству! Вонъ, собаки... бассама-терёмте-те!

Грекъ стукнулъ ногою по крыльцу, на которомъ, охая, лежалъ Кёбабчи, и дворня, какъ стадо овецъ, бросилась кучами и вразсыпную къ кухнѣ и людской.

— Что̀ прикажете дѣлать теперь?—съ особеннымъ, умышленнымъ почтеніемъ и даже раболѣпіемъ спросилъ Лазарь Лазаричъ Тарханларова, вытянувшись и держа руки по швамъ.—Приказаніе вашего высокоблагородія исполнено: гг. Рахилевичъ, Кёбабчи и Хутчѐнко арестованы; прикажете арестовать и г-жу Перебо̀ченскую? Но смѣю еще прибавить, что эти два понятыхъ (онъ указалъ на Илью и на Кирилла) были главными и лучшими моими помощниками.

Тарханларовъ важно взошелъ на крыльцо. Грекъ почтительно опустился внизъ къ понятымъ. На дворѣ, между тѣмъ, темнѣло окончательно. Слова «арестовать Перебо̀ченскую» произвели магическое впечатлѣніе на понятыхъ, мыслившихъ въ это время: «неужели найдется та рука на свѣтѣ, чтобы могла покорить и эту бѣдовую барыню?»

— Сотскіе и десятскіе впередъ!—скомандовалъ Тарханларовъ, Юпитеромъ рисуясь на площадкѣ крыльца.

Вызванные выступили къ крыльцу.

— Разборка тѣмъ изъ васъ, негодяи, кто опоздалъ и кто потомъ не слушалъ первыхъ моихъ приказаній, будетъ послѣ. Есауловскимъ понятымъ объявляю мою благодарность. Отчего такъ поздно сошлись понятые? Сотскіе! вашъ отвѣтъ?

— Мы отъ станового ничего не получали, а явились по вашимъ уже повѣсткамъ, ваше высокоблагородіе.

Тарханларовъ, желая еще болѣе придать силы своему опрокинутому-было значенію, крикнулъ засѣдателю:

— Записать все это въ протоколъ!—и прибавилъ:—отрядить часть понятыхъ на всю ночь въ здѣшній садъ къ садовымъ окнамъ дома, а часть къ окнамъ во дворъ. По два къ каждому окну! Лазарь Лазаричъ! Вы извольте принять этихъ гг. дворянъ подъ собственный вашъ надзоръ на ночь; надо бы ихъ посадить... куда бы?

— Въ сарай-съ... сѣна туда можно принести для постелей.

— Нѣтъ, въ людскую... извольте ихъ посадить въ людскую! Господа! вы отдадите во всемъ отчетъ высшему начальству за ваше буйство, за возмущеніе понятыхъ и за поведеніе ваше противъ меня.

— Посмотримъ! — сказалъ попрежнему развязно, хотя уже тише, юный Рахилевичъ: — развѣ ошибиться нельзя было?

Дворянъ повели въ людскую. Вокругъ дома поставили густые караулы.

— Да нельзя ли насъ накормить ужиномъ, г. совѣтникъ?—спросили дорòгой, идя подъ арестъ, Кèбабчи и Хутчѐнко.

— Ужинъ вамъ, господа, будетъ послѣ, въ острогѣ!—значительно перебилъ ихъ Тарханларовъ.

— Вотъ тебѣ и чи-чи-чи, ко-ко-ко! — шепнулъ товарищамъ трухнувшій прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ прапорщикъ Кèбабчи, когда грекъ ихъ запиралъ на ключъ въ людской и ставилъ возлѣ узенькихъ оконъ этой избы и у дверей особенно сильный караулъ, зорко обнюхивая каждое бревно и каждый уголъ. До нѣкоторыхъ вещей грекъ, какъ осторожный таракапъ въ поискахъ пищи, даже будто дотронулся носомъ и концомъ своихъ огромныхъ усовъ.

Самъ же Тарханларовъ, засѣдатель и Рубашкинъ, съ отборными стариками изъ понятыхъ, вошли въ домъ и узнали отъ знаменитаго дромадера Палашки, подъ предводительствомъ которой дѣвки связали-было засѣдателя, что барынѣ дурно и что она заперлась въ спальнѣ. Чиновники предложили ей выйти къ нимъ и присутствовать при описи вещей и, когда она отказалась, стали сами производить опись. Рубашкинъ, все еще потирая себѣ сильно помятые въ суматохѣ бока и чьимъ-то сапогомъ оттоптанныя мозоли, не захотѣлъ, однако, тотчасъ принимать дома съ прочею утварью, а попросилъ все опечатать и сдать пока на руки

земской полиціи, т.-е. засѣдателя съ сотскими, а Перебоченскую утромъ отсюда вывезти, по точному смыслу инструкціи губернатора. Домъ и мебель скоро были описаны. Пошли съ фонарями въ амбары, въ сарай, въ батрацкія избы, вездѣ. Описали и тамъ все, заставляя сотскихъ считать всякую движимость. Поляка-приказчика Жукотыньскаго понятые нашли полумертвымъ отъ страха гдѣ-то на чердакѣ птични. Онъ оказался тутъ же, по собственному признанію, безпаспортнымъ мѣщаниномъ изъ Польши, совершенно потерялся, сталъ просить о помилованіи, упалъ на колѣни, ломалъ себѣ руки, взывалъ къ Іезусу и Маріи и вызвался выдать все имущество Перебоченской. Тарханларовъ, видя эту жидкую на расправу личность, приказалъ есауловскому десятскому взять мнимаго шляхтича на веревочку, какъ бродягу и наглеца, солгавшаго цѣлому околотку, и, въ назиданіе другимъ, водить его такъ при описаніи имущества Перебоченской. Комнаты, сундуки, шкапъ и кладовыя, наконецъ, опечатали. Рахилевичъ въ окно вымолилъ позвать грека, доказалъ ему, что безъ папироски и безъ ѣды онъ умретъ, а что безъ ужина и самимъ чиновникамъ плохо будетъ спать, и настоялъ на томъ, что отыскали-таки въ общей суматохѣ повара хозяйки и заказали кое-какой ужинъ.

Зала въ домѣ была обращена въ канцелярію. Изъ понятыхъ оказалось двое весьма грамотныхъ, именно тѣ же флейтистъ Кирилло Безуглый и есауловскій садовникъ. Танцуръ, помогавшіе арестовать сильнаго буяна Кебабчи. Тарханларовъ ихъ отрядилъ въ помощь засѣдателю писать копіи съ журналовъ, съ протоколовъ и съ извѣщеній и для переписки къ рукоприкладству по именамъ всѣхъ понятыхъ, которымъ совѣтникъ велѣлъ также приготовить ужинъ, и, переписавъ и накормивъ ихъ, ни одного отнюдь не отпускать по домамъ. Садовникъ Илья Танцуръ, главный герой послѣ грека въ арестованіи Кебабчи, оказался грамотнѣе флейтиста, и засѣдатель предложилъ, чтобы онъ, по отобраніи рукъ отъ понятыхъ, вездѣ за всѣхъ, какъ это водится, и росписался. Тарханларовъ согласился. Перья заскрипѣли; понятыхъ переписали; они расположились у оконъ, у дверей дома и у людской. Дворня также была вся переписана по именамъ и съ поникшими головами сошлась въ кухню шептать о томъ, какихъ беззаконій они надѣлали

сдуру и что съ ними будетъ. Грекъ предложилъ арестовать до утра и всю дворню барыни. Сперва-было Тарханларовъ это отвергнулъ, но потомъ согласился, и у кухни поставили также караулъ. Перебоченская сидѣла, между тѣмъ, въ спальнѣ, запершись тамъ съ горничною. Рубашкинъ подходилъ къ ея двери въ коридорѣ и смотрѣлъ въ замочную скважину. Барыня оказалась сидящею передъ столомъ на кровати. Она плакала; вѣрный стражъ ея, Палашка, стояла передъ нею и также плакала.

— Пойти бы, однако, къ ней!—сказалъ Рубашкинъ, прогуливаясь по саду съ совѣтникомъ.

На дворѣ была уже ночь.

— Нѣтъ, пусть прежде подготовятъ остальныя бумаги. Я предложу ей скрѣпить всѣ описи ея рукою; если она откажется, то по закону, при особомъ объ этомъ протоколѣ, за нее подпишемъ мы, чиновники, и тогда посадимъ ее въ ея же тарантасъ и рано на зарѣ, за конвоемъ, вывеземъ съ этой земли...

— А какъ она опять ворвется сюда?

— Тогда вамъ останется обзавестись однимъ... именно пушками!—сказалъ шутя Тарханларовъ, ощупывая, между тѣмъ, рукою въ карманѣ брюкъ револьверъ:—и храбро отбиваться отъ нея, какъ отбивались тутъ недавно еще наши предки отъ предковъ нынѣ мирныхъ нашихъ сосѣдей—татаръ! Едва я ее вывезу, мои полномочія кончатся... Но я надѣюсь, что теперь уже она сдастся... Главные помощники ея разбиты и обезславлены въ глазахъ всѣхъ теперь навсегда!

Собесѣдники подошли къ краю сада, гдѣ стояла голубятня, знакомая Рубашкину. Генералъ напомнилъ объ этомъ Тарханларову.

— Отлично! Надо бы увидѣть, однако, эту Фросю!—сказалъ совѣтникъ:—она лицо обиженное; нельзя ли отъ нея вывѣдать еще чего-нибудь объ имуществѣ, взятомъ нами штурмомъ у этой сатрапихи? Надо крикнуть грека!

Грека собесѣдники нашли у оконъ людской на стулѣ. Онъ сердито сопѣлъ и курилъ изъ длиннаго витого чубука. Переговоря съ совѣтникомъ, онъ изъ кухни въ садъ прислалъ съ сотскимъ требуемую Фросю.

— Не плачь, милая, ничего не бойся! скажи, какъ была эта исторія у тебя съ голубятней?

Горничная ободрилась и все разсказала.

— Есть еще одно дѣло!—прибавила она, пугливо озираясь.

— Что ты? Говори, не бойся.

— Коли на то пошло, ваше благородіе, знайте, все скажу. Пусть не срамятъ насъ... барыня поѣдомъ заѣла всѣхъ...

— Ну?

— Барыня черезъ Палашку достала водки и караульныхъ возлѣ дома два раза уже поила. А сама Палашка, съ какимъ-то письмомъ барыни, вышла сію минуту со двора, требовала лошадь тутъ у одного понятого съ повозкой, тотъ не далъ, и она пѣшкомъ полемъ куда-то пошла. Должно быть, въ хутора за Лихой, а оттуда найметъ подводу-съ...

— Спасибо тебѣ, душенька,—сказалъ Тарханларовъ:— вотъ тебѣ цѣлковый. Ступай и все намъ говори, что еще узнаешь...

Фрося ушла.

— А! Каково! вотъ вамъ и наши средства, наши силы въ подобной глуши!—сказалъ совѣтникъ генералу, который, между тѣмъ, думалъ: «однакоже, эта дѣвочка, тово... хорошо бы ее отбить у флейтиста, хоть онъ, правда, и помогъ намъ тутъ. Поселюсь, увижу»...

Опять поднялась суматоха. Понятыхъ перебрали. Часть ихъ уже была навеселѣ. Ихъ замѣнили тѣми, которые были у амбаровъ. Лазарь Лазаревичъ донесъ, что два батрака верхами ускакали также куда-то еще въ то время, когда онъ вязалъ прапорщика Кёбабчи.

— Гдѣ этотъ Жукотыньскій?—спросилъ Тарханларовъ.

— Въ погребѣ, въ подвалѣ, я его туда заперъ.

— Позовите его; надо начать переговоры съ барыней. Бумаги кончаются... Полякъ запуганъ, сталъ уже «падать до ногъ», такъ онъ на свою былую хозяйку можетъ произвести хорошее вліяніе...

Пошли съ фонаремъ къ подвалу. Часовые съ дубинкою стояли у дверей, но полякъ тоже исчезъ...

— Э, да что же это, наконецъ, дѣлается?—сказалъ Тарханларовъ.—Хвороста сюда! Разложите осторожно костры среди двора. Свѣтлѣе и дальше будетъ по двору видно. Фонарей сюда къ крыльцу. Какъ тебя звать, садовникъ?

— Илья Танцуръ...

— Ну, отбирай руки у понятыхъ. Зови ихъ сюда частями. Слушайте о томъ, что вы будете подписывать...

Тарханларовъ шепнулъ Ильѣ, чтобъ тотъ поговорилъ съ понятыми, и приказалъ засѣдателю громко прочесть формальные акты всему ходу дѣла, первому появленію чиновниковъ въ этомъ домѣ, буйству хозяйки и ея знакомыхъ дворянъ, аресту ихъ и, главное,—сопротивленію властямъ и оскорбленію совѣтника и другихъ чиновниковъ, во время отправленія ими своихъ обязанностей. Понятые выслушали. Илья съ Кириллой уговаривали ихъ слушаться совѣтника и не бояться никого.

— Такъ все тутъ написано, какъ было?

— Такъ... точно такъ, ваше высокоблагородіе...

— Давайте руки Ильѣ Танцуру... Согласны? Вы его знаете и вѣрите ему?

— Согласны, знаемъ его и вѣримъ ему...

Понятые, вздыхая и почесываясь, дали руки. Илья за нихъ подписалъ акты. Были призваны другіе изъ понятыхъ, всѣ сотскіе и десятскіе. Подписали, наконецъ, всѣ.

Къ Тарханларову подошла какая-то плачущая баба въ платкѣ и объявила, что барыня проситъ его къ себѣ въ спальню. Совѣтникъ попросилъ Рубашкина, засѣдателя и грека ждать въ залѣ и явиться къ нему по первому зову, а самъ пошелъ къ хозяйкѣ.

Онъ засталъ ее на диванѣ. Лампада слабо освѣщала комнату; свѣчки въ комнатѣ уже не было. Со стула возлѣ Перебѣченской поднялся какой-то толстый, черномазый человѣкъ, родъ мѣщанина.

— Это кто?

— Извините, что безъ васъ я приняла его:—это есауловскій приказчикъ пришелъ меня, бѣдную, провѣдать, Романъ Танцуръ.

— Кто же тебя сюда пропустилъ?—спросилъ Тарханларовъ, думая: «Какъ это все дѣлается тутъ? Горничная ушла мимо сторожей; явилась къ плѣнницѣ снова посторонняя баба, а тутъ этотъ приказчикъ!..»

Романъ Танцуръ смолчалъ, смиренно потупившись, и только поклонился.

— Господинъ совѣтникъ! — начала жалобно Перебѣченская и встала, судорожно потрясая ридикюлемъ:—мы здѣсь одни...

— Что вамъ угодно?

— Вотъ-съ, возьмите триста цѣлковыхъ... прекратите дѣло.

— Что вы, сударыня! опомнитесь!..

— Вотъ возьмите тысячу! Вотъ, вотъ... возьмите...

Перебоченская дрожащими руками стала наскоро вынимать изъ ридикюля пачки депозитокъ.

— Вы снова оскорбляете меня, сударыня! Я долженъ донести и объ этомъ...

Ридикюль упалъ изъ рукъ барыни.

— Романъ, притвори на ключъ двери, — шепнула барыня приказчику и кинулась изъ-за стола.

Ключъ щелкнулъ. Совѣтникъ хотѣлъ крикнуть, полагая, что его сейчасъ убьютъ, и выхватилъ изъ кармана револьверъ.

— Оставьте... Ни шагу съ мѣста! — сказалъ онъ и взялся за грудь Романа.

— Что вы, что вы! — вскрикнула барыня: — я не то! Я на колѣни передъ вами, какъ передъ Богомъ! Двѣ тысячи, пять... если хотите...

Она упала въ ноги совѣтнику и чепцомъ стукнулась объ полъ.

— Баринъ, сжальтесь надъ Палагеей Андреевной! — прибавилъ изъ угла блѣдный, какъ стѣна, Романъ Танцуръ.

Въ умѣ Тарханларова соблазнительно мелькнула сумма пять тысячъ... Но разбитый високъ и запорошенные, все еще болѣвшіе глаза напомнили ему объ испытанныхъ имъ за часъ неслыханныхъ оскорбленіяхъ.

«Пустое! Эти деньги можетъ дать и самъ Рубашкинъ, какъ оправится, при случаѣ! — быстро добавилось у него въ умѣ, а память подсказала, что въ свалкѣ кто-то еще ухватилъ его даже за шиворотъ и чуть ли, наконецъ, онъ не получилъ толчка по шеѣ. — Нѣтъ! — рѣшилъ онъ быстро, — все надо сдѣлать гласнымъ! И публиковать объ этомъ арестѣ буяновъ, взятыхъ почти на абордажъ, слава будетъ не послѣдняя по службѣ: да не безъ того, что и они при слѣдствіи станутъ откупаться!» — прибавило соображеніе совѣтника.

— Господа! — крикнулъ Тарханларовъ засѣдателю и генералу изъ спальни, возвышая голосъ: — господа, пожалуйте сюда!

Перебоченская билась головой объ полъ и ловила совѣтника руками и губами за ноги. Онъ, однако, шагнулъ къ двери, отперъ ее, сказалъ приказчику:

— А ты, негодяй, уноси отсюда пятки, да забудь навѣки, что слышалъ тутъ, а иначе и тебя я привлеку къ слѣдствію! за твоего сына только тебѣ и прощаю! — и выскочилъ изъ коридора въ залу, откуда готовился ему на подмогу оставленный арьергардъ.

Лазарь Лазаричъ, заслыша его голосъ, выскочилъ на крыльцо и звалъ опять понятыхъ, сотскихъ и десятскихъ. Въ двухъ словахъ передалъ Тарханларовъ Рубашкину о своемъ свиданіи съ Перебоченской, остановилъ распоряженія грека, взялъ только еще двухъ-трехъ надежныхъ понятыхъ, и всѣ вошли въ спальню хозяйки. Романа Танцура тамъ уже не было.

«Какъ бы, однако, арестовать ея деньги?» — подумалъ Тарханларовъ и сказалъ громко, подступая къ барынѣ:— Сударыня! пожалуйте ваши деньги! Мы должны ихъ также арестовать для разсчета вашего съ владѣльцемъ имѣнія... Сколько у васъ на-лицо имѣется денегъ?

— Денегъ?—спросила, изумившись, барыня:—у меня денегъ нѣтъ...

Кинулись къ ея ридикюлю, осмотрѣли комодъ, всѣ углы: деньги исчезли. Или онѣ провалились сквозь землю, или были переданы въ окно, во время краткаго отсутствія совѣтника изъ спальни, или ихъ унесъ есауловскій приказчикъ.

— Знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю!— отвѣтила спокойно Перебоченская на новый разспросъ о деньгахъ, поправляя чепецъ и опять принявъ видъ тщедушной нищенки.—Я давно разорена-съ... и денегъ въ домѣ не имѣю и ста рублей!

Осмотрѣли окно. Оно было плотно затворено и приперто снаружи ставней. Погнали въ погоню за исчезнувшимъ приказчикомъ, но не догнали и его.

— Бросьте теперь его; нечего его болѣе звать сюда!— рѣшилъ совѣтникъ: — запрется также, навѣрное, во всемъ, а деньги, если ихъ унесъ, сумѣетъ спрятать!

Внесли въ спальню свѣчи. Грекъ еще перешарилъ всѣ углы, въ печку даже подъ заслонки заглядывалъ. Усы его шевелились, какъ у таракана. Мозолистыя руки дрожали.

Кусокъ красной фуфайки выглядывалъ изъ-подъ жилета, а на затылкѣ торчали завязки съѣхавшей на бокъ манишки. Сумма, которую видѣлъ совѣтникъ, исчезла. Въ комодѣ, однако, нашли въ мѣшочкѣ горсти двѣ мѣдныхъ денегъ, часть серебра и двѣ депозитки по пятьдесятъ цѣлковыхъ. Грекъ поднесъ ихъ къ свѣчѣ и крякнулъ. Понятые не отходили отъ него.

— Гм! Медвѣжьи, фальшивыя-съ, изъ Нахичевани... Гдѣ, сударыня, вы взяли ихъ?—спросилъ грекъ, бѣшено вращая бѣлками и подзывая знаками Тарханларова.

— Мало ли откуда попадутъ. Для косарей мелочь я держала; должно быть, отъ сгонщиковъ какихъ съ Черноморья завезли...

— А вы видѣли, что я точно всѣ эти ассигнаціи изъ этого комода вынулъ?—спросилъ грекъ понятыхъ.

— Видѣли! Мы и развязывали мѣшочекъ!— отвѣтили понятые.

Грекъ показалъ депозитки Тарханларову. Совѣтникъ объ этой находкѣ велѣлъ составить также актъ, хоть этому на первый разъ онъ мало, повидимому, приписывалъ важности, среди другихъ событій того дня и вечера. Фальшивыхъ ассигнацій тогда множество ходило въ томъ околоткѣ, и розыски о нихъ даже пріѣлись чиновникамъ. Совѣтникъ болѣе всего раздумалъ о тайныхъ гонцахъ барыни, прорвавшихся куда-то съ ея письмами, и это его очевидно безпокоило. Лазарь Лазаричъ одинъ сразу сильно задумался надъ случайною находкой и молча прошелъ въ залу. Тамъ онъ сталъ шептаться съ Рубашкинымъ.

— Да!—повторилъ генералъ, кончая греку разсказъ обо всемъ, что̀ слышалъ прежде мелькомъ касательно скораго обогащенія Перебо̀ченской на покупкѣ гуртовъ въ Черноморьи и на ея сношеніяхъ съ есауловскимъ приказчикомъ.— Я и самъ полагаю, что чуть ли это не новая исторія; и мнѣ кажется, что этотъ Романъ Та̀нцуръ и Перебо̀ченская лѣтъ десять назадъ навѣрное прихватили, въ свою поѣздку въ Нахичевань, значительную сумму этихъ медвѣжьихъ ассигнацій...

— Я это все зарублю у себя на носу! — сказалъ Ангелъ:—а вы знаете, какъ мой греческій носъ еще длиненъ, несмотря на то, что я значительно обрусѣлъ на моей новой родинѣ...

Писавъ копію съ акта о найденныхъ депозиткахъ для немедленнаго извѣщенія объ этомъ губернатора и жандармскаго генерала, сильно задумался надъ этой бумагой и есауловскій садовникъ, Илья Танцуръ.

Тарханларовъ оставилъ Перебѣченскую, которая, разумѣется, отказалась отъ всего и не подписала ни одной изъ прочтенныхъ ей бумагъ. Онъ попросилъ ее только не покушаться на что-нибудь противозаконное и оставилъ ее до утра, лично еще разъ съ другими осмотрѣвъ, припугнувъ и ободривъ караулы.

Чиновники и генералъ наскоро поужинали и бивуакомъ, на притащенномъ въ залу сѣнѣ, легли въ повалку спать.

Они говорили что-то долго.

Въ лакейской на стѣнѣ пробило два часа ночи. Огни вездѣ погасли. Часовые лежали по назначеннымъ мѣстамъ въ саду и на дворѣ кучами или прохаживались и перекликивались, какъ на сторожевыхъ форпостахъ казаки, ожидая нападенія на степные пикеты киргизовъ или коканцевъ. А Рубашкинъ, долго не засыпая и потирая бока и мозоли, думалъ:

«Какой чортъ, однако, занесъ меня въ эту глушь! Какъ я могъ такъ скоро подать въ отставку, бросить выгодную службу! Чѣмъ я тутъ вознагражу былое, теперь далекое? И какъ я могъ такъ вдругъ рѣшиться? Сорокъ лѣтъ служилъ, былъ дѣльнымъ человѣкомъ, добился тамъ почету... всего... уваженія и вдругъ! Да и проклятое же время! Сколькихъ оно такъ подмыло и осрамило... Мальчишки! Взрослыхъ какъ надуваютъ прогрессомъ... И что подумаютъ теперь обо мнѣ въ Петербургѣ, какъ узнаютъ все? Вотъ тебѣ и степи, и областная практика!»

Оглавленіе

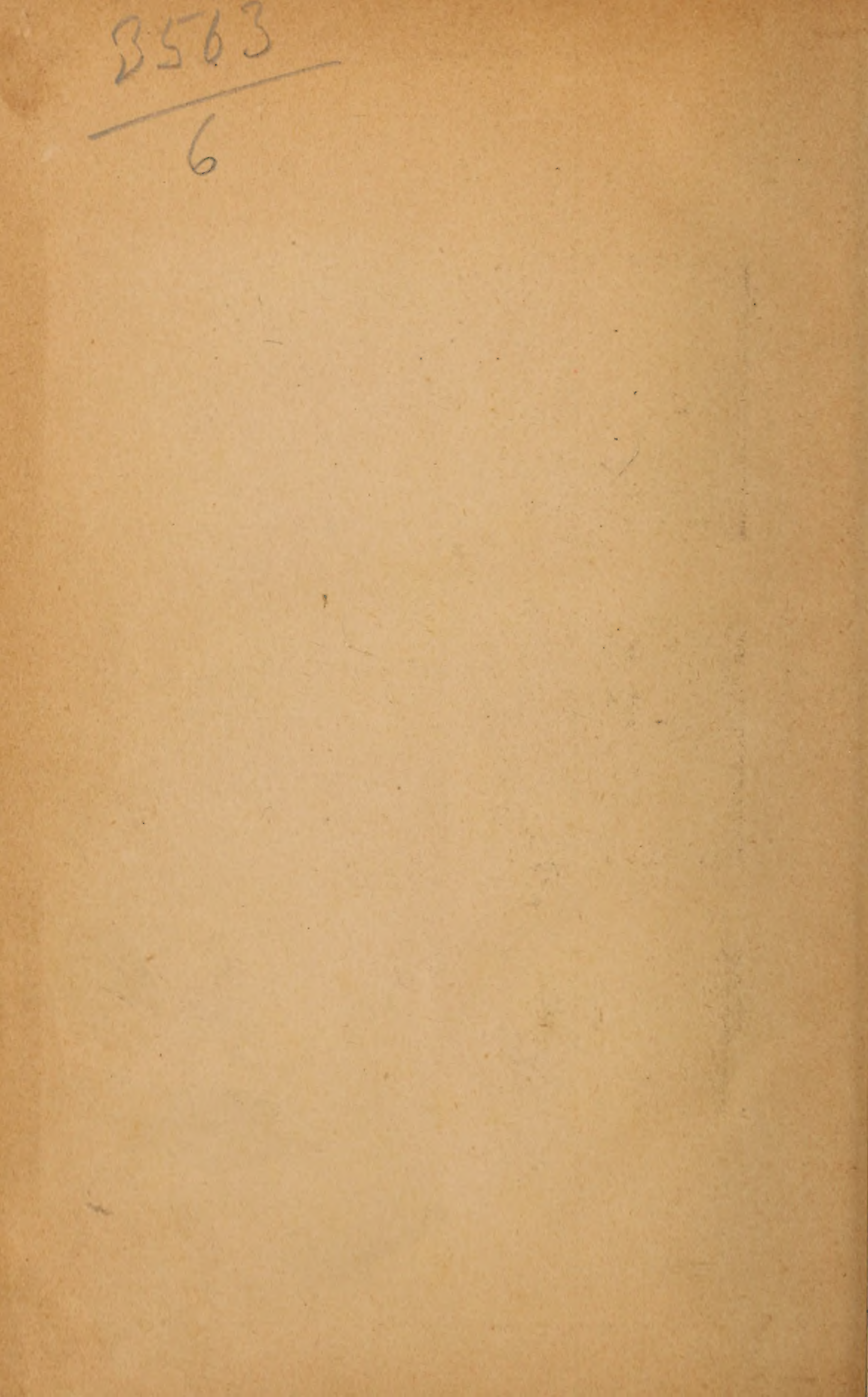
II ТОМА.

Бѣглые въ Новороссіи. Романъ.

Часть вторая. **Въ силкахъ.**

Воля. (Бѣглые воротились.) Романъ.

Часть первая. **Родныя гнѣзда.**

3563
6

FL. 5-2-58

University of Toronto Library

DO NOT REMOVE THE CARD FROM THIS POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

LR
D1867.2

644875
Danilevsky, Grigory Petrovich
Сочиненія. Изд. 8., посмертное.
т. 1-2.
[Translit.: Sochineniya]

NAME OF BORROWER
DATE

